П. И. БОРИСОВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТА П. И. БОРИСОВА

ПЕТР ИВАНОВИЧ БОРИСОВ

Художник Н.А. Бестужев
1830-е годы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХИВ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик В.С. Мясников (председатель)
кандидат исторических наук Н.В. Бойко (ученый секретарь)
академик Г.М. Бонгард-Левин
доктор исторических наук В.Д. Есаков
кандидат технических наук Э.П. Карпеев
член-корреспондент РАН В.П. Козлов
доктор исторических наук Б.В. Левшин
академик И.М. Макаров
доктор экономических наук В.М. Орел
академик Н.А. Платэ
доктор исторических наук Е.В. Соболева
академик Б.С. Соколов
доктор химических наук Ю.И. Соловьев
академик Российской академии образования С.О. Шмидт

МОСКВА «НАУКА»
2002

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 29

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТА П. И. БОРИСОВА

Составители:
кандидат географических наук О.А. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ,
К.С. КУЙБЫШЕВА,
доктор географических наук В.К. РАХИЛИН,
Н.И. САФОНОВА

Ответственный редактор
академик В.С. МЯСНИКОВ

МОСКВА «НАУКА»
2002

УДК 59
ББК 28.693.35
Е 86

Рецензенты:
доктор биологических наук *Р.Л. Потапов*,
доктор биологических наук *А.Г. Назаров*,
доктор биологических наук *В.М. Константинов*

Цветные рисунки воспроизведены при финансовой поддержке РОФ "Вереск".

Естественнонаучное наследие декабриста П.И. Борисова. – М.: Наука, 2002. – 430 с.: ил. – (Науч. наследство; Т. 29).
ISBN 5-02-002767-7

Впервые публикуются труды декабриста по орнитологии, ботанике и энтомологии. Все годы каторги и ссылки П.И. Борисов работал над составлением флоры и орнитологической фауны Забайкалья и Прибайкалья. Неотъемлемой частью его естественнонаучного наследия являются созданные им атласы растений, птиц и насекомых. Все известные ныне научно достоверные изображения этих природных объектов работы П.И. Борисова подверглись анализу современных ботаников, орнитологов и энтомологов, результаты которого нашли отражение в Каталоге акварелей. Издание естественнонаучных произведений этого труженика науки откроет читателям новое яркое лицо в истории отечественного естествознания.

Для историков естествознания, ботаников, орнитологов, энтомологов, декабристоведов, всех, кто интересуется историей отечественной культуры.

ТП-02-I-246
ISBN 5-02-002767-7

© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Научное наследство"
(разработка, оформление),
1948 (год основания), 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые публикуемое научное наследие декабриста П.И. Борисова, которое удалось выявить, расшифровать и прокомментировать благодаря многолетней работе целого коллектива разных специалистов, позволяет ныне открыть новое яркое лицо в истории отечественного естествознания. Предлагаемая читателю книга продолжает начатое в серии "Научное наследство" издание естественнонаучного наследия декабристов. В 1995 г. вышел в свет 24-й том серии, представивший читающей публике труды Г.С. Батенькова, Н.А. Бестужева, М.А. Бестужева и К.П. Торсона по философии естествознания, географии, технике и пр. Вместе они дают возможность поиному осмыслить вклад декабристов в развитие отечественной культуры.

Масштаб и значимость научного творчества одного из основателей тайных обществ Друзей природы и Соединенных славян П.И. Борисова, философа, натуралиста и художника поразительны. Уже в программных документах этих обществ, автором которых он был, научное изучение природы провозглашено одним из главных принципов общественного развития и общественного служения. На этом принципе он основывался и после разгрома декабристского движения все долгие годы каторги и ссылки.

Фундаментальный труд П.И. Борисова по орнитологии Забайкалья и Прибайкалья, состоящий из обширной рукописи и атласа птиц, – первый опыт создания региональной сводки орнитологической фауны, или, как сам он называл ее, "фавны Восточной Сибири". По своему значению она сродни сводке байкало-даурской флоры Н.С. Турчанинова, составившей целую эпоху в отечественном естествознании. Изучение Борисовым березовых пилильщиков (насекомых-паразитов, объедающих березовую листву) почти на столетие опередило систематические их исследования, которые развернулись в Восточной Сибири лишь в 20-е годы XX в. Его попытки ввести элементы экологического подхода в изучение орнитологической фауны этого региона также, несомненно, имеют пионерный характер. Быть может, это стало возможным потому, что он одним из первых вел, пусть вынужденно, многолетние стационарные исследования, которые касались не только орнитологии и энтомологии, но и ботаники и метеорологии. Такое комплексное и продолжительное изучение сравнительно ограниченных пространств позволяло постоянно наблюдать связи живых организмов со средой, что нашло свое отражение и в текстах и в атласах.

Лишь небольшая часть трудов П.И. Борисова опубликована. Трижды издавался трактат "О происхождении планет": в "Избранных социально-политических и философских произведениях декабристов" (Т. 3. М., 1951. С. 79–84), в 4-м томе "Антологии мировой философии" (М., 1972. С. 70–76) и в книге "Радищев и декабристы" (М., 1986. С. 216–219). Многолетние ежедневные метеорологические наблюдения безымянными вошли в капитальную классическую сводку Г.И. Вильда "О температуре воздуха в Российской империи" (СПб., 1882). Наконец, с высоким качеством воспроиз-

ведены все ныне выявленные акварели естественнонаучного содержания (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Акварели декабриста П.И. Борисова. М.: Искусство. 1986), в "альбомной" системе, принятой в искусствознании, далекой от естественнонаучной систематики, без текстов и определений, без которых они теряют научную значимость. Значение выхода в свет этой книги трудно переоценить. Она успешно ввела в свет Борисова-художника, но не ученого. Тогда как в творчестве декабриста научное познание природы неразрывно с научно достоверным и художественным воплощением его непосредственных полевых наблюдений за такими природными объектами, как птицы, насекомые и растения, а также с аналитической работой систематика и эколога.

Существенное значение в научном наследии П.И. Борисова имеют его письма сестрам, которые содержат яркие, научно достоверные описания мест, где он был на каторге и в ссылке. Письма опубликованы, но разбросаны по разным изданиям. Выдержки из некоторых приведены во вступительной статье настоящей книги. Там же дан краткий обзор материалов, связанных с его занятиями в области гуманитарных наук.

В настоящее издание вошли: фундаментальный, но незаконченный труд "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" (текст и атлас), к которому примыкает небольшая серия акварелей с изображением мелких млекопитающих, составляющих пищу хищных птиц; труды по флористике – атлас без авторского названия, "Букет Восточной Сибири" и "Очерк изящной флоры Забайкальского края", а также труды по энтомологии, в том числе 10 из 12 листов с изображением метаморфоза насекомых и записка о муравьях (до того в русской литературе не было упоминаний вообще о муравьях в Сибири).

Изобразительные материалы, составляющие существенную часть естественнонаучного наследия П.И. Борисова, представлены в книге лишь частично (всего 129 из 462 акварелей), по одному представителю рода genera по Борисову, причем отдельные представители в более полном составе: для птиц – самец, самка, птенцы, гнездо; для растений – отдельно ветви с цветами и ветви с плодами. В связи с тем, что частичная публикация каждого атласа сопровождается полным перечнем входящих в него рисунков, мы отказались при воспроизведении акварелей от авторских и современных названий в подрисуночных подписях, оставив там ссылку на номер аннотации в каталоге, где читатель получит более развернутую информацию. В ходе изучения выявленного изобразительного материала все акварели подверглись анализу, к которому были привлечены ботаники, орнитологи, энтомологи и другие специалисты-зоологи из разных научных центров. Это позволило создать публикуемый нами полный каталог всех акварелей с точной идентификацией всех видов изображенных на них растений и животных по современной системе, что придает ему самостоятельную научную ценность.

Разрозненное по разным хранилищам, дошедшее до наших дней далеко не полностью научное наследие П.И. Борисова потребовало от составителей написания специальных исследовательских статей, составивших отдельный раздел книги, в которых приводятся результаты анализа выявленного наследия, с учетом проведенной систематиками работой при создании каталога. Подробное археографическое изучение рукописи "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" позволило выявить разновременные варианты текста, входящие в ее состав, восстановить авторский порядок описаний,

привязать описания к акварелям Атласа и предложить читателю убедительную реконструкцию труда. Сложность работы с рукописью привела к появлению обширного корпуса примечаний текстологических, археографических, общеисторических и специальных, связанных с естественнонаучным содержанием этого большого сочинения.

Подготовка текста "Орнитологической фавны...", составляющего основную часть настоящего издания, осуществлена К.С. Куйбышевой и Н.И. Сафоновой. Им же принадлежит археографический, общеисторический и текстологический анализ рукописи, а изучение собственно орнитологического содержания – В.К. Рахилину. "Записка о муравьях" подготовлена к печати И.С. Калантырской. Она же является автором общеисторических и текстологических примечаний к этой работе, а специальные примечания сделаны Г.М. Длусским. Примечания к атласам выполнены О.А. Александровской. Она же составила каталог акварелей.

Передача текстов названных трудов П.И. Борисова осуществлена по современным правилам издания исторических источников в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. Сохранены присущие языку П.И. Борисова некоторые слова, такие, например, как "фавна", "индивидуй", "организированные", "естествопознание", "гастрические", "осемь", "генварь", "накось", "исподи", "простее" и "стадо птиц" вместо "стаи". Отчасти учтено и то, что П.И. Борисов любил пользоваться точкой с запятой и писать многие термины с большой буквы. В частности, как правило, он писал с большой буквы такие важные для него понятия, как "Наука", "Организация" и т.п. Сохранена авторская разбивка текста на абзацы. Авторские шмуцтитулы переведены в текст. Колонтитулы опущены. Вся правка рукописи, принадлежащая П.И. Борисову, выделена светлым курсивом. Правка И.Д. Булычова, первого владельца рукописи, отмечена в примечаниях.

Круглые скобки являются авторскими, квадратными – выделяются дополнения, внесенные публикаторами. Подчеркивания автора, имеющиеся в рукописи, сохранены и отдельно не оговариваются. В конце описания каждого вида птиц имеется запись П.И. Борисова, в которой указываются номера рисунков в его тетрадях и по Атласу, который должен был, по мысли автора, сопровождать его труд. Нами введены отсылки на номера соответствующих акварелей по публикуемому в настоящем издании Каталогу, которые выделены полужирным шрифтом.

Мы сочли уместным поместить в приложении басню "Филин и зяблик", единственное известное в настоящее время поэтическое произведение декабриста, персонажи которой столь близки натуралисту П.И. Борисову.

Выражаем благодарность всем, кто проявлял интерес к трудам П.И. Борисова, кто помогал нам готовить их к печати, консультировал, делился советами и предложениями. Десятки людей искренне и бескорыстно дарили свое время, знания и способности, чтобы осмыслить и оценить наследие декабриста адекватно его значению. Здесь и хранители рукописей и акварелей – сотрудники Научной библиотеки МГУ, Отдела рукописей РГБ, Государственного исторического музея, Государственного литературного музея, Центрального государственного архива литературы и искусства в Москве, Ботанического института РАН и Всесоюзного музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, музея декабристов в Новоселенгинске, систематики из Зооло-

гического музея МГУ, Ветеринарной академии, Главного ботанического сада РАН в Москве, Новосибирского ботанического сада, Гербария Томского университета, Института биологии Бурятского филиала СО РАН и многие другие, чьи имена читатель найдет на страницах этой книги. Мы признательны многочисленным рецензентам и консультантам, которые на разных этапах исследования и подготовки к публикации трудов декабриста помогли разобраться с самыми неожиданными вопросами, вставшими перед публикаторами.

Особая благодарность С.Р. Микулинскому, инициатору подготовки к изданию естественнонаучного наследия декабристов, который, к сожалению, уже не увидит этого тома серии "Научное наследство", и сотрудникам ИИЕТ РАН, по мере сил помогавших нам.

Мы признательны также Н.В. Бойко, ученому секретарю серии "Научное наследство", за тщательную археографическую проверку публикуемых рукописей П.И. Борисова.

Составители

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.И. БОРИСОВА

Петр Иванович Борисов принадлежит к числу выдающихся деятелей первого поколения русских революционеров, он один из основателей общества Соединенных славян, философ, натуралист и художник. С введением в научный оборот публикуемых в данном томе серии "Научное наследство" трудов П.И. Борисова станут понятными масштаб и значение его научного наследия, в создании которого принимал участие и его брат А.И. Борисов. Неразлучные братья всегда действовали совместно, главная же роль принадлежала младшему их них, Петру Ивановичу, Борисову 2-му[1].

Петр Иванович Борисов (1800–1854) и Андрей Иванович Борисов (1798–1854) – сыновья Ивана Андреевича Борисова, офицера Черноморского флота, в 1804 г. вышедшего в отставку. И.А. Борисов, дворянин по сословной принадлежности, не имел ни крепостных крестьян, ни поместий; в годы службы во флоте он преподавал в военно-морских учебных заведениях, будучи в отставке, выполнял различные архитектурные работы в помещичьих усадьбах и провинциальных городах Слободской Украины. И.А. Борисов сам занимался образованием и воспитанием своих сыновей, обучал их основам многих наук и ремесел, привил им исключительное трудолюбие, высокие понятия о долге и чести.

Военную службу братья начали 10 июня 1816 г. юнкерами 26-й артиллерийской бригады, расположенной в Малороссии[2]. Указом от 18 апреля 1819 г., по представлению генерала А.П. Ермолова, из трех рот этой воинской части была сформирована Грузинская гренадерская артиллерийская бригада, вошедшая в состав Отдельного грузинского корпуса (в августе 1820 г. переименованного в Отдельный Кавказский корпус)[3]. Так Борисовы, служившие в одной из этих рот, оказались на Кавказе и в декабре 1819 г. приняли участие в сражении под селением Ловбаши. С Кавказа они были отправлены в Петербург для подготовки к экзамену на офицерское звание. 18 июня 1820 г. оба брата получили чин прапорщика, 6 июля они были зачислены в 8-ю артиллерийскую бригаду и вернулись в Малороссию. 24 декабря 1823 г. А.И. Борисов вышел в отставку в чине подпоручи-

---

[1] Самая большая сводка сведений о роли П.И. Борисова в движении декабристов собрана М.В. Нечкиной. См.: *Нечкина М.В.* Общество соединенных славян. М., 1927. Сведения эти вошли и в последующие ее труды, посвященные декабристам: Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 345–454; Декабристы. М., 1975. С. 99–104, 117–130. См. также: 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М.: Наука, 1994. С. 95–97.

[2] Восстание декабристов: Документы. М., 1926. Т. 5. С. 10. (Далее. – ВД.) Сведения о дальнейшем продвижении по службе Борисовых даются по их формулярным спискам, опубликованным в этом издании.

[3] *Гизетти А.Л.* Хроника кавказских войн. Тифлис, 1896. Ч. 1–2. С. 49–50, 57–58, 63.

ка, с тем чтобы помочь отцу в содержании и воспитании двух младших сестер и брата.

П.И. Борисов к моменту восстания декабристов на юге был подпоручиком 1-й батарейной роты названной артиллерийской бригады, расквартированной в Новограде-Волынском. Каким же образом формировались революционные взгляды братьев Борисовых и как складывалась их деятельность по организации тайных обществ и руководству ими?

На вопрос Следственного комитета, откуда были им "заимствованы вольнодумческие и либеральные мысли", П.И. Борисов ответил: "Никто не внушал мне вольнодумства и либеральных мыслей. Чтение Греческой и Римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха и Корнелия Непода поселили во мне с детства любовь к вольности и народодержавию; впоследствии, жестокости командиров к их подчиненным питали оную и раздували час от часу более ⟨...⟩ Несправедливости, насилие и угнетение помещиков, их крестьянам причиняемое, рождали во мне всегда подобные чувствования и укрепляли в моем уме либеральные мысли. Я любил читать и размышлять, всякую новую мысль хотел прежде нежели сделать ее своею, разобрать и доказать самому себе истину оной, но, будучи ослеплен любовью к Демократии и Свободе, каждую вольную мысль находил справедливою и не мог ничем опровергнуть оной ⟨...⟩ Желание быть полезным человечеству занимало меня всегда, я положил себе за правило искать истины и думал, что, образовываясь во мнениях, меня погубивших, я ищу ее и найду. *Общее благо есть верховный закон* (выделено автором) – вот максима, которая была основанием и моей религии и моей нравственности"[4].

Обществу Соединенных славян предшествовали общества – Первого согласия и Друзей природы[5]. Первое было основано братьями Борисовыми 13 мая 1818 г. в местечке Решетиловка Полтавской губернии. Сначала члены его следовали, по утверждению П.И. Борисова, одним только "Правилам Пифагоровой секты: усовершенствование себя в науках, художествах и добродетели, любовь и дружба"[6]; вскоре к этим "Правилам" были присоединены требования "усовершенствования нравственности и очищения религии от предрассудков". Девизом общества служил рисунок, созданный П.И. Борисовым: две руки, соединенные рукопожатием над жертвенником, с подписью – La gloire, l'amour et l'amitie. Вскоре по инициативе П.И. Борисова последовало новое преобразование – создание в местечке Будищи Полтавской губернии общества Друзей природы[7], которое добавило к названным выше целям "основание известной Республики философа Платона". П.И. Борисовым были написаны большая часть правил, клятвенное обещание и устав общества Друзей природы, позднее сожженные А.И. Борисовым. Сохранил-

---

[4] ВД. Т. 5. С. 22.

[5] Там же. С. 52.

[6] Подробнее о роли Пифагора в просветительной литературе XVIII в. и деятельности тайных обществ в Западной Европе и России, в том числе и для ранних обществ декабристов, см.: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований: из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975. С. 263–267, 272–276.

[7] *Боровков А.Д.* Краткое описание различных тайных обществ... // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 193–194.

Андрей Иванович Борисов.
Литография с утраченного оригинала
(возможно, с дагерротипа).
Начало 1850-х годов

ся только девиз, являющийся также рисунком П.И. Борисова: изображение солнца, выходящего из-за горного хребта, с надписью – "Взойду и рассею мрак".

Эти ранние тайные общества, созданные по инициативе П.И. Борисова, ставили перед собой просветительские цели, в то же время они носили политический характер, будучи конспиративными организациями и имея во главе сторонника республиканских взглядов. В 1822 г. братья Борисовы познакомились с Юлианом Казимировичем Люблинским, участником польского освободительного движения, который был привезен в Новоград-Волынский в кандалах под надзор полиции. Они предложили ему вступить в общество Друзей природы. В ответ Люблинский изложил им свои мысли о необходимости совместных действий русских и поляков. Итогом переговоров явилось созданное в 1823 г. общество Соединенных

славян[8]. Обществу этому, как известно, принадлежит особое место в истории движения декабристов: оно было наиболее демократичным по своему составу, члены его придерживались республиканских убеждений, стремились к освобождению не только России, но и всех славянских народов, как они считали, по существу – всех народов, находившихся под гнетом Османской и Габсбургской империй[9]. "Соединенные славяне" подвергали сомнению тактику военной революции. Позднее, уже в Сибири, в истории Общества члены его напишут об этом с полной определенностью: "...Никакой переворот не может быть успешным без согласия и содействия целой нации, посему, прежде всего, должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются"[10]. Программные документы Общества Соединенных славян – Клятва и Правила, или Катехизис, служивший уставом Союза, были составлены П.И. Борисовым. В создании второго из них участвовали, видимо, А.И. Борисов и Ю.К. Люблинский[11]. Девиз общества разработал и нарисовал П.И. Борисов. Он состоял из восьмиугольника, внутри которого помещалась единица в лучах солнца, а по углам – четыре якоря. Грани восьмиугольника олицетворяли восемь народов – поколений (колен), об освобождении которых мечтали славяне: россияне, поляки, сербы, венгры, хорваты, далматы, мороване, богемцы. Единица в центре восьмиугольника означала знак единения всех этих народов и являлась символом главного города будущего федеративного государства. Четыре якоря говорили о тех морях – Белом, Балтийском, Черном и Азовском, которые будут омывать территорию будущего Всеславянского союза"[12]. В марте 1825 г. П.И. Борисов был избран на один год президентом Общества и предполагал активизировать его действие. Осенью 1825 г. начались переговоры о присоединении Общества Соединенных славян к Южному обществу. В итоге бурных совещаний внутри Южного общества бы-

---

[8] Автобиография Ю.К. Люблинского // Лит. наследство. Т. 60. Кн. 2. М., 1956. С. 245–256; *Ольшанский П.Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. С. 132–164.

[9] *Достоян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. С. 290–310; *Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М.: Наука, 1984. С. 112–115.

[10] *Горбачевский И.И.* Записки, письма. М., 1963. С. 14. В литературе, как известно, нет единого мнения по поводу автора "Записок". М.В. Нечкина, называя их коллективным трудом декабристов, всегда считала основным автором П.И. Борисова; С.С. Ланда придерживается той же точки зрения; Б.Е. Сыроечковский и И.В. Порох, подготовившие названную выше публикацию, доказывали авторство И.И. Горбачевского; другими исследователями называются и иные имена. См.: *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 133–143; *Ланда С.С.* Указ. соч. С. 257–305. Мы разделяем мнение М.В. Нечкиной и С.С. Ланды и потому считаем возможным обращаться к "Запискам" И.И. Горбачевского как к источнику, в котором дается оценка деятельности Общества Соединенных славян, прежде всего его руководителем и идеологом.

[11] Документы опубликованы в следственных делах П.И. Борисова (ВД. Т. 5. С. 11–13), П.Ф. Выгодовского (ВД. Т. 13. С. 381–384) и в монографии М.В. Нечкиной "Общество Соединенных славян" (С. 94–98).

[12] См.: ВД. Т. 5.

ла создана особая славянская управа. Соглашаясь на присоединение к Южному обществу, П.И. Борисов выделил из программы П.И. Пестеля главное для Славянского союза: "Введение в России чистой демократии, уничтожающей не токмо сан монарха, но дворянское достоинство и все сословия и сливающего их в одно сословие гражданское"[13]. Освобождение же других народов по взаимной договоренности должно было последовать вслед за освобождением России. Войдя в состав Южного общества, "Соединенные славяне" тем самым усилили движение декабристов в целом. В дни восстания Черниговского полка (29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г.) их управой было решено "отдельного бунта не делать", а поддержать С.И. Муравьева-Апостола.

В своих показаниях П.И. Борисов писал о том, что он призвал "всех... друзей" к немедленным действиям и "приглашал, возбудивши в солдатах революционный дух, идти в Новоград-Волынск, а оттуда, взявши артиллерию, – в Житомир, а затем и далее – на Киев и Москву"[14]. Член общества Соединенных славян П.М. Громницкий, подпоручик Пензенского пехотного полка, в ответах, адресованных Следственной комиссии[15], писал: "Были письма Борисова 2-го ко мне, в коих он убеждал нас начать действие, просил меня сообщить о том всем членам Союза и требовал нашей решительности"[15а]. Скорый разгром Черниговского полка исключил, как известно, присоединение к восставшим других военных частей.

П.И. Борисов был арестован 15 января 1826 г. в деревне Барановка близ Житомира; на следующий день в сопровождении жандарма он был отправлен в Петербург, куда прибыл 21 января и сразу же помещен в Петропавловскую крепость. А.И. Борисов был первоначально арестован 14 января 1826 г. в Киеве, но за неимением улик освобожден, а в конце марта арестован вторично в селе Буймаре Курской губернии, где наблюдал за постройкой дома местного помещика. 11 апреля он был также заключен в Петропавловскую крепость. Оба брата во время следствия держались стойко, каждый стремился взять основную вину на себя. 13 февраля 1826 г. Следственный комитет отметил в протоколе заседания, что П.И. Борисов "оказывал чрезвычайнейшее упорство и закоснелость" и поэтому Комитет решил "испросить высочайшее повеление Борисова заковать за упорное его запирательство"; на следующий день П.И. Борисов был закован в кандалы, которые были сняты с него 30 апреля[16]. Верховным уголовным судом, созданным специально для определения приговора по делу декабристов, А.И. и П.И. Борисовы были приговорены к смертной казни отсечением головы, как и все другие декабристы, отнесенные к числу осужденных по "первому разряду"[17]. Николай I заменил первому разряду смертную казнь вечной каторгой: "даровав им жизнь, по лишении чинов и дворянства сослать вечно в

---

[13] Документ этот, получивший название "Конституция. Государственный завет", сохранился в единственном списке, сделанном рукою П.И. Борисова (ВД. Т. 7. С. 95, 213–215; Т. 13. С. 258–261). (В следственном деле члена Общества Соединенных славян прапорщика И.Ф. Шимкова).

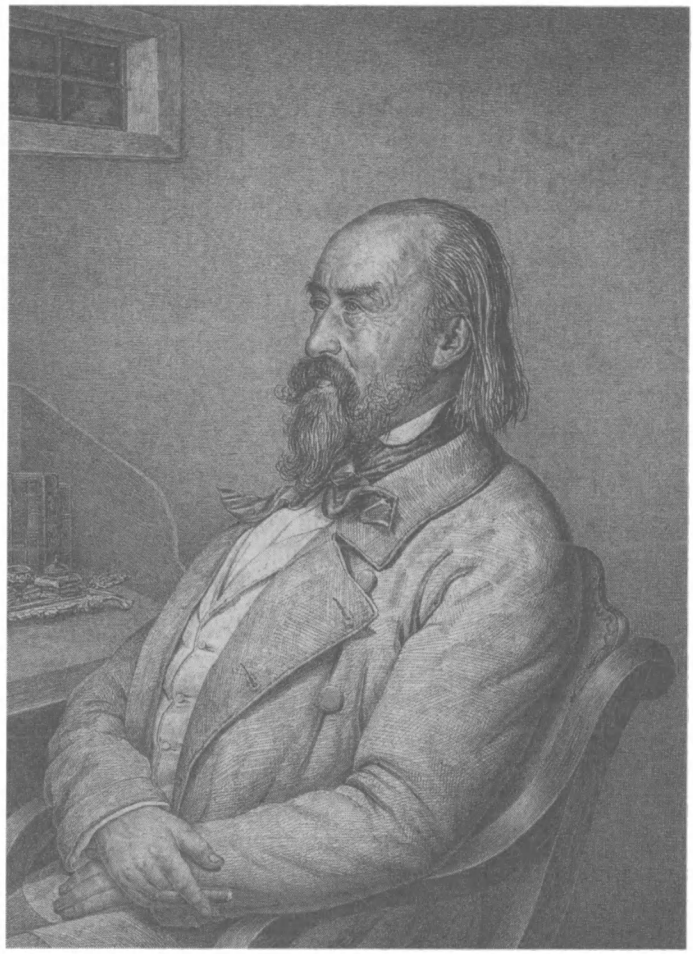
[14] См.: ВД. Т. 5. С. 56.

[15] См.: ВД. Т. 16.

[15а] ВД. Т. 5. С. 56.

[16] Там же. С. 467; т. 16, с. 99 –100.

[17] Там же. Т. 17. С. 153–155.



Сергей Григорьевич Волконский. Художник К. Мазер. 1849 г.

каторжную работу"[18]. Декабристы, поставленные вне разрядов, – П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, П.Г. Каховский, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин этим же указом царя, "по чувству милосердия", осуждались на смертную казнь через повешение вместо четвертования. Сохранилось свидетельство С.П. Трубецкого о том, что вслед за вынесением этих приговоров 15 генералов, членов Верховного уголовного суда, настойчиво предлагали Николаю I поставить "вне разрядов" не пять, а девять декабристов, обрекая на смертную казнь также С.П. Трубецкого, Е.П. Оболенского, М.И. Муравьева-Апостола и П.И. Борисова[19].

В числе первых восьми декабристов (во второй партии), вместе с С.Г. Волконским и С.П. Трубецким, братья Борисовы, – закованные в кандалы, в сопровождении жандарма и фельдъегерей были отправлены в ночь

[18] Там же. Т. 17. С. 225–226, 244.

[19] Записки С.П. Трубецкого. Мемуары декабристов: Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 65, 75, 334.

с 23 на 24 июля 1826 г. из Петропавловской крепости в Сибирь. На два дня раньше подобным же образом были отправлены Е.П. Оболенский, А.З. Муравьев, В.Л. Давыдов и А.И. Якубович. 29 августа вторая партия прибыла в Иркутск. Каторжные работы Борисовы первоначально (сентябрь – начало октября 1826 г.) выполняли на Александровском винокуренном заводе вместе с В.Л. Давыдовым и А.З. Муравьевым, 8 октября все они были переправлены через Байкал и прибыли в Благодатск, относившийся к Нерченскому горному округу; здесь они пробыли до 25 сентября 1827 г. В Благодатске декабристы, закованные в кандалы, вместе с уголовными преступниками работали в шахтах, где добывались

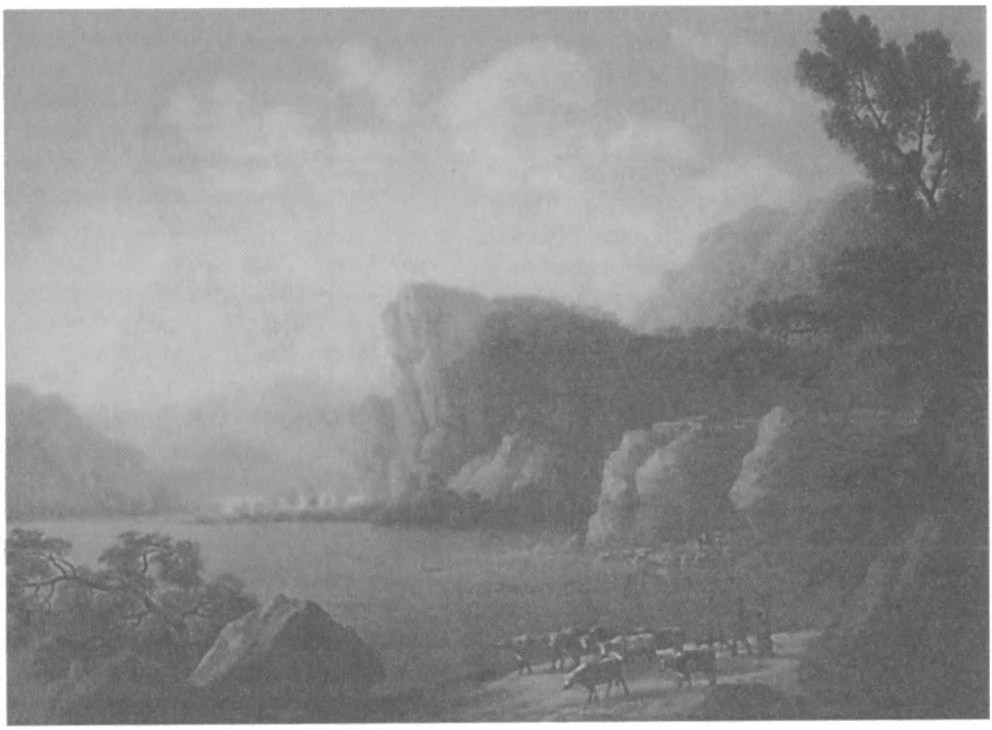
Юлиан Казимирович Люблинский.
Художник Н. Бестужев. 1830-е годы

Артамон Захарович Муравьев.
Художник Н. Бестужев. 1830-е годы

серебросвинцовые руды. Все осужденные жили в казарме, А.И. и П.И. Борисовых поместили вместе с А.З. Муравьевым в такой тесный чулан, что они с трудом размещались на ночлег[20]. С октября 1827 г. по август 1830 г. братья Борисовы отбывали каторжные работы вместе с другими осужденными в Читинском остроге. По распоряжению коменданта тюрьмы генерала С.Ф. Лепарского все восемь человек, прибывших из Благодатских рудников, были поселены во вновь построенном тюремном помещении, в одной комнате[21]. Только в 1829 г. все соузники были освобождены от кандалов. В конце 1830 г., совершив переход от Читы до Петровска и пройдя таким образом более 600 верст, декабристы прибыли в Петровский завод, где для них была специально выстро-

[20] Воспоминания о 1826 и 1827 годах князя Евгения Петровича Оболенского // Там же. С. 105; Памяти декабристов. Иркутск. 1975. С. 56–63.

[21] *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 231.



Вид р. Селенги. Художник А. Мартынов

ена тюрьма. Братьев Борисовых поместили в один каземат под № 43, где они провели девять лет[22]. Вместе со всеми декабристами, осужденными по "первому разряду", они покинули Петровскую каторжную тюрьму 27 июля 1839 г. Первые два года жизни на поселении братья провели в слободе Подлопатки Верхнеудинского округа; летом 1841 г. после длительных хлопот были переведены в деревню Малая Разводная близ Иркутска. 30 сентября 1854 г. Петр Иванович Борисов скоропостижно скончался, в тот же день покончил с собой Андрей Иванович[23].

Своим убеждениям братья оставались верны всю жизнь. На каторге, по воспоминаниям И.Д. Якушкина, "Славяне" составляли особый, "наиболее замечательный" кружок. "Приглядевшись к ним поближе, – пишет мемуарист, – можно было убедиться, что для каждого из них сказать и сделать было одно и то же и что в решительную минуту ни один из них не попятился бы назад". И добавляет: "Главное лицо в этом кружке был Петр Борисов"[24].

Получив лишь домашнее образование и прослушав в армии элементарный курс военных наук, П.И. Борисов всю жизнь занимался самообразованием. Стремление к просветительству, интерес к научным знаниям сопутст-

---

[22] Декабристы и их время: Материалы и сообщения. М.; Л., 1952. С. 362.

[23] *Бахаев В.Б.* Декабристы братья Борисовы на поселении в Бурятии // Тр. Бурят. ин-та обществ. наук БФСО АН СССР. 1973. Вып. 20. С. 163–173; ПКНО. Ежегодник. 1994. М.: Наука. 1996. С. 26; Там же. 1998. М., 1999. С. 74–94.

[24] *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 112.

вовали его политической деятельности, в Сибири они составили главное содержание жизни декабриста. Он стал выдающимся естествоиспытателем и художником. Прекрасным натуралистом был и А.И. Борисов, художественно одаренный человек, владевший несколькими ремеслами.

Вспоминая годы, проведенные в Читинском остроге, член Общества соединенных славян А.Ф. Фролов писал: "В среде наших товарищей были люди высокообразованные, действительно ученые, а не желавшие только называться такими, и им-то мы были обязаны, что время заточения обратилось в лучшее, счастливейшее время всей жизни. Некоторые, обладая обширными специальными знаниями, охотно делились ими с желающими. Так что получившие воспитание в тогдашних кадетских корпусах или дома на медные гроши имели полную возможность пополнить свои пробелы. Как на особенно выдающегося укажу на П.И. Борисова, работавшего не менее 16 часов в сутки. Он ложился в одно время с другими, но раньше его никто не вставал. Как бы рано не проснулся, а он уже сидит и работает при окне (история, философия)"[25].

Во время следствия П.И. Борисов писал: "Воспитывался в доме моего родителя, он же был моим учителем и наставником, но, кроме российского языка, географии, истории, математики и первых начал астрономии, никаких других наук не преподавал"[26].

Будучи юнкерами, братья прослушали курс "чистой математики, артиллерии и полевой фортификации" у штабс-капитана А.К. Берстеля; после производства в офицеры П.И. Борисов, имея, по его словам, "более склонностей к натуральной истории, философии и морали... совершенно предался сим последним"[27]. К этому он добавил: "Собственному моему старанию и прилежанию обязан я познанием французского языка и польского, а также и других наук, кроме вышеупомянутых, в них я не имел другого наставника, кроме терпения и желания образовать себя"[28]. И.Д. Якушкин, безусловно, со слов самого П.И. Борисова, отметил в своих записках, что в годы военной службы, находясь со своей ротой в имении богатого помещика, он перечитал Вольтера, Гельвеция, Гольбаха и других писателей XVIII столетия "той же масти"[29].

Излагая в ходе следствия историю созданных им конспиративных обществ, П.И. Борисов заметил, что уже первое из них, Пифагорова секта (общество Первого согласия), ставило перед собою цель изучения природы[30]. Название последовавшего вслед за Пифагоровой сектой общества – Друзья природы имело, как нам представляется, двоякий смысл: признание теории естественного права, провозгласившего равенство всех людей по рождению, по их "природе", что явилось, как известно, одним из положений просветительства, выступившего против устоев феодального государства с его сословной иерархией, а кроме того, было выражением прямого интереса братьев Борисовых к естественнонаучным знаниям.

---

[25] Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. С. 241.
[26] ВД. Т. 5. С. 21.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] *Якушкин И.Д.* Указ. соч. С. 112.
[30] ВД. Т. 13. С. 192.

Членам общества Соединенных славян были хорошо известны приверженность П.И. Борисова идеям просветительства и стремление к научным знаниям. Так, в письме к П.Ф. Выгодовскому от 24 (12) июня 1825 г. П.И. Борисов писал: "Просвещение есть надежнейшее лекарство противу всех моральных зол. Невежество никогда никого не делало счастливым, а было всегда источником лютейших бедствий человеческого рода"[31]. И.И. Горбачевский говорил во время следствия, что П.И. Борисов сочинял стихи и прозу, переводил Вольтера и Гельвеция и использовал свои переводы в пропагандистских целях[32]. П.Ф. Громницкий утверждал, что основной причиной, побудившей его вступить в Общество, послужило "продолжительное и короткое знакомство с Борисовым – 2-м, его убеждения, подкрепленные текстами из Гельвеция, Вольтера, Рейналя и других"[33]. В одном из ответов Ю.К. Люблинского Следственному комитету записано: "Борисов-младший довольно имеет сведений в ботанике и натуральной истории, оттого часто прохаживали мы с ним по лесу, разбирали цветы, животных...". Упоминает в своих показаниях Ю.К. Люблинский и чтение совместно с П.И. Борисовым сочинений Вольтера и Монтескье[34]. М.А. Бестужев, отметив "неодолимую наклонность к философским созерцаниям П.И. Борисова", вспоминал, что в тюремном заключении он "перечитал все, что было написано древними и новейшими философами и политиками"[35]. Особо замечательными по части "естественной истории" называет П.И. и А.И. Борисовых Д.И. Завалишин, описывая "ученые труды" и "самостоятельные изыскания" декабристов в Читинской и Петровской тюрьмах[36]. А.К. Берстель, у которого в юности, вступив на военную службу, учились братья, наблюдая гонения, которым постоянно подвергался П.И. Борисов со стороны полковника Эйлера, командовавшего 8-й артиллерийской бригадой, советовал молодому офицеру переменить род деятельности, поскольку "он любит заниматься наукой и ему не наскучат подобные труды"[37].

Признание П.И. Борисовым огромной роли образования, науки, искусства для прогресса человечества нашло отражение и в созданных им Правилах Соединенных славян. Приведем некоторые из них: п. 10 "Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека"; п. 6 "Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим, и удовольствия с любовью водворятся в доме твоем"; п. 7 "Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих"[38].

Жизнь братьев Борисовых была полностью подчинена этим заветам.

Литература о декабристах хорошо знает трактат П.И. Борисова, посвященный происхождению планет, написанный им в Сибири в середине 1840-х

---

[31] Там же. С. 391.
[32] Там же. Т. 5. С. 192.
[33] Там же. Т. 13. С. 153.
[34] См.: ВД. Т. 5. С. 420.
[35] Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 305.
[36] См.: *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. Спб., 1906. С. 273.
[37] ВД. Т. 5. С. 37.
[38] Там же. С. 12.

годов, как рецензия на сочинение А.А. Дейхмана "Мысли об основании землеописательной науки" (Спб., 1829). Книга Дейхмана послужила декабристу поводом для изложения собственных мыслей о происхождении и строении вселенной. Ввиду важности этого трактата для понимания взглядов автора на проблемы мироздания он публиковался неоднократно. Эта статья П.И. Борисова отчетливо обнаруживает его подход к явлениям природы с позиций материализма. Все последующие публикации восходят к тексту, подготовленному его первыми публикаторами С.Я. Штрайхом и А.Я. Щипановым[39].

Термометрические и барометрические измерения вели в Сибири, как известно, многие декабристы. П.И. Борисов занимался ими в Читинском и Петровском острогах с октября 1827 г. по июль 1839 г., а также и на поселении. В.М. Пасецкий, изучавший роль декабристов в исследовании климата Сибири, отметил, что им принадлежат метеорологические измерения – единственные в мире, выполненные в условиях каторги[40].

Достоянием науки наблюдения П.И. Борисова стали при его жизни благодаря академику А.Я. Купферу, занимавшемуся в тот период созданием в России единой сети метеорологической службы, которая, по его мысли, должна была включать и Сибирь. В.М. Пасецкий высказал предположение о том, что данные П.И. Борисова были скопированы А.Я. Купфером во время путешествия по Восточной Сибири[41]. Записка А.З. Муравьева, сохранившаяся в архиве братьев Борисовых, свидетельствует о том, что имена Борисовых действительно стали тогда известны А.Я. Купферу. А.З. Муравьев пишет: "Повинную голову меч не сечет, развернув письмо, ужаснулся, прочитав, восхитился, все будет исполнено. Брат[42] в яром восторге, будет у вас, чтобы поклониться ученому[43] (его слова). К тому имена братьев Борисовых известны Академии и скоро будут Европе (слова Купфера в письме Сенатору)[44]. А кроме славы Борисовы рискуют быть богатыми и заимодавцами друга их верного А. Муравьева"[45]. Документ даты не имеет, но в сохранившейся там же второй записке А.З. Муравьева сказано: "Я вспомнил имя приехавшего в прошлом году естествоиспытателя – профессор Купфер"[46]. А.Я. Купфер приезжал в Сибирь в 1841 г., следовательно, первое упоминание его имени в записке А.З. Муравьева относится к 1842 г. О метеорологических измерениях П.И. Борисова А.Я. Купфер скорее всего узнал от преподавателя Нерчинского уездного училища В.И. Седакова, знакомого декабристов по Петровскому заводу. Известно, что А.Я. Купфер останавливался в доме В.И. Седакова в Нерчинске во время объезда сибирских городов[47].

---

[39] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 79–82; Радищев и декабристы: из атеистического наследия первых русских революционеров. М.: Мысль, 1986. С. 216–219.

[40] См.: *Пасецкий В.М.* Географические исследования декабристов. М.: Наука, 1977. С. 115, 121–125.

[41] См.: Там же. С. 125.

[42] А.З. Муравьев может иметь в виду Н.М. или А.М. Муравьевых, своих троюродных братьев.

[43] Подчеркнуто в подлиннике.

[44] Речь идет об И.Н. Толстом, возглавившем в 1842–1846 гг. ревизию Восточной Сибири.

[45] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед.хр. 282. Л. 72.

[46] Там же. Л. 86.

[47] См.: Архив МОИП. 1841. Ед.хр. 209. Л. 12.

Метеорологические материалы П.И. Борисова вошли позднее в труд академика Г.И. Вильда "О температуре воздуха в Российской империи" (Спб., 1882), в котором было прямо сказано, что наблюдения в Чите и Петровском заводе велись "политическим ссыльным П.И. Борисовым"[48]. Так имя П.И. Борисова впервые появилось в научной литературе. Данные П.И. Борисова были использованы в книге Климат Союза Советских Социалистических Республик (Л., 1931)[49].

Немало температурных измерений и заметок об особенностях погоды того или иного календарного года содержится в тексте труда "Орнитологическая фавна Восточной Сибири". Дневниковые записи этих наблюдений пока не обнаружены[50]. Интерес декабриста к метеорологии нашел отражение и в обобщенном географическом описании Восточной Сибири, содержащемся в письмах к сестрам, отправленным П.И. Борисовым из Петровского завода 22 октября и 25 ноября 1838 г.[51]

П.И. Борисов – сестрам

Из переписки

Петровский завод, 22 октября 1838 г.

"...Мне приятно беседовать с вами и, чтобы продолжить это удовольствие, я хочу рассказать вам о Сибири. Она гораздо занимательнее нашей жизни. К тому же вам, наверно, будет любопытно узнать что-нибудь о крае, в котором я с братом провел двенадцать лет. Начать с климата, который девица Торсон, сестра одного из моих товарищей, недавно приехавшая из Санкт-Петербурга к своему брату на поселение, находит не только сносным, но во многом лучшим столичного. Осень начинается у нас очень рано и по большей части бывает сухая и ясная. С половины августа утренние морозы дают знать о ее приближении. В конце октября или начале ноября начинает падать снег и с каждым днем становится холоднее, так что в декабре и генваре, а нередко и в начале февраля термометр показывает 34° ниже нуля и ртуть совершенно замерзает. В это время погода стоит обыкновенно ясная и тихая, но в конце марта сильные ветры возвещают приближение весны и дуют до исхода мая. В мае луга и деревья покрываются зеленью, необыкновенная здешняя растительность вдруг пробуждается. Июнь, июль и первая половина августа бывают обыкновенно очень теплы и даже знойные, часто Реомюров термометр показывает до 27° в тени, но эта жара скоро сменяется прохладою осени. Кроме того, если после продолжительных дождей подует северный ветер, то среди лета случаются утренние морозы в три и четыре градуса, вообще северный и северно-восточный ветры скоро охлаждают атмосферу, поэтому часто случаются быстрые переходы от тепла к холоду, однако же это не имеет никакого вредного влияния на здоровье. Но надобно сказать, что летние морозы бывают только в Петровском заводе и в местах, лежащих в одной с ним долине, закрытой с юга и запада горами и

---

[48] *Пасецкий В.М.* Указ. соч. С. 123.

[49] Там же. С. 136.

[50] Упоминание об одном из подобных "журналов", принадлежавшем А.И. Борисову, содержится в письме С.П. Трубецкого к П.И. Борисову (*Пасецкий В.М., Пасецкая-Креминская Б.К.* Декабристы-естествоиспытатели. М.: Наука, 1989. С. 76–77).

[51] Декабристы о Бурятии: Статьи, очерки, письма / Сост. В.Б. Бахаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975.

почти совершенно открытой с востока и севера. Невзирая на множество болот, воздух здесь сухой и здоровый, а почва земли во многих местах, особенно если она хорошо возделана, плодоносна, разного роду хлебные растения и почти все огородные овощи родятся весьма хорошо и разводятся в значительном количестве здешними жителями. Рогатый скот и овцы даже при нерадивом содержании составляют здесь важную и прибыльную отрасль хозяйства"[52].

Петровский завод (каземат), 25 ноября 1838 г.

"Во втором моем письме я писал о здешнем климате, но забыл сделать одну важную оговорку, что все сказанное мною не может быть принято за общее выражение забайкальского климата, который изменяется местностями до неимоверности. Если верить рассказам туземцев, то здесь есть места благословенные, чуть-чуть не Эльдорадо, где нет примера неурожайных годов, где овощи всех родов достигают уродливой величины, реки и озера наполнены разного вида вкусною рыбою, леса – дичью, а ягод не оберешься – одним словом, где всего много и где все дешево, вкусно и красиво. Я не отрицаю существование этих счастливых мест, но сомневаюсь в его возможности, тем более, что слышал о них от тамошних уроженцев, и, кроме того, заметил, что сибиряки из всех риторических фигур особенно любят гиперболу и склонны к невинным, но излишним преувеличениям. Однако, не веря их рассказам, нельзя еще утверждать, что здесь нет вовсе мест хлебородных, и если немногие земледельцы обогащаются своею промышленностью, то, может быть, это происходит от недостатка сведений и дурных привычек, по крайней мере доброта и цены хлеба и овощей, привозимых к нам на завод из близлежащих деревень, явно доказывают, что почва земли и климат благоприятствуют земледелию. Когда же мы были в Читинском отроге, нам дали пустопорожнюю землю, на которой завели мы огород и ходили за ним сами. В два последние года [18]29 и [18]30 урожай превзошел все ожидания. Наши овощи были крупны, вкусны и родились изобильно. Почему должно полагать, что здесь, как и в других частях России, благоприятные годы вознаграждают труд земледельцев с избытком.

Однако же, по мнению большей части жителей здешних, главные источники богатства – скотоводство, звериные промыслы и преимущественно торговля.

О скотоводстве я сказать не могу ничего, но слышал от многих, что оно при вольных пастбищах весьма прибыльно, и, если туземцы мало занимаются разведением рогатого скота, то это, вероятно, потому, что не всегда могут соперничествовать счастливо с бурятами, которые до сих пор ведут кочующую жизнь, владеют обширными лугами и преданы исключительно скотоводству, однако же и русские во многих местах разводят черных овец, которых смушки идут за границу и приносят большой барыш.

О звериных промыслах я совершенно ничего не знаю.

Торговля здесь почитается верным и скорым путем к обогащению; все здешние богачи были сначала купеческими приказчиками или мелочными торгашами. Они обогатились не от одной внешней торговли с Китаем, но и

---

[52] Декабристы о Бурятии. С. 182.

от внутренней, которая может быть в некоторых отношениях выгоднее внешней[53].

Изучение природы позволило П.И. Борисову создать большие комплексы естественнонаучных материалов, состоявшие из коллекций и акварельных рисунков, которые явились важнейшим средством ученых занятий декабриста и легли в основу его трудов в области орнитологии, ботаники и энтомологии Восточной Сибири.

Часть коллекций, судя по литературе и архивным материалам, попала в собрания, хранящиеся в Зоологическом музее и Гербарии МГУ, а также в Гербарии БИН, но, к сожалению, растворилась в них, так как они построены на принципах современной систематики. Восстановить остатки коллекций П.И. Борисова вряд ли представляется возможным, так как сопроводительные этикетки были вынужденно анонимными: декабрист не имел права ставить на них свое имя. Однако это, в свою очередь, могло бы служить поисковым признаком, если бы современные хранители более бережно относились к безымянным экземплярам. К сожалению, до последнего времени, как правило, такие экземпляры для руководителей названных собраний не представляли ценности и многие из них были утрачены. Однако со слов хранителей известно, что им встречались этикетки середины XIX в. с указанием места сбора: "Восточная Сибирь". Если бы удалось их выявить и сравнить с автографами П.И. Борисова, быть может, мы смогли бы расширить наши представления о масштабах его исследований.

В настоящее время выявлено 462 рисунка работы П.И. Борисова природоведческого содержания. С учетом акварелей, известных только по литературным источникам, их должно быть, по меньшей мере, около 800. Вне всякого сомнения, их было более 1000. Назовем имена первых владельцев этих акварелей: сестры художника, Елизавета Ивановна и Анна Ивановна; сестры и жены декабристов-соузников братьев Борисовых – Ольга Александровна и Мария Александровна Бестужевы, Мария Николаевна и Софья Григорьевна Волконские, Екатерина Ивановна Трубецкая, Александра Ивановна Давыдова; декабристы Иван Иванович Пущин и Петр Александрович Муханов; иркутские врачи Александр Иванович Орлов и Иван Сергеевич Персин; генерал-губернатор Восточной Сибири Вильгельм Яковлевич Руперт; гражданский губернатор Иркутска Андрей Васильевич Пятницкий и начальник Петровского завода Александр Ильич Арсеньев; местные купцы-меценаты Василий Николаевич Баснин, Николай Федорович Мясников, Иван Логинович Медведников; чиновник Главного управления Восточной Сибири Кузьма Яковлевич Дараган, крупные петербургские чиновники – сенатор Иван Николаевич Толстой и камер-юнкер, член сенаторской ревизии Иван Демьянович Булычов.

Все рисунки П.И. Борисова, ныне выявленные, за исключением одного, опубликованы в книге "Акварели декабриста П.И. Борисова"[54], их естественнонаучному содержанию посвящена статья О.А. Александровской[55]. Акварели находятся в нескольких государственных хранилищах Москвы, Петер-

---

[53] Там же. С. 183–184.

[54] См.: *Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Акварели декабриста П.И. Борисова. М.: Искусство. 1986.

[55] См.: Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 108–119.

бурга и Улан-Удэ – архивах, библиотеках и музеях. Исключением является рисунок левкоя в частном собрании; он принадлежит Е.М. Величко и был представлен на выставке в ГИМе 1989 г.[56]

Особую роль в научной деятельности П.И. Борисова сыграло собрание акварелей, созданное им в 1847–1854 гг. по заказу И.Д. Булычова. С И.Д. Булычовым П.И. Борисова связывали сложные многолетние взаимоотношения, не порывавшиеся до конца жизни декабриста, обусловленные его статусом "государственного преступника", лишенного права печатать свои работы. Для нас важны поэтому обстоятельства сибирского периода жизни И.Д. Булычова. Он появился в Иркутске как член Сенаторской комиссии, осуществлявшей в 1842–1846 гг. ревизию Восточной Сибири. С этой целью он был отправлен в самые отдаленные восточносибирские регионы. В сопровождении нескольких спутников он совершил трудное путешествие, проехав по течению Лены к Якутску и далее к Охотскому, морем – до Петропавловска на Камчатке, а после обследования восточного и западного побережий Камчатского полуострова – до Олюторовской губы и Гижиги. Обработать собранные по пути материалы помогал И.Д. Булычову уже в Иркутске приставленный к нему чиновник Главного управления Восточной Сибири В.И. Вагин, впоследствии известный историк и общественный деятель, отозвавшийся о них как о достаточно разрозненных и поверхностных. Тем не менее И.Д. Булычов, человек энергичный и предприимчивый, сумел на основании этих материалов подготовить книгу, изданную им позднее под названием: "Путешествие по Восточной Сибири"[57].

По разрешению генерал-губернатора Восточной Сибири в поездке по Сибири вместе с И.Д. Булычовым принимал участие польский художник Леопольд Немировский, отбывавший здесь ссылку. Рисунки Немировского, сделанные с натуры во время этого путешествия, составили специальный атлас, изданный отдельно И.Д. Булычовым в качестве приложения к его книге без указания имени художника[58].

Из сказанного ясно, что И.Д. Булычов намеревался использовать свое пребывание в Сибири не только в интересах служебной карьеры, но и стремился создать себе имя в науке. Способствовать этому могли и рисунки Л. Немировского и тем более материалы другого политического ссыльного – П.И. Борисова.

Большие денежные средства, полученные И.Д. Булычовым благодаря женитьбе на племяннице и наследнице известного в Сибири золотопромышленника Е.А. Кузнецова, позволили ему сделать П.И. Борисову крупный заказ на акварельные рисунки птиц, растений и насекомых с их описаниями. Об объеме и особенностях этого заказа можно судить на основании сохра-

---

[56] См.: Декабристские реликвии. М.: Внешторгиздат, 1989. С. 14.

[57] Путешествие по Восточной Сибири И. Булычова, имп. РГО действ. члена. Ч. 1: Якутская область. Охотский край. СПб.: Тип. имп. АН, 1856. Путешествие позволило И.Д. Булычову стать членом РГО; он был принят в него в 1849 г. (См.: Состав Русского географического общества по 15 декабря 1849 года. СПб., 1851. С. 11).

[58] О взаимоотношениях между Л. Немировским и И.Д. Булычовым см.: *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 516–517.

нившихся записей декабриста в "Книге доходов"[59]. П.И. Борисов назвал "Книгой доходов" тетрадь, которую он завел специально для записи всех видов заработков – своих и брата после выхода на поселение. Самым тщательным образом он вел тетрадь с июля 1839 г. по май 1854 г. Большая часть записей связана с заказами, которые получал Петр Иванович на создание акварельных рисунков, в отдельных случаях отмечались также и "тексты" к рисункам, причем в "Книгу доходов" заносились только выполненные заказы с указанием полученных за них денег. Записи позволяют увидеть, что заказ И.Д. Булычова был самым крупным в жизни декабриста и подразумевал создание не только рисунков, но и текстов к ним, посвященных животному и растительному миру Сибири. Выполнением только этого заказа П.И. Борисов был занят более семи лет, с 1847 г. до своей скоропостижной смерти, наступившей 30 сентября 1854 г.

Отсутствие каких бы то ни было упоминаний о создании научных трудов П.И. Борисова по договоренности с И.Д. Булычовым в делах и переписке самого декабриста, а также в материалах его товарищей объясняется, на наш взгляд, крайней осторожностью Петра Ивановича, поскольку труды предназначались к вывозу из Сибири для публикации. Оберегая и свои труды и труды друзей от возможных преследований, П.И. Борисов придерживался строгой конспирации и не сообщал о готовящихся работах даже близким людям.

Все рисунки, выполненные П.И. Борисовым для И.Д. Булычова, сохранились – 179 птиц, 86 растений, 12 насекомых, 4 мелких млекопитающих. Что же касается описаний, то они сосредоточены в рукописи, публикуемой в данной книге. Нет сомнения в том, что были и другие описания, и не только в области орнитологии, но также – ботаники, энтомологии, но они пока не найдены. Основная часть рисунков создана П.И. Борисовым в течение 1847–1850 гг. Денежные поступления от И.Д. Булычова после 1850 г. резко сократились, в 1852 и 1854 гг. П.И. Борисов не получал от него вообще никаких денег. Впервые он был вынужден записать в "Книгу доходов" свой долг И.Д. Булычову и деньги, взятые вперед. Основным "доходом" братьев в последние годы их жизни становится казенное содержание: 114 руб. серебром в год на двоих. Но других заказов Петр Иванович тем не менее не брал, отдавая все силы своему главному научному труду. Современники отмечали не только мизерность оплаты, но и недобросовестность И.Д. Булычова по отношению к П.И. Борисову. По мнению Н.А. Белоголового, И.Д. Булычов не доплатил П.И. Борисову по меньшей мере 700 руб. Н.А. Белоголовый был так хорошо осведомлен об их деловых отношениях, поскольку последний денежный взнос в 1853 г. П.И. Борисову был передан его отцом Андреем Васильевичем Белоголовым, известным иркутским купцом[60].

---

[59] "Книга доходов" хранится в ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 168. Ед.хр. 68. Л. 1–12; записи, касающиеся выполнения заказов на рисунки, см.: *Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 532–534.

[60] А.В. Белоголовый выполнял и другие поручения И.Д. Булычова, жившего в эти годы уже в Петербурге: в его конторе и в Иркутске, в частности, в 1858 г. продавался "Атлас" с рисунками Л. Немировского, служивший приложением к его "Путешествию по Восточной Сибири" (ценою в 60 руб. серебром). См.: *Пежемский П.И., Крылов В.А.* Иркутская летопись. 1857–1880. Иркутск (Б.г.). С. 37.

И все же заказ И.Д. Булычова сыграл чрезвычайно важную роль в жизни П.И. Борисова. При всей мизерности оплаты труда Петр Иванович обеспечивал себя на долгое время минимальным заработком и, главное, получал реальную надежду донести до научных кругов труд своей жизни, воплощенный в описании и в изображениях произведений природы Восточной Сибири, и прежде всего исследование, посвященное птицам.

Возможно, П.И. Борисов сам дал согласие И.Д. Булычову на публикацию своих материалов под его именем, поскольку все они создавались еще до амнистии декабристов. Намерение И.Д. Булычова не осуществлялось, так как личность истинного автора, не совместимая с личностью владельца рукописи, выступает буквально на каждой странице труда, хотя он и после амнистии продолжал называть себя автором "Орнитологии Восточной Сибири"[61].

Особую ценность в научном наследии П.И. Борисова представляет орнитологическая часть. Интерес к изучению птиц возник у него еще в юности. Он вел наблюдения за птицами постоянно в течение всей жизни и в полевых условиях, и в неволе делал "чучелки" для коллекций. В его живописном наследии птицы преобладают. Сохранилось 258 листов с изображениями птиц. Литературные источники говорят о существовании по крайней мере еще 150 акварелей такого содержания. Свою коллекцию он начал создавать, находясь в Петровской тюрьме[62]. Итогом всех трудов декабриста на данном поприще явилась монография "Орнитологическая фавна Восточной Сибири", составляющая основу этого издания[63]. Значение публикуемого труда по существу рассматриваемых в нем вопросов столь велико, что потребовало специального анализа, чему и посвящена статья В.К. Рахилина "Борисов-орнитолог", раскрывающая достижения и особенности научного труда П.И. Борисова.

Помимо орнитологических сюжетов монография П.И. Борисова содержит мысли об общих законах и изначальных причинах развития природы, рассуждения по отдельным философским проблемам, отклики на некоторые события древней и новой истории, сведения биографического характера. Сочинение осталось незаконченным. В нем описано 60 видов птиц, а изготовленных для этого труда акварелей сохранилось 116.

П.И. Борисов, по-видимому, имел возможность ознакомить академика А.Ф. Миддендорфа со своими орнитологическими материалами. Предположение основывается на записи П.И. Борисова в публикуемой рукописи, где говорится о встрече автора в начале 1845 г. "с ученым-путешественником, которого знакомством мы гордимся"[64]. Во время встречи П.И. Борисов показывал ему свои рисунки и обсудил с ним вопросы, касающиеся расселения отдельных видов птиц на территории Восточной Сибири. Известно, что в

---

[61] Вопрос об авторстве рассматривается в археографическом описании рукописи.

[62] См.: письмо П.И. Борисова сестре Е.И. Борисовой от 27 февраля 1839 г. // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 189. См. также: *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. СПб., 1897. С. 11–12.

[63] *Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Декабрист П.И. Борисов и его труд "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" // ПКНО. 1994. М., 1996. С. 17–26.

[64] Имена лиц, с которыми П.И. Борисов встречался в процессе работы над монографией, он не называл.

начале 1845 г. А.Ф. Миддендорф останавливался в Иркутске, когда возвращался в Петербурге из путешествия по Сибири[65]; интерес его к ссыльным декабристам и участие некоторых из них в организованной им экспедиции отмечались в литературе.

К орнитологическим материалам П.И. Борисова обращался Н.А. Северцов. В протоколе заседания Московского общества испытателей природы от 19 октября 1887 г. записано, что при работе над книгой "Орнитология и орнитологическая география Европейской и Азиатской России" Н.А. Северцов имел возможность "пользоваться богатейшим альбомом сибирских птиц г-на Булычова и с живых птиц весьма искусно снятых рисунков г-на Борисова в Иркутске"[66]. В проспекте книги, задуманной, но не осуществленной, ученый писал: "Мне для этого издания г-н Булычов представил богатый альбом сибирских птиц, из которого я выбрал 110 рисунков 84 видов"[67].

Сохранившиеся материалы и свидетельства современников говорят о серьезных занятиях Петра Ивановича и Андрея Ивановича энтомологией. М.Н. Волконская упомянула в своих воспоминаниях: "...Братья Борисовы, страстные естествоиспытатели, собирали травы и составили коллекцию насекомых и бабочек"[68]. Е.П. Оболенский отнесся к этой коллекции с восхищением: "Два брата Борисовых, – вспоминал он, – набрали множество букашек, красоты необыкновенной, хранили и берегли их и впоследствии составили довольно порядочную коллекцию насекомых"[69]. Д.И. Завалишин утверждал, что уже в Чите А.И. Борисов не только имел прекрасную коллекцию насекомых, но и составил собственную классификацию насекомых[70]. Н.В. Басаргин сообщил, что "огромную и очень любопытную коллекцию насекомых братья Борисовы послали знаменитому московскому профессору Фишеру[71]. Н.В. Басаргин мог иметь в виду только Григория Ивановича Фишера фон Вальдгейма, вице-президента МОИП, знаменитый труд которого "Entomographia impeerii rossici..." был хорошо известен декабристам, так как два его тома были выписаны из Москвы М.Н. Волконской в Читу в 1827 г.[72]

Акварелей с изображением насекомых сохранилось немного: это 12 листов собрания И.Д. Булычова и отдельные изображения, дополняющие основное содержание рисунков.

По литературе известен альбом, единственный в своем роде, с двойными рисунками бабочек, принадлежавший И.Н. Толстому[73]. Энтомологические акварели П.И. Борисова являются первыми научно достоверными цветными изображениями насекомых Восточной Сибири. Ему принадлежит при-

---

[65] *Юргенсон П.Б.* Неведомыми тропами Сибири. М., 1964. С. 27. См. также прим. к рукописи 445, 478.

[66] Архив МОИП. 1867. Ед.хр. 42. Л. 26 об.

[67] *Северцов Н.А.* Орнитология и орнитологическая география Европейской и Азиатской России. Спб., 1867. С. 4–5.

[68] Записки М.Н. Волконской // *Волконский С.М.* О декабристах. М.: Искусство, 1994. С. 269.

[69] *Оболенский Е.П.* Воспоминания о 1826 и 1827 годах. С. 109.

[70] *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. С. 206.

[71] См.: *Басаргин Н.В.* Записки. С. 85.

[72] См.: Русские Пропилеи. М., 1915. Т. 1. С. 17.

[73] *Куйбышева И.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 508.

оритет изучения в этом регионе березовых пилильщиков (Борисов их называет "муха-мотыльки")[74].

О том, какое значение придавал своим энтомологическим занятиям сам П.И. Борисов, он написал старшей сестре Е.И. Борисовой в письме, отправленном из Петровского завода 27 февраля 1839 г.: "Сберегу свои наблюдения над превращением гусениц и хризалид с рисунками. Если мы увидимся, то извлечем из них для себя большую пользу. Эти труды – не детская забава, я знаю им цену"[75]. Приведенный текст позволяет говорить о том, что уже в Петровском заводе у П.И. Борисова имелись рисунки, показывающие метаморфоз насекомых, сопровождавшиеся записями наблюдений. По всей видимости, рисунки были аналогичны тем, которые сохранились в альбоме из собрания И.Д. Булычова, посвященные последовательным стадиям развития различных мух и бабочек. Что касается упоминаемых в письме наблюдений, то записи их пока не известны. Некоторое представление о них могут дать подписи и заметки Петра Ивановича и Андрея Ивановича, сделанные ими на листах с рисунками насекомых из собрания И.Д. Булычова.

Впервые публикуется в этом издании небольшая работа П.И. Борисова, в основной своей части посвященная энтомологической теме, которая упоминается в литературе под условным заглавием "Записка о муравьях". Работа единого заглавия не имеет, она состоит из трех разделов, первый из которых посвящен муравьям, второй – скорпионам, третий – саламандрам. Ранее ей не придавалось серьезного значения, так как она не была изучена специалистами-естественниками. По мнению известного энтомолога Г.М. Длусского, познакомившегося с этим сочинением П.И. Борисова в ходе подготовки настоящего издания, оно является первым сообщением о муравьях в Сибири и первой работой о муравьях, написанной на русском языке.

Сохранившиеся материалы свидетельствуют о глубоком интересе П.И. Борисова к изучению растительного мира Восточной Сибири, о чем прежде всего говорят его акварели. Основную серию ботанических рисунков П.И. Борисова составляют альбомы, целиком посвященные растениям: альбом, принадлежавший С.Г. Волконской, который содержит 20 акварелей; К.Я. Дарагану, насчитывающий 67 акварелей; два альбома И.Д. Булычову с 85 рисунками. Кроме того, известны акварели П.И. Борисова с рисунками букетов и отдельных цветов – акварели из собраний А.И. Давыдовой, А.И. Орлова, В.Я. Руперта, К.Я. Дарагана. Из работ, известных только по литературным источникам, назовем букеты, нарисованные П.И. Борисовым для своих сестер, а также сестер Бестужевых, для Е.И. Трубецкой, А.И. Арсеньева, И.С. Персина. В общей же сложности Петром Ивановичем было создано в Восточной Сибири более 200 рисунков растений Забайкалья и Прибайкалья.

Система авторских определений, сохранившаяся в альбомах К.Я. Дарагана (полностью) и И.Д. Булычова (частично), позволяет видеть и в этой работе П.И. Борисова не случайные зарисовки, но труд, обобщающий много-

---

[74] *Александровская О.А.* Указ. соч. С. 113–114.

[75] Декабристы о Бурятии. С. 169.

летнее изучение местной флоры. Ботанические альбомы из собрания И.Д. Булычова, по-видимому, были частью задуманного декабристом сочинения "Очерк изящной флоры Забайкальского края" (сохранился титульный лист этой работы), в известной мере аналогичного "Орнитологической фавне Восточной Сибири". Одно давало региональную сводку по орнитологии, другое – растений. Всего в известных ботанических сериях акварелей П.И. Борисова изображено 100 видов растений. Имеющиеся ботанические материалы позволяют осуществить примерную реконструкцию флоры Восточной Сибири, как ее видел сам автор. Она представлена в настоящем издании в разделе "Труды по флористике" тремя атласами. Вместе с тем следует иметь в виду, что картина заведомо не полна, так как далеко не все рисунки и тексты дошли до нас.

М.А. Бестужев назвал П.И. Борисова "славным рисовальщиком цветов". Характер изображений на акварелях говорит о том, что Петр Иванович рисовал, как правило, еще живые свежесобранные экземпляры, реже гербарные. Особо занимали его важные для систематики детали, которыми он нередко дополнял основной рисунок. Даже в букетах Борисов-живописец идет путем натуралиста: он собирает на одном листе представителей одного семейства, скажем, розоцветные или лютиковые, и т.д. О том, как он работал над своими акварельными букетами, которые отличаются большим разнообразием и изысканностью, можно получить дополнительное представление из его писем к сестрам.

Из письма от 22 октября 1838 г. (Петровский завод)

Охарактеризовав климат Забайкалья[76], П.И. пишет: "...Что же касается до естественных произведений, то Сибирь ими очень богата. Растительное царство разнообразно и любопытно. Чтобы дать вам идею о красоте сибирских цветов, я пришлю вам два букета своей работы, но заранее предупреждаю вас, что это будет только слабая копия богатых сибирских оригиналов. Красоту их форм и живость их колорита отказывается выразить бедная моя кисть[77].

Из письма от 14 февраля 1839 г. (Петровский завод)

"...Не знаю, понравятся ли вам образчики здешней флоры, о которой я говорил так много во втором письме (от 22 октября 1838 г. – *Сост.*), может быть, мой выбор не совсем был счастлив, но надобно сказать, что выбор мой ограничивался не многими растениями; я должен был выбирать только из тех, которые удалось мне срисовать с натуры в последние два лета, к тому же в два букета нельзя собрать всех украшений лесов и степей сибирских; если бы мне вздумалось исчислить поименно все здешние растения, замечательные красотою своих цветков, то я наполнил бы ими не одно, но три письма в лист. Здесь нет преувеличения, но довольно о цветах, только прошу вас, любезные сестрицы, не судите о их красоте по моим рисункам, изображать природу трудно, и не по моей кисти"[78].

Интересные документом, свидетельствующим о связях декабристов, в том числе и П.И. Борисова, с Петербургским ботаническим садом Академии

---

[76] Эта часть письма П.И. Борисова приводилась ранее.

[77] Декабристы о Бурятии. С. 182.

[78] Там же. С. 185.

наук, является письмо, посланное им С.Г. Волконскому из Подлопаток 19 марта 1841 г. в Урик[79]. Приводим выдержку из него: «...Потрудитесь поклониться от меня Александру Викторовичу[80], скажите ему, что Фишер порядком посмеялся над знаниями петровских ботаников и до сих пор не может понять, каким образом человек, занимающийся составлением флоры Восточной Сибири по крайне мере цветники или букеты сибирских цветов[81], не знает растения, самого обыкновенного во всей Даурии, уже около 100 лет известного всем ботаникам и даже простым любителям цветоводства. Он без сомнения догадается тотчас, что речь идет о слабительном корне, которого семена и с тщанием отделанный рисунок был выслан в Санкт-Петербург как диковинка, как английский мог. Русское, или лучше сказать, сибирское название этого растения – мужик-корень, принятое нашими ботаниками, происходит от его корня, который имеет некоторое сходство с человеческой фигурой, а латинское Stellera chamaejasme дано в честь ученого Стеллера, которым оно открыто. Этот вид Стеллера с двумя другими составляет особенный род и принадлежит к одному семейству с Daphne pasjerina Lachnea struthiola quiuquales Lagetta (кружевное дерево, то есть к семейству Thymeleaceae новейших французских ботаников – нельзя не вспомнить русской пословицы: "Век живи, век учись"»[82].

Судьба названного здесь рисунка, отправленного директору Ботанического сада Академии наук Ф.Б. Фишеру "петровскими ботаниками" – узниками Петровской тюрьмы, неизвестна. Повторение или вариант его можно видеть в альбомах, принадлежавших С.Г. Волконской, К.Я. Дарагану, И.Д. Булычову. Установить связь с Ботаническим садом декабристам, среди которых многие интересовались ботаникой и, в частности, садоводством, цветоводством и огородничеством, удалось, видимо, через М.Н. Волконскую, семья которой находилась с Ф.Б. Фишером в самых тесных дружеских отношениях[83]. Могли способствовать такому контакту и местные ботаники-любители, прежде всего М.А. Зензинов, известный приятельскими контактами со многими декабристами, регулярно посылавший Ф.Б. Фишеру свои ботанические сборы[84].

Не раз возникал вопрос о возможности знакомства П.И. Борисова с Н.С. Турчаниновым[85], поскольку ареал и время их флористических наблюдений в какой-то своей части совпадали, а также и потому, что оба имели в Сибири немало общих знакомых. Однозначного ответа на этот вопрос нет и поныне. Но в любом случае интересно сопоставить труды обоих исследователей, что становится возможным с введением в научный оборот ботанических материалов П.И. Борисова.

---

[79] Место поселения некоторых декабристов недалеко от Иркутска.

[80] А.В. Поджио, декабрист.

[81] Так в тексте – без согласования. Сказуемое было, видимо, пропущено П.И. Борисовым при переписывании письма в копировальную тетрадь.

[82] Декабристы о Бурятии. С. 194–195. Подчеркнуто в оригинале.

[83] *Редин Р.Ф.* Семья Раевских. Не только воины, но и естествоиспытатели // Природа. 1985. № 5. С. 74–85.

[84] ОР РГБ, Ф. 108. Картон 2. Ед.хр. 41, Л. 1–41 "Опись растениям для г. Фишера. Академия наук. Ботанический сад" (перечислено 5603 экземпляра растений).

[85] См.: *Чуковская Л.К.* Декабристы – исследователи Сибири. Иркутск, 1951. С. 106–107; *Петряев Е.Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 14–15.

Основную часть научного наследия П.И. Борисова составляют его работы в области естествознания. Однако интерес к наукам общественным сопровождал его в течение всей жизни. К сожалению, материалов, связанных с его занятиями в области гуманитарных наук, сохранилось немного.

Единственным оригинальным сочинением, в создании которого, безусловно, принимал участие П.И. Борисов, является история общества Соединенных славян, известная под заглавием "Записки И.И. Горбачевского". Без прямого участия П.И. Борисова невозможно было бы, по нашему убеждению, столь глубокое, как это имеет место в данном труде, проникновение в идеологию общества Соединенных славян, анализ его противоречий с Южным обществом декабристов, а также тех противоречий, которые имелись внутри самого "Славянского союза". Мнение Б.Е. Сыроечковского, сторонника авторства И.И. Горбачевского, для нас важно в данном случае в плане той оценки, которую он дал "Запискам", назвав их "научным исследованием", "исторической монографией"[86].

Из следственных дел декабристов известно, что еще до восстания П.И. Борисов переводил выдержки из сочинений Вольтера и Гельвеция[87]. В настоящее время выявлены те переводы, которыми он занимался в Петровском остроге и Подлопатках. В Сибири переводами занимались многие декабристы. С этой целью они выбирали сочинения, представлявшие, с их точки зрения, общественный интерес, и в то же время приемлемые для цензуры, так как видели в этой работе не только один из способов просветительской деятельности, но и возможный источник заработка.

Одна книга переводов была П.И. Борисовым завершена и подготовлена к печати[88]. Рукопись переписана набело на прекрасной бумаге самим Петром Ивановичем, страницы ее им пронумерованы, созданы титульный лист и оглавление, текст четко организован; он расчленен на три раздела и отдельные рубрики, с самостоятельными заголовками, со ссылками на использованную литературу, с указанием времени и места работы над переводами. Андреем Ивановичем рукопись переплетена, и его переплет может служить образцом художественного оформления книги. На титульном листе помимо заглавия зафиксированы время и место создания книги: "Переводы из разных иностранных писателей. Часть первая. 1840. С. Подлопатки". Своего имени как переводчика П.. Борисов не назвал. Первый раздел книги озаглавлен: "Хронологический очерк истории философии и права от начала оных до нашего времени", в конце раздела отмечено: "Петровский завод – 1832. Октябрь 24 – ноябрь 4. 1840". Второй раздел книги имеет следующий заголовок: "Выписки о присяжных и других судебных учреждениях. Из разных иностранных писателей". Третий раздел назван: "Исторические исследования о происхождении некоторых английских постановлений". В конце раздела указаны место и время работы над его материалами: "Петровский завод. 1830–1836. декабрь 15.1840". Завершает книгу запись: "Конец первой части". Часть эта является единственной, какое-либо ее продолжение неизвестно.

---

[86] *Горбачевский И.И.* Записки. М., 1925. С. 31.

[87] См.: Вд. Т. 5. С. 192; Т. 13. С. 135.

[88] См.: ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 1–168; ПКНО. Ежегодник 1998. М., 1999. С. 80–81. Вклейка. Фотография рукописи.

П.Г. Рындзюнский, занимавшийся изучением переводов П.И. Борисова, определил круг использованной для данной книги иностранной литературы, уточнил ссылки, выявил творческий замысел, который лег в основу его работы[89]. Все отобранные П.И. Борисовым для перевода тексты подчинены строгой логической последовательности, раскрывают темы, обозначенные в названиях ее разделов, поэтому книга переводов, не являясь оригинальным трудом П.И. Борисова, позволяет в какой-то степени представить взгляды декабриста на роль науки и правовых институтов для создания справедливого общества.

Материалы, относящиеся к задуманному П.И. Борисовым переводу трактата Ч. Беккариа "О преступлениях и наказаниях" сохранились в черновой рукописи, озаглавленной "Преступление и наказание", которая является автографом декабриста[90]. Имя автора труда, как и имя переводчика, не указаны. Рукопись состоит из дословного перевода отдельных мест труда Ч. Беккария и сжатого изложения других его частей; некоторые разделы остались не переведенными.

П.Г. Рындзюнский установил, что П.И. Борисов переводил сочинение Ч. Беккариа с его первоначального варианта, а не с того, который, будучи принят автором после перевода его труда на французский язык с некоторыми изменениями, стал общепринятым и послужил основой переводов на русский язык, созданных Д. Языковым и А. Хрущевым в начале XIX в. В переводе П.И. Борисова, как считает П.Г. Рындзюнский, главное заключается в том, что отбор текстов, порядок изложения, акценты были подчинены стремлению показать зависимость общественного порядка от принятой в том или ином государстве системы судопроизводства[91].

Среди переводов П.И. Борисова есть три небольшие записки, названные им "Исторические занятия П.И. Борисова", "Египтяне" и "Греки"[92]. Записки представляют собой переводы пояснительных текстов к таблицам и рисункам иллюстрированных изданий, содержащих изображения памятников архитектуры, регалий правителей Древнего Египта и Древней Греции, одежд и бытовой утвари того времени.

Все сохранившиеся переводы П.И. Борисова свидетельствуют о его серьезном интересе к древней и новой истории разных народов. Все они использованы С.С. Волком в монографии, посвященной историческим взглядам декабристов[93].

В сочинении П.И. Борисова "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" имеются отдельные отступления на исторические темы, которые автор старается связать с темой своего исследования – орлами, соколами, совами, но по существу своему не имеющими никакого отношения к орнитологии. Они касаются античных древностей, положения зависимых крестьян в средневековой Европе, борьбы американских колоний за независимость. Все эти

---

[89] *Рындзюнский П.Г.* Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении // Труды Гос. Исторического музея. М., 1941. Вып. 15. С. 12–20.

[90] ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 205. О переводах труда Ч. Беккариа в России см.: *Решетников Ф.М.* Беккариа. М.; Юрид. лит-ра, 1987. С. 91–108.

[91] См.: Труды Гос. Исторического музея. М., 1941. Вып. 15. С. 12–14.

[92] ГАРФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 204.

[93] См.: *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 25, 44–45, 48, 154, 162, 164, 187, 205, 216, 241, 267.

экскурсы П.И. Борисова в историю дополняют наблюдения С.С. Волка, который видел у многих декабристов в их обращении к истории средство выражения в какой-то степени собственных политических взглядов.

Перед нами предстает в высшей степени богатая творческая личность. Замечательно, что вся разносторонняя деятельность декабриста отмечена поразительным единством. Его научные изыскания проникнуты глубоким патриотизмом и пониманием необходимости коренных социальных преобразований; живописное наследие неотделимо от естественнонаучного, художественное творчество для Борисова-натуралиста оказывается и средством и итогом естественнонаучных наблюдений.

Не чужд был П.И. Борисов и поэтическому творчеству, в котором отразились его естественнонаучные и общественно-политические устремления, о чем свидетельствует публикуемая нами басня "Филин и Зяблик"[94].

При изучении научного наследия П.И. Борисова приходится учитывать, что не все его работы сохранились до нашего времени, не все сохранившиеся выявлены. Не могли не привести к гибели значительной части бумаг Борисовых обстоятельства их смерти, которой сопутствовал пожар в доме. Выявлению материалов может мешать их анонимность, так как Петр Иванович, как уже говорилось, своих работ, как правило, не подписывал.

Отклики на научную деятельность П.И. Борисова появились при его жизни. Мы уже упоминали, что с его работами были знакомы А.Я. Купфер и А.Ф. Миддендорф; имена братьев Борисовых могли быть известны Г.И. Фишеру и Ф.Б. Фишеру; позднее признание заслуг П.И. Борисова в науке нашло отражение в трудах Н.А. Северцова и Г.И. Вильда. Однако мнение всех этих крупнейших ученых не вышло за пределы их круга.

Научные интересы и деятельность братьев Борисовых нашли отражение в мемуарной литературе, ссылки на которую приводились выше. Возросший интерес к движению декабристов, связанный со столетием их выступления – 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге, поставил и проблему судьбы научного наследия братьев Борисовых. "Роль братьев Борисовых в изучении Сибирской природы не учтена и не осознана", – писал в те годы М.К. Азадовский[97]. Однако проблемы эти не нашли тогда своего развития. Еще относительно недавно существовало и такое мнение, что интересы П.И. Борисова были сосредоточены на изучении общественных и, в частности философских, наук, что же касается естествознания, то интерес к нему якобы ограничивался вопросами метеорологии и климатологии[98]. И только с появлением в поле зрения историков науки и, в частности историков-декабристоведов, монографии П.И. Борисова "Орнитологическая фавна Восточной Сибири", о которой первым сообщением была статья В.В. Сорокина, установившего авторство декабриста[99], а также с выявлением необыкновенного художественного наследия П.И. Борисова, тесно связанного с его естественнонаучными занятиями, поднялся на новый уровень вопрос о П.И. Борисове как ученом-естествоиспытателе.

О.А. Александровская, К.С. Куйбышева, Н.И. Сафонова

---

[97] *Азадовский М.К.* Страницы истории декабризма. Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. Кн. 1. С. 56.

[98] См.: *Бахаев В.Б.* Декабристы – братья Борисовы на поселении в Бурятии // Труды Бурят. ин-та обществ. наук. С. 162–173.

[99] *Сорокин В.В.* Природоведческие альбомы декабриста П.И. Борисова // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 40–48.

АКВАРЕЛИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Сохранившиеся атласы птиц, растений и насекомых – важнейшая часть научного творчества П.И. Борисова. Это уникальные документы, которые являются и средством, и результатом многолетних стационарных исследований в Забайкалье и Прибайкалье. Ныне выявлено 462 акварели его работы, 461 из них воспроизведена в 1986 г. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч.), но без сопровождающего научного аппарата. В настоящем издании авторский научный аппарат, относящийся к наблюдениям и определениям изображенных на акварелях биологических объектов, а также идентификация их современными систематиками, даны в Каталоге акварелей.

Здесь мы публикуем всего 127 рисунков: по одному представителю "рода"

Все публикуемые рисунки имеют порядковый номер по вклейке, показанный курсивом, и отсылку к соответствующей аннотации по каталогу, данную полужирным.

Кроме того, имеется отсылка к страницам текста, раскрывающим полное содержание соответствующих атласов.

Последовательность рисунков атласа "Орнитологическая фавна", нарушенная его владельцем, восстановлена, насколько это возможно, по публикуемому нами тексту этого труда.

Ориентация рисунков на листе соответствует авторской (за исключением рис. *1, 108, 109, 126, 127*)

На рисунках *48–51* нами восстановлена авторская нумерация изображенных растений.

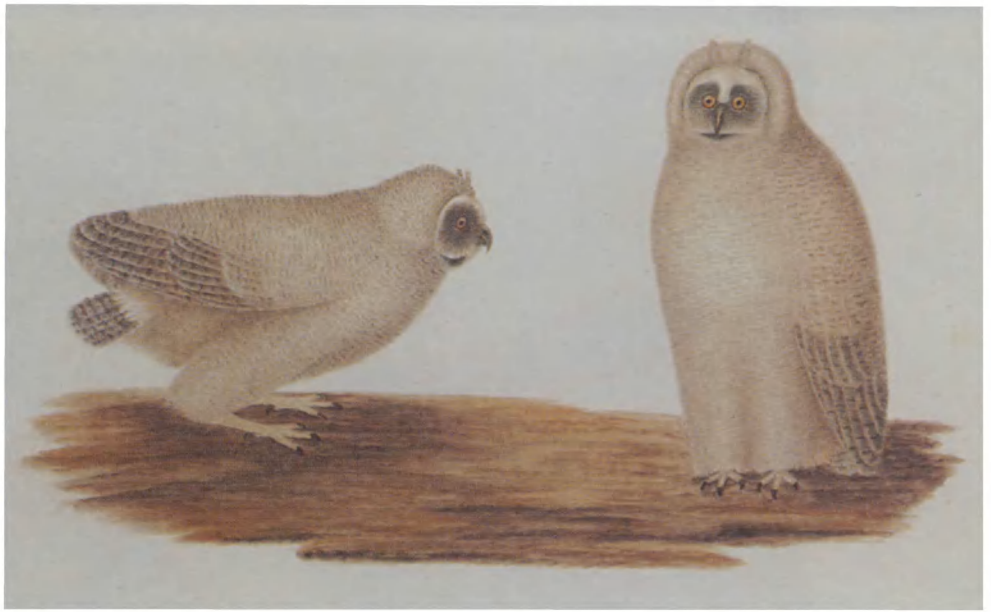
Орнитологическая фавна Восточной Сибири

1 Виньетка к Атласу. 1850-е годы (перечень видов см.: с. 237–247)

2

232

3 **245**



4 **247**

5

251

7

253

8 **369**

9 **266**

10

12

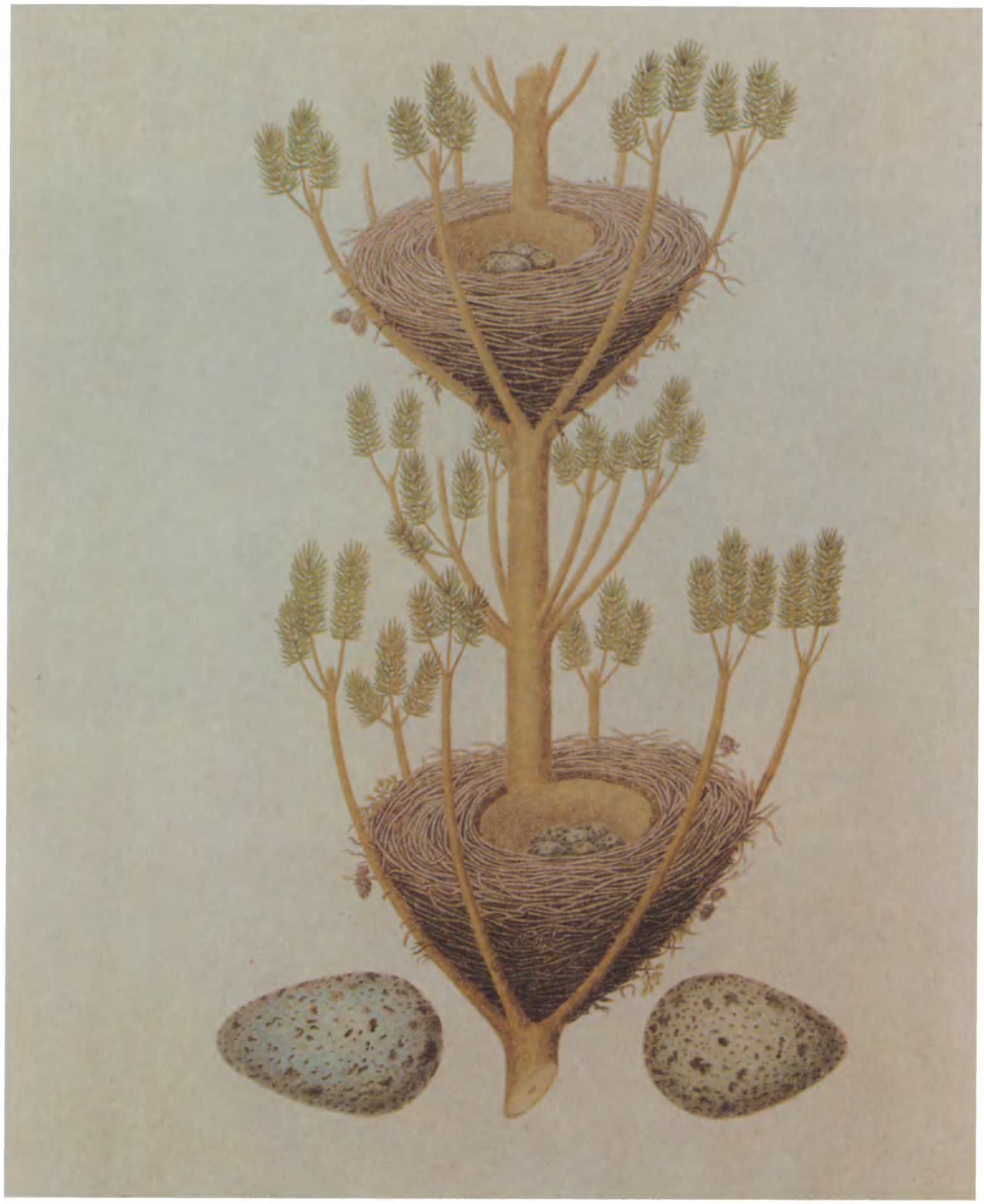
379

13 **267**

14 **268**

15 **275**

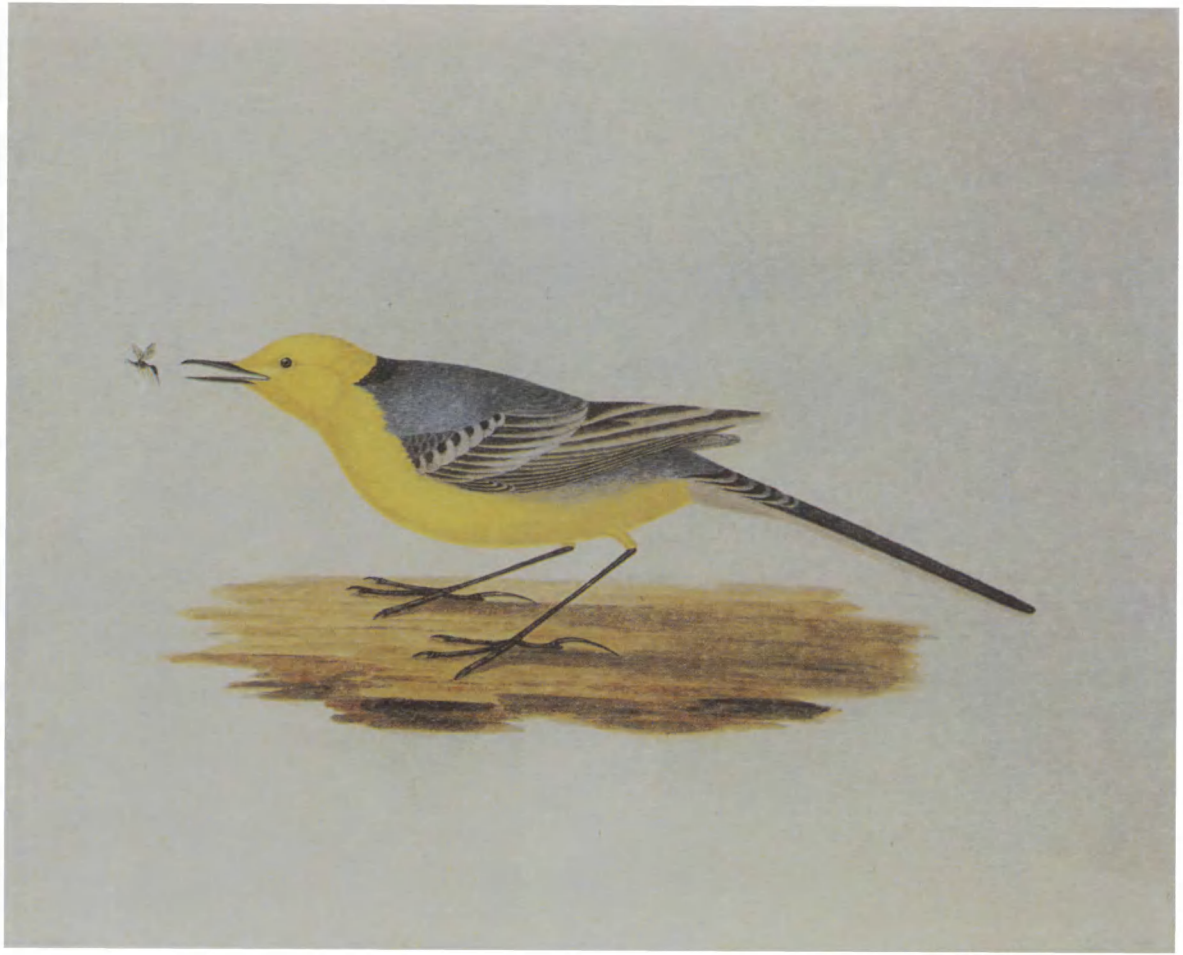
16 **276**



17

18 **280**

19 **281**



20

286

21

292

22 **224**

23 **378**

25

298

26 **304**

27 **309**

28

305

29

192

30

414

31

32 **347**

33 **346**

34 **211**

35 **218**

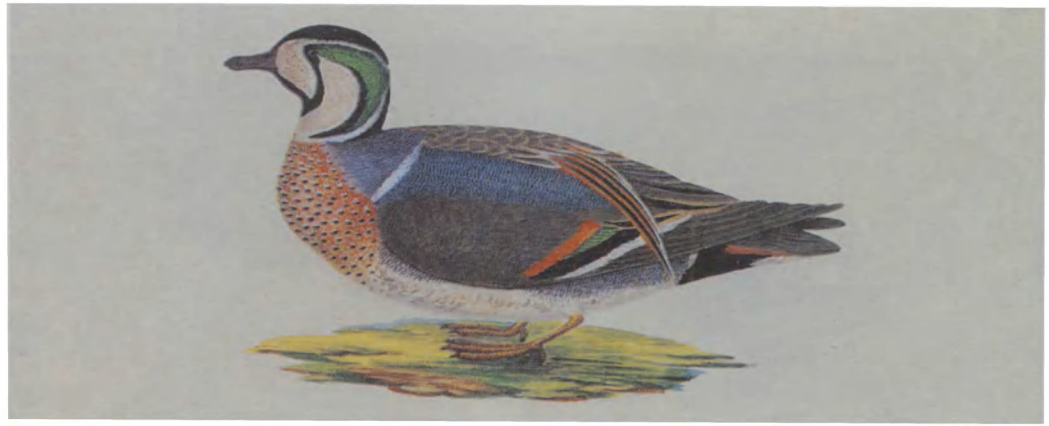
36

37

325

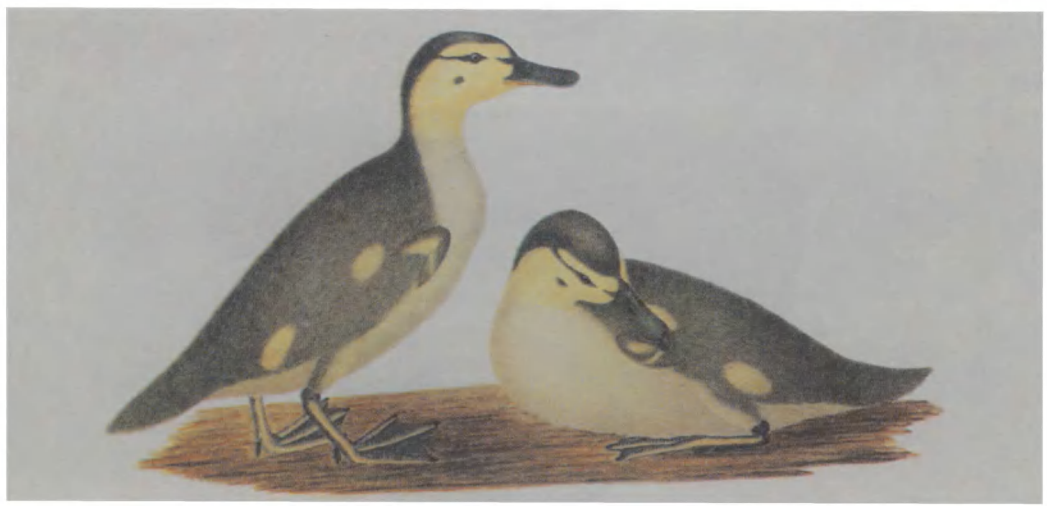
38 **335**

39 **336**



40

353



41

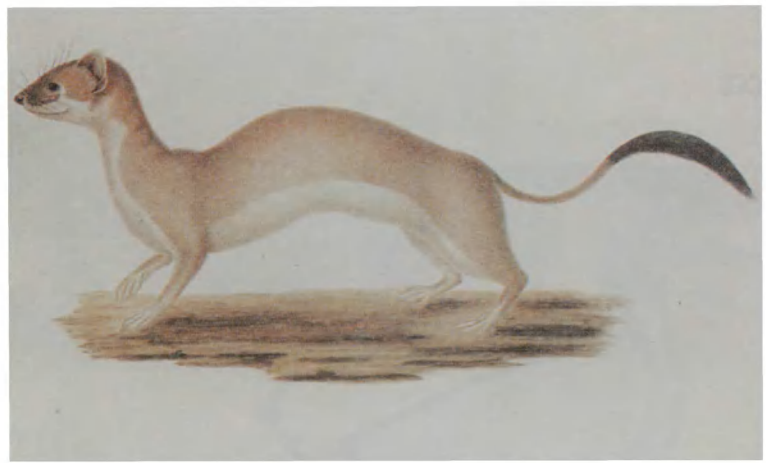
354

42 **349**

43 **333**

44 **186**

45 **187**



46 **188**

47 ***189***

48 Атлас без авторского названия. 1830-е годы **69**/"4"–"9"
(перечень видов см.: с. 248–251)

·74/"16"

21
22
23

24
25

52 **Титульный лист Атласа** **1**
(перечень видов см.: с. 252–261)

53 **3**

54

5

55 6

56 **9**

57 **13**

58 **14**

59 **15**

60 **16**

61 **17**

62 **18**

63 **19**

64

21

65 **166**

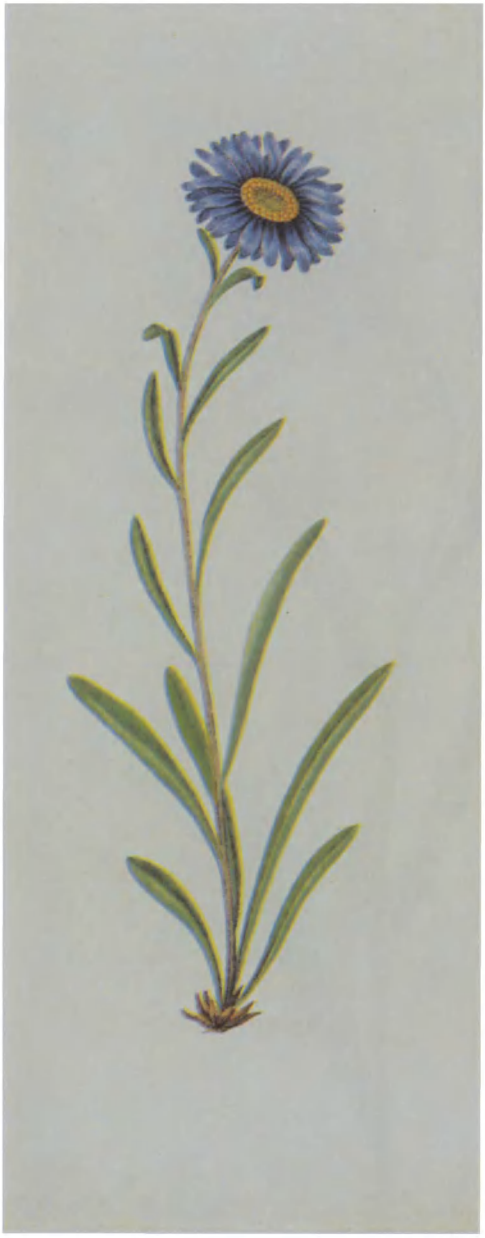
66

133

67 **25**

68 **26**

69 **27**



70 **28**

71 **29**

72 **30**

73 **31**

74 **32**

75 **34**

76 **38**

77 **40**

78 **41**

79 **42**

80 **43**

81

45

82 **47**

83 **48**

84 **49**

85 **50**

86 **53**

87 **54**

88 **55**

89 **56**

90

59

91 **62**

92 **63**

93

64

94 **65**

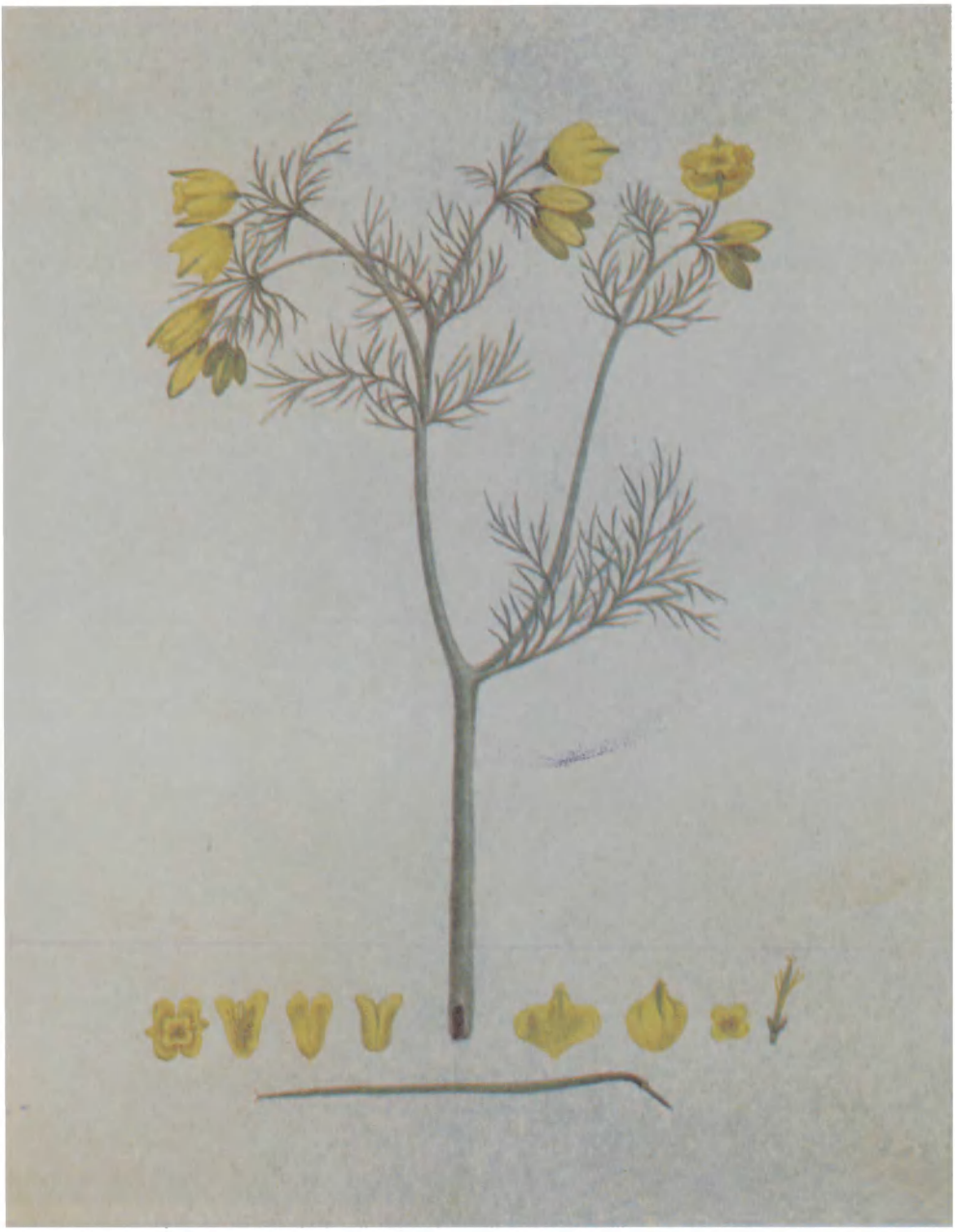
95 **67**

96 Титульный лист Атласа. 1850-е годы **88**
(перечень видов см.: с. 262–264)

97 **101**

98 **102**

99 **107**



100 **108**

101

109

102 **117**

103

104 **130**

105

131

106 **135**

107 **134**

108

109

110

142

111–112

113 **156**

114

115

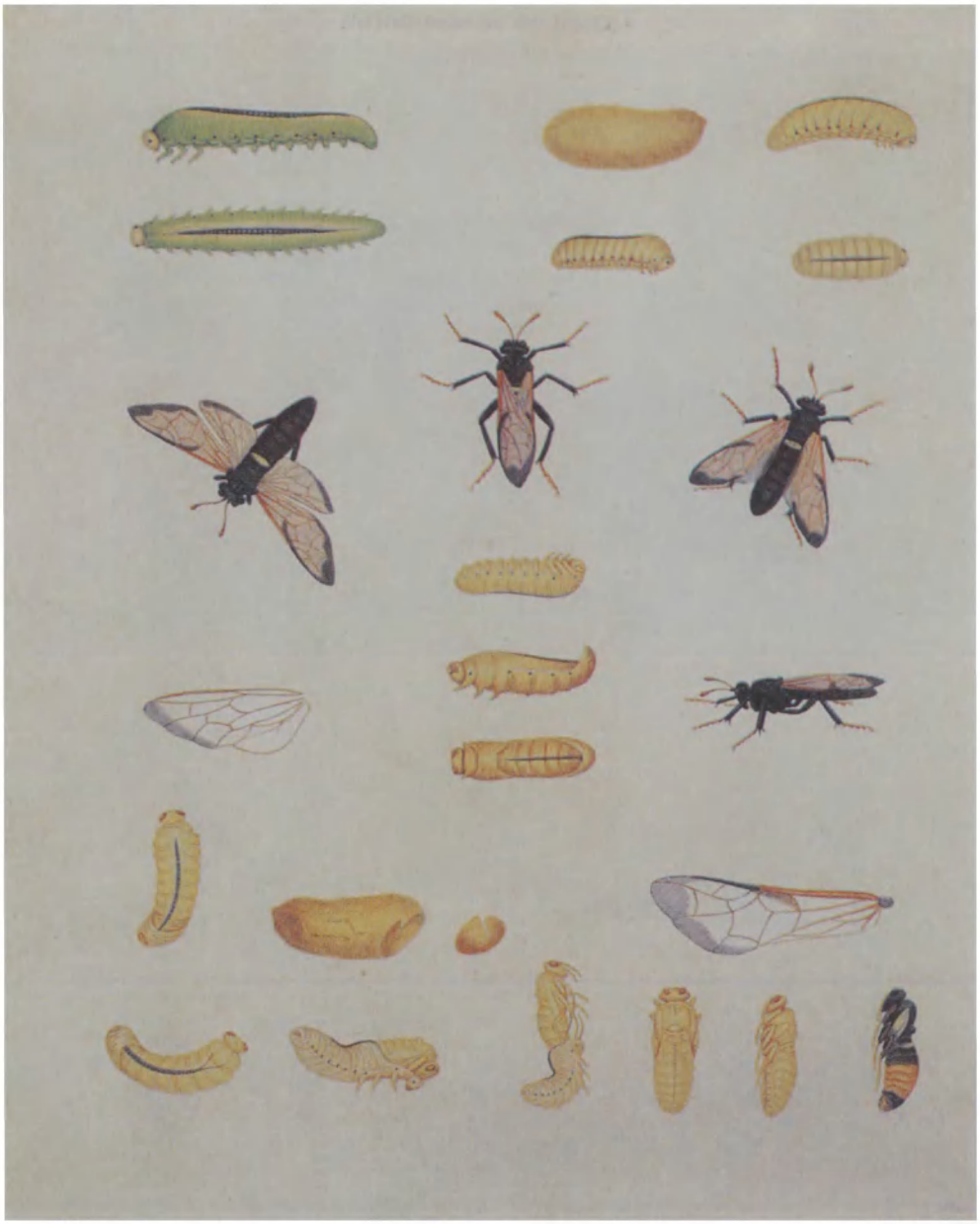
116 **160**

117 **164**

118 **165**

119

120 Метаморфоз насекомых. Атлас 1850-е годы **174**
(перечень видов см.: с. 265, 266)



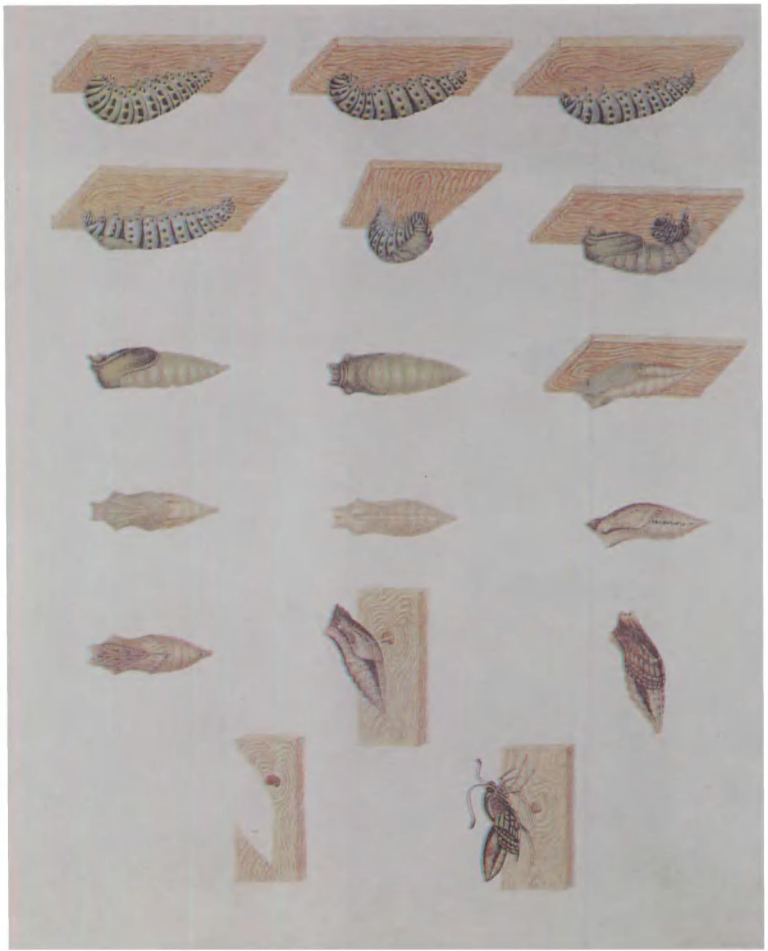
121 **176**

122 **178**

123 **179**

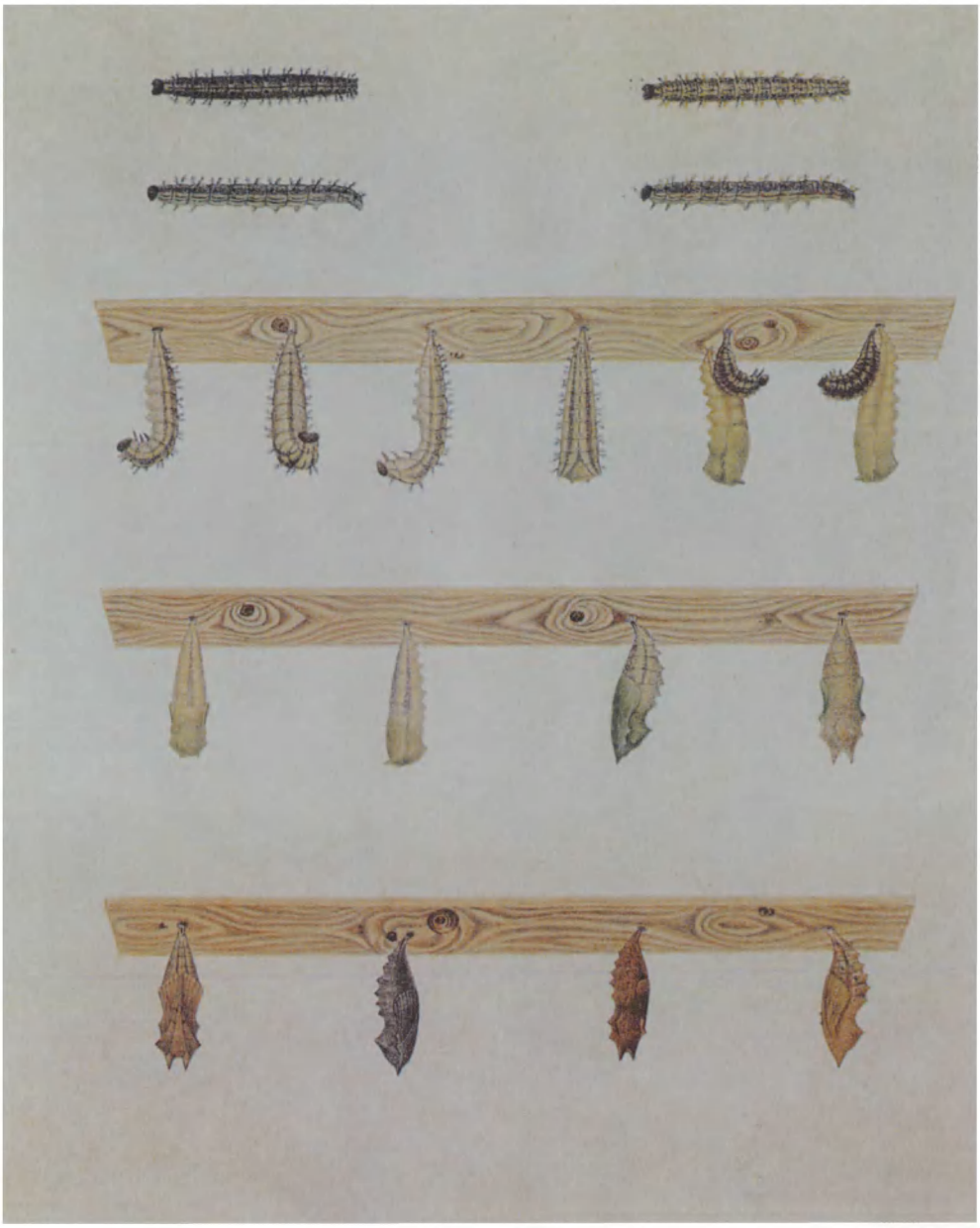
124 **181**

125 **182**



126

127



128 **185**

НЕИЗДАННЫЕ ТРУДЫ

Орнитологическая фавна Восточной Сибири
Текст. Атлас
Атлас без авторского названия

Букет Восточной Сибири

Очерк изящной флоры Забайкальского края

Метаморфоз насекомых

Записка о муравьях

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ФАВНА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. ТЕКСТ[1]

ХИЩНЫЕ[2]
РОД 5
ПОРЯДОК I[3]
(Rapaces)

Клев[4] короткий, крепкий, по сторонам сжатый, при оконечности согнутый. Верхняя челюсть[5] при основании покрыта голой толстой и окрашенной перепонкой; ноздри открыты; ноги короткие или средней величины; до пяток, а иногда и до самого начала пальцев покрыты перьями. Все четыре пальца расположены в одной плоскости, совершенно отделены один от другого или при основании снизу соединены перепонкою, когти заострены и круто согнутые, входящие в оконечности пальцев[6].

СОКОЛ
(Falco)

Клев крючком и очень часто сгибается от самого основания, которое всегда убрано большим или меньшим числом волосков[7] и покрыто толстою окрашенною перепонкою, называемою обыкновенно восчанкою. Челюсти более или менее зубчаты[8], нижняя короче верхней и от половины до оконечности срезана накось. Ноздри лежат по сторонам круглые или овальные и проняты[9] на восчанке[10]. Ноги вообще жилистые[11], крепкие; внешняя сторона голеней покрыта длинными перьями, висящими вниз, а плюсна чешуйками или мелкими, плотно друг к другу сидящими, перышками; на ногах четыре пальца, все они находятся в одной плоскости, совершенно отделены друг от друга и только иногда между боковыми и средним внизу подле основания находится небольшая перепонка, соединяющая начало первых составов[12]. Когти заостренные, круто согнутые и подвижные, то есть могут по воле птицы выходить и входить отчасти в оконечности пальцев. Хвост состоит из двенадцати перьев[13].

Породы, причисленные новейшими орнитологами к соколиному роду по сходству наружности, образу жизни и привычкам, составляют довольно естественную группу и с первого взгляда могут быть отличины от пород, принадлежащих другим семействам хищных птиц; однако же, несмотря на это, соколиный род потерпел много изменений[14]. Ученые, стараясь привести в известность многочисленные породы соколов, между которыми, вероятно, находится несколько пород самостоятельных, сколько вариантов, происходящих от различия полов и возрастов, раздробляли этот род и из его раздроблений составляли новые особенные роды, из которых перемешивали

виды то в то, то в другое подразделение. К сожалению, их труды, при всей их тщательности и добросовестности, не приносят существенной пользы изучению хищных птиц. Признаки составленных вновь родов неопределенны, неясны и сомнительны. Поэтому, кажется, самое благоразумие предписывает любителям Естествопознания, оставив бесполезные попытки упростить изучение соколов новыми разделениями, последовать примеру Темминка, который, занимаясь в течение многих лет изучением хищных птиц, принял, наконец, разделение знаменитого Линнея почти без всякого изменения и удовольствовался одним подразделением его на восемь отделов или племен[15]: настоящих соколов, орлов, ястребов, бусардов[16], бюзов[17], каракаров[18], циминдов и коршунов – курятников или цыплятников. От постепенного изменения родового типа между породами, составляющими эти отдельные племена, столько же общего сходства, сколько и замечательных отличий. Впрочем, каждое племя представляет некоторые признаки довольно ясные, по которым можно узнать принадлежащую к нему породу.

Некоторые писатели замечают с удивлением, что разделение соколиного рода на благородное и неблагородное семейство, придуманное сокольниками средних веков[19], совпадает очень верно с новейшими разделениями, основанными на изучении организации[20]. Кажется, эту странность легко объяснить тем, что, хотя сокольники при своих классификациях и не обращали большого внимания на родовые признаки, открытые новейшими учеными в устройстве наружных органов, а руководствовались исключительно нравственными свойствами[21] птицы, однако же, необходимо должны были в своих выводах сойтись с глубокими естествоиспытателями и приблизиться к естественному разделению (если только какое-нибудь разделение творений природы можно назвать естественным). Причина этого очевидна: быстрота полета, смелость, способность сделаться ручным происходят от устройства внутренних и внешних органов. Таким образом, наружные органы служат как бы вывескою нрава, привычек и способностей, или, сказать вернее, последние бывают необходимым следствием устройства первых[22]. Возвышенность и острота грудной кости[23], крепость крыловых мускулов, длина и твердость передних плавильных перьев[24] делают птиц благородного семейства способными к смелому, быстрому, высокому и продолжительному полету. Крепким и зубчатым клевом, острыми и круто согнутыми когтями они страшны каждой птице, которую природа лишила надежных средств к обороне от столь сильных врагов. Отсюда их необычайная отвага, часто превращающаяся в дерзость. Даже способность их к охоте и послушанию можно истолковать их самонадеянностью, уверенностью, что можно [быть] смелым безнаказанно. Неволя не стесняет природного их инстинкта питаться живою добычею: увидя свою жертву, они забывают все стеснения; то, что называют способностью сделаться ручным, не что иное, как проявление этого же инстинкта, подавляющего в них природную осторожность и недоверчивость. Породы из семейства не благородных, напротив, несмотря на свою величину и силу, вооружены гораздо менее; их полет не так быстр, клев, ноги их когти слабее, и потому малейшее стеснение, принужденность отнимают у них смелость. Они злы, но неотважливы; осторожность заставляет их переносить голод; чтобы напасть на свою добычу, им надобен простор и уверенность в совершенной безопасности[25].

Все породы соколов одарены чрезвычайной зоркостью; с неимоверной высоты они ясно различают маленьких птиц, зверьков и пресмыкающихся, находящихся на земле. Настоящие соколы, копчики[26] и некоторые другие спускаются на свою добычу прямо и, так сказать, падают на нее отвесно, поэтому, преследуя летящую птицу, они стараются всегда подняться выше ее и *бьют* сверху. Бюзы и ястреба, напротив, спускаются накось и хватают сбоку. Когти составляют главнейшее оружие нападения; соколы пронзают ими свою жертву, хватают её и, если её тяжесть не превышает их силы, уносят с собою, в противном случае, пойманную ими птицу убивают и пожирают на месте. Часто хищник, удаляясь от места поимки, захватывает свою добычу обеими ногами и несет ее, держа в когтях. Почти все виды сокола питаются свежим мясом. Большие породы нападают на больших птиц и зверьков; маленькие довольствуются небольшими птичками, пресмыкающимися и даже насекомыми. Им всем необходима живая добыча, одна только крайность принуждает, и то некоторых, утолять голод мертвячиной. Зная, сколько погибает от ястребов и цыплятников домашних птиц, несмотря на должный присмотр, легко представить себе, какие опустошения производят они в полях и на реках, изобильных дичью. Те, которые питаются пресмыкающимися, полевыми мышами, кобылками[27] и насекомыми других родов, оказывают услугу людям.

Обыкновенно всем хищным птицам и плотоядным зверям приписывают лютость и прожорливость, не входя в исследование справедливости этого замечания [скажем], что, рассматривая законы природы без всякого предубеждения, едва ли можно упрекать какое-либо из ее творений в дурных качествах. Сокол, убивающий голубя, и цыплятник, пожирающий цыпленка[28], также мало заслуживают подобные упреки, как утка и лебедь, проглатывающие вдруг по нескольку десятков маленьких рыбок и водяных насекомых или мухоловка и пастушка, неутомимо преследующие мошек. Во всем этом виновна *одна* природа, если только она может быть когда-нибудь и в чем-нибудь виновна пред существами, подчиненными вечным непреложным ее законам[29]. Дав хищным птицам перепончатый желудок, не способный растирать зерна, короткие кишки, которые из самой питательной пищи едва могут отделять столько питательных частиц, сколько их необходимо для поддержания жизни. Природа, так сказать, предназначила этих птиц питаться свежим сочным мясом животных, одарив огромным зобом, она принудила их быть прожорливыми. Согласно с этим она же снабдила их средствами поддерживать существование, отнимая жизнь у других живых творений, вооружила крепким зубчатым клевом, острыми когтями и пр. Невыносимое чувство голода принуждает соколов презирать опасности, нападать на все живущее, пожирать свою добычу, не дожидаясь ее смерти[30], тоже должно сказать и о всех почти насекомоядных птицах, глотающих живых насекомых целиком. Не замечено, чтобы какая-нибудь порода хищных птиц при всей их прожорливости питалась мясом своих сродниц, даже в последней крайности. В этом случае они, кажется, воздержаннее людей, которые к общему стыду человечества не раз представляли ужасные формы Антропосадизма. Впрочем, рассматривая инстинктивные действия созданий природы[31], нельзя подводить их под нравственные правила, основанные на сознании обязанностей к самому себе и своему ближнему. Видеть везде отражение собственных чувствований и понятий можно поэту, а не философу.

Многие думают, будто бы хищные птицы не имеют нежной привязанности к своим птенцам; а если некоторые из них и не чужды этого чувства, общего всем живым существам, то оно никогда не бывает постоянно и продолжительно. По уверению известных писателей, едва только птенцы оперятся, соколы, орлы и другие соплеменные им виды перестают о них заботиться и выгоняют не только из гнезда, но даже из мест, в которых обыкновенно живут сами, своих детей, с трудом еще летающих. По мнению тех же писателей, такое отсутствие родительской нежности легко объясняется плотоядностью. Ничуть не удивительно, – говорят они, – видеть такую жестокость к плоду своей любви в тех, которые для удовлетворения первой потребности привыкли беспрестанно проливать кровь, для поддержания собственного существования поминутно лишать жизни существа слабые и беззащитные. Нежные чувства любви и чадолюбия не совместны с алчностью в крови. Итак, весьма естественно, что ни хищные птицы, ни плотоядные звери не могут иметь такой привязанности к детям, какую замечаем мы у всех птиц зерноядных и у животных, питающихся растениями. Может статься, это предположение не совсем ошибочно, однако же мы думаем противное. Нам кажется, что как хищные птицы, так и плотоядные звери не лишены нежных чувств любви и родительской привязанности; наблюдения доказывают, что многие из хищных птиц чрезвычайно постоянны в супружеской любви и всегда живут вместе. Американский белоголовый орел никогда не охотится без своей подруги, исключая время насиживания. По рассказам охотников, добывание из гнезд орлят и даже птенцов небольших пород соколиного рода, гнездящихся на высоких деревьях и утесистых горах, бывает сопряжено с величайшею опасностью, потому именно, что родители защищают птенцов с отчаянием, презирая ружейные выстрелы и палочные удары; они с криком бросаются на охотников, клюют их, царапают когтями, бьют крыльями и часто наносят опасные раны. Рассказывают также, будто бы видали соколов, летающих семьями и приучающих молодых преследовать и ловить добычу. Много писали о лютости тигров и львов, но никто не отрицает в тигрицах и львицах чрезвычайной привязанности к детям, напротив, по уверению всех, они защищают своих детей, не щадя собственной жизни, водят их с собой на ловли, приучают к трудностям охотничей жизни и пр. По нашему мнению, птенцы хищных птиц и птиц насекомоядных требуют гораздо более родительских попечений, чем птенцы зерноядных и береговых, питающихся молюсками и аппелидами[31a], живущими в иле и тине болот и рек; так же как детям плотоядных зверей труднее обойтись без пособия родителей, чем детям травоядных. И потому родительская привязанность первых должна быть по законам природы сильнее и продолжительнее привязанности последних. Чтобы поймать добычу, одаренную средствами избегнуть преследования полетом или бегством, лишить ее жизни, необходимо иметь силу, ловкость и некоторый уже навык. Чтоб найти зерно или молюску, почти лишенную движения, отыскать паству, нет надобности ни в чем, кроме зрения. Кроме того, птенцы курепястых птиц, уток, гусей и куликов приобретают рано способность плавать и бегать. Они вообще оставляют гнезда, не оперившись, и хотя не разлучаются с матерьми, которые отыскивают для них пищу и согревают их по крыльями, однако же легко могут обойтись без этих попечений и всегда оставляют мать прежде, чем достигнут полного развития. Цыплята тетеревей, куропаток и перепелок забо-

тятся о себе уже сами, хотя еще не имеют силы летать; кулички, покрытые еще пухом, бегают еще поодиночке и ищут пищи сами, без руководства родителей. Противное видим мы у птиц хищных и насекомоядных: птенцы их долго остаются слабыми и, пока не приобретут навыком всей силы и быстроты полета, они неуклюжи, вялы и неловки. Молодые пастушечки, каменицы, леснички и ласточки, уже совершенно оперившиеся, не перестают летать за родителями, которые продолжают кормить их до начала первого линянья. Нет никаких положительных доказательств, чтобы хищные птицы поступали иначе со своими птенцами[32]. В молодости мы воспитывали много хищных птиц[33], между прочим у нас были рыжеголовый ястреб, пустельга и перепелятник; эти птицы даже и в то время, когда могли летать, не переставали просить и брать корм из рук, но не осмеливались нападать на живых голубей и воробьев, посаженных в одну с ними клетку. По незнанию мы приписывали это трусости, но вскоре убедились в противном: рыжеголовый ястреб и пустельга, выпущенные на волю, не переставали посещать нас, нападали на молодых уток, кур, голубей и с домашней птицей расправлялись, как настоящие хозяева; поймав голубя или молодую курицу, они преспокойно принимались за свой обед; ястреб приподнимал перья и начинал кричать, когда хотели отнять у него добычу[34]. Нашего мнения, кажется, нельзя опровергнуть тем, что никогда не видали хищных птиц, летающих семьями. Эти птицы живут в местах уединенных, летают быстро и высоко. Наблюдения над их нравами сопряжены с большими трудностями; изучать их не так легко, как изучать нравы других пород, которые по образу своей жизни и доверчивости ведут жизнь менее дикую и даже посещают жилые места. Мы никогда не встречали молодых щеглоков, белохвостиков и цыплятников в местах открытых и около селений. Надобно думать, что они тогда только отваживаются на отдаленные ловли без родителей, когда уже выйдут из детского возраста и приобретут полное развитие организма.

Обыкновенное жилище соколов – густые леса и высокие утесистые горы, там они вьют свои гнезда на вершинах высоких дерев, между неприступными утесами и в глубоких расселинах скал. Хотя самки некоторых пород и несут до семи яиц, однако же соколиный род вообще не плодовит и в гнездах большей части его видов редко находят более двух птенцов, которые, вышедши из яиц, бывают покрыты довольно длинным и весьма густым пухом, обыкновенно белесоватым или сероватым.

Возраст у соколиных пород значительно изменяет цвет перьев. Судя по этим изменениям и по долготе жизни некоторых видов, как, например, царского орла, ислянского сокола и кречета, которые оставаясь в неволе, жили более пятидесяти лет, должно полагать, что хищные птицы этого рода растут медленно, достигают полного развития по истечении нескольких лет и в это только время получают способность производить себе подобных.

Полы различаются не столько нарядом, сколько величиною. Почти у всех соколов без исключения самка более самца целою третью всей величины. Это различие и изменение в цвете, производимые возрастом, ввели в заблуждение многих орнитологов. Принимая различие величины и цвета перьев за видовые признаки, они приняли варианты возраста и пола за породы самостоятельные.

В строении орлиных и соколиных гнезд не видно ни особенного искусства, ни тщательной отделки; в нем поразительна одна прочность. Основание

гнезда обыкновенно бывает сделано из более или менее толстых сучьев и ветвей, положенных накрест и составляющих род помоста, который устилается ровно мохом, древесными листьями и сухою травой. Орлы и другие большие породы, обитающие на *горах*, употребляют для гнезд жерди длиною более сажени; часто эти жерди кладут они между скалами, образующими края пропасти; тогда гнездо висит над бездною и совершенно неприступно.

Хищные птицы этого рода выводятся во всех странах земного шара и некоторые живут равно как в умеренных, так и в жарких странах. Те, которые обитают в Восточной Сибири, кажется, ведут жизнь кочующую и при начале холодного времени года удаляются в страны, лежащие ближе к тропикам. Зимою нигде нельзя встретить ни одного вида соколиного рода; они начинают появляться в начале мая. Неудивительно, что птицы, одаренные таким быстрым и сильным полетом, периодически переселяются из холодных и умеренных стран в теплые. Говорят, что канарский сокол герцога Лерма, из Андалузии в шестнадцать часов прилетел на остров Тенериф.

Соколы вообще молчали*вы*, но некоторые из них кричат беспрестанно; их крик резок, пронзителен и неприятен.

Известно всем, что соколиная охота долгое время составляла важное увеселение знатных особ, как на западе Европы, так и у нас в России. О воспитании, обучении и уходе за соколами, об искусстве вести охоту написано много ученых трактатов. При королевских дворах и у наших великих князей были придворные должности сокольничьих; феодальные владельцы и наши бояре следовали примеру своих государей: соколов и кречетов вывозили издалека по весьма дорогой цене. Можно думать, что этот род охоты принесен в Европу с Востока. Многие путешественники рассказывают, каким образом персияне и соседственные им народы охотятся с соколами на газелей. Кочующие киргиз-кайсаки[35] до сих пор покупают у наших уральских охотников молодых кречетов и беркутов и платят за них значительные суммы. Говорят, будто бы беркуты служат им не столько для охоты, сколько для охранения огромных стад от хищности волков... Мы слышали от одного степенного человека[36], посещавшего не раз киргизские орды, что выученный беркут, увидя волка, крадущегося к стаду, тотчас поднимается на воздух и с чрезвычайной быстротой спускается сверху на спину зверя, вонзает в нее крепкие свои когти и, стараясь взлететь со своею добычей, с такой силой сгибает позвоночный столп животного, что переламывает его, за чем неминуемо следует смерть.

За несколько лет перед сим в некоторых местах Малороссии употреблялись маленькие породы соколов для ловли куропаток, перепелок и молодых уток; но как выгоды, доставляемые такою охотой, далеко не вознаграждают трудов, требуемых воспитанием и уходом за этими птицами, то распространение образованности и промышленности необходимо должны были уничтожить и эти последние следы знаменитой некогда соколиной охоты. Только в то время, когда труд и время считались ничем, богатые, или, сказать лучше, сильные правом меча и копья владельцы могли содержать для своего увеселения огромную прислугу, необходимую для соколиной охоты, а на покупку птиц, на их воспитание и содержание не щадить добра, нажитого Бог знает как[37].

НАСТОЯЩИЙ СОКОЛ

(Falco)

Первое отделение соколиного рода

Клев посредственной длины, крепкий; верхняя его челюсть от самого основания к оконечности наклонена и потому, круто загибаясь вниз, образует острый крючок, края ее вооружены двумя зубцами, входящими в зазубрины нижней челюсти, которая округлена накось. Основание клева покрыто восчанкою, на ней лежат ноздри, почти круглые и совершенно открытые. Ноги крепкие, сторона голеней покрыта длинными перьями, висящими вниз и закрывающими часть плюсны. Плюсна и пальцы в чешуйках, все пальцы разделены между собой, и у основания их нет перепонки. Когти острые, подвижные. Крылья длинные, заостренные. Первое плавильное перо немного короче второго[38], которое длиннее всех других, третье равно первому. Хвост длинный, ровный.

ДЕРБНИЧОК

(*falco vespertinus, subbuteo*[39])

Клев: верхняя челюсть 1,6, нижняя 1,2, хорда верхней челюсти 1,8; голова 3,8; крыло 28,0; хвост 13,5; плюсна 3,3; пальцы: внешние 2,4, средние 3,7, внутренние 2,2, задние 2,1; когти: внешние 1,0, средние 1,2, внутренние 1,0, задние 1,1; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 33,1; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 28,4[40]; второе плавильное перо длиннее всех; первое немного короче второго и равно третьему.

Наружность дербничка красива: в его осанке видна горделивая самонадеянность, взор его быстр, наряд прост, но не без приятности; верхняя часть головы и зашеек темного цвета, лоб, брови, стороны шеи, горло и начало груди белые, с рыжеватым в некоторых местах оттенком; широкое черноватое пятно, окружая глаза и закрывая ушки, опускается к груди и плечам двумя полосами, из которых передняя образует по сторонам горла род усов; это пятно замечается почти у всех настоящих соколов. Спина густого темно-пепельного цвета с черноватыми не совсем явственными пятнами. Все крыловые перья темные с беловатою строчкой. На передних плавильных перьях, исподи внутренних бородок по нескольку рыжеватых пятен. Грудь и брюхо белые с довольно частыми продолговатыми пятнами черного цвета. Хвостовые перья сверху темные с пепельной опушкой, исподи черноватые с поперечными рыжеватого цвета полосками; перья, покрывающие голени и нижние хвостовые покрывала, рыжие; первые испещрены черными пятнышками. Клев *изсине*-черноватый, восчанки, глазные веки, плюсна и пальцы желтые; когти черные, *ирис темного цвета*.

Эта порода обыкновенно живет в густых лесах, как по сю, так и по ту сторону Байкала[41], редко посещает жилые места, питается большею частью маленькими птичками; однако же нападает и на голубей, утят и молодых тетеревей. Говорят, будто бы дербничок летает следом за охотниками и, подстерегая подстреленных ими птиц, ловит и уносит их. Может статься, замечает Бюффон, эта привычка дербничка подала повод мелкопоместных дворян, охотящихся за чужой дичью и притесняющих поселян, называть в наслышку его именем (*Hobereau*) (на французском языке это слово в фигу-

ральном смысле означает докучливого соседа-*чужееда,* владельца небольшой отчины, притесняющего поселян)[42].

Дербничок водится во многих местах Западной Европы.

Синонимия: Falco vespertinus; Hobereau, Дербничок; Щеглок.

Атлас, метр. I[43]*, рис. 1*[44]. **[230]**

ПУСТЕЛЬГА
(Falco tinnunculus)

Клев: по ребру 1,76; от зевков 2,3; голова 3,2; средние хвостовые перья 17,5; самые крайние 14,2, плюсна 3,8; пальцы: внешний 1,95; средний 3,0, внутренний 1,8, задний 1,5; когти на внешнем 0,75, на среднем 0,9, на внутреннем 0,95, на заднем 1,0. Длина всей от оконечности клева до конца двух средних хвостовых перьев 33,9; от конца же клева до конца когтя на среднем пальце 26,3; размах крыльев 72,2; второе плавильное перо длиннее всех, хвост округлен[45]; на внутренних бородках пяти крайних пар по осьми черных полосок у самца[46].

Не многие из птиц одарены такою быстротою и легкостью полета, как пустельга. Поднявшись на значительную высоту, она, кажется, без всякого усилия и как бы вовсе не двигая крыльями, рассекает воздушные слои и переменяет направление своего пути. От соплеменных ей пород она отличается особенною привычкою в своем полете останавливаться иногда и довольно долго держаться на одном месте, поддерживая тяжесть своего тела частым и ускоренным движением крыльев. В это время с высоты она, вероятно, обозревает все видное пространство, стараясь открыть, нет ли где-нибудь такой добычи, которая нравится ей более других или на которую нападение легче и вернее. На замеченную добычу пустельга спускается с быстротою молнии и, не замедляя нисколько полета, хватает ее когтями налету, а в случае неудачи преследует с необыкновенною настойчивостью, походящею на ослепление, в котором она забывает все опасности[47].

Хотя пустельга больше зябленника[48] (Falco aesalon), летает гораздо выше и может сделаться ручною[49], однако же сокольники не употребляли ее для охоты на маленьких птичек. Ученый-женевец Губер, занимавшийся исследованием всего относящегося к соколиной охоте, выключил эту породу даже из числа высоколетных или благородных хищных птиц. По его мнению, образование клева и расположение плавильных перьев дают ей полное право на почетное название высоколетной, но устройство пальцев и когтей заставляет считать ее неблагородной[50]. Действительно, в наружности пустельги находим мы все признаки, отличающие настоящих соколов от других хищных пород, однако же потому ли, что ее пальцы и когти лишены той силы и ловкости, которые необходимы для удачного нападения на птиц, или потому, что мясо других животных нравится ей более, пустельга, кажется, предпочитает им полевых мышей, ящериц, лягушек, жуков и других насекомых[51]. Может быть, один недостаток любимой пищи, принуждает ее преследовать маленьких птичек, которых она ловит тоже довольно счастливо. Впрочем, сомнительно, чтобы она убивала куропаток и голубей[52], как это утверждают некоторые. Как бы то ни было, пустельга не допускалась в соколиную охоту, между тем как зябленник, питающийся исключительно

птичками, занимал в ней одно из важных мест и считался лучшим ловцом жаворонков и перепелов.

Наружность пустельги довольно красива. У самца, достигнувшего совершенного возраста, верхняя часть головы и щек, зашеек, хлуп[53] и верхние хвостовые покрывала[54] *изголуба-пепельные, спина, прикрылья*[55] и перышки, покрывающие начало крыльев, тусклого рыжего цвета с небольшими черными пятнышками, лежащими по средней оконечности пера. Пепельные перышки зашейка обозначены тоже черными пятнышками. Горло, нижняя часть щек и боков шеи белесоватые. Грудь, брюхо и нижние хвостовые покрывала[56] рыжеватые с продолговатыми черными пятнышками, которые на середине брюха шире и которых на хвостовых покрывалах[57] не заметно. Длинные перья, покрывающие голени, изжелта-рыжеватые, крыловые покрывала и плавильные перья черноватого цвета с белесоватыми краешками и кончиками. Хвостовые перья пепельные с широкою по оконечности полосою черного цвета и белесоватыми кончиками. На внутренних бородках пяти крайних пар бывает восемь, а иногда девять узеньких черных полосок, не доходящих до краев бородок, которых пепельный цвет чрезвычайно слаб на верхней половине пера и окрашен рыжеватым оттенком. Клев синеватый с черноватой оконечностью; восчанка, веки и обнаженное от перьев пространство около глаз желтые; пальцы и плюсна яркого желтого цвета; когти *черные, ирис* густого темного цвета. Темминк и другие орнитологи говорят, что у совершенно взрослой пустельги *ирис* желтый; у виденных нами в Восточной Сибири как самцов, так и самок *ирис* был всегда темного цвета, который у молодых был гораздо бледнее[58].

Самка более самца и отличается от него также цветом перьев, вся верхняя часть ее тела рыжеватая с поперечными темно-черноватыми полосками, а нижняя – изрыже-белесоватая с черными продолговатыми пятнами. Хвостовые перья рыжеватого цвета с девятью узенькими черными полосками, кроме широкой каймы, тоже черной, идущей по оконечности и отороченной бело-желтоватою опушкою.

Птенцы по выходе из яиц бывают покрыты белесоватым пухом, который в непродолжительном времени сменяется темно-рыжеватыми перьями с черными поперечными полосками, которые на спине составляют углы. В этом возрасте передние плавильные перья бывают темно-черноватого цвета с рыжеватыми и белесоватыми пятнами. Хвостовые рыжеватые, испещрены волнистыми серо-пепельными полосами и черными поперечными, как у взрослых самок; горло белесоватое, от зевков до верхней части щек идет темная полоса; грудь и брюхо рыже-белесоватые с продолговатыми черными пятнами, восчанка иззелена-желтоватая, ирис темного цвета[59].

Пустельга вьет гнезда большею частью в дуплах деревьев или помещает их на древесных ветвях, иногда она занимает также старые гнезда, покинутые сойками или сороками. Строение ее собственных гнезд небрежно, одни сухие прутья веток составляют строительный материал. Самка несет от трех до четырех яиц изжелто-рыжеватых с темно-красными пятнышками различной величины[60].

Воспитание этой птички не представляет таких трудностей, какие встречаются в воспитании многих других. Взятая из гнезда слабым, неоперившимся птенцом, она легко переносит грубую пищу, скоро привыкает к лю-

дям и даже становится до некоторой степени ручною[61]. Воспитываемые нами птенцы, как только начали летать, оставались совершенно свободными без всякого присмотра, однако же каждый вечер возвращались из леса домой и всегда ночевали в одном месте. Нередко, при неудачной охоте, они прилетали несколько раз требовать корма. Это продолжалось более месяца, но при наступлении времени отлета инстинкт заглушил в них эту привязанность или, сказать лучше, временную привычку, рожденную неволею[62], и однажды, в половине августа[63], улетели рано утром в лес, покрывающий близлежащие горы, они уже не возвращались назад. Наблюдение над птенцами хищных соровых[64] и других птиц, которых мы воспитывали сами, заставляют думать, что птицы привыкают не к месту их воспитания, как замечено это в некоторых зверях, а именно к человеку, их воспитывающему, которого они узнают, несмотря на перемену одежды[65], между тем как было много примеров, доказывающих, что некоторые звери при изменении одежды не только обнаруживают страх, недоверие или злобу к их хозяину, но вовсе не узнают его ни по голосу, ни по чертам лица. Может статься, это происходит не столько от памяти, сколько от тонкости слуха и совершенства зрения, которых нельзя оспаривать у птиц и которыми не все звери одарены в одинаковой степени[66].

Синонимия: Falco tinnunculus Gmel.; La Cresjerella Buff; l'Epervier des Allouttes Briss.; молодые; Falco bruneus Bechit.; Falco fasciatus Retz.

[Атлас], тетр. XVII, рис. 1. **[231]**

ОРЕЛ
(Falco aquila)
Второе отделение соколиного рода

Клев довольно длинный, крепкий; верхняя челюсть от основания идет прямо, а недалеко от оконечности круто загибается вниз, основание ее покрыто восчанкою; нижняя челюсть прямая и гораздо короче верхней. Ноздри овальные, открытые, проняты на восчанке. Глаза лежат в углублениях, которые образует выдавшаяся часть черепа над глазным орбитом. Плюсна равна или немного длиннее среднего пальца и вся покрыта маленькими перышками, у основания внизу боковые пальцы соединены со средним небольшою перепонкою. Крылья длинные и, будучи сложены, доходят почти до конца хвоста. Первое, второе и третье плавильные перья постепенно короче одно другого. Четвертое и пятое длиннее всех[67]. Круто согнутые когти крепки и остры. Хвост средней величины и обыкновенно при оконечности округлен.

Величественная наружность, необыкновенная сила, смелый и суровый взгляд орла, остающегося всегда победителем, необходимо должны были привлечь внимание древних народов и поразить глубоко их пылкое воображение. Итак, неудивительно, что греки, страстные к иносказаниям и символам, облекли орла царским саном, дали ему верховную власть над пернатыми обитателями воздуха, сделали его неразумным спутником отца и царя богов, вооружили мощные его когти громом и молнией. Неудивительно также, что грозный властелин воздуха явился на победоносных знаменах персов и римлян и потом, вместе с их славолюбием и жаждою к завоеванию и владычеству, достался в наследство новейшим народам, занял место на зна-

менах и гербах как символ величия и могущества[68]. Из знаменитых людей, имевших влияние на участь народов, вероятно, один только Франклин не разделял всеобщего пристрастия к орлу по миролюбивым наклонностям, трудолюбию и философскому воззрению на жизнь; он провидел, что народ может быть могущественен и славен без помощи меча и огня. Все знают, с каким жаром восставал он против желания своих соотечественников, принять национальным гербом американского белоголового орла[69].

В историческом отношении можно бы сказать много о неограниченном уважении древних народов к орлу и как они употребляли его для выражения какой-либо мысли или какого-нибудь важного события. Например, у римлян при апофеозе императоров, в то время когда зажигали костер, долженствовавший превратить в пепел тело обоготворяемого, выпускали орла. Этим хотели выразить, что покойник, не дождавшись разрушения бренных останков, превращался в царя птиц и улетал в область небожителей, где ожидали его слава и бессмертие, которые заслужил он своими воинскими и гражданскими добродетелями. Военные римские значки, так же как и французские во время Республики и Империи, изображали одноглавого орла; двуглавый явился во главе римских легионов, после того как желание прекратить междуусобные распри или невозможность из двух сильных честолюбцев избрать императором одного, подали мысль вручить верховную власть двум императорам. Эта мысль положила начало разделению империи на Восточную и Западную, но римляне, как бы желая скрыть от самих себя близкий конец всемирной монархии, оставили своего орла неприкосновенным и прибавили ему только другую голову, чем, без сомнения, думали изобразить, что Римская империя по-прежнему остается целою и нераздельною, хотя имеет двух императоров, двух верховных вождей и правителей. Древние историки говорят, будто бы первый орел, появившийся на острове Кипр, сел на кровлю Тивериева дома и, таким образом, был небесным предвозвестником будущей славы и могущества хозяина. Предмет нашей статьи не позволяет нам говорить подробнее о том, что принадлежит более истории, чем естествопознанию[70]. Итак, обратимся к свойствам и нравам орлов.

Пристрастие греков и римлян к этим птицам простиралось до того, что они думали, будто бы один только орел может смотреть на солнце прямо, не боясь быть ослепленным блеском его лучей, – это чистое заблуждение. Многие птицы других родов одарены подобною способностью, которая проистекает не от необыкновенной смелости и не от чрезвычайной силы зрения, а от физического устройства глаза. В крайнем углу этого органа у всех вообще птиц помещается полупрозрачная плева, называемая мигательною перепонкой, которая, распространяясь по всему глазу, закрывает ирис и ослабляет сильное действие света, от этого птицы смотрят, не щурясь на ярко освещенные предметы и могут беспрепятственно летать на весьма значительной высоте, где воздух разрежен в самую ясную погоду. Сквозь эту плеву они смотрят на самое солнце в полном его сиянии, не испытывая болезненного раздражения зрительных органов, как мы смотрим на него сквозь закопченное стекло[71].

Полет орлов более величествен, чем смел и силен. Изидор Жоффуа Сент-Иллер, разбирая различные формы крыла хищных птиц, разделяет их на два рода: острокрылых и тупокрылых. Те, у которых второе плавильное перо длиннее всех остальных, настоящие острокрылые, и чем острее крыло,

тем полет птицы быстрее и сильнее. Все породы, причисленные по древнему разделению сокольников к семейству благородных острокрылых, все неблагородные, напротив, тупокрылы. Полет тупокрылых величав, плавен, но не быстр[72].

Породы, составляющие племя орлов, замечательны необыкновенною величиной. Крикун, самая маленькая *из них*[73], несравненно больше всех других видов соколиного рода. Крепость мышцы – *источник силы* – соразмерна величине *орла*. Большие породы питаются обыкновенно дикими козами, сернами, овцами и птицами больших родов, как, например: лебедями, гусями и пр. Бывали случаи, что орлы уносили в свои гнезда восьми- и шестилетних детей. Сказывают, что охотникам не раз случалось находить около орлиных гнезд изорванные платья и кости, пропавших без вести малюток. Есть породы орлов, питающиеся рыбою, которую ловят искусно, но не всегда удачно. Говорят, будто бы однажды рыбаки поймали огромного карася с остовом скопы, когти одной лапы глубоко входили в спину рыбы, рана совершенно закрылась. Надобно думать, что после приключения со скопою карась жил долго, от птицы остались одни только кости[74].

Орлы живут в самых уединенных местах: гнездятся или на высоких деревьях, или на неприступных утесах гор[75]. Гнезда их чрезвычайно огромны, состоят из толстых сучьев и совершенно плоски. Самка несет от трех до четырех яиц, из которых два, и иногда и более, бесплодны[76]. Цвет яичной скорлупы изменяется по породам: у одних она белесовата или серовата; у других белая или изжелта-беловатая с красными, рыжими или черными пятнышками и черточками[77].

Наблюдения над нравами орлов дают право думать, что эти птицы, избрав однажды подругу, не разлучаются с ней во всю жизнь и постоянно живут парами[78]. Весьма вероятно также, что орлы не терпят, чтобы другие хищные птицы появлялись подле обитаемых ими мест и преследуют с жестокостью тех, которые осмеливаются залетать в их владения; но едва ли справедливо, будто бы они по своей прожорливости выгоняют даже своих птенцов, не давши им времени получить силу и навык, которые необходимы для успешной охоты. К изложенным выше сомнениям относительно сего предмета прибавим еще одно: сказывают, что многие жители горных мест, отыскав орлиное гнездо, привязывают к нему орлят и в отсутствие родителей приходят забирать свежую дичину, принесенную птенцам; уверяют, будто бы посредством этой хитрости в течение шести месяцев целые семьи продовольствуются свежею и вкусною дичью без всякого труда на счет бедных орлят. Если это правда, то не можно отрицать в орлах родительской нежности, иначе что могло бы заставить их кормить так долго совершенно уже взрослых детей[79].

Полагают, что после попугая и ворона орел долговечнее всех других птиц. Если верить Клейну, орлы живут около четырехсот лет; по нашему мнению, это уже слишком долго[80].

По свидетельству некоторых писателей, орлов можно тоже приучить к охоте и сделать до известной степени ручными. Мы уже сказали, что киргиз-кайсаки покупают беркутов как птиц, способных к охоте и к охранению стад от хищных зверей.

Орлы водятся во всех гористых местах Европы, Азии, Африки и большей части Северной Америки[81].

КРИКУН[82]
(Falco noevius[83])

Клев: верхняя челюсть по ребру 4,9, от зевков 5,6, нижняя от зевков[84] 5,4; голова 6,2; крыло 50,0; хвост 22,2; плюсна 11,6; пальцы: внешний 3,9, средний 5,1, внутренний 3,4, задний 2,9; когти: внешний 1,9, средний 2,7, внутренний 2,5, задний 3,0; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 61,7, от конца клева до оконечности когтя на среднем пальце 71,0; раскрылья[85] или размах крыльев 1 м 64 см. Крайние хвостовые перья короче средних, и оконечность хвоста закруглена.

Этот орел редко остается молчаливым и по своей крикливости вполне заслуживает имя крикуна. Он гораздо менее императорского и королевского орлов, но его осанка также величественна и горделива.

В наряде полов нет никакого различия; они разнятся одною величиною. Величина самки от оконечности клева до конца хвостовых перьев 61 см 4 мм; величина же самца только 56 см 6 мм. У совершенно взрослых все тело темного цвета, которого, однако же, сила и тон изменяются сообразно летам. Цвет крыльев и хвоста всегда гуще и чернее спинного. Молодые отличаются от взрослых овальными бело-сероватыми пятнами, которыми испещрены их бока, крылья и хвост[86]. Обманутые этим различием, Гмелин и Кювье приняли молодых орлов за особенную породу и означили ее именем пестрого орла. Клев и когти черные, восчанка, глазные веки, ирис и пальцы желтые, маленькие перышки, покрывающие плюсны, соцветны брюшным.

Крикун живет на горах, покрытых густым лесом; гнезда вьет на высоких деревьях. Самка несет более двух яиц белого цвета с красноватыми черточками[87].

Эта порода орлов скоро делается ручною, но по своей трусливости приносит мало пользы охотникам. Крикуны не так прожорливы, как орлы других пород; они питаются обыкновенно зайцами, тетеревами, утками, голубями, маленькими птичками и даже насекомыми больших родов.

В Египте так много крикунов, что некоторые естествоиспытатели дали этому виду орла название египетского. Обитающие в Восточной Сибири крикуны ведут жизнь кочующую и осенью оставляют здешние леса, может статься, живущие в умеренных странах Европы тоже совершают периодические переселения и, перелетев Средиземное море, проводят зиму на берегах Нила и поэтому встречаются в таком множестве в отечестве Фараонов. Впрочем, это одно предположение. Путешественники не обозначают в точности времени (по крайней мере сколько мы знаем), когда они в Нильской долине встречали более крикунов в июле или генваре[88].

Синонимия: Falco noevius; Falco maculatus Gmel., Cuv; Aigle criard, Petit Aigle, Aigle tachete'; Малый орел; Крикун.

Атлас, метр. I, рис. 2[89]. **[232]**

ЯСТРЕБ
(Falco astur[90])
Третье племя соколиного рода

Клев крепкий, загибающийся от самого основания, края верхней челюсти волнисты, ноздри почти совершенно круглые; плюсны очень высоки и гораздо длиннее среднего пальца, который иногда соединен с крайними у ос-

нования небольшою перепонкою. Крылья посредственной длины и, когда сложены, гораздо короче хвоста[91]. Первое плавильное перо несравненно менее второго, которое короче третьего, четвертое и пятое длиннее всех других[92]. Хвост длинный; плюсна в чешуйках.

После настоящих соколов, ястребы отважнее других племен соколиного рода и скоро делаются ручными[93], почему некоторые породы этих птиц считались принадлежащими к семейству благородных и употреблялись в соколиной охоте для ловли мелкой дичи. Нравы их мало чем отличаются от соколиных. Они живут обыкновенно в густых лесах: гнезда вьют на высоких деревьях[94]. Самка несет от четырех до пяти яиц бело-голубоватого цвета с темными пятнышками и черточками; впрочем, этот цвет изменяется по породам[95].

Ястреб нападает на молодых уток, голубей, куропаток, жаворонков, воробьев и других маленьких птичек. Полет его невысок, но довольно быстр и смел. Желая схватить добычу, он спускается на нее со стороны косвенным полетом. Поэтому ему необходимо всегда быть выше своей жертвы; иначе он не может схватить ее. Ласточки и пастушки часто с криком преследуют ястребов, окружают их со всех сторон[96]; но как они всегда летят с ними почти на одной высоте или даже немного выше, то ястреб, не защищаясь, продолжает свой полет и в то же время, завидя подорожников или воробьев, прячущихся в траве и редких кустарниках, быстро спускается на них и нередко схватывает в когти которого-нибудь из скрывающихся боязливцев[97].

ПУСТЕЛЬГА[98]
(Falco nisus[99])

Клев: верхняя челюсть 1,4, нижняя челюсть 1,2, хорда верхней челюсти 1,7; голова 3,4; крыло 21,0, хвост 16,3; плюсна 5,6; пальцы: внешний 2,3, средний 3,7, внутренний 1,6, задний 1,5; когти: внешний 1,0, средний 1,3, внутренний 1,1, задний 1,2; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 33,5; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 26,3. Первое плавильное перо очень короткое и согнуто внутрь, второе согнутое также короче третьего, третье немногим менее четвертого, четвертое и пятое равны между собою и длиннее всех. Хвост длинный и ровный.

Эта маленькая порода ястреба весьма обыкновенна во всех лесистых местах Восточной Сибири. Она очень жива в своих движениях, летает быстро и смело, питается большею частию маленькими птичками, которых преследует с неутомимостью в полях и по перелескам.

Господствующие цвета в наряде пустельги, *совершенно взрослой, но еще не достигшей полного развития*: черный, рыжий и желтоватый. Голова изжелта-белесоватая с частыми темными пятнами. Перья, покрывающие начало крыльев, спину и хлуп, черные с рыжею вокруг оторочкою. Крыловые покрывала и плавильные перья тоже черные с белесоватыми кончиками. Грудь, брюхо и нижние хвостовые покрывала желтоватого с рыжими пятнышками, окаймленными темными черточками. Эти пятнышки очень часты и составляют извилистые, почти сплошные полоски. Перья, покрывающие голени, немного светлее груди с темными пятнами неправильной фигуры. Верхние хвостовые покрывала соцветны спине; хвост темно-пепельный с широкими поперечными полосами черного цвета и со светло-желтоватою

оконечностью. Клев иссиня-черноватый. Восчанка нечистого желтого цвета. Глазные веки и ирис желтые. Плюсна и пальцы желто-темноватые, когти черные.

Старые отличаются от молодых тем, что верхние части их тела изголуба-пепельные, а нижние белые; хвост серо-пепельного с пятью полосами черно-пепельного цвета. Кроме того, на затылке у них бывает белое пятно, горло испещрено продольными, а грудь и брюхо поперечными черточками темного цвета[100].

Пустельга появляется здесь в половине апреля, редко раньше, а в исходе осени улетает снова в теплые страны.

Синонимия: Falco nisus[101], L'eprivier commun[102]; Перепелятник; Копчик.

Атлас, тетр. I, рис. 3[103]. **[233, 237]**

КОРШУН[104]

(*Milvus*[105])

Четвертое отделение соколиного рода

Верхняя челюсть клева от основания к оконечности наклонна, сверху угловата с волнистыми краями и конец ее загнут вниз крючком. Восчанка без волосков, ноздри лежат наклонно и с наружной стороны обозначены складкою[106], плюсны короткие, немного пониже пятки оперенные; крылья длинные; первое плавильное перо гораздо короче шестого, второе немногим короче пятого, третье почти одинаковой длины с четвертым, которое длиннее всех других; хвост развилистый[107].

Мы уже заметили, что нравы и свойства организированных существ, одаренных жизнью, определяются устройством внутренних и внешних органов. К этому замечанию можно прибавить другое, а именно: эти нравы и свойства могут быть приняты за выражение отношений, существующих между внутренней и внешней организацией живых творений и потому зависят от средств, которыми одарено животное удовлетворять естественные потребности и инстинктивное побуждение к самосохранению. Таким образом, коршуны, несмотря на свою плотоядность, робки, образование[108] их клева, слабость ног и когтей не позволяют им нападать на больших птиц и зверей с такою отвагою, как нападают орлы, соколы, ястребы. Плавным и красивым своим полетом, лишенным быстроты и силы, они не могут преследовать своей добычи налету, наносить ей смертные удары клевом или *хватать* ее когтями, поэтому коршуны всегда уклоняются от ссор с птицами, одаренными некоторой смелостью и средствами защиты. Даже при нападении на их самих вместо того, чтобы защищаться, они стараются отделаться от зачинщика бегством, ускоряя и возвышая полет, переменяя беспрестанно его направление. Добычи своей они обыкновенно ищут на земле, между существами слабыми, не способными ни к сопротивлению, ни к скорому бегству и которых вся оборона заключается в плачевных и отчаянных криках. Зоркий их глаз с высоты обозревает местность, следит за всеми движениями жертвы и открывает минуту, благоприятную к нападению. Птенцы куренятых птиц[109], уток и полевые мыши служат главною пищей коршунов, а в случае недостатка – мертвая рыба, плавающая на поверхности воды[110], и трупы птиц и зверей.

Полет коршунов очень красив. Летая, они, кажется, плавают в воздухе. Как при прямом полете, так и при *описываемых* ими кругах, движение их

крыльев почти неприметно; ровно спускаясь к земле, они не переменяют обыкновенной плавности своего полета и ни в коем случае не обнаруживают той бурной стремительности, которую замечаем мы в движениях соколов, ястребов и даже бюзардов.

Коршуны живут в больших лесах, где вьют гнезда на высоких деревах, но для отыскания пищи летают по берегам рек и озер, в полях и по селениям. Самка несет не более трех или четырех яиц.

КОРОЛЕВСКИЙ КОРШУН[111]
(*Falco milvus*)

Клев: по ребру 3,7, от зевков 4,2; голова 5,0; крыло 50,0; хвост 30,5; плюсна 5,5; пальцы: внешний 3,3, средний 4,5, внутренний 2,6, задний 2,2; когти: на внешнем 1,4, на среднем 1,6, на внутреннем 2,5, на заднем 2,1; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 59,8, от оконечности же клева до конца когтей на среднем пальце 47,7; раскрылья, то есть от конца одного распростертого крыла до конца другого, 1 м 50 см 0 мм. Впереди глаз выдавшаяся орбитная кость образует значительное возвышение, которое покрыто голой кожицей темноватого цвета; внешний палец у основания соединен со средним начатком перепонки; первое плавильное перо гораздо короче второго, второе короче третьего, третье почти равно четвертому, которое длиннее всех; средние хвостовые перья гораздо короче крайних, отчего хвост очень развилист.

Королевский коршун, известный в простонародье под именем просто коршуна, столь же обыкновенная птица во всей Восточной Сибири, как в Средней и Южной России. По склонности его нападает преимущественно на беззащитных цыплят. Его можно бы *назвать* для отличия от других близких ему пород цыплятником[112]. Действительно, это гроза для всех заботливых хозяек и предмет постоянной их ненависти, так же как и причина беспрерывных опасений. В продолжении всего лета он почти безотлучно держится подле жилых мест, с утра до вечера летает в селениях, следя внимательным взором за всеми движениями домашней птицы и при первой оплошности матерей или недосмотру хозяек убавляет число беззащитных птенцов. Трусливая осторожность соединяется в его нраве с необыкновенной настойчивостью. Неудача никогда не заставляет его отказаться с первого раза от своих замыслов. Обманутый в расчете, перепуганный криками взрослых птиц и хозяев, он, не ускоряя полета, плавно поднимается вверх, летит дальше, делает большой круг и снова является над тем самым местом, где потерпел неудачу. Замеченная им добыча постоянно привлекает его желание и редко его терпение остается без награды.

Этот коршун, *как и все другие* породы соколиного племени, временный жилец здешнего края. Он проводит здесь не более четырех летних месяцев и на зиму удаляется в теплые страны юга. Довольно странно замечание *Темминка* который говорит, что королевских коршунов очень много в Дании, куда они прилетают весной, но что весьма немногие из них проводят в этой части Европы зиму. Сколько мы знаем, коршуны никогда не зимуют ни в Средней России, ни в Малороссии, и все без изъятия в исходе осени переселяются на юг. Даже на берегах Каспийского моря в декабре и генваре, где видали мы огромные стада дроф и стрепетов, нам не случалось встретить ни

одного королевского коршуна, между тем на Кавказских горах мы видали много обыкновенных орлов[113].

Между полами многих пород соколиного рода существует значительное различие как в величине, так и в цвете их убора, но этого нельзя сказать о королевском коршуне. В этой породе если самка и превосходит величиной самца, то в их наряде не замечается большого отличия, даже в этом отношении и молодые не слишком разнятся от своих родителей[114].

У совершенно взрослого самца перья, покрывающие голову и шею, длинные, при оконечности узенькие и заостренные, белесоватого цвета с темными посередине чертами; на щеках и горле белесоватый цвет чище и черточки у́же. Все перья верхней части тела темно-рыжие, с оторочкой немного посветлее средины перьев, нижняя часть тела нечистого рыжего цвета с темными продолжительными полосами, составленными из пятен, занимающих середину каждого пера. Плавильные перья густого темного цвета, внутренние их бородки у зорок[115] белые. Хвостовые перья темно-рыжие с неявственными темными, поперечными полосами. Клев темный, восчанка и плюсна *иззелена*-синеватые, глазные веки темного цвета, *клев* желтый, когти черные.

Самка отличается от самца только тем, что цвет верхних частей тела гуще и темнее, оторочка перьев явственней, а на голове и шее белый цвет определенней и чище[116].

У молодых головные и спинные перья не так длинны и оконечности их округлены, рыжий их цвет светлее, а кончики белые. Вообще на верхних частях тела молодых рыжий цвет гораздо заметнее, чем у совершенно взрослых. Спинные и крыловые перья черноватые с желто-рыжеватою оторочкою, а на нижней части шеи видны большие белые пятна[117].

Королевский коршун вьет гнезда на деревьях, с замечательным искусством складывая их из маленьких веточек, переплетаемых сухими былинками, и внутренность устилает листьями *ниворослей*[118]. Самка несет обыкновенно три яйца белого цвета с неявственными рыже-желтоватыми пятнами.

Главную пищу этих птиц составляют полевые мыши, змеи, ящерицы и большие породы насекомых[119], не менее того они деятельно преследуют неоперившихся еще птенцов: уток, курей, перепелок и пр.

Синон[имия]: Falco milvus Gmel.; Milvus regulus Vieill.; Le Vilan royal Buff.; Цыплятник[120]. **[234]**

САРЫЧ[121]
(Falco buteo[122])

Пятое отделение соколиного рода

Клев небольшой, от самого основания к оконечности согнутый; голени покрыты длинными перьями; плюсна короткая; крылья средней длины; четыре первые плавильные пера с выемками, из них первое очень короткое, второе и третье менее четвертого, которое длиннее всех других.

Сарычи отличаются от других соколиных пород не столько наружностью, сколько полетом и некоторыми из своих привычек. В тяжелом и, так сказать, ленивом их полете, нельзя найти никакого сходства с плавным, легким и красивым полетом Цыплятников (Milvus)[123], с которыми они, однако

же, имеют более общего, чем с другими их соплеменниками. Настоящие соколы, ястребы и орлы, кроме быстрого и смелого или величественного и сильного полета, большей частью имеют в своей осанке что-то гордое и самонадеянное, взор их выражает решимость и мужество; по крайней мере мысль о таких качествах невольно рождается в уме, когда смотрим на которую-нибудь из этих птиц. Вид Цыплятников и *Сарычей*, напротив, не производит на нас подобного впечатления.

Кажется, слабость ног и когтей, отнимая у сарыча одно из главных орудий нападения и защиты, лишают его смелости, которую замечаем мы даже у небольших пород сокола и ястреба[124]. Можно думать также, что тяжесть полета и неловкость движений мешают ему преследовать и хватать свою добычу налету. Вероятно, эти важные недостатки организации и осуждают сарычей сидеть неподвижно по целым часам на древесных ветвях, скалах или земляных кочках и с удивительным терпением ожидать, пока случай приведет слабого зверька или молодую птицу на такое к ним расстояние, на котором нападение может быть легко и удачно.

Многие писатели, считая сарычей от природы чрезвычайно глупыми[125], утверждают, что хотя эти птицы часто показывают необыкновенную дерзость, однако же одушевляющая их отвага – слепа. Она происходит не от уверенности в своей силе и ловкости, а от недальновидности, или, сказать просто, от непомерной глупости. Сарычи, по их мнению, не презирают опасности, подобно соколам, но не видят ее, не подозревают даже ее существования. Собственные наши наблюдения над этим племенем соколиного рода весьма ограничены, почему мы не можем сказать ничего ни в пользу, ни против такого предположения.

Те естествоиспытатели, которым удалось следить за нравами и привычками этих птиц, заметили, что сарычи воспитывают своих птенцов с большею заботливостью и остаются при них гораздо дольше, чем другие хищные птицы[126]. Модюи, кажется, справедливо приписывает продолжительную и горячую привязанность родителей слабости птенцов, которые долго не могут обходиться без посторонней помощи. Выгнанные из гнезда и покинутые родителями ранее того времени, в которое приобретают достаточные силы и навыки находить пищу сами, молодые сарычи, наверное, не могли бы вынести частого и продолжительного голода. Если соколы и орлы оставляют своих птенцов рано и часто выгоняют их силою не только из гнезда, но даже из окрестностей своего местожительства, то, может статься, к этому они побуждаются тем, что их птенцы, как скоро оперятся и станут пользоваться крыльями, начинают тотчас сами преследовать и ловить добычу, а по ловкости, силе и смелости нападения в этом уже возрасте стоят выше самых взрослых сарычей.

Все известные породы сарыча, вьют гнезда в лесах на высоких деревьях. Не знают с точностью, сколько самка несет яиц, однако же полагают, что число их не превышает четырех. Цвет яиц изменяется по различию породы, они бывают или белые с неявственными зеленоватыми волнами и темно-желтоватыми крапинками, или красноватого и желтоватого цвета с большим или меньшим количеством темных пятнышек.

Главную пищу этих птиц обыкновенно составляют небольшого рода зверьки, молодые зайцы, кролики, кроты, крысы и мыши, также змеи, лягушки, ящерицы и даже насекомые, но редко молодые птицы.

Сарычей встречают во многих местах Европы, Азии, Африки и обеих Америк.

Некоторые из новейших орнитологов разделяют племя или, по их мнению, род сарычей на два отделения или подрода: мохнатоногих и голоногих[127]. Такое разделение пород, которых число не слишком велико, едва ли приносит какую-либо выгоду изучению, к тому же признак, на котором оно основывается не важен. Между очень близкими видами других племен или родов мы находим одних с плюснами, а иногда даже пальцами оперенными, других с плюснами и пальцами, обнаженными от перьев и покрытыми обыкновенными чешуйками, как, например, между орлами, совами, тетеревами, голубями, ласточками и прочими.

МОХНАТОНОГИЙ САРЫЧ[128]
(Falco lagopus)

Клев: по ребру 3,4, от зевков 4,0; голова 5,7; крыло 58,8; хвост 25,1; плюсна 7,8; пальцы: внешний 2,1, средний 3,4, внутренний 2,4, задний 2,2; когти: на внешнем 1,5, на среднем 1,9, на внутреннем 2,4, на заднем 2,5; длина всего от оконечности клева до конца хвостовых перьев 50,6; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 55,8; размах крыльев 1 м 40 см и 2 мм; плюсна оперена до начала пальцев, из которых внешний соединен со средним начатком перепонки значительной величины; первое плавильное перо гораздо короче второго, второе короче третьего, третье немного короче четвертого, которое длиннее всех, и пятое равно третьему[129]. Хвост ровный, при основании белый, при оконечности темный с белесоватою оторочкою; темный цвет оконечности хвостовых перьев идет наискось от внешнего края к внутреннему, на крайних перьях более занимает места на внешних бородках, чем на внутренних; основание плавильных перьев тоже белое.

Мохнатоногий сарыч, как и другие виды соколиного рода, обитающие в Восточной Сибири, принадлежит к числу перелетных птиц здешнего края, тогда как в умеренных странах Западной Европы он редко проводит лето, а прилетает туда с севера осенью и остается на всю зиму. Боие (Boie) говорит, что в продолжение всей зимы мохнатоногих сарычей бывает много по берегам Дании, тут они преимущественно питаются мышами и становятся очень жирны.

По свидетельству орнитологов мохнатоногие сарычи, обитающие в Западной Европе, очень часто разнятся как цветом перьев, так и величиной, однако же такие различия между ними менее значительны и гораздо постояннее тех, которые встречаются между обыкновенными сарычами (Falco buteo). Мы не могли еще заметить *разницы* ни в наряде, ни в величине сарычей, посещающих временно Восточную Сибирь. Наряд их довольно сходен с описанием Темминка. В величине тоже нет внешнего различия, радужная же плева глаз желтого, а не темного цвета. При недостатке средств к точному определению сравнением верных рисунков или хорошо приготовленных чучелок, трудно сказать утвердительно, принадлежит ли здешний мохнатоногий сарыч к той самой породе, которая водится в Западной Европе, или к одному из двух видов, обитающих в Японии[130], тем более что японские сарычи очень сходны с европейским, от которого отличаются менее цветом перьев, чем величиной[131].

У совершенно взрослого самца после осеннего линяния верхняя часть головы, шея, грудь и верхняя часть брюха бело-желтоватые с продолговатыми пятнами темного цвета, щеки и горло тоже бело-желтоватые, но без темных пятен. Бывающие на щеках темные черточки очень тонки и едва заметны, и желтоватый цвет грудных перьев переходит в довольно яркий желто-рыжеватый. Спинные перья и перья, прикрывающие крыло, – темные с бело-желтоватою или белесоватою оторочкою, на последних вдоль стебельков очень явственное черноватое пятно. Опушка перышков, покрывающих начало и сгиб крыла, рыжеватая и у следующих за ними, так же как и оконечность крыловых покрывал, белесоватая. Внешние бородки и оконечности плавильных перьев темного цвета, исключая второе, третье и четвертое, которых внешние бородки у основания белые и на сложенном крыле образуют значительное белое пятно; на внутренних же бородках, как у этих перьев, так и у всех других, белый цвет занимает гораздо более пространства. Перышки боков и нижней части брюха – темного цвета с небольшою белесоватою оторочкою. Хлуп совершенно темный, верхние же хвостовые покрывала белые с правильным черноватым пятнышком на конце. Нижние хвостовые покрывала белые. Голени и плюсна покрыты рыжеватыми перышками с темными пятнышками; все хвостовые перья от начала до двух третей всей длины белые, остальная же их часть темного цвета с бело-желтоватою оконечностью. На средних перьях при начале темного цвета по обе стороны стебелька по черному продолговатому пятнышку. Клев и когти рогового цвета; ирис, восчанка, зевки и пальцы желтые, веки и небольшое пространство над глазными орбитами, обнаженное от перьев, – темно-красноватое[132].

Сарычи редко встречаются около жилых мест Иркутского округа, но по опушке лесов, покрывающих берега Байкала, эти птицы довольно обыкновенны[133]. Сколько известно, ни одна порода из принадлежащих этому племени соколов не питается рыбою, однако же бывшие у нас сарычи издавали сильный запах, весьма сходный с запахом тех приморских уток, которых главную пищу составляют рыбы, как например: гоголь, которого тонкий жир просачивается сквозь поры кожи и сообщает неприятный запах перьям. Может статься, гоголи, крохали и гагарки во время переселений своих с берегов Ледовитого моря чаще других птиц[134] бывают добычей сарычей и сообщают им свой тяжелый запах рыбьего жиру.

Мохнатоногий сарыч, обитающий в Европе, водится также в Северной Америке и в Южной Африке[135].

Синонимия: Falco lagopus Gmel., Lath.; Falco plumpes Dand.; Falco sclavanicus Lath.; Falco pennatus Gmel., Lath.; Buse pattue Vieill., Roux.; Buse gantee Vieill. **[235]**

БЮЗАРД[136]
(*Falco circus*)[137]
Шестое отделение соколиного рода

Клев средней величины, почти прямой, по сторонам сжатый, а при оконечности круто *за*гнутый вниз крюком. Основание его покрыто восчанкою, убранною жесткими волосками, ноздри продолговатые лежат косвенно и отчасти закрываются волосками восчанки. Плотно лежащие перышки ушков составляют у некоторых пород род ожерелья; тело поджарое, плюсны

очень длинные и тонкие, хвост длинный и при оконечности округлен; крылья тоже длинные, первое плавильное перо очень короткое и меньше пятого, второе немного короче четвертого, третье и четвертое длиннее всех.

Бюзарды проворнее и смелее коршунов, и хотя не так отважны, как соколы, однако же *нередко* нападают на взрослых уток и кур и даже своею готовностью к смелой обороне и нападению *наводят страх* на небольшие породы сокола и ястреба, которые избегают встречи с ними. Они не бьют добычи налету, но ровным, смелым и сильным полетом, спускаясь с высоты накось, так сказать, сметают поверхность пролетаемого пространства земли и с удивительной быстротой схватывают трепещущую от страха жертву, которая думала укрыться в траве или в мелких кустарниках, к чему, вероятно, много им способствует длина их плюсны и острые круто загнутые когти.

Питаясь преимущественно молодыми береговыми и водяными птицами, лягушками, ящерицами и маленькими полевыми зверьками, *бю*зарды большею частью держатся подле рек, озер и болот, в полях и по местам открытым.

Жилые места посещают довольно редко, некоторые из них вьют гнезда в тростнике и небольших кустарниках, растущих по берегам, другие в траве на полях и лугах. Самка несет от трех до четырех яиц обыкновенно белого цвета чистого или тускло-голубоватого[138]. Птенцы, как и у всех других видов соколиного племени, выходят из яиц зрячими, покрытые густым пухом, берут пищу сами, но остаются в гнезде до тех пор, пока не приобретут способности летать. Во все это время родители заботливо пекутся об их прокормлении и не заставляют их терпеть голод.

Бюразды водятся почти во всех частях земного шара: в Азии, Африке, Европе и Америке[139]; однако же предпочтительно держатся в известных только местностях, которые соединяют в себе условия, согласные с их *нравами* и привычками.

В некоторых местах Южной Европы бюзарды проводят зиму и при наступлении весны отлетают на север. Обитающие в Восточной Сибири, напротив, в половине осени и даже ранее удаляются зимовать на юг и возвращаются назад с наступлением теплых весенних дней.

ЧИЛИЖНИК[140]
(*Falco cyaneus*)

Клев 2,5; голова 4,6; крыло 35,2; хвост 23,7; плюсна 7,0 (в перьях 2,7; неоперенная часть 4,3); пальцы: внешний 2,3, средний 3,2; внутренний 1,7, задний 1,5; когти: на внешнем 2,3; на среднем 1,5, на внутреннем 1,8, на заднем 1,7; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 47,3; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 32,5; размах крыльев 88,8; первое плавильное перо короче второго, второе немного короче третьего, третье почти совершенно одной длины с четвертым, которое длиннее всех[141]. Оконечность хвоста округлена, внешний палец при основании соединен со средним маленькой перепонкой.

Этот Бюзард, которого деревенские жители называют неправильно ястребом, редко залетает в селения в начале лета, а начинает постоянно посещать их в исходе июля до половины сентября. Смелость и быстрота, с которыми он нападает на взрослых птиц, делают его опасным неприятелем куликов, уток, куропаток и других птиц, живущих на реках, озерах и в откры-

тых полях, но более всего от его хищности терпят маленькие птички, собирающиеся осенью в большие стада. Завидя *его*, робкие стада укрываются в траве, *в* кустарниках и даже под навесом какого-нибудь строения, он тотчас спускается на них косвенным полетом и очень редко его взгляд и ловкость удара обманыва*ют* расчет и быстроту нападения.

Тонкий стан и длинные ноги этой птицы дают ей вид легкости и проворства, а гордая его осанка выражает спокойную отвагу.

Самец, достигнувший совершенно возмужалости, имеет голову, шею, спину и крылья серо-голубоватого цвета. Исподняя сторона крыльев, хлуп, грудь, брюхо, бока, перья, покрывающие голени, и нижние хвостовые покрывала чисто-белые, плавильные перья черные, но бугорки тоже белого цвета. Лицевая сторона хвостовых перьев серо-пепельная с белесоватыми кончиками, а исподняя белая. Клев черный, восчанки желтого цвета, плюсна и радужная плева глаз тоже желтая, когти черные.

Самка, достигнувшая полного развития, немногим более самца, все перья верхних частей ее тела тусклого темного цвета с рыжеватою оторочкою, брови белые, под глазами небольшое пятно такого же цвета. Ушки отделены от сторон шеи белою полоскою с округленными черными пятнышками. Эту полоску составляют плотно лежащие друг к другу перышки. Горло белое, с черными черточками, грудь рыжеватая с темными продолговатыми пятнами, брюхо и бока тоже с темными продолговатыми пятнами и рыжею при них тенью, длинные перья голеней и нижние хвостовые покрывала бледно-рыжеватые с рыжими черточками, крыловые покрывала темного цвета с белесоватыми *кончиками* и рыжими пятнышками, образующими поперечную полоску, хлуп и верхние хвостовые покрывала чистого белого цвета с немногими рыжеватыми пятнышками. Все плавильные перья с лицевой стороны, на внешних *бородках* и к концам густого темного цвета с поперечными черными полосками; у зорок же на внутренних бородках и *с исподи* белые с желтыми поперечными полосками; два средних хвостовых пера густого темного цвета с четырьмя черноватыми полосами и рыжею, а потом беловатою оторочкою на кончиках; на крайних хвостовых перьях пепельный цвет переходит в рыжеватый более или менее яркого *тона*, начала всех этих перьев чистого белого цвета, а кончики рыжеватые с белесоватою опушкою. Надобно заметить, что рыжая опушка желтых перьев середины спины чрезвычайно узка и начало этой части тела ровного темного цвета, клев черноватый, восчанка лимонного цвета, *ирис* желтый, немного зеленоватый, веки глаз, пальцы и неоперенная часть плюсн яркого желтого цвета, когти черные[142].

Молодые самцы до двухлетнего возраста очень сходны с взрослыми самками. Наряд их изменяется с возрастом, серый и белый цвет перьев более или менее переменивается с темным и рыжим. Черные поперечные полосы на крыльях и хвостовых перьях исчезают только в то время, когда самец достигнет полного развития и примет окончательный серо-голубоватый цвет.

Может быть, ни одна из пород соколиного племени не богата так именами и не снабдила ученые методы таким множеством мнимых пород, как Чилиж*н*ик. Причина всех этих недоразумений и ошибок заключается в разительном несходствии наряда совершенно взрослых индивидуев различного пола и более или менее важные изменения в цвете перьев молодых самцов неодинакового возраста. Темминк говорит, что, желая уничтожить

запутанность и неизвестность, происходящие от различных наименований, которые дают без должного исследования каждому изменению в цвете перьев, он особенно занимался изучением и определением трех пород бюзарда, обитающих в Европе и что его труды увенчались полным успехом. Мы *желали бы* также объяснить и пополнить недоумения и *пробелы* касательно нравов и привычек как этих птиц, так и многих других, но, к сожалению, при нашем положении не имеем к тому достаточных средств[143]. Если важно знать величину формы и цвета, определяющие какое-нибудь организованное существо как наружные или вещественные условия его существования, то едва ли не важнее изучить его качества, склонности и нравы как условия, определяющие его жизнь, проявление того непонятного еще для нас деятеля, который одушевляет органическое *сущ*ество, дает ему самопроизвольные движения, направляет их, по-видимому, к определен*ной*, обдуманной цели[144]. Надобно сказать, что относительно этого предмета почти все отрасли естественной истории далеки от того, чтобы быть удовлетворительными. Любителям естественных познаний остается

Район многолетних стационарных природоведческих наблюдений П.И. Борисова
с “Общей карты Российской империи, на 42 наместничества разделенной”
Конец XVIII в. Масштаб 1:4200000 (с уменьшением)

Пункты наблюдения:

1. Нерчинский завод. Благодатский рудник. 1826–1827
2. Читинский острог. 1827–1830
3. Петровский завд 1830–1839
4. с. Подлопатки на Селенге. 1839–1841
5. д. Малая Разводная на Ангаре под Иркутском. 1841–1854

желать еще многого, а посвятившим себя изучению природы предстоят еще огромные труды[145]. Это понятно. Изучать наружные формы и цвета, следить за их изменениями дело простой наблюдательности, не требующей ни больших усилий ума, ни сложного действия его способностей, но для изучения проявлений жизни, нравственных свойств живого существа недостаточно одной наглядности и сравнений. Собрав множество фактов, надобно соединить их вместе, сличить друг с другом, разыскать причину, согласить последствия, прибегать постоянно к выводам разума, поверять эти выводы новыми наблюдениями и пр. Нельзя обвинять новейших ученых в том, что все их старания большею частью бывают устремлены на изучение того, что может доставить видимую пользу служить немедленно к приложению в искусствах и промышленности, таково направление нашего века. Однако нельзя не сожалеть, что, увлекаясь вещественными, непосредственными выгодами жизни, они теряют из вида, что все наши знания тесно соединяются между собой и сливаются в одно общее познание природы. Нередко, как это доказывает история всех наук и искусств, открытия, кажущиеся с первого взгляда бесполезными в приложении, ведут к другим более важным для нас открытиям и даже сами собой после зрелого исследования могут послужить к улучшению нашего быта в том или другом отношении. Можно сказать утвердительно, что в мире нет бесполезных знаний, каждый феномен, как бы он ни казался ничтожным, бывает необходимым следствием непреложных законов природы, которых точное познание служит основой вещественных и нравственных улучшений нашего существования, потому что эти законы опреляют взаимную зависимость всех существ мира и взаимные их отношения[146].

Чилижник питается не одними птичками небольших пород и молодыми утками и другими водяными и береговыми птичками, но ловит также мышей, кротов и даже лягушек и ярещиц. Эта порода бюзарда встречается не только во многих местах Европы, но в Северной Америке и в Африке[147]. Различие климата не производит, по-видимому, никакого изменения ни в величине, ни в цвете.

Чаще всего они держатся на засеянных полях, богатых хлебными растениями. Вероятно, их привлекает к этим местам изобилие разного рода птичек и маленьких зверьков. Они обыкновенно вьют свои гнезда посередине этих полей и весьма редко в болотистых тростниках и топких лугах. Самка несет от трех до четырех яиц тускло-голубоватого цвета без пятен.

Синонимия: Совершенно взрослый самец – Falco bohamicus Gmel.; Falco albicaus Briss.; L'oiseau Saint-Martin Buff., Edw. et Gerard; самец, приближающийся к возмужалости, – Falco cyaneus Gmel.; Falco europhigistus Dand, Lath.; Falco griseus Gmel.; Falco montanus Gmel., Falçon de ene yoren penn Edw.; Busard à croupion blanc Vieill.; Busard varie Vieill.; взрослая самка и молодой самец – Falco pygargus Gmel., Lath.; Falco hudsonius Gmel.; Falco buffonii Gmel.; Falco rubiginosus Lath.; Falco ranivorus Lath.; La joubuse Buff., Gerard; Falçon à collier Briss.; Le busard granouillard Vieill.; Le busard roux Vieill.; Чилижник; Кобуз.

Атлас, метр. I, рис. 5. **[236]**

ХИЩНЫЕ
РОД 6
ПОРЯДОК I
(Rapaces)

Клев короткий, крепкий, по сторонам сжатый, к оконечности круто загнутый, верхняя его челюсть у основания покрыта голою цветною перепонкою; ноздри открыты; ноги короткие или средней длины, до колен, а иногда начала когтей оперены; три пальца впереди и один назад, все они расположены в одной плоскости и совершенно разделены между собой; когти заостренные, крепкие, круто согнутые и часто входят внутрь пальцев[148].

СОВА
(Strix)

Клев согнутый и сжатый, основание его окружено восчанкою, которая покрыта жесткими волосками или щетинообразными перышками, направленными вперед. Ноздри лежат по сторонам клева на восчанке, кругловатые открытые, но совершенно или только отчасти скрываются в перышках, покрывающих восчанку. Голова большая; глаза очень велики и помещаются в пространных орбитах, покрытых жесткими, узенькими перышками, расположенными на подобие лучей[149]; птица беспрестанно закрывает их присмигальною перепонкою. Слуховое отверстие тоже очень обширно[150]. Шея короткая. Плюсна и пальцы часто до начала когтей убраны мелкими перышками. На ногах четыре пальца, три впереди и один назад. Первые совершенно отделены один от другого и внешний не только отходит в сторону, но даже обращается назад. Крылья несколько островаты. Передние плавильные перья с внешней стороны зубчаты, из них первое очень коротко, второе немного менее третьего, которое длиннее всех. В хвосте двенадцать перьев ровных и большею частью средней длины.

Род сов, известный обыкновенно под названием ночных хищных птиц, заключает в себе очень много пород, которые различаются между собой не столько цветом перьев, сколько величиною и некоторыми изменениями в наружности, более или менее значительными.

Желая облегчить изучение этого обширного семейства, знаменитые естествоиспытатели Савиньи[151], Кювье и другие пытались разделить его на несколько отделений. К сожалению, их попытки, не представляя ясно определенных признаков, не отвечают желаемой цели. Восемь отделений Кювье и Савиньи основываются на величине и положении кисточек, называемых обыкновенно ушками, которыми украшена голова некоторых пород, на величине диаметра лучистого кружка, которым окружены глаза сов и на обширности слухового отверстия[152]. Очевидно, что такие признаки ненадежны, они легко могут изменяться у весьма близких пород. Другие естествоиспытатели разделяли этот род по величине роста, а некоторые основанием своего разделения приняли одни только кисточки и делят сов на ушастых и безухих. Последнее подразделение совиного рода имеет перед другими одно

только преимущество – оно простее их, но в сущности в нем так же мало основательности, как и в предыдущих[153].

Нравы и привычки видов, принадлежащих к этому семейству хищных птиц, так же сходны, как и наряд их и их наружность. Чрезвычайная чувствительность зрения принуждает их избегать дневного света и проводить в местах почти непроницаемых для солненых лучей все время, в которое светило дня своим сиянием радует все творения. Кажется, и в совершенной темноте совы тоже не могут пользоваться своим зрением – им остаются одни сумерки и лунные ночи[154].

Почти все виды сов живут в дремучих лесах и весьма немногие избирают местом жительства открытые безлесные долины. Гнезда вьют в древесных дуплах, в расщелинах скал, на кровлях и в трещинах опустелых зданий или высоких колоколен, отдаленных от жилых мест. Очень мало таких пород, которые в избранном ими месте вьют из сухих былинок, мха и перьев нечто похожее на гнездо; большая часть кладет яйца прямо на пыль или на древесную труху. Такую небрежность в строении гнезда Бюффон приписывает недостатку времени. По его мнению, ночным птицам, как их называют, одаренным чрезмерною чувствительностью зрения, невозможно строить гнезда с такою тщательностью, какую видим мы в отделке гнезд дневных птиц в течение суток. Они пользуются вполне своим зрением только в часы утренних и вечерних сумерек, которых едва достаточно для отыскания пищи. Ловля добычи обыкновенно требует много времени и всегда бывает сопряжена с большою трудностью. Итак, неудивительно, что совы мало заботятся об устройстве своих гнезд. Когда им искать необходимых для того материалов, собирать и переносить былинки, перья и пух, прилаживать и скреплять одни, укладывать другие? Это предположение он подкрепляет тем, что филин и другие породы, способные в некоторой степени переносить дневной свет, радеют о помещении птенцов и обнаруживают довольно искусства и соображения в постройке гнезда. При всей своей вероятности, мнение Бюффона не больше, не меньше, как одно предположение, против которого можно найти много возражений. Между птицами, видящими очень хорошо при солнечном сиянии, есть такие, которые почти столь же нерадивые в строении гнезда, как и совы[155].

Многие породы всеядных и насекомоядных птиц питают непримиримую вражду ко всем хищным птицам и при каждом благоприятном случае преследуют их криками, писком и даже щипаньем и ударами крыльев, но ни одна из последних не подвергается таким нападениям, как совы[156]. Если во время дня по каким-либо особенным обстоятельствам, оставшись вне своего обыкновенного убежища, сова садится на толстую ветвь дерева, то все лесные обитатели, начиная от сойки и сороки до ковалика и леснички, при первом крике, возвещающем открытие врага, слетаются стаями, окружают прижавшуюся к древесному стеблю сову, свистят, пищат, кричат, щиплют ее за перья и, перегоняя с ветки на ветку, не оставляют измученную беднягу до тех пор, пока она не найдет какого-нибудь старого дупла.

Большие породы сов питаются тетеревами, куропатками, голубями, рябчиками и даже ловят зайцев. Средние и маленькие нападают на маленьких птичек и зверьков. Многие из них ловят крыс, житников[157], кротов и мышей искуснее всякой кошки. В некоторых местах их воспитывают и держат в до-

мах вместо кошек. Такие совы оказывают значительную услугу сельским хозяевам, очищая гумны, житницы, огороды, сады и поля от крыс и других вредных зверьков[158]. Совы не очищают мяса пойманных ими птиц и зверьков от костей, перьев, пуха и шерсти и глотают его вместе с ними, но, по особенному механизму их желудка, все твердые, не разлагаемые гастрическим соком частицы, отделяются от питательных и свертываются в небольшие шарики, обернутые сверху кожею. По окончании пищеварения сова выбрасывает эти шарики ртом без малейших усилий[159].

Все виды ведут жизнь оседлую. По крайней мере нет достоверных свидетельств о перелетах, предпринимаемых ими из стран умеренных в страны теплые, хотя древние писатели и говорят, будто бы средний филин (strix otus) ежегодно совершает урочные путешествия и всегда летит вслед за перепелками, отчего и получил название царя перепелок, однако же этот рассказ подлежит еще сомнению[160]. Может статься, средний филин или сыч в самом деле сопровождает стада *перелет*ных птиц до определенного места. Многочисленное стадо переселенцев, утомленных путешествием, представляет хищнику все вероятности изобильного и легкого улова. Можно думать тоже и о других родах хищных птиц: вероятно, многие из них сопровождают перелетающие стада или ожидают их в известных местностях, через которые лежит путь перелета. Даже можно допустить, что переселение гусей, уток и большей части маленьких птичек служит непосредственною причиною переселения некоторых пород соколиного рода[161].

Цвета, господствующие в нарядах ночных птиц, вообще тусклы и не имеют определенности, что отнимает у пестроты всю приятность. Самка больше самца и цвета ее немного живее. Число яиц изменяется сообразно породам, но их не бывает менее двух и более пяти. Птенцы выходят из яиц, покрытые густым довольно длинным пухом, большею частию сероватого цвета. Этот пух, огромная голова и большие глаза дают весьма странный и до крайности смешной вид маленьким совам. Все породы сов очень заботливы о своих птенцах, оказывают к ним примерную нежность, защищают с ожесточением и оставляют их тогда только, когда уже птенцы могут обойтись совершенно без пособия родителей. Кажется также, что эти птицы уживаются мирно друг с другом, а не так, как орлы и другие соколиные породы, избрав для себя округ, гонят из его пределов всех своих соплеменников.

Совы вообще очень перисты: мягкие и шелковистые их перья, отнимая у их полета твердость и быстроту, дают ему необыкновенную легкость, сова летает не прямо, не определенно, но почти без малейшего шума[162].

Виды этого рода обитают во всех странах земного шара.

Кто не знает, что древние Греки считали сову эмблемою мудрости[163]. Она была посвящена мудрой и воинственной покровительнице Афин, и просвещенные Афиняне чеканили монету с изображением Минервиной птицы. Вероятно, основанием такой вовсе не заслуженной славы была способность совы видеть ясно в сумерки и различать предметы, скрывающиеся в полумраке. Аттическое остроумие видело в этом проницательность и дальновидность мудрости, сова казалась ему изображением человека мудрого, который видит отчетисто там, где человек обыкновенный не различает ничего, иначе нельзя думать. Трудно допустить, чтобы Греки приписывали этой птице необыкновенные способности ума потому только, что она может видеть в темноте. Без сомнения, они знали очень хорошо, что совы по чувствительности своего зрения

не могут выдерживать яркости дневного света, щурятся и моргают беспрестанно и поэтому весьма дурно различают предметы. Наверное, им были известны также и умственные качества сов, не отличающихся ни осторожностью, ни догадливостью, ни особенною смышленностью в ловле птичек и зверьков, и в постройке гнезда, их привычки не показывают ни проницательности, ни благоразумия. Они, как и все хищные птицы, пользуются одною силою, нападают на тех, которые слабее их и часто, увлекаясь жадностью, попадают в западни и ловушки, поставленные вовсе не для них, а для белок, соболей и куниц, в которые приманкою кладется большею частью рыба[164].

Мы не станем говорить о суеверном предрассудке, заставляющем некоторых видеть в случайном приближении к жилому месту совы, в ее заунывном крике на колокольне и кладбище зловещие предвещания. Подобные суеверия не заслуживают даже внимания людей образованных; но скажем, что такая слабость весьма извинительна простолюдину, живущему почти всегда между страхом и надеждою по ограниченности своего образования близкому к состоянию дикаря. Странная наружность всех вообще совиных пород, уединенная их жизнь, жалобные и неприятные крики, нарушающие тишину ночи пустынных мест, легкий и тихий полет, такие элементы, из которых суеверному воображению легко составить и чудесное, и страшное[165].

ПУГАЧ
(Strix bubo[166])

Клев: верхняя челюсть 4,6; голова 7,3; крыло 42,0; ушки 8,0; хвост 22,0; плюсна 8,3; пальцы: внешний 4,0, средний 5,6, внутренний 3,9, задний 2,2; когти: на внешнем 2,4, на среднем 3,4, на внутреннем 3,4, на заднем 2,2; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 68,5. Хвостовые перья при оконечности округлены. По сторонам головы два отдельных хохолка[167].

По величине пугач должен занимать первое место в семействе сов. Его длина от конца клева до оконечности хвостовых перьев и размах крыльев так велики, что налету он кажется гораздо более крикуна. Обширные леса, покрывающие горы Восточной Сибири, постоянное жилище пугача, который только случайно во время лунных ночей залетает в селения, лежащие поблизости лесов, отыскивать диких голубей, поселившихся на кровлях крестьянских изб[168], а по рассказам некоторых, иногда забирается даже в овчарни, откуда уносит новорожденных ягнят[169].

В Забайкальском крае пугачей кажется гораздо более, чем по сю сторону Байкала. Может статься, этому причиною деятельное истребление лесов и очищение многих мест Иркутского округа от непроходимых боров как порубкою деревьев, так и лесными пожарами[170].

Пестрота цветов дает этой птице некоторую приятность. Вся верхняя часть тела ее испещрена смешением рыжего, белого, темного и черного цветов, расположенных неправильно крапинками, пятнышками, струйками и полосками. Лучистые кружки около глаз изсеро-рыжеватые и с внешней стороны обведены черною полоскою. Крыловые покрывала, плавильные и хвостовые перья рыжеватые с темными поперечными полосами. Грудь довольно яркого желтоватого цвета с черными длинными

пятнами. Брюхо, нижние хвостовые покрывала и перья голеней серовато-белые с темными поперечными струйками, а у последних и стебельки черноватые. Клев, глазные веки и когти черные, ирис желто-оранжевый[171]. Плюсна и пальцы до самых когтей покрыты мягкими, очень мелкими перышками белесоватого цвета.

Два пучка перьев, расположенные по сторонам головы, составляют два отдельных хохолка, очень похожие на заячьи уши. Внешние стороны этих хохолков черные, а внутренние бледно-рыжие с черными крапинками.

Малороссийское название этой птицы, пугач, вероятно, происходит от ее громкого и странного крика, выражающего звуки "пу-гу-гу", а не от слов пугá, длинный бич[172], кнутовище или пугало, страшилище; мы предпочли его русскому – большой ушастый филин, – как более характеристическое. В голосе пугача нет ничего похожего на бычий рев, ни на мычание. Он весьма явственно произносит означенные выше слоги "пу-гу", которые изменяются в тонах, и когда птица тоскует или чувствует страдание, она произносит их чрезвычайно жалобно, тихо и нежно; тогда в ее голосе нет ничего страшного, он выражает тоскливость и его звуки раздирают душу. Испытывая страх или гнев, пугач, как и все почти совы, не кричит, но, подняв перья, произносит род шипенья и громко щелкает челюстями клева[173].

Зрение пугача кажется менее чувствительно к яркости света, чем зрение других сов. При довольно значительном свете полет его верен и смел. Бюффон, говоря о полунощнице, замечает, что совы вообще строят свои гнезда с чрезвычайным нерадением, и приписывает это, как мы уже сказали выше, недостатку времени[174]. Те только из ночных птиц, продолжает он, которых зрение может выносить дневной свет, обнаруживают в постройках гнезд старания и искусства, как, например, большой филин. В самом деле, гнездо пугача отделано с бóльшим искусством и тщанием, чем гнезда многих сопленных ему пород.

Пугач питается тетеревами, глухарями, утками, голубями и даже ловит зайцев. Сказывают, будто бы, поймав зайца и желая остановить его, он хватается одною ногою за какое-нибудь деревцо и, таким образом, удерживает зайца до тех пор, пока тот не лишится силы от потери крови и страдания. И к этому прибавляют, что нередко заяц с такою быстротою несется вперед, что отрывает филину ногу[175]. Последнее нам кажется невероятным: надобно иметь слишком много силы, чтобы оторвать ногу у живой птицы, надобна и непомерная быстрота движения. При малейшей боли птица необходимо ослабит сжатые когти и выпустит из них или схваченного зверя или кустарник.

Синонимия: Strix bubo; le grand Duc; Большой филин; Ушастый филин[176]; Пугач; le grand Hibou cornu.

Атлас, тетр. I, рис. 6. **[244]**

БЕЛЫЙ ФИЛИН
(Strix nyctea[177])

Клев: верхняя челюсть 3,8, нижняя 2,3; голова 7,8; крыло 46,5; хвост 23,5; плюсна 5,7; пальцы: внешний 3,6, средний 5,0, внутренний 3,6, задний 1,8; когти: на внешнем 3,0, на среднем 3,5, на внутреннем 3,5, на заднем 2,9; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 59,8. На голове хохолков или кисточек нет.

Белый филин тоже очень велик. Достигнув полного развития, он не многим менее пугача, от которого однако же отличается как наружностью, так и цветом перьев. Голова его гораздо больше, вместо двух отдельных хохолков, по сторонам ее, за глазными кружками перья образуют значительную возвышенность, спускающуюся от висков к шее. Стан тоньше, крылья длиннее, а хвост короче.

В наряде полов нет никакого различия. Старые все белы, как снег, без малейшей примеси других цветов[178], только глазные веки, клев и когти у них черные, а ирис яркого желтого цвета. У молодых, напротив, все тело, хвост и крылья испещрены черными пятнами, которых тон на нижних частях слабее; но перья, покрывающие плюсна и пальцы у всех возрастов, одинако-[вог]о цвета – белые.

Белых филинов очень много в Забайкальских лесах. Они также нередки и по сю сторону Байкала. В зимнюю пору по Нерчинской дороге, пролегающей через обширные равнины, простирающиеся от Яблонного хребта до Нерчинских гор, часто встречаем этих птиц сидящими неподвижно на вершине верстовых столбов; в таком положении издали их легко принимали за снеговую глыбу, и тогда только узнаешь свою ошибку, когда от стука, производимого экипажем, филин подымается на воздух[179]. Можно думать, что зрение белого филина тоже не слишком чувствительно к яркости дневного света: нам случалось неоднократно видеть его днем, как он, завидя издали приближающихся людей, оставлял занимаемое им место и летел далее, не высоким, но смелым и быстрым полетом[180].

Эта порода сов питается зайцами, тетеревами, куропатками и другими птицами[181]. Иногда белые филины, особенно молодые, уносят белок и куниц, попавшихся в ловушки, а иногда попадают сами в западни самого незатейливого устройства, называемые здешними крестьянами плашки, и в которые для приманки кладут большею частью замороженных или соленых омулей[182].

Белый филин не принадлежит собственно одной Восточной Сибири, он водится также в северных странах Западной Европы.

Синонимия: Strix nyctea; Noctua in auriculata nivea; Grand hibau blanc; *Harfang*; Сова ушатка[183], Лунь, Белая сова, Белый филин[184].

Атлас, тетр. I, рис. 7. **[238, 239]**

УРАЛЬСКАЯ СОВА
(Strix uralensis?[185])

Клев: верхняя челюсть 2,6, нижняя 2,0; голова 5,6; крыло 30,5; хвост 16,2; плюсна 3,2; пальцы: внешний 2,6, средний 3,0, внутренний 2,6, задний 1,2; когти: на внешнем 1,4, на среднем 2,1, на внутреннем 2,7, на заднем 1,6; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 49,0.

Уральская сова очень перистa, отчего голова ее кажется большою, а стан толстым. Но главнейшее различие между этою породой и другими ее соплеменницами, обитающими в Восточной Сибири, составляет совершенно черный цвет глазного ириса, нарядом же она походит на обыкновенного маленького сыча. Лучистые кружки глаз сероватые и отделены от верхней части головы сторон шеи, горла маленькими белыми перышками с черным

по середине пятнышком. Эти перышки кругловаты и составляют красивый узор. Вся верхняя часть тела темно-серая с белыми и черными пятнами. Крыловые и хвостовые перья испещрены белыми рыжевато-темными и черными полосками. Грудь, брюхо, перья на голенях и нижние хвостовые покрывала белые с продолговатыми пятнами черного цвета[186]. Глазные веки, ирис[187] и когти черные. Клев желтый. Плюсна и пальцы покрыты мелкими белыми перышками.

Паллас[188] нашел эту породу в Уральских горах и назвал ее Уральскою[189], но она водится также в горах, окружающих берега Байкала[190], нам поймали одну из этих птиц в лесу за сорок верст от истока Ангары.

Уральская сова дика и зла: увидя человека, она приподнимает на голове и спине перья, отделяет от тела концы крыльев, распускает хвост и громко щелкает челюстями клева. Кажется, она не боится дневного света. Бывшая у нас, всегда ела и летала без всякого труда днем. Если бы мы доверяли более предположениям, основанным на внешних сходствах, то сказали бы, что черный цвет ее ириса доказывает, что она гораздо лучше видит при солнечном свете, чем в сумерки, ибо почти у всех птиц и зверей дневных ирис темного или черного цвета, а у ночных, напротив, оранжевого, желтого или зеленоватого. Рыбы, живущие в постоянных сумерках, потому что вода значительно ослабляет действие света, имеют также ирис, окрашенный яркими цветами[191].

Синонимия: Strix uralensis: Уральская сова; Strix, Macrocephala meinjer.

Атлас, тетр. I, рис. 8. **[240]**

ДЛИННОХВОСТАЯ СОВА[192]
(Strix funerea[193])

Клев: по ребру 2,5, от зевков 2,5; голова 4,2; крыло 24,0; хвост – два средних пера 19,7, самые крайние 14,3; плюсна 2,3; пальцы: внешний 1,5, средний 2,5, внутренний 1,8; задний 1,0; когти: на внешнем 1,5, на среднем 1,9, на внутреннем 1,9, на заднем 1,6; длина всей от оконечности клева до конца средних перьев хвоста 38,7, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 32,2; размах крыльев 73,5; первое плавильное перо короче второго, второе немного короче третьего и равно четвертому, трет*ье* длинн*ее* всех. Хвост длинный, заостренный, перья его расположены уступами.

Длиннохвостая сова, как и белый филин, принадлежит к тем породам совиного племени, которых Темминк помещает в особую группу под названием ястребовидных (allipitrines). По его мнению, эти породы составляют переход от соколиного рода к настоящим или ночным совам, и хотя нет важных и определенных признаков, по которым бы можно было отличить с первого взгляда ястребовидную породу от ночной[194], однако же в наружности и привычках тех и других заметно различие, которое отчасти оправдывает такое разделение. Почти у всех ястребовидных сов хвост длинный, остроконечный или круто закругленный и всегда длиннее сложенных крыльев. Зрение их менее чувствительно к яркому свету, при котором они могут явственно различать предметы, по*эт*ому ястребовидные совы летают днем без принуждения.Полет их смел и ровен.

Длиннохвостая сова более других пород своей группы имеет сходство с некоторыми чилижниками (circus): тонкостью стана, небольшою головою и

узким лицом и вследствие такого сходства более, чем другие сродные ей породы, отличается от ночных или настоящих сов. Надобно заметить однако же, что, *несмотря* на ее сходство с одними и на различие от других, в ее наружности при первом взгляде открывает[ся] тип общий всем совам.

В Восточной Сибири, кажется, эти птицы ведут жизнь оседлую. По крайней мере как зимой, так и летом они нередко встречаются в нагорных лесах многих мест по ту и по сю сторону Байкала[195]. Часто они летают при захождении солнца, и даже днем в их полете видно столько смелости и уверенности, что незнающий легко может принять их за какую-нибудь породу ястреба, длинный хвост и относительная остроконечность крыльев увеличивают возможность такой ошибки. Не знаем с точностью – водятся ли длиннохвостые совы к северу, но, по всей вероятности, будучи постоянными жилицами лесов, из которых вылетают на открытые места на время и единственно для отыскивания пищи, они не живут в безлесных пустынях Северо-Восточной Сибири. В Северной Америке этого вида совы очень обыкновенны и, судя по описаниям американских орнитологов, они ничем не различаются от обитающих на Севере Европы и в Восточной Сибири и живут в холодной полосе, идущей от Гудзонова залива до берегов Тихого океана. Там проводят они лето и зиму и весьма редко в самую суровую стужу, когда обнаруживается недостаток в пище, переселяются в леса, растущие ближе к югу; однако же никогда не перелетают за параллель 40 градусов[196]. Точно так же в Западной Европе в зимнюю пору длиннохвостые совы посещают Германию, где остаются до весны, но во Франции встречаются уже гораздо реже и не было еще примера, чтобы они когда-нибудь залетали в южные части европейского материка. По сведениям, собранным английскими учеными, этих птиц вовсе нет в Великобритании, по крайней мере до сих пор никому не случалось еще встречать их на британских островах; та же, которая была поймана в 1830 году на одном перевозном судне за несколько миль от берегов Корнвалиса, без всякого сомнения залетела с материка совершенно случайно. В Средней России между 50 и 53 градусами северной широты, сколько мы знаем, длиннохвостая сова не только редкая, но вовсе неизвестная птица.

Некоторые писатели не без основания думают, что как этого вида совы летают днем и притом очень смелы, то их случается видеть гораздо чаще других сов, которые обыкновенно при наступлении дня удаляются в места уединенные, где скрываются в дупла деревьев или в расселены скал, и что этим причинам надобно приписать общепринятое мнение – будто бы в холодных странах Америки длиннохвостых сов несравненно более, чем других соплеменных им пород. Действительно, основываясь на одних частых встречах и не принимая в соображение никаких других обстоятельств, то же самое заключение можно вывести относительно как длиннохвостных сов, так и белых филинов (Strix nuctea), обитающих в Восточной Сибири. Но на деле выходит противное: в лесах здешнего края живут и другие виды этого племени, которые, вероятно, так же обыкновенны, но которые встречаются реже по причине своих привычек оставлять скрытое убежище не иначе как в сумерки и не удаля*ться* от него на большое расстояние.

Наблюдая над прожившими у нас некоторое время длиннохвостыми совами, мы сделали следующие замечания: с первых дней своего заключе-

ния[197] они уже не показывали дикости и боязни, которые свойственны почти всем птицам, попавшим в неволю совершенно взрослыми; при виде человека не обнаруживали ни гнева, ни страха, брали и ели спокойно данный им корм; дневной свет даже яркий, кажется, не был тягостен их зрению, при сильном освещении, по-видимому, они также хорошо могли различать окружающие предметы, как и в сумерки; в их движениях не было тех странных и смешных кривляний, которые замечаем в движениях многих сов, они не моргали и не опускали верхнего века так часто, как сычи и пугач, и закрывали глаза только во время отдыхновения[198], но как они не терпели недостатка в пище, то почти постоянно оставались в спокойном положении, сидя на одном месте неподвижно и поворачивая только по временам голову то в ту, то в другую сторону.

О нравах и привычках этих птиц американские орнитологи[199] собрали более сведений, чем европейские. Может статься, им благоприятствовало в этом их положении или особенная деятельность и смышленность тех людей, к которым они обращались при своих розысканиях. По их словам, длиннохвостые совы смелее, живее и деятельнее других пород своего племени; ищут добычи чаще днем, чем в сумерки, однако же нередко во время ночи летают около огней, разводимых в лесах дикими американцами. В летнее время главную их пищу составляют насекомые и мыши, а зимою они питаются преимущественно белыми рябчиками (Tetrao lagopus) или ивняками (Tetrao saliceti), последние около Гудзонова залива обыкновеннее первых. Во время весенних переселений этих птиц длиннохвостые совы тщательно подстерегают их стада, в которых производят страшные опустошения.Гнезда вьют на деревьях из толстых прутьев, сухой травы и перьев, самка несет два яйца белого цвета. Американские охотники рассказывают, что на звук ружейных выстрелов эти совы прилетают в места охоты и, увидя застреленного франколина или тетерева, тотчас бросаются на него и схватывают когтями, но по недостатку силы не могут унести своей добычи, если же величина застреленной дичины по их силам, то, овладев ею, спокойно удаляются. Мы не думаем, чтобы в рассказе американских охотников было преувеличение, хотя в нем есть большое сходство с тем, что рассказывают европейские охотники о щеглоке (Falco subuteo)[200], который, по их уверениям, всегда сопровождает охотника с корыстными видами без особенных трудов воспользоваться застреленною дичью, и нередко его замыслы увенчиваются полным успехом[201]. Не по духу противоречия, а из желания узнать истину, прибавляем одно замечание: от сибирских охотников нам не случалось слышать ничего подобного ни о длиннохвостой сове, ни о щеглоке, которых здесь тоже много. Сообщенные ими сведения ограничиваются следующим: промышленники Забайкальского края, как русские, так и братские[202], по дороговизне пороха и свинца большею частию ловят белок, рябчиков, куропаток и тетеревей особенного рода ловушками, которые они называют плашки, из таких ловушек длиннохвостые совы очень часто уносят попавшую дичь и нередко попадаются сами в те плашки, которые ставятся на белок и в которые вместо приманки кладут рыбу и мясо.

Наряд этих сов, кажется, изменяется с возрастом, так же как и цвет клюва, который у одних бывает почти весь желтый, а у других основание его и большая половина нижней челюсти черные с желтою оконечностию. По на-

блюдениям некоторых ученых, полы различаются более величиною, чем цветами наряда, которые у самки бледнее и неопределеннее. У нас были длиннохвостые совы обоих полов, но не одинакового возраста, поэтому нельзя было увериться – действительно ли самка отличается от самца одною неопределенностию цветов или в ее наряде бывает какое-нибудь другое различие. Итак, прежде чем станем описывать наряд самца и самки, считаем необходимым сделать оговорки, что наши описания составлены по индивидуям различного возраста и, вероятно, не могут служить надежным руководством в определении полов по цвету наряда.

У самца верхняя часть головы темного цвета с белыми овальными пятнышками, зашеек и задняя часть шеи покрыта темными перьями с белою по краям и кончикам оторочкою, глазные кружки белого цвета и отделены от висков и сторон шеи широкою черною полосою, которая, огибая их, спускается к груди, но не доходит до ее начала; горло белое с черными черточками, стороны шеи и начало груди белые с черными пятнами, спина и начало крыльев темного цвета, надплечники[203] или надкрылья белые с черными на кончиках пятнами; перья, лежащие у начала крыла, без белой опушки, и цвет их чернее других, так что они образуют в этом месте очень явственное черное пятно; нижняя часть груди, бока, брюхо и длинные перья, прикрывающие голени, белые с черноватыми поперечными полосками, которые на последних темно-рыжеватого цвета. Крыловые покрывала и все другие перья крыльев темно-черноватые с белыми по краям пятнами и с белыми же кончиками. Цвет прикрыльев[204] гуще и чернее цвета плавильных перьев; верхние хвостовые покрывала темные с белою вокруг опушкою, нижние хвостовые покрывала белые с широкими черными поперечными полосами; хвостовые перья темного цвета с узенькими белыми полосками, идущими поперек пера и довольно далеко отстоящими друг от друга, и белыми кончиками; голени, плюсна и пальцы покрыты мелкими бледно-рыжеватыми перышками с маленькими темными пятнышками. Брови белые, а густые волоски, окружающие основание клюва, белые и черные, веки черные, ирис желтый, клев при основании черный, а при оконечности желтого цвета, который на нижней челюсти занимает гораздо менее пространства чем на верхней, когти черные.

У самки темный цвет на всех частях тела светлее, исключая верхней части головы и зашейки, где он испещрен правильными белыми пятнышками. Стороны шеи и начало груди без пятен, поперечные полоски нижней части тела не так резки и бледнее, на горле довольно большое черноватое пятно, на нижних хвостовых покрывалах темные полоски узенькие, белый же цвет надкрыльев менее чист, черные их пятна неявственны, при начале крыльев черного пятна не заметно; желтый цвет занимает более пространства на обеих челюстях клюва. Длина самки от оконечности клюва до конца хвостовых перьев более длины самца 1 см и 5 мм[205].

Синонимия: Strix funerea Gmel., Forst., Temm.; Strix ulula, Linn; Strix canadensis Briss.; Freti Hudsonia Briss.; Strix Hudsonia Wills.; Strix nisoria Meyer; Surnia funerea Swainscon; Chouette de Canade; Chouette epervier, Chouette à longue queue de Sibiric; Caparacoch Buff.; Chouette epervier Sonn.; Chouette caparacoch Temm; Длиннохвостовая сова; Долгохвостая сова.

[Атлас, тетр. I, рис. 9][206]. **[242, 243]**

СЫЧ
(Strix otus[207])

Молодой самец

Клев: по ребру 2,6, от зевков 2,5; голова 3,8; крыло 26,5; хвост 14,6; плюсна 3,7; пальцы: внешний 2,2, средний 3,0, внутренний 2,3, задний 1,6; когти: внешний 1,3, средний 1,7, внутренний 1,6, задний 1,3, кисточки или ушки 4,5; длина всего от оконечности клева до конца хвостовых перьев 29,6, от оконечности же клева до конца когтя среднего пальца 27,5, размах крыльев 74,5.

Молодая самка

Клев: по ребру 3,0, от зевков 2,4; голова 4,1; крыло 27,6, хвост 153; плюсна 4,6; пальцы: внешний 2,4, средний 3,5, внутренний 3,2, задний 1,3; когти: внешний 1,5, средний 1,8, внутренний 1,7, задний 1,6; кисточки или ушки 4,6; длина всей от оконечности клева до конца хвоста, 30,8; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 28,4; размах крыльев 75,6. Кисточки состоят из осьми перышков, постепенно увеличивающихся. Плюсна и пальцы покрыты густыми мелкими перышками, но на всех пальцах две крайние чешуйки обнажены от перьев.

Сыч почти втрое меньше пугача, но в наряде их есть некоторое сходство, в нем с небольшим различием господствуют те же цвета, которых даже расположение мало изменяется. Без сомнения, одно сходство наряда не дает еще права считать пугача и сыча видоизменением одной и той же породы филина, однако ж, основываясь на нем, мы можем принимать их за две породы, весьма близкие друг к другу. Во всех родах, принятых учеными, встречается подобное сходство цвета перьев.

У птенцов, уже оперившихся, все верхние и нижние части тела покрыты изрыже-белесоватыми перышками с поперечными полосками темного цвета. Глазные кружки, состоящие из длинных тоненьких перышков с разделенными бородками, черноватые. Лоб и обвод окологлазных кружков белые, последний отделен от других перьев головы и шеи черноватою полоскою; под нижнею частью клева, на горле – пятно, тоже черноватого цвета. Верхние хвостовые покрывала белые; крыловые покрывала, плавильные и хвостовые перья при основании рыжеватые, а при оконечности пепельные с черными поперечными полосками и такими же крапинками; на передних плавильных перьях рыжий цвет чистее, определеннее и ярче, чем на других. Голени, плюсна и пальцы, исключая двух последних чешуек, покрыты тоненькими рыжеватыми перышками. Клев зеленоватый, чешуйки пальцев, обнажённые от перьев, бледно-желтоватые, когти черные, ирис желто-оранжевого цвета. Небольшие пуховые кисточки, находящиеся на передней части головы, почти прямо против глаз, такого же цвета, как и перья верхней части тела.

После первого линяния этот некрасивый наряд сменяется другим, более разнообразным и более цветистым, который, кажется, не изменяется с возрастом или по крайней мере при последующих линяниях. Его изменения бывают не весьма значительны. В это время голова сыча уже украшена значительной величины кисточками, или ушками, состоящими из осьми длинных заостренных перышков черного цвета с белым и рыжеватым обводом, передние, или верхние из них, короче следующих за ними, которые постепен-

но увеличиваются по мере своего удаления. В спокойном состоянии кисточки лежат вдоль головы, плотно к ее перьям, в цвете которых совершенно теряются, но когда сыч испытывает чувство гнева или страха, или когда какой-нибудь предмет привлекает на себя его внимание, или возбуждает в нем удивление, он приподнимает их прямо, наклонив верхушки вправо и влево, так, что с линиею, идущею вдоль головы, они составляют почти прямой угол, а с линиею, проведенною поперек, косые углы.Тоненькие перышки глазных кружков рыжие, но те, которые направляются к передней части головы и к основанию клева, белые; у первых основание черного цвета, отчего между глазом и основанием верхней челюсти клева образует[ся] черноватая полоска; кроме того, они отделены от рыжих перышков, при своей оконечности, треугольным черным пятном. Нижняя половина глазных кружков отделяется от перьев шеи довольно широкою белою полосою, подле которой идет другая черная, верхняя же *обрамлена* белою и рыжеватою полосками, из которых последняя испещрена множеством извилистых черточек темного цвета, все эти полоски состоят из небольших округленных перышков. Длинные волоски, закрывающие значительную часть клева, белесоватые; голова, шея и спина рыжие, с большими продолговатыми пятнами и точками черного цвета. Горло чистого белого цвета, тоже с черными пятнами, лежащими вдоль пера по стебельку. Грудные перья испещрены подобными пятнами, а рыжий их цвет гораздо нежнее того, которым окрашены перья головы и спины. Вдоль стебельков белых перьев, покрывающих брюхо и бока, идет черная полоска с небольшими поперечными черточками, тоже черными, с обеих сторон этой полоски и черточек виден рыжеватый отсвет, который, распространяясь по сторонам и оконечности пера, разделяет белый цвет почти на правильные четвероугольники, что дает этим частям тела очень приятную пестроту.Начало крыльев такого же цвета, как спина, но черные пятна шире и черных крапинок больше. На внешних бородках тех перьев, которые лежат ближе по крыловым покрывалам, довольно большое овальное пятно белого цвета, а на внутренних – рыжий цвет заменяется пепельным. Крыловые покрывала, задние плавильные перья и оконечности передних, пепельные с поперечными черными полосками и черными точками, начало же передних плавильных перьев желто-рыжего цвета. Хвостовые перья соцветны задним крыловым, при основании их на внутренних бородках, так же как и у средних и задних плавильных, пепельный цвет очень слаб и переходит в рыжеватый. Верхние хвостовые покрывала белые с рыжеватым оттенком, которым совершенно окрашены нижние. *Мелкие* перышки, покрывающие голени, плюсна и пальцы одинакового цвета с нижнею частью брюха и хвостовыми нижними покрывалами. Клев темный, когти черные, неоперенные чешуйки пальцев желтоватые, глазные веки черного цвета, ирис оранжевый.

По замечаниям некоторых орнитологов, полы различаются и величиною и цветом перьев. Самка постоянно больше самца, во всем ее наряде серо-белый цвет господствует над рыжим, горло и глазные кружки белые, последние окаймлены темными пятнами[208].

Должно полагать, что орнитологи сличением многих *индив*идуев обоего пола уверились, чем они разнятся друг от друга и какие цвета принадлежат наряду каждого из них. Поэтому мы не смеем отрицать свидетельства людей ученых, основываясь на одних или двух случаях, которые да-

ют нам право думать совершенно противное. Однако же не можем не заметить, что если два случая не служат несомненным доказательством общего закона, то их нельзя также считать непременно исключениями из такого закона, впрочем небесполезно знать и самые исключения. У воспитанных нами сычей самка превосходила самца не только величиною, но и цветистостью своего наряда. Рыжий цвет у нее был гораздо живее и занимал несравненно более места на всех перьях, чем белый. *У самца, напротив, на голове, шее, спине и крыльях он был слаб и при оконечности перьев переходит совершенно в белый.* Грудные перья не имели даже следов рыжего оттенка, рыжие каемки, составляющие отсвет около черных полосок, которыми испещрены брюхо и бока, были желтее, уже и короче; оконечности же белых перьев, покрывающих эти части тела, не были им окрашены. В глазных кружках замечалось тоже некоторое различие; у самца рыжий цвет, хотя бы такой же силы, но казался тусклее, и черное пятно, отделяющее верхние белые перышки от рыжих, было неявственно и неопределенно, тогда как у самки оно резко отделяло два цвета, рыжий и белый, напротив того, пепельный и рыжий цвета крыловых и хвостовых перьев не представляли никакого различия в силе тонов, точно такое же расположение черных пятен, полосок и точек на всех вообще перьях было одинаково. Подробное описание наряда самки изложено выше. Прибавим еще, до линяния ее можно было отличить от самца по силе рыжеватого оттенка ее перьев. Кончим повторением сказанного прежде: наше замечание сделано было над птенцами, вскормленными в неволе. Стесненное положение, несвойственная и единообразная пища, легко могли иметь неодинаковое влияние на организм узников и произвести в его отправлениях более или менее значительные возмущения. Следовательно, мы далеки от мысли, что различие в цветах, замеченное при таких невыгодных условиях, должно принимать за то, которое может существовать между полами совершенно взрослых сычей, воспитанных на свободе и достигнувших полного развития в естественном своем состоянии[209].

Вот немногие наблюдения, которые удалось сделать нам над бывшими у нас сычами. Самец, бывши еще птенцом, показывал более смелости, чем самка, которая обнаруживала постоянно робость и недоверчивость. В движениях самца было более живости и ловкости. Хотя он казался слабее своей подруги, однако же выдерживал с большею твердостью невыгоды заключения и прожил двумя неделями долее. Всего они прожили с лишком восемь месяцев, с июня 1851 до первых чисел марта следующего года. Бычачье мясо было постоянною их пищей; кажется, единообразие этой грубой пищи, при тесном помещении, должно считать главною причиною преждевременной их смерти. Как мясо тщательно очищалось от косточек, хрящей, плевы и жирных частиц, то они никогда не выбрасывали ртом комочков, состоящих из несварившихся в желудке частиц, что обыкновенно случается с птицами этого рода, когда они питаются мышами и птичками, которых едят, не отделяя ни шерсти, ни перьев, ни ко*стей*. Пищу сычи хватали всегда когтями с большею ловкостью, не делая никогда промаха. Чтобы схватить ее, они сле*та*ли с нашестки, налету вытягивали с чрезвычайною скоростью всю ногу вперед и сжавши всеми пальцами схваченный кусок, приближали его к себе, сгибая ногу. Будучи голодны, они часто отнимали друг у друга кусочки мяса, но никогда не дрались за пищу и не оспаривали ее слишком долго.

Большею частью, после первой неудачи, хищник отказывался от дальнейших покушений. Самец показывал более склонности к такому хищничеству и чаще *выр*ывал добычу из когтей своей соузницы.Поспешим сказать, в оправдание нашего сыча, что один только голод побуждал его к таким дурным поступкам. Удовлетворив первую потребность, он совершенно переменялся. Тогда, схватив добычу, он брал ее из когтей в клев и начинал произносить довольно тихий крик, которого звуки походили и на клохтанье наседки и на крики пустельги, медленно приближался к самке, протягивал к ней шею и почти прямо клал ей в зев кусочек мяса. Это случалось перед нашими глазами ежедневно, в течение шести месяцев и почти всегда со стороны самца. Самка, схватив лишний кусочек, очень редко передавала его самцу, а искала обыкновенно удобного места, где бы можно было его спрятать. Из этих замечаний мы поневоле должны были вывести заключение, что необходимость удовлетворить голод, составляя первую потребность организма, заглушает все другие побуждения, по французской пословице: "У голодного брюха нет ушей" (Ventré affamé n'a point d'oreilles). Но как скоро эта потребность удовлетворена, другие, менее эгоистические, *чувства* обнаруживаются свободно и хищные птицы, которых почти все писатели считают прожорливыми и необщежитными эгоистами, уступают природному влечению оказывать ласки себе подобным, делиться с ними своими избытками, делать что-либо *полезное*.

Во время дня сычи обыкновенно сидят неподвижно, но если движение какого-нибудь предмета или двух привлечет его внимание, он начинает делать странные телодвижения, наклоняет и поднимает голову, поворачивает ее то вправо, то влево, переступает с ноги на ногу, сгибает и выправляет пальцы, обращая внимание попеременно назад и вперед. По мнению Бюффона, Аристотель эту странность приписывает исключительно сычу (Strix otus), а Плиний, напротив, канюку (Strix scops). Вероятно, отцам естественной истории не представилось случая или они не имели времени наблюдать над другими видами совиного рода, ибо все совы, исключая только тех, которые при полном солнечном свете, видят так же явственно, как бюзарды (Falco buteo), и называются ястребовидными (Accipitrines), во время дня производят странные телодвижения, сходные с теми движениями сыча, и многие из новейших естествоиспытателей ограничиваются уверением, будто бы сыч, по своей склонности к этим странностям, превосходит всех своих соплеменниц. Может быть, это и правда. Говоря об этой привычке сыча и других однородных с ним птиц, Модюи, кажется, справедливо замечает, что все эти странные или, как говорит, смешные кривлянья, легко могут происходить от того, что яркий свет дня не совершенно ослепляет ночных птиц, *а* препятствует им различать окружающие предметы отчетливо. Таким образом, стараясь рассмотреть их хорошенько, они делают, по-видимому, неопределенные и ничему не служащие телодвижения. Без сомнения, не только дневные птицы, но и дневные звери, испуганные или потревоженные во время ночи, желая *обознаться*, где они, и узнать, что случилось с ними, тоже делают неопределенные и неполные движения, которые могут быть очень странны и даже смешны. Собственные наши наблюдения над совами убеждают нас в справедливости такого заключения. Мы думаем, что действительно причина странных телодвижений ночных птиц заключается в способности, которая им еще остается, несмотря на чувствительность их зрения, и при ярком

освещении различать с большею или меньшею ясностию окружающие их предметы, но как эта способность не может быть одинаковой силы у всех пород без исключения, то одни из них для распознования предметов, употребляют более усилий, а другие менее. Странность и число телодвижений увеличивается в соразмерности с трудностию разглядеть предмет, обративший [на себя] их внимание. Предположим, что нам неизвестна цель тех движений, которые делает близорукий, стараясь рассмотреть хорошенько какую-нибудь вещь, не покажутся ли они нам более чем странными.

Чувство изумления и страха сыч выражает почти так же, как пугач, белый филин и другие совы. Испытывая эти чувства, он наеживает все перья, отделяет оконечности крыльев от тела, расставляет плавильные перья и составляет из них род свода над верхнею частью тела, распускает хвост, топает ногами, громко щелкает челюстями клева и производит звук, похожий на шипенье, кисточки, украшающие его голову, тогда приподнимаются перпендикулярно, а иногда смешиваются с головными перьями. Положение тела часто бывает в горизонтальном положении.

Позволяем себе прибавить еще одно замечание насчет общепринятого мнения, будто бы птенцы сов, филинов и сычей странны, смешны и даже гадки. Смешны и странны может быть, но нельзя сказать, чтобы они были отвратительны. Неоперенные птенцы многих очень красивых птиц, насекомоядных, зерноядных, ласточек, голубей и многих других, далеки от того, чтобы быть красивыми; редкий длинный пух не скрывает нестройности наружных частей тела, мясной цвет кожи, огромность желудка и местами пробивающиеся начатки перьев, заключенные в роговую оболочку синеватого или белесоватого цвета, неприятны для глаз. В этом отношении маленькие совы, покрытые густым пухом, имеют над ними некоторое преимущество. Но как даже взрослые совы не очень красивы, то их птенцы, естественно, никогда не могут равняться в красоте с птенцами куликов, кур и уток, которые, кроме того, что все внешние недостатки их наружности скрываются густым коротким пухом, вскорости по выходе из яиц начинают бегать. Их резвость, живость и ловкость всех движений дают им особенную прелесть. Совершенно противное видим мы в птенцах не одних сов, но и дневных хищных птиц; от слабости они бывают долго неловки в своих движениях, которых медленность и неопределенность неприятны.

Сыч очень обыкновенная птица во Франции, Германии, России и в других северных странах Западной Европы, он живет также и в Африке. Леса, растущие на горах и долинах, одинаково бывают местом его жительства. Неизвестно еще наверное, вьют ли сычи гнезда сами[211]. До сих пор их яйца и птенцы были находимы в старых гнездах, оставленных галками, сороками, воронами, дикими голубями и белками. Самка несет от четырех до пяти яиц белого цвета, с обоих концов одинаково закругленных.

В Восточной Сибири эта птица встречается одинаково, как по ту, так и по сю сторону Байкала[212].

Синонимия: Strix otus Gmel., Lath.; Le moyen-duc ou Hibon Buff., Gerard, Vieill.; La chouette-duc Vieill.; Roux Hibon, moyen-duc Temm.; Маленький филин. **[245, 246, 247]**

ВСЕЯДНЫЕ
РОД 10[213]
ПОРЯДОК II
(Omnivores[214])

Клев средней величины плотный, края челюстей острые; при оконечности верхней челюсти более или менее значительная зазубренка. На ногах четыре пальца, три впереди и один назади. Крылья не очень длинны и не очень коротки, плавильные перья оканчиваются острым углом.

ВОРОН
(*Corvus*[215])

Клев очень крепкий, толстый, при основании немного выпуклый и в стороны расширенный, к оконечности согнутый; края челюстей заострены; ноздри лежат у основания, *круглые,* открытые, *но очень часто* скрываются под жесткими волосками, направленными вперед от основания клева, иногда же остаются не закрытыми, потому что волоски, сгибаясь, приподнимаются над плоскостью верхней челюсти; ноги крепкие, о четырех пальцах, из которых три передние почти совершенно отделены друг от друга, четвертый задний лежит в одной плоскости с передними, когти крепкие, согнутые, крылья длинные к оконечности заостренные и доходят почти до оконечности хвоста, а иногда и далее, первое плавильное перо средней величины, второе и третье короче четвертого, которое длиннее всех.

Род воронов в том виде, в каком принимал его Линней, был чрезвычайно богат различными породами всеядных птиц. Знаменитый естествоиспытатель поместил в него многие породы, которых не мог видеть сам и собственными наблюдениями поверить *наружные* признаки, им приписываемые. В последствии времени, ученые, имея более средств изучить непосредственно произведения природы, или в богатых музеумах естественной истории, или в природе во время собственных своих путешествий, значительно уменьшили число Линеевых воронов, одних переместили они в роды уже принятые, из других составили совершенно новые. Некоторые орнитологи думают даже, что сорока и сойка не должны оставаться в одном роде с вороном, галкою и грачем и признают их типами отдельных самостоятельных родов. Темминк в первом издании орнитологического руководства[216] был противного мнения. Не отделяя означенных пород друг от друга, он довольствовался размещением их в три отделения или группы: настоящих воронов, сорок и соек. По его словам наружные признаки достаточные для обозначения этих групп довольно сомнительны и не могут служить родовыми и, если образование хвоста сороки резко отделяет ее от настоящих воронов и сойки, то и этот признак становится ненадежным в породах *экзотических,* из которых, допустив подобные разделения, можно наделать множество новых родов. Принятые отделении Темминк определяет таким образом: настоящие вороны – клев толстый и плотный, хвост обыкновенно посредственной длины при оконечности четыреугольный, или округленный; сороки – хвост очень длинный и большой частию клинообразный, т.е. длина его перьев от

середины по краям постепенно уменьшается; наконец, сойки – хвост при оконечности ровный или немного округленный. В последующем издании того же сочинения[217], не *знаем*, на каком именно основании голландский орнитолог переменил это мнение и, отделив в особый ряд сорок и соек, составляет из них две группы. Новому роду сороко-соек (*Garrulus*) он не приписывает никаких особенных родовых признаков, исключая образование хвоста; должно думать, что они общие с теми, которые приписаны настоящим воронам. Кювье и Виейлло, задолго прежде, семейства воронов разделили на три рода: ворона (*Corvus*), сороку (*Pica*) и сойку (*Garrulas*), последний из этих естествоиспытателей *ворону* приписывает следующие родовые признаки: клев прямой, толстый, сжатый, по сторонам немного вздутый, выпуклый и согнутый и при оконечности, края челюсти заострены, ноздри открытые, четвертое плавильное перо длиннее всех других; хвост всегда ровный, а при оконечности прямой или округленный. Сороки клев при основании убран *шерсте*образными перышками, направленными вперед, *цельный* с заостренными краями челюстей, прямой или согнутый дугою; хвост очень длинный, перья его расположены уступами; и, наконец, сойки клев посредственной длины, при основании убран перышками, направленными вперед, прямой к оконечности, наклоненный и с притупленною *щербинкою* на конце верхней челюсти; края же обоих челюстей острые; хвост ровный, а иногда с легкою округленною оконечностью. Мы думаем, что все эти подробности насчет распределения пород не *совсем* бесполезны. Однако же верные однажды принятому правилу, оставляем род ворона в том виде, в каком принимал его сначала Темминк, с тремя его подразделениями[218].

Все породы всеядных птиц, причисляемых к роду ворона, более или менее сходны между собою, как наружными признаками, так нравами и образом жизни, в котором замечаемые различия не слишком важны. Все они *моногамы* в строгом смысле этого слова. Спаровавшись однажды, они не разлучаются друг с другом во все продолжение своей жизни. Их неизменный союз расторгает одна только смерть, прекращая существование одного из верных супругов. Леса служат обыкновенным их жилищем, которое они оставляют на время, чтобы отыскивать пищу в полях, лугах, по берегам рек на больших дорогах и даже в жилых местах. Многие породы ворона ведут жизнь совершенно оседлую, другие периодически переселяются из стран умеренных и холодных в страны теплые, или с высоты гор спускаются в долины; но как те, так и другие осенью и зимою летают стадами, иногда огромными, а некоторые живут постоянно в обществе, помещая свои гнезда в одном месте и довольно близко друг подле друга на древесных ветвях, в кустарниках, или на кровлях высоких зданий и горных утесах. Осторожность и недоверчивость составляют главные черты их характера. Эти птицы очень редко попадают в расставленные им ловушки. Несмотря на склонность к общежитию, почти все они сварливы, буйны и очень смелы. Многие хищные птицы много терпят от их преследования и очень боятся их. Бóльшая часть известных пород ворона, скоро привыкает к домашнему быту, становится ручною и показывает много смышлености. У некоторых из них есть привычка постоянно прятать остатки пищи[219]. Нам кажется, что Драпье, назвав эту предусмотрительность маниею и отрицая у них память, ошибается. В домашнем быту вóрон, сорока, сойка и галка не забывают спрятанной ими пищи, но не имеют никогда надобности вспомнить о ней потому,

что всегда сыты и всегда имеют излишнее. В состоянии же свободном диком их предусмотрительность часто бывает для них полезною. Это доказывают наблюдении. Всем известно, что некоторые из этих птиц по необъяснимому побуждению уносят и прячут вещи совершенно для них бесполезные; изъяснить причину этого побуждения трудно, однако же нельзя приписывать его необыкновенной хитрости и желанию вредить человеку, как это делают многие писатели во всех отношениях достойные нашего уважения по своему уму и знаниям*. [220]. В самом деле, чем обнаруживается *хитрость* птицы? Средствами, которые употребляет она для добывания пищи, для избежания угрожающей ей опасности. Словом, инстинкт самосохранения служит главнейшую пружиною всех ее хитростей, но утащить бесполезную для себя вещь, спрятать ее тайком, выказывает обдуманное намерение пошутить над тем, кому принадлежит эта вещь, огорчить его, поставить в неприятное положение, такое действие, в наших глазах, выше самой хитрой хитрости птичьего ума. Оно требует сложных, обширных, утонченных понятий об условиях общественного нашего быта, о назначении вещей, о полезности их, о собственности и пр. Подобных понятий невозможно допустить ни в одной из самых разумных птиц[221].

Взятые птенцами, почти все птицы это рода становятся ручными, привыкают произносить явственно многие слова и повинуются голосу хозяина. Коротко сказать, они обнаруживают много умственных способностей и даже в некоторой степени наклонность к развитию и усовершенствованию этих способностей. Может статься, со временем, когда нам объяснится вполне цель нашего земного назначения, когда мы, люди, перестанем спорить о правах и обязанностях, когда перестанем враждовать между собою и против других творений природы и будем иметь более досуга заняться истинными улучшениями общего быта, может статься, тогда из способностей и наклонностей многих животных, остающихся до сих пор нам враждебны[ми] или чужды[ми], мы научимся извлекать существенные *и* важные выгоды как для себя, так и для них. Допустив их пользоваться нашими избытками, дадим им возможность участвовать и в нашем довольстве и в наших трудах, тогда они будут уже не врагами, а сподвижниками нашими на пути усовершенствования. Это мечта, но сколько мечтаний время превратило в действительность[222].

Было бы излишним говорить подробно о суеверном мнении, издавна укоренившемся между некоторыми народами: будто бы ворон и другие соплеменные ему породы одарены сверхъестественными способностями. Однако же нельзя вовсе и умолчать о нем. Кто не знает, что черного ворона (*Corvus corax*) с незапамятных времен суеверы считают посланником злого духа, предвестником злополучия, проницающим таинственные пути провидения, или непреложные предопределения судьбы. Может быть, единообразный и мрачный наряд этой птицы, неприятный ее крик, нескладная наружность, частые посещения кладбищ, куда вероятно привлекает ее испарение мертвых тел, которое она чует издали тонким своим обонянием, и предпочтение, оказываемое ею трупам животных пред всякою другою пищей – все это вместе послужило основанием этим смешным предрассудкам. Труднее придумать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение, почему не-

* Темминк [Прим. П.И. Борисова].

которые племена американских дикарей считали воронов существами благодетельными, блюдущими над участью больных и страждующих[223]. Касательно же мнения, будто бы вороны благодетельствуют людям, беспрестанно трудятся на пользу человека, очищая поверхность земли от трупов животных, червей и вредных насекомых, оно достаточно изъясняется образом их жизни. Не одни черные вороны, как мы уже сказали выше, были и еще до сих пор остаются в глазах людей необразованных предметом суеверной боязни. Обыкновенная сорока (*Corvus pica*) по разнообразию своего убора и чрезвычайной живости нрава, конечно, не могла представлять собою пророчицу несчастия, но в замену того, она прослыла во многих местах за колдунью, ведьму, предсказательницу каких-нибудь новостей. Можно думать, что ее болтливость и замечательная *вертливость* были причиною такого заключения. Грубое невежество и слепое суеверие, всегда руководствуясь одним воображением и постоянно чуждаясь света разума, иногда *бывает* гениально в поэзии подобного рода, где идет дело о мертвецах, пророчествах, приметах и колдунах, угрожающих людям *несчастием*; там беспрестанно пальма первенства принадлежит им. Говорят, что будто бы жители Норвегии и *кукшу* почитают зловещею предсказательницею. Она известна у них под именем птицы злополучия – горе-птица, которая всегда пророчит несчастия звучным и чрезвычайно пронзительным криком. Надобно сказать в похвалу восточных сибиряков-старожилов, они не так суеверны, и ни кукша, ни сороки, ни даже черный ворон не слывут у них за ведьм и пророков. Во многих местах России существует поверье другого рода, более основательное: обыкновенно думают, что сивые вороны (*Corvus cornix*) своим криком всегда предвещают несчастье, о чем свидетельствует даже старая пословица: Вороны каркают – быть ненастью. Нельзя сомневаться, что это поверье есть следствие наблюдений. Сверх того, связь или постоянное совпадение двух явлений: беспокойства ворон, сопровождаемого криками, и следующего за тем ненастья, нисколько не противно нашим понятиям о действии воздушных перемен, изменения напряженности электричества, света и прочего на все организ*ированные* тела вообще, а на одаренные чувствительностию, в особенности. Птицы, часто посещающие высший слой воздуха, скорее могут чувствовать приготовляющиеся в атмосфере перемены, чем другие животные, которые, так сказать, прикованы к земной поверхности силою тяготения. К тому же у птиц обширность легких, свободный доступ воздуха не только в зорки всех перьев, но даже во внутреннюю пустоту костей, подчиняют весь их организм сильному влиянию метеорологических изменений, которые необходимо должны производить в нем особенные ощущения: итак, очень вероятно, что необыкновенное беспокойство и частые крики ворон указывают или предвещают близкую или уже наступающую перемену погоды. В этом нет ничего сверхъестественного.

Достигнув возмужалости, самец всех известных пород ворона ищет пары и, нашедши для себя подругу, не расстается с нею во все время жизни, которая, по уверению некоторых писателей, продолжается более ста лет. Впрочем, никакие положительные факты не подтверждают мнение о долговечности ворон, однако же нет и таких, которые бы ему противоречили[224].

Самец и самка насиживают яйца поочередно. Самка обыкновенно сидит в гнезде в продолжении ночи, а самец остает подле нее на ближайшей ветке, во время же дня сменяет её на несколько часов. Он постоянно участвует

во всех трудах и заботах, как о постройке гнезда, так и о воспитании и защите птенцов. Кроме того, он часто приносит пищу даже матери, когда она остается долго на гнезде[225].

Эти птицы несут от трех до шести яиц, которых цвет изменяется по различию пород; однако же большею частию они бывают нечистого зеленого цвета *светло-* или бледно-зеленые и всегда с крапинками и черточками черноватыми, темными или серо-оливковыми, а иногда зелено-голубоватые с темными или темно-оливковыми пятнышками. Птенцы выходят из яиц слепыми, в пуху и долго бывают очень слабы.

Породы ворона встречаются почти во всех частях земного шара; их находят в Европе, Азии, Африке и Америке; произведения как растительного, так и животного царства служат им пищею без различия.

Из этого рода в Восточной Сибири водятся черный ворон (*Corvus corax*), черная ворона (*Corvus corone*), пегая или даурская галка (*Corvus dahuricus)*, обыкновенная галка (*Corvus monedula*), сорока (*Corvus pica*), ронжа, или голубая сорока (*Corvus cyanus*), сойка (*Corvus glandarius*) и кукша (*Corvus infaustus*)[226]. Пегая галка, сорока, сойка, черный ворон и черная ворона встречаются одинаково, как по ту, так и по сю сторону Байкала; обыкновенных галок больше по сю сторону и далее к западу, а в Забайкальском крае они довольно редки. Кукшей, напротив, за Байкалом гораздо более, чем в Иркутском округе. Ронжи попадаются только по берегам Селенги и до сих пор неизвестно, живут ли они в каких-либо других местах Верхнеудинского и Нерчинского округов. Вороны, сороки, сойки и кукши ведут жизнь оседлую; черная ворона, обе породы галки и ронжа принадлежат к числу летних посетителей Восточной Сибири. Эти породы перелетные, прилетающие сюда весною, а при наступлении холодного времени года удаляющиеся на юг. Однако же, если верить жителям Забайкальского края, *пегие* галки не все улетают в теплые страны на зиму, а многие их стада проводят суровое время года в долинах, лежащих по реке Чикою и Шилке, и защищаемых высокими горами от северо-восточных и северо-западных ветров[227].

ПЕГАНКА[228]
(*Corvus dahuricus*)

Клев: по ребру 3,2, от зевков 3,5; голова 3,7; крыло 24,1; хвост 13,6; плюсна 4,3; пальцы: внешний 2,0, средний 2,5, внутренний 2,0, задний 1,6; когти: на внешнем 0,8, на среднем 1,5, на внутреннем 1,5, на заднем 1,7; длина всей, от оконечности клева до конца хвостовых перьев 35,7, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 34,1; первое плавильное перо узенькое и почти вдвое короче второго, второе короче третьего, третье почти равно четвертому, которое длиннее всех, пятое немногим короче третьего.

Величиною и наружными формами пеганка мало разнится от обыкновенной галки (Corvus monedula), в звуках голоса, привычках и нравах этих двух птиц есть также большое сходство, но наряд одной совершенно различается от наряда другой. Зная с детства одних черных галок, нельзя без удивления видеть в первый раз пеганок, гуляющих рядом с европейскими своими соплеменницами, которые во время перелетов часто присоединяются к их стадам и летают вместе.

В Забайкальском крае пеганки также обыкновенны как галки в Малороссии, но они никогда не гнездятся в селениях, которые посещают только при перелетах и когда в других местах не находят пищи. Леса и рощи бывают постоянным их пристанищем, там они вьют свои гнезда и вылетают из них на поля и луга единственно для того, чтобы искать насекомых и плодов растений, служащих пищею им и их птенцам. По сю сторону Байкала пеганок гораздо меньше, взамен их галки, очень редкие за Байкалом, особенно к юго-востоку, встречаются чаще в Иркутском округе и далее к западу. Пеганки огромными стадами начинают появляться в последней четверти марта, а в исходе сентября пускаются уже в обратный путь к югу. Однако уже не все они при наступлении зимы оставляют Восточную Сибирь, многие из них остаются зимовать в Забайкальском крае, в тех долинах, которые обращены на юг и защищены от холодных северных ветров, где почти не бывает снегов, и где находятся ручейки, не замерзающие во все продолжение зимы по причине быстроты своего течения.

Эти птицы от природы боязливы и дики, но довольно скоро привыкают к человеку и становятся смелы и доверчивы. В выборе пищи они не слишком разборчивы, однако же рис, пшено и гречиху, приготовленные на молоке и яйцах, и даже белый хлеб предпочитают мясу животных и рыбе; круто сваренные яйца, ягоды земляники, клубники и малины едят охотно, а к мясу птиц показывают видимое отвращение; один нестерпимый голод, кажется, принуждает их принимать этого рода пищу, точно также они не любят жир. При своем прилете, когда действие солнечной теплоты и света не успело еще пробудить растительные силы и призвать к новой жизни насекомых, засыпающих на зиму или в настоящем их виде, или в виде личиинок, и поздно осенью, когда зелень уже поблекла, а насекомые отжили или скрылись в надежные убежища для зимнего сна, огромные стада пеганок посещают берега и отмели рек, речек и озер, где ищут водяных насекомых и маленьких черепокожих[229]. Но во все продолжение того времени, в которое луга и поля зеленеют и бывают населены множеством разного рода насекомых, пеганки беспрестанно встречаются по всем открытым местам, по перелескам и по опушке лесов. Хотя они часто летают вместе с черными воронами и галками, однако же их никогда нельзя видеть на трупах животных, которые обыкновенно бывают богатым пиром для последних. Это заставляет думать, что в свободном состоянии главную пищу пеганок составляют каллиоптеры[229a], ортонтеры и личинки, или гусеницы, как этих, так и других больших насекомых; кроме того, вероятно, они питаются также ягодами и разного рода семенами.

Наряд пеганок не изменяется по временам года и между совершенно взрослыми не бывает никакого различия в цвете перьев. Как у самца, так и у самки передняя часть головы, горло и перед шеи глубокого черного цвета с богатым фиолетовым отливом; спина, крылья и хвост тоже черные, но на крыловых и хвостовых перьях отлив зеленоватый; щеки, ушки и затылок покрыты светло-пепельными перышками, у которых оконечности почти белые, а основание черное. Зашеек, стороны шеи, грудь и вся нижняя часть тела чистого белого цвета; бока, голени и нижние хвостовые покрывала черные без отлива; тоненькие перышки вроде волосков, направленные вперед от основания клюва и прикрывающие ноздри, темно-рыжеватые. Клев, плюсна, пальцы и когти черные; ирис темного цвета.

Молодые отличаются от совершенно взрослых тусклостью черного цвета, не имеющего металлического отлива, с пепельным оттенком более или менее заметным в белом цвете шеи, груди и брюха, щеки и задняя часть головы у них черные.

Эти птицы вьют гнезда в лесах небольшими обществами, располагая их на древесных ветвях. Гнездо делается из толстых прутьев и устилается внутри сухою травою, конскими волосами[230] и перьями.

Синонимия: Corvus dahuricus, пегая Галка, даурская Галка, Пеганка **[248, 249]**

СОЙКА

(*Corvus glandarius*)[231]

Клев: длина 2,8, толщина у основания 1,1; голова 4,1; крыло 17,5; хвост 14,2; плюсна 4,3; пальцы: внешний 1,3, средний 2,0, внутренний 1,3, задний 1,2; когти: на внешнем 0,7; на среднем 1,0; на внутреннем 0,8, на заднем 1,1; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 31,7, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 25,2; хвост ровный, прямой.

Из соровых птиц[232], обитающих в Восточной Сибири, сойка красивее всех, не только блеском и яркостью цветов, украшающих её наряд, сколько приятностью и мягкостью их тонов. Верхняя часть головы, зашеек, щеки и шея чрезвычайно нежного изкрасно-коричневого цвета; темя испещрено черными продолговатыми пятнами до самого затылка, длинные его перышки, приподнимаясь по воле птицы, образуют небольшой хохолок. Горло белое, от зевков с обеих сторон горла тянутся вниз длинные и довольно широкие полоски черного цвета, называемые обыкновенно усами; спина пепельная с небольшим голубоватым оттенком; хлуп, верхние и нижние хвостовые покрывала белые; грудь, бока и брюхо изкрасна-пепельные, очень приятного тона; начало крыльев покрыто пепельными перышками с тоненькими рыжими черточками, идущими поперек пера почти параллельно его очертанию; передние крыловые покрывала и перышки, лежащие на крыловом сгибе, прекрасного голубого цвета с черными поперечными полосами, имеющими подле *белый* отсвет; задние крыловые покрывала черные, передние плавильные перья черного цвета, с белесоватою оторочкою, средние от зорки[233] до половины белые, а в оконечности черные, самые задние красно-каштановые с черным на конце пятном; на задних у начала видны голубые и черные полоски. Хвостовые перья тоже черного цвета, но начало их испещрено голубыми полосками с белым отсветом; клюв и плюсна темного цвета, когти черные, радужная плева глаз темная.

Самка отличается от самца только тем, что цвета её наряда не так ярки.

Резкостью своих движений, беспрестанным щебетанием и необыкновенною живостью сойка очень походит на обыкновенную сороку, но в её нраве не заметно той недоверчивости и той крайней осторожности, которыми отличается сорока. Сойки часто попадают в ловушки, идут на приманку даже в пустую западню и *под* сетку, если только они скрыты с некоторым тщанием. Эти птицы скоро привыкают к неволе и взятые птенцами совершенно свыкаются с домашним бытом, легко перенимают повторяемые при них звуки и даже научаются произносить довольно явственно некоторые слова. От природы сойки склонны подражать голосу некоторых птиц и животных, ко-

торых звуки голоса по ясности и простоте своей доступны подражанию. Пение сойки, если только щебетанье можно назвать пением, походит на пение сороки; это довольно разнообразное и не совершенно *не*приятное щебетанье, но хриплый и притом пронзительный её крик также неприятен, как и крики других соровых птиц[234].

Уверяют, что будто бы эти птицы имеют природное отвращение к хищным зверям и ночным хищным птицам. Говорят, если сойка увидит случайно лисицу или сову, она тотчас испускает пронзительные крики, на которые немедленно слетаются все её соплеменницы, находящиеся в окрестности и составляют вместе с нею нестройный оглушающий хор. Нам кажется, напротив, что каждый предмет, внушающий им какое-нибудь *опасение* производит между ними подобную тревогу точно так, как и между другими соровыми птицами, особенно, если он является по близости их гнезд, зимних запасов или подле обыкновенного их места жительства. В Сибирских лесах стадо кукшей (*Corvus infaustus*), увидя охотников с ружьем и собаками, начинают преследовать оглушающими криками, летают над самыми головами, садятся на деревья, растущие впереди и по сторонам тропинки и не покидают их даже после ружейных выстрелов. Точно также обыкновенные сороки, когда их птенцы малы или не приобрели еще навыка летать, при угрожающей им опасности, начинают кричать и собираться большими стадами, как будто бы для того, чтобы общими силами защищать малюток.

Сойки любят леса и оставляют их для того только, чтобы отыскивать пищу в местах открытых. В зимнее время они иногда посещают *селения*, очевидно, к этому принуждает их недостаток в пище, впрочем, это бывает очень редко. По благоразумной предусмотрительности у них почти всегда находится в каком-нибудь дупле старого дерева зимний запас, состоящий из *разного* рода орехов, сухих ягод, зерен гороховых растений и пр. Такие запасы сойки делают осенью при изобилии корма, скрывая тщательно в избранном месте избытки отыска*ной* пищи. Очень вероятно, что и другие соровые птицы, в которых замечена наклонность прятать остатки пищи, составляют подобные зимние запасы, когда представится им случай открыть изобильную пищу и что эта наклонность вовсе не бесполезная мания[235].

Сойки во все продолжение осени и зимы живут семействами; птенцы остаются при своих родителях до наступления весны, а иногда к ним присоединяются и посторонние. Эти небольшие стада живут мирно и дружески, летают и кочуют вместе. Они вьют гнезда на высоких деревьях. Основание и наружные стороны гнезда состоят из прутиков и моху, а внутренность устлана бывает корешками и волокнами растений[236]. Самка несет от пяти до семи яиц голубо-зеленоватого цвета с мелкими темно-оливковыми точками.

Главную пищу соек составляют ягоды разного рода, орехи, горох, бобы, насекомые, их гусеницы и личинки; нередко сойки *разор*яют также гнезда маленьких птичек, выпивают яйца, убивают и уносят птенцов.

Эти птицы водятся почти во всех местах Западной Европы; их находят также в Азии, и везде они ведут жизнь оседлую. Темминк замечает, что японские сойки постоянно разнятся от европейских тем, что тоны их цветом темнее и наверху головы черные пятна явственнее и больше; в распределении же цветов и наружных формах нет ни малейшего различия, почему он полагает, что это просто местный вариант, вероятно, общий всей Азии. Кажется, что это замечание относится и к здешней сойке.

Синонимия: *Corvus glandarius Gmel., Lath., Temm; Garrulus glandarius Cuvier, Vieill, Temm; Le Gemi Buff., Le vaill, Gern; Geni glandivore Temm (?),* Сойка, Кукша, Ронжа, настоящая Сойка.

Атлас, тетр. II, рис. 5.

ВСЕЯДНЫЕ[237]
РОД 11
ПОРЯДОК II
(Omnivores)

Клев посредственной длины, плотный, по краям заостренный; верхняя челюсть при оконечности с зазубренками; из четырех пальцев три впереди, один назади, все в одной плоскости. Крылья средней величины; плавильные перья оканчиваются острым углом.

КЕДРОВКА[238]
(Nucifraqus)

Клев длинный, плотный, прямой, сверху выпуклый, по сторонам сжатый, а в оконечности утоняющий[ся], верхняя его челюсть скруглена без выходящего ребра, и длиннее нижней. Ноздри лежат у основания маленькие открытые совершенно, но закрываются длинными узенькими перышками, направленными вперед. Из трех передних пальцев внешний своим основанием присоединен к среднему, который короче плюсны. Крылья довольно длинные, заостренные. Первое плавильное перо одной величины с шестым, второе и третье менее четвертого, которое длиннее всех других[239]; средние хвостовые перья длиннее лежащих по сторонам, и постепенно уменьшающихся к краям, отчего оконечность хвоста округлена.

Г-н Бриссон первый заметил в наружности кедровки родовые признаки, достаточные для того, чтобы отделить эту птицу от семейства воронов, к которому причисляли её прежние естествоиспытатели, и поместил в особенный самостоятельный род, соседственный роду воронов, но совершенно от него отдельный. Мнение г-на Бриссона не встретило никаких важных возражений, и новейшие орнитологи в своих сочинениях принимают кедровку за самостоятельный род, в котором до сих пор известна одна только порода, обитающая в гористых местах Северной Европы, Азии и Северной Америки[240].

Хотя кедровка принадлежит к порядку всеядных птиц и в крайности питается без разбора насекомыми, древесными почками, ягодами и зернами различных растений, однако же орехи и плоды хвойных деревьев она предпочитает всякой другой пище, поэтому водится обыкновенно в местах, изобилующих кедрами, сосной, пихтой, елью и вообще такими деревьями, которых плоды состоят из ядрышка мучнистого, содержащего в себе значительное количество масла. По свидетельству некоторых писателей эта птица любит также *каллиоптер*, не достигнувших еще окончательного превращения и, отыскивая их под древесною корою, расклевывает подобно дятлам не только кору, но и самую древесину и тем наносит значительный вред лесам,

приводя в негодность лучшие деревья. Нельзя спорить, что острый и плотный клев кедровки мало чем уступает в крепости клеву дятла, однако же его устройство совершенно иное, и едва ли она может проклевать затвердевшие части дерева с такою легкостью и проворством, как пестрый дятел. Кажется, ее шейные мышцы не имеют ни той силы, ни той упругости, которыми одарены шейные мышцы всех видов дятла; к тому же, не взирая на крепость острых своих когтей, кедровка не может держаться в отвесном положении на стоящем прямо стволе дерева, и не иначе может расклевывать кору, как сидя на горизонтально или почти горизонтально раскинутых ветвях. Чтобы очистить от скорлупы обыкновенный орех или кедровое зерно, эта птица ущемляет его в какую-нибудь трещину и, расклевывая скорлупу, с большим искусством очищает ядрышко от плевы. Весьма вероятно, что эта привычка подала повод думать, будто бы кедровки ищут под древесною корою насекомых и портят деревья[241].

Нередко, во время суровых зим кедровки, покинув обыкновенное свое жилище – леса, прилетают в селения. Иногда такие переселения предпринимаются многочисленными стадами, с жадностью бросающимися на все, что может утолить пожирающий их голод. Судя по изнуренному виду, худобе и необыкновенной доверчивости, некоторые писатели основательно приписывают перелеты кедровки совершенному недостатку пищи в лесах. Сколько нам известно, в Восточной Сибири никогда не случается, чтобы эти птицы подобно воронам и галкам посещали жилые места; соединившись в многочисленное стадо; но мы не раз видали кедровок, поодиночке укрывающимися под кровлями жилых домов от стужи, или ищущими пищу на дворах и гумнах[242].

КЕДРОВКА
(Nucifragus caryolactes)

Клев: длина от зевков 4,6, по ребру 4,0, толщина у основания 1,2; нижняя челюсть короче верхней; голова 3,0; крыло 18,0; хвост 12,4; плюсна 4,0; пальцы: внешний 1,6, средний 2,3, внутренний 1,8, задний 1,2; когти: на внешнем 0,8; на среднем 1,2; на внутреннем 1,0, на заднем 1,6; длина всей, от оконечности клева до конца хвоста 28,3, от оконечности же клева до конца когтя среднего пальца 26,5. Первое плавильное перо в половину короче и уже второго, второе короче третьего и равно седьмому. Третье и четвертое почти одной величины с пятым, которое длиннее всех; на внутренних бородках шестого и седьмого пера по белому продолговатому пятну[243]. Хвостовые перья от середины к краям нечувствительно уменьшаются, отчего оконечность хвоста округлена.

Во всех лесах Восточной Сибири и особенно в тех, где растут кедры, очень много кедровок. Эти птицы редко оставляют места, ими обитаемые, и как зимою, так и летом постоянно держатся в глуши здешних боров. Если же кедровки залетают иногда в селения, то, вероятно, туда заводит их какой-нибудь нечаянный случай, а не надежда найти там привольный корм, тем более, что в лесах от начала осени до наступления весны их всегда видят летающими небольшими стадами, а в жилые места они залетают поодиночке. Сверх того в таких лесах, как сибирские, столько находится хвойных деревьев, что при самом неурожайном годе едва ли лесные обитатели, пита-

ющиеся их плодами, могут терпеть недостаток в пище и отыскивают её в таких местах, которые они почти никогда не посещают.

Своим нравом и привычкам кедровка имеет некоторое сходство с вороном и сорокою: она скоро привыкает к неволе, становится смирною и ручною, но её доверчивость к людям никогда не доходит до смелости и нахальства ворона. Утоливши голод, она обыкновенно набирает полон клев кедровых орехов, которые очень любит, и прячет их в какую-нибудь трещину поблизости того места, где ночует.

Кедровка некрасива и ненарядна, хотя движения её живы и не без приятности, однако же в наружности видна та тяжесть и неловкость, которые мы замечаем во всех птицах, принадлежащих к роду воронов, или соседственных ему. У совершенно взрослого самца темя темно-каштановое, зашеек, спина и хлуп покрыты перышками такого же цвета, но с белыми овальными пятнышками на концах. Щеки, грудь и брюхо соцветны спине, с тою только разницею, что тон их гораздо гуще, а белые пятна шире, отчего эти части кажутся белее. Начало крыльев покрыто черными пятнами с треугольным белым пятном на конце. Крыловые и верхние хвостовые покрывала, также и все плавильные перья черные с белыми на кончиках каемочками или пятнышками. Нижняя часть брюха и нижние хвостовые покрывала совершенно белые. Хвост черный с белою на конце каймою, которая от *краев* к середине суживается. Клев, плюсна, пальцы и когти рогового цвета почти черного; ирис темного цвета.

У самки каштановый цвет гораздо светлее и даже несколько рыжеват[244].

Молодые почти ничем не разнятся от своих родителей.

Кедровки помещают свои гнезда в древесных дуплах, которых дно устилают небольшим слоем перышек и пуху[245]. В этом не всегда искусно приготовленном убежище самка несет от пяти до шести яиц изсера-желтоватых с редкими крапинками, которых тон гораздо светлее. Не только воспитанием птенцов, но и насиживанием яиц, занимаются прилежно как самка, так и самец. Последний показывают большую привязанность к своей подруге и старается разделять с нею все труды и заботы.

Синонимия: Corvus caryolactes, Nucifragus caryolactes, Casie noix, Кедровка, Кедровник[246].

Атлас, тетр. II, рис. 1. **[252]**

ВСЕЯДНЫЕ
РОД 17
ПОРЯДОК II
(Omnivores)

Клев средней величины, плотный, края челюстей острые; при оконечности верхней челюсти более или менее значительная зазубренка. На ногах четыре пальца, три впереди и один назади. Крылья не очень длинны и не очень коротки, плавильные перья оканчиваются острым углом.

СВИРИСТЕЛЬ
(Bombycivora. *Bombycilla*)

Клев короткий, прямой, приподнятый; верхняя челюсть немного согнута, при оконечности с глубокою зазубренкою, а по краям с небольшими зубчиками, она длиннее нижней, которую закрывает заостренным своим кончиком. Ноздри лежат при основании клева, овальные и покрыты жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца, из трех передних внешний соединен со средним. Крылья средней величины, первое и второе плавильные перья длиннее других[247]. В хвосте двенадцать перьев, и все они одинаковой величины.

Знаменитый Бюффон в своей естественной истории не признает собственно, ни порядков, ни родов, т.е. групп, составляемых самостоятельными породами[248], которые имеют между собою более сходства, чем с другими, и во всех созданиях видит или отдельные породы или варианты этих пород. Под словом порода (*espeie species*) разумеет он не собрание известного числа индивидуев одинаковой наружности, величины и цвета, но определенное сочетание наружных форм и цветов с соответствующими им внутренними органами, повторяющимися беспрерывно во времени, без изменения, переходящими от одного поколения к другому, и, таким образом, всегда существующими посредством воспроизведения. У этого Гениального Естествоиспытателя *видовой* тип так независим от всех других, что ему кажутся не только породы самостоятельными, настоящими, которые не могут мешаться с другими и производить *ублюдков*. В наше время едва ли можно принять его идеи безусловно. Признавая единство плана в создании организованных существ, соглашаясь, что все это есть не что иное, как разнообразные бесчисленные изменения одного и того же прототипа, мы должны самобытные отдельные породы считать столь же неестественными, как и собрание различных видов в более или менее значительные группы. Кто не знает, что все номенклатуры, все классификации не ведут нас к познанию природы, но служат важным облегчением приобретать таковое познание? Итак, возвратимся к свиристелю. Верный основной своей идее Бюффон, не причисляет свиристеля ни к какому роду птиц и считает его самостоятельною отдельною породою. Но орнитологи, писавшие прежде и после него в своих распределениях птиц причисляли свиристелей, то к дроздам, то к сорокопудам, то к котнюгам, хотя в наружности этих птиц нет ничего общего с означенными родами. Швенифельд[249] первый подал мысль составить из свиристелей особенный род[250]. Виейлло[251] осуществил эту мысль. Темминк и Кювье приняли ее в свои классификации и все новейшие орнитологи последовали их примеру.

Г-н Драпье весьма справедливо замечает, что латинское название *bombycivora*[251] так неприлично свиристелю, как и простонародное, но употребляемое многими естествоиспытателями его французское имя Чазем. Судя по первому, должно бы полагать, что ночные бабочки составляют если не исключительную, то по крайней мере главнейшую пищу этих птиц[252], а последнее дает повод думать, что отличительное их свойство есть беспрерывное щебетание, однако же на деле выходит совершенно противное. Свиристели насекомым решительно предпочитают ягоды и плоды, одна только

крайность принуждает их питаться насекомыми. То же должно сказать и о мнимом неумолкаемом их щебетанье, они вовсе не болтливее других птиц, даже может статься, молчаливее многих, кричат редко и голос их довольно тих. Я слышал будто бы русское имя свиристель удачно выражает произносимые ими звуки. Может быть, это и правда, мне самому не случалось видеть значительных стад свиристелей и собственными наблюдениями поверить этого.

Орнитологи считают свиристелей перелетными птицами, которые обитают летом в северных странах и на высоких горах, а при наступлении сильной стужи перелетают в страны, лежащие ближе к югу, и спускаются в долины. Таким образом, во Франции свиристели бывают видимы только в середине зимы. Насчет кочевой жизни свиристелей, обитающих в Богемии и других странах Европы одной с нею широты, нельзя сомневаться. За точность этого факта ручаются наблюдения ученых, остожных и правдивых естествоиспытателей; но, принимая достоверность какого-нибудь факта относительно некоторых стран земного шара, можем ли мы с полною уверенностью дать ему неограниченную всеобщность и относить его без малейших изменений к другим странам, удаленным от первых на значительное расстояние, отличающимся от них местоположением, возвышенностью над *уровнем моря,* климатом и произведениями природы. Говорят обыкновенно: одинаковые причины производят совершенно одинаковые следствия. Это правда, однако же, надо заметить, что для произведения известного следствия данною причиною без всякого изменения необходимы миллионы условий, отсутствие одного из таких условий, замещение его другими, перемена в их сочетании производит важное влияние на последствия. Природа также многостранна, также разнообразна в своих действиях, как и в произведении формы и цветов[253]. Я не отрицаю, что свиристели Восточной Сибири ведут кочующую жизнь подобно европейским, но не убежден в этом. Г-н Драпье, на которого мы уже ссылались выше, не совсем верит, будто бы эти птицы совершают свои перелеты бесчисленными стадами, затмевающими солнечный свет, как уверяют некоторые писатели. "Может быть, – говорит он, – это справедливо относительно лесов Северных стран, в которых растет множество хвойных деревьев, приносящих мясистые плоды, в таких местах изобилие пищи способствует проявлению склонности к общежитию в этих же миролюбивых созданиях; но самому мне никогда не случалосль видеть более пяти или шести вместе". Слышанное мною от здешних охотников и птицеловов совершенно согласно с личным замечанием г-на Драпье. По их рассказам и в Восточной Сибири свиристели никогда не летают бесчисленными стадами. Эти птички очень лакомы до плодов сибирской яблони (*Pyrus baccata*) и осенью часто встречаются там, где растут деревья этого рода, но ни на одном дереве никому еще не случалось видеть вдруг более десяти или двенадцати, а почти всегда по пяти и по шести вместе. Можно думать, что свиристели от выхода птенцов из гнезда до наступления времени любви живут семействами и, вероятно, выводят не более четырех птенцов[254].

Орнитологам еще не известно с точностью, где и как свиристели вьют свои гнезда! Сколько несут яиц, каким образом воспитывают своих птенцов? Ни один писатель не говорит об этом обстоятельно, но все полагают, что эти птицы проводят время любви и родительских забот о ее плодах в

лесах Северных стран. Основываясь на вероятностях такового предположения, мы надеялись собрать некоторые подробности касательно этого важного обстоятельства их жизни, но до сих пор наши старания остаются безуспешными[255]; нам еще не удалось узнать ни самим, ни от других, где свиристели вьют свои гнезда. Впрочем, почти все птицы выбирают для этого самые уединенные места, редко посещаемые людьми, и скрывают тщательно убежище своих малюток. Итак, не мудрено, что ни нам, ни тем, от которых мы ожидали сведений, не случалось найти гнезда свиристелей, которые, может быть, насчет его укрытий от неприятелей гораздо осторожнее других птиц.

Пишут и говорят, что мясо этих птиц очень вкусно, в этом почти нельзя сомневаться. Сочные и большею частью душистые плоды и ягоды, служащие им пищею, необходимо должны сообщить их мясу весьма приятный вкус. Каждому известно, какое влияние имеет пища на нежность и запах мяса как домашних, так и диких птиц и зверей.

Род свиристелей состоит только из двух пород, которые разнятся друг от друга не столько цветом своих перьев, сколько величиною. Бóльшая, известная под именем Богемского, или Европейского свиристеля водится в Северной Европе и в Северной Азии, малая, называемая американским свиристелем, обитает в Северной Америке[256].

ОБЫКНОВЕННЫЙ СВИРИСТЕЛЬ, ИЛИ БОГЕМСКИЙ
(Bombycivora garrula. *Bombycilla garrula*)

Клев: верхняя челюсть 1,6, нижняя 1,3; голова 2,6; крыло 11,2; хвост 6,2; плюсна 2,0; пальцы: внешний 1,3, средний 1,7, внутренний 1,3, задний 0,7; когти: на внешнем 0,5; на среднем 0,7, на внутреннем 0,5, на заднем 0,7, задний коготь гораздо плотнее и толще среднего; длина всего от конца клева до оконечности хвоста 21,4, от конца же клева до конца среднего пальца 21,1; первое плавильное перо немного короче второго, которое длиннее всех за ним следующих. Стебельки шести задних крыловых перьев выходят за бородки[257], расширяются, сплющиваются и принимают вид продолговато-круглых пластинок.

Эта красивая птичка очень обыкновенна во многих местах Восточной Сибири и по легкому и пушистому хохолку, красиво закинутому назад, называется здешними жителями петушком[258]. Около жилых мест она появляется на короткое время, незадолго до наступления здешней весны, в феврале и марте, а потом под исход осени, в сентябре и октябре, летает обыкновенно небольшими стадами, а иногда даже попарно и поодиночке; летом и зимою ее вовсе не видать, однако же можно думать не без основания, что свиристель принадлежит к числу оседлых птиц здешнего края и приводит суровое время года, также как и лето, в глухих лесах и особенно там, где растет много облепихи (Hippophae rhamnoides[259]), сибирской яблони (*Pyrus baccata*)[260] и других кустарников и деревьев приносящих мясистые плоды, которые удерживаются на стебельках и около веточек почти в продолжении всей зимы[261].

Некоторые из наших писателей думают, что свиристеля нельзя считать между птицами, принадлежащими Западной части нашего отечества. Хотя мы не можем опровергнуть этого мнения достоверными фактами, однако

же сомневаемся в безусловной его справедливости. Нам кажется непонятным, что бы птица, столь обыкновенная в Богемии и во многих других странах Европы, как свиристель, *столь* известная в большей части Восточной Сибири, никогда не посещала, даже временно, которой-нибудь из Западных областей Российской Империи[262].

Свиристель не наряден, но красив, особенно налету, когда он расширяет крылья и распускает хвост. Вот подробное описание цветов, украшающих его убор: длинные перья, покрывающие верхнюю часть головы и составляющие хохолок, так же как щеки, шея и грудь, бледно-вишневого цвета; лоб и брови красно-коричневые, маленькие перышки, которыми покрыто основание верхней челюсти, клева черные, бархатистые; этот цвет образует полосу, идущую чрез глаза и скрывающуюся под хохолком. На горле, под нижнею челюстью, видно продолговатое, внизу округленное пятно одинакового цвета с глазною полосою, к щекам это пятно и глазная полоска оттенены белою оторочкою, которая отделена от щек и шеи рыже-коричневым цветом, сливающимся с цветом этих частей. Спина несравненно темнее и тусклее головы, хлуп и верхние хвостовые покрывала пепельные. Брюхо и бока бледно-пепельные, нижние хвостовые покрывала очень длинны и доходят до желтой полосы хвоста, цвет их красно-коричный, но очень густого и темного тона, перышки, покрывающие начало крыла и задние покрывала плавильных перьев и прикрыльев, немного синее спины, передние же покрывала черные с белыми на кончиках пятнами, точно так же и передние плавильные перья черные с белою на концах оторочкою, которая на всех, исключая первого и второго, с внешней стороны обозначена длинным пятном весьма яркого желтого цвета, задние крыловые перья изкрасна-пепельные с черноватым оттенком и с белым, на конце пятнышком. У шести из них, начиная со второго от внешней стороны крыла, стебельки выходят далеко за боротки и, расширяясь и сплющиваясь, образуют овально-продолговатые пластинки лосклые[263], весьма яркого и блестящего красного цвета. Хвостовые перья темно-пепельные, с черною и ярко-желтого цвета полосами, на конце клев черный, но при основании, к краям верхней и нижней челюсти, немного белесоват; волоски, закрывающие ноздри, тоже черные; плюсна и пальцы темного цвета; радужная плева глаз яркого красного цвета[264].

Не знаем, есть ли какое-нибудь различие в наряде полов. Но, кажется, наряд изменяется с возрастом, ибо между свиристелями, попадающимися около селений, бывает много таких, у которых цвета гораздо тусклее и темнее, чем у совершенно взрослых[265]. Некоторые орнитологи уверяют, будто бы самка отличается от самца числом красных пластинок задних крыловых перьев, у нее их бывает всегда менее. Мы видали очень мало свиристелей и не могли убедиться в этом собственными наблюдениями.

Синонимия: Bombycivora, sed Bombicilla garrula; Ampelix garrula cotinga gea de Boheme; Обыкновенный свиристель, Богемский свиристель, Европейский свиристель, Петушок.

Атлас, тетр. II, рис. 3. **[253]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 27[266]
ПОРЯДОК III
(Insectivores[267])

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешний соединен с основанием среднего или присоединен к нему до первого сустава.

ДРОЗД
(*Turdus*)

Клев средней величины, при оконечности с зазубринками, острый, загнутый и сжатый, у зевков видны отдельные волосы, направленные вперед; ноздри лежат по сторонам верхней челюсти, подле основания овальные и до половины закрыты голою перепонкою; плюсны довольно тонкие и длиннее среднего пальца. Из трех передних пальцев внешний своим основанием соединен со средним. Первое плавильное перо средней величины и иногда его вовсе не бывает; третье, а нередко и четвертое, длиннее всех других. Хвост состоит из двенадцати перьев, ровный и довольно длинный.

Разнообразие и многочисленность видов, составляющих семейство дроздов, чрезвычайно затрудняет его изучение. Некоторые из новейших орнитологов думали устранить все трудности, ограничив число пород. Следуя этой мысли, они оставили в роде дроздов только те виды, которые сколько-нибудь *приближались* к определению родового типа, из тех же, которые совершенно удалялись от него, образовали новые роды. Другие ученые пошли еще далее и подразделяли оставшихся дроздов на особые отделы или племена, однако же все эти попытки не принесли ожидаемой пользы; разделение на племена произвело даже новые неудобства. От неопределительности признаков, которые бы могли служить надежным руководством при размещении пород в отдельные племена каждый естествоиспытатель по своему произволу один и тот же вид вводит в ту или другую группу.

Трудность, скажем более, невозможность привести в методический порядок разнообразные произведения природы, разграничить их ясно обозначенными пределами, встречается повсюду. Все наши разделения не имеют, и не могут иметь ни той точности, ни той определительности, каких желает наш ум, оставаясь верным принятой идее родового типа, без условий, без ограничений.

Та же многочисленность видов есть важное препятствие к составлению полного обозрения привычек и нравов дроздов, расселенных во всех странах земного шара, обитающих под всеми широтами. Различия климатов и местности необходимо имеют важное влияние на образ жизни и производят значительные изменения в нравах и привычках самых близких пород. Кроме того, в одной и той же стране одни породы ведут жизнь совершенно оседлую, между тем, как другие, весьма к ним близкие ежегодно предпринима-

ют отдаленные переселения, некоторые водятся предпочтительно в известных только местах, другие, напротив, живут без различия везде. Таким образом, во многих областях Западной Европы черные дрозды как зимой так и летом обитают в одних и тех же местах и в суровое время года летают почти всегда стадами по лесам, изобилующим можжевельником, тогда как серые дрозды принадлежат к временным обитателям этих мест, в которые прилетают в начале весны и покидают их при наступлении осени.

В нраве дроздов замечается тоже значительное различие: некоторые породы очень смирны, кротки и не обнаруживают особенной боязливости, другие, напротив того, недоверчивы, но смелы и драчливы. Между последними, из наиболее известных пород – Рябиник (*Turdus viscivorus*) занимает первое место. В случае нападения или защиты рябиники соединяются в многочисленное стадо и совокупными силами производят нападение или отражают его. Стада рябиников очень часто окружают хищных птиц несравненно превосходящих величиною, силою и отвагой, не дожидаясь ее нападения, и нередко принуждают искать спасения бегством. Известный путешественник Лаваман[268] рассказывает об отважности этого вида дроздов следующее: "Однажды, – говорит он, – недалеко от Парижа, заметил я белохвостого орла (*Falco albicaudlus*), спрятавшегося в густых кустарниках и с величайшим трудом защищавшегося от множества рябиников, которые окружили его со всех сторон и заграждали отовсюду путь к побегу; мне давно хотелось иметь эту птицу и, как со мной не было огнестрельного оружия, я возвратился назад в деревню, где имел мое жительство, взял пистолет и спешил обратно, не надеясь, однако же, чтобы дрозды удержали такую птицу, на которую отваживается нападать один только сокол. К моему удивлению, пришедши к кустарникам, я нашел белохвостого орла в том же самом положении, осаждаемого рябиниками, которых смелости я обязан тем, что приобрел, наконец, для маленького моего музеума эту породу орла".

Многие виды дроздов имеют звонкий и весьма приятный голос и уважаются любителями певчих птиц. Такое же уважение оказывают и гастрономы к некоторым из них, как чрезвычайно вкусной и здоровой дичине[269]. Вероятно, ягоды, которыми они питаются, сообщают их мясу тот приятный вкус и ту нежность, которыми они славятся.

Почти во всех видах самка мало чем различается от самца, как относительно величины, так и цвета перьев.

Кажется, что все породы дроздов, обитающих в Восточной Сибири, ведут жизнь перелетную.

БЕЛОБРОВЫЙ ДРОЗД
(*Turdus iliacus*)[270]

Клев по ребру 1,5, от зевков 2,1; голова 2,5; крыло 12,7; хвост 8,5; плюсна 3,1; пальцы: внешний 1,1, средний 2,0, внутренний 1,1, задние 0,9; когти: на внешнем 0,5, на среднем 0,7, на внутреннем 0,5, на заднем 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 21,2.

Из дроздов, принадлежащих Западной Европе, в Восточной Сибири, в особенности в Забайкалье, белобровый, обыкновеннее всех других[271] и, хотя некоторые полагают, что будто бы здешний вид этого дрозда во многих отношениях отличается от европейского вида, однако же судя по виденным

нами индивидуям, мы противного мнения и совершенно уверены в тождественности забайкальской породы с европейской[272]. Как в той, так и в другой, редко попадаются два индивидуя совершенно сходные цветом своих перьев; правда, такие различия не всегда бывают слишком важны и от множества постепенностей в массе остаются не заметны, чтоб заметить их, надобно иметь перед глазами несколько индивидуев; тогда, сличая одного с другим, легко видеть, то у одного на груди и на боках гораздо более пятен, чем у другого, что эти пятна шире, длинее и определительнее, что, наконец, рыжий цвет берет перевес над темным и оливковым на всех частях тела и прочие, подобные несходства в наряде белобровых дроздов встречаются очень часто и бывают иногда весьма разительны. Почему не мудрено, если они подали повод некоторым охотникам считать здешний вид этой птички отличным от европейского. Кажется, из них скорее, можно бы заключить, что порода белобрового дрозда не имеет строгой определенности ни в тоне, ни в различии цветов ее наряда, и, так сказать, состоит из множества индивидуальных вариантов, которые не уклоняются от видового типа одними несомненными признаками породы, представляемыми всей их наружностью, но, которые бесконечно разнообразятся цветом перьев. С первого взгляда такое предположение кажется весьма правдоподобным, особенно если примем в соображение, что пестрота убора у белобрового дрозда происходит не столько от смешения противоположных цветов, сколько от изменения силы и тона почти одного и того же цвета. Однако же наблюдения дают полное право сомневаться в его основательности. Время, если мы только не ошибаемся, изглаживает все различия, так часто замечаемые между этими птичками по мере зрелости. Как у самца, так и у самки пестрота груди и боков становится определеннее и цветистее, холодный тон верхних частей тела переходит в горячий. Таким образом можно думать, что различие возраста и пола есть главнейшая причина кажущегося несходства, которое почти вовсе уничтожается совершенным развитием индивидуев, а еще более старостью, которая по весьма справедливому замечанию некоторых естествоиспытателей, уничтожает даже самое различие полов[273].

После сказанного нами легко понять, как трудно составить точное описание белобрового дрозда; в его уборе нет ни блестящих, ни разительно противоположных цветов, отчего он кажется прост и некрасив; верхняя часть головы, зашеек, ушки и часть щек изсеро-оливковые, но на голове и зашейке виден рыжеватый оттенок; спина изкрасна-оливковая; хвост, хвостовые покрывала и начало хвостовых перьев рыжие; брови, горло, стороны шеи, начало груди и брюхо белого цвета; грудь и бока покрыты темными пятнами, разделенными рыжими черточками и обводами; от нижней челюсти плевы к плечам спускаются полоски, состоящие из черных пятнышек. Перья, покрывающие начало крыльев, одинакового цвета с головой, каждое из них обозначено посередине рыжей полоской; крыловые покрывала и все плавильные перья, исключая начало передних, темного цвета с рыжей вокруг опушкой, которая при начале последних так широка, что образует сплошное пятно. Верхняя сторона большой части хвостовых перьев темная с рыжеватой весьма легкой оторочкой, а исподняя совершенно рыжеватого цвета; нижние хвостовые покрывала белые с большими рыжего цвета пятнами, правильно расположенными. Клев, желтый, с темной оконечностью и ребром, плюсна нечистого желтого цвета, когти черные.

Белобрового дрозда надобно считать перелетной птицей здешнего края; он прилетает сюда с юга не ранее апреля и держится в лесах и по перелескам не далее исхода сентября. Насекомые и ягоды различных растений составляют главную его пищу[274]. Осенью эти птички бывают очень жирны, но мы не слыхали, чтоб здешние жители употребляли их в пищу. Может быть, это потому, что белобровые дрозды летают небольшими стадами и как они разделены на большом пространстве в местах уединенных, то встречаются довольно редко.

Синонимия: *Turdus* iliacus; *Mauvis*; Белобровый *дрозд*.

Атлас метр. III, рис. 1. **[261, 266]**

СЕДОГОЛОВЫЙ ДРОЗД[275]
(*Turdus pilaris*)

Клев: по ребру 2,1, от зевков 2,5; голова 3,0; крыло 14,7; хвост 10,3; плюсна 3,3; пальцы: внешний 1,6, средний 2,4, внутренний 1,6, задний 1,1; когти: на внешнем 0,5, на среднем 0,6; длина всего, от конца клева до оконечности хвостовых перьев 27,1; от конца же клева до конца когтя на среднем пальце 26,5; первое плавильное перо короче второго, второе равно третьему, а четвертое длиннее всех, три крайние хвостовые пера постепенно короче одно другого, четвертое почти равно пятому и шестому, которые одинаковой длины.

Седоголовый дрозд гораздо больше белобрового и хвост его относительно величины длиннее. Определительность[276] противоположных цветов в наряде этой породы, кажется, препятствует им изменяться. По крайней мере, между седоголовыми дроздами не заметно тех несходств, которые так часты между белобровыми, и если у некоторых из них грудь и бока бывают иногда пестрее и цветистее обыкновенного, то это должно приписать, без сомнения, возрасту, с которым обыкновенно яркость и определительность цветов увеличиваются.

Хотя наряд седоголового дрозда тоже не представляет блестящих цветов; однако же он довольно красив и приятнее для глаз наряда предыдущей породы. Голова, зашеек и стороны шеи пепельные, с значительной примесью голубоватого оттенка; от клева к ушкам идет черная полоса, а по бровям и под глазами – белесоватые. Лоб и нижняя часть щек подле основания клева испещрены продолговатыми черными пятнышками. Горло белое, по сторонам окаймлено несколькими рядами тоже продолговатых черных пятен; спина темно-рыжеватая с пепельными по бокам *и* к хлупу пятнышками; хлуп и верхние хвостовые *покрывала* пепельного цвета; перышки, покрывающие начала крыла и передние хвостовые покрывала немного потемнее спины с пепельной вокруг оторочкой, которая у задних заметна только на кончиках. Задние и средние плавильные перья почти *соцветны спине, а передние* черноватого цвета с пепельными краешками и кончиками; хвостовые перья сверху черноватые и с *испода* темные, на груди заметен *самый рыже*-оранжевый оттенок; эта часть и бока покрыты довольно густо черными пятнами; брюхо и нижние хвостовые покрывала белые, клев густого *желтого* цвета с черной оконечностью; плюсна и пальцы темно-желтоватые и почти черные[277].

В наряде полов нет чувствительного различия.

Седоголовые дрозды довольно часто попадаются как по эту, так и по ту сторону озера Байкала в каменистых местах, покрытых кустарником, по берегам рек и в лесах, где обыкновенно вьют гнезда на высоких деревьях. В Восточную Сибирь они прилетают в начале весны, и осенью, собираясь в стада, улетают на юг[278]. Известно, что в Западной Европе эти дрозды появляются в глубокую осень и проводят там зиму, летая огромными стадами и питаясь ягодами одного из видов боярышника и особенно можжевельника; весной же удаляются на север и в *высокие* долины альпийских гор.

Главную их пищу составляют насекомые – гусеницы и личинки – однако же, они охотно едят разного рода ягоды. Самка несет от четырех до шести яиц иззелена-голубого цвета с рыжими пятнышками[279].

Синонимия: Turdus pilaris Linn., Gmel.; Lathy la Litorne, Turdelle Buff., Gererd; седоголовый дрозд.

Атлас, тетр. III, рис. 2. **[260]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ[280]
РОД 28
ПОРЯДОК III
(Insectivores)

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешний соединен с основанием среднего или присоединен к нему до первого сустава.

РУСАЛКА
(Cinclus)[281]

Клев посредственной величины, прямой, сжатый, по краям заостренный, а к оконечности немного округленный; верхняя челюсть несколько приподнята и кончик ее загнут на нижнюю; ноздри лежат в продолговатых углублениях, по сторонам клева при его основании и закрыты перепонкой. Голова маленькая с узким теменем и длинным лбом, простирающимся до самых ноздрей; плюсна длиннее среднего пальца, из трех пальцев, направленных вперед, средний длиннее двух крайних, которые равны между собой, он при основании соединен с внешним, четвертый, обращенный назад, совершенно свободен. Крылья короткие, сторожевое или первое плавильное перо очень короткое и узкое, второе немного короче третьего, которое длиннее всех остальных. Хвост короткий, в нем двенадцать перьев, более чем в половину закрытых верхними и нижними покрывалами.

Ученые долго находились в затруднении, к какому роду и даже к какому разряду птиц должно отнести русалок. Одни, заметя в них некоторое сходство с дроздами, причисляли их к роду дроздов; другим напротив, казалось, что русалки весьма походят на куликов, почему, принимая обыкновенную русалку за особенный вид кулика, они помещали ее в разряд береговых

птиц[282]. Наконец, Бегистейн (Bechstein)[282a], исключительно занимавшийся изучением этих замечательных птичек, прилежно наблюдавший их нравы и привычки, открыл и определил родовые признаки, по которым составил из русалок особенный самостоятельный род насекомоядных под названием *Cinclus*. Кювье, *Темминк* и другие новейшие естествоиспытатели приняли и утвердили этот род, которого самостоятельность кажется не подлежит никакому сомнению, ибо, кроме наружных родовых признаков, отличающих русалок от дроздов и куликов, нравы и привычки их не имеют ничего общего с нравами и привычками помянутых птиц.

Русалки живут в весьма уединенных местах по берегам горных источников, ручейков и речек, протекающих по возвышенному и сухому грунту и осеняемых кустарниками и деревцами. Хотя эти птицы питаются исключительно маленькими передами черепоножих* и насекомыми, обитающими в воде, однако же ведут жизнь оседлую. При наступлении зимы они не оставляют умеренных стран Севера и не удаляются в страны, лежащие ближе к тропикам, их перелеты ограничиваются незначительными путешествиями от источников и речек, покрывающихся льдом, на берега тех, которые не замерзают в самые сильные морозы. Подле таких ручейков они проводят суровое время года. Нам сказывали, что в одном селении Верхнеудинского округа русалки жили целую зиму подле мельницы, которая, благодаря трудам и стараниям хозяина, не остана*вливалась* ни на один день, [а] спуск и колеса были очищаемы от льда.

Для ловли черепо*но*жих, *личинок* и нимф, до совершенного превращения остающихся в воде, русалка скачет или, лучше сказать, бросается с берега в реку, и, несмотря на быстрое течение, спускается на ее дно в таких местах, где глубина бывает нередко более двух аршин; поймав добычу, она тотчас выходит на берег, съедает ее и снова бросается в воду. Г-н Гебер, современник Бюффона, известный охотник и замечательный *наблюдатель*, в своих записках подробно рассказывает, каким образом эти птички погружаются в пруды и реки. По его словам, опустившись на дно, о*ни* бега*ют* под водой, преследу*ют* насекомых, отыскивая их под камнями и в песке. Нам тоже случилось видеть, как русалки ловят речных мокриц (*ariseus fluvialis*)[283], но не удалось заметить виденного г-м Гебером. Может быть, этому причиной местность: в мелких ручейках русалка бродит в воде подобно береговым птицам и хватает свою добычу, погружая в воду одну голову, в реках глубоких она остается весьма недолго и за ее движениями почти нет возможности следить с точностью сквозь значительный слой быстро текущей воды, как бы она чиста и прозрачна ни была.

Некоторые наблюдатели уверяют, будто бы русалка, выходя из глубоких рек, бывает покрыта слоем воздушных пузырьков, которые дают ее перьям серебристый блеск, тогда она кажется как бы осыпанной серебряной пылью. Мы видели русалок, выходившими из глубоких мест Ангары, однако же не видели этого явления, впрочем весьма вероятного.

Естество*испытатели*, наблюда*вшие*[284] над нравами обыкновенных русалок, говорят, что при погружении своем в реку они расправляют крылья и держат их распростертыми во все время, пока остаются под водой. Желая

---

* *Onisus Monoclus ect., ect.* [Прим. П.И Борисова]

объяснить причину этого, г-н *Драпье* полагает, что как ее перья покрыты жирным веществом, не пропускающим сквозь себя ни воды, ни воздуха, то весьма вероятно, что русалка, распустив крылья, захватывает ими значительное количество атмосферического воздуха, который удерживается под выпук*лою* поверхностью ее крыльев и которым она может дышать, оставаясь долго в несвойственной для нее стихии. Само собой разумеется, что для этого она должна по временам прятать голову под крылья. Вспомнив, каким образом водяной паук (*Araneu aquatica*) наполняет свои гнезда воздухом, необходимым для его *существования*, мы найдем объяснение г-на *Драпье* весьма правдоподобным.

Русалки вьют гнезда на земле из былинок и моху, закрывая *их* со всех сторон искусно переплетенными стебельками различных растений[285]. Самка несет от четырех до шести яиц, совершенно белых. Оперившиеся птенцы, получив способность летать, тотчас оставляют гнезда и своих родителей, без помощи которых уже могут обходиться, и разлетаются поодиночке искать мест удобных для жительства.

Из рода русалок до сего времени известны два вида, но, кажется, их гораздо более[286]. По образу своей жизни они легко избегают наших поисков. Около десяти лет мы тщательно занимаемся разысканиями, могущими подтвердить или опровергнуть предположение, что кроме обыкновенной русалки в Восточной Сибири находятся еще и другие породы; но [до] сих пор старания наши остаются безуспешными. Мы заказывали всем охотникам доставать нам русалок, расспрашивали об этих птицах жителей Хилка, Чикоя, Селенги, Иногды и Онона в Забайкальском крае, говорили о них с жителями, населяющими берега рек Иркутского округа, осведомлялись о том же предмете и у кочующих племен, но немногим из тех, к которым мы обращались с нашими вопросами, случалось видать русалок, те же, которые их видали, не все были согласны относительно их величины и цвета перьев. По уверению одних, русалка не более обыкновенного воробья и почти такого же цвета – серая с желтизной[287], другие, напротив, утверждали, что она гораздо более и черна как уголь. Без сомнения, такое разногласие не доказывает ничего, однако же оно заставляет предполагать с некоторым основанием, что в Восточной Сибири водится две породы русалок; обыкновенная, или большая русалка, и маленькая. Последняя, может быть, та самая, которую открыл Паллас в Крыму и которая названа его именем, или, по крайней мере, порода, близко подходящая к ней величиной и цветом. Сообщившие нам эти сведения не имели никакой побудительной причины представлять виденное ими в превратном виде; кажется, их не обманывало и зрение, потому что, говоря о черной, вдвое более воробья, русалке, они явственно описывали обыкновенную породу этой птицы, почему же не предположить, что говорившие о маленькой серой русалке, говорили о какой-нибудь другой породе, еще не известной. На правдивость последних мы можем полагаться точно так же, как и на правдивость первых.

В путешествии своем по России ученый Паллас упоминает об этих птицах очень кратко и неопределенно, однако же из его слов, кажется, можно заключить, что и он предполагал существование пород русалки еще неизвестных европейским орнитологам. "В Восточной Сибири, – пишет этот знаменитый путешественник, – в реках, не замерзающих зимой, водятся так называемые водяные воробьи (Sturnus cinclus), которые почти исключительно принадлежат

России и Сибири. Для собирания насекомых они влетают в воду, выходят из нее сухими и, будучи подстрелены, тотчас бросаются в речку, погружаются на ее дно и всплывают на поверхность воды не иначе, как уже мертвыми". Нельзя не заметить, что рассказы, будто бы раненые русалки и *зимородки* (о них говорят тоже) прячутся в воду на дно рек, едва ли заслуживают какое-нибудь вероятие[288]. Русалка входит в речку по необходимости, к этому побуждает ее непреодолимое чувство голода. Подстрекаемая им и вид*ом пищи*, она погружается в быстротекущую речку смело, без всякой боязни, но, схватив свою добычу, тотчас же выходит на берег. Что же касается до зимородков, то они хватают маленьких рыбок и водяных насекомых обыкновенно на полете и погружа*ют* в воду одну только голову, да и то редко. Длина их клева часто увольняет их от этого. Ни тем, ни другим из этих птиц, нет никакой надобности искать своего спасения на дне рек, когда от преследования врагов они могут избавиться гораздо вернее и с меньшей опасностью полетом, который и у русалок, не взирая на короткие их крылья, довольно смел, легок и быстр. Вероятно, *на*шим читателям случалось слышать, а, может статься, и читать о нырках и гагарах, которые, чувствуя близкую смерть от полученных ими ран и не желая достаться в руки своего неприятеля даже и мертвыми, ныряют на дно реки и, уцепившись там клевом за какое-нибудь водяное растение, умирают в таком положении. Относительно гагар это может показаться правдоподобным, однако же мы уверены, что каждый добросовестный охотник, одаренный здравым умом, согласится с нами в нелепости всех подобных рассказов и собственными наблюдениями засвидетельствует, что некоторые виды уток, нырки, гагары и лысухи ныряют после выстрела только для того, чтобы, проплыв под водой более или менее значительное пространство, избегнуть тем вторичного выстрела и, вынырнув потом в безопасном отдалении от преследующего их охотника, спастись полетом, или по недостатку сил скрыться от его взоров в густом тростнике, а нередко даже выпрыгнуть на берег и искать спасения в густой траве и кустарниках, подле растущих. Нам самим не раз случалось быть очевидцами, как подстреленные водяные птицы уходят от преследований стрелка и его собаки; если же когда-нибудь находили застреленных нырков и гагар под водой, то это обстоятельство можно объяснить весьма удовлетворительно основательным предположением, что тяжело раненые нырки и гагары, следуя *инстинктивному* побуждению избегать видимой опасности, ныряя, часто умирают под водой на значительной глубине и *в* предсмертных муках иногда запутываются в тине и камыше крыльями, ногами или шеей, случайно, без всякого намерения. Но возвратимся к русалкам. Года за четыре пред сим, нам застрелили молодого самца обыкновенной русалки на самом берегу Ангары, в то время, когда он приготовлялся броситься в воду за своей добычей. Выстрел не был смертелен, но раненая русалка вместо того, чтобы искать спасения на дне реки, поднялась на воздух и полетела к близрастущим кустарникам, в которых упала мертвою. Между тем, вода была подле нее, а кустарники росли, по крайней мере, в шести саженях. В извинение нашего отступления от занимающего нас предмета по поводу слов знаменитого и достойного уважения Палласа, скажем, что в описании нравов и привычек птиц и зверей, многие писатели включают все слышанное ими от других или читанное в книгах, не подвергая его строгой критике собственного разума, без которой нельзя ручаться за достоверность даже и тех фактов, которым мы сами были очевидцами.

Русалки *водятся* только в Европе и Азии, но некоторые орнитологи, не без основания, предполагают, что этого рода птицы должны также обитать и в Северной Америке.

ОБЫКНОВЕННАЯ РУСАЛКА
(Cinclus aquaticus)[289]

Клев: по ребру 1,6, от зевков 2,0; голова 2,7; крыло 9,0; хвост 4,8; плюсна 3,2; пальцы: внешний 1,5, средний 2,2, внутренний 1,5, задний 1,5; когти: на внешнем 0,5, на среднем 0,6, на внутреннем 0,5, на заднем 0,7; длина всей от конца клева до конца хвостовых перьев 17,8; длина всей от конца же клева до конца когтя среднего пальца 19,8. Первое плавильное перо очень короткое и узкое, второе немного короче третьего, которое равно четвертому; эти два пера длиннее всех других, пятое одной длины со вторым и более шестого. Хвостовые перья все одной величины, длина их бородок, от начала до конца стебельков, одинакова, и оконечный край срезан почти прямо.

Имя, "водяной воробей", под которым известна эта птичка не только жителям Восточной Сибири, но и жителям других частей России, вовсе ей неприлично, в чем согласится каждый из наших читателей. И никто из них не станет отрицать, что неприличные названия естественных произведений причиняют существенный вред [в] изучении природы, ибо слова непосредственно возбуждают в уме нашем понятия о предметах, к которым они относятся, почему нередко имя вещи мы принимаем за самую вещь, основываем наши суждения не на ее качествах и свойствах действительных, настоящих, но на тех, которые приписывает ей данное название, и, таким образом, невольно впадаем в важные заблуждения. Убеждение в справедливости сказанного нами побудило нас оставить весьма употребительное имя водяного воробья и заменить его совершенно новым, может быть странным, по крайней мере, собственным, не относящим означаемой им птицы, ни к одному из известных родов, с которыми она не сходна ни наружностью, ни привычками, а, по нашему мнению, в каждом языке точно так же, как и в языке ученом, самостоятельный род должен быть означен собственным именем, ему одному только принадлежащем. Такая разборчивость, кроме пользы, приносимой его науке, избавляет народ от упреков в умственной лености и в недостатке соображений при распределении естественных произведений. В самом деле, не странно ли видеть в естественной истории синичку, подорожника, жаворонка, зимородка и *прочих* птиц, во всем отличающихся друг от друга, означенными, однако же, общим родовым именем "воробей", с видовыми только прилагательными камышенный, южный, степной или полевой и водяной. Подобная небрежность извинительна сельскому жителю. Непрестанные труды лишают его досуга наблюдать природу как следует, придумывать для ее произведений приличные наименования, он едва имеет время дать какое-нибудь имя новому предмету, случайно попавшемуся ему на глаза, и тем ввести его в круг своих знаний, осознать его существование, усвоить его себе. Но кто посвятил свободное время *изучению* природы, а еще более, кто исключительно занимается ее изучением и через то невольно становится учителем других, тот обязан давать названия ее творениям с размышлением, осмотрительно; усовершенствование языка усовершенствует науку – *обветшалое*, но весьма справедливое замечание.

Итак, мы станем называть водяного воробья, которому французы дают имя водяного дрозда, русалкой. Нам кажется, что это баснословное название обрисовывает некоторым образом разительную привычку птицы, о которой идет речь, и во всех отношениях приличнее ей того, под которым она известна в России. Почему нам, русским, не пользоваться древними преданиями нашей мифологии? Почему не делать из них такого же употребления, какое делают из поэтических вымыслов греков западные народы? Чем сильвии, сильваны, фаэтоны, аргусы и *сатиры* лучше наших русалок, *зимцерл* и мавок, или малок *? До выхода в свет ученых трудов Бегистейна[290], как мы уже сказали прежде, номенклаторы[291] не признавали русалок самостоятельным родом, а причисляли их, одни к роду скворцов, другие к роду дроздов, а некоторые даже к куликам. С первыми из этих птиц обыкновенная русалка не имеет никакого сходства, на последних она походит несколько головой, у которой темя узкое, лоб длинный и круто поднимается вверх, но в совокупности всех частей ее *тела*, в их взаимном соотношении и особенно в ее движениях, есть, кажется, много принадлежащего дроздам, потому что, смотря на [н]ее, невольно припоминаешь черного дрозда. Может быть, этому способствует и цвет перьев. Однако же все эти сходства так незначительны, что после внимательного сравнения русалки с дроздом и куличком легко убеждаешься, что в по*ряд*ке живых созданий они почти так же далеки от тех, как и от других, и составляют отдельный самостоятельный род, который, без сомнения, ближе к первым, чем к последним, хотя и не имеет с ними ничего общего.

Обыкновенная русалка гораздо менее белобрового дрозда. Это различие в величине происходит более всего от хвостовых перьев, которые у дрозда длинны, а у русалки коротки, но эта птичка кажется плотнее и даже толще, потому что гораздо перистее. В спокойном положении она держит клев приподнятым кверху, сгибает немного плюсны, часто поднимает хвост вверх и встряхивает крыльями, отделяя их от тела и опуская концы вниз. Движения ее живы и скоры, перья всегда лежат гладко и плотно к телу, она никогда не приподнимает их и не наеживает, как это делают обыкновенно все виды дроздов. Цвет ее перьев, изменяющийся с возрастом и полом, чрезвычайно прост и даже мрачен. У совершенно взрослых самцов голова и зашеек темно-каштанового цвета, спина, хлуп, верхние и нижние хвостовые покрывала, голени и нижняя часть брюха черные, без малейшего изменения в тоне. Хвост и крылья тоже черные, *лосклые*; горло, грудь и верхняя часть

---

* Может статься, не всем из наших читателей знакомы эти малороссийские названия баснословных существ и потому мы считаем своею обязанностью сказать несколько слов для объяснения его: почти во всей Малороссии в простом народе существует суеверное убеждение, что души младенцев, умерших без крещения, не идут в лунный рай, находящийся на краях этого спутника нашей планеты, как уверены в том православные и католики, а остаются на земле и живут обыкновенно в дубравах, рощах и лугах, сохраняя при себе телесную оболочку и проводя время в играх, смехе и в качании на тоненьких древесных ветках. Они очень злые, вероятно, потому, что не крещенные и часто заманивают в глухие места гуляющих детей и девиц, которых непременно лишают жизни щекотанием. В Троицын день и Духов день у них бывают гульбища и большие празднества, почему в эти дни опаснее всего ходить в леса. Малороссийские мавки, или малки, походят немного на германских сильфид и *люфт*гейстов, как русские русалки имеют некоторое сходство с ундинами, но, вероятно, это суеверие происходит от древних славянских верований, которые, утратив свою силу, изменились от влияния верований новых или мало известных прежде [Прим. П.И. Борисова].

брюха совершенно белые, но на брюхе заметен рыжеватый оттенок и оно усеяно черноватыми пятнышками. Радужная плева сероватая, клев, плюсна и пальцы темного цвета, когти черные.

Молодые самцы значительно отличаются от старых цветом своего наряда: темно-каштановый цвет головы и зашейка у них светлее; перья, покрывающие спину и плечи темно-каштановые, с черной оторочкой кругом. Хлуп и верхние хвостовые покрывала, бока и голени темно-пепельные; хвостовые и крыловые перья почти такого же цвета, но последний со светлой опушкой, которая на кончиках вторых покрывал принимает белесоватый цвет. Глаза окружены неправильным и неполным, но довольно широким кругом белесоватого же цвета; горло, грудь и верхняя часть брюха белые; исподняя часть брюха и хвостовые нижние покрывала покрыты черными перышками с рыжеватыми краешками; клев, плюсна и пальцы темно-красноватые, почти черные; радужная плева глаз серовата.

Самка отличается от самцов более всего цветом головы, которая у нее пепельная и от противоположности цветов кажется как бы седой.

Все сказанное нами о русалках вообще, относится в особенности к Обыкновенной русалке, нравы и привычки которой изучили известные орнитологи. Она принадлежит к настоящим оседлым птицам Восточной Сибири, обитая постоянно подле ручейков и речек, протекающих в лесных и редко посещаемых местах. При замерзании их русалка ищет источников и рек, которые остаются свободными от льда во все продолжение зимы. Весьма вероятно, что большая часть русалок, живущих летом по берегам Байкала и около речек и ручейков Иркутского округа, зимуют при истоке Ангары из этого озера, не замерзающем никогда почти на *пятнадцать* верст[292] вниз по течению. Там, невзирая на суровое время года, они всегда могут найти обильную для себя пищу, как находят ее многие породы уток, нырков и других водяных птиц, проводящих зимы в этом месте, *не покрывающемся никогда сплошным льдом*[293]. Нам не удалось удостовериться в справедливости этого предположения несомненными доказательствами, но многие обстоятельства ручаются за его основательность. 1842 года, в исходе ноября, когда уже начались сильные морозы и выпал значительный снег[294], на берега Ангары, верст за шесть выше Иркутска[295], начали *лет*ать русалки. 13 декабря мы сами видели четырех вместе и наблюдали долго, как они ловили водяных насекомых. Две долго сидели на камешках, по которым протекал небольшой ручеек, скакали с них в мелкую воду и, бродя в ней, искали пищи; потом полетели к реке в разные стороны, перекликаясь беспрестанно между собой и как бы призывая друг друга. Прил*ет*ев на берег, они тотчас занялись ловлей, бро*сались* в реку с берега и каждый раз выходили из нее с пойманной добычей, которую съедали на берегу... Из четырех русалок трое были молодые и один старый самец. Через два дня после этого одному охотнику удалось поймать силком старого самца. Пойманный прожил у нас около трех дней, был весел и ел охотно тараканов, особенно если они были брошены в воду; наловил также и тех, которые случайно попадались ему на стенах и на печке той комнаты, в которой мы поместили нашего *узника*. В комнате было 16 или 17° тепла по Реомюрову термометру, и эта температура, кажется, беспокоила русалку, потому что она беспрестанно погружалась в сосуд, наполненный водой, купалась и выходила из

воды совершенно обмокшей. Нечаянный случай, лишивший жизни эту птичку, отнял у нас возможность произвести точнейшие наблюдения над ее нравом и привычками[296].

Молодой самец, застреленный в конце ноября, был менее старого, которого поймали живым. Если разница величины не случайная, то должно полагать, что русалки растут медленно и потому живут долго. Вот мера частей молодого самца в сантиметрах и *миллим*етрах *дисим*альной французской меры[297]: клев по ребру 1,3, от зевков 1,7; голова 2,4; *крыло 8, 9; хвост 4,1; плюсна 3,1*; пальцы: внешний 1,4, средний 2,1, внутренний 1,4, задний 1,0; когти: на внешнем 0,5, на среднем 0,6, на внутреннем 0,5, на заднем 0,7; длина всей от конца клева до конца хвоста 17,2, а от конца же клева до конца когтя на среднем пальце 18,8. Надобно также заметить, что крыловые перья были совершенно выросшими, *однако же* четвертое плавильное было короче третьего и одинаковой величины со вторым, между тем как у старых третье и четвертое обыкновенно равны между собой и длиннее всех остальных[298].

Заключим нашу статью рассказом о суеверных поверьях, существующих в Восточной Сибири относительно русалок: надобно сказать, что здешние старожилы не слишком суеверны, однако же предметам, которые в некоторых отношениях кажутся им необыкновенными и как бы выходящими из обыкновенного порядка вещей, они, *подобно* всем людям, *приписывают* что-то неестественное. Таким образом, русалка, поражающая их ум беспрерывным нырянием в глубокие места рек, из которых выходит всегда сухой и тотчас же поднимается на воздух, заставила их *одарить* ее *перья таинственным* сверхъестественн*ым* свойством[299]. По их словам, может быть, занятым от монголов, по кочевой своей жизни более знакомых с произведениями природы, если поймать русалку живой, ощипать с нее перья и бросить их в реку, то между ими найдется одно, которое, отделившись от всех других, как бы имея собственную волю и собственные силы, поплывет вверх по реке против течения. В этом пере заключается таинственная способность доставить неизменное счастье тому, кто станет хранить его в своем доме или носить при себе. Сибирские жители уверены также, что клев русалки служит превосходным лекарством от зубной боли, какого *бы* рода не была эта боль. Для врачевания этого зла стоит только хотя однажды почистить зубы, *которого*-нибудь *из* челюстей русалкина клева, боль скоро пройдет и уже не возвратится. Подобные суеверия доказывают одно, что люди везде и всегда ищут чудесного. Сознавая собственную слабость, желают не трудами ума, не работой рук, не нравственной силой приобрести счастье, оградить себя от естественных зол, но чуждой помощью, *открытием* чудесных сил природы, это льстит врожденной лености нашей[300].

Синонимия: Sturnus cinclus Gmel.; Turdus cinclus Linn.; Cinclus aquaticus Bechstein; Merle d'eau*; Cincle plongeur; Cincle; Водяной воробей;* Водяной дрозд[301]; Русалка.

Атлас, тетр. II, рис. 3 и 4. **[262, 263]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 34
ПОРЯДОК III
Insectivores

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешний соединен с основанием среднего, или присоединен к нему до первого сустава.

СОРОКОПУД
(Lanius[302])

Клев посредственной величины, плотный, весьма сжатый, от основания прямой; верхняя челюсть при оконечности круто согнута и образует крючок с зубком, основание ее без восчанки и убрано жесткими волосками, направленными вперед. Ноздри лежат при основании, по сторонам, почти круглые и в половину закрыты выгнутою наподобие свода перепонкою, которая нередко бывает отчасти прикрыта жесткими волосками. Плюсна длиннее среднего пальца, три передние пальца совершенно разделены между собою; первое плавильное перо средней длины, второе немного короче третьего, а четвертое длиннее всех. У всех настоящих сорокопудов хвост длинный, более или мене конический, а крылья очень короткие и закругленные; в хвосте двенадцать перьев.

"Сокоропудов, – говорит Бюффон, – по необыкновенному их мужеству, широкому, крепкому и крутосогнутому клюву и по склонности их к плотоядности, несмотря на небольшой их рост, нежное сложение тела и слабость членов, должно причислить к хищным птицам, самым смелым и самым кровожадным". Линней и многие другие естествоиспытатели разделяют это мнение, которое Модюи находит весьма основательным. "Чтобы быть настоящими хищными птицами, – пишет он, – сорокопудам недостает только ног, устроенных для хватания и удерживания своей добычи, природа отказала им также в длинных крыльях, способных к быстрому и продолжительному полету для преследования и настижения других обитателей воздуха. Таким образом, осужденные зависеть от случайностей и быть в действительности хищными птицами только в известных обстоятельствах, они большею частью питаются насекомыми[303]. При первом издании "Manuel d'ornitologie" Темминк смотрел на сорокопудов с той же точки зрения и, подобно Линнею, поместил их в конце порядка хищных птиц, но впоследствии времени, следуя примеру Иллигера[304] и Кювье, он переместил их в порядок насекомоядных. По своей смелости и лютости, замечает голландский орнитолог, при этом случае сорокопуды не что иное, как маленькие хищные птицы, не уступающие в мужестве самым большим тиранам воздуха, однако же их гораздо приличнее причислить к насекомоядным, нежели к настоящим хищным. Действительно, все их привычки и нравы чрезвычайно сходны с нравами и при-

вычками последних, от последних они отличаются устройством когтей и пальцев и приближаются к певчим птицам не только звуками своего голоса, разделенного на полные и приятные для слуха периоды, но родом употребляемой ими пищи, которая в особенности состоит из насекомых, также и местностию, в которой они живут предпочтительно. Сверх того сорокопуды имеют несомненное сродство с родами Vanya, Myiotera, Ocypterus, Psaris и Sparactus и составляют с ними небольшое семейство, от которого нет никаких основательных причин отделять их, потому что эти группы образуют постепенный и нечувствительный переход к родам Edolius, Ceblephyris, Coracina, Gymnocephales, Gymnoderes и даже Pardalotus, но посредством различных пород составляют множество исключений и ограничений. Между хищными птицами легко найти таких, которые питаются одними насекомыми, точно также, как большая часть зерноядных, если не все, питаются одинаково и насекомыми и семенами растений; к тому же мухоловки, леснички, пастушечки, каменицы и кустарки в своем роде такие же хищные птицы, как соколы, ястребы, чилижники и орлы; они тоже поддерживают свое существование, уничтожая организированные существа, одаренные жизнью. Животная пища для них тоже необходима; все различия в одних наружных формах этой пищи. Рассматривая пернатое племя с этой точки зрения, мы найдем мало таких пород, которые бы ограничивались одной растительною пищею и могли быть *вык*лючены из числа разрушителей живых созданий: лебеди, утки, чайки и многие другие из перепончатоногих питаются рыбою, моллюсками и разного рода насекомыми; береговые или ходульницы–пресмыкающимися, моллюсками, червями и насекомыми. Если между зигодактилями[305] мы видим таких, которые довольствуются плодами и зернами растений, зато существенную пищу других составляют насекомые, а некоторые живут истреблением маленьких птиц и зверьков. Не говоря уже о семействе кур, жаворонки, синички, подорожники и воробьи отдают предпочтение насекомым пред семенами растений.

Кажется, с нашей стороны не будет дерзостью, если, основываясь на самых оговорках тех ученых, которые причисляли сорокопудов к порядку хищных птиц, мы скажем, что, несмотря на авторитет таких гениальных людей, как Бюффон и Линней, этих птичек нельзя назвать хищными (Rapaces, Raptores, Accipitres) в строгом смысле этого слова, то есть, питающимися мясом других животных, высшего порядка, и одаренными природой продолжительным и быстрым полетом, дающим им возможность преследовать и настигать свою добычу, крепкими мускулами ног и острыми, крутосогнутыми когтями, при помощи которых они хватают, удерживают и раздирают свою жертву и, наконец, крепким, острым и крючковатым клювом, который служит как для нанесения смертельных ударов, так и для разрывания на части их добычи. Одним словом, которые по крепости и устройству всего организма созданы быть истребителями живых созданий значительной величины и сложной организации. Сорокопуды, как сказал Модюи, бывают хищными птицами только в известных обстоятельствах и при данных условиях, может быть, даже принуждаются к тому голодом по недостатку насекомых, существенной их пищи.

Из сделанных нами ссылок на знаменитых естествоиспытателей, можно уже видеть, как много писали о мужестве, смелости и злости сорокопудов. По словам некоторых писателей, наблюдателям неоднократно случа-

лось быть свидетелями, с какою решительностью и с какою отвагою эти маленькие птички нападают на неприятеля, вдесятеро превосходящего их и величиною и силою и средствами нападения и обороны. Начав столь неравный бой, продолжают те же писатели, они не обнаруживают ни малейшего желания прекратить его, мысль искать спасения от угрожающей опасности бегством чужда этим смелым птичкам; отвага до того ослепляет их, что они никогда не видят гибельных последствий своей безрассудной дерзости, она подавляет в них инстинкт самосохранения, который, кажется, есть необходимое следствие самого существования всех существ, одаренных чувствованием. Их единоборство с сильным врагом почти всегда оканчивается смертью обоих противников – они умирают, уцепившись друг за друга клювом и когтями. Но случается иногда, что их мужество торжествует над превосходством силы. "В природе ничто не доказывает так разительно, – говорит Бюффон, – прав и нравственной силы мужества, как эти маленькие птички, летающие рядом с перепелятниками, соколами и другими тиранами воздуха, не обнаруживающие ни малейшего страха в их присутствии и охотящиеся в их владениях, не боясь за такую смелость подвернуться строгому наказанию[306]". "Если бы мужество, – замечает со своей стороны Драпье, – могло служить руководством в методическом распределении живых существ, то, бесспорно, сорокопуды заняли бы первое место между обитателями воздуха". Многие уверяют, будто бы сорокопуды с удивительною неустрашимостью дерутся с сороками, соями, воронами и пустельгами и нередко отваживаются нападать на перепелятников и щеглоков (fal*co* nisus, fal*co* subuteo), а цыплятники, сарычи и вороны боятся их до такой степени, что избегают всеми средствами встречаться с ними. Кажется, в этих рассказах о дивном мужестве сорокопудов и об *отчаенном* их единоборстве на жизнь и смерть с птицами других родов много преувеличений. По крайней мере, так можно думать, основываясь на некобыкновенной боязни, которую, по свидетельству некоторых наблюдателей, обнаруживает караульщик, самая большая порода из европейских сорокопудов, при виде ястреба и сокола. Что же касается до цыплятника, его не боятся самые робкие птицы, он страшен одним слабым птенцам и заботливым о них матерям. Наши собственные замечания отчасти подтверждают наше сомнение относительно испытанного мужества сорокопудов. Когда маленький котенок, играя, бросался на клетку, в которой сидел караульщик, эта птичка начинала кричать и металась во все стороны, по-видимому, готовилась к защите, но не показывала никакого желания нападать. Вид короткоухих филинов (strix brachyorus), если не внушал караульщику страха, то производил в нем видимое изумление: увидя их, он вытягивал шею, приподнимался на ногах, смотрел пристально, молчал и не метался, оставаясь неподвижно на одном месте. Со своей стороны филины хланодкровно рассматривали изумленного смельчака. Повторим еще раз, нельзя принять безусловно всего того, что рассказывают о храбрости сорокопудов. К сожалению, надобно признаться – преувеличивать все, как хорошее, так и дурное есть необходимое следствие несовершенств человеческой природы. На каждый предмет, обращающий на себя наше внимание, возбуждающий в нас удивление, привязанность или отвращение, мы тотчас смотрим глазами предубеждения. Воображение непременно берет верх над рассудком и часто мы видим не то,

что есть действительно, а то, что представляет нам воображение, настроенное удивлением, боязнью или надеждой. Может быть, нашу склонность к преувеличениям надобно принять источником почти общепринятого мнения, что достоинство поэтических и всех художественных произведений состоит не только в верном изображении природы, сколько в идеализировании изображаемого предмета, в возведении всего существующего на высшую степень идеала. А это мнение с давнего времени имеет важное влияние на все умственные труды. Талантливый писатель и при изучении природы не в силах избегнуть его; он бессознательно идеализирует описываемые им предметы, излагая замеченные истины, призывает на помощь поэзию; в этом заключается необходимое условие успеха. Без него писатель не может надеяться [дождаться] ни внимания, ни похвал, ни удивления своих читателей. Верное, простое изложение, сухой анализ скучен и записным ученым, точное описание созданий природы – смеси хорошего и дурного, силы и слабости, красоты и безобразия, эгоизма и самоотвержения, далеких от совершенств идеала, медленно и постепенно идущих по пути усовершенствования, такое описание каждому из нас покажется скучным и даже пошлым, и чем оно будет вернее и беспристрастнее, тем более проиграет в глазах наших; мы, наверное, бросим книгу и скажем, зевая, стоит ли терять время на такой незанимательный рассказ, все это известно нам едва ли не лучше вас.

Без сомнения, трудно отрицать, что почти все *сороко*пуды злы и преследуют с ожесточением маленьких птичек, которые случайно, без всякого дурного намерения, приближаются к их гнезду или к их птенцам, еще не совершенно возмужалым. Но эта злость, кажется, происходит от чрезвычайной их привязанности к детям и от постоянной заботливости сохранить будущее поколение, качеств, которые все естествоиспытатели приписывают им единогласно.

Если нашему читателю, как и нам, отчаянное мужество, или, сказать вернее, слепая злость сорокопудов покажется не совсем вероятною, то что же скажет он, услышав рассказ – каким образом эти птички приманивают к себе тех, которые должны сделаться их жертвою, или как они сохраняют избыток своей добычи впрок? Геквельдер (Heckwelder) пишет, что сорокопуды, с намерением заманить маленьких птичек в такое место, где легче и вернее поймать их, натыкают на иглы колючих растений и сухие ветки жуков и других насекомых, которые привлекают к себе неопытную жертву и ведут ее на верную гибель. Многие до сих пор уверены в действительности этих хитрых ковов[307], другие думают иначе; по их словам – предвидя, что улов не всегда может быть счастлив и что при первой неудаче придется терпеть голод, сорокопуды в случае изобильного улова никогда не забывают откладывать часть своей добычи, как говорится, на черный день. Маленькие птички, жуки, шмели и другие большие насекомые, назначенные для сбережения, вешаются или натыкаются ими на древесные иглы или сухие и острые ветки в таких местах, где бывает всегда свободное течение воздуха, которое, ускоряя испарение влажных частиц, препятствует животной пище портиться, так что она засыхает совершенно свежею. Многие писатели уверяют, будто бы они сами видели на древесных иглах и ветках такие запасы предусмотрительных сорокопудов. "Нам самим, – пишет Дра*пье*, – случалось очень часто находить на иглах дикой сливы насаженными больших жуков и геотру-

пов, но мы даже не подозревали, что это запасные магазины сорокопуда". Что касается, собственно, до нас самих, нам никогда не случалось встречать что-нибудь подобное[308]. У караульщика[309] (Lanius excubitor), который живет у нас теперь, когда мы пишем эти строчки, очень часто остаются кусочки мяса, но как скоро они засохнут, он уже к ним не прикасается, может статься, причиною этому то, что он не терпит недостатка в свежей пище. Конечно, не имея случая собственными наблюдениями поверить рассказы других, мы не имеем вовсе права отрицать или подтверждать свидетельства людей, посвятивших себя изучению природы, однако же не лишаемся от того права сомневаться, если рассказ кажется нам сомнительным; и другое объяснение – почему иногда находят маленьких птичек и больших насекомых, насаженными на древесные иглы, почитать более вероятным. Некоторые орнитологи утверждают, что сорокопуды, поймав свою добычу клювом, стараются прицепить ее к древесному сучку единственно для того, чтобы легче и удобнее очищать ее от неудобоваримых частей и разрывать на маленькие кусочки, которые можно проглатывать целыми без большого труда, ибо слабые их пальцы не позволяют им держать своей добычи в когтях, как делают это обыкновенные хищные птицы. Это факт, прибавляют они, основанный не на одних догадках и умственных заключениях, а на свидетельстве наблюдателей, которые были очевидцами, как сорокопуды пожирали свою добычу, наткнув ее сначала на иглу или сухую ветку колючего дерева. Не говоря уже о свидетельстве правдивых и ученых наблюдателей, такое объяснение само по себе имеет большую вероятность, но кто поручится, что жуки, шмели и маленькие птички, стараясь вырваться из когтей своего врага, не сами зацепились за древесные колючки, или, что еще вероятнее, сорокопуд, усиливаясь придерживать свою добычу, переменяя беспрестанно место и положение, без всякого намерения совершенно случайно натыкает ее на иглу или сухую ветку дерева? Все наши старания разъяснить сомнения относительно этого предмета остаются до сих пор без успеха. Живущий у нас караульщик всегда придерживает свою пищу когтями одной ноги, которую обыкновенно вытягивает вперед, упираясь на другую и беспрестанно переменяет положение. С первого взгляда на его усилия укрепить ее можно заметить, что слабость ног, устройство пальцев и когтей мешают ему держать ее так крепко, как держат настоящие хищные птицы, ночные и дневные, которые, схватив свою добычу и выбрав удобное место, спокойно и с расстановкой удовлетворяют голод. Караульщик, напротив, если не может проглотить своей пищи вдруг, употребляет большие усилия и много времени и перемещений на разделение ее на небольшие кусочки. При каждой попытке оторвать кусочек он распускает крылья и хвост и взмахивает ими; одним словом, разрывать на части свою жертву ему гораздо труднее, чем поймать и лишить жизни[310]. По словам английских орнитологов, *сорокопуды* не всегда насаживают пойманных ими птичек, зверьков и больших насекомых на иглы колючих деревьев, но большею частью, удушив свою жертву, или расклевав ей череп, они разрывают ее на части, держа в когтях подобно ястребам, поэтому надобно думать, что привычка укреплять свою пищу на древесных иглах, если действительно она существует, не общая, а зависит от случайностей и местных обстоятельств.

Из сочинений новейших орнитологов видно, что все они единодушно признают всех сорокопудов, обитающих в Европе и других частях света,

хищными, которые, хотя и питаются колептерами, ночными бабочками и другими насекомыми значительной величины, однако же ловят также кротов, мышей, землероек, ящериц, лягушек и маленьких птичек. Некоторые писатели утверждают даже, что сорокопуды убивают не только маленьких птичек, серых и черных дроздов, попавшихся в силки, но и молодых куропаток и кроликов, на которых бросаются с быстротою молнии и тотчас же, расклевав им череп, съедают мозг, до которого большие охотники. Нельзя отрицать плотоядной наклонности некоторых сорокопудов, собственные наблюдения устраняют от нас всякое сомнение относительно этого, но надобно заметить, что нет достоверных фактов, которые бы можно было принять несомненными доказательствами, что все они одинаково злы и плотоядны. Можно допустить, что большие породы, одаренные от природы значительною силою и смелостью, при удобном случае пользуются ими и нападают на маленьких зверьков и птичек, тогда как маленькие породы, лишенные средств быть хищными, довольствуются одними насекомыми, как это замечаем в племени фальконид, в котором, например, конюшего (Falco tinnunculoides) и кобчика (Falco rufipes), принадлежащим по всем наружным признакам к роду настоящих соколов, невозможно назвать плотоядными, ибо первый питается большею частью колиоптерами и другими насекомыми и весьма редко ловит маленьких птичек, а пища последнего состоит из одних колиоптеров. По крайней мере Мейер, в желудке всех рассекаемых им кобчиков не нашел ничего, кроме остатков этих насекомых. Следовательно, хотя все европейские сорокопуды плотоядны, однако же между породами весьма к ним близкими, обитающими в других частях света, легко могут быть такие, которых пищу исключительно составляют одни насекомые. Прибавим еще одно предположение: бóльшая часть известных пород принадлежит к летним посетителям холодных и умеренных стран и при наступлении сурового времени года переселяется в теплые страны юга; весьма немногие бывают постоянными жильцами таких мест, в которых, при продолжительной и суровой зиме, выпадают глубокие снега. Можно думать, что оседлые породы холодных стран плотояднее перелетных и за недостатком насекомых, основной их пищи, ловят маленьких зверьков и птичек совершенно уже взрослых, тогда как перелетные нападают на птенцов еще не оперившихся, на молодых зверьков и на маленьких ящериц и лягушек. Невероятно, что некоторые из последних вовсе неплотоядные и ограничиваются, подобно мухоловкам, ловлею одних насекомых, хотя образованием клюва, устройством ног и даже распределением цветов своего наряда, те и другие очень походят друг на друга. Таким образом, южный сорокопуд (Lanius meredionalis), которого пища еще не известна, короткохвостый сорокопуд (Lanius brachiurus), посещающий в летнее время Восточную Сибирь и, может статься, еще другие из перелетных пород, несмотря на родовое сходство с караульщиком (Lanius excubitor) ведут жизнь кочевую единственно потому, что не могут круглый год находить для себя приличной пищи в странах умеренных и холодных. Они не так плотоядны как караульщик, который живет, не переселяясь как летом, так и зимой, во многих частях Европы и в Восточной Сибири. Его плотоядность, сила и смелость избавляют его от периодических переселений с севера на юг; в самом суровом климате они имеют средства находить приличную пищу во всякое время года. Во всяком случае, кажется сомнительно, чтобы такие маленькие птички, как карауль-

щик (Lanius excubitor), жулан (Lanius rutilus) и живодер (Lanius collurio)[311], могли убивать молодых, но уже совершенно оперившихся куропаток или молодых кроликов, выходящих уже из норы. Куропатка этого возраста относительно их величины довольно большая птица, а молодой кролик довольно большой зверёк, и как бы ни был силен испуг куропатки и кролика при нечаянном нападении, у них, наверное, найдется еще столько силы, чтобы вырваться из слабых когтей такого хищника, как сорокопуд, и укрыться в безопасное место от его преследований.

Родительская нежность и постоянная супружеская любовь составляют замечательные черты в нравах сорокопудов. Как говорят орнитологи, ничто не может сравниться с заботливостью и попечениями этих птичек о сохранении своих малюток, с которых они, так сказать, не спускают глаз даже в то время, когда, оперившись и получив силу и навык собственными средствами доставать пищу и защищаться от неприятелей, молодые сорокопуды не требуют уже помощи своих родителей. Во все продолжение осени и зимы все семейство летает обыкновенно вместе и не разлучается до следующей весны, когда любовь и заботы о новом поколении призывают каждого к новым обязанностям[312]. Этою замечательною привязанностью к птенцам сорокопуды совершенно отличаются от настоящих хищных, которые, кажется, с нетерпением ожидают того времени, в которое их птенцы оперятся и начнут летать для того, чтобы скорее выгнать их не только из гнезда, но даже из округа, в котором обыкновенно живет пара. В этом отношении сорокопуды походят на мухоловок, лесничек и других насекомоядных птиц.

Как настоящие жильцы лесов, сорокопуды редко встречаются в местах открытых и около жилых мест, где нет ни деревьев, ни кустарников. Гнезда вьют между ветками деревьев и в кустарниках из сухих былинок и корешков, искусно согнутых и скрепленных вместе, к которым прибавляют иногда мох, а внутренность гнезда устилают пухом или шерстью. Уверяют будто бы рыжий сорокопуд (Lanius rutilus) для постройки своего гнезда выбирает обыкновенно стебельки душистых растений, тоже самое заметил Лихтенштейн[313] в гнезде другой породы сорокопуда, известной под названием маленький сорокопуд (Lanius minor). Самка несет от пяти до семи яиц, которых цвет изменяется по породам, но большею частью они бывают бледно-зеленые с темными или оливковыми крапинками, составляющими нередко вокруг яйца род пояса.

Некоторые породы этих птичек, по-видимому, линяют два раза в течение года, но двукратное линянье производит в их наряде весьма незначительное изменение. Другие породы, которых гораздо больше, линяют однажды в год – осенью. Во всех известных породах полы и возрасты различаются между собою более или менее цветом перьев. Молодые обыкновенно походят на взрослых самок. Породы отличаются одна от другой величиною и цветами наряда, однако же ни одна из них не обращает на себя внимания блеском и цветистостью своего убора. Богатые отливы, живые и яркие краски не достались в удел сорокопудам, самая пестрота, встречающаяся в наряде некоторых пород, представляет какое-то единообразие, что, вероятно, происходит от тусклого и слабого тона цветов.

Сорокопуды летают быстро, но не по прямой линии; их полет можно уподобить ряду воздушных скачков. Он состоит из попеременного возвышения снизу вверх и понижения сверху вниз [и] никогда не бывает продолжи-

телен. Крик сорокопудов не совсем приятен, особенно при частом повторении. До сих пор не замечено, чтобы какая-нибудь из этих птичек имела приятные звуки голоса, сочетание которых составляло что-нибудь похожее на мелодическое пение других лесных жильцов.

Сорокопуды водятся во всех странах Старого света и встречаются также в Северной Америке, но в южной части нового материка до сего времени не открыто ни одной породы настоящих сорокопудов. По мнению Темминка, их место занимают там бата*ра* (tamnoph*ilus*) и бекард (psaris).

Новейшие естествоиспытатели разделили Линнеев род сорокопуда (Lanius) на множество новых самостоятельных родов, которые однако же почти все без исключения некоторыми из них помещаются в одно многочисленное семейство под названием ланиад (Laniadae).

КАРАУЛЬЩИК
(Lanius excubitor[314])

Клев: длина верхней челюсти по ребру 1,7, от зевков 2,2, высота ее у основания 0,6, длина нижней челюсти от зевков 2,0, длина снизу 1,3, толщина по средине 0,4; голова 2,7; крыло 9,7; хвост, средние перья 12,3, самые крайние 9,6; плюсна 2,5; пальцы: внешний 1,5, средний 1,9, внутренний 1,0, задний 1,3; когти: внешний 0,6, средний 0,9, внутренний 0,5, задний 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 24,1. Первое плавильное[315] перо средней длины, второе, несколько короче третьего и четвертого, которые длиннее всех остальных. Хвост длинный, перья его расположены уступами.

Один английский орнитолог говорит, что Линней назвал эту птичку excubitor, то есть страж, караульщик, по причине необыкновенной бдительности, с которою она наблюдает появление ястребов и других этого рода птиц и всегда первая замечает их приближение, возвещая о нем плачевным, ясно выражающим беспокойство и страх, криком[316]. Пользуясь этою способностью, по словам того же ученого, охотники, занимающиеся ловлею странствующих соколов (Falco peregrimes), употребляют *его* помощником в своем ремесле. Вот каким образом, рассказывает сэр Джон Себрайт[316a] об услуге, которую оказывает караульщик охотникам: "Странствующие соколы, – пишет он в своих замечаниях о соколиной охоте, – привозимые в Великобританию весною для употребления их в охоте на цаплей, бывают обыкновенно пойманы в предшествующую осень или зиму на бесплодных долинах, лежащих около Фальконсверда, во время их переселения к югу и востоку. Ловят же их посредством небольшой сетки, натянутой на палку, согнутую дугою; эту сетку ставят в приличном месте и в таком положении, что ее можно закрыть с чрезвычайною скоростью при помощи снурка к ней привязанного. Для приманки сокола под сетью привязывают к земле голубя светлой масти, а охотник прячется в шалаш, сделанный из дерна на известном расстоянии от сетки, и в который протягивается от неё снурок. Караульщик, как птичка осторожная, замечающая прежде всех других птиц приближение сокола, помещается подле самого шалаша, на земле недалеко от него кладутся две дернины таким образом, что могут служить ему надежным убежищем как от непогоды, так и от нападения сокола. Уверенный в бдительности своего крылатого помощника, охотник употребляет досужное время на какую-нибудь сидячую работу и его уверенность никогда не быва-

ет обманута. Как скоро караульщик завидит вдали летящего сокола, он тотчас извещает о том жалобным криком, а когда сокол приблизится на значительное расстояние, немедленно прячется между двух дернин; тогда охотник оставляет свою работу и приготовляется покрыть сеть, выжидая той минуты, в которую сокол бросится на голубя, служащего приманкой". Если рассказ сэра Себрайта справедлив, в чем, кажется, нельзя сомневаться, то можно полагать с некоторым основанием, что Линней не сам придумал видовое название (excubitor), а перевел на латинский язык местное имя этой птички, под которым она уже была известна охотникам, ибо вообще простой народ дает окружающим его предметам имена, выражающие прямо или косвенно доставляемую ими пользу, или приносимый вред[317]. Узнавши, какую выгоду во время охоты можно извлечь из необыкновенной боязни, которую вид хищных птиц рождает в караульщике, охотники назвали этого сорокопуда именем, обозначающим ту услугу, которую он им оказывает при ловле странствующих соколов, избавляя их от скуки и бесполезной траты времени в продолжении нескольких часов караулить самим появление сокола. Мы не знаем в точности, какое значение имеет шведское название этой птички Warfogel, означает ли оно воинственную птицу, или птицу осторожную, сторожевую; может быть оно составлено из War и Fogel а, может быть, *с* сокращен*ием* "е" из Ware и Fogel; кажется, war и ware нормандского происхождения. Как бы то ни было, но нельзя сомневаться, что русское имя "караульщик" есть простой перевод Линнеева excubitor. В тех местах России, где водится эта птичка, она известна под общим родовым именем сорокопуда; по крайней мере нам не случалось никогда слышать, чтобы простолюдины называли ее караульщиком или серокопыткой. Имя странное, о значении которого трудно отдать себе отчет, так же точно, как трудно объяснить настоящий смысл названия сорокопуд, которое очень темно. Впрочем, надобно признаться, что мало найдется таких имен, которых значение было бы понятнее[318]. При этом случае заметим, что сказанное, по крайней мере относительно караульщика, опровергает решительно слова тех писателей, которые уверяют, будто бы самонадеянные сорокопуды без всякой боязни летают рядом с соколами и ястребами. Нет сомнения, что эти птички, подобно многим другим, боятся сильных и смелых хищников.

Караульщик обыкновеннее других соплеменных ему пород. Он водится во многих странах Северо-Западной и Северо-Восточной Европы и в некоторых местах ведет жизнь оседлую; держится большею частью в небольших рощах и по опушке лесов. В средней полосе России он встречается гораздо чаще, нежели другие сорокопуды, потому ли что чаще других посещает места открытые, лежащие в соседстве селений, или потому что его порода многочисленнее других пород. Может быть, превосходство величины, силы и смелости дает ему лучшие средства к самосохранению, он легче других побеждает трудности, встречаемые при добывании пищи, и успешнее их отражает нападение врагов, ибо и у сорокопудов, вероятно, есть враги. Может быть, также оседлая жизнь устраняет от него опасности, сопряженные с дальними переселениями и необходимо уменьшающими число тех птиц, которые дважды в течение года переселяются с севера на юг и с юга на север. Однако же в Восточной Сибири, по ту сторону Байкала, караульщики, встречаются реже короткохвостых сорокопудов, тогда как по сю сторону этого озера, в Иркутском округе и далее к западу, они весьма обыкновен-

ные птицы, не покидающие обитаемых ими мест и во время суровых и снежных зим здешнего края[319].

Говорят, что караульщик питается мышами, землеройками, маленькими птичками, ящерицами, лягушками и большими насекомыми. Если бы можно было сомневаться в плотоядной наклонности этой птички, то для уничтожения подобных сомнений, кажется, достаточно одного факта – оседлая его жизнь в таком климате как восточно-сибирский. В самом деле, если бы караульщик питался одними насекомыми, то при суровости здешнего климата и при глубоких снегах ему невозможно было бы зимовать в Восточной Сибири. Трудно допустить, чтобы в суровое время года он мог довольствоваться гусеницами, личинками, хризолидами[320] и маленькими насекомыми, зимующими в трещинах древесной коры или в гниющих пнях. По-видимому, у него нет средств открывать скрытые убежища этих насекомых, а еще менее вытаскивать из них свою добычу, и он, как и другие соплеменные ему виды, сколько нам известно, никогда не производит на древесных ветвях и пнях таких поисков, какие производят дятлы, ковалики[321], пищухи и зиньки[322]. Все сорокопуды ловят свою добычу подобно мухоловкам, бросаясь на нее быстро с ветки, которую выбрали местом своих наблюдений. Весьма вероятно, что караульщик в теплое время года, когда бывает много различного рода насекомых, преимущественно питается ими, также как маленькими ящерицами и травяными лягушками, а осенью и зимою, не имея возможности удовлетворить голода обычною пищею, нападает на маленьких зверьков и птичек. По рассказам птицеловов, караульщики часто ломают западни, сделанные из тоненьких камышинок или деревянных прутиков и уносят птичек, посаженных для приманки, а иногда попадают в западню сами. Два случая, бывшие с нами, подтверждают отчасти эти рассказы. 1845 года, в средине Декабря, в западне, поставленной на конце одного небольшого селения, лежащего на правом берегу Ангары, нашли мы караульщика. Нет сомнения, что, желая овладеть монашенкой (Parus palustris)[323], он попал в одну из боковых ловушек, ибо в них не было никакой другой приманки, кроме конопляного семени, а зерна растений не его пища. Другой раз, около середины октября (10-го) 1853 [года] попал другой караульщик в западню, стоявшую в маленькой березовой роще, подле того же селения; в этой западне находился обыкновенный снегирь (Purrhula vulgaris), птичка относительно величины караульщика довольно большая. Очевидно как тот, так и другой из этих караульщиков надеялись найти в птичках, сидящих в западне, легкую и верную добычу, но, обманувшись в расчете не могли даже освободиться из неволи сами. Должно думать, что один из них попал в западню за несколько часов до осмотра и употребил все усилия вырваться из нее, потому что основание его клюва было обнажено от перьев, а кожа, покрывающая переднюю часть головы, была в царапинах. Надобно сказать, что обе западни были самой посредственной работы, их решетки состояли из тоненьких прутиков расколотого камыша. Таким образом, по нашему мнению, воровство со взломом выше сил караульщика, он может вырваться только из такой клетки, которой прутики гнутся и расходятся врозь от простого натиска незначительной силы, ибо при самом сильном желании освободиться из своего заключения караульщик мечется во все стороны, отыскивая свободного выхода и стараясь просунуть голову сквозь промежутки решетки, и, несмотря на величину и крепость клюва, не ломает и не щипает прутиков, как это дела-

ют клесты, которые портят даже металлические решетки своих клеток. Мы слышали также от многих крестьян, будто бы в суровые зимы караульщики прилетают в селения, где бьют скот, и оклевывают кусочки мяса и жиру, остающиеся на мездре бычачьих и бараньих кож, развешанных на плетнях, подобно сорокам и воронам, но сами никогда не видали, чтобы сорокопуды залетали в жилые места, в которых нет ни деревьев, ни кустарников.

Из бывших у нас сорокопудов один прожил более недели, другой слишком семь недель; во все это время они питались одним бычачьим мясом, были довольно смелы и смирны и, не нуждаясь в пище, не делали никаких покушений освободиться из своего заключения. Мы постоянно следили, каким образом они *разры*вают свою пищу на кусочки, но не могли заметить, чтобы для удержания её они употребляли что-нибудь другое, кроме ног. Маленькие кусочки мяса и азиатских тараканов, которых иногда мы им давали, они проглатывали целиком, а большие куски, придерживая одной ногою, щипали клювом, причем, как мы сказали прежде, беспрестанно переменяя место и положение. Здесь по необходимости мы должны заняться снова привычкою, которую многие писатели приписывают всем вообще сорокопудам и в особенности караульщику, укреплять свою добычу на иглах колючих деревьев. Тот же английский орнитолог, на которого мы ссылались выше, говорит, что поймав добычу значительной величины и лишив ее жизни, караульщик *разрывает* ее на части, придерживая острыми своими когтями подобно ястребам, но гораздо чаще натыкает ее на иглы колючих деревьев. При этом случае он ссылается на Сельби, которому случилось самому быть свидетелем этого. "Однажды, – пишет Сельби, – я увидал караульщика, пре*сле*дующего лесную кустарку (Accentor modularis) поймав ее, он долго летал с нею по деревьям живой изгороди, и, кажется, выбирал удобное место, в котором было легче и надежнее прицепить добычу к иглам ветки. Когда же я подошел к терновнику и вспугнул караульщика, то нашел кустарку прикрепленную за сухие жилы крыльев на иглах избранной ветки. Шкурка этой птички хранится у меня до сих пор в том виде, в каком я отыскал ее". Содержимые в клетках караульщики, по словам английского ученого, поступают таким же образом: лишив жизни свою добычу, они укрепляют её между проволок решетки и щиплют её по кусочкам. Вслед за этим он упоминает еще о виденной им самим новоголландской ванге (Vanga destructor), небольшой птичке, во многих отношениях похожей на сорокопудов, которая содержалась в клетке и не иначе удовлетворяла свой голод, как задушив данную ей мышь и укрепив её между тремя проволоками клетки таким образом, что тело мыши проходило в промежутки и придерживалось проволоками в изогнутом положении. Во все время своего занятия добычею ванга обнаруживала дикую радость криками и движениями.

Наши сомнения относительно привычки, которую приписывают сорокопудам, натыкать добычу на иглы колючих кустарников, заставляют нас по необходимости входить во все эти подробности, и мы не можем не упомянуть о свидетельстве еще одного английского писателя. "Один джентльмен, – пишет сэр Ренни (Rennie), – мой приятель, который очень любил читать сочинения Бюффона и других естествоиспытателей, но который очень редко заглядывал сам в великую книгу природы, однажды высказал мне свои сомнения относительно оригинального рассказа Геквельдера,

каким образом караульщик приманивает маленьких птичек, насаживая жуков на иглы терновника, однако же ему никогда не приходило в голову собственными наблюдениями опровергнуть или подтвердить справедливость этого рассказа, и он чрезвычайно удивился, узнавши, что в окрестностях того места, где он жил, по крайней мере одна порода сорокопуда, живодер (Lanius collurio), была так же обыкновенна, как певчий дрозд (Turdus musicus), и поэтому легко было следить за ее нравами и привычками. Как для своего собственного удовольствия, так и по желанию рассеять сомнения моего друга, я пригласил его наблюдать вместе над образом жизни живодера и караульщика. Тот и другой из этих сорокопудов до такой степени нередки в месте его жительства, что мы на расстоянии пяти миль в окрестностях Ли, в Кентском графстве, отыскали с полдюжины гнезд каждой из означенных пород. Подле этих гнезд мы нашли больших насекомых, именно шмелей и неоперившихся еще птенцов маленьких птичек, наткнутыми на иглы терновника". После того, что пишут Сельби и Ренни, кажется, трудно отвергать, что действительно караульщик и другие сорокопуды насаживают на иглы колючих кустарников свою добычу, не для того, чтобы приманивать к себе маленьких птичек или сберегать остатки ее на будущее время, а для того, чтобы легче разрывать её на части. Однако же, соображая все обстоятельства сопровождавшие случай, о котором говорит Сельби, и наши собственные замечания, с какими усилиями караульщик разрывает на кусочки свою добычу, нельзя не повторить сделанного уже нами возражения: как удостовериться, что караульщик, за которым следил английский орнитолог, переменяя беспрестанно кусты и ветки терновника вовсе не искал между последними такую, на которую легче наткнуть пойманную им кустарку, а выбирал место, на котором удобнее придерживать ее ногою, и случайно, без всякого намерения, наткнул висевшие ее крылья на иглы. Что же касается до шмелей и неоперившихся еще птенцов, которых сэр Ренни и его друг нашли насаженными на иглы терновника подле гнезд караульщика и живодера, он говорит о них слишком неопределенно, точно так, как говорит Драпье о жуках и геотрупах, виденных им на иглах дикой сливы, и потому эти факты, как бы они достоверны ни были, едва ли могут служить неоспоримым доказательством привычки сорокопудов натыкать свою добычу на иглы колючих кустарников. В том и в дру́гом случае приходит на мысль вопрос: с каким намерением и для чего эти насекомые и птицы были насажены сорокопудом на иглы? И напрасно ищем удовлетворительного ответа.

Нам не редко случалось видеть караульщиков, гоняющихся за маленькими птичками на опушке лесов и по перелескам, но никогда не случалось видеть, чтобы их преследования были успешны. Полет караульщика быстр, но непродолжителен. Слетая с ветки, он бросается на птичку с быстротою и при неудаче садится тотчас на ветку близрастущего дерева или кустарника. Сорокопуды схватывают свою добычу всегда клювом, а не когтями, как хищные птицы и поэтому неудачи случаются с ними чаще, особенно если преследуемая птичка осторожна и живая в своих движениях. Вероятно, одни слабые птенцы и птички, попавшие в силок, или больные, или слишком доверчивые, которые не имеют или силы или времени спастись от его преследований, бывают его жертвами. Но птичек взрослых, осторожных, проворных и одаренных быстрым и продолжительным полетом, едва ли удается

когда-нибудь ловить караульщику. То же надобно сказать о зверьках и ящерицах. Таким образом, замечание Модюи, что *со*рокопуды бывают хищными птицами только в известных обстоятельствах и при данных условиях, нам кажется весьма основательным.

Караульщик вьет гнезда на небольших деревьях и в кустарниках, помещая их между несколькими ветками, расходящимися врозь. В строении гнезда заметно искусство, основание и наружные их стены делаются из былинок, тоненьких корешков и моху, а внутренность устилается пухом и шерстью. Самка несет от четырех до шести яиц зеленоватого или изсера-белого цвета, с темными и пепельными крапинками на тупом конце[324]. Во втором издании руководства к орнитологии (Manuel d'ornith*olo*gie, 1840) Темминка сказано: "Яйца белые, с пятнышками нечистого темного цвета, число их изменяется от пяти до семи". Но надобно заметить, что почти у всех пород сорокопуда цвет яиц имеет всегда зеленоватый оттенок, более или менее сильный.

Этот вид сорокопуда отличается от других близких ему пород величиною и цветом своего наряда, однако же различие величины и цвета перьев не всегда бывает значительно. У самца верхняя часть головы, зашеек и спина изголуба-пепельные, щеки, горло, хлуп, верхние хвостовые покрывала и вся исподняя часть тела белые; от основания клюва чрез глаза идет широкая черная полоса, которая загибается вниз на перья, покрывающие отверстие слуховых органов; брови белесоватые, маленькие крыловые покрывала соцветны спине, большие крыловые покрывала и прилежащий им ряд маленьких – черные с белыми кончиками; плавильные перья тоже черные с белыми кончиками, у передних основание белое, отчего на сложенном крыле у самых крыловых покрывал образуется довольно большое пятно этого цвета. Крайние хвостовые перья[325] совершенно белые, за исключением внутренних бородок, которые от зорки до одной трети всей длины пера черные, последующая за ними пара тоже – белая, но черный цвет на внутренних бородках доходит почти до половины всей длины; у третьей пары черный цвет занимает еще более места и окрашивает уже внешние бородки; четвертая и пятая пары черные с белым у самой оконечности пятном, которое у четвертой очень велико; средняя пара совершенно черная. У одного из бывших у нас караульщиков, начало всех хвостовых перьев было белое до оконечности верхних хвостовых покрывал, а средние хвостовые перья были обозначены при оконечности белым пятнышком, *почти такой же величины как и пятнишко*, лежащее на конце пятой пары. Впрочем, это различие не имеет особенной важности. В этой породе встречаются варианты совершенно белые с легким пепельным оттенком на тех частях тела, которые обыкновенно бывают черные.

Самка отличается от самца тусклостью пепельного цвета верхних частей тела и особенно грудью и боками, которых белесоватый цвет испещрен правильно согнутыми черноватыми полосками, обозначающими оконечность каждого из перьев, покрывающих эти части тела. У обоих полов клюв искрасна-белесоватый, но ребро верхней челюсти и оконечность обоих черновато-темного цвета. Ирис темный, плюсна и пальцы тоже темного цвета, а когти черные.

Молодые походят на совершенно взрослых самок, но цвета их наряда гораздо тусклее. Верхняя часть тела у них пепельная с темноватым оттенком,

а исподняя нечистого белесоватого цвета с темно-пепельными полосками при оконечности пера[326].

Караульщик водится почти во всех странах Европы от северных границ этого материка до южных, но в Голландии он довольно редок, а Великобританию, по свидетельству некоторых орнитологов этой страны, посещает случайно и встречается большею частью в Ноябре, Декабре и Генваре, из чего, по их мнению, можно заключить, что эта птичка не вьет гнезд в Англии, а переселяется туда иногда на зиму из стран, лежащих далее к северу.

В некоторых местах караульщик ведет жизнь оседлую, в других, напротив, принадлежит, как и другие сорокопуды, к числу перелетных птиц.

Синонимия: Lanius excubitor Linn., Gmell., Lath., Temm.; Pied-grièche-grise Buff., Gerard, Temm.; Обыкновенный сорокопуд; Серый сорокопуд; Серокопытка; Караульщик[327].

[Атлас, тетр. III, рис. 6]. **[254, 255]**

КОРОТКОХВОСТЫЙ СОРОКОПУД
(Lanius brachyurus[328])

Клев, верхняя челюсть: длина по ребру 1,5, от зевков 1,8, высота у основания 0,5; нижняя челюсть: длина от зевков 1,7, снизу 1,0, высота 0,3; голова: 2,6; крыло: 8,7; хвост: средние перья 8,1; вторая пара 7,9; третья пара 7,6; четвертая пара 7,1; пятая пара или крайние 5,3; плюсна 2,3; пальцы: внешний 1,2, средний 1,6, внутренний 0,7, задний 1,0; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,6, на внутреннем 0,35, на заднем 0,7; длина всей, от конца клева до оконечности средних перьев хвоста 18,9; перья: плавильное перо средней величины, второе немного короче третьего и четвертого, которые длиннее всех других, средние хвостовые перья, как видно из означенной выше меры, гораздо короче туловища.

Эта перелетная порода сорокопуда, кажется, принадлежит исключительно Азии и в теплое время года посещает только одну Восточную Сибирь[329]. Во многих местах Забайкальского края, изобилующих лесами, она весьма обыкновенна; нередко также ее можно видеть и в Иркутском округе, по берегам озера Байкала и реки Ангары[330].

Весною и осенью короткохвостые сорокопуды летают большею частию целыми семьями и часто ищут около древесных пней и в кустарниках насекомых, скрывающихся между *листьями* засохшей травы. Судя по немногим наблюдениям, которые удалось нам произвести над этими птичками в состоянии свободном, можно думать, что они не так злы и сварливы, как серокопытки. Мы никогда не видали, чтобы они преследовали маленьких птичек. Напротив, неоднократно были очевидцами, как короткохвостые сорокопуды сидели покойно на одном дереве с подорожниками и лесничками или вместе с ними скакали по земле. Плотоядность их кажется нам весьма сомнительною еще и потому, что, прилетая сюда в половине апреля, когда уже появляется очень много различных насекомых, они оставляют здешние места около половины августа, время, в которое бывает еще много больших калиоптер, ко*былок* и пр.[331] Следовательно, при изобилии основной их *пищи* – насекомых, они не имеют никакой надобности нападать на маленьких зверьков, пресмыкающихся и

птичек, со стороны которых всегда должны ожидать сопротивления, а иногда и отчаянной защиты. К тому же короткохвостый сорокопуд гораздо менее караульщика, и, хотя устройство их клева совершенно одинаково, однако же, приняв в уважение величину, должно согласиться, что в их силе и отваге находится необходимо значительное различие. Упомянем здесь об одном частном случае, который, если и не доказывает справедливости наших сомнений относительно плотоядности короткохвостого сорокопуда, то по крайней мере дает им некоторую основательность. В *1839* году у нас был птенец этой породы, уже совершенно оперившийся и начинающий летать. В таком возрасте птенцы лесничек и камениц берут положенную им пищу сами и даже ловят уже насекомых[332]. Основываясь на мнении, что все виды *сороко*пудов плотоядны, мы стали кормить своего *бычачьим* свежим мясом, изрезанным маленькими кусочками, но как он не брал этой пищи сам, хотя был очень голоден, что доказывал ясно беспрестанный его крик, то, не оставляя наши мысли и желая приучить упрямца к себе, мы начали кормить его насильно, как делали это с робкими птенцами других пород. Положенные в глотку кусочки мяса, птенец короткохвостого сорокопуда часто проглатывал поневоле, а иногда с большими усилиями выбрасывал их назад. Дня чрез два он умер от не[с]варения желудка. Правда, бычачье мясо могло быть вредно птенцу по своей неудобоваримости, такая пища может отягчить желудок и совершенно уже взрослой птицы, питающейся нежным и удобоваримым мясом маленьких зверьков и птичек. Впрочем, дело не в том, если бы даже наш опыт над птенцом короткохвостого сорокопуда и не имел столь гибельных для него последствий, он не мог бы служить еще несомненным доказательством плотоядности всей породы потому, что многих совершенно насекомоядных птиц приучают к пище им несвойственной и кормят круто сваренными яйцами, бараньим сердцем, печенкою и пр., с которыми мешают *даже* растительную пищу; нас поражает одно: как плотоядная птица отказалась от мяса. Мы вскармливали птенцов разной величины и разных пород ястребов и обыкновенной *совы*, которые, как известно, никогда не питаются рыбою, но которые, бывши у нас, ели охотно этого роду пищу, если только рыба была очищена от чешуй и разрезана на продольные кусочки.

Короткохвостый сорокопуд гораздо менее серокопытки. У самца – верхняя часть головы рыже-желтоватая, брови и нижняя часть щек белые, чрез глаза проходит черное широкое пятно и закрывает собою верхнюю часть щек и ушки, зашеек и *спина* темно-оливкового цвета, но на первом у некоторых весьма заметен красно-*фио*летовый оттенок, хлуп и верхние хвостовые покрывала рыже-желтоватые, все хвостовые перья этого же цвета, с темными поперечными полосками и небольшою белесоватою оторочкою на концах. Горло белое, грудь бледно-оранжевая, *слабого тона*, брюхо и нижний хвостовые покрывала белесоватые, все перья крыльев темного цвета с белесоватою оторочкою, которая на кончиках почти белая; задние крыловые перья испещрены черными поперечными полосками; клев, плюсна и пальцы темного цвета, когти черноватые.

Самка отличается от самца, во-первых, тем, что ее грудь *нечистого охряного* цвета, *как и брюхо* и вместе с верхнею его частию и боками испещрена темными полукруглыми полосками, правильно расположенными, во-

вторых, что крыловые покрывала и задние плавильные перья темные, с рыжеватыми вокруг каемками, а передние плавильные перья темные, с белесоватою опушкою; наконец, верхние хвостовые покрывала темного цвета с рыжеватыми крапинками, а на плавильных, особенно с исподи, белесоватая оторочка явственнее.

У молодых, до первого линяния, вся верхняя часть тела рыже-желтоватая с темными поперечными полосками, крылья точно такого же цвета как ушки, брови и нижняя часть тела белесоватые, а грудь и *бока* покрыты правильными темноватыми полосками; глазное черное пятно очень узко и походит на полосу, идущую от основания клева чрез глаза до висков; цвет хвостовых перьев темный неопределенный, все они с белесоватою оторочкою; верхняя челюсть клева сверху и оконечность нижней темно-синеватые, края же первой и более половины от основания последней, белесоватые; плюсна и пальцы синеватые; когти черные[333].

Птенцы выходят из гнезд во второй половине июня[334].

Синонимия: Lanius brachyurus; Pied-grièche à courte *queue*; Короткохвостый сорокопуд.

Атлас, т. III – 7, 8 и 9. **[256, 257, 258]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 54
ПОРЯДОК III
(Insectivores)

Клев короткий или средней величины, прямой округленный, немного острый или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута и при конце с зазубринкою. При ее основании несколько жестких волосков, направленных вперед. На ногах четыре пальца и все они расположены на одной и той же плоскости, из трех передних – внешний соединен со средним или у самого основания, или до первого сустава.

МУХОЛОВКА
(Muscicapa)

Клев средней величины, угловатый, у основания широкий и сплюснутый, а к оконечности сжатый, твердый, согнутый, и у самого кончика с большею зазубринкою. Основание клева убрано жесткими волосками, направленными вперед и отчасти закрывающими ноздри, которые лежат по сторонам клева недалеко от его начала и имеют овальную фигуру; *плюсна* немного длиннее среднего пальца, но гораздо чаще одной с ним величины, из трех передних пальцев два боковые равны между собою и внешний соединен со средним у самого основания; *коготь* заднего круто согнут, первое плавильное перо весьма коротко, второе немного короче третьего и четвертого, которые длиннее всех прочих.

Знаменитый Гете, сравнивая кости ископаемого быка с костями домашнего, говорит, что значительные изменения, замечаемые в черепах этих животных, должно приписать различному образу их жизни, средствам отыскивать

себе пищу и пр. Многие Естествоиспытатели, следуя в основание этой мысли, приписывают влиянию стихии, в которой обитает какое бы то ни было существо, и способом, данным ему природою, поддерживать и развивать свое бытие, самые важные изменения наружной и даже внутренней организации. Без сомнения, их выводы и доказательства остроумны, глубокомысленны и правдоподобны, однако же, руководствуясь строгою истиною, едва ли можем мы сказать с полною несомненною уверенностию, что образ жизни необходимо производит в организации живых созданий видимые нами изменения, где найдем мы доказательства к опровержению обратного предположения, что внутреннее и внешнее устройство каждого творения определяет образ его жизни и выбор пищи? Надобно согласиться, что в этом случае наблюдения над перерождениями растений и домашних животных не уничтожают наших сомнений к точному познанию причин и следствия. Мы знаем только одно, а именно, что данному образу жизни всегда соответствует известное изменение Организации, что определенные формы наружных органов всегда согласуются с образом жизни и свойством пищи. Основываясь на этом факте и приняв в соображение, что питание есть главнейшее условие бытия и развития каждого из организированных существ, одаренных жизнию, многие естествоиспытатели разделяют зверей и птиц на порядки и роды по свойствам употребляемой ими пищи и по главным органам, служащим к добыванию и принятию ее. С первого взгляда такое распределение кажется очень просто и основательно, но как природа во всем и всегда разнообразна и от одной крайности идет к другой тысячью неуловимых оттенков, то и эта классификация, подобно другим, в свои разряды вводит многие исключения и подразделения. Кроме того, разграничение родов не имеет ни точности, ни определительности, от непостоянства главных родовых признаков, особенно в разряде насекомоядных птиц, которых гораздо более, чем хищных, зерноядных и других; роды лесничек и мухоловок служат тому разительным доказательством[335]. Вообще, при определении семейств и родов пернатого класса, Орнитологи руководствуются во-первых, наружною формою клева, потом числом, расположением и устройством пальцев, образованием и видом когтей, наконец, в каком порядке изменяется длина плавильных перьев. Точно так, как зоологи размещают зверей по числу и форме зубов, устройству, расположению и числу пальцев и когтей, но в каждой самостоятельной породе все эти органы подвергаются необходимо более или менее значительной перемене, отчего многие роды и даже семейства сливаются вместе. Таким образом, согласно с родовым определением, у всех мухоловок клев должен быть угловат, сплюснут и широк у основания, сжат, немного согнут и зазубрен при оконечности. Между тем, у некоторых пород этого многочисленного семейства клев так широк и сплюснут, что весьма походит на клев настоящих платерников[336], у других он узок, сжат и тонок, как клев лесничек, или толст, высок и плотен, как клев сорокопудов, отчего эти породы по наружным и важным признакам имеют такое сходство с породами означенных родов, что не знаем, к которому именно роду должно отнести их. Это не удивительно потому, что отклонение (от родового типа предположим его существование не действительное, а отвлеченное) есть необходимое условие индивидуальности самостоятельных пород, и чем будет более таких пород, тем должны быть значительно разнообразны и многочисленны подобные отклонения, тем труднее схватить общее их сходство, сблизить и определить частные различия и составить ясное, точное и притом краткое определение рода[337].

После этого нельзя обвинять ученых Методистов[338], раздробивших многочисленное племя мухоловок славного Линнея на множество новых отдельных родов. Сам Бюффон при всем отвращении к систематическим классификациям разделил мухоловок на два отдела по величине. Нельзя также обвинять орнитологов и за частые перемещения этих птиц из одного рода в другой. Не мудрено, если некоторые ученые смешивали больших мухоловок с платерниками, сорокопудами и дронеами, средних с батарами, муравенниками, вангами и котлигами, а маленьких с лесничками[339]. Природа вовсе не заботится о вымыслах нашего ума, она творит и, следовательно, разнообразит.

Мухоловки, как показывает это самое их имя, исключительно питаются крылатыми насекомыми, которых большею частию ловят налету, порхая беспрестанно около кустарников и деревьев. Водятся во всех странах Земного шара. Где только находятся насекомые, там, наверное, находятся и мухоловки, и, по наблюдениям Орнитологов, везде ведут жизнь кочующую. Ни одна страна не может считать этих птичек постоянными своими жильцами. Из умеренных стран обоих материков при наступлении стужи они удаляются к тропикам; в равноденственных – сообразно годовым переменам времени они или опускаются с высоких гор в долины, или из долин поднимаются на вершины гор. В Южной Америке при начале дождливого периода мухоловки вместе с другими перелетными птицами оставляют берега Ори*но*ко и Гвиану и прилетают на Антильские острова, с которых удаляются вскоре по наступлении засухи или правильнее – бездождливого периода.

Несмотря на природную живость своего нрава и резвость, эти птички почти все молчаливы. Немногие из них одарены звучным пением, живут большею частию уединенно и только во время любви показывают чрезвычайную привязанность друг к другу; тогда самец разделяет со своею подругою все труды насиживания и воспитания птенцов. Они беспрестанно и общими силами пекутся о сохранении своих малюток, всегда бывают вместе, и одна только необходимость искать пищу разлучает их друг с другом и то не надолго. По уверению некоторых писателей, привязанность мухоловок к их птенцам не имеет границ, она торжествует над инстинктом самосохранения, опасность угрожающая детям, внушает родителям невероятное мужество и дает им сверхъестественные силы[340]. Часто неприятель, превосходящий их величиною и силою, дорого платит за нарушение их спокойствия. Не успевая отражать ударов, наносимых с удивительным проворством, ловкостию и отвагою, он нередко лишается жизни вместе с храбрыми, но слабыми его противниками.

Многие породы мухоловок вьют свои гнезда на толстых ветвях высоких деревьев или в дуплах, другие привешивают их к кончикам тонких веточек, а некоторые помещают в расселинах скал и даже трещинах старых зданий; однако же последний случай встречается очень редко. В строении гнезда все вообще мухоловки не показывают особенного искусства: внешняя его ограда обыкновенно состоит из тоненьких прутиков, переплетенных былинками и волокнами разных растений, а внутренность уложена мягким пухом; самка несет от четырех до шести яиц.

Одни из мухоловок линяют два раза в течение года, другие только один. Обыкновенно после линяния наряд самца изменяется в цветах, но наряд самки почти всегда одинаков. Он большею частию скромен, прост и даже мрачен, тогда как у многих пород брачный убор самца блестит живыми и яркими цветами, и, кроме того, к нему прибавляются разного рода украшения –

хохолки, косички и пр. Однако же надо заметить, что как это относится к некоторым только видам мухоловок и принадлежит исключительно самцам, то такие украшения не считаются в числе родовых признаков.

Род мухоловок состоит из множества пород, обитающих во всех странах, как Нового, так и Старого света. Г-н Темминк для облегчения трудностей, необходимо встречаемых при изучении обширных семейств, отделил от мухоловок мушеролей, исключительно обитающих в равноденственных странах, и составил из них особенный род, которого признаки довольно определительны, несмотря на то, что мушероли имеют большое сходство с настоящими мухоловками.

СЕРАЯ МУХОЛОВКА
(Muscicapa grisea[341])

Клев: длина по ребру 0,7, от зевков 1,0, ширина у основания 0,65; голова 2,1; крыло 8,1; хвост: 5,3; плюсна: 1,2; пальцы: внешний 0,7, средний 1,0, внутренний 0,7, задний 0,6; когти: на внешнем 0,25, на среднем 0,35, на внутреннем 0,2, на заднем 0,35; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 12,6; первое плавильное перо очень коротенькое, второе немного короче третьего [и] четвертого, которые длиннее всех других, в хвосте двенадцать перьев, средний короче крайних, отчего хвост развилист.

Серая мухоловка принадлежит к маленьким породам своего племени, она весьма обыкновенна в Западной Европе, ее также нельзя назвать редкою птичкою и в Забайкальском крае Восточной Сибири, где она встречается очень часто в гористых местах, покрытых лесом. Живет она подобно другим мухоловкам уединенно и летает в одиночку. Появляется в первых числах мая, а отлетает в половине августа[342].

Одна живость и приятность движений этой птички вознаграждает простой и неказистый ея наряд, которого цвета тусклы и некрасивы. У самки верхняя часть головы, щеки, шея, спина и хлуп серо-оливковыя, довольно неопределенного тона, лоб рыжеватый, под клевом и на верхней части груди белое пятно, около глаз желтоватый кружок, грудь сероватая, с темными продолговатыми пятнышками, брюхо и нижние хвостовые покрывала белые, бока бледно-рыжеватые; этот цвет виден под горлом, на щеках и груди; крыловые покрывала и задние плавильные перья темно-серые с желтоватою опушкою; покрывала передних плавильных перьев и самые плавильные – черные, хвостовые верхние покрывала и плавильные перья одинакового цвета со спиною, но краешки последних несколько светлее; на темени несколько темноватых пятнышек, такими же пятнышками испещрены и бока. Верхняя челюсть клева и оконечность нижней, черноватые, а основание последней желтое. *Плюсны* и пальцы темно-оливковые с приметною желтизною, когти черные. У самца все цвета живее и определеннее, а на груди пять темных пятнышек. Молодые совершенно сходны с самкою.

Синонимия: серая европейская мухоловка; Muscicapa *grisola*; маленькая серая мухоловка[343]; *Gobe-mouche grise d'Europe.*

Атлас, тетр. III, рис. 5. **[259]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 57[344]

NB. Необходимо для 57 рода написать особенный заглавный лист[345].

ПОРЯДОК III
(Insectivores)

Клев короткий, или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный; верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед; на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости; из передних внешний соединен с основанием среднего, или присоединен к нему до первого сустава[346]. Род 57[347].

ЛЕСНИЧКА[348]
(*Sylvia*)

Клев тонкий, прямой, при основании *высота* его гораздо более ширины; верхняя челюсть очень часто на кончике с зазубриной; нижняя – прямая, ноздри лежат по сторонам подле основания, овальные и до половины закрыты перепонкой; плюсна длиннее среднего пальца, из трех передних пальцев внешний соединен со средним при основании, на заднем коготь невелик, но круто согнут. Крылья посредственной величины, сторожевое или первое плавильное перо очень маленькое, узкое и согнуто внутрь, второе равно шестому и короче третьего, третье немного менее четвертого и пятого, которые длиннее всех других; но у некоторых пород сторожевого пера почти вовсе не бывает, а второе и третье плавильные перья равны четвертому, или второе короче третьего, и равно пятому, а иногда седьмому. Хвост, состоящий из двенадцати перьев, обыкновенно прямой и ровный, редко округлый и клинообразный.

Желая облегчить изучение многочисленного рода лесничек, состоящего из множества различных видов, некоторые естествоиспытатели покушались разделить его на несколько отделов или групп, но признаки, на которых они основывали такое разделение, по своей сомнительности и сбивчивости, не могут служить надежным руководством в *столь* трудном предприятии как распределение смежных пород, почему новейшие орнитологи *устранив* бесполезное раздробление, принимают род лесничек, не разделяя его ни на какие отделения.

Почти всех лесничек можно считать поющими птицами; но многие из них в особенности замечательны разнообразием и необыкновенной приятностью своего пения; звучный и мелодический голос некоторых выше всякого подражания, его переливы изумительны и непостижимы. Леса и рощи составляют обыкновенное и любимое их жилище, отчего происходит и латинское название Sylvia, подражанием которого есть и наше; однако же между ними находятся и такие, которые весьма любят насекомых, обитающих около рек и ручейков, и потому постоянно держатся по берегам в кустарни-

ках, растущих на влажной почве и даже в камышах. Сообразно привычкам и образу жизни, леснички вьют гнезда или между ветвями средней высоты деревьев, или в густых кустарниках и в высокой траве или в расселинах стен, скал и древесных дуплах, или, наконец, на земле подле древесных пней и маленьких кустиков.

Немногие птицы показывают такую привязанность к своим птенцам и с такой заботливостью стараются о воспитании их, как леснички. Недаром кукушка доверяет им плоды своей любви, может быть, она уверена собственным опытом, что между другими птицами трудно найти столь нежных и попечительных родителей, которые бы, несмотря на слабость своих сил, употребили все средства выкормить прожорливого подкладыша как свое собственное дитя. Во время насиживания самец никогда не оставляет надолго свою подругу, он постоянно приносит ей пищу; услаждает скуку беспрерывным пением, а при появлении опасного врага старается всеми силами обратить его внимание на самого себя и удалить от гнезда, перепархивая с одной ветки на другую, виляя в разные стороны. Птенцов своих сначала леснички кормят некоторого рода кашицею из съеденных ими насекомых и подвергнувшихся уже пищеварительному действию их желудка. Эту кашицу они выбрасывают из рта подобно голубям. Потом начинают давать птенцам *личинок* и нимф, покрытых еще нежной кожицей, и, наконец, кормят их уже совершенными насекомыми и взрослыми гусеницами. Оперившиеся совершенно птенцы, покинув гнезда, долго еще не расстаются со своими родителями, которые по-прежнему продолжают ловить для них мух и другого рода насекомых.

Эти птички нравятся не блеском своего наряда, который вообще бывает достаточно прост, но приятностью своей наружности, живыми и привлекательными движениями. У некоторых пород самка почти одинакового цвета с самцом и мало чем от него разнится. У других, напротив, наряд самца несравненно красивее и блистательнее наряда его подруги, но как в том, так [и] в другом случае, различие замечается более всего в цвете горла и груди. Молодые до первого линяния обыкновенно отличаются от своих родителей цветом перьев; одни из них бывают испещрены пятнышками, которых нет ни малейшего следа у совершенно взрослых, другие не имеют этой пестроты в своем уборе, но цвета его тусклы, мрачны и неопределенны. После означенного линяния во многих породах оба пола весьма сходны с матерью и молодые самцы получают настоящие цвета, *перелиняв* вторично в следующую весну, почти через десять месяцев после рождения, а иногда даже через двадцать два месяца. Пестрота птенцов некоторых видов *лесничек* напоминает белые пятнышки, которые разнообразят ровный цвет шерстки молодых оленей, серн и других зверей, и которые французские охотники называют ливреей. Если бы естествоиспытателям удалось изучить подробно все изменения цветов от выхода птенца из яйца до совершенного развития во всех породах лесничек, то, вероятно, открылись бы признаки, по которым можно разделить этот многочисленный род на отдельные группы и, может статься, разделение его, придуманное знаменитым *Кювье*, вполне *бы* оправдалось.

Господствующие цвета в роде лесничек темный, оливковый разных тонов, сероватый, пепельный и каштановый различных оттенков; белый, желтый и зеленый, черный, красный, голубой и оранжевый довольно редки. Все

эти цвета, обыкновенно занимая более или менее пространства, лежат отдельно, не перемешиваясь друг с другом, и у немногих пород разнообразятся пятнышками, крапинками или полосками другого цвета.

Леснички водятся во всех частях света, но умеренные страны нашего материка они посещают на время при наступлении весны и, прогостив у нас лето, осенью снова удаляются к югу. Некоторые естествоиспытатели, и в числе их славный Бюффон, пишут, будто бы крапивенка (Sylvia troglodutes, Sylvia europea) и хохлатый или настоящий королек (Sylvia regulus) проводят зиму в некоторых местах Западной Европы, укрываясь от стужи в расселинах зданий и под кровлями жилых домов и питаясь замершими насекомыми, которых находят в трещинах стен и древесной коры. Может быть, это справедливо относительно тех мест Германии и Франции, в которых снега не глубоки и нет сильных и продолжительных морозов, что же касается до нашего отечества, то ни в Средней России ни в Малороссии[349]; где крапивинок очень много, нам никогда не случалось не только видеть эту птичку зимой, но даже мы не слыхали от весьма знающих охотников и любителей птиц, чтобы крапивенки и хохлатые корольки вели оседлую жизнь и зимовали в месте своего рождения, а это не могло бы ускользнуть от внимания самого беспечного и простого крестьянина, ибо крапивенки живут все лето в садах и даже в городах подле плетней, где растет высокая и густая трава. Они известны каждому мальчику, как своим пением, так и цветом своих перьев. Но как бы то ни было все породы лесничек, обитающих в Восточной Сибири, по ту и по эту сторону озера Байкала, птицы перелетные, все они исчезают при наступлении заморозков и появляются с возвращением весенней теплоты гораздо позднее пастушек, каменцев, пипи и других.

Из пород, обитающих здесь, нам известны настоящие леснички, пеночки, варакушки, красношейки, кузнечик или круглохвостый королек. Но весьма вероятно, в дремучих здешних лесах, кроме известных видов, находится много таких, которые водятся в Северной Америке, а может быть, и совершенно новых, еще никем не описанных. Мы имеем некоторые причины почитать наше предположение основательным.

ЛЕСНИЧКА
(Sylvia sylvicola[350])

Клев: 0,9; голова: 2,0; крыло: 5,7; хвост: 5,0; плюсна: 2,2; пальцы: внешний 0,7, средний 1,0, внутренний 0,7, задний 0,6; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 0,5; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 11,6; первое плавильное перо очень короткое и узкое, второе короче третьего, которое равно четвертому и пятому, самым длинным. Хвостовые перья от середины к краям постепенно уменьшаются, так что оконечность распущенного хвоста образует круговую линию, легко согнутую.

Эта маленькая птичка, столь же обыкновенная в лесах Восточной Сибири[351], как и в лесах, растущих в средней полосе России. Ее живые и приятные движения, быстрые и умильные взгляды, обнаруживают в ней резвый и веселый нрав, а продолжительное и разнообразное пение дает право думать, что природа одарила ее довольно сильным воображением. В самом деле, нельзя предполагать, что бы живые существа, в глазах которых,

кажется, читаем все страсти, их волнующие, были автоматы, действовали машинально, без сознания, без цели, ими самими избираемой, особенно когда для произведения действий необходимы усилия воли и памяти и когда к этим действиям побуждают их, кажется, не одни чисто физические потребности, но удовольствия высшего порядка. Нам случалось много читать об инстинкте животных, мы знаем наизусть почти все возражения против их разума и обдуманности действий; но никак не можем допустить, чтобы птичка строила с таким непонятным искусством свое гнездо, изменяла иногда его форму, сообразно местности и обстоятельствам, была так разборчива при выборе пищи для своих птенцов, пела без умолку в продолжении целого часа на разные тоны, без всякого участия во всем этом умственных способностей, и к звукам ею произносимым, к самопроизвольным своим действиям не присоединяла никакого смысла, не можем согласиться, что живое организированное существо управляется одними настоящими ощущениями и механическим возбуждением при понимании прошедшего. По нашему мнению, разум, так же как жизненное начало, разлит во всей природе, им одарены все животные в саморазмерности их потребностей, сообразно их организации. Где проявляется жизнь, там проявляется также и то, что разумеем мы под общим названием разума. Все существующее живет вещественной жизнью, которой явления происходят по законам физики и химии; но все чувствующее живет также жизнью нравственной. Явления этой последней жизни, кажется, выходят из области наук положительных, опытных, они принадлежат философии, в них проявляется самостоятельность существ отдельных, которые из страдательных становятся действующими и самопроизвольными действиями выражают внутренний образ своего бытия, оставляют следы своей *индивидуальности*. Но возвратимся к нашему предмету, к лесничке.

Наряд совершенно взрослой леснички не блестящ, но довольно красив; вся верхняя часть ее тела неясного зеленого цвета, от клева через глаза идет черноватая полоска, сгибающая[ся] к плечам, а сверх ее по бровям бледно-желтоватые, тоже легко согнутые; около глаз желтоватые перышки образуют правильный кружочек, ушки и щеки желтые, с неправильными пепельно-зеленоватыми струйками. Горло, зоб и грудь светло-желтые, но этот цвет, спускаясь от горла вниз, постепенно бледнеет и на брюхе переходит в белесоватый, бока груди пепельно-зеленоватые, а стороны брюха и нижние хвостовые покрывала бледно-желтые; крыловые и хвостовые перья темные, с широкой светло-зеленой опушкой, у последнего ряда крыловых покрывал кончики желтоватые, а у плавильных перьев белесоватые.

Верхняя челюсть клева длиннее нижней и при оконечности загнута, цвет ее темный, нижняя – прямая, темная. При основании клева видно несколько волосков, сидящих по сторонам и направленных вперед и вниз; плюсна, пальцы и когти изжелта-белесоватые.

Самка почти ничем не разнится от самца, только желтый цвет ее горла и верхней части груди очень бледен.

У молодых обоего пола вся верхняя часть тела иссера-темно-оливковая, весьма неопределенного тона, а горло и грудь белесоватые, с едва заметной желтизной, стороны груди серо-пепельные, а бока, брюхо и нижние хвостовые покрывала темно-рыжеватые; крылья и хвост темнее верхней части тела. Через глаза у них проходит тоже черноватая полоска, а сверх ее белесо-

ватая и глаза обведены белесоватыми кружочками. Такого цвета они бывают после первого осеннего линяния, а до того времени цвет их перьев гораздо темнее и неопределеннее, особенно на груди и брюхе. У молодых лесничек клев обыкновенно короче, обе его челюсти одинаковой величины, и верхние при оконечности не загибаются на нижнюю, плюсна и пальцы почти такого же цвета, как и у старых[352].

Лесничка живет обыкновенно в густых лесах и проводит большую часть дня на высоких деревьях, но гнезда вьет на земле, подле небольших пней и у корня небольших кустарников. Устройство его довольно любопытно: нижняя его часть расположена в небольшой ямочке, вырытой в земле и походит на гнездо других птичек, она свита из былинок и устлана внутри конскими волосками, верхняя – имеет вид круглого свода и плотно соединена с нижней таким образом, что кроме маленького отверстия, служащего входом, гнездо закрыто со всех сторон, и как сверху его набросаны сухие листья и мох, то весьма трудно сыскать его. Самка несет от четырех до пяти яичек, птенцы сначала бывают покрыты редким и довольно длинным пухом, в конце июня они выходят из гнезда совершенно уже оперившимися и начинают летать, не разлучаясь, однако же, со своими родителями[353].

С живостью и резвостью эта птичка соединяет примерную кротость нрава. Птенцы, которых мы нашли еще не совсем оперившимися, и выкормили сами, уживались со всеми другими бывшими у нас в то время птичками мирно, но в особенности обнаруживали сильную привязанность к золотистому подорожнику, так что, когда из четырех лесничек, выпустив трех, мы остановили одну, то вся ее привязанность устремилась к этому подорожнику, она беспрестанно ласкалась к нему, садилась всегда с ним рядом на одну ветку и спала, прижавшись к нему. Мы с намерением не раз разлучали их и замечали необыкновенную тоску с лесничкой. Она, *видимо*, беспокоилась, пищала жалобно. Наблюдая долго над нравами этих птичек, мы убедились, что они чрезвычайно смелы и доверчивы, новые предметы недолго пугают их, они скоро знакомятся и свыкаются с птицами других родов, никогда не начинают ссор и тотчас уклоняются от нападений.

Лесничка, как и почти все виды этого рода, необыкновенно резва, [что] можно назвать одушевленной вертлявостью. В течение дня она ни на минуту не остается в спокойном положении, беспрестанно летает, перепархивает с ветки на ветку, скачет сверху вниз или поднимается снизу вверх, сл*ет*ает на землю и опять летит на дерево; при каждом прыжке взмахивает крыльями, распускает хвост, приподнимает его, поворачивается на ногах то налево, то направо, одним словом, она остается без движения только во время сна. Тогда, обыкновенно, она поднимает перышки, наеживает их, прячет голову под крылышко и сгибает ноги, так что брюхом касается ветки, на которой сидит. В бодрственном состоянии она большей частью держит клев и хвост приподнятыми кверху, концы крыльев опустивши немного вниз, плюсны согнуты и широко расставлены, скачет быстро, делая очень большие прыжки[354].

Синонимы: Sylvia sibilatrix Bechst.; Sylvia sylvicola Lath.; Sylvia pouillot; Sylvicole; Seffleur.; Лесничка; Лесной королек[355], *Lesloi.*

Атлас, тетр. IV, рис. 1. **[265]**

ПЕНОЧКА
(*Sylvia trochylus*[356])

Клев 0,6; голова 1,4; крыло 5,2; хвост 3,7; плюсна 1,3; пальцы: внешний 0,7, средний 1,0, внутренний 0,7, задний 0,6; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 0,5, длина всей от оконечности клева до конца хвоста 10,3; первое плавильное перо узкое и очень коротенькое, второе короче третьего, третье немногим короче четвертого и пятого, которые длиннее всех других[357]. Все хвостовые перья одинаковой величины и при оконечности, которая закруглена, – несколько шире.

Пеночка, неутомимая певица, и так же резва и вертлява, как и лесничка, живет она большей частью в рощах и в лесочках по кустарникам, но нередко встречается однако же и в густых сосновых лесах. В Восточную Сибирь эти птички прилетают с юга не ранее первых чисел мая и снова оставляют здешний край с наступлением осени, в исходе сентября их уже вовсе не видать[358].

Пеночка не нарядна, верхняя часть головы, спина и хлуп у нее темного изсера-оливкового цвета, горло, щеки, ушки и грудь, брюхо и нижние хвостовые покрывала белесоватые с незначительной примесью желто-рыжеватого оттенка. Этот белесоватый цвет по сторонам груди и под крыльями переходит *в* нежный желтый. Крыловые покрывала и задние крыловые перья – темные, с зелено-оливковой оторочкой, передние плавильные и все хвостовые перья тоже темные, но со светло-буроватыми крапинками и белесоватыми кончиками; от клева через глаза проходит черноватая полоска, а по бровям бело-рыжеватая, глаза окружены кружочком такого же рыжеватого цвета. Маленькие перышки, покрывающие с исподи начало и сгиб крыла, светло-желтые, этот желтый цвет ярок и распространяется на бока тела и по сторонам груди.

Края верхней челюсти клева и основание нижней – желтые, а верх первой и кончик последней – темные. Плюсна, пальцы и когти черноватые, радужная плева, как обыкновенно, темного цвета[359].

Синонимия: Motacilla acredula Linn.; Motacilla trochilus Gmel.; Sylvia filis Bechst.; Sylvia trochylus Lath.; Sylvie pouillot; Le chantre Buff. Chasti; Пенка, Пеночка[360].

Атлас, тетр. IV, рис. 2. **[269]**

ВАРАКУШКА
(Sylvia svecica[361])

Клев 1,2; голова 2,2; крыло 7,1; хвост 5,6; плюсна 2,8; пальцы: внешний 1,0, средний 1,3, внутренний 1,0, задний 0,7; когти: на внешнем 0,2, на среднем 0,4, на внутреннем 0,2, на заднем 0,6; длина всей от оконечности клева до конца хвоста, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 15,2; первое плавильное перо, или сторожевое, очень коротенькое и узкое, второе короче третьего и равно пятому, третье равно четвертому, которое длиннее всех, пятое более шестого[362]. Хвостовые перья довольно длинные и все одинаковой величины.

В лесах и кустарниках, растущих по берегам и на островах Ангары[363], встречается очень много варакушек во все продолжение теплого времени

года. Тут, находя всегда обильную пищу, и для себя и для своих птенцов, они вьют свои гнезда, которые тщательно скрывают в густых перепутанных между собой и почти стелющихся по кочкам кустах разного вида спирей, кустарного могущика и других растений. Редко удаляются от избранного ими жилища на значительное расстояние, однако же для отыскивания гусениц и личинок, до которых весьма лакомы, они часто летают на близлежащие огороды и дворы, где растет крапива и другие высокорослые травы[364].

Супружеская и родительская привязанность варакушек весьма замечательна. Трудно представить беспокойство самца и все хитрости, употребляемые им для удаления человека от гнезда, в котором скрывается его подруга со слабыми еще малютками; нельзя выразить тоскливой заботливости родителей при виде охотника, настигающего их птенцов, уже оперившихся, но еще не способных к быстрому и продолжительному полету, какие усилия, сколько стараний, чтобы отвлечь внимание охотника от преследуемой им добычи, дать возможность утомленному птенцу избегнуть неминуемого плена. Смотря на варакушек в это время, можно подумать, что они желают отдать свои крылья и силу бедному их малютке и своей смертью спасти его свободу[365].

Наружностью, движениями и некоторыми привычками варакушка походит на лесничку, но отличается от неё и цветом своих перьев и величиной. У совершенно взрослого самца верхняя часть головы и спина изкрасна-темно-серая, зашеек темно-пепельный, хлуп и верхние хвостовые покрывала рыже-желтые; горло и ожерелье, идущее под ним, яркого голубого цвета с серебристым отливом, луночка, лежащая ниже горла под самым ожерельем, верхняя часть груди и бока желто-оранжевые, ожерелье отделено от желтого цвета груди большим черным пятном, имеющим вид полумесяца; нижняя часть груди и брюха белесоватые, а стороны брюха и нижние хвостовые покрывала – рыже-буроватые. От клева через глаза идет черноватая полоска, а по бровям бело-желтоватая, такого же цвета перышки окружают и глазные веки, ушки и щеки серо-желтоватые. Крыловые перья темные, почти без оторочки другого цвета, два средние хвостовые пера изкрасна- темно-коричневые, все остальные, от начала до середины, густого темно-оранжевого цвета, а от середины до конца, черные. Клев, плюсна и пальцы темные, почти черные, когти же совершенно черные. Основание клева убрано жесткими волосками, направленными вперед и к низу.

У годовалого самца горло белое, с небольшими голубыми усами по сторонам, подле которых лежат черные пятнышки, а голубое ожерелье окаймлено черной и белой полосками; верхняя часть груди и её бока желто-рыжие, а зашеек одинакового цвета с головой и спиной.

В наряде самки вовсе нет голубого цвета, ее горло и грудь белые без ожерелья с небольшим черным полумесяцем и маленькой на груди желтизной, верхняя же часть тела, крылья и хвост такого же цвета, как и у молодых самцов.

Птенцы до первого линяния походят на своих родителей только цветом хвостовых перьев, верхняя часть их головы и спина черные с продолговатыми довольно большими пятнышками желтого цвета, хлуп и верхние хвостовые покрывала рыже-желтые, крыловые перья черные с желтыми крапинками и кончиками. От клева через глаза проходит черноватая полоска, а по

бровям бледно-желтая; щеки и ушки желтые, с темными струйками, около глаз желтоватый кружочек. Горло и грудь бледно-желтые слабого тона, первое испещрено темными кривыми полосками и последняя продолговатыми черными пятнами. Клев желтый, исключая ребра верхней челюсти и кончика нижней, которая темного цвета; плюсна, пальцы и когти искраснабелосоватые[366].

Синонимия: Motacilla sulcica Gmel.; Sylvia cyanecula Meyer, Buff.; Sylvia sulcica Iinn.; Sylvie á Goegebleue, Gorge bleue; Крапивник[367], Варакушка.

Атлас, т. IV, рис. 3 и 4. **[267, 268]**

КУЗНЕЧИК. КРУГЛОХВОСТЫЙ КОРОЛЕК[368]
(*Sylvia locustella*[369])

Клев 0,9; голова 2,0; крыло 5,3; хвост: средние перья 4,2, самые крайние 2,9; плюсна: 1,4; пальцы: средний 1,4, внешний 1,0, внутренний 1,0, задний 0,6; когти: на среднем 0,3, на внешнем 0,25, на внутреннем 0,25, на заднем 0,6; длина всей от конца клева до оконечности средних хвостовых перьев 11,0; первое плавильное перо очень короткое и узкое, второе немного короче третьего и равно четвертому, третье длиннее всех. Из двенадцати хвостовых перьев два средних довольно длинны[370], все же следующие за ними от середины к краям значительно короче одни других, так что внешние почти в половину менее средних, отчего оконечность распущенного хвоста образует дугу весьма растянутого элипса, а сложенный хвост кажется клинообразным; широта хвостовых перьев не везде одинакова: у начала и при оконечности они уже, чем в середине, а кончики их почти заострены.

Многими из своих привычек кузнечик или круглохвостый королек походит на лесничку: он также держит голову, прижав к плечам, а клев и хвост, приподняв кверху, плюсны всегда очень согнуты, они тоже редко остаются в спокойном положении и проводит большую часть дня в движении, перепархивая с ветки на ветку или прыгая по земле и в кустарниках. Нрав этой птички кроток и миролюбив; она смела, доверчива и в ней не заметно дикости, свойственной почти всем лесным птицам. Она скоро свыкается с новыми птичками и даже привыкает к людям, к которым приближается без всякой боязни и берет пищу из рук. Изумление и страх кузнечик выражает обыкновенно суетливыми движениями и криком, причем поворачивается на ногах то в ту, то в другую сторону и взмахивает беспрестанно крыльями и совершенно распущенным хвостом[371].

В уборе полов находится довольно значительное различие: у самца вся верхняя часть тела покрыта черноватыми перышками с широкой по краям и кончикам оторочкой густого коричневого цвета с красноватым оттенком, эти перышки расположены таким образом, что вдоль головы, спины и хлупа образуют собой черные и коричневые продольные полоски. Горло и грудь светло-желтые, последняя испещрена довольно широкими длинными и почти сливающимися пятнами темного цвета, брюхо желтоватое, бока и нижние хвостовые покрывала рыже-буроватые с темными черточками; от клева к глазам идет темная полоска, цвет бровей немного светлее, а цвет щек и ушек гораздо темнее головы и спины, под клевом при начале горла желтый цвет весьма слаб, перышки, окружающие веки, светлее головных,

все крыловые перья, вообще черные с довольно широкой оторочкой такого же цвета как и спинные; хвост изжелта-*темный*, но края и концы его перьев немного светлее середины; верхняя челюсть клева сверху темная, а к краям желтая, нижняя – желтая, исключая кончика, который темного цвета; плюсна, пальцы и когти изкрасна-белесоватые.

Самка отличается от самца, во-первых, тем, что коричневый цвет верхних ее частей желтее и почти переходит в желто-оливковый, во-вторых, её горло, грудь и брюхо нечистого беловатого цвета без полосок и пятен; только под горлом темные крапинки, расположенные в несколько рядов, составляют род маленького ожерелья; бока и нижние хвостовые покрывала, как у самца, рыже-буроватые с темными черточками, хвостовые перья такого же цвета, равно в цветах клева и *ножек* нет никакой разницы[372].

Мы не знаем наверное водятся ли круглохвостые корольки в каких-нибудь местах России, но в Забайкальском крае их очень много, живут они обыкновенно в лесах и по перелескам в продолжении всего лета, а осенью улетают вместе с другими перелетными птицами в теплые страны, лежащие ближе к тропикам[373].

1838 года, в исходе сентября, после большого снега, нам принесли двух кузнечиков, которые, вероятно, отстали от стада и, спасаясь от стужи и голода, залетели в селение. Самку нашли на кусточках, растущих на дворе подле строения, это было поздно вечером. Найденная птичка была очень голодна и едва двигалась от изнурения и холода, но дня через два совершенно оправилась. На другой день после того погода была ясная, однако же холодная. Самец залетел сам в одну из комнат того же самого здания, близ которого нашли самку, он был тоже голоден, но гораздо бодрее и веселее самки. Обе эти птички скоро привыкли к новому вовсе не знакомому им образу жизни, к неволе, были веселы и сделались почти совершенно ручными. Мы держали их вместе с другого рода птичками в обширной комнате[374] и кормили азиатскими тараканами, которых они ели охотно. Вероятно, они прожили бы у нас до весны, если бы не лишились жизни от неосторожности служившего у нас человека.

Кажется, что самец был моложе самки, клев и плюсна были у него немного бледнее, а зевки не закрыты еще перышками. Кроме того, клев самки был несколько толще и верхняя челюсть загибалась на нижнюю небольшим крючком, а зевков нельзя было видеть за густыми перышками, их закрывавшими.

Латинское название этой птички, так же как и французское, дано ей по ее крику похожему на стрекотание травяной кобылки, или кузнечика. Вероятно, по той же причине в некоторых местах Забайкальского края называют ее кузнечиком[375].

Синонимия: *Silvia locustella. Lath., Buff.; Sylvie locustelle, Locustelle;* Круглохвостный королек, кузнечик.

Атлас, тетр. IV, рис. 5. **[264]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 59. 1848 г.
ПОРЯДОК III
(*Insectivores*)

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешней соединен с основанием среднего, или присоединен к нему до первого сустава.

КАМЕНИЦА
(*Saxicola*)

Клев прямой, тонкий, при основании широта его несколько более высоты, ребро приподнято и надвинуто на лобовую кость; оконечность обеих челюстей шилообразна, у верхней она приметно загибается вниз. При основании клева видны волоски, направленные вперед; ноздри лежат по сторонам верхней челюсти подле основания овальные и вполовину закрытые перепонкою. Плюсны ног обыкновенно очень длинные; из трех передних пальцев внешний своим основанием соединен со средним; задний коготь короче пальца, но очень круто согнут. Первое плавильное перо значительной длины, но *короче* второго, второе гораздо короче третьего и четвертого, которые длиннее всех остальных.

Темминк замечает, что каменицы по сходству своему с некоторыми мухоловками и с каменными дроздами, составляют переход от первых к последним и соединяют оба эти рода вместе без заметного промежутка. Однако же в своей системе ученый орнитолог поместил род каменицы между родом лесничек и родом кустарок, на которых они походят несколько и наружностию, и некоторыми привычками. Это служит новым доказательством справедливости того, что сказали мы выше и очень вероятно придется нам упомянуть еще не раз впоследствии, а именно: все усилия ученых-естествоиспытателей расместить бесчисленные творения природы систематически в линейном порядке останутся навсегда безуспешными. Изменение форм так велико, сочетания их так разнообразны и многочисленны, что по необходимости почти все существа должны иметь и имеют между собою сходство некоторыми из наружных или внутренних органов, и в одном случае приближаться друг к другу, и удаляться в другом друг от друга. По непреложным законам творения все существа между собою сходны, как развитие одного и того же типа, и все они чем-нибудь разнятся друг от друга, как безконечные изменения этого типа. Без сходства не существовало бы общности в творении, согласия и целости, без различия не было бы индивидуальности. Совершенное, безусловное сходство в строгом смысле, уничтожает число, уничтожает жизнь.

Знаменитый Линней, глубоко изучивший трудности классификации, справедливо сказал, что лестница или цепь творения – пустая химера разго-

ряченного воображения, что расположить творения природы в последовательном линейном порядке нет никакой возможности. Их размещение можно скорее уподобить Географической карте, на которой изображенные Государства смежны друг с другом не одинаковым числом областей, городов и селений. В самом деле, если бы разделить какой-нибудь класс животных или растений на роды, состоящие из самых близких пород, разместить их в неправильные фигуры, смежные друг с другом неодинаковым числом сторон и углов, означающих переходные виды, то без сомнения такая классификация была бы самая естественная, но вместе с тем и самая трудная как для составления, так и для изучения[376]. Правда, наглядное учение помогало бы нашему уму следить за переходами смежных пород, замечать общие сходства многих родов и придавало бы средства нашей памяти скорее и вернее удерживать все различия и сходства, которые можно открыть в видах, принадлежащих различным группам. Но для этого надобно много трудов, много усилий и стараний. Неудивительно, что до сих пор ни один еще ученый не пытался осуществить идею Линнея. Подобное предприятие требует не только обширных сведений, глубокой учености, но и обширных вещественных средств. Это вековой труд, которого нельзя ожидать от частых усилий одного человека, как бы он учен и даровит ни был, только многочисленное общество ученых одушевленное любовью к истине, руководимых светом философии, действующих согласно, может своими трудами пояснить сколько-нибудь взаимную связь творений, и, следя за бесконечными изменениями первоначального типа, разместить произведения природы в порядке, который приблизился бы к идеалу естественной классификации.

Мы сказали выше, что в наружности каменицы есть некоторое сходство с наружностию многих насекомоядных птичек других родов. Почти тоже можно сказать об их привычках и нравах.

Каменицы вообще недоверчивы, живы в своих движениях, часто опускают и подымают хвост, взмахивают крыльями, бегают по земле скоро, делая большие прыжки, в чем помогает им длина их плюсн. Они преимущественно живут в местах открытых, сухих и каменистых; чаще встречаются на горах между скал, чем по опушке лесов и по берегам рек, между кустарниками и на небольших деревцах. Это не лесные жильцы, в середине густого леса никогда не встретишь каменицы. Некоторые породы даже очень редко садятся на ветки кустарников и деревьев, хотя могут держаться на них очень хорошо. Может статься длина плюсны мешает им держать долго в равновесии их тело[377].

Каменицы питаются исключительно насекомыми, которых ловят, или, гоняясь за ними по земле, или налету, вспархивая с возвышенности или ветки, на которой сидят. В искустве *ловить* свою добычу, они не уступают ни мухоловкам, ни лесничкам.

Сколько известно, ни одна порода этих птичек не вьет гнезд под открытым небом, а всегда помещает их в местах, закрытых сверху и [с боков][377а]. Таким образом, некоторые каменицы гнездятся в трещинах скал, между кореньями старых пней, другие – на утесистых берегах рек, в норах, оставляемых шершнями или какими-нибудь зверьками, вырывавшими себе жилище в земле и даже под кровлями опустелых зданий. Самка несет от шести до семи яиц светло-зеленого или зеленоватого цвета, иногда с красноватыми крапинками. Острый конец этих яиц вообще очень притуплен, так что они по-

ходят несколько на овал. При выходе из яиц, птенец бывает покрыт длинным, но весьма редким пухом, который скоро сменяется вырастающими перьями до первого линяния, бывающего осенью. Молодые совершенно различаются от своих родителей цветом перьев. После этого линяния молодые самцы походят на самок и в следующую только весну получают настоящие цвета.

Каменицы линяют однажды в течение года и линяние не производит никакой перемены в цветах их наряда, однако же весенний убор этих птичек значительно отличается от осеннего. Такое изменение цвета без перемены перьев происходит оттого, что в продолжении лета от беспрестанного движения, от трения о листья и стебли трав и кустарников, нежные кончики перышков совершенно обиваются, и как эти кончики почти всегда бывают не *одноцветны* средины перовых *бородок* и составляют или оторочку около пятен, или, закрывая их, тускнят цвет, то осенний наряд, когда кончики перьев обсекутся, становится единообразнее и цветистее.

Господствующие цвета в наряде каменицы: черный, белый, темный и рыже-желтый различного тона и силы, изголуба-пепельный, оливковый и каштановый встречаются реже. Многие из известных пород представляют постоянно одинаковое размещение черного и белого цвета на крыловых и хвостовых перьях, так что его можно считать родовым признаком.

В умеренных и холодных странах нашего полушария, каменицы ведут жизнь *перелетную* и в местах, пользующихся ровным и умеренным климатом, их гораздо более, чем на севере и юге.

Все известные доселе породы каменицы принадлежат старому материку. В Америке не найдено еще ни одного и кажется, что в Азии и Европе их более, чем в Африке, несмотря на то, что обитающие в этой части света ведут там жизнь почти оседлую.

БЕЛОХВОСТИК. КОЧЕЧНИК[378]

(*Saxicola oenanthe*[379])

Клев 1,4; голова 2,4; крыло 9,4; хвост 5,3; плюсна 2,9; пальцы: внешний 1,2, средний 1,6, внутренний 1,0, задний 0,9; когти: на внешнем 0,35, на среднем 0,5, на внутреннем 0,3, на заднем 0,7; длина всего от оконечности клева до конца хвостовых перьев 15,0; на задних крыловых покрывалах и при – крыльях белого пятна нет; хвостовые перья, от начала до двух третей всей своей длины, белые.

Белохвостик, называемый в некоторых местах Забайкальского края пастушком[380], самая обыкновенная птичка во всех гористых местах, встречаемая так же нередко по каменистым берегам рек и на возделанных полях. Полет его быстр, легок, но непродолжителен и не очень высок. Садясь на земляную почву или на камешек, белохвостик держит голову и тело почти в прямой линии с вытянутыми плюснами, часто поднимает и опускает хвост и быстро нагибает всю переднюю часть тела, потом с такою же скоростию принимает первое положение, причем взмахивает крыльями, не отделяя начала их от плеч, и поет, или свистит, оставаясь редко в спокойном положении. Эта птичка беспрестанно перепархивает с одного места на другое или перебегает легкими и довольно широкими прыжками. Высматривая насекомых, она наклоняется низко и прижимает голову к телу; отдыхая, ложится

брюхом на землю и прячет голову между плеч; на древесные ветви садится весьма редко и никогда не остается на них долго.

Самец, совершенно взрослый, отличается от самки. Лоб, брови, грудь, брюхо, хлуп и хвостовые перья его чистого белого цвета; верхняя часть головы, зашеек и спина изголуба-пепельные, от начала клева чрез глаза проходит черная полоска, которая расширяясь за глазным орбитом образует продолговато-круглое пятно, закрывающее ушки; по сторонам шеи и груди заметен легкий оттенок живого рыже-желтого цвета; начала крыльев, несколько перышков крыловых покрывал, лежащих к спине и прикрыльях, совершенно черные, прочие же крыловые перья темного цвета с едва заметною белизною; на кончиках хвостовые перья, от зорки до двух третей, белые; остальная же их часть черного цвета. Клев и плюсна черные; радужная плева глаз темного цвета.

У самки лоб, брови, хлуп, хвостовые покрывала и брюхо белые; верхняя часть головы изрыже-оливковая с небольшими темными черточками; зашеек и спина желто-оливковые неопределенного тона; горло, стороны шеи и грудь желто-рыжеватые, от клева чрез глаза идет темного цвета полоска и на ушках расширяется в продолговатое пятно; перышки, покрывающие начала *крыла* и все другие крыловые перья, черноватые с белесоватыми краешками и кончиками; начало хвостовых перьев белое, оконечности черные, с малозаметною опушкою белесоватого цвета, клев, плюсна и радужная плева такого же цвета, как у самца.

Молодые после первого линяния отличаются от взрослых самок тем, что цвет верхних частей гораздо краснее, на горле и груди рыже-желтоватый цвет теряет желтый оттенок и кажется красноватым; оторочка же крыловых перьев рыже-желтоватая.

Птенцы обоих полов до первого линяния еще более отличаются от своих родителей; верхняя часть головы, ушки и спина светло-оливковые с темными пятнышками, правильно расположенными; горло и грудь бледно-рыжеватого цвета; последняя испещрена темными полосками, брюхо, хлуп и хвостовые покрывала белые, на хлупе тоже видны темные пятнышки, крыловые перья черноватые, с рыжею оторочкою, начало хвостовых перьев белое, оконечность черная с рыжеватою оторочкою; *радужная плева* глаз бледного темного цвета, почти серая; клев изкрасна-желтоватый с темным ребром и оконечностию. Плюсны тоже изкрасно-желтоватые, они темнеют с возрастом и после первого линянья становятся густого темного цвета[381].

Эти каменицы вьют свои гнезда в трещинах старых древесных пней, стоящих на открытых местах, в трещинах скал и даже в норах, оставленных зайцами и джитбурою[382]. Самка несет до шести яиц, очень притупленных к *тонкому* концу, *зеленоватого* цвета без крапинок, и птенец выходит из яиц около средины Июня[383].

Маленькие птенцы очень скоро привыкают к рукам и даже становятся докучливыми, требуя беспрестанно пищи, но они так же скоро приобретают природную недоверчивость и осторожность и становятся пугливы и *дики,* как скоро найдут средство обойтись без чужой помощи. Кажется, белохво*стики* не могут долго быть в неволе. Те, которых воспитывали мы, при наступлении осени оказывали необыкновенное беспокойство, особенно когда были отлучены от других птичек; они просыпались рано, беспрестанно летали на окна и смотрели сквозь стекла. Между тем, как мы хотели дать им

свободу, они долго не решались вылететь за отворенное окно и с удивлением поглядывали вокруг себя, кричали и приседали по своему обыкновению, чтоб заставить вылететь, надобно было их выгнать насильно.

Белохвостик водится также в гористых местах Средней, *Южной* и даже Северной Европы, но у европейских два средние хвостовые пера во всю длину черные; у всех же виденных нами в Восточной Сибири, по ту сторону Байкала, начало всех хвостовых перьев было белое, с тою только разницею, что от средины хвоста к краям белый цвет постепенно распространялся, и на крайних занимал несравненно более пространства в длину, чем на средних. Без сомнения, такое незначительное отличие не заслуживает особенного внимания; однако же нельзя не упомянуть о нем потому, что, сколько нам известно, его невозможно считать случайным, он принадлежит, кажется, не некоторым только индивидуям, но целой породе белохвостиков, обитающих в Восточной Сибири[384]; впрочем мы можем и ошибаться. По замечанию орнитологов, птицы, живущие постоянно в местах чрезвычайно сухих, доступных свободному течению воздуха и во все продолжение дня освещаемых солнцем, представляют чаще других случайные варианты.

Синонимия: *Saxicola oenanthe Bechst., Motacilla oenanthe Gmel., Retz., Sylvia oenanthe Lath.; Le moteux vitrel, Cute-blanc Buff.; Traquet moteux; Каменка, Кочечник, Белохвостик, Пастушок.*

Атлас, тетр. V, рис. 4, 5, 6 и 7 **[271–274]**

КАМЕНИЦА ЧЕРНАЯ[385]
(Saxicola rubicola)

Клев: по ребру 1,0, от зевков 1,4; голова 2,1; крылья 6,5; хвост 4,9; плюсна 2,3; пальцы: внешний 0,8, средний 1,4, внутренний 0,3, задний 0,7; когти: внешний 0,3, средний 0,4, внутренний 0,3, задний 0,5; длина всего от оконечности клева до конца (хвостовых перьев 11,9; от оконечности же клева до конца) когтя на среднем пальце то же 11,9; первое плавильное перо коротенькое, второе гораздо короче третьего, а третье почти одинаковой длины с четвертым, которое длиннее всех остальных; крыловые покрывала и начало задних крыловых перьев белые; хвост средней длины, все его перья у зорок белые.

Летом до осеннего линяния у старого самца голова, горло, *щеки* и зашеек густого черного цвета, которого *тон* на плечах и спине *несколько слабеет* от несовершенно обив*шихся еще* кончиков перьев. *Стороны* шеи, хлуп, нижние и верхние хвостовые покрывала чистого белого цвета, брюхо тоже белое, но белый его цвет не совсем чист; грудь и бока яркого желто-рыжего цвета. Крыловые покрывала, лежащие к спине, и начало задних перьев крыла белые, от него на крыльях образуется довольно большое пятно этого цвета, все же другие крыловые перья черные с едва заметною белесоватою оторочкою, хвостовые перья тоже черные, но от зорки[386] почти до трети своей длины они накось с обеих сторон белые, так что, когда птичка распускает хвост, то у его начала видна белая лучистая звездочка; клев и плюсна черные, радужная плева темного цвета.

Годовалый самец отличается от старого только тем, что желто-рыжий цвет на груди занимает менее пространства и составляет на этой части тела почти круглое пятно значительной величины; бока же одинакового цвета с брюхом.

После осеннего линяния оконечности перышков, покрывающих горло, зашеек и спину, бывают окаймлены широкою рыжею оторочкою; цвет же груди гораздо бледнее от белесоватых кончиков ее перьев, исподняя часть тела весьма слабого охряного цвета, опушка *крыловых* перьев шире и явственнее, кончики хвостовые рыжеваты.

У самки верхняя часть головы и спина покрыты темными перышками с оторочкою охряного цвета; горло и стороны шеи белесоватые, брови рыжеватые, ушки испещрены мелкими темными струйками, грудь и бока рыжежелтоватые слабого *тона*, брюхо, хлуп и нижние хвостовые покрывала *белые, верхние же хвостовые и крыловые рыжие,* перья *темного* цвета с охряною оторочкою, только несколько перышек на крыловых покрывалах и начало задних крыловых перьев чистого белого цвета. Этим только одним самка походит на самца, клев и плюсна черные.

Птенец при выходе из гнезда до первого линяния мало походит на своих родителей; в это время вся верхняя часть [его][386a] тела бывает покрыта темно-сероватыми перышками с маленьким белесоватым пятнышком на кончиках[387].

Черная каменица водится более в местах гористых, по кустарникам и на опушке небольших рощиц; в долинах она встречается гораздо реже и ее не видишь вовсе в местах сырых и болотистых. В своем путешествии по Сибири, Паллас говорит, что эта птичка весьма обыкновенная во всех березовых рощах, начиная от Уральского хребта до Иртыша, и вьет гнезда под срубленными деревьями в норах оставленных мышами и сусликами; но он не упоминает, что черные каменицы так же обыкновенны по берегам и на островах Ангары, гнезда свои помещает в расселинах скал под кучами каменьев и между кореньями кустарников, растущих на сухих местах[388]. Самка несет до шести яиц иззелена-белесоватых с рыже-желтыми крапинками. Птенец выходит из гнезда в половине июня[389].

Этот вид каменицы живет в многих странах Европы и Азии. По свидетельству некоторых жителей, черных каменицы много в Японии.

Синонимия: *Saxicola rubicola Meyer, Motacilla rubicola Gmel., Motacilla maura Pall., Motacilla tischecantscha Gmel.; Le traquet Buff.; Черная трясогузка, Черная каменица, Moteux traquet Vieill* [390].

Атлас, тетр. V, рис. 1, 2 и 3. **[275, 276, 277, 278]**

ЗАРНАЯ КАМЕНИЦА[391] ЗИМЦЕРЛА[392] (*Saxicola aurorae*[393])

Клев: по ребру 1,3, от зевков 1,9; голова 2,0; крыло 7,6; хвост 6,9; плюсна 2,4; пальцы: внешний 1,0, средний 1,4, внутренний 1,0, задний 0,7; когти: внешний 0,3, средний 0,4, внутренний 0,3, задний 0,5; длина всего от оконечности клева до конца хвостовых перьев 14,7, от оконечности же клева до конца среднего когтя тоже 14,7; первое плавильное перо довольно короткое, второе короче третьего, третье немного короче четвертого, четвертое и пятое самые длинные; начало задних и средних крыловых перьев чистого белого цвета, хвостовые перья довольно длинные и все одной величины, средние из них совершенно черные, крайние рыжеоранжевые.

Наружностию зарная каменица походит на черную, но наряд ее гораздо цветистее; у самца, достигшего полной зрелости, лоб и брови белесоватые, темя и затылок пепельного цвета, горло, ушки и щеки покрыты черными перышками с темно-пепельными крапинками; перья покрывающие плечи и спину тоже черные с широкого темно-коричневою опушкою, грудь, хлуп, верхние хвостовые покрывала и вся нижняя часть тела желто-оранжевого, довольно яркого цвета, все крыловые перья черные с белесоватою оторочкою, исключая задних и средних плавильных, *которые* от зорки наискось чистого белого цвета, отчего на сложенном крыле этот цвет составляет большое почти треугольное пятно; два средние хвостовые пера от начала до конца совершенно черные; все же остальные густого рыжего цвета и только у крайних внешние бородки при оконечности черные.

Наряд самки прост и единообразен, голова и спина у нее почти ровного темного каштанового цвета, хлуп и верхние покрывала хвоста рыжеватого, нижняя часть *тела* гораздо светлее верхней, но вовсе не цветист; хвост и крылья такого же цвета как у самца, но рыжий цвет первого тусклее, а у последних оторочка не так явственна, однако же белое, *крыловое пятно* также велико и чисто, как и у самца.

У молодых все перышки, покрывающие голову, зашеек, горло и ушки, темно-пепельные, с маленькими желтоватыми пятнышками на концах, цвета груди, спины, нижних частей крыльев и хвоста почти так же, как у взрослых самцов, только в них нет *ни той яркости, ни той силы.*

У самок и самцов клев, плюсна, пальцы и когти черные, а радужная плева глаз темного цвета[394].

Кустарники и небольшие лесочки, растущие на каменистой и сухой почве по берегам и островам рек, составляют любимое жилище зарных каменицы. Нам нигде не случалось видеть такого множества этих птичек, как вдоль каменистых берегов Селенги и Хилка[395], поросших тальником и разного рода кустарниками, однако же они не редки и в прибрежных лесочках Ангары. Вероятно, Палласу не случилось видеть зарной каменицы по сю сторону Байкала и потому он считал ее птичкою, исключительно принадлежащею Забайкальскому краю и полагал, что она водится только от устья Селенги до Китайской границы. Мы не можем сказать утвердительно, перелетает ли зарная каменица границы Восточной Сибири, но, по всем вероятностям, она даже не спускается вниз по Ангаре до Енисея[396].

Судя по образу жизни и главным родовым признакам, эту птичку, кажется, должно считать настоящею каменицею, а не береговою или *мухоядною* лесничкою, несмотря *на отсутствие белого цвета* на хлупе и при начале хвостовых перьев, и *на некоторое сходство ее наряда с нарядом краснохвостки и степного соловья*[397].

Синонимия: *Motacilla aurorae Pall, Saxicola aurorae, Зарная трясогуска*[398], *Зарная каменица, Зимцерла.*

Атлас, тетр. V, рис. 8. **[279]**

ПОРЯДОК III
(Insectivores)

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 60[399]

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешний соединен с основанием среднего, или присоединен к нему до первого сустава.

КУСТАРКА[400]
(Accentor[401])

Клев средней длины, плотный, прямой, остроконечный; края верхней и нижней челюсти с боков сжаты, при оконечности первой небольшая зазубринка. Ноздри лежат у основания клева, совершенно открытые и проняты в широкой перепонке. Ноги крепкие, из трех передних пальцев внешний при основании соединен со средним; коготь заднего пальца длиннее других и согнут гораздо круче. Первое плавильное перо очень мало, второе почти одинаковой длины с третьим, которое длиннее всех других.

Родовые признаки кустарок многим орнитологам кажутся недостаточными для обозначения самостоятельности отдельного рода; по этой причине четыре вида, из которых Кювье и Темминк составили род кустарок, в некоторых классификациях, все еще остаются между породами какого-нибудь из соседственных племен. По убеждению нашему в искусственности всех ученых метод, распределяющих организованные существа на порядки, роды и отделения, мы считаем бесполезным входить в исследование – можно или нет по данным признакам род кустарок признать самостоятельным и особенным? Однако же думаем, что Кювье и Темминк, собрав в одну особенную группу породы более или менее сходные наружностию и нравами и причисляемые прежде к лесничкам, пастушкам, дроздам и даже к скворцам, принесли существенную пользу орнитологии составлением этой новой группы; они облегчили изучение как пород собранных ими вместе, так и племен, от которых отделили эти породы. Многочисленность и разнообразие видов принадлежащих к семействам лесничек и дроздов, чрезвычайно затрудняют определение и познание их. Поэтому разделение этих семейств на особенные группы, состоящие из пород, имеющих значительное между собою сходство и отличающихся чем-нибудь от других сродных им видов, почти необходимо для успехов наших познаний. Без сомнения, введение новых родов имеет свои невыгоды, однако же такие невыгоды более чем вознаграждаются уменьшением трудностей, которые мы встречаем в изучении произведений природы, их связи и взаимных отношений.

Трудно сказать, чем нравы кустарок разнятся от нравов лесничек и каменниц, и что они имеют с ними общего. Из немногих пород, составляющих эту группу, известнее всех альпийская кустарка (Accentor alpinus Temm), обитаю-

щая в гористых местах Западной Европы. По замечаниям некоторых наблюдателей, эта птичка не боится стужи, и в умеренных странах ведет жизнь оседлую, летает всегда парами и только во время сильных бурь собирается в значительные стада; зимою, оставляя высокие горы, она спускается в долины, где ищет защиты, от непогоды и за недостатком насекомых питается зернами и семенами растений. Лесная кустарка или пестрая (Accentor modularis) известна гораздо менее, она встречается далее к северу, в умеренных странах, тоже ведет оседлую жизнь, и в продолжении сурового времени года довольствуется ягодами и семенами растений; некоторые места Франции посещает только зимою и при наступлении весны оставляет их. Нравы и привычки двух остальных пород пригорной кустарки (Accentor montanellus) и каллиопы (Accentor calliope)[402] почти неизвестны; та и другая водятся в Восточной Сибири, но очень обыкновенны также и на Крымском полуострове.

Из столь недостаточных сведений о нравах двух пород едва ли можно вывести какое-нибудь положительное заключение о нравах остальных, тем более, что они живут в странах, которые по своему географическому положению имеют весьма различные климаты. Однако же, приняв основанием чрезвычайное сходство наружной организации, Темминк изобразил главные черты, отличающие группу кустарок от других близких ей групп, следующим образом: "Кустарки менее чувствительны к непогодам и переменам температуры, чем каменицы (Saxi*cola*) крапивники (Troglodytes), корольки (Regulus) леснички (Sylvia), они, кажется, ищут мест более прохладных и особенного рода пищи. Насекомые не составляют их единственную пищу, они питаются также зернами и семенами растений и довольствуются ими одними в продолжении зимнего времени. Летом кустарки живут на высоких местах Альпийских и других гор, а на зиму спускаются в долины и обыкновенно не предпринимают переселений в страны теплые. В наряде полов почти нет никакого различия, молодые тоже цветом перьев походят на совершенно взрослых, и они линяют только однажды в течение года. При помощи крепкого и довольно толстого клюва они разбивают твердую оболочку семян, которыми питаются зимою. К это*му* некоторые писатели прибавляют, что кустарки начинают вить гнезда очень рано, одни из них помещают свое гнездо в извилистых трещинах скал, другие же в лесах между густыми кустарниками. Самка несет от пяти до шести яиц зеленоватого или голубо-лазоревого цвета без крапинок.

По словам ученого, на которого мы недавно ссылались, все различие осеннего наряда каллиопы от летнего состоит в том, что красные перышки, покрывающие горло этой кустарки, осенью бывают окаймлены широкою белою опушкою. Собственные наблюдения позволяют нам прибавить, что в это время года и другие цвета ея наряда совсем сходны с летними[403]; относительно же наряда других кустарок ни один орнитолог не упоминает, чтобы в нем с переменою времени года происходило какое-нибудь изменение. С перваго взгляда это обстоятельство кажется незначительным, и, может статься, немногие найдут его достойным исследования, однако же для ума любознательного в изучении природы нет ни одной причины, как бы ее следствия не казались маловажными, которая бы не заслуживала внимания, не имела прав на объяснение. Орнитологи принимают за доказанный факт, что все кустарки линяют однажды в течение года – осенью, следовательно, если летний их наряд отличается чем-нибудь от осеннего, то это различие,

происходящее без помощи линяния, не иначе может быть объяснено, как предположением, что их перья от действия света, воздуха и от трения о листья и стебли растений теряют свою свежесть. Такое объяснение основано не на одних догадках, его можно смело назвать заключением, выведенным из точных наблюдений. У птиц, живущих в свободном состоянии, легко отличить новые, свежие перья от устаревших; первые упруги, плотны и более или менее лоски[404], бородки их крепко сцепляются одна с другою, в оконечности цельные и ровные[405]; последние, напротив, лишились уже части своей упругости, их бородки не имеют прежней цепкости и плотности, между ими видно множество скважин, все их кончики обсеклись. Признав такое изъяснение перемены наряда без линяния справедливым, надобно согласиться, что в этом случае изменение цветов должно обнаруживаться скорее и быть заметнее у тех птиц, которых перья имеют кругом оторочку более или менее широкую и цвета, противоположного цвету средин[406]. Но перья кустарок если не все, то по крайней мере большая их часть с такою оторочкою; почему же наряд одних изменяется сообразно временам года, а в наряде других нельзя заметить никакой значительной перемены? По замечаниям Темминка можно принять общим правилом: "что у птиц, обитающих на юге Европы, цвета брачного или летнего наряда всегда бывают живее, чище и определеннее, чем у тех, которые живут в северных странах этого материка, особенно, если их перья окаймлены серою или белесоватою опушкою; ибо действие света и воздуха гораздо сильнее на юге и несравненно слабее на севере. А как птицы, прилетающия на север в брачном наряде, не совсем теряют кончики бородок, составляющих опушку вокруг пера, то и их цвета не так ярки и чисты, и более или менее отличаются от цветов тех птиц, у которых эта опушка совершенно обсеклась".

Принятое нами изъяснение о перемене наряда без линяния, подкрепленное этим замечанием голландского орнитолога, должно относиться особенно к европейским кустаркам. Таким образом, горло альпийской кустарки, покрытое темными перышками с белою оторочкою, летом, кажется, должно быть ровного темного цвета как горло каллиопы, в это время *года* бывает совершенно алое без малейших следов белой опушки; перья же верхних частей тела и груди, потеряв серо-пепельную опушку должны сделаться темными. В наряде лесной кустарки должна произойти такая же перемена после потери пепельной оторочки, которою окаймлены почти все перья этой птички; господствующими цветами должны оставаться темный и темно-рыжеватый. Однако же ничего подобного не замечено у этих двух видов, ведущих почти оседлую жизнь в умеренных и даже некоторых теплых странах Западной Европы. Трудно поверить, чтобы изменение наряда таких обыкновенных птиц, как альпийская и лесная кустарки, могло ускользнуть от пытливого ума европейских орнитологов. Нельзя также отрицать, что близкие породы, несмотря на различие видовых признаков, всегда имеют много общего, и перемена наряда, происходит ли она от настоящего линяния, или потери оконечности передовых бородок, должна бы, кажется, у всех обнаруживаться одинаково. Если же в этом отношении между близкими породами случаются исключения, то их надобно приписать особенным условиям местожительства и образа жизни, которые ускоряют, замедляют или совершенно удерживают действие причин производящих такую перемену. Поэтому можно полагать, что при одинаковых условиях местности и об-

раза жизни, наряд альпийских кустарок и лесных подвергается такой же перемене, какую мы замечаем в наряде каллиопы, обитающей гораздо ближе к северу. Определить с точностию – какое различие находится между условиями тех мест, в которых они обитают, невозможно. Итак, по необходимости остается прибегнуть к догадкам, основанным на несходствах, замеченных в образе их жизни и в нравах. Две европейские породы кустарок ведут жизнь оседлую, как, по крайней мере, не совершают ежегодно отдаленных путешествий. Две сибирские, без всякого сомнения, принадлежат к числу перелетных птиц этого края и расстояние ими пролетаемое, особенно каллиопою, очень значительно. Кажется, нельзя считать невероятным предположение, что у перелетных птиц, переселяющихся два раза в течение года из холодных стран в теплые и обратно, от большого движения, действия воздуха и света на перья увеличиваются, и оконечности перовых бородок обсекаются скорее и более, тогда как у остающихся оседлыми, перья сохраняют почти всю свежесть, несмотря на то что эти птицы живут ближе к югу, где действие воздуха и света сильнее чем на севере. Таким образом, одним из условий к необходимых для изменения осеннего наряда каллиопы без линяния должны принять ее переселение в теплые страны юга и возвращение оттуда на север. Вероятно, оседлая жизнь лесной и альпийской кустарок, способствуя сбережению перьев, предохраняет их наряды от значительных изменений; но если бы эти птички обитали в Восточной Сибири и ежегодно предпринимали два далеких путешествия, их наряд подвергался бы тоже значительной перемене.

Сверх того, основываясь на том, что пишут о европейских кустарках, должно думать, что они нрава угрюмого, тогда как каллиопа по своей живости и вертлявости очень походит на варакушку и на других резвых лесничек. По словам Драпье, в зимнее время альпийские кустарки очень смирны, доверчивы к людям и даже в них можно заметить какую-то глупость; почти тоже самое говорит Бюффон о лесных кустарках, которые по его наблюдениям не имеют той живости, которою так замечательны все вообще леснички (Fauvettes). Нрав этой птички, при*бав*ляет он, кажется, участвует в холоде и оцепенении сурового времени года, в которое она появляется в наших местах. Очень может быть, что резвость и беспрестанные движения каллиопы тоже содействуют потере оконечностей ее перьев, а тихость нрава, или леность европейских пород служат к сбережению их наряда.

Относительно пригорной кустарки (Accentor montanellus), сведения наши очень ограничены, но между описанием Палласа и описанием Темминка можно заметить различие, которое дает право полагать, что первый видел эту птичку в осеннем наряде, а последний в летнем, когда оконечности перовых бородок обсеклись. В описании пригорной кустарки, составленном Палласом, сказано: "черный цвет перьев, покрывающих ушки, лежит на седоватом поле, вся нижняя часть тела бледно-желтая, грудные же перья при основании темного цвета"; а в описании Темминка: "ушки покрыты черными перышками, вся исподняя часть тела цвета изабеллы, грудь испещрена темными пятнами, бока же темно-красноватыми".

Кустарки, обитающие в Восточной Сибири, при наступлении зимы, удаляются на юг и, вероятно, довольно далеко, а не остаются в здешнем крае, как остаются альпийская и лесная в умеренных странах Европы. Если бы эти последние жили в Сибири, то, вероятно, и они при здешних суровых и снежных

зимах по необходимости вели бы тоже кочевую жизнь. Может статься, альпийская, которая живет в Японии, посещает некоторые места Восточной Сибири, а каллиопа залетает иногда на западный берег Северной Америки. Однако же орнитологи почитают кустарок исключительно принадлежащих Европе и Азии, в других частях света до сих пор не встречали таких видов, которые бы сколько-нибудь походили на европейских и азиатских.

КАЛЛИОПА[407]
(Accentor calliope)

Клев: по ребру 1,2, от зевков 2,0; голова 2,3; крыло 7,6; хвост: средние перья 5,8, крайние 5,0; плюсна 3,2; пальцы: внешний 1,3, средний 1,7, внутренний 1,2, задний 1,0; когти: внешний 0,3, средний 0,5, внутренний 0,3, задний 0,7; длина всей от оконечности клюва до конца средних хвостовых перьев 15,7, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 15,7; размах крыльев 21,5. Первое плавильное перо[408] очень короткое, второе немного короче третьего, третье почти равно четвертому, которое длиннее всех других, пятое одной величины с третьим. Величина хвостовых перьев от середины к краям нечувствительно уменьшается, отчего оконечность хвоста округлена. Плюсны покрыты сплошной роговой плевой, на которой немного выше начала пальцев насечки образуют чешуйки.

Паллас первый познакомил европейских ученых с этой птичкой, он встретил ее на берегах Енисея во время путешествия по Восточной Сибири и описал под именем каллиопы, может статься, звучность и приятность ее пения подали мысль ученому путешественнику дать ей имя одной из обитательниц древнего Парнаса. Можно думать также, что греческим словом каллиопа, означающим красивошеея, красивогорлая, он хотел указать на видовой признак, который прямо бросается в глаза и по которому легко отличить эту породу от всех других ей близких: мы говорим о блестящем алом цвете, украшающем ее горло и составляющем резкую противоположность с простотою остальных цветов наряда. Как бы то ни было, восточно-сибирская кустарка[409] в обоих случаях имеет полное право удержать за собой классическое имя, данное ей Палласом, и надобно иметь особенное пристрастие к отечественным названиям, чтобы решиться заменить его каким-нибудь местным, бог знает какого происхождения, как например, чили. К тому же услуги, оказанные естественной истории ученым и неутомимым путешественником, по нашему мнению, вменяют нам в обязанность сохранять свято следы умственных его трудов, которые нисколько не противоречат успехам науки. Переменить родовое название вследствие новых открытий и наблюдений бывает часто необходимым, но редко встречаются важные причины, побуждающие видовое имя уже введенное в употребление заменить новым.

Осенний наряд каллиопы не цветист, верхняя часть ее головы, щеки, стороны шеи, спина, хлуп и верхние хвостовые покрывала изжелта-темно-оливковые; пространство между основанием клюва и глазами черноватое; брови и довольно широкие и длинные полоски, идущие от нижней челюсти клева по сторонам горла белые; последние сверху и снизу окаймлены черноватыми каемками. Крыловые и хвостовые перья темно-черноватого цвета с желто-оливковой оторочкой, которая у крыловых покрывал и плавильных

перьев переходит в желто-красный цвет; на концах больших крыловых покрывал небольшие треугольные пятна почти совершенно желтые. Грудь, бока и нижние хвостовые покрывала нечистого желтоватого цвета, середина брюха белая. Эта ненарядность вознаграждается прекрасным цветом горла, которое покрыто маленькими перышками блестящего алого цвета с белой вокруг опушкой, довольно широкой. Клев темный, у его основания видны маленькие волоски направленные вперед; плюсна и пальцы искраснатемно-желтоватые, когти черные.

Весной и летом в цветах наряда этой птички замечается значительное различие, которое кажется должно приписать потери перовых оконечностей, как сказали прежде, а не двухкратному линянью, ибо по всей вероятности каллиопа, подобно всем другим кустаркам линяет однажды в год. От времени ее появления, что случается обыкновенно в начале апреля, до исхода июля, верхняя часть тела гораздо темнее, желто-оливковая опушка крыловых и хвостовых перьев становится тусклее, и в ней можно заметить рыжеватый оттенок; грудь темно-оливковая, брови и белые полоски, спускающиеся от нижней челюсти по сторонам клева, удерживают прежнюю чистоту цвета; но черноватые черточки, которыми окаймлены эти последние, делаются шире, явственнее и чернее. Точно так же темный цвет полоски, идущей от основания клева к глазам, переходит почти в совершенно черный, а на перышках, покрывающих ушки, появляются четыре длинные, но узенькие полоски темного цвета. Горло и перед шеи покрыты алыми перышками без белой опушки, цвет их ярок, ровен и блестящ; узенькая черная полоска, которою обрамлен алый цвет, отделяет его от начала груди и сторон шеи. У каллиоп, которых держат в клетках и после осеннего линяния, алые перышки горла не имеют белой опушки и все вообще цвета их наряда походят на летние; сверх того в цветах, особенно в алом, нет ни той свежести ни того блеска, которыми обращают на себя внимание наши птицы, живущие на свободе, в каком бы они наряде ни были, в осеннем или в летнем. Кажется, это должно приписать стесненному положению неволи, недостатку полного света и чистого воздуха. Лишившись свободы, при самом старательном присмотре, птица подвергается многим лишениям для нас незаметным, но для нее очень чувствительным, ее перья дрябнут[410] и обсекаются прежде, чем достигнут полного развития[411].

По собственным наблюдениям мы еще не знаем, какое различие в цвете перьев производит различие пола и возраста. По словам Палласа, горло молодых каллиоп бывает покрыто белыми перышками без малейших следов алого цвета. В своей систематической таблице европейских птиц второго издания Темминк говорит: "У самки горло и передняя часть шеи бело-розовые, со слабым алым оттенком по сторонам, и не отделены от смежных с ними частей черной каймой; черта, идущая от основания клева к глазам серая; брови узенькие, тусклого белого цвета, так же как и полоски, спускающиеся от нижней челюсти вниз по сторонам горла; грудь серо-оливковая; у молодых же самцов горло и перед шеи светло-розовые, а иногда красножелтоватые"[412].

Мы часто видим двух каллиоп, которые пойманы прошедшей весной и живут уж более десяти месяцев в неволе. В их наружности, величине и привычках нельзя заметить никакого различия, наряды их тоже одинаковы, исключая цвета горла, которое у одной пунцовое, а у другой желто-красное

довольно тусклого тона. Звуки их голоса совершенно сходны, но последняя поет громче, а первая тише; обе они смирны и доверчивы к людям, однако же желтогорлая, кажется, смелее. Вот чем ограничивается все различие, которое можно было заметить при самом тщательном наблюдении над двумя каллиопами в течение нескольких месяцев[413]. Несмотря на то, здешние птицеловы считают их принадлежащими к двум постоянным видоизменениям, из которых одно живет в лесах, а другое в полях Восточной Сибири[414] и хотя единственным признаком для определения этих видоизменений служит изменение красно-алого цвета в желто-красный, но этот признак так надежен, что руководствуясь им никогда нельзя ошибиться; желтогорлые – настоящие жилицы лесов никогда не встречаются в полях, тогда как красногорлые, избегая лесов, постоянно живут в местах совершенно открытых; по этой причине первые называются лесными и поют лучше, последние полевыми и голос их слабее. Может статься, мы ошибаемся, но, по нашему мнению, это разделение на видоизменения по месту жительства не имеет ничего основательного. Весьма естественное и обыкновенное изменение красно-алого цвета в желто-красный невозможно принять постоянным признаком местных вариантов, обитающих в одной и той же стране почти друг подле друга с той только разницей, что одни избрали своим жилищем леса, а другие поселились в полях. Можно сказать утвердительно, что мысль будто бы эта порода кустарки разделяется на два особенные племя, различающиеся как образом жизни, так и цветом горла, есть заблуждение, основанное на случайном совпадении обстоятельств, нисколько не зависящих друг от друга. Вероятно, каллиопа с красно-алым горлом была поймана или встречена первый раз в поле, куда, подобно многим другим птицам, прилетела искать насекомых и где скорее, чем в лесу, можно заметить каждую птичку, тогда как первая каллиопа с желто-красным горлом попалась в неволю в какой-нибудь роще. Повторим еще раз – разделение каллиоп на лесных и полевых – заблуждение, которое, как и все другие заблуждения наши, происходят от природной и похвальной наклонности человека отыскивать причину каждого явления не согласного с принятыми; но к сожалению с этим уважительным желанием почти всегда соединяется другая склонность, менее счастливая для наших знаний: опрометчивость и поспешность схватиться за первое самое легкое и простое объяснение и принимать его за удовлетворительное, не входя в дальнейшие исследования и поверки[415].

Случайные варианты, вообще, встречаются чаще постоянных. Между птенцами, вышедшими из одного гнезда, не раз случалось видеть такое различие в цвете перьев, которое гораздо значительнее, чем переход яркого красного цвета в тусклый желто-красный; что же касается неодинаковой силы голоса, чтобы убедиться, как обыкновенно бывает такое различие между птицами одной и той же породы, достаточно вспомнить о зябликах, воспитываемых охотниками до певчих птиц; некоторые из них по звучности голоса, неутомимости и скорости пения считаются истинным чудом, в то время как другие, воспитанные вместе с ними, не могут даже сравняться с теми, которые выросли и живут на свободе.

К этому отступлению привело нас замечание Темминка о наряде молодых самцов, у которых, по его словам, горло бывает иногда бледно-розовое, а иногда желто-красное, поэтому в заключение прибавим еще одно наше замечание касательно этого предмета. В 1842 году, в середине июня, у нас бы-

ла каллиопа, пойманная в небольшом леску, с которой мы сняли рисунок[416]. Горловые ее перышки, у основания нижней челюсти были белые, но яркий очень чистый желтый цвет окрашивал их оконечности, следующие за ними были все блестящего красно-алого цвета. Этот случай дает право алый цвет каллиопы считать соединением двух цветов – красного и желтого, но переходы из одного тона в другой тех цветов, которые называют составными, очень обыкновенны в природе; мы беспрестанно видим их на лепестках цветочных коронок, на крыльях бабочек и на перьях птиц. Нельзя сказать, какие именно причины производят эти изменения, однако же они случаются так часто, что никто не станет сомневаться в их возможности и нередко даже на них не останавливается наше внимание[417].

Наружностью, веселым нравом и живостью своих движений каллиопа очень походит на некоторых лесничек (Sylvia). Подобно им она редко остается в спокойном положении, беспрестанно бегает по земле, делая большие прыжки, или порхает с ветки на ветку. Как во время движения, так и в покое она также прижимает голову к плечам, приподнимает клев и хвост кверху и сгибает ноги, на которых иногда вдруг приподнимается, вытягивают шею и дает телу почти вертикальное положение. Находясь в неволе, каллиопы часто купаются и несколько раз в день входят в воду; впрочем, может статься, к этому принуждает их стесненное положение заключения. На свободе птица беспрестанно движется в чистом воздухе, который касается всех ее перьев и освобождает их от пыли и вредных насекомых ее беспокоящих, поэтому она чувствует гораздо менее потребности в купании и купается реже, чем находясь в заключении, особенно тесном[418].

Восточносибирские кустарки, по всей вероятности, ведут жизнь кочевую и вместе с другими перелетными птицами при первых заморозках оставляют здешний край; по крайней мере, сколько мы знаем каллиопы не встречают в зимнее время даже в бесснежных местах Забайкальского края. Главную пищу этой птички составляют насекомые, но легко может быть, что она подобно европейским кустаркам питается также и семенами некоторых растений, в неволе ее кормят свежими и сушеными личинками муравьев.

Мы заметили, что она охотно ест домашних мух, азиатских тараканов и яичный желток, кажется, эта пища ей невредна, так же как и крошки белого хлеба, которые она ищет сама. Говорят, будто бы охотники к муравьиным личинкам примешивают зерна конопли, очищенные от шелухи, и каллиопа, обманутая почти одинаковым цветом и сходной формой тех и других, клюет все без разбора[419].

Паллас полагал, что каллиопа водится по тальникам, растущим на берегах ручейков, текущих с гор, начиная от Енисея до Лены. Основываясь на таком определении границ лесного ее жительства мы сначала думали, что эта птичка посещает южную часть Восточной Сибири пролетом во время периодических переселений с севера на юг и обратно. В последствии времени собственные разыскания убедили нас, что она проводит лето во всех гористых местах Нерчинского, Верхнеудинского и Иркутского округов[420], любит преимущественно берега речек и ручейков, покрытые густыми кустарниками и небольшими деревьями. В продолжении теплого времени года поет громко и приятно не только по зорям, но даже ночью, некоторые из звуков ее пения походят на трели соловья. Вероятно, это сходство подало

мысль жителям некоторых мест Забайкальского края назвать ее сибирским соловьем. Во время пения она всегда сидит на ветке кустарника или дерева, а находясь в неволе на прутиках, служащих насестом, на которых проводит ночь как большая часть лесных птиц и, если ее нельзя назвать настоящей лесной птичкой, то нельзя также считать и полевой[421].

Каллиопа водится не в одной Восточной Сибири, Паллас нашел ее также на Крымском полуострове, а после него эту птичку не раз встречали в южных губерниях Европейской России и, если верить словам некоторых писателей, то одна каллиопа была застрелена даже в окрестностях Москвы[422]. Темминк получил из Японии много образчиков этого вида кустарки, которых по свидетельству голландских ученых, посещавших Японию , там очень много и они не различаются от крымских ни величиной, ни цветом. Однако же в Восточной Сибири, кажется, эти птички гораздо обыкновеннее, чем в Крыму и в Южной России. Во время лета их встречают на всем Камчатском полуострове и даже в Чукотской земле при устье Анадыря, куда, по замечаниям особ, заслуживающих полное доверие[423], эти птички прилетают в последних числах апреля. Нельзя не удивляться такому раннему прилету каллиоп под 66-й градус северной широты, когда знаем, по собственным наблюдениям, что в местах, лежащих между 51-м и 52-м градусом, они появляются не ранее исхода марта[424], следовательно, менее, чем в тридцать дней они пролетают четырнадцать градусов и, приняв градус, содержащим в себе 104,5 версты, делают в сутки с лишком 48 верст. По расположению крыловых перьев и мягкости их бородок кажется, эта птичка не способна к быстрому и продолжительному полету. Итак, должно думать, что одно постоянство ее воли и неутомимость крыловых мускулов вознаграждают недостаток силы и скорости полета и помогают ей в такое короткое время совершить такой дальний путь. Наш расчет пролетаемого пространства в течение дня основан на предположении, что птица избирает самый кратчайший путь, то есть летит всегда по прямой линии. Но на деле этого никогда не бывает, по необходимости она беспрестанно изменяет направление своего полета, уклоняется в стороны, описывает кривые линии и ее настоящий путь можно представить ломанной линией, состоящей из множества кривых и прямых линий. Таким образом, пролетаемое пространство гораздо значительнее означенного нами[425].

Переселения этой кустарки в страны полярного круга очень любопытны и, по нашему мнению, заслуживают внимания наблюдателей. Мы не знаем наверное, зимуют ли европейские каллиопы в Крыму, как зимуют там их соплеменницы, пригорные кустарки (Accentor montanellus), или вместе с другими перелетными птицами переселяются на противоположный берег Черного моря и спускаются далее к югу. Однако же, судя по климату южной части Крымского полуострова, можно думать, что каллиопы остаются иногда в этом месте зимовать, не перелетая за 44 градус северной широты. Напротив того, переселения восточносибирских каллиоп, по-видимому, гораздо значительнее. Есть причины полагать, что они удаляются на зиму в места, лежащие между 44-м и 40 градусом северной широты в средние части Китая и на остров Едо или даже проводят это время года между 40-м и 30-м градусом в Японии, в Корее и в других местах, соответствующих этой широте. Мы уже сказали выше, что каллиопы водятся в Японии, где, вероятно, они очень обыкновенны, потому что получили от японцев особенное видовое

название. К сожалению, еще неизвестно с точностью, живут ли эти кустарки там постоянно или прилетают туда только на зиму. Несмотря на эту неизвестность, можно, однако же, предположить, что при своих периодических переселениях из юго-восточной части Китая или из Японии в Камчатку и обратно, они следуют по берегам Охотского моря или перелетают через острова Едо и Курильские, лежащие не в дальнем расстоянии друг от друга и почти в прямой линии между Нипоном и южной оконечностью Камчатского полуострова. Те же, которые проводят лето в бассейнах Ангары и Лены, без сомнения, переселяются вдоль берегов речек и ручейков, текущих к северу и к югу на пространстве, разделяющем летнее их место жительства от зимнего[426].

Не принимая возможности за действительность, из этих предположений мы можем вывести следующие заключения: в летнее время в Восточной Сибири каллиопы встречаются на пространстве, содержащем в себе около 16 градусов северной широты и почти 90 градусов восточной долготы. Если допустить, что все они зимуют на юге под одной широтой, то некоторые из них в течение года должны посвящать около пяти месяцев путешествию и только семь месяцев вести жизнь оседлую; другие, напротив, употреблять на переселения с небольшим два месяца и оставаться оседлыми более девяти, потому что пространство, пролетаемое первыми, вдвое больше того, которое пролетают последние. По нашему мнению, основание этого вывода ошибочно, и мы находим более вероятности в предположении, что если каллиопы проводят лето на пространстве 15 градусов северной широты, между 51-м и 66-м, то они могут зимовать, занимая такое же пространство, между 45 и 30 градусом. Летние жилицы полярных стран не летят под одну широту с теми, которые посещают умеренные страны, а всегда отстают от них на столько градусов на сколько были впереди, таким образом те и другие пролетают одинаковое пространство. Из двенадцати месяцев года одинаково уделяют четыре на переселения, а восемь – на временную оседлость, с той только разницей, что одни, может статься, должны оставлять места своей родины ранее и возвращаться в них позднее.

Синонимия: Accentor calliope Mihi, Temm., Motacilla calliope Pall., Gmel., Turdus calliope Lath., Turdus kamtschatkensis Gmel., Accentor calliope Temm.; Каллиопа; Сибирский соловей, Чили, Подкрапивник с красной вставкой[427]. **[280, 281]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ
РОД 61
ПОРЯДОК III
(Insectivores)

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешний соединен с основанием среднего, или присоединен к нему до первого сустава.

ПАСТУШЕЧКА
(Motacilla)

Клев прямой, тонкий, шилообразный, цилиндрический, между ноздрями угловатый; ноздри лежат по сторонам клева при его основании овальные и до половины закрыты голой перепонкой; плюсна вдвое длиннее среднего пальца, из трех передних пальцев внешний своим основанием соединен со средним, коготь заднего пальца всегда гораздо длиннее когтей передних пальцев. Хвост длинный, ровный и горизонтальный, он состоит из двенадцати перьев, сторожевого или первого плавильного пера вовсе нет, а второе немного короче третьего и четвертого, которые длиннее всех следующих за ними, прикрылья так длинны, что закрывают совершенно конец сложного крыла.

Имя под которым, вообще, известна у нас в России эта птичка, имеет почти тот же смысл, как и французское (Hoche-queue), которое дает им ученый орнитолог Вейлло, то и другое есть, вероятно, перевод или подражание латинского родового названия Motacilla, оба они довольно удачно обозначают характеристическую привычку птичек этого рода беспрестанно качать длинным хвостом, поднимая его вверх и опуская вниз, но, к сожалению, наше общеупотребительное родовое название весьма жестко для слуха людей образованных и неприятно в произношении. Французское имя введенное в естественную историю г. Вейлло, если передадим его русским словам качало-хвост*ка, хвосто-качалка*[428], имеет весьма важный недостаток – не благозвучно, и новость составного слова. Это заставило нас отказаться от родового названия, выражающего с большей или меньшей точностью латинское слово (Motaci*lla*) и заменить его простым и точным переводом французского имя (Bergeronnette) пастушечка, которое некоторые писатели дают всем видам описываемого здесь рода без исключения. Без сомнения, принятое нами название, намекая на привычку некоторых только видов сопровождать постоянно пасущиеся в лугах стада, не может характеризовать целого рода, или лучше сказать, весьма естественной группы, которую составляют различные породы пастушечек, но, по крайней мере, оно не оскорбляет самого разборчивого слуха, легко и приятно для выговора, что приносит не малую пользу успехам наших познаний.

Знаменитый Кювье, приняв в соображение различную кривизну и длину когтя заднего пальца, разделил род пастушек на два отделения с особенными учеными наименованиями. Типом первого взял он обыкновенную серую пастушку; типом второго весенницу или луговую пастушку. Гласный и, может быть, единственный признак, по которому можно узнать виды, относящиеся к первому отделению, заключается только в следующем: задний коготь согнут и короче или не длиннее пальца. Между тем, как у вид*ов*, принадлежащих ко второму отделению, задний коготь вытянут, легко согнут и равен или даже длиннее заднего пальца. Хотя подобное подразделение может быть полезно для размещения видов, однако же перемена имени кажется вовсе лишней, ибо почти все пастушечки имеют между собой чрезвычайное сходство как наружностью так и привычками. Сверх того, этот род не слишком многочислен, он содержит в себе менее двенадцати видов, и подразделять его на отделение с особенными наименованиями, ни мало не облегчает изучение. Как бы то ни было, мы всем птичкам этого рода по примеру г-на Драпье даем обозначение пастушечек.

Пастушечки водятся во всех странах земного шара. Их встречают в Европе, Азии, Африке, в Северной и Южной Америках, и в Австралии. И как они живут под всеми широтами без исключения, то многие из них ведут жизнь совершенно оседлую, между тем как другие ежегодно совершают правильные переселения с юга на север, и с севера на юг. Из Европы, Северной Азии и Северной Америки они обыкновенно отлетают в середине или в конце осени и возвращаются назад при наступлении теплых весенних дней.

Нрав пастушечек миролюбив, они почти всегда летают небольшими стадами и проводят ночь все вместе в каком-нибудь избранном ими месте. К людям, вообще, показывают доверчивость и если их не трогают, то они становятся очень *смелы* и доверенность их принимает вид дружества. Нежная внимательность к птенцам, уже совершенно оперившимся, служит неоспоримым доказательством, что родительская любовь у пастушечек постоянна и продолжительна. Нередко случается видеть всех членов семейства, летающими всегда вместе до самого отлета.

Хотя эти птички очень редко садятся на деревья, на ветках которых удерживаются с величайшим трудом[429], однако же некоторые породы живут по большей части около ручейков и озер, осененных небольшими деревьями и кустарниками, другие, напротив того, любят открытые и болотные берега рек и озер, низменные луга и, вообще, места влажные, где всегда находят множества мелких насекомых.

Гнезда вьют в трещинах скал, в береговых укреплениях около мостов, на уединенных берегах рек в густой и высокой траве, и даже на кровлях жилых зданий. В постройке гнезд, *не*смотр*я* на её простоту, видно *много* искусств*а*. Основание и стороны их бывают обыкновенно сплетены из тоненьких сухих былинок, моху, листочков и других подобных веществ, внутренность же тщательно устилается белыми конскими волосками, равно согнутыми, перепутанными и скрепленными между собой. Самка несет от четырех до шести яиц, некоторые большей частью зеленоватого цвета с черноватыми или красноватыми пятнышками, однако же у некоторых пород они совершенно белые с небольшой примесью красноватого или зеленоватого цвета.

У совершенно взрослых пастушечек наряд полов не имеет почти никакого различия, и, хотя некоторые орнитологи говорят будто бы самец в брачном наряде щеголеватее своей подруги, однако же это сомнительно. По крайней мере, в породах, очень хорошо известных нам и наблюдаемых нами в течение нескольких лет, мы не заметили ничего подобного, между тем как птенцы их до первого линяния, и даже после него, значительно отличаются от своих родителей и настоящие цвета получают во время перелета. Некоторые факты заставляют нас думать, что второе линяние продолжается во время развития птенца и совершается медленно и постепенно. Может статься, это было главной причиной ошибки естествоиспытателей относительного числа пород.

Главные цвета, принадлежащие этому роду птичек суть следующие: голубоватый, пепельный и оливковый, *различных* силы тона и оттенка; белый, желтый и черный; рыжий; темно-красный и темно-желтый очень редко.

Надобно заметить, что походка почти всех насекомоядных и зерноядных птичек всегда состоит из более или менее значительных прыжков, все они,

переменяя места, не ходят и не бегают, а скачат. В этом случае пастушечка подобно пипи и жаворонкам совершенно отличается от настоящих лесных птичек и приближается к береговым и полевым. Их походка весьма походит на бег куличков, *куропаток* и перепелок.

СЕРАЯ ПАСТУШЕЧКА
(Motacilla cinerea[430])

Клев: по ребру 1,1, от зевков 1,3; голова 1,8; крыло 9,0; хвост 9,0; плюсна 2,3; пальцы: внешний 1,0, средний 1,5, внутренний 1,0, задний 0,9; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,5, на внутреннем 0,4, на заднем 0,8; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 18,8, от оконечности клева до конца когтя среднего пальца 13,5; сторожевого или первого плавильного пера нет, второе же длиннее всех следующих за ним, прикрылья широкие и так длинны, что закрывают конец сложенного крыла, средние хвостовые перья черные, а два крайние с каждой стороны белые и только при начале внутренние их бородки наискось черноватого цвета.

Почти во всех местах Восточной Сибири, серая пастушечка самая обыкновенная из летних птичек, которую можно видеть во всякое время дня, с раннего утра до позднего вечера около рек, озер, на огородах и дворах селений. Везде, где только летают насекомые, там, наверное, встретим и ее, бегающую по земле, за кружащимися над влажной почвой мошками, или отыскивающей в траве личинок и нимф[431]. Живые движения, беспрерывное качание хвостовых перьев, легкий и быстрый бег, доверчивость и смелость, соединенные с кроткостью, придают *ей* неизъяснимую прелесть, которая заставляет забывать простоту и скромность ее наряда.

Цвет перьев этой пастушечки некрасив; лоб, щеки, горло и брюхо у нее белые; спина и хлуп изголуба-пепельные, на зашейке большое черное пятно, которое, начинаясь на половине темя, спускается до самой спины. На груди, под горлом, находится тоже черное большое пятно, имеющее вид полумесяца. Все крыловые перья черные, с белой оторочкой, которая у крыловых покрывал, задних плавильных перьев и прикрыль*ев* очень широка. Хвост длинный и ровный, средние его перья черные, а два *крайние* по обе стороны белые. Клев, пальцы и когти черные, ирис глаза темного цвета, почти черного[432].

Самец и самка одинакового цвета, и писатели, утверждающие, будто бы у последней нет на затылке черного пятна, ошибаются. Вероятно, им случалось видеть совершенно взрослого самца, поравнявшегося с молодой, еще не перелинявшей самкой.

При выходе из яиц, птенцы серой пастушечки бывают покрыты редким пухом, который вскоре сменяется настоящими перышками, но цветом своим значительно отличающимся от цвета перьев совершенно взрослых. У начавших летать птенцов верхняя часть головы, спина и хлуп иззелена-пепельные; щеки и ушки серо-желтоватые; лоб, брови, горло, груд*ь* и брюхо белесоватого цвета, все крыловые перья черноватые с белесоватой оторочкой, средние хвостовые тоже черноватого цвета, а крайние – белого. С возрастом этот наряд постепенно изменяется: сначала на груди появляются черные перышки и образуют пятно, спина становится голубее, потом тот же цвет показывается и на голове, грудное пятно значительно увеличивается, серо-

желтоватые перышки щек исчезают совершенно и белесоватый цвет лба, бровей, горла и брюха переходит *в* совершенно белый; в это же время крыловые и хвостовые перья заменяются новыми, которых цвета ярче и определеннее. Наконец, над белыми полосками бровей начинают показываться черные перышки, которые сначала образуют полоску, увеличивающуюся с каждым днем в ширину и длину, и напоследок образующие на задней части головы черное пятно.

Молодые пастушечки этой породы отлетают к югу при начале первого линяния, то есть когда у них начинает обозначаться черное грудное пятно. А на следующую весну все уже являются в настоящем своем уборе[433]. Однако же в 1840 году, в первых числах апреля недалеко от реки Селенги и в 1843 г. в начале того же месяца на правом берегу реки Ангары[434] нам случилось видеть серых пастушечек без черного на голове пятна и совершенно такого цвета, какого они бывают после первого линяния. Это дает нам повод думать, что пастушечки выводят детей два раза в год: в течение июня в умеренных странах нашего полушария, а в течение ноября в теплых, куда удаляются проводить нашу зиму[435]. Основанием нашему предположению служат следующие факты и выводы: в 1846 году в Иркутском округе теплая весенняя погода установилась весьма рано[436], утренние морозы, продолжающиеся обыкновенно до первых чисел июня, совершенно прекратились в начале мая; до 6-го июня птенцы серых пастушечек начали уже оставлять гнезда и в первой половине августа у многих из них на щеках и ушках не было серо-желтоватых перышков. Голова и спина имели голубо-пепельный оттенок, а грудное пятно величиной и яркостью цвета мешало отличать их от старых. Одним словом, они совершенно окончили первое линяние и в начале сентября у некоторых видны уже были признаки черного затылочного пятна, над их бровями появились широкие черные полосы. Из этого, кажется, должно заключить, что в течение четырех месяцев серые пастушечки достигают полного развития, и как они отлетают из Восточной Сибири обыкновенно при начале первого линяния, через два с половиной месяца после выхода из яиц, то нельзя предполагать, чтобы виденные нами [в] 1840 и 1843 без черного на голове пятна, были молодые, родившиеся в Сибири, у которых второе линяние было замедленно слабостью организма *или* случайно*ю* болезнью. Промежуток в семь месяцев от сентября одного года до апреля другого составляет значительную часть времени в жизни маленькой птички, окончательно развивающейся в течение четырех или пяти месяцев. Итак, можно почти наверное полагать, что эти пастушечки вышли из гнезд в теплых странах юга, которые оставили при начале второго линяния, но это линяние, может статься, было замедлено болезнью. Если это так, то нет никакого сомнения, что серые пастушечки и, вероятно, и другие виды им сродные, выводят детей дважды в год. Жаль, что путешественники не говорят ничего относительно этого предмета о тех породах, которые ведут оседлую жизнь

Эти птички вьют свои гнезда в расщелинах старых зданий, на кровлях, сараях, в плетнях, поленницах, около мостов и проч. Они сплетают их из тоненьких былинок шерсти, моху и сухих листьев, а внутренность, как и обыкновенно, с большим искусством устилают конскими волосами белого цвета. Простота такого строения не мешает удивляться трудам маленьких зодчих. Рассматривая внимательно гнездо пастушечки, нельзя не думать, каких уси-

лий, каких соображений стоила эта работа слабой птичке, не имеющей ни одного из вспомогательных средств, которыми так богат человек. Сначала ей надобно было выбрать удобное и безопасное помещение, потом *отыскать*, собрать и перенести потребные для строения их материалы, наконец, приспособить, соединить вместе, скрепить *и* сгладить.

Самка несет от четырех до шести яиц зеленоватого цвета с темно-красноватыми крапинками[437].

Этот вид пастушечки водится во всей Европе и во многих местах Азии. В Восточную Сибирь прилетает в конце марта и в половине сентября удаляется к югу[438]. Из всех обитающих здесь пастушечек серая смелее и доверчивее; очень редко встречается она в уединенных местах, удаленных от жилья, но обыкновенно проводит все летнее время на дворах и огородах в селениях.

Серая пастушечка, равно и другие её соплеменницы, имеют множество местных названий, которые большей частью выражают какую-нибудь из их привычек.Таким образом, в некоторых местах Франции серых пастушечек называют прачками (Lavandier), оттого, что они большую часть дня проводят подле тех мест, где стирают белье и куда сырость привлекает кучи мелких насекомых. В самом деле, видя суетливость и озабоченность этих птичек, можно подумать, что они принимают живое участие в работе и стараются всеми силами защищать работниц от докучливых насекомых. В других местах они известны под именами качало-хвосток (*Hoche-queue*), движехвосток (*Wagtail*) и трясогузок, от беспрестанного движения хвостом, как сказано здесь выше. В Восточной Сибири называют их плишками, а во многих местах Европейской России плешанками, может быть, потому, что лоб и половина головы у серой пастушечки белые, а затылок черный. Впрочем, трудно объяснить происхождение таких имен.

Синонимия: Motacilla cinerea Drapier; Lavandier, Hoche-queue; Bass-queue; Bergeronette grose; Серая пастушечка; Motacilla alba; Серая трясогузка; Плешанка, Плишка[439].

Атлас, метр. VI, рис. 1, 2 и 3. **[282, 283, 284]**

ЧЕРНОГОРЛАЯ ПАСТУШЕЧКА[440]
(Motacilla melanope)

Клев 1,1; голова 2,2; крыло 8,2; хвост 9,2; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,9, средний 1,3, внутренний 0,9, задний 0,7; когти: на внешнем 0,2, на среднем 0,3, на внутреннем 0,2, на заднем 0,6; длина всей от оконечности клюва до конца хвостовых перьев 18,0. Сторожевого пера нет, второе плавильное перо длиннее всех остальных. Хвост длинный, ровный, три крайние пары его перьев белые, три же средние пары черные; внешний край самых крайних тоже черный; прикрылья[441] не очень широкие, но длинные и доходят до конца сложенного крыла. Задний коготь короче пальца и согнут довольно круто.

Черногорлая пастушечка статнее и наряднее серой. Голова и спина у неё изголуба-пепельные; хлуп и верхние хвостовые покрывала желто-оливковые, а вся нижняя часть тела яркого желто-лимонного цвета. От основания клева по бровям до самых висков, а от зевков и от нижних век глаза к плечам идут белые полоски; над последними из них пепельный цвет переходит

в черноватый и образует темноватые черточки. Горло и передняя часть шеи до начала груди – густого черного цвета. Крыловые покрывала и передние плавильные перья темно-черноватые с белесоватой оторочкой; цвет прикрыльев гуще, а оторочка гораздо шире и белее; средние хвостовые перья черные, крайние белые. Клев темно-черноватый; плюсна и пальцы темно-желтоватого цвета, очень слабого тона; когти черные, ирис темный.

В брачном наряде обоих полов мы не заметили никакого важного различия, молодые же отличаются от совершенно взрослых в летнем уборе тем, что пепельный цвет верхних частей тела зеленоват, желтый цвет груди, брюха и нижних хвостовых покрывал чрезвычайно бледен и черного горлового пятна вовсе нет; горло и передняя часть шеи белесоватые, но хвостовые и крыловые перья такого же цвета, как и у взрослых[442].

Эта птичка вьет гнезда на песчаных берегах рек, в траве между каменьями. Гнездо ее своим устройством очень походит на гнездо серой пастушечки, но отделка его чище. Оно бывает свито из одних тоненьких былинок без примеси к ним моху и сухих листьев, которые употребляет для своих гнезд серая пастушечка, отчего внешняя его сторона глаже и ровнее; внутренность состоит из согнутых и переплетенных с большим тщанием конских волос белого цвета. Здесь нельзя не заметить, что во всех гнездах, которые нам случалось находить в Забайкальском крае и которые принадлежали не одним пастушечкам, но подорожникам и пипи, внутренность была устлана большей частью белыми конскими волосами, между которыми редко встречались черные; в гнездах же, виденных нами по сю сторону Байкала, число тех и других было одинаково и нередко черных было более белых. Причина такого различия не случайная; выбор цветов не зависит также от воли птички, он бывает следствием необходимости; для гнезда надобны непременно конские волосы и строительница собирает все те, которые ей встречаются, какого бы они цвета ни были; но за Байкалом, особенно у братских, гораздо более белых лошадей, чем лошадей темных мастей. По сю сторону Байкала, напротив, лошади темной масти встречаются чаще белых. Мы сделали это отступление с намерением предупредить бесполезные догадки, к которым могли бы подать повод излишняя определенность наших слов насчет цвета волос, которыми черногорлая пастушечка устилает внутренность своего гнезда.

Черногорлые пастушечки начинают вить гнезда во второй половине мая. Самка несет от пяти до шести яиц без крапинок, ровного изкрасна-белого цвета, которые тоньше и меньше яиц серой пастушки. Судя по числу яиц можно думать, что эти пастушечки[443], одаренные такой же плодовитостью как другие, должны быть в тех местах, где они водятся, также обыкновенны как серые, весенницы и желтобрюшки; однако же они встречаются гораздо реже этих видов; может статься, по роду любимой ими пищи они предпочитают всем другим местам песчаные берега уединенных рек и потому почти никогда не посещают ни лугов, ни речек с влажными, иловатыми берегами.

Мы можем ошибаться, считая черногорлую пастушечку летней гостьей одной Восточной Сибири, но нам нигде в другом месте не случалось видеть этой птички, кроме юго-восточной части Забайкальского края. Уже Паллас заметил, что она изредка попадается в Даурии по песчаным берегам речек, а далее к западу ее не видать. Действительно, в течение тридцати лет мы достали только одну черногорлую пастушечку, пойманную на гнезде недалеко

от одной деревни Верхнеудинского округа[444], оттуда же через год после привезли птенца, уже совершенно оперившегося. В Иркутском округе не встречали никогда этой птички и даже не слыхали, чтобы она водилась в какомнибудь месте по сю сторону Байкала. Правда, некоторые образованные люди, посещавшие Якутск[445], уверяли нас будто бы этих пастушечек очень много на берегах Лены[446]. Если в их свидетельствах нет какой-нибудь невольной ошибки, то надобно думать, что черногорлые пастушечки из Даурии спускаются прямо по речкам, текущим с Яблонного хребта в Лену, таким, как Витим, Алдан и пр., и поэтому во время своих переселений не посещают западной части Иркутского округа и не бывают ни на берегах Ангары, ни на берегах ее притоков[447].

Темминк и другие ученые принимают Палласову черногорлую пастушечку за ту же самую породу, которая водится почти во всей Западной Европе и которая известна под названием желтой пастушечки (Motacilla boarula). В самом деле, наряды этих птичек очень сходны и, руководствуясь одним описанием их цветов, нельзя думать, чтобы это были два различные вида; однако же между ими можно заметить такое же различие, какое находят между весенницей (Motacilla flava) и британской пастушечкой Гульда (Motacilla flaveola)[448]. Основанием нашему мнению служат следующие причины: Кювье разделяет род пастушечек на две группы по длине и кривизне заднего когтя; в первую группу под именем качало-хвосток или прачек[449] (Hochequeue ou lavandier Motacilla) он помещает те породы, в которых задний коготь короче пальца и согнут довольно круто. К той группе принадлежит серая пастушечка (Motacilla alba), траурная (Motacilla cugubris), белокрылая (Motacilla yarrelu) и черногорлая (Motacilla melanope); ко второй – под названием пастушечек (Bergeronnette, Budytes) относит тех, у которых задний коготь длиннее пальца и согнут гораздо менее, чем они по его мнению приближаются к пипи (Anthus); в эту группу должно поместить желтобрюшку (Motacilla citreola), весенницу (Motacilla flava), британскую пастушечку (*Motacilla flaveola*) *и желтую* (Motacilla boarula), у которой задний коготь длиннее пальца и также *слабо* согнут, как у весенницы и желтобрюшки. Этого уже одного достаточно, чтобы отличить Палласову черногорлую пастушечку от желтой европейской. Но, кроме того, находятся и другие признаки для различия их друг от друга: величина желтой европейской – 7 дюймов и 3 линии[450], величина черногорлой 6 дюймов, 9 линий; у первой длина хвоста 2,5 дюйма, у последней 3 дюйма и 4 линии; плюсна и пальцы одной – темного цвета, у другой – бледно-желтоватые. Яйца желтой пастушечки белесоватые с красными крапинками, у черногорлой они изкрасна-белые без крапинок. Вот причины, побудившие нас означить этот вид пастушечки тем именем, которое дал ему Паллас, и *не* считать черногорлую пастушечку, посещающую некоторые места Забайкальского края, той самой породой, которая водится в Западной Европе, вопреки авторитету Темминка, который, вероятно, не имел хорошо сбереженного образчика сибирской породы, или ему были доставлены образчики европейской желтой пастушечки вместо черногорлых сибирских, что случается часто от невнимательности корреспондентов, обыкновенно не дающих особенной важности такого рода поручениям. Надобно, однако же, сказать, что мы не видали желтой пастушечки (Motacilla boarula) и при наших сравнениях этой птички с черногорлой руководствовались одними описаниями.

Кажется, черногорлые пастушечки также доверчивы и смирны, как и другие их соплеменницы, по крайней мере та, которую мы достали в 1838, 31 мая с гнездом и которая прожила у нас несколько дней[451], была смирна и доверчива, но очень скучала о потерянной свободе, все наши старания заставить ее продолжать насиживание остались безуспешными.

По наблюдениям орнитологов у самки желтой пастушечки в брачном наряде на горле нет черного пятна, чем она различается от самца и походит на молодых. Бывшая у нас самка черногорлой в брачном наряде, нисколько не различалась от самца.

Синонимия: Motacilla melanope Pall., Gmel.; Bergeronnette melanope Drapier.

Атлас, тетр. VI, рис. 4. **[285]**

ВЕСЕННИЦА
(Motacilla flava)

Клев 1,1; голова 1,7; крыло 7,0; хвост 6,8; плюсна 2,1; пальцы: внешний 1,2, средний 1,6, внутренний 1,2, задний 0,8; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 1,1; длина всей от конца клева до конца хвоста 16,3; в хвосте крайние перья белые, прикрылья довольно широки и закрывают концы сложенных крыльев.

Весенницы прилетают в Восточную Сибирь при наступлении теплых весенних дней и поселяются на берегах рек и по влажным лугам, где проводят все лето: там можно видеть ее во всякое время дня *перелетающей* с камушка на камушек, играющей со своими подругами или гоняющейся за летающими насекомыми, так же она вьет и себе гнезда в укромных местах, под мостами, около полуразрушившихся пней или подле камней.

Весенницу нельзя назвать нарядной птичкой. Верхняя часть ее головы, спина и хлуп, пепельно-голубоватые с зеленоватым оттенком; лоб, брови, стороны шеи, горло и грудь желтого цвета, который, спускаясь к брюху, постепенно бледнеет и, наконец, переходит в совершенно белый; от клева через глаза идет темно-пепельная полоска, а щеки и ушки закрыты серо-зеленоватыми перышками, образующими по сторонам головы продолговато-круглые пятна. Крыловые покрывала черноватые, с белой на концах оторочкой, плавильные перья и прикрылья такого же цвета, но у передних опушка у́же и белесоватый ее цвет гораздо тусклее, а у задних и у прикрылий – шире и светлее; хвостовые верхние покрывала – черные с белыми крапинками, нижние же совершенно белые; хвост длинный, ровный, средние его перья – черные, а крайние – белые; клев, плюсна, пальцы и когти черного цвета.

У молодых все цвета гораздо тусклее и смешаны[452].

Этот вид пастушечки весьма обыкновенен в России также как и во многих странах Западной Европы.

Синонимия: Motacilla flava printamere; Зеленичка[453]; Желтая плишка; Береговая пастушечка[454].

Атлас, тетр. VI, рис. 5. **[287]**

ЖЕЛТОБРЮШКА ПАСТУШЕЧКА СОЛОМЕННОГО ЦВЕТА[455] (Motacilla citreola)

Клев 1,3; голова 2,3; крыло 9,1; хвост 9,1; плюсна 2,5; пальцы: внешний 1,1, средний 1,5, внутренний 1,1, задний 0,9; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,5, на внутреннем 0,3, на заднем 1,2; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 18,4; сторожевого пера нет, второе плавильное перо длиннее других, прикрылья довольно широкие, но немного не доходят до конца сложенного крыла, так, что оно остается не совсем закрытым ими; хвост ровный, длинный, крайние его перья белые.

Эта пастушечка прилетает в Восточную Сибирь в начале апреля и держится преимущественно около озер и рек *или* на соседственных к ним лугах. Очень редко посещает она селения, однако же из этого не должно заключать, что её нрав дик, напротив, она доверчива, смирна и не пуглива. В начале весны желтобрюшки (так называют в Забайкальском крае этих пастушечек) летают небольшими стадами, состоящими, вероятно, из членов одного и того же семейства, а после выхода из гнезд птенцов, несколько семейств соединяются в одно довольно значительное стадо и не разлучаются до самого отлета[456].

Наряд желтобрюшки цветистее наряда всех других видов составляющих род пастушечек и ее можно считать одной из красивых птичек здешнего края. Голова, шея и вся нижняя часть ее тела богатого желто-лимонного цвета; плечи, спина и хлуп пепельно-голубоватые; желтый цвет головы отделен от пепельно-голубоватого цвета спины довольно большим черным пятном, имеющим лунообразную фигуру и лежащем на зашейке; маленькие перышки покрывающие сгиб крыла, черные, с пепельной оторочкой, крыловые покрывала почти совершенно белые с черным посередине пятном, передние плавильные перья черноватые с белесоватой опушкой, средние и задние одинакового с ними цвета, но опушка их белее и шире; прикрылья черные, с широкой белой каемкой вокруг. Верхние хвостовые покрывала тоже черные, с белыми крапинками и кончиками, средние хвостовые или плавильные перья совершенно черные, а крайние белые. Клев, плюсна, пальцы и когти черного цвета[457].

В наряде полов невозможно заметить никакого важного различия, но у молодых цвета перьев тусклы и неопределенны.

Синонимия: Motacilla citreola; Bergeronnette citrine; Желтобрюшка, Трясогузка соломенного цвета, Пастушечка лимонного цвета[458].

Атлас, тетр. VI, рис. 6 **[286]**

ЛУГОВАЯ ПАСТУШЕЧКА[459] (Motacilla campestris[460])

Клев: по ребру 1,3, от зевков 1,7; голова 1,3; крыло 8,7; хвост 4,4; плюсна 2,6; пальцы: внешний 1,1, средний 1,6, внутренний 1,1, задний 1,0; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,6, на внутреннем 0,4, на заднем 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 17,7, от оконечности же клева до конца когтя среднего пальца 15,7; сторожевого пера нет, второе плавильное перо немного короче третьего, которое равно четвертому и длиннее всех других; прикрылья широкие и так длинны, что совершенно закрывают концы

плавильных перьев сложенного крыла; крайние хвостовые перья несколько короче средних, отчего оконечность распущенного хвоста кругловата.

По редкости этой породы, в течение восьми лет мы не могли собрать никаких положительных сведений о её нравах и привычках, однако же, в существовании и самостоятельности её нет никакого сомнения[461].

В 1838 году, в первых числах июля, за сто пятьдесят верст от Верхнеудинска, первый раз нам принесли птенца уже совершенно оперившегося, без пуху на голове и спине, но с весьма еще короткими хвостовыми перьями[462]. При первом взгляде можно было узнать, что это птенец пастушечки, между тем, по цвету перьев трудно было определить, какому именно виду этого рода птичек принадлежит он. Вот подробное описание его наряда: верхняя часть головы, спина и хлуп темно-изкрасна-оливковые и весьма яркого тона. Брови, нижняя часть щек, стороны шеи, горло и грудь бледно-рыжеватые, этот цвет на груди ярче и определеннее, чем на других означенных частях. Над бровями идут черные полоски и сливаются на затылке с темным цветом головы: бледно-рыжеватый цвет бровей, продолжаясь вдоль этих *полосок*, наискось сходится на зашейке и, отделяя темно-оливковый цвет головы от такого же цвета спины, образует в этом месте род узенького воротничка. Верхняя часть щек и ушки покрыты темноватыми перышками и отделены от зевков и внешнего края черной каемкой. От нижней челюсти клева идут черные же полоски, которые ограничивая горло, расширяются на верхней части груди, где и образуют значительной величины черноватое пятно.

Перышки, покрывающие крыловый сгиб, темные, с оторочкой, немного посветлее цвета спины, но у лежащих на крыловых покрывалах, крапинки рыжевато-белесоватые; крыловые покрывала, задние плавильные перья и прикрылья, черные с белесоватыми широкими каймами по краям и на кончиках. А передние плавильные перья темные с узенькой белесоватой опушкой. Верхние хвостовые покрывала черные с белыми крапинками; два крайние хвостовые пера с каждой стороны совершенно белые, средние же – черные, с бледно-рыжеватой вокруг опушкой. Клев и когти черноватые, а плюсна и пальцы нечистого темно-*фиолетового* цвета.

Этот птенец, несмотря на все наши старания его выкормить, прожил не более трех дней.

Через пять лет после того, один знакомый наш охотник застрелил недалеко от Иркутска совершенно взрослую пастушечку этой породы, но, к сожалению, она была так испорчена неудачным выстрелом, что с нее невозможно было не только снять порядочного рисунка, но даже составить посредственное описание.

Наконец, в 1846 г., в конце июля совершенно нечаянный случай дал нам возможность подробно рассмотреть молодую луговую пастушечку и снять с нее точный рисунок[463].

Надобно сказать, что в цвете перьев между этой пастушечкой и птенцом находилось заметное различие, которое, впрочем, можно принять за следствие первого линяния. Цвет голов и спины у обоих один и тот же, но брови, горло и грудь у первой без красноватого оттенка и почти бледно-охряные, белесоватые воротничок на зашейке едва виден, он почти совершенно исчезает в темно-оливковом цвете верхних частей; перышки, покрывающие сгиб крыла, черноватые с пепельной оторочкой, крыловые покрывала, плавиль-

ные перья и прикрылья точно такого же цвета как у весенницы. Нижняя часть брюха нижние хвостовые *покрывала белые, средние хвостовые перья совершенно черные,* без опушки, крайние – белые, и только у стебельков и по краям внутренних бородок наискось, черноватые. Клев темного цвета. Плюсна и пальцы черноватые, а когти черные[464].

Мы назвали эту птичку луговой пастушечкой потому, что она имеет сходство с описанной Палласом под именем луговой трясогузки, особенно довольно длинными волосками, выходящими из-под перышков, покрывающих затылок, чего у других видов пастушечек нам не случалось *замечать.* Однако же мы не знаем наверное, эту ли птичку описал ученый путешественник под именем луговой.

В заключение скажем, что в родовых признаках пастушечек и пипи ни один из естествоиспытелей, сколько мы помним, не говорит, что при оконечности их клева, так как у всех почти насекомоядных птичек, находится несколько жестких волосков, направленных вперед. У совершенно взрослых пипи и пастушечек мы тоже не заметили такового признака. Но у луговой и у серых, не достигнувших еще полного развития, так же как и у молодых пипи, явственно видели эти волоски с каждой стороны клева. Может статься, с возрастом или при линянии они теряют их.

Атлас, тетр. VI, рис. 7. **[288]**

НАСЕКОМОЯДНЫЕ[465]
РОД 63
ПОРЯДОК III
(Insectivores)

Клев короткий или средней величины, прямой, округленный, заостренный или шилообразный, верхняя челюсть к оконечности согнута на конце зазубринкой, а у основания вооружена несколькими жесткими волосками, направленными вперед, на ногах четыре пальца: три впереди и один назади, все они расположены на одной плоскости, из передних – внешний соединен с основанием среднего, или присоединен к нему до первого сустава.

ПИПИ[466]
(Anthus)

Клев тонкий, цилиндрический, прямой, к оконечности шилообразный, края его посередине сгибаются внутрь; при основании верхней челюсти заметно ребро, а на кончике маленькая щербинка; ноздри лежат по сторонам клева подле основания, и до половины закрыты перепонкой; из трех передних пальцев внешний сросся с основанием среднего, коготь заднего весьма длинен, длина его более длины пальца; второе плавильное перо короче третьего и четвертого, которые длиннее всех других; прикрылья очень длинны и большое их перо доходит до оконечности сложенных крыльев и почти закрывает ее. Все двенадцать перьев хвоста одной величины, крайние из них или совсем белые, или с белыми пятнами при оконечности к внешнему краю.

Род пипи не слишком многочисленен, и в нем нет таких видов, которые бы обращали на себя внимание или блестящими цветами своего наряда, или разнообразием и приятностью своего пения, даже наружность их и движения очень обыкновенны и не имеют в себе ничего привлекательного.

Некоторые естествоиспытатели соединяли этих птичек с жаворонками, вероятно, по сходству цвета перьев и необыкновенной длине когтя на заднем пальце. Нередко также смешивали их с пастушечками, может быть, потому, что они тоже имеют привычку беспрестанно качать хвостом и обыкновенно бегают и не скачат. Однако же пипи отличаются во всех отношениях, как от жаворонков, так и от пастушек, в чем легко убедимся, сравнив тщательно наружность и привычки этих птичек с наружностью и нравами тех и других.

Пипи живут в полях и на лугах, лежащих в соседстве озер, рек и ручейков, нередко встречаются также и по перелескам, смежным *с* полями. Гнезда вьют на земле, *в* траве и между дерновых кочек, а иногда даже в трещинах скал. В строении гнезда заметно большое искусство, несмотря на то что птичка употребляет для этого одни сухие былинки, увядшие листочки и конские волосы. Самка несет не более пяти яиц сероватого цвета с темными крапинками.

Почти у всех пород пипи самец и самка одинакового цвета, по крайней мере, между ними так незначительно различие, что и внимательному естествоиспытателю его трудно заметить. Но молодые, до первого линяния, отличаются от совершенно взрослых определенностью цветов, отчего их наряд пестрее и красивее. Господствующие цвета в роде пипи темный, рыжеватый, охряный, белый и оливковый, и почти у всех известных видов спина и грудь испещрены темными или черными пятнышками.

Надобно сказать, что, хотя волоски, сидящие по сторонам клева при основании, и считаются в числе родовых признаков этого рода, однако же очень часто птичка теряет их. Нам случилось видеть пипи совершенно взрослых, у которых не было ни малейшего следа этих волосков, между тем, как у других они были довольно длинны и жестки.

По словами г-на Драпье, перелет пипи подлежит еще сомнению, потому что до сих пор никому не удалось утвердить их с такой достоверностью, с какой утверждены перелеты других насекомоядных птиц. Может статься, в умеренных странах Европы пипи в самом деле ведут жизнь оседлую, но здесь, в Восточной Сибири, они принадлежат к числу перелетных птиц, и в конце сентября, а иногда и гораздо ранее, все, без исключения, удаляются к югу, откуда возвращаются назад около половины апреля[467]. Глубокие снега и значительные морозы случающиеся после их прилета весьма для них гибельны. В 1831 году, 24 апреля, выпал снег и лежал долее трех суток, во все время дул северный ветер, *Реомюров* термометр в полдень не поднимался выше – 5°, утром 26 апреля он понизился до 6°, тогда пипи, оставя любимое свое жилище – поля и луга, стадами прилетали в селение и умирали от голода и стужи на пустых огородах и дворах. В 1842 году, 17 октября, служивший у нас мальчик застрелил недалеко от берегов Ангары зеленую пипи, которая, вероятно, по болезни, происходящей обыкновенно от линяния, или по другой какой причине, отстала от своего стада, перекочевавшего уже в теплые страны юга; она не была еще изнурена голодом, но ее когти были обломаны, крыловые и хвостовые перья обиты, а пальцы обморожены[468].

Этот род птиц водится под всеми широтами в Европе, Азии, Африке, Южной Америке и в Австралии.

ОБЫКНОВЕННАЯ ПИПИ
(Anthus pratensis[469])

Клюв 1,3; голова 2,3; крыло 8,7; хвост 5,8; плюсна 3,1, пальцы: внешний 1,3, средний 2,0, внутренний 1,8, задний 1,3; когти на внешнем 0,2, на среднем 0,3, на внутреннем 0,2, на заднем 1,5; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 15,8; второе плавильное перо короче третьего и четвертого, которые длиннее всех последующих за ними; прикрылья доходят до оконечности сложенного крыла. Хвост немного развилист, два крайние его пера белые.

В наружности обыкновенной пипи нет ничего привлекательного, в ней все просто, обыкновенно. Цвет ее перьев, несмотря на свою пестроту, кажется единообразным, движения лишены той приятной живости, которой так нравятся нам леснички.

Перышки, покрывающие голову и спину этой птички, темного цвета, с бледно-охряными крапинками, отчего вся верхняя часть ее тела кажется испещренной темными пятнышками по желтоватому полю; все крыловые перья, без исключения, тоже темные, с бледно-охряной оторочкой; щеки, горло и брови изжелта-беловатые, грудь и бока рыжеваты, а ушки и глазная полоска – желтого цвета. От клева идут две темные полоски, из которых одна проходит под глазом, а другая ниже щеки, последняя, загнувшись, соединяется с грудным ожерельем, состоящим из черноватых *копье*образных пятен, расположенных почти правильными продольными полосками; на боках заметны темные черточки; хлуп и верхние хвостовые покрывала серо-оливковые, нижние хвостовые покрывала и брюхо белесоватые. Хвост довольно длинен, два средние его пера темные, с охряными крапинками, у последующих за ним – тон темного цвета сильнее, а оторочка уже, крайние же – белые; верхняя челюсть клева сверху темная, а ее края соцветны нижней, которая желтоватая; плюсна и пальцы изкрасна-бледно-желтоватые, когти белесоватые, из них задний длиннее пальца и довольно круто согнут.

У молодых, до первого линяния, противоположность цветов разительнее, ибо тоны их сильнее и чище, головные и спинные перья почти черные, с бледно-желтоватой оторочкой, ушки, полоски на щеках и пятна ожерелья черного цвета и явственно обозначены на беловатом поле щек, горла и груди. Задний коготь у молодых обоего пола, всегда короче, чем у старых, но цвет клева, плюсны и пальцев такой же[470].

В Восточной Сибири, по ту и по эту сторону Байкала, эта пипи самая обыкновенная из летних птичек, она прилетает с юга не ранее второй половины апреля, куда улетает обратно в последних числах сентября. Живет в лугах и на нивах, где и вьет свои гнезда на земле, между кочками и подле куст*арных* пеньков; гнездо этой птички имеет обыкновен*но́* круглую форму, сверху всегда открыто, внутренность его устлана тщательно согнутыми и перепутанными конскими волосками белого цвета, а наружность состоит из сплетенных с большим искусством соломинок, былинок и сухих листочков. Самка несет от четырех до пяти яиц сероватого цвета с темными крапинками; в начале июля из них выходят птенцы, слепые, почти голые, покрытые только редким длинным пухом[471].

Во время любви эта птичка поет довольно приятно; но пение ее непродолжительно и монотонно, начиная петь она подымается на воздух подобно

жаворонку на значительную высоту, с которой спускается постепенно, потом вдруг садится на какой-нибудь возвышенный предмет или на кочку, где и оканчивает свою песнь, а начиная ее, снова подымается кверху[472].

Пипи садится только на самые толстые ветви деревьев, обнаженные совершенно от листьев, ее никогда нельзя увидеть сидящую на тоненьких гибких веточках деревьев, или кустарников, на которых держаться она не иначе может, как обхватив их плотно пальцами, что, вероятно, для нее, если не невозможно, то, по крайней мере, весьма трудно по причине необыкновенной длины заднего когтя.

Здешняя сибирская пипи не совсем сходна с обитающей в Западной Европе, она походит несколько на Рихардову (Anthus richardii), но, не имея верных рисунков ни той, ни другой, мы не решились означить это различие и сходство, приняв руководством одни описания[473].

Синонимия: Alauda pratensis Gmel., Anthus pratensis, Temm., Alauda de pres; La farlouse pipit Buff.; Луговой жаворонок[474], Пипи, Обыкновенная пипи.

Атлас. тетр. VI, рис. 8 и 9. **[290, 291]**

ЗЕЛЕНАЯ ПИПИ[475]
(Anthus veridis)

Клев: по ребру 0,9, от зевков 1,3; голова 2,3; крыло 7,8; хвост 5, 6; плюсна 2,2; пальцы: внешний 1,2, средний 1,6, внутренний 1,2, задний 1,1; когти: на внешнем 0,15, на среднем 0,2, на внутреннем 0,15, на заднем 1,2; длина всей, от оконечности клева до конца хвоста 15,0, второе плавильное перо короче третьего и четвертого, которые длиннее всех других. Хвост почти ровный, первое крайнее его перо наискось до половины белое. Следующее за ним, с круглым белым пятном при оконечности.

Зеленая пипи, как цветом своего наряда, так и наружностью несравненно красивее не только обыкновенной пипи, но[475а] и других птичек этого рода. Верхняя часть головы, спина и хлуп у нее зеленые, с небольшими копьеобразными пятнами темного цвета; брови, щеки, кружочек около глаз, горло и грудь изкрасна-бледно-желтоватые, но желтый цвет на груди гораздо ярче и гуще и почти переходит в бледно-оранжевый, живость его увеличивается черными довольно большими пятнами, которые покрывают эту часть тела. Через глаза проходит темная полоска, и от клева по щекам идут две черные – одна под глазом и другая внизу. Щеки, ушки окаймлены темно-зеленоватыми перышками, такого же цвета пятнышками испещрены и щеки; крыловые покрывала первого ряда черные с охряными крапинками, а второго ряда – темные с зеленой оторочкой и желтоватыми кончиками; передние плавильные перья темные с желтоватыми крапинками, задние тоже темные, но широкие, *их* каемки изжелта-зеленоватые. Брюхо и нижние хвостовые покрывала белые, верхняя часть первого с черными пятнышками бока тоже желтоватые и тоже с черными продолговатыми пятнами. Хвостовые перья темного цвета с зеленоватыми крапинками, которые у двух средних широки и цветисты, а у лежащих от них к краям хвоста постепенно становятся уже и бледнее. Верхняя челюсть клева сверху темная, а к краям желтоватая, у нижней кончик темный, а остальная ее часть одного цвета с

краями верхней. Плюсна и пальцы изкрасна-бледно-желтоватые, а когти белесоватые[476].

Этот вид пипи встречается в Восточной Сибири гораздо реже прежде описанного и живет большей частью на лугах, по ту сторону Байкала в Верхнеудинском округе, и по эту сторону этого озера в Иркутском[477].

Нам никогда не случалось видеть луговой пипи (Anthus palustris), обитающей в Западной Европе. По описанию она имеет большое сходство с описанной нами под названием зеленой, однако же цвет головы и спины у последней гораздо зелене*е* и ярче. Вскоре после линяния, когда еще новые перья не лишились свежести своих цветов, не истерты и не обиты от беспрестанного порхания и бегания в густой и жестколистной траве, наша зеленая пипи весьма нарядна, и по живости и блеску своих цветов едва ли не красивее всех своих соплеменниц. Между несходствами луговой пипи и описанной здесь мы заметили еще, что плюсна, пальцы и весь клев первой темного цвета, а у последней – плюсна и пальцы изкрасна-желтоватые, а края верхней челюсти, клева и вся нижняя, исключая кончика, желтоватого цвета. Без сомнения, видовые признаки, основанные на большей или меньшей яркости цвета перьев и на цвете ног и клева, сомнительны и чтобы иметь какой-нибудь вес, требуют других, более положительных. К тому же, сравнивая здешнюю пипи с европейской луговой по одному описанию, мы легко можем ошибаться.

В начале 1845 года один ученый путешественник, которого знакомством мы гордимся, видел наши рисунки и говорил, что здешняя зеленая пипи, кажется, та самая, которую новейшие орнитологи называют северной (Anthus borealis) и которую он не раз встречал во время проезда своего через северо-восточную часть Сибири[478]. К сожалению нашему, нам не случалось даже читать и описания этого нового вида пипи, о существовании которого знаем только по одному латинскому его названию. Поэтому, не взирая на уверенность нашу в познании ученого путешественника и на глубокое наше уважение к его ученым трудам, мы не решились однако же, основываясь на одних его словах, назвать зеленую пипи северной, и *принять*, что она водится также в северной части Восточной Сибири.

Синонимия: Anthus veridis; Зеленая пипи.

Атлас, т. VI, рис. 10. **[293]**

КУСТАРНАЯ ПИПИ[479]
(Anthus arboreus[480])

Клев: по ребру 1,0, от зевков 1,6; голова 2,1; крыло 8,5; хвост 5,9; плюсна 1,9; пальцы: внешний 1,1, средний 1,4, внутренний 1,1, задний 0,8; когти: на внешнем 0,35, на среднем 0,5, на внутреннем 0,4, на заднем 0,7; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 16,0, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 14,0. Первого плавильного пера не заметно, второе равно третьему и короче четвертого, которое длиннее всех остальных. Первая пара крайних хвостовых перьев белая с длинным накось лежащим пятном черного цвета; вторая пара – черная с белым овальным пятнышком у самого кончика пера; задний коготь короче пальца и согнут почти с четверть круга.

В роде пипи многие породы кроме того, что имеют большое сходство в оттенках и расположении цветов своего наряда, очень мало разнятся

друг от друга величиной; поэтому точное определение их весьма затруднительно; трудности такого определения еще увеличиваются легкостью, с которой организация этих птичек подчиняется местным влияниям, которых действие обнаруживается в более или менее важных отлич*иях*, или вариантах. Из наблюдений ученых орнитологов можно заключить безошибочно, что большая часть блуждающих птиц (Erratiques), предпринимающих весьма дальние путешествия и *линяющих* однажды в течение года представляют значительные различия в нарядах, сообразно расстоянию места *переселения*, географическому его положению, условиям температуры и проч., и что эти различия происходят столько же от действия воздуха и света неодинаковой силы под разными широтами, сколько и от особенных местных причин, еще неизвестных. Таким образом, по свидетельству Темминка, между индивидуями луговой пипи, *породы*, обитающей как в южных частях Западной Европы, так и в отдаленных странах Полярного круга, встречается множество местных вариантов, из которых некоторые писатели составили около двенадцати мнимых пород, приняв их за отдельные и самостоятельные виды рода пипи.

Допуская справедливость изложенного выше замечания, его однако же нельзя отнести к кустарной пипи, которая отличается от близких ей пород, особенно задним когтем, коротким и круто загнутым, и которая, сколько до сих пор известно, не изменяет своего наряда по месту жительства. По крайней мере, кустарные пипи, привезенные из Японии, не разнятся ни цветом, ни величиной от тех, которые живут в Юго-Западной Европе. Так точно, как в здешних сибирских мы не заметили никаких сколько-нибудь видных изменений. Скорее можно полагать, что пипи, описанная нами под названием зеленой, есть местный вариант европейской луговой (A. pratensis Bechst), она менее кустарной, задний коготь у нее длиннее пальца и слабо согнут.

В весеннем наряде кустарной пипи очень заметен оливковый оттенок и с первого взгляда ее легко принять за зеленую, которой обсекшиеся бородки перьев потеряли уже осеннюю свою свежесть и цветистость; но сравнив внимательно этих двух птичек, нельзя не согласиться, что они принадлежат к двум особенным породам, которых *видовые* признаки заключаются не только в распределении и тоне цветов, *числе* фигурок и расположении грудных и боковых пятен, но и в относительной величине наружных органов, как это сказано выше.

В продолжение лета, до осеннего линяния, у попадавшихся нам кустарных пипи верхняя часть головы, зашеек и спина были покрыты перышками нечистого охряного цвета с темным посередине пятном, на хлупе и хвостовых покрывалах пятен не было и охряный их цвет переходил в темно-оливковый слабого тона. Брови, горло, кружочек около глаз и полоска, идущая от клева над глазами к зашейку – белые. Щеки и уши изсера-зеленоватые, от нижней челюсти клева на грудь спускается полоска, состоящая из маленьких стрельчатых пятнышек черного цвета. Грудь довольно яркого и чистого охряного цвета с овально-продолговатыми черными пятнами, брюхо и нижние хвостовые покрывала белые, на боках заметен охряный цвет с черными черточками. Перышки, покрывающие начало крыльев *черные* с оливковой оторочкой, которые на перышках, лежащих на крыловых покрывалах белесоватые. Крыловые покрывала и задние плавильные перья черно-

ватого цвета с широкой изсера-охряной опушкой, кончики первых белесоватые. Передние плавильные перья тоже черноватые с белесоватыми *крапинками*. Средние хвостовые перья темные, с бледно-охряной опушкой, которая у следующих за ними, гораздо уже; первая крайняя пара – белая с черным клинообразным пятном, у *зорки* лежащим накось от внешнего края к внутреннему, у второй крайней пары *соцветной* другим, при оконечности почти посередине пера белое овальное пятнышко. Верхняя челюсть клева по ребру и оконечности темная, а у краев изжелта-красноватая, нижняя челюсть одинакового цвета с краями верхнего, но кончик ее темный; плюс*на* и пальцы тоже изжелта-красноватые. Когти белесоватые с темными кончиками, ирис темного цвета. Здесь надобно заметить, что в означенное время *бородки* всех вообще перьев бывают очень оббиты и поэтому трудно определить настоящий цвет опушки[481].

Кустарная пипи *часто* встречается по ту и по эту сторону Байкала в местах возвышенных, покрытых кустарником. Она нередко садится на ветки деревьев и *довольно* долго и крепко на них держится. Темминк говорит, что в Западной Европе эта птичка неразлучная спутница садового подорожника (Emberiza hovtulana), с которым прилетает не вместе, но в одно время. Также можно сказать о кустарной пипи, посещающей Восточную Сибирь. Весной и под исход лета она постоянно встречается вместе с золотистым подорожником (Em [beriza] au*reo*la) около кустарников. Из наблюдений, проводимых нами *в течение* нескольк*их* лет о прилете и отлете летних птиц Восточной Сибири, мы должны заключить, что в местах, лежащих к юго-востоку от Байкала, золотистый подорожник появляется почти тремя неделями ранее, чем в местах, лежащих к северо-западу от этого озера. Само собой разумеется, что это замечание относится и к кустарной пипи, которая прилетает, как сказано выше, в одно время с золотистым подорожником[482].

В весеннем наряде кустарной пипи мы до сего времени не заметили никакого различия между полами, и нам не случалось еще видеть ни одной в зимнем уборе после линяния.

Эта птичка вьет свои гнезда в густой траве на небольших возвышенностях, или под кустарниками. Самка несет до пяти яиц слабого красноватого цвета, испещренных множеством темно-красных пятнышек; питается различными породами диптер и мелких калеоптер, их личинками и нимфами[483].

Синонимия: Anthus *arboreus*, Bechst., Alauda trivialis, Gmel., Lath; Motacilla maculata Gmel.; Sylvia maculata Lath.; Le *pivote ortolane* Buff.; Pipit des arbores *Vieill*; Pipit des Brissojons Temm.; Кустарная пипи.

[Атлас], *темр. XVI, рис. 1.* **[292]**

ЗЕРНОЯДНЫЕ
РОД 64[484]

Клев короткий, крепкий, более или менее конический; ребро его, обыкновенно поднимаясь ко лбу, сплющивается. Верхняя челюсть при оконечности редко с зазубринкой, три передние пальца разделены между собою, крылья вообще средней величины.

ЖАВОРОНОК
(*Alauda*)

Клев посредственной длины, конический, с заостренной оконечностью; верхняя его челюсть более или менее согнута, без зазубринок и не длиннее нижней. Ноздри лежат подле основания клева, овальные, совершенно, или только отчасти, закрыты маленькими перышками, покрывающими основание клева и направленными вперед. Язык хрящеватый и при оконечности разделен вилочками. На ногах четыре пальца, все они лежат в одной плоскости и совершенно отделены друг от друга, из них три направлены вперед, а один обращен назад, коготь на последнем обыкновенно очень длинен, сгиб его дуги незначителен. Крылья туповатые, из осьмнадцати плавильных перьев, первое иногда очень коротко и почти всегда менее четвертого, третье длиннее всех. Кончики средних плавильных перьев почти четвероугольные и посередине разделены выемкой, образующей входящий угол, зашеек покрыт узенькими, довольно длинными перышками, которые нередко поднимаясь вверх, составляют на задней части головы хохолок. Хвост состоит из двенадцати перьев одинаковой длины. Средние из них большей частью соцветны задним крыловым перьям, а крайние или совсем белые, или с большим белым пятном при оконечности.

Породы принадлежащие к семейству жаворонков встречаются во всех странах земного шара; но в Старом свете их находят гораздо более, чем в Новом. Все они предпочтительно любят места открытые и живут обыкновенно в полях, в степях, или в сухих безлесных долинах и почти все одарены способностью выражать чувствуемое ими удовольствие приятным мелодическим пением. Поэтому жаворонков знают везде, где они водятся гораздо лучше, чем многих других птиц, которые, обитая или в глуши лесов, или по берегам уединенных рек и озер, не имеют даже возможности обратить на себя внимания случайных посетителей этих пустынных лесов, приятными и разнообразными звуками своего голоса; но, несмотря на эту известность, можно сказать утвердительно, что нет ни одного рода, которого бы ученое описание представляло менее точности и полноты, как описа*ние* ро*да* жаворонков. По определениям лучших писателей трудно составить себе полное и ясное понятие о признаках, отличающих род жаворонка от других близких ему родов. Может статься, в этом надобно винить не ученых орнитологов, а природу по своей прихотливости и по склонности к бесконечному разнообразию, никогда не согласующуюся со строгим педантизмом нашего ума, столь жадного к математической точности, к методическим распределениям, без которых, должно признаться, ему если не возможно, то по крайней мере, весьма трудно приобрести какое-нибудь познание, о чем бы то ни было. Без логических определений, без классификации все явления физического и даже нравственного мира для нас недоступны. Но обратимся к жаворонкам.

Чрезвычайная длина когтя на заднем пальце есть довольно важный признак, по которому легко бы можно было *отличить* этих птичек от других, если бы, к сожалению, мы не встречали его у пастушечек, пипи и некоторых подорожников. Почти тоже должно сказать и о прочих признаках, которыми орнитолисты хотят определить породы, принадлежащие к роду жаворонков; почти ни в одном из них нет безусловной самобытности. Все это так, однако ж если жаворонки и имеют некоторое сходство с птичками других ро-

дов наружной формой своего клева и ноздрями, закрытыми маленькими перышками, но, приняв в соображение все остальные родовые признаки, их не трудно узнать по внешнему образованию органа; надобно заметить только одно, что относительная толщина и длина его, также как и кривизна верхней челюсти, до того изменяется в породах, что знаменитый Кювье подразделил род жаворонков на три отдела: в 1-м поместил он породу, у которых клев почти прямой, довольно тонкий, шилообразный, посредственной длины, с заостренной оконечностью; во 2-м – тех, у которых клев очень толст, конической формы и очень похожий на клев воробьев, наконец, в 3-м – породы, имеющие клев длинный, немного сжатый и так согнутый, что своим видом походит на клев уд*ода* и промеронсов.

В нравах жаворонков замечаем мы некоторые привычки, отличающие их почти от всех птиц, которым французские ученые дают обыкновенно общее название *Passereaux*. Например, устройство ног их не позволяет им держаться на древесных ветвях, отчего, вероятно, они редко даже встречаются и по опушке лесов, а любят поля и степи. Жаворонки не скачат, а бегают, их бег легок, скор и продолжителен. Все виды этого рода боятся воды, никогда не купаются, но чтобы освободиться от докучающих их чужеедных насекомых, валяются в песке или в сухой земле, чем приближаются к роду куренастых; поэтому некоторые новейшие орнитологи, основываясь на этой привычке и на форме верхней челюсти, думают, что жаворонков можно причислить к порядку куре*на*стых птиц. Не беремся решать вопросы, к какому племени должно отнести жаворонков. Мнение наше об искусственности всех вообще классификаций, как бы они ни казались естественнее, делает нас чрезвычайно робкими относительно нововведений такого рода. Итак, по примеру писателей, известных своими учеными трудами, мы оставляем жаворонков в порядке зерноядных птичек (*Passereaux granivores*).

Наряд всех пород, принадлежащих к этому роду, вовсе не блестящ и весьма сходен с нарядом некоторых подорожников и пипи. Господствующие в нем цвета – верный темный, рыжий, белый и черный. Спина, горло, грудь и бока почти у всех испещрены пятнышками и черточками более или менее темного цвета.

Видоизменения жаворонка довольно многочисленны, из них некоторые ведут жизнь оседлую, другие кочующую. В теплых странах жаворонки выводят птенцов по два, или по три раза в год; но в странах умеренных – один только раз, почти все они поют и пение многих весьма приятно, разнообразно и продолжительно. Во время пения одни подымаются вертикально снизу вверх и потом спускаются сверху вниз, другие сидят спокойно на толстых ветвях засохшего дерева или на дерновой кочке, а некоторые бегают по ровной земле.

Жаворонки питаются зернами, листьями растений и насекомыми.

Все эти птички, по крайней мере сколько известно, вьют гнезда на земле в бороздах поля, между земляными кочками, или подле сухих пней, находящихся поблизости полей. В строении гнезд не видать большого искусства. Они обыкновенно бывают сделаны из тоненьких сухих былинок, окруженных сухими же листьями. Самка несет от четырех до шести яиц, которые относительно величины птиц вообще бывают очень малы. Птенцы оставляют гнезда очень рано и бегают за своими родителями, которые оказывают к ним примечательную нежность и долго не покидают их.

ФИАЛКА[485]
ПОЛЕВОЙ ЖАВОРОНОК[486]
(*Alauda arvensis*)

Клев 1,1; голова 2,4; крыло 11,4; хвост 7,3; плюсна 2,1; пальцы: внешний 1,2, средний 1,6, внутренний 1,0, задний 1,0; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,6 на внутреннем 0,4, на заднем 1,5; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 18,7; самые крайние хвостовые перья белые с черным косым пятном у зорки, у следующих за ними, т.е. у второй пары с краю, одни только внешние бородки белые.

Этот жаворонок очень известен в Западной России. Тот, кому случалось провести сколько-нибудь весенних и летних дней в деревне, далеко от городского шума, тот, наверное, не раз наслаждался чистым мелодическим пением этого крылатого жильца полей, приветствующего первые лучи восходящего солнца и провожающего последние гармоническими аккордами своего голоса. Говорят, что будто бы в Древней Греции земледельцы в своих полевых работах соображались с песней полевого жаворонка; она служила им знаком начинать или прекратить свои труды, показывала время занятия и отдохновения; утренняя песнь его приглашала жнецов браться за серпы, в полдень, когда солнечный зной принуждал жаворонка искать прохлады в тени густой травы, прерывал его песнь, жнецы тоже, оставляя работу, предавались отдохновению. Когда же дневное светило, склоняясь к западу, умеряло жар своих лучей, в воздухе снова раздавался голос этой птички и давал знать земледельцам о наступлении рабочих часов. При пасмурном небе и в дождливую погоду полевой жаворонок остается на земле молчаливым. Древние греки, не слыша его голоса, не начинали работ, и ненастье было у них тоже временем свободным от всех полевых занятий[487]. Наши земледельцы, или по недостатку поэзии, или от излишней склонности к приобретению, или, наконец, от успехов в измерении времени, работают, когда им есть досуг и охота, не заботясь поют ли жаворонки или нет. Однако же в некоторых местах России сельские жители до сих пор празднуют появление жаворонков и 9 марта в день Сорока святых пекут из пшеничного теста довольно неудачные изображения этих птичек, к которым иногда вместо крыльев и хвоста вставляют веером сложенные бумажки. Остроконечный хохолок, украшающий хлебных жаворонков, заставляет предполагать, что образчиком для них служит не полевой жаворонок, а суседочка (*Alauda cristala*), которая возвращается с юга очень рано, когда еще поля бывают покрыты снегом, и прямо летит в селение искать себе пищи. Кажется, этот обычай есть остаток языческого празднества в честь возвратившейся весны. По крайней мере, хороводная песня "прилетел жаворонок из-за моря, принес весну из загорья" и обыкновение привешивать к потолку, по середине избы, или в переднем углу из теста сделанных жаворонков, дает право так думать.

Полевой жаворонок отличается от соплеменных ему птичек, не столько цветами, господствующими в его наряде, сколько распределением этих цветов. Верхняя часть головы и зашеек украшены черноватыми полосками, отделенными друг от друга изжелта-рыжеватыми. Спинка покрыта перышками изкрасна-охряного цвета с белесоватыми крапинками и темным посредине пятном, по бровям проходит бело-желтоватая полоска, загибающаяся вниз по сторонам шеи и таким образом отделяющая ушки от зашейка; щеки

и ушки изсера-рыжеватые; горло, брюхо и нижние хвостовые покрывала белые с незначительной примесью рыжеватого оттенка; грудь и начала боков рыжие с черными пятнами, которые у старых самцов, сливаясь вместе, образуют под горлом род сплошного ожерелья. Хлуп и верхние хвостовые покрывала почти соцветны спине, все крыловые перья темные, с широкой изжелта-рыжеватой опушкой по краям и белесоватыми кончиками; хвостовые перья тоже темные с рыжеватой опушкой, исключая крайних, первая пара которых совершенно белая с темным пятном у зорки и внешние бородки, следующие за ней, то есть второй пары, тоже белые, С возрастом все цвета в породе полевого жаворонка становятся темнее и обозначаются с большей отчетливостью. Цвета самки вообще бледнее цветов самца. Мы читали в одном сочинении, что если жаворонка кормить конопляным семенем очень часто, то со временем он теряет пестроту своего наряда и становится совершенно черным, недавно почти то же слышали мы от одного любителя певчих птиц. Не говоря именно, что конопляное семя производит такую перемену цвета, он рассказывал нам, что не только жаворонки, но и варакушки, содержимые долго в клетках, теряют цветистые перья и делаются почти совсем черные[488].

Верхняя челюсть клева темная, нижняя несколько посветлее и у молодых основание даже белесовато; плюсна и пальцы у всех возрастов телесного цвета, когти черноватые, задний коготь вообще гораздо длиннее заднего пальца, и у весьма старых самцов бывает длиной около пяти сантиметров.

Эти птички кроткого нрава, они тихи, миролюбивы, доверчивы и общежительны, осенью собираются в большие стада, а зимой в тех местах, где их можно встретить в это время года, летают всегда вместе. В их привычках замечена одна странность, которую можно назвать любопытством, хотя это любопытство обнаруживается только касательно предмета. Вот в чем состоит эта странность: полированная медь, сталь, стекло, словом, каждый блестящий предмет, отражающий в себе солнечные лучи и приводимый в движение, издалека привлекает жаворонка. Как скоро птичка завидит игру солнечных лучей, производимую движением блестящего кусочка меди, или стекла, она прямо летит или бежит к тому месту, где видит этот блеск и начинает бегать или порхать над ним, не обращая внимания ни на крики товарищей, запутавшихся в сети или завязших в силках, ни на звук ружейных выстрелов охотников. Извлекают значительные выгоды из странного любопытства жаворонков, любопытства, всегда гибельного для бедных птичек, и, кажется, не приносящего им никакой существенной пользы. Но легко может быть, что жаворонки, увидев игру света, думают, что она происходит от солнечных лучей, отражающихся в блестящих щитках и *крылышках* насекомых, до которых они большие лакомки. В таком случае их *мнимое* любопытство не представляет ничего странного – ослепленные желанием открыть свою добычу, они обманываются подобно много*им рыбам*, попадающи*мся* на удочку, *гоняясь за* искусственн*ыми мухами и мотыльками*[489].

Полевой жаворонок вьет гнезда на земле между кочками, или подле корней густых кустов травы. Его гнезда довольно плоски и никогда не имеют такой выпуклости, как гнезда других птичек, оно состоит из былинок, или тоненьких корешков, внутри устлано конскими волосками, а снаружи обложено сухими листочками. Все эти вещества не имеют между собой почти никакой связи: ни былинки, ни корешки, ни волоски не перепу-

таны и не скреплены друг с другом, как это замечаем мы в гнездах многих маленьких птичек. Самка несет от четырех до пяти яиц сероватого цвета с темными крапинками. После пятнадцати дней насиживания выходят из них птенцы, а через пятнадцать же дней птенец начинает летать; родители очень заботятся о сохранении своих малюток и часто уводят их из гнезда гораздо ранее этого срока, если только заметят угрожающую им опасность[490]. По свидетельству многих писателей, жаворонки весьма плодовиты и в теплых странах выводят птенцов по три раза в год[491]. Говорят, что как только птенцы могут обойтись без особенных попечений родителей, жаворонки начинают нестись снова, однако же новая любовь и заботы о новых ее плодах не тотчас гасят в них привязанность к первенцам, они долго еще показывают о них свою попечительность и часто следят за не*опытны*ми птенцами.

Материнские чувства весьма замечательны в полевых жаворонках. По словам знаменитого Бюффона, они обнаруживаются у молодых самок, едва выходящих из младенческого возраста, таким образом, что их почти нельзя принимать за простые следствия инстинкта, *воспро*извести и сохранить породу, *времен*но пробуждающ*егося* во всех существах, достигнувших полного развития и скоро *проходящего*. Этот гениальный естествоиспытатель рассказывает, что у него была молодая самка полевого жаворонка, только что начавшая клевать сама, когда в ту же клетку положили гнездо с четырьмя маленькими птенцами, недавно вышедшими из яиц. Как скоро она увидела малюток, тотчас же обнаружила к ним необыкновенную привязанность, начала их кормить, сама согревать, закрывая своими не совсем еще выросшими крылышками, коротко сказать, она заменяла им внимательную нежную мать, ее заботливость о мал*еньких* товарищах заключения дошла до того, что по прошествии нескольких дней бедняжка лишилась жизни от изнурения и голода. Маленькие птенцы не могли пережить потери заботливой *кормилицы*. Ее попечения сделались для них необходимыми.

Как певчая птичка полевой жаворонок весьма уважается охотниками. Правда, его ищут не столько по приятности собственно ему принадлежащего пения, сколько по необыкновенной способности перенимать музыкальные тоны вовсе ему чуждые. По мнению многих любителей, этой способностью он превосходит всех певчих птичек, даже самого зяблика. По прошествии только двух лет голос молодого самца приобретает всю гибкость звучности и полноту, но для его усовершенствования во все это время необходимы постоянное внимание к его успехам, осторожное и благоразумное распределение уроков, и совершенное удаление от нежного слуха воспитанника всех нестройных неправильных и неприятных звуков. Замечают также, что молодые жаворонки, пойманные в октябре и ноябре, способнее других к усовершенствованию. По кроткости своего нрава, они очень скоро привыкают к неволе и становятся такими ручными, что берут корм из рук. Когда они начинают петь, их кормят особенным составом из вареного мяса, смешанного с мякишем белого хлеба, размоченными маковыми семенами, ячменем, овсом и другими хлебными зернами. Маленьких же птенцов, взятых в гнездах, кормят сначала одними размоченными семенами *мака*, потом дают им тоже размоченные крошки белого хлеба, а, наконец, и зерна хлебных растений. У клеток, в которых держат жаворонков, верхняя часть всегда де-

лается из *тонкой* сетки с мелкими ячейками. Без этой предосторожности, жаворонок по естественному влечению поднимается вверх, ударяется головой в крышу клетки и, наверное, расшибает себе череп. Клетку можно усыпать песком, в котором он любит валяться. В неволе жаворонки живут долго. По уверению одних, жизнь их продолжается от десяти до двенадцати лет, а по словам других, они живут вдвое долее и 24-летнего жаворонка нельзя еще считать редкостью. По собственным нашим опытам относительно этого предмета мы не знаем ничего положительного[492].

Полевые жаворонки водятся во всех обитаемых странах Старого света, но до сих пор орнитологи не знают еще наверное живет ли этот вид жаворонка в каком-либо месте Америки. Довольно странно, что насчет перелетов столь обыкновенной птички, как полевой жаворонок, естествоиспытатели не согласны во многих мнениях. *Бюффон* ни слова не говорит в подтверждение переселений жаворонка из умеренных стран Западной Европы в южные при наступлении сурового времени года. Другие писатели решительно отрицают такие переселения и считают этого жаворонка повсюду птицей оседлой. А *Виейлло* и некоторые из новейших орнитологов утверждают, будто бы при наступлении зимы все полевые жаворонки, обитающие в Западной Европе, разделяются на два отряда, из которых один, перелетев Средиземное море, поселяется в Сирии, по берегам Черного моря, а другой остается зимовать на своей родине, где подвергается всем невыгодам и лишениям в продолжении этого трудного времени года. Большая часть оставшихся на родине жаворонков гибнет от недостатка пищи и от нападения охотников и хищных птиц. Все эти потери вознаграждаются весной возвращающимися на родину переселенцами. Наконец, многие писатели, не утверждая и не отвергая периодических перелетов жаворонка, говорят просто, что при наступлении зимы полевые жаворонки собираются в огромные стада и, оставляя возвышенные равнины, обыкновенное их место жительства, ищут мест низменных, закрытых от непогод и обогреваемых солнечными лучами, что при значительном понижении температуры, они исчезают внезапно, а при возвышении ее снова появляются так же неожиданно и что в суровые зимы их встречают во множестве по дорогам и около жилых мест. В это время они бывают так смирны, что позволяют брать себя руками[493]. В Западной России нам не случалось ни самим видать, ни слышать от других, чтобы полевые жаворонки проводили зиму в полях, или когда-нибудь залетали в селения, как бы велика не была стужа. Но в Восточной Сибири, недалеко от Иркутска, 1844 года[494], в конце ноября, когда уже земля была покрыта глубоким снегом, мы раза три встречали полевого жаворонка на проезжей дороге. Несмотря на то, мы не можем сказать какую жизнь ведет полевой жаворонок, обитающий в здешнем крае, оседлую или перелетную? Полевых жаворонков здесь гораздо менее, чем в Западной России, и хотя их нельзя назвать редкими птицами, однако же не везде и не всегда их можно видеть[495].

На Востоке, и особенно на острове Лемносе, полевые жаворонки пользовались таким же благоговейным уважением, какое оказывают наши сельские жители касаточкам; жизнь их была для всех неприкосновенная святыня. Это благоговение некоторые писатели объясняют тем, что жаворонки истребляют много насекомых, как в совершенном, так и не совершенном еще виде, и в том числе саранчу, которая всегда была истинным бичем для

восточных стран[496]; на Западе жаворонки не так счастливы. Обратив на себя внимание прихотливых европейцев, они сделались предметом всевозможных преследований. Охотники по ремеслу, по страсти и от избытка праздного времени, все ловящие, стреляющие и *бьющие* ведут ожесточенную войну с бедной птичкой.

Мясо жаворонков очень нежно и вкусно; давно уже гастрономы смотрят на эту дичь как на лакомое блюдо. Известно, какою огромною знаменитостью пользовались и еще пользуются до сих пор питивьерские пастеты, начиненные жаворонками. Некоторые записные гастрономы жалуются, будто бы мясо жаворонков причиняет тяжесть желудка и колики, но Бюффон весьма справедливо говорит, что эти недуги должно приписать не мясу жаворонка, а мелким косточкам, с которыми обыкновенно едят его.

Синонимия: *Alauda arvensis Linn, Alauda campestris; Alouette commune Buff.; Allouette de chaps*; Обыкновенный жаворонок, Полевой жаворонок, Фиалка.

Атлас, тетр. VII, рис. 1. **[296]**

СИБИРСКИЙ ЖАВОРОНОК[497]
(*Alauda alpestris*[498])

Клев 1,2; голова 2,1; крыло 10,5; хвост 7,3; плюсна 2,1; пальцы: внешний 0,9, средний 1,2, внутренний 0,9, задний 0,7; когти: на внешнем 0,7, на среднем 0,7, на внутреннем 0,6, на заднем 1,5, длина всей от оконечности клева до конца хвоста 18,0.

Сибирский жаворонок водится в северных странах обоих материков, но по окончании лета из мест, лежащих под значительной широтой, удаляется в те, которых широта не так велика. В Восточной Сибири этот вид жаворонка очень обыкновенен и его должно считать постоянным жильцом многих мест этой обширной части Российской Империи, не оставляющим своей родины ни зимой, ни летом. При наступлении осени сибирские жаворонки собираются вместе и во все продолжение зимы летают большими стадами по дорогам и селениям. Летом живут в полях, где обыкновенно вьют свои гнезда. Они немного менее полевых жаворонков, но статнее и наряднее их[499].

У самца этой породы лоб, щеки и горло лимонного цвета, тон которого довольно жив и очень приятен, темя, зашеек и спина серо-оливковые, с черными длинными пятнышками, от черного же лунообразного пятнышка, лежащего немного повыше лба, идут по бровям до висков такого же цвета тоненькие полоски, узенькие длинные перышки, образующие эти полоски, при конце поднимаются вверх и, отделяясь от висков, составляют род тонких, лежащих почти горизонтально, хохолков по обеим сторонам головы. От основания клева до самых глаз идет довольно широкая черноватая полоска и, миновав глаза, *о*пускается вниз к плечам; перышки, покрывающие занимаемое ею пространство, так же как и те, из которых состоит широкое черное ожерелье, отделяющее горло от верхней части груди с желтоватой и белесоватой опушкою, отчего ни глазная полоска, ни грудное ожерелье не имеют настоящего черного цвета; грудь, брюхо и нижние хвостовые покрывала белые, первая покрыта темноватыми крапинками не совсем явствен-

ными, а на боках заметен темно-рыжеватый оттенок и темные черточки; часть щек и ушей закрыты светло-оливковыми перышками. Перья, покрывающие начало и сгиб крыла, изсера-розоватые с белесоватыми крапинками и красноватыми стебельками; крыловые покрывала, задние и средние плавильные перья черноватые с широкой рудо-желтой опушкой, передние тоже черноватые, но кончики их белесоваты, и желтоватая опушка заметна только при оконечности и то не очень явственно. Верхние хвостовые покрывала состоят из довольно узких и длинных перышков с черным посередине пятном и бледно-красноватыми и охряного цвета крапинками. Средние хвостовые перья соцветны задним крыловым, следующие за ними – черные с белесоватыми крапинками и кончиками, а у самых крайних внешние бородки чистого белого цвета; обе челюсти клева, плюсна, пальцы и когти черные.

У самки и у молодых все цвета не столь ярки, черные черточки, идущие выше бровей несравненно короче и перышки, из которых они состоят не доходят до висков и вовсе не отделяются от головы, черное ожерелье у́же *и имеет* вид лунообразного пятна, а пятнышко, лежащее выше лба шире и явственнее. Цвет щек и ушек совершенно сероват, и желто-лимонного цвета нет ни на бровях, ни на горле, ни по сторонам шеи, его заменяет белый, клев, плюсны и пальцы у самок такого же цвета, как и у самцов, но нижняя челюсть клева молодых, при основании, изсиня-белесоватая, цвет же ног гораздо бледнее и в нем заметен красноватый оттенок[500].

Синонимия: *Alauda alpestris Gmel., Lath.; Alauda flava Gmel.; Alouette de Sibérie; Ceinture de prêtre Buff; Alouette à haussecol-noir*; Сибирский жаворонок, Зимующий жаворонок[501].

Атлас, тетр. VII, рис. 2 и 3. **[294, 295]**

КАЛАНДРА[502]
(*Alauda calandra*)

Клев: длина по ребру 1,7, от зевков 2,0; толстота обоих челюстей у основания 0,9; голова 2,6; крыло 12,0; хвост 5,6; пальцы: внешний 1,0, средний 1,8, внутренний 1,1, задний 1,0; когти: на внешнем 0,5, на среднем 0,7, на внутреннем 0,6; на заднем 1,1; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых 17,6; от конца же клева до конца когтя на среднем пальце 18,3; первое плавильное перо равно второму и длиннее всех, третье немного короче второго. На концах всех хвостовых перьев, исключая двух средних, белое неправильной формы пятно; верхние хвостовые покрывала очень длинны и не закрывают хвостовых перьев только на семь миллиметров.

В общем описании жаворонков, мы сказали, что Кювье разделяет этот род на три группы по различию длины, толстоты и кривизны клева. Во втором издании своей таблицы европейских частиц Темминк последовал примеру Кювье и разместил известные породы жаворонка в три отделения, главнейшими признаками которых служат те же изменения и различия в наружном образовании клева. Первое отделение, которое считает он переходом от *пипи* к настоящим жаворонкам, имеет основание клева немного сплюснутое к оконечности [клев], легко сгибающийся, одинаковой длины с головою или даже длиннее головы. У второго, составляющего настоящих

жаворонков клев тонкий, почти прямой и своей формой похожий на длинный конус. К этому отделению принадлежит полевой жаворонок, сибирский или горный, *суседочка* или хохлистый, люлю и другие. Наконец, третье отличается от двух первых плотным *необыкновенно* толстым клевом, которого высота гораздо более широты. В это отделение должно поместить каландру, татарского или черного жаворонка, монгольского и прочее.

Хотя число пород, составляющих семейства жаворонков и слишком велико, и в наружности их с первого взгляда, замечено чрезвычайное родовое сходство, однако же различие в форме клева так разительно и постоянно, что может служить надежным признаком к определению – к какой из трех групп принадлежит данная порода, почему помянутое подразделение Кювье и Темминка кажется не бесполезно для размещения пород в систематическом порядке и даже для *точнейшего* их изучения, и, следовательно, не должно быть оставлено без внимания.

Каландра больше обыкновенного полевого жаворонка, но ее наряд так же не цветист, как и наряд большей части других пород этого семейства; брови, передняя часть щек, горло, стороны щек и вся нижняя часть тела белого цвета, от основания клева к глазам идет темная полоска, к которой на ушках соединяется другая такая же полоска, идущая от уздечек и образует пятно, состоящее из черных перышек, с темно-рыжей оторочкой; от этого пятна по оконечности щек спускается вниз другое темно-рыжеватое, неправильной фигуры, отделяющее белый цвет шеи от белого цвета щек; шея отделена от груди и плеч двумя продолговатыми черными пятнами, разделенными друг от друга спереди против горла белым цветом. Перышки верхней части головы, зашейка, спины и хлупа темно-охряные, с черным посредине пятном и белыми крапинками. Начала крыльев покрыты такими же перышками и перышки, лежащие на крыловых покрывалах черные с широкой охряно-белесоватой оторочкой; крыловые покрывала, задние и передние плавильные перья такого же цвета, но темно-охряный цвет значительно смягчает черный, над которым он господствует на задних плавильных перьях; передние плавильные перья черные с белесоватыми крапинками и кончинками. Верхние хвостовые покрывала темные с рыжеватой оторочкой; четыре *крайние пары* хвостовых перьев черные с рыжеватыми крапинками и белым на кончиках пятном, которое на внутренних бородках шире, а на внешних уже; *цвет* пятой пары рыжеват и пятно менее, а шестая пара, или средний, темного цвета с охряной широкой опушкой. Стороны груди испещрены рыжеватыми пятнышками с черной по середине черточкой, на груди, боках и голенях заметен рыжеватый оттенок, верхняя челюсть клева сверху и при оконечности черная и по краям у основания лимонного цвета, у нижней один только кончик черный, остальная же часть лимонная. Радужная плева глаз темного цвета, плюсна и пальцы изкрасна-белесоватые, когти *беловатые*[503].

Каландра водится в сухих и открытых местах Восточной Сибири и, кажется, не оставляет здешнего края при наступлении зимы, по крайней мере, нам случалось ее видеть в исходе октября, когда уже выпал большой снег и начались сильные морозы[504]. Это может показаться довольно странным, когда вспомним, что каландра обитает преимущественно на севере Африки, и на юге Азии, и в Европе в средней полосе. В последней она попадается довольно редко, а в северной почти никогда.

Эти жаворонки вьют гнезда на земле в высокой траве. Самка несет от четырех до пяти яиц бело-желтоватого цвета, испещренных красноватыми точками и серыми круглыми пятнышками[505]. Пищу каландров составляют зерна разных растений и различные насекомые[506]. Пение ее не так приятно, как пение полевого жаворонка[507].

Синонимия: *Alauda calandra, Lihn., Gmel.; Alauda sibirica Pall; Grosse alouette ou Calandre Buff.; La Calandre de Sibérie; Calandre and Mongolien Lath; Larn; Каландра, Толстоносый жаворонок*[508].

Атлас, тетр. VII, рис. 11. **[297]**

ЗЕРНОЯДНЫЕ
РОД 65
ПОРЯДОК IV
(Granivores)

Клев короткий, крепкий, более или менее конический; ребро его, обыкновенно поднимаясь ко лбу, сплющивается. Верхняя челюсть при оконечности редко с зазубринкой, три передние пальца разделены между собою, крылья вообще средней величины.

ЗИНЬКА
(Parus)

Клев довольно плотный, прямой, конический, короткий, при оконечности заостренный и без зазубринок; основание его покрыто маленькими волосками, и когда верхняя челюсть совершенно пряма, а иногда от ноздрей до оконечности круто согнута; края обоих челюстей острые. Ноздри лежат у основания, по сторонам кругловатые и почти совершенно закрыты маленькими перышками, направленными вперед. Ноги плотные, о четырех пальцах, из которых три передние совершенно отделены один от другого, коготь заднего пальца больше и крепче передних когтей и загнут гораздо круче. Сторожевое или первое плавильное перо, или средней длины, или очень мало и едва заметно; второе гораздо короче третьего, которое длиннее всех остальных; четвертое и пятое больше второго[509]. Хвост обыкновенно средней длины, ровный или развилистый, но иногда очень длинен и в таком случае перья его расположены уступами.

Принимая образование клева главнейшим родовым признаком для методического распределения птиц Кювье разделил род зин*ек* на три отделения настоящих зин*ек*, усаток и ремезов; основанием своего подразделения знаменитый естествоиспытатель взял изменения, замечаемые в наружности клева и даже в *одной* только оконечности этого органа; но как такие изменения весьма часто бывают вовсе незначительны, но Темминк признает раздробление рода зинек на три отдела совершенно лишним и отвергнув его, ограничивается разделением зинек на два отдела, настоящих и усаток или ремезов, не по наружному образованию клева, а по резкой противоположности их привычек и по различной длине сторожевого пера; настоящие зинки или синички живут предпочтительно в местах сухих, возвышенных и ле-

систых. Сторожевое перо у них обыкновенно средней длины; усатки или *ремезы*, напротив, любят места влажные и болотные, гнездятся в камышах, тростниках, или в кустарниках и на деревьях, растущих по берегам ручейков рек и озер. Сторожевого пера у них или вовсе нет или оно очень маленькое. Трудно быть судьей между такими учеными как Кювье и Темминк, но каждый вправе из двух мнений избрать то, которое кажется ему справедливее, то есть которое ближе подходит к его собственному, поэтому, не принимая на себя смелости решить, который из двух естествоиспытателей узрел истину лицом к лицу, принимаем мнение последнего как более согласное с нашими мыслями и с нашим воззрением на произведения природы, разнообразные до бесконечности.

Но если некоторые виды зинек отличаются от других родом жизни, то все они чрезвычайно сходны между собой своим нравом в этом отношении, кажется, никак не имеет никакого влияния ни климат, ни место жительства. Все они очень живы, смелы, мужественны, драчливы и даже в своих поступках обнаруживают некоторую лютость. Ни одна из зинек не остается долго на одном и том же месте, они безпрестанно перепархивают с ветки на ветку, от одного дерева на другое, едва коснутся земли и уже снова прыгают по веткам или, ухватясь за их кончики, висят спиной вверх, качаются, вертятся кругом и повсюду высматривают скрывающихся насекомых, повсюду преследуют их как наилучшее лакомство. Можно подумать, что крылья и ноги синичек с трудом успевают следовать за подвижностью *их* воли все эти движения обыкновенно сопровождаются писком или *гр*омкими трелями. При защите гнезда, пищи или даже места, избранного временным ночлегом, зиньки показывают настойчивость и смелость; они никогда не оставляют оспариваемого предмета, не истощив наперед всех средств удержать его за собой. Нередко случается видеть, как зинька, уцепившись за ветку ножками, в висячем положении защищает место, на котором она сидит, и часто трудность защиты не препятствует ей остаться победительницей. Не трудно так же заметить и сварливость их нрава, отыскивая везде насекомых, они беспрестанно заводят ссоры и драки с другими птичками без всякой видимой причины. Что же касается до вероломства и лютости, в которых обвиняют их многие писатели, нам не удалось заметить в нраве зинек ничего подобного. Может статься такие качества принадлежат только некоторым видам этого рода или они обнаруживаются не иначе как при стечении особенных обстоятельств. Лазоревка, которой приписывают наиболее злости, в самом деле очень зла, но злость ее заключается в защите, а не в нападении. Впрочем, как бы то ни было, но нельзя полагать, что бы зиньки заклевывали до смерти посаженных с ними в одну клетку птичек единственно из злости и с желанием съесть мозг своей жертвы. У нас зиньки всегда жили в одной комнате с другими птичками и нередко и в одной клетке, правда, недолго. Однако же, ни одна птичка не была заклевана ими.

Все птички этого рода ведут жизнь оседлую; но при наступлении зимы многие из них, оставляя обыкновенные свои жилища, прилетают в селения, где надеются найти и находят всегда верный корм. Другие, напротив, постоянно избегают населенных мест и держатся в лесах и рощах. В это время года некоторые виды зинек собираются в большие стада, которые оставляют не ранее начала весны. В их стаде, как бы оно многочисленно не было, царствует не только *миролюбие и согласие*, но даже дружество; и некоторые и

зимой летают поодиночке или парами. Хотя насекомые составляют главнейшую пищу зинек, однако же, за недостатком их, они едят охотно семена различных растений и в особенности любят зерна, содержащие в себе много масла, а по уверению некоторых естествоиспытателей, зиньки питаются также мясом мертвых животных и нередко, отыскав гнездо маленькой птички, выжидают удобного случая воспользоваться своим открытием и лишь только птенцы, оста*вшись* одни, не могут ожидать защиты своих *родителей*, хищницы тот же час нападают на слабых малюток и, расклевав им череп, съедают мозг. Это приводит нас снова к лютости зинек и припоминает нам слова г-н Драпье, который сказал, что, по его замечанию, злость этих птичек обнаруживается более всего во время их заточения, говорит: "Зинька всегда кончает свою ссору тем, что рано или поздно лишает жизни своего соузника и мне не раз случалось быть свидетелем, как в течение одной ночи зинька заклевывала до смерти всех товарищей своего заключения и оставалась полной властительницей опустошенного ей птичника". Ученость и наблюдательность г-на Драпье не подлежит ни малейшему сомнению, но не вкралась ли какая-нибудь ошибка в его наблюдении над зиньками? При его обширных занятиях эта вещь весьма возможная, не были ли птички, посаженные в один птичник с зинькой, умерщвлены каким-нибудь хищным зверьком, ласточкой, крысой или даже мышью, а не зинькой, которая может быть избегла подобной участи случайно или ее мужество и смелость спасли ей жизнь. Случавшееся с нами самими служит нам поводом к таковому предположению. Два раза мы находили около дюжины разного рода птичек, посаженных в одну большую клетку, которая стояла на полу комнаты, передушенными в продолжении ночи, почти у всех череп был вскрыт, а мозг съеден. Первый раз между узницами не было ни одной зиньки, во второй – были две и обе подвергнулись одинаковой участи с щеглятами, [качалками] и снегирями. После долгих розысков нам удалось открыть, что виновницей всех этих убийств была обыкновенная бурая крыса.

Зиньки не глотают насекомых целиком, как то делают многие насекомоядные птички, и не размельчают их челюстями клева, как большая часть зерноядных, также и семена растений они не грызут и не очищают зерна от шелухи и плевы, переворачивая его языком между челюстями, как лущат семена воробьи, чечотки, снегири и подорожники, но, ухватив внутренними пальцами ножек, насекомое или зерно, держат его очень крепко и клевом очищают питательные части от всех посторонних веществ, отделяя их маленькими кусочками, которые проглатывают один за другим. Вероятно, образование их языка и челюсти не позволяет им грызть зерна и жевать, а устройство зева и горла препятствует проглатывать насекомых, не размельчив их на части. Может *быть*, так же для их желудка необходима нежная и питательная пища, очищенн*ая* совершенно от всех неудобоваримых веществ*в*.

Род зинек замечателен необыкновенной плодовитостью; многие породы этих птичек выводят до двадцати птенцов, которых выкармливают с удивительной заботливостью. Родительская их нежность обнаруживается особенно в то время, когда опасность угрожает их малюткам при нападении на гнездо *хищной* птицы или зверька. Мужество и смелость зинек невероятны. Они не употребляют хитростей, не стараются обратить на себя внимания неприятеля, отвлечь от своих птенцов, не притворяются слабыми, дурно летающими, как это делают леснички, но прямо с поразительной отвагой броса-

ются на хищного врага в полной уверенности, что мужество и смелость скорее восторжествуют над силой, чем все хитрости и обманы.

Многие зиньки вьют свои гнезда в древесных дуплах высоких и густых деревьев, другие в расселинах скал и в трещинах стен уединенных зданий, а некоторые помещают свои гнезда на ветвях дерев и кустарников, но вообще в их строении видно искусство и соображение.

Самка редко отличается от самца цветом своего наряда, а если и бывает между ними какая-нибудь разница, то весьма незначительная. Немногие породы зинек составляют исключения из этого правила, которое можно назвать общим для их рода. Главные цвета, украшающие этих птичек, вообще довольно ярки. Зеленый, желтый, голубой, белый и черный обыкновеннее темного, оливкового, синего, розового, красноватого, коричневого и оранжевого, распределение таких цветов разнообразно; но почти всегда один какой-нибудь цвет занимает известное пространство и разделяется или ограничивается другим, а не служит ему полем, потому что у большой части зинек наружные края и концы перьев, исключая крыловые и хвостовые, всегда бывают соцветны середине. У весьма немногих пород середина спины и грудных перьев не одинакового цвета с краями, отчего на этих частях тела образуются пятнышки; в таком случае обыкновенно цвет оторочки или краешков пера служат полем цвету его середины. Нельзя сказать *у*твердительно, но, кажется, что такое смешение цветов в одном пере принадлежит одним усаткам и то не всем, а у настоящих зинек перья всегда соцветны. Само собой разумеется, что это относится только к бородкам пера, остающимся снаружи, а не ко всем потому что бородки, лежащие подле начала или зорки пера, почти всегда отличаются цветом от тех, которые лежат далее и при самой оконечности его.

Пение всех вообще зинек не заключает в себе особенной приятности – оно состоит обыкновенно из писка, щебетания и трелей, последние резки, звонки и пронзительны.

Большая часть видов, принадлежащих к этому роду, водится в Европе и Азии; в Африке и Северной Америке их менее, а в *Океании* до сих пор найдена одна только порода.

СИНИЧКА[510]
(Parus major)

Клев 1,2; голова 1,9; крыло 7,2; хвост 8,0; плюсна 1,1; пальцы: внешний 0,9, средний 1,2, внутренний 0,9, задний 1,0; когти: на внешнем 0,4 на среднем 0,*45* на внутреннем 0,4, на заднем 0,8; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 14,5; длина всей от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 12,1; перья: плавильное перо очень маленькое и узкое, второе короче третьего; хвост ровный, внешние бородки крайних его перьев и часть внутренних до половины всей длины пера белые.

В продолжении теплых весенних и летних дней синичка скрывается в глубине густых лесов, которыми так изобильна Восточная Сибирь, там бесчисленное множество различных насекомых доставляют ей и ее птенцам привольную пищу. При наступлении только осенних морозов она начинает посещать селения и почти не оставляет их в течение зимы, особенно, если поблизости жилья находятся деревья и кустарники. В это время она идет на

каждую приманку, смелость ее удивительна, кажется, синичка очень хорошо понимает всю опасность своей отваги и пренебрегает этой опасностью. Без сомнения, ощущение голода, подавляя в ней природную осторожность, заставляет решаться на все. Десять раз она попадает в западню и снова идет в нее и это не от глупости, потому что во многих случаях эта птичка обнаруживает много ума и соображения[511].

Наружность и движения синички, как и всех вообще зинек, очень приятны. В последних много живости и прелести, особенного рода убор ее пестр и цветист. Если бы воображение наше пленялось одной красотой предметов, а не их редкостей, если бы предметы, часто встречаемые нами, лишаясь своей новости, не утрачивали с нею и своей привлекательности, то синичку, которая почти не обращает на себя нашего внимания, как птица слишком обыкновенная, мы нашли бы очень красивой и вместо того, чтобы называть ее обыкновенной, простой синичкой, назвали бы, конечно, нарядной. Верхняя часть ее головы, стороны шеи и горло глубокого черного цвета с *фиолетовым* отливом, щеки чистого белого цвета, на защейке белое пятно с желтоватым оттенком, спина зеленая, хлуп и верхние хвостовые покрывала пепельные, вся нижняя часть тела яркого лимонного цвета, от горла вдоль груди и брюха до нижних хвостовых покрывал идет черная довольно широкая полоса, перышки, покрывающие начало крыльев, голубо-пепельные и края их гораздо светлее середины, крыловые покрывала пепельные с желто-зеленоватой опушкой, которая на концах принимает бледно-желтый тон. Задние плавильные перья темно-пепельные с белесоватой оторочкой, передние такого же цвета. Но оторочка их зеленая, хвостовые перья пепельного цвета, у крайних внешние бородки белые.

Клев темного цвета, плюсна и пальцы темно-синеватые, когти черные; между полами мы не заметили никакого различия в цветах, но некоторые птицеловы утверждают, будто бы у самки грудная полоса на нижней *части* брюха всегда бывает гораздо шире, чем у самца.

Синички никогда не летают стадами, редко даже парами, целый день они проводят в отыскивании пищи, а на ночь прячутся в дупла, расселины скал и даже в трещины стен уединенных зданий. Эти птички никогда не ночуют на ветках под открытым небом, даже в клетке для отдохновения ищут места, закрытого сверху и с боков, гнезда вьют тоже в дуплах высоких деревьев. Самка несет от восьми до пятнадцати яиц белого цвета с красными крапинками[512].

Синонимия: Parus major; Le Charbonniere; Grande mesange; Большая малиновка, Угольщица; Синица, Синичка, самец (в Восточной Сибири), Зинька[513].

Атлас, тетр. VIII, рис. 6 **[298]**

МОСКОВКА
(Parus ater)

Клев: по ребру 0,8, от зевков 1,6; голова 1,4; крыло 5,5; хвост 4,6; плюсна 1,1; пальцы: внешний 0,4, средний 0,8, внутренний 0,4, задний 0,6; когти: на внешнем 0,35, на среднем 0,4, на внутреннем 0,35, на заднем 0,6; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 10,6, от конца же клева до оконечности когтя среднего пальца 9,1; первое плавильное перо очень коро-

тенькое и узенькое, второе короче третьего, третье почти равно четвертому, которое равно пятому и шестому и длиннее всех следующих за ними[514], и хвост *немного* развилист.

Эта порода зиньки водится тоже в густых лесах, которые оставляет только осенью и зимой при наступлении холодов. Она начинает посещать жилые места, подле которых находятся конопляники, куда иногда прилетает значительными стадами даже под исход лета, когда конопляное семя уже созревает. [В] Восточной Сибири московка встречается гораздо чаще, чем в Средней и Южной России[515].

Сходство московки с синичкой, исключая величины и формы хвоста, поразительно. Мы находим его в самом распределении цветов, которые, однако же, у нее не имеют ни живости, ни блеска, и если бы самостоятельность породы не была слишком очевидна, то московку можно бы принять за постоянный вариант синички с большей основательностью, чем монашенку считать не измененным вариантом московки, как думали Бюффон и сотрудник *его* по орнитологии. Нравы и привычки сближаемых нами птичек почти совершенно одинаковы: обе они живут в одних и тех же местах и бóльшую часть года проводят в лесах, обе помещают свои гнезда в дуплах на весьма значительной высоте от земли[516]. Но в цветах московки, как мы заметили выше, нет ни свежести, ни яркости. Верхняя часть ее головы и шеи черные с *фиол*етовым отливом, на зашейке белое полукруглое пятно, щеки и стороны шеи чисто-белые, горло и верхняя часть груди одинакового цвета с верхушкой головы, спина, хлуп и верхние хвостовые покрывала изголубо-пепельные. На последних этот цвет принимает желтоватый оттенок, грудь и брюхо весьма слабого желто-рыжеватого цвета, перышки, покрывающие начало крыла, черноватые с пепельными крапинками, но те, которые лежат на крыловых покрывалах, совершенно черные с белым на кончике пятном. Крыловые покрывала тоже черноватые с пепельной опушкой и белыми концами, задние и средние плавильные перья черные с белесоватой оторочкой, передние такого же цвета, но опушки их темные. Хвостовые перья *при* оконечности *округлены* внутренние их бородки черноватые, внешние светло-пепельные и при начале несколько желтоваты; клев, плюсна и пальцы темного цвета, когти белесоватые.

Самка одинакового цвета с самцом[517]. По словам многих писателей, она несет до двадцати яиц, белых с пурпуровыми крапинками[518].

Синонимия: Parus ater Linn.; Petit charboniere; Le Mesange à tête noire; Московка, Кузнечик, Маленькая угольщица[519].

Атлас, тетр. VIII, рис. 7 **[299]**

МОНАШЕНКА[520]
(Parus palustris)

Клев по ребру 0,9; голова 1,9; крыло 1,4; хвост 5,8; плюсна 1,4; пальцы: внешние 0,4, средние 0,9, внутренние 0,4, задние 0,6; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 0,6; длина всей от конца клева до оконечности хвоста 12,5; хвост немного развилист.

Почти во всей Восточной Сибири монашенка так же известна, как и обыкновенная синичка. Любя подобно другим зинькам леса и рощи она водится только в местах лесистых и весьма редко залетает в безлестные. Осе-

нью и зимой эта птичка тоже посещает селения, куда привлекает ее надежда воспользоваться избытками человеческого труда и промышленности[521]. Звонкий и приятный голос монашенки обращает на нее внимание любителей певчих птиц и *невзрачность* ее наряда с излишеством вознаграждают легкость и приятность ее движений. В самом деле, ловит ли она насекомых или расклевывает зерно, скачет ли по земле или цепляется за кончик древесной ветки; изъясняет ли чувствование любви и нежности или, тоскуя о потерянной свободе, ищет средств к освобождению, во всех ее движениях дышет какая-то прелесть, в них нет ни бурных порывов, ни безжизненной медленности. Кажется, самая простота ее цветов гармонирует с ее, по-видимому, миролюбивым и кротким нравом. Мы говорим, по-видимому, потому, что нрав ее одинаков с прочими соплеменными ей птичками, и, вероятно, далек от миролюбия и кротости. Впрочем, в монашенке не заметно ни той злости, ни той драчливости, которыми поражает нас лазоревка.

У монашенки верхняя часть головы и зашеек глубокого черного цвета; спина, плечи, хлуп и верхние хвостовые покрывала серо-оливковые; щеки и стороны шеи чисто-белые, а грудь, брюхо и нижние хвостовые покрывала белесоватые; под клевом на горле небольшое продолговатое пятно черного цвета; все крыловые перья черноватые с серо-оливковой опушкой, но на передних опушка белесовата, хвост немного развилист и его перья соцветны крыловым, кончики их закруглены, клев темный, плюсны и пальцы изсиня черноватые, когти черные[522].

Монашенки никогда не летают стадами, даже очень редко встречаются парами, исключая весны, в это время самец не разлучается с самкой, которая ничем от него не различается; она несет от десяти до двенадцати яиц белого цвета с пурпуровыми крапинками[523].

Синонимия: Parus palustris, Linn.; Parus atricapilus, Gmel., Buff; Mesange cendre, Nounette cendre; Синица белая, Синичка, Монашенка[524], Синичка (в Восточной Сибири).

Атлас, тетр. VIII, рис. 8. **[300, 301]**

ДОЛГОХВОСТАЯ МАЛИНОВКА[525]
(Parus caudatus[526])

Клев: верхняя челюсть длина по ребру 0,7, от зевков 0,8, толстота у основания 0,35; нижняя челюсть от зевков 0,75, толстота у основания 0,35; голова 1,4; крыло 6,4; хвост 8,9; плюсна 1,4; пальцы: внешние 0,7, средний 0,8, внутренний 0,7, задние 0,6; когти: на внешнем 0,2, на среднем 0,35, на внутреннем 0,2, на заднем 0,4; длина всей от оконечности клева до конца второй пары хвостовых крыльев 14,1; средние хвостовые перья немного короче следующих за ними, которые длиннее всех других, постепенно уменьшающихся в величине от средины к краям, так что самые крайние короче прочих, отчего оконечность распущенного хвоста образует вытянутый полуэлипс с выемкой на вершине.

Малиновка, как и все другие виды ее рода, принадлежит к постоянным жильцам Восточной Сибири. В начале осени, когда отлетные птицы приготовляются к дальнему путешествию урочного переселения, малиновки собираются в огромные стада, которых они не оставляют ранее весны. В это время наступает для них пора любви и родительских забот, их положение из-

меняется, каждая чета ищет безопасного места, где бы надежнее скрыть плоды своей любви от зорких неприятелей, а у такой маленькой птички как долгохвостая малиновка их много. В сильные морозы здешних зим в лесах и рощах очень часто встречаются такие стада, все члены этих многочисленных обществ всегда летают вместе, ни на шаг не отставая друг от друга. Если это дружеское сообщество, соединенное узами непобедимого инстинкта самосохранения, садится на дерево, покрытое пушистым инеем, его вершина, кажется, вдруг *получает* жизнь. Все ее веточки бывают, так сказать, унизаны *этими* крошечными созданиями. Тут можно видеть их во всех возможных положениях: одна висит головой вниз, другая, уцепившись за тоненький побег веточки, трепещет крылышками, то приподнявшись на ножках, беспрестанно ворочая то в ту, то в другую сторону головку, а эта присев смотри вниз, высматривает нет ли *в* какой-нибудь трещине древесной коры, оцепеневшего от стужи насекомого. Одним словом, тут все одушевленно, все подвижно и разнообразно, как самая жизнь. Нельзя смотреть без особенного чувства на это движение, сопровождаемое беспрерывным писком и шорохом крыльев. Сколько прелести во всех позах этих красивых творений, какое согласие, какое миролюбие в этом волнующемся обществе и при каких обстоятельствах, когда недостаток, нужда и голод тяготят *над* всеми его членами вместе и над каждым из них порознь. Когда природа, скрывая от них все свои дары, все свои блага, оставляет их собственным средством сохранить свое существование, при виде подобного зрелища *невольно* приходит на мысль, что сердце их бьется для одной только любви и дружбы, что в нем нет ни одного изгиба, где бы могли скрываться неприязненные чувства злобы и зависти.

Но эта птичка нравится нам не одними качествами общежительности, столь приятными нравственному нашему чувству; ее красивая наружность доставляет также удовольствие чувству изящного, не блестящие, но мягкие цвета ее пушистых перьев, соразмерность всех частей тела и длинный, уступами расположенный хвост, дают ей особенную прелесть, которой не находим мы даже в нарядных зиньках, украшенных яркими цветами и одаренных необыкновенной живостью и красотой движений. *Перышки, покрывающие* голову, спину, хлуп, грудь и брюхо долгохвостой малиновки своим устройством отличают ее от всех других зинек, их бородки очень длинны, мягки, лишены упругости, не цепляются друг за друга и остаются всегда разъединенными подобно бородкам самого нежного пуху; голова, грудь и брюхо у нее чистого белого цвета, зашеек и спина изкрасна-светло-каштановые. Этот цвет по средине спины пересекает белая полоска, идущая дугой от начала одного плеча до другого, и черным пятном, которое разделено пополам той же полосой; хлуп и верхние хвостовые покрывала черные, а бока и нижние хвостовые покрывала светло-*вишневые*. Перышки, которыми закрыт сгиб крыла, черные, крыловые покрывала, передние и средние плавильные перья того же цвета, но у первых – кончики белые, у вторых – бородки при начале и оконечности только пера белы, а последние окружены во всю свою длину широкой оторочкой этого цвета, прикрылья совершенно белые с черными стебельками, средние хвостовые перья совершенно черные, две следующие за ними пары с легкой белой оторочкой при начале, а три крайние пары более всей половины своей длины наискость белые; черный цвет спинного пятна хлупа, крыловых и хвостовых перьев весьма силен и бархатист,

ирис глаза темный, а веки яркого оранжевого цвета; клев, плюсна, пальцы и когти черные.

У молодых каштановый цвет почти вовсе не имеет красного оттенка, а на голове местами бывают черные черточки. Некоторые орнитологи пишут, что самка отличается от самца черными полосами идущими от клева чрез глаза к зашейку и соединяющимися посредине спины вместе. Нам не случалось заметить такого различия между полами долгохвостой малиновки. Бывшая у нас молодая самка не имела черных глазных полос, но красный оттенок ее спины и нижних хвостовых покрывал был чрезвычайно слаб. Пишут также, что у этого вида зинок нет постоянства ни в тоне, ни в расположении цветов, что величина и фигура занимаемого ими пространства весьма неопределенны, хотя мы не заметили в наряде виденных нами малиновок значительного разнообразия, однако же не отрицаем его возможности[527]. Такое разнообразие показалось бы нам даже весьма вероятным по чрезвычайной плодовитости этой птички, если бы московка, лазоревка и другие, *столь* же обыкновенные виды этого рода, несмотря на необыкновенную плодовитость, не представляли в своем уборе удивительного постоянства как в тоне цветов, так и в распределении их, ибо излишняя плодовитость кажется есть одна из главнейших причин изменения цвета, величины и наружности индивидуумов. Произв*одя* много, природе необходимо разнообразить до бесконечности, для сохранения *инди*видуальности, она более и более *удаляется* от первоначального типа. Доказательством тому могут служить животные и птицы, приученные к домашнему быту, где теплое и удобное во всех отношениях помещение, питательная и обильная пища развивают их плодовитость до крайних ее пределов, или, сокращая промежуток между одним воспроизведением и следующим за ним, или увеличивая число воспроизводимых *инди*видуумов. Может статься, мы заблуждаемся, но это предположение в наших глазах имеет более *вероятия*, чем то, которым один знаменитый естествоиспытатель объясняет, почему в некоторых породах встречается множество *инд*ивидуа*ль*ных вариантов. По его мнению внутренняя форма таких пород слишком слаба, неопределенна и подвижна, а потому и не может с неизменной точностью воспроизводить первоначального типа.

Долгохвостая малиновка вьет гнезда в лесах, между густым низкорослым кустарником. Гнездо ее имеет фигуру яйца, поставленного вертикально, оно бывает большей частью прислонено к пню между двух веток. Поросты – мох и шерсть, перемешенная и сплетенная вместе с неподражаемым искусством, составляют главные материалы для постройки этого дивного здания, которого внутренность уложена с неменьшей тщательностью перышками и пухом. Для входа и выхода с боку гнезда оставляется одно отверстие, но гораздо чаще их бывает два, и в этом случае они располагаются одно против другого по прямой линии так, что птичка входит и выходит из гнезда не поворачиваясь. Можно думать, что устройство гнезда долгохвостой малиновки с двумя противолежащими отверстиями обыкновеннее и естественнее, чем с одним, потому, что в последнем случае ей очень трудно выходить из закрытого кругом своего жилища. Чтобы не измять и не переломать длинных перьев своего хвоста она, поворачиваясь к выходу, необходимо должна приподнимать их на значительную высоту, или пятиться назад до самого края гнезда, внутренняя широта которого менее десяти сантимет-

ров, а как длина хвостовых перьев без малого десять, то, прибавя к этому около четырех с половиной сантиметров длину туловища, которое не может сгибаться от сросшихся позвонков хребта в одну сплошную почти спинную кость, легко представить себе как неудобно и затруднительно малиновке выходить из ее гнезда, если оно построено с одним только отверстием для выхода и входа. Наружная широта гнезда этой зиньки бывает обыкновенно четыре дюйма или около десяти сантиметров и трех миллиметров, а высота восемь дюймов или около двадцати сантиметров и шести миллиметров[528]. Самка несет от пятнадцати до двадцати яиц белесоватого цвета с красными пятнышками к тупому концу[529].

Малиновка весьма обыкновенна в средней полосе России и во многих местах Западной Европы.

Синонимия: Parus *caudatus;* Mesange á longe queque, la Flêche; Долгохвостик, Хвостовка, Долгохвостая малиновка[530]

Атлас, тетр. VIII, рис. 9. **[302]**

ЗЕРНОЯДНЫЕ
РОД 66
Порядок IV
(Granivores)

Клев короткий, крепкий, более или менее конический; ребро его, обыкновенно поднимаясь ко лбу, сплющивается. Верхняя челюсть при оконечности редко с зазубринкой, три передние пальца разделены между собою, крылья вообще средней величины.

ПОДОРОЖНИК
(Emberiza)

Клев короткий, плотный, конический, по сторонам сжатый, а при оконечности острый, заостренные края его челюстей сгибаются внутрь, сами же челюсти при основании не сходятся плотно одна с другой, верхняя немного уже нижней и внутри снабжена костяным желвачком, ноздри лежат при основании клева и часто до половины закрыты лобовыми перышками; три передние пальца совершенно отделены друг от друга; сторожевое или первое плавильное перо немного короче второго и третьего, которые длиннее всех других; в хвосте двенадцать перьев, из них почти всегда средние короче крайних, отчего хвост *развилист*.

Почти все виды, принадлежащие к многочисленному роду подорожников, ведут кочующую жизнь, немногие из них могут быть названы оседлыми птицами в строгом смысле этого слова, которые никогда не оставляют места своей родины, но все они имеют местом жительства известные только страны или округи, которые постоянно предпочитают *другим* и которые перелетные породы оставляют только во время периодических своих переселений.

Подорожников можно считать так же насекомоядными, как и зерноядными птичками. Насекомых они всегда предпочитают зернам, к которым прибегают, кажется, более по необходимости, чем по внушению вкуса. Однако же растительная пища ни сколько не вредит, напротив, она нередко способствует их утучнению.

Между породами, составляющими этот род, замечается точно такое же различие в образовании когтя заднего пальца как и у пастушечек. У некоторых из них задний коготь гораздо короче пальца и согнут довольно круто, у других он равен или длиннее пальца и дуга его очень растянута, кроме того, привычки одних как будто бы вследствие изменения этого органа значительно отличаются от привычек других. Первые обыкновенно живут в лесах и рощах, на берегах рек и ручейков, осененных густыми кустарниками и значительной высоты деревцами, или в высокорослых болотных камышах, любят сидеть на древесных ветвях, на которых держатся очень крепко и проводят ночь. Последние, напротив, почти никогда не садятся на тоненькие веточки дерев и кустарников, встречаются большей частью в местах открытых, на безлесных горах, по перелескам и по опушке лесов. Однако же надобно сказать, что несмотря на различие привычек, все виды подорожников сходны между собой нравом, все они смирны, общительны и доверчивы до неосторожности, почему многие естествоиспытатели почитают их до крайности глупыми, что кажется совершенно несправедливо, ибо доверчивость и смелость не всегда бывает следствием недостатка умственных способностей, так точно, как хитрость, излишняя осторожность и боязливость, нельзя принимать безошибочно вывеской тонкого проницательного и обширного ума.

Исключая время любви и воспитания птенцов, подорожники летают большими стадами, нередко в стаде одной породы встречается несколько семейств совершенно других пород.

Помещение и строение гнезда изменяется сообразно привычкам каждой породы. Подорожники, живущие в открытых местах, вьют свои гнезда в густых кустарниках, или в высокой траве; обитающие на берегах рек и ручейков, помещают их между ветвями небольших деревцов и тенистых кустов. Те же, которые любят влажную почву болот, прицепляют свое гнездо посредине камышовых стеблей, которые сближают вместе и связывают тоненькими былинками. Основание и внешние стороны гнезда почти всегда состоят из переплетенных и скрепленных между собой тоненьких стебельков разного рода растений, а внутренность у некоторых пород устилается толстым слоем пуха. У других же конскими волосками белого цвета. Самка несет вообще от четырех до пяти яиц, испещренных обыкновенно крапинками какого-нибудь темного цвета. В насиживании подорожники обнаруживают удивительное терпение и постоянство, самка скорее позволит взять себя с гнездом, чем решится оставить плоды своей любви в добычу хищнику. Та же привязанность заметна в них и к своим птенцам. Родители не оставляют их и в то время, когда уже они могут обойтись без постороннего попечения и все еще продолжают кормить и заботиться о их сохранении.

Во всех породах, совершенно взрослый самец цветами своего наряда отличается от самки. Его наряд, особенно во время любви, большей частью цветист и блестящ. Молодые обоего пола до первого линяния мало имеют сходства со своими родителями, все их цвета тусклы, неопределенны и смешаны, после этого линяния в наряде полов обнаруживается значительное различие, в это время легко отличить самку от самца, который уже носит следы будущих украшений. Но настоящие цвета как самца, так и самки получают только после линяния следующей весны и даже позднее.

Подорожники выводят птенцов только один раз в течение года, доказательством этому служат оседлые породы, проводящие зиму в местах известных суровостию своего климата. У нас зимовали три перелетные вида этих птичек в теплой и просторной комнате, но несмотря на все удобства жизни, при изобильной и *переменной* пище, они не обнаруживали ни малейшей склонности к любви.

Между цветами, украшающими наряд этих птичек, господствуют обыкновенно рыжий различных тонов, желтый, черный и белый, верхние части тела у всех пород без исключения испещрены пятнами и черточками, составляющими *сплошные* или перерывающиеся полоски, два средние хвостовые пера одинакового цвета с задними большими крыловыми покрывалами, а крайние или до *половины* белые, или с белым на конце пятном.

Походка подорожников состоит из последовательного ряда небольших, но частых прыжков. Они всегда скачат, а не бегают подобно жаворонкам.

Русское наше название "подорожник", вероятно, дано этим птичкам потому, что их чаще всего встречаешь на больших дорогах, где они собирают оброненные хлебные зерна[531]. Виды этого рода обитают во всех частях земного шара, исключая Южную Америку. В Восточной Сибири находится много пород собственно ей принадлежащих, *или*, по крайней мере, до сего времени не попадавшихся в других странах, находятся также и такие, которые весьма обыкновенны в Западной Европе.

Некоторые из этих птичек славятся вкусом своего мяса, и многими гастрономами считаются лакомым блюдом.

КАМЫШЕНКА[532] (Emberiza arundinacea[533])

Клев 0,8; голова 1,8; крыло 7,0; хвост 5,7; плюсна 2,0; пальцы: внешний 1,0, средний 1,4, внутренний 0,8, задний 0,6; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,5, на внутреннем 0,4, на заднем 0,7; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 13,6; первое плавильное перо немного короче второго и третьего, которое длиннее всех других. Средние хвостовые перья короче крайних, на внутренних бородках которых большое клинообразное пятно белого цвета.

Камышенка принадлежит к числу летних жильцов Восточной Сибири, предпринимающих ежегодно периодические переселения в теплые страны Юга, прилетая сюда вместе с другими соплеменными ей птичками, около половины апреля, она гостит здесь не долее пяти месяцев и в середине сентября снова отправляется в путь[534]. Хотя камышенку нельзя назвать редкою птичкою, однако же ее очень редко можно видеть на дорогах и подле селений. Обитая преимущественно *в местах*, изобилующих камышом, она почти никогда не покидает их и чаще встречается по берегам рек и озер, покрытых этим растением, чем в местах сухих и возвышенных, которые и во время перелета редко и не надолго избирает для своего отдохновения.

Наряд этого подорожника не цветист, но узорчат и потому очень приятен для глаз.

У самца голова, щеки, горло и середина груди черного цвета, зашеек, нижняя часть щек, грудь и брюхо белые, через лоб и глаза проходит желтоватая полоска, щеки и середина горла испещрены тоже желтоватыми непра-

вильными пятнышками, спина бледно-рыжеватая с черными продолговатыми полосками, перерываемыми темно-рыжей оторочкой перышков, покрывающих эту часть тела, хлуп и верхние хвостовые покрывала нечистого охряного цвета, последние с темными посередине пятнами, бока, брюха рыжеваты и покрыты черными черточками. Перышки, покрывающие сгиб крыла, черные с белесоватой опушкой и черточками яркого рыжего цвета. Крыловые покрывала, средние и задние плавильные перья черные, с широкой бледно-рыжеватой вокруг каймой, на передних плавильных перьях оторочка уже и тусклее. Средняя пара хвостовых перьев соцветна задним крыловым, средние черные с беловатой оторочкой. У вторых с краю, на внутренних бородках, белое клинообразное пятно и самые крайние более двух третей всей своей длины совершенно белые. Верхняя челюсть и кончик нижней темного цвета основание же последней, плюсна и пальцы *телесного* цвета, почти черные.

Спина, крылья и хвост самки точно такого же цвета как у самца, но верхняя часть головы и зашеек рыжие с черными черточками; лоб и брови белесоватые, щеки и ушки рыжие, горло, шея, грудь и брюхо белые с рыжеватым оттенком, от нижней челюсти по сторонам горла идут вниз *неправильные*, черного цвета полосы, стороны груди и бока испещрены темного цвета черточками, на последних рыжеватый цвет становится определеннее и явственнее, клев и ноги такого же цвета, как и у самки.

У молодых камышенок все цвета очень неопределенны и смешаны, они даже после первой линьки так не сходны со взрослыми, что некоторые естествоиспытатели приняли молодую камышенку за особенную породу подорожника и дали ее собственное наименование (Emberiza passerina). Судя по бывшим у нас птенцам камышенки, должно полагать, что они растут медленно и через год не достигают еще полного развития. Воспитанные нами, они прожили у нас более тринадцати месяцев, но в их уборе не было заметно никаких признаков тех цветов, которые принадлежат совершенно взрослым, они ничем не походили на своих родителей, и мы долго считали их принадлежащими не камышенкам, а другому виду подорожника, одинаковой величины с описываемым в этой статье.

Вот описание цветов *годовалой* камышенки: верхняя часть головы и зашеек темно-оливкового цвета, которого *тон* весьма неопределен, с черными черточками и крапинками, чрез глаза от основания клева идет темно-черноватая полоска, ушки и щеки покрыты темными перышками и отделены от *смежных* им частей белесоватой полоской; основание нижней челюсти окружено черноватыми перышками, горло и стороны шеи неопределенного темно-сероватого цвета. Спина рыжая с черными продольными полосками, грудь, брюхо и нижние хвостовые покрывала белесоватые, первые испещрены темными не очень явственными крапинками, бока рыжеватые с черными черточками. Все крыловые перья черные, с рыжей оторочкой, средняя пара хвостовых – соцветна крыловым, следующие за ней черные с белесоватой опушкой, на двух крайних белое клинообразное пятно. Верхняя челюсть клева вверху и оконечность нижней темного цвета, края же первого у основания и все последние, исключая кончика, *телесного* цвета, плюсна и пальцы одинакового цвета с нижней челюстью клева, когти черноватые. Хотя задний коготь у монашенки длиннее пальца, но его сгиб довольно крут, вероятно, это дает ей возможность плотно обхватывать тоненькие ве-

точки и держаться на них крепко. Как бы то ни было, этот подорожник нередко садится на деревья и кустарники[535].

Синонимия: Emberiza araundinacea Gmel., Buff.; Emberiza schoeniculus Linn.; Bruant de *rosea*; Камышенный подорожник; Очеретинка; Камышенный воробей; Камышенка[536].

Атлас, тетр. VII, рис. 4, 5 и 6 **[303–305, 309, 310]**

ЗОЛОТИСТЫЙ ПОДОРОЖНИК[537]
(Emberiza aureola)

Клев: по ребру 1,1, от зевкой 1,4; голова 2,0; крыло 7,5; хвост 5,6; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,9, средний 1,6, внутренний 0,8, задний – 0,9; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 0,7; длина всей от оконечности клюва до конца хвоста 14,6. Средние хвостовые перья короче крайних, последние обозначены поперечною, наискось идущею, полоской белого цвета, концы как тех так и других округлы и почти одной ширины. Хвост развилистый.

Эта красивая птичка принадлежит к числу летних посетителей здешнего края. Она прилетает сюда с наступлением весны многочисленными стадами из теплых стран Юго-Востока и удаляется в них снова в начале осени. Между временем ее появления в местах, лежащих по ту сторону Байкала, и временем, в которое она прилетает в места, находящиеся по сю сторону этого озера, замечено нами значительное различие, из чего можно заключить, что прежде своего перелета через Байкал и своего переселения далее к северовостоку и северо-западу, золотистые подорожники проводят более двух недель в местах, лежащих ближе к юго-востоку, как будто бы отдыхая от трудностей дальнего путешествия и собираясь с силами для предприятия нового, тоже не близкого переселения. По нашему мнению, трудно найти удовлетворительное объяснение столь продолжительного отдохновения перелетных птиц; но наблюдения, деланные нами в течение 23 лет, убеждают нас в постоянстве и правильности этого явления. В Забайкальский край, на берега Селенги, Верхней Уды, Хилки и многих других текущих там речек золотистые подорожники прилетают в последних числах апреля не позднее 23-го, а в Иркутском округе, на берегах Ангары и около ее притоков, они появляются в половине мая не ранее 16-го. Здесь необходимо прибавить, что собственные наши замечания о прилете этих птичек в Восточную Сибирь с 1830 до 1842 года исключительно ограничивались местами Забайкальского края, а с 1842 до 1854 года одними окрестностями Иркутска; однако же нельзя думать, чтобы золотистые подорожники до 1842 года прилетали в здешний край двумя неделями ранее, с весны же этого года начали постоянно прилетать двумя неделями позднее. Сведения относительно этого предмета, собранные нами от особ, достойных полного доверия, подтверждают высказанные нами мысли; из них видно, что и теперь, как за двенадцать перед сим лет, эти птички появляются на берегах Селенги и Чикоя в последних числах апреля[538].

При весеннем возвращении в здешний край, золотистые подорожники летают в продолжении некоторого времени стадами по огородам, рощам и по опушке лесов, где ищут корма, или, сидя на кустах и древесных ветках,

поют хором довольно приятно. Их пение имеет некоторое сходство с пением овсянок (Emberiza citrinella), но мы не заметили, чтобы они садились на самые верхние ветки высоких деров, как обыкновенно садятся овсянки во время весны. В исходе мая, иногда ранее, иногда же позднее, стада разделяются на пары, которые ищут по соседству рек и ручейков уединенных мест для воспитания будущего поколения[539].

По яркости цветов своего наряда и приятному их сочетанию золотистый подорожник имеет полное право на почетное место между красивыми птичками Восточной Сибири. Самец гораздо наряднее самки, которая, уступая ему в яркости и живости колорита, имеет однако же, в своем уборе много привлекательного. Сверх того, наружные формы обоих полов очень красивы. Правда, они проигрывают много в наших глазах тем, что подобно всем другим подорожникам не имеют ни той живости и легкости в своих движениях, ни той резвой веселости, которыми обращают на себя наше внимание большая часть маленьких птичек. У совершенно взрослых самцов темя, зашеек, спина и хлуп живого красно-каштанового цвета, перышки, покрывающие зашеек и спину, окаймлены по краям желтоватой опушкой, а у стебельков их видны черные искорки, которые на спинных принимают вид длинных, очень явственных пятен. Лоб, щеки, ушки и горло черные; шея, грудь и вся нижняя часть тела яркого лимонного цвета; на груди не очень широкое ожерелье, соцветное зашейку и спине; бока испещрены темными черточками с красно-рыжим отсветом. Перышки, покрывающие начало крыльев темные с пепельной оторочкой, перышки же, лежащие на крыловых покрывалах, белые с лимонного цвета оттенком по краям; крыловые покрывала темные с красно-рыжими крапинками и белыми кончиками. Задние и средние плавильные перья черные с рыже-охряной оторочкой, передние тоже черные с белесоватой опушкой; верхние хвостовые покрывала походят на перышки, покрывающие спину, но оторочка у них гораздо шире, нижние же хвостовые покрывала белые с лимонного цвета оттенком. Средние хвостовые перья соцветны задним крыловым, а крайние – черные с бледно-рыжеватой оторочкой по внешнему краю; на самых крайних белая полоска, идущая наискось от внешнего края к внутреннему.

У самки, достигнувшей полного развития, верхняя часть головы, зашеек, спина, хлуп и верхние хвостовые покрывала темно-желтые с черными пятнышками, на хлупе заметен рыжий оттенок; брови желтоватые; горло почти совершенно белое; щеки и ушки окружены темными перышками, сквозь которые пробивается лимонный цвет поля; шея, грудь и брюхо лимонного цвета, но его тон слаб и не имеет такой яркости, как в наряде самца. Нижние хвостовые покрывала белые; перышки, покрывающие начало крыльев, черные со светло-пепельной опушкой; перышки же, лежащие на больших крыловых покрывалах белые с черным посредине пятном неправильной фигуры; крыловые покрывала, задние и средние плавильные перья черноватые с оторочкой почти соцветны спине; у передних плавильных перьев *оторочка* бледнее и уже, хвостовые перья черноватые с бледно-охряной опушкой; на крайних, как и у самца, белая полоса, идущая наискось. Клев у обоих полов изкрасна-бледно-желтоватый с темного цвета ребром и кончиком. Плюсна изкрасна-желтоватая, пальцы гораздо темнее плюсны; когти черные.

Наряд оперившихся птенцов до первого осеннего линяния походит на наряд взрослой самки распределением и тоном цветов верхней части тела, но темные пятна, занимающие середину перьев у них, составляют почти сплошные полосы; горло и брюхо нечистого белого цвета; грудь и бока испещрены темными продолговатыми пятнышками, между которыми виден довольно яркий, желтый, оттенок.

После первого линяния молодые самцы тоже походят на совершенно взрослую самку как цветом верхней части своего тела, так и цветом крыловых и хвостовых перьев; но отличаются от нее тем, что на голове и зашейке заметен уже красно-рыжий цвет; грудь отделена от шеи узеньким ожерельем этого же цвета, а лоб, начало горла и перышки, закрывающие щеки и ушки, черные; горло, шея, грудь и брюхо лимонного цвета. Нижние хвостовые покрывала желтоватые, на боках темные пятна с рыжеватым оттенком. В стадах, прилетающих в конце апреля в Забайкальский край, встречается очень много золотистых подорожников в таком наряде; но в исходе мая и в первых числах июня нам не случалось видеть ни одного в течение одиннадцати лет. [В]1838 год[у] мы достали и выкормили сами несколько птенцов золотистого подорожника, которые прожили у нас до середины июня следующего года; однако же ни один из трех самцов не принял настоящего наряда совершенно взрослых, хотя щеки и горло у них были уже совершенно черные, а спина красная[540].

Тщательные наблюдения орнитологов над линяньем подорожников утвердили, что все европейские породы линяют в течение года однажды осенью и, если цвета их наряда в разные времена года подвергаются некоторому изменению, то это происходит единственно оттого, что в продолжение зимы и весны оконечности перовых бородок обсекаются и, кроме того, перья от действия света и воздуха теряют настоящий цвет. Напротив, большая часть пород, обитающих в других частях света, подчинена двухкратному линянию, которое сообразно времени года производит значительную перемену в наряде самца. Не знаем наверное, но кажется, что золотистый подорожник, пифиурн и, может статься, другие подорожники, принадлежащие исключительно здешнему краю, линяют два раза в течение года, и зимний их наряд одинаков с нарядом молодых после первого линяния. Наше мнение относительного этого предмета *основано* на сближении замеченных нами фактов. Мы упомянули выше о самцах золотистых подорожников, которые встречаются в стадах, прилетающих в конце апреля в Забайкальский край и которых наряд нисколько не разнится от наряда молодых. Нельзя допустить, чтобы эти индивидуумы были еще не совершенно взрослые, потому что, рассматривая со всем тщанием остов одного из них, мы убедились в противном: оконечности всех костей остова были так же тверды и плотны, как и середина, ни на одной из них не было ни малейшего признака хряща. По состоянию внутренней пустоты передплечной, локтевой и лядвеной[541] кости и душки надобно было думать, что они принадлежали остову птицы, достигнувшей уже полного развития. Прибавя к этому скорую перемену наряда незрелого возраста на наряд совершенно взрослых, можно предположить не без основания, что эти мнимые молодые самцы не что иное, как совершенно уже взрослые, но не успевшие еще переменить зимнего своего наряда на брачный или летний по каким-нибудь особенным причинам, замедлившим весеннее линяние. Что же касается до воспитанных нами золотистых подо-

рожников, которые сохранили наряд молодых почти без всякого изменения после первого линяния до середины июня следующего года, то достаточно вспомнить, какое влияние на перемену обыкновенного наряда на брачный и вообще на линяние птиц имеет лишение свободы.

Золотистые подорожники живут обыкновенно по берегам рек и ручейков, покрытым деревьями и кустарниками; гнезда вьют на земле не в дальнем расстоянии от кустарников и деревьев, на местах совершенно открытых. [В]1853 год[у] по нашему заказу были найдены три гнезда этой птички, одно недалеко от маленького ручейка, подле небольшой березы, другое гораздо дальше от того же ручейка на опушке березовой рощицы вблизи пахотного поля, наконец, третье на высоком берегу Ангары, обращенном почти прямо на полдень, в соседстве нескольких лиственниц и сосен и на совершенно открытом месте, где от чрезвычайной сухости почвы трава была редка и малорослa. Все эти гнезда были расположены на земле в небольшом углублении; большая часть былинок, служивших основанием и наружными стенками гнезд, были согнуты углами и не слишком плотно сложены одна с другой, немногие из них сгибались правильными дугами во всю свою длину. В эту постройку почти исключительно входили одни тоненькие стебельки и листья мелких ниворослей; внутренность гнезда была устлана небольшим количеством конских волос белого и черного цвета, между которыми кверху оставались значительные промежутки. В двух гнездах было до пяти яичек, в одном только четыре зеленоватого цвета с темно-оливковыми и черными пятнышками и черточками различной величины и фигуры, большей частью неправильной и странной. Относительно величины птички яйца довольно велики; большая их ось 2 сантиметра и 0,5 миллиметра, а малая 1 сантиметр и 4 миллиметра, и от незначительной разности осей фигура их приближается к эллипсоиду. Первое из этих гнезд было найдено 15 июня и зародыши в яичках достигли уже такого развития, какого достигает зародыш цыпленка домашней курицы в десятый день после насиживания. Но как точные наблюдения заставили принять постоянным правилом с немногими исключениями, что время насиживания яиц и развития зародыша находится в прямом содержании величины птицы, то есть чем больше величина птицы, тем продолжительнее насиживание яиц и тем медленнее развитие в них зародыша, а чем меньше птица, тем короче время насиживания и тем скорее развитие зародыша, то можно допустить, что птенцы подорожников выходят из яиц, по крайней мере, неделей скорее цыплят обыкновенной домашней курицы и яйца золотистого подорожника, о котором мы говорим, по всей вероятности, были найдены в пятый или шестой день насиживания. Основываясь на этом предположении и приняв в соображение число яиц, время проходящее от снесения одного до снесения следующего за ним, должно думать, что эти птички начинают вить гнезда не ранее последних чисел мая. В третьем гнезде, которое было найдено 1 июля, из двух яиц птенцы уже вышли, но были еще чрезвычайно слабы и слепые. Нельзя сомневаться, что это гнездо запоздалой птички или такой, у которой первое разорено, потому что в Забайкальском крае не раз случалось встречать птенцов золотистого подорожника, оперившихся совершенно и оставивших гнезда 24 июня, и в окрестностях Иркутска птенцов такого возраста мы находили 9 июля. Кажется, по ту сторону Байкала эти птички выводят птенцов ранее, нежели по сю сторону[542].

Мы вошли в подробности относительно гнезд, птенцов и яиц золотистого подорожника потому, что до сих пор орнитологам, кажется, еще не известно ничего относительно этого предмета, по крайней мере, нам не случилось встретить ни в одном из новейших сочинений точных ответов ни на один из следующих вопросов: в какое время, где и как эти птички вьют свои гнезда? сколько они несут яиц? какой величины и какого цвета их яйца и даже, чем они питаются?

Относительно пищи скажем одно: бывшие у нас золотистые подорожники в продолжение 13 месяцев питались просом, конопляным семенем, кедровыми орехами, очищенными от шелухи, азиатскими тараканами, мухами и яичным желтком. Они ели все без различия, но, по-видимому, насекомых и яичный желток предпочитали растительной пище.

Золотистый подорожник принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, которые прилетают с юга в Восточную Сибирь проводить теплое время года. Весной и осенью они встречаются многочисленными стадами, а летом попарно в кустарниках и на деревьях, осеняющих берега рек и ручейков или растущих по опушке лесов, не в дальнем расстоянии от речек. Они посещают также некоторые места Западной Сибири и нередки на берегах Иртыша. В Камчатке они почти также обыкновенны, как и в Забайкальском крае. Однако же их нельзя считать птицами, исключительно принадлежащими Азии. По новейшим сведениям, они довольно часто встречаются на Крымском полуострове и в некоторых южных губерниях европейской России; но Темминк сомневается, чтобы они когда-нибудь залетали в другие части Восточной Европы, как уверяют некоторые. Если мы не ошибаемся, Паллас первый познакомил европейских орнитологов с этой нарядной птичкой, описав ее в своем путешествии по Сибири в 1768 и 1769 годах.

Синонимия: Emberiza aureola Pall., Gmel., Latham; Emberiza sibirica Falh.; Bruant aureole Temm., Drapier; Золотистый подорожник.

Атлас, тетр. VIII, рис. 2, 3, 4 и 5. **[311–316]**

СНЕЖНЫЙ ПОДОРОЖНИК
(Emberiza nivalis[543])

Клев: по ребру 0,9, от зевков 1,0; голова 2,3; крыло 21,2; хвост 11,5; плюсна 2,3; пальцы: внешние 1,0, средние 1, 3, внутренние 0, 9, задние 0,9; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,6, на внутреннем 0,4, на заднем 0,9; длина всей от конца клева до конца хвостовых перьев 17,2, от конца же клева до оконечности когтя среднего пальца 15,2; первое плавильное перо равно второму, второе не многим больше третьего и длиннее всех. Хвост вилочками; три крайния плавильные пера белые с черною при оконечности чертою. Концы всех хвостовых перьев заострены.

Жителям Восточной Сибири снежные подорожники знакомее всех других видов этого рода. В продолжение всей зимы многочисленные стада этих птичек беспрестанно встречаются на всех дорогах и поблизости жилых мест. Здешние простолюдины называют снежного подорожника снегирем[544], может быть, потому, что в его зимнем наряде господствует чистый белый цвет, или потому, что он появляется, когда выпадают глубокие снега и устанавливается зимняя дорога, а при наступлении весенних дней снова исчезают вместе со снегом.

По свидетельству ученых Естествоиспытателей снежные подорожники проводят лето, вьют гнезды и выводят птенцов в Северных странах Европы и на высоких горах, которых вершины выше снеговой линии. Во время только сильной стужи прилетают они огромными стадами *в* долин*ы* Северной Германии и Северной Франции. Говорят также, что в это время они встречаются и в долинах Альпийских гор. Весьма вероятно, что обитающие в здешнем крае совершают такое же переселение и, может статься, в начале весны поднимаются к полярным странам, или улетают на Гольцы и другие горы, которых вершины и во время летних жаров бывают покрыты снегом. Как бы то ни было, с последних чисел марта до первых числе ноября снежных подорожников не видать вовсе, ни на местах открытых, ни в лесах, лежащих поблизости селений и около проезжих дорог[545]. Впрочем, как летний наряд этой птички темен и совершенно отличается от зимнего, то человеку, не весьма сведущему в орнитологии, трудно в летнее время отличить ее от здешней овсянки и других ее соплеменниц, более или менее ей соцветных.

До сих пор нам не случилось видеть снежного подорожника, после весеннего линя*ния* и потому мы не станем говорить здесь о летнем цвете его перьев, а займемся зимним. В это время года наряд его состоит из смешения четырех цветов: белого, черного, бледно-охрянаго и рыжего, которого огонь или силен и темен, или слаб и ярок. Размещение этих четырех цветов весьма неопределенно. В многочисленном стаде попадается очень много индивидуев совершенно сходных между собою. Очертание и пространство мест, занимаемых означенными цветами, чрезвычайно изменяются, однако же мы никогда не видали снежных подорожников, у которых бы верхняя часть головы, шея, грудь, крыловые покрывала и передняя часть задних плавильных перьев были совершенно белы, а спина черная, как это пишут некоторые. Чаще всего попадаются снежные подорожники с теменем, испещренным рыжими и черными пятнышками и с рыжим на груди *поясом* или без него; как у тех, так и у других на щеках бывает большое рыжее пятно; но у последних вообще менее черного цвета и более белого. Впрочем, не без основания можно думать, что с возрастом белый цвет на верхних частях тела заступает место рыжего. У большой части, виденных нами, брови, щеки, горло, шея, грудь, начало крыльев, средние крыловые покрывала, средние плавильные перья, начало и кончики передних плавильных перьев, брюхо, верхние и нижние хвостовые покрывала были чистого белого цвета; лоб, темя и зашеек испещряли черные, рыжие и темноватые черточки, обозначающие или средину, или оконечность перышка; пространство, отделяющее основание клева от внешнего угла глаз, покрывали темно-рыжеватые перышки; на щеках, ниже глаза к ушкам, и по сторонам груди были рыже-желтоватые пятна неправильной фигуры. Последние можно принять за следы не совершенно еще изгладившегося грудного пояса. Бледно-охряная опушка каждого спинного перышка разделяла и разнообразила черный цвет, который на хлупе переходил в рыжежелтоватый, местами разделенный белыми пятнами. Задние крыловые покрывала и прикрылья были черные с рыжею и белою каемками вокруг, а передние плавильные перья от средины до концов совершенно черные; средние хвостовые перья такого же цвета, но с широкою белою оторочкою; у крайних одни только стебельки удерживали черный цвет. У других – по верхней части головы и на щеках рыжий цвет был гораздо заметнее и

занимал более пространства, зашеек был покрыт темноватыми перышками, а спинка бледно-охряными с темными, не совсем явственными пятнышками, которые походили на сжатую и вытянутую литеру V. Хлуп и верхние хвостовые покрывала были рыже-желтого цвета, местами раздел*енного* белыми пятнами, грудь опоясывал пояс, тоже рыже-желтый. Передние плавильные перья от начала до конца были совершенно почти черные; при начале и оконечности их замечалась только легкая белая оторочка. Белая опушка на хвостовых перьях была тоже гораздо у́же и с рыжеватым оттенком. Но у всех этих подорожников клев был желтый с черным кончиком; а плюсна, пальцы и когти черные.

Непостоянство, замеченное в уборе снежного подорожника, ввело в заблуждение многих, весьма ученых естествоиспытателей, которые, приняв индивидуальные варианты за породы самостоятельные, описали их под особенными именами. Может быть, это непостоянство происходит не столько от неопределенности видового наряда до бесконечности разнообразного, сколько от изменения его с возрастом и от постепенности линяния, начинающегося в августе или сентябре и оканчивающегося не ранее половины ноября, замедляемого или ускоряемого степенью возраста индивидуев, обилием или недостатком пищи, состоянием температуры и слабостию или крепостию организации[546].

Несмотря на неизвестность, где именно снежные подорожники проводят лето и где они вьют свои гнезда, их можно, однако же, считать оседлыми жильцами Восточной Сибири, которая так богата горными хребтами и в обширных своих границах заключает столь много различных климатов, изменяющихся по высоте мест, от направления гор и пр. Вряд ли эти птички предпринимают такие же дальние путешествия, как пастушечки, леснички и даже золотистые подорожники. Чтобы укрыться от летнего зноя, им нет надобности оставлять, кажется, и Иркутского и Верхнеудинского округов. В некоторых местах последнего мы сами видели в средине июля, когда температура доходила до 26° по Реомюру в тени, огромные полосы снегов, лежавшие в ущельях гор, покрытых сосновым лесом и мелкими кустарниками[547].

Многие жители здешнего края употребляют в пищу мясо снежных подорожников и, по их словам, оно очень нежно, сочно и вкусно. Зимою эти птички бывают весьма жирны[548].

Синонимия: Emberiza nivalis Linn.; Emberiza mustelina Gmel., Emberiza montana Gmel., Lath.; Emberiza glacialis Lath., Hortulanus noevius Briss.; Ortolan de niege Buff. Ortolan de passage Buff., Bruant de niege, La niverette; Снежный подорожник, Пуночка, Снегирь.

Атлас, тетр. VII, рис. 7 и 8. **[317, 318]**

БОДЦОВАТЫЙ ПОДОРОЖНИК
(Emberiza calacarata[549])

Клев 1,0; голова 1,9; крыло 8,8; хвост 5,6; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,3, средний 1,3, внутренний 0,8, задний 0,6; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,525, на внутреннем 0,45, на заднем 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 14,1; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 13,1; первое плавильное перо равно второму, третье не многим короче второго, которое длиннее всех. Самые крайние хвостовые перья несколько короче других, а среднее короче самых крайних. Хвост вилочками, шес-

тая пара хвостовых перьев наискось белая с темным пятном на зорке на внутренних бородках. У пятой пары кончики белые и тоже с большим темным пятном на внутренних бородках.

Некоторые орнитологи, обращающие особенное внимание на наружное образование клева и ног и при малейших изменениях, замеченных в этих органах, готовые вводить в свою классификацию новые роды, исключили эту птичку из рода подорожников и составили из нее отдельный и самостоятельный род зерноядных птиц; другие более снисходительные к капризам природы, беспрестанно уклоняются от первоначального типа, довольствовались тем, что бодцоватого подорожника причисляли к принятым уже родам жаворонков или воробьев. Главные причины всех этих перемещений заключались в одном: у бодцоватого подорожника клев немного шире, чем у обыкновенного, и форма его составляет более правильный конус, а задний коготь необыкновенно велик, так, что почти вдвое длиннее пальца. Однако же, несмотря на это, по наружным своим признакам он имеет большое сходство с другими видами подорожников и особенно со снежным, у которого даже задний коготь относительно других пород значительной длины; к тому же нравы и привычки его очень сходны с нравами и привычками снежного подорожника. Подобно ему, он живет в местах гористых и под значительною широтою, не садится на деревья и очень редко встречается около селений, лежащих в долинах.

Не знаем наверное, удаляется ли он на зиму в страны более теплые или, как и снежный подорожник, проводит суровое время года в здешнем крае в местах, защищенных от сильных непогод, но нам случалось нередко видеть его в глубокую осень, когда уже начинались порядочные морозы и при самом начале весенних оттепелей. Не входя в разбор родовых признаков, принятых учеными для определения нового рода, которого типом принимают они бодцоватого подорожника, мы оставляем эту птичку в роде Подорожников[550]. К этому побуждает нас столько же собственное убеждение в бесполезности увеличивать число принятых родов без уважительных на то причин, сколько и пример Темминка, который, хотя и помещает снежного и бодцоватого подорожника в особенную группу рода Emberiza под названием Plectoro phanes, однако же считает их не менее того Подорожниками.

Наряд бодцоватого подорожника, как и у всех других птичек этого рода, значительно изменяется по возрасту, полу и времени года.

У самца совершенно взрослого в брачном или весеннем наряде голова, щеки, ушки, перед шеи и грудь глубокого черного цвета. На зашейке рыжий цвет чистого и яркого тона, образует пятно в виде полумесяца. Спинные и хлуповые перья посредине черные с широкою рыжею оторочкою; крыловые перья тоже черные с рыжею оторочкою; на крыловых покрывалах оторочка шире и цвет ее краснее и гуще; концы же их и опушки перышков на них лежащих – белые, отчего на крыле две поперечные полосы этого цвета. Брюхо чистого белого цвета, хвостовые перья черные с рыжею опушкою, на двух крайних перьях у концов клинообразное белое пятно, клев желтый с темным кончиком; плюсна и пальцы темного цвета. Осенью и зимою в этом наряде замечается значительное изменение: черный цвет голов бывает тогда испещрен рыжими пятнышками, горло белесоватое с тоненькими черными черточками; на груди черный цвет смягчен белесоватою оторочкою перышков. Основание клева окружено перышками глубокого черного цвета; ушки обрамлены такого же цвета полоскою; над глазами от клева проходит белесоватая полоска и спуска-

ется по сторонам шеи вниз. На зашейке рыжее пятно, спина рыжая с темными пятнами, брюхо и нижние хвостовые покрывала белые; бока рыжеватого цвета с черными черточками, крыловые перья черные с темно-рыжею опушкою, передние плавильные и хвостовые тоже черные с рыжеватою оторочкою; на крыльях две поперечные белые полоски; на крайних хвостовых перьях клинообразное белое пятно. *Ирис* темный, плюсна и пальцы темного цвета, клев желтоватый с темным кончиком.

У самки весною голова, плечи и спина покрыты темными перышками с рыжеватою вокруг оторочкою; крыловые покрывала того же цвета и с такою же опушкою; зашеек темно-рыжий с маленькими черными пятнышками, щека и ушки рыжеватые с черноватыми пятнами *под* глазами; от клева проходит бело-рыжеватая полоска, соединяющаяся с боками шеи, которые такого же цвета; горло белое с темною по сторонам полоскою, брюхо и нижние хвостовые покрывала белые, бока рыжеватого цвета с темными черточками; крыловые и хвостовые перья *черные с* рыжеватыми крапинками; на крыльях тоже две поперечные белые полоски, но не так редки, как у самца. Осенью и зимою верхняя часть головы, шеи, плеча и спины рыже-пепельные с черными пятнами, бело-рыжеватая полоска, идущая по бровям, спускается на стороны шеи и соединяется с другою белою полоскою, направляющеюся от нижней челюсти клева. Горло белое обозначено по сторонам темною полоскою; грудь покрыта множеством серо-пепельных и черных пятнушек; брюхо белое, исключая боков, которые рыжеватого цвета с темными черточками. На крайних хвостовых перьях во все времена года белое клинообразное пятно.

У молодых самцов осенью после первого линяния перышки, покрывающие темя, спину и хлуп, черные с рыжею оторочкою, лоб белесоватый; от клева над глазами проходит бело-рыжеватая полоска, спускающаяся на стороны шеи, которые одинакового с нею цвета. На зашейке рыжие, яркого цвета перышки со светлою опушкою составляют пятно, похожее несколько на полумесяц; щеки и ушки темно-рыжеватые с черноватыми пятнышками, они отделены от зашейка и горла довольно большими продолговатыми пятнами темного цвета; горло белое, по сторонам его черноватые пятнышки образуют полоску, спускающуюся от нижней челюсти клева к груди, грудь нечистого охряного цвета с черными крапинками. Начало *крыль*ев покрыто черными перышками с белою оторочкою, на которой заметен рыжий оттенок. Крыловые покрывала густого рыжего цвета с белыми кончиками и черным пятном по стебельку. Среднее и заднее плавильные перья черные с широкою рыжею оторочкою. Передние и хвостовые тоже черные, но опушки у них охряного цвета, на крайних хвостовых перьях белые клинообразные пятна, брюхо чистого белого цвета, бока рыжеватые с темными черточками, клев темного цвета, плюсна и пальцы тоже. У молодых задний коготь короче, чем у старых[551].

Бодцоватый подорожник живет в гористых местах, гнезда вьет на земле между кочками. Самка несет до шести яиц желто-рыжеватого цвета с темными струйками.

Эти птички питаются семенами разных горных растений и насекомыми.

Синонимия: *Fringilla calcarata Pall., Fringilla lapponica Gmel., Plectorophanes lapponica Selby; Pagerina lapponica Vieillot., Emberiza calcarata Temm., Le grand Montain Buff., Pinson de montagne, Bruant montain Drap.*

Бодцоватый воробей, Бодцоватый подорожник[552].

Атлас, тетр. VII, рис. 10. **[319]**

ЗЕРНОЯДНЫЕ
РОД 70. 1847 г.
ПОРЯДОК IV
(Granivores)

Клев короткий, крепкий, более или менее конический; ребро его, обыкновенно поднимаясь ко лбу, сплющивается. Верхняя челюсть при оконечности редко с зазубринкой, три передние пальца разделены между собою, крылья вообще средней величины.

КЛЕСТ
(Loxia)

Клев средней величины, плотный и сжатый, длинные его челюсти до того согнуты, что их оконечности перекрещиваются в противоположном направлении, то есть оконечность верхней, минуя нижнюю, опускается вниз, а оконечность нижней, по другую сторону, миновав верхнюю, поднимается вверх. Ноздри маленькие, округленные, лежат по сторонам клева, подле основания и закрыты шелковистыми перышками, направленными вперед. Три передние пальца разделены между собою. Крылья не очень длинны. Первое и второе плавильные перья длиннее всех других. Хвост более или менее развилист.

Прежде клесты считались в одном роде со снегирями, но в новейших классификациях последние составляют особенный род. Поводом к такому разделению было различие, замеченное как в наружности, так и в привычках клестов и снегирей. В самом деле, не говоря уже о странном клеве с искривленными оконченостями челюстей, своею наружностию клест мало чем походит на обыкновенного снегиря; точно так же он отличается от этой птички и образом жизни, на изменение которого, вероятно, имеет важное влияние устройство главного из наружных органов – клева. Допустив, что соединение близких пород в одно семейство под названием рода, приносит значительное облегчение в изучении породы, должно согласиться, что клестов, снегирей и воробьев надобно разместить в три различные группы, несмотря на некоторое сходство смежных пород, удаляющихся значительно от типа одного рода и приближающихся к типу другого.

До сих пор считается только три вида клестов, и хотя по чрезвычайному сходству наряда и по незначительному различию величины эти три вида можно бы скорее почесть местными вариантами, чем самостоятельными породами, но как обитающие в одних и тех же местах Восточной Сибири постоянно удерживают видовые отличия, и, сколько известно, никогда не смешиваются между собою, то, кажется, нельзя сомневаться в их самобытности, по крайней мере, относительно здешнего края.

Клесты живут обыкновенно в сосновых, еловых и кедровых лесах; питаются преимущественно плодами хвойных деревьев. Один только недостаток этой пищи принуждает их прибегать к зернам других растений, древесным почкам, листьям и кореньям разных трав. В неволе они довольствуются конопляным семенем, а к насекомым и вообще ко всякой животной пище оказывают явное отвращение.

Пишут, будто бы эти птицы совершают неправильные переселения. По наблюдениям некоторых естествоиспытателей, такие переселения в Запад-

ной Европе случаются по прошествии каждых двадцати или тридцати лет. Тогда многочисленные стада клестов с севера перелетают через многие места Франции в Англию. В некоторых областях их появление считается божескою карою: так велики бывают опустошения, производимые ими в садах. Не находя там любимой пищи – зерен хвойных дерев, – клесты грызут на мелкие кусочки яблоки, груши, куречи, бергамоты и все вообще мясистые плоды, чтобы достать из них скрытые в средине семена.

Клесты принадлежат к постоянным обитателям Восточной Сибири; однако же в известное время года их вовсе не видим в тех местах, где они наиболее встречаются в другое. Почему можно предполагать, что они переменяют место своего жительства сообразно временам года, хотя не предпринимают отдаленных перелетов. По уверению всех орнитологов, клесты отличаются от других птиц необыкновенною странностию, а именно: пора их любви начинается с наступлением сильной стужи, они паруются и несутся в Генваре. Гнездо прикрепляют к ветвям кудрявых сосен смолою, которою бывает обмазана вся наружная его поверхность, состоящая из мелких прутиков, мха и поростов; внутренность же устилается мелким пухом. Самка несет от 4-х до 6-ти яиц изсера-зеленоватых или пепельного цвета с темно-красными или красно-кровавыми пятнышками с черточками, неправильно расположенными.

Клесты общежительны, нрав их кроток и миролюбив; они очень доверчивы и смелы; скоро привыкают к неволе, переносят ее с терпением и показывают привязанность к хозяевам.

Полы и возрасты различаются цветом перьев: самец гораздо наряднее самки; молодые сероватого цвета с темными пятнами, потом самцы принимают блестящий красный цвет и, наконец, становятся зелеными. Самка своим нарядом очень сходна с молодыми.

Из трех известных видов этого рода один обитает на севере Европы и Азии и на Швейцарских и Французских Альпах; он также встречается иногда и в Пиринейских горах. Из двух остальных один живет на севере Европы и Азии, а другой в Северной Азии и в Северной Америке.

ОБЫКНОВЕННЫЙ КЛЕСТ
(Loxia curvirostra)

Клев: длина 1,7, толстота у основания 1,1; голова 2,6; крыло 9,4; хвост 5,3; плюсна 2,0; пальцы: внешний 1,1; средний 1,5, внутренний 1,1, задний 0,9; когти: на внешнем 0,5, на среднем 0,8, на внутреннем 0,5, на заднем 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 16,3.

Увидя первый раз клеста, каждый спросит самого себя: к чему служит этот толстый уродливый клев, которого искривленные челюсти, сложенные крестообразно, не сходятся между собою плотно. Ужели природа обидела свое творение, наделив его органом обременительным, неудобным? Но, следя прилежно за нравами этой птички, наблюдая, с каким искусством, легкостию и проворством она отделяет чешуйки конических плодов сосны и кедра, вынимает зерно, грызет его и очищает ядрышко от скорлупы и тонкой плевы, каждый станет удивляться мудрости природы, столь опрометчиво им обвиненной, и убедится вполне, что устройство безобразного клева удивительно как приспособлено ко всем потребностям клеста, что ему должно было или

питаться другого рода зернами, или иметь именно такой клев. Однако же не станем искать в этом окончательных причин предначертанной цели. Есть много птиц, которые с не меньшим искусством грызут твердые зерна, достают из них ядрышко, очищают его от оболочки. Есть даже такие, которые исключительно живут зернами хвойных деревьев и которых клев в своем устройстве не представляет ничего необыкновенного. Не затем, чтобы опровергать преднамерение в создании, отрицать назначение каждой вещи на известный конец, но чтобы показать мимоходом, как трудно нам объяснить окончательные причины, угадать цель и назначение той или другой вещи; оставя на минуту клев нашего клеста, скажем несколько слов о предмете совершенно постороннем: один знаменитый писатель, стараясь доказать, что в каждом творении мы открываем определенную цель, обдуманный план создателя, между прочим говорит, как хохлатый королек (Silvia regulus) живет исключительно в колючих кустарниках и жгучих травах, вьет в них гнезда, ищет пищи и для себя собственно, и для своих птенцов, то Создатель вселенной, всегда заботливый о каждом из своих творений, одарил глаза этой птички особенною перепонкою прозрачною, сквозь которую она легко различает самых мелких насекомых; но и которая по своему существу служит надежною защитою для нежного органа – зрения и предохраняет его от колючих растений. Каждому, знающему первые начала Естественной Истории, известно, что такая прозрачная или полупрозрачная плева находится у всех вообще птиц и помещена во *внешнем* углу глаза. Орлы, соколы, вороны и прочие, поднимаясь на значительную высоту, где редкость воздуха увеличивает яркость солнечного света, вероятно, ею закрывают всю поверхность ириса без сознания, невольно; между тем действие светлых лучей на зрительный нерв теряет свою силу. Этот неуместный эпизод, кажется, может служить доказательством, как легко человек образованный, гениальный, увлекаясь желанием объянить все явления природы, показать, для чего именно они предназначены, впадает в смешные преувеличения, прибегает к предположениям сомнительным и тем дает повод каждому насмешнику ниспровергать все ученые розыскания какою-нибудь плоскою шуткой, в роде вот этой: "Нос дан людям единственно для того, чтобы своим основанием поддерживать очки и близоруких ставить наряду с дальнозоркими". Для достижения предположенной цели мы прибегаем к сочетанию причин, изученных нами наперед, производящих известные нам следствия, поэтому, рассматривая наши изобретения по следствиям и легко угадать цель; ибо она определяется ими. Но можно ли из следствий, производимых творениями природы, заключить о цели их создания? Кажется, нет. В этом случае наблюдаемое нами следствие становится целью; то, что происходит необходимо от известного сочетания известных причин, мы принимаем за предположенную цель. Но оставим метафизические рассуждения и возвратимся к нашему предмету – к клеву клеста.

Наружным образованием своего клева клест отличается от всех известных пород зерноядных птиц. Клев его довольно длинен и при основании очень толст; верхняя челюсть сначала идет прямо, потому, постепенно сгибаясь книзу и удаляясь в сторону, опускается вниз, миновав нижнюю, которая точно таким же образом постепенно поднимается кверху, и, уклоняясь в противную сторону, заходит за оконечность верхней, обе челюсти при оконечности тонки и заострены, края их у основания очень крепки и остры. От излишней широты нижней челюсти скулы выдаются вперед и в этом месте

голова толще, чем вверху. Клест легко и скоро переламывает прутики деревянных клеток; но при нападении и обороне редко пользуется крепостию своего клева.

Полы различаются цветом перьев, который у самцов совершенно изменяется с возрастом.

Самка и птенцы до первого линяния серо-пепельные с темными пятнами и небольшою желтизною на *хлупе* и груди. У молодого самца голова, горло, грудь, зашеек, хлуп и вся нижняя часть тела яркого алого цвета, цвет спины тоже алый; но она испещрена черноватыми пятнами, отчего кажется темнее головы. Щеки и ушки темноватого цвета. Перышки, покрывающие сгиб и начало крыла, черноватые с алою опушкою; крыловые покрывала такого же цвета и с такою же опушкою. Все плавильные и хвостовые перья темные с зеленою оторочкою, которая у средних хвостовых шире и явственнее. В наряде самцов, достигнувших зрелого возраста, алый цвет головы и спины заменяет зеленый, последняя испещрена темными пятнами. Хлуп и краешки верхних хвостовых покрывал яркого желтого цвета; горло, грудь и брюхо желтые – тон их цвета гораздо слабее хлупового; щеки, ушки, стороны шеи и груди иззелена-пепельные; все крыловые и хвостовые перья темные с белесоватою и желто-зеленоватою опушкою. У хвостовых – опушка явственнее и желтее. Верхняя челюсть клева темная, к краям несколько белесоватая; нижняя светлее верхней и немного красновата с темною оконечностию; плюсна и пальцы синеваты; когти черные; клев молодых не так темен, а плюсна и пальцы красноваты[553].

В Восточной Сибири как по ту, так и по сю сторону Байкала очень много обыкновенных клестов, но они редко встречаются около жилых мест, а держатся обыкновенно в глуши красных лесов. Летают всегда большими стадами. *По* рассказам здешних птицеловов, во время суровых зим *и* весной клестов вовсе не видать; они обыкновенно появляются в последних числах июня и бывают видимы до 20 июля; в это время в стадах попадается очень много молодых, еще не перелинявших. В конце июля клесты снова исчезают и стада их начинают встречаться в обычных местах не ранее перваго октября, в половине же ноября их совершенно не видать, исключая весьма теплых зим[554].

Молодые начинают линять в августе. Те, которые выходят из яиц ранее, уже в начале сентября принимают красный цвет; а родившиеся позднее, в исходе этого месяца. Говорят, будто бы молодые, не успевшие перелинять до начала стужи, сначала бывают красно-зеленоватого цвета и потом уже становятся совершенно красными.

Эти птички почти исключительно питаются зернами хвойных деревьев. Два клеста этого вида, застреленные в Верхнеудинском округе, недалеко от кедровых чащей, издавали сильный запах кедрового масла. Они были очень жирны, их мясо, кажется, было пропитано масляными частицами любимой ими пищи. В неволе клесты подобно другим зерноядным птицам охотно едят конопляное семя.

Обыкновенный клест[555] водится также на севере Европы; он нередок на Швейцарских и Французских Альпах и в Пиренейских горах. Пишут, что недавно нашли гнездо обыкновенного клеста *в окрестности Парижа.*

Синонимия: Loxia curvirostra; Bec-croisé des pins; Сосновый клест; Обыкновенный клест.

Атлас, тетр. IX, рис. 1. **[190]**

БЕЛОПОКРОМЫЙ КЛЕСТ[556]
(*Loxia leucoptera*)

Клев: длина 1,8, толстота у основания 0,6; голова 2,1; крыло 9,2; хвост 5,9; плюсна 1,9; пальцы: внешний 0,9, средний 1,3, внутренний 0,9, задний 0,7; когти: на внешнем 0,6, *на среднем 0,7*, *на внутреннем 0,6*, на заднем 0,8; длина всей птички от оконечности клева до конца хвостовых перьев 16,2, а от оконечности клева до конца когтя на среднем пальце 14,3; первое плавильное перо немногим короче второго и равно третьему, второе длиннее всех других, хвост вилочками.

Странно, что из наших ученых путешественников, посещавших Восточную Сибирь в конце прошедшего столетия, ни один не упоминает о белопокромом клесте, птичке очень известной всем здешним жителям, которые никогда не смешивают его с обыкновенным или простым клестом и дают ему принятое нами название Белопокром*ого*. Кажется, Ла*т*а*м* первый описал этого клеста в своем Орнитологическом указателе (*Index ornitologicus sive Systema ornithologica*) как породу, принадлежащую, собственно, Северной Америке, и хотя Виейлло в своей Галерее птиц и называет его Сибирским клестом, однако же орнитологи назначают исключительным местом жительства Белопокромых клестов сосновые леса Северной Америки и Гудзон*о*ва Залива, а небольшие стада этих птичек, встречающиеся иногда в Северной Европе, почитают залетными из Америки. Может статься, относительно Европы такое мнение справедливо, но оно не может быть принято относительно Восточной Сибири и особенно Иркутскаго округа, где *ленточный*, или белопокромый, клест так же обыкновенен, как и простой, даже и по ту сторону Байкала, около Верхнеудинска и далее, его нельзя считать залетным, несмотря на то, что он попадается там реже, и если, как замечают птицеловы, клесты не во все времена года держатся в одних и тех же местах, а появляются и исчезают периодически[557], то это относится равно к обоим породам и, кажется, не может служить основанием предположению, что клесты предпринимают переселение сколько-нибудь значительные и еще менее того, что они залетают сюда из Америки. Скорее можно положить, что любовь, линяние или какие-нибудь другие причины разлучают в известное время года клестов, летающих обыкновенно стадами, и удерживают в лесах, мало или вовсе не посещаемых людьми.

В предыдущей статье, следуя общепринятому мнению, мы положительно приписали зеленый цвет совершенно взрослым самцам, а красный – молодым, после первого линяния. Здесь почитаем обязанностью нашею объявить, что относительно различия цвета по возрастам и полам в роде клестов мы остаемся в чрезвычайном сомнении, которого, несмотря на все наши старания, до сих пор не могли еще рассеять собственными нашими наблюдениями. Подробности, в которые мы намерены войти касательно этого предмета, могут показаться многим излишними и мелочными; но мы думаем, что они послужат лучшим свидетельством добросовестности наших трудов и осторожности, которая постоянно руководствует нас в изображении и описании произведений природы и ее законов. Излишнее недоверие и сомнение наши, без сомнения, найдут оправдание столько же в глубоком уважении к науке, сколько и в уважении нашем к читателям. С этою надеждою обращаемся к нашему предмету. Модей, известный Орнитолог прошедшаго столе-

тия, в своем орнитологическом словаре, описывая обыкновенного клеста, говорит: "В этой породе цвет перьев изменяется по возрастам и полам индивидуев. Молодые клесты бывают покрыты перьями тусклого зеленого цвета, перемешанного с оливковым, темным и желтоватым цветами. Старые принимают красный цвет, который на голове и верхних частях тела бывает очень определителен и чист. По мере своего развития они становятся прекраснейшими птичками. Так бестящ и ярок бывает тогда наряд их. Самки последовательно подвергаются тем же переменам в цветах своего наряда; но то*ны* этих цветов всегда слабее и неопределительнее". Прежде мы не сомневались в достоверности этого факта, в особенности относительно самцов и в приготовительных *очерках* нашего труда[558] несколько лет тому назад принимали его за несомненную истину, потому что, по собственным нашим наблюдениям, и из сведений, приобретенных нами изучением естественной истории, заметили, что у большой части нарядных птиц развитие организма изменяет цвет перьев: всегда цвета слаб*ые* тусклые, неопределенные и холодные заменяет цветами яркими, блестящими, определительными и горячими; почти так же во многих породах *не*определенные и холодные цвета, господству*ющие* в уборе самок, переменяются в уборе самцов в блестящие и горячие. Но, как мы сказали прежде, не имея случая собственными опытами убедиться, этому ли закону следует изменение цвета перьев и в породах клестов, то наше мнение, основанное на аналогии и словах Модея, *сильно* поколебалось свидетельством известных Орнитологов, таковых, как Виейлло, Лессон, Драпье и особенно Темминк, который красный цвет положительно приписывает молодым самцам всех видов клеста после первого линяния до совершенного развития. Это подтвержда*ли* так же *и* уверения охотников, по словам которых, красные клесты, содержимые в клетках после первого линяния, принимают зеленый цвет и сохраняют его до конца своей жизни. За два года пред сим мы получили второе издание систематических таблиц Европейских птиц Темминка[559] и не без удивления увидали, что этот по справедливости знаменитый Орнитолог, оставя прежние свои мнения, принимает противное по свидетельству Брегма (*Brehm*), писателя *мало известного*, который говорит, что во всех породах клестов старые самцы бывают весьма блестящего красивого цвета, различного тона, по породам; молодые, до первого линяния – серые или сероватые, по мере возраста этот цвет переходит у них в красноватый, желто-красноватый или желтоватый; самки же зелено-желтоватого цвета; в апреле нынешнего года (1849) достали мы ленточного клеста, которого наряд поразил нас чистотою и яркостью зеленого и желтого цветов. Скапировали его и нашли, что это была совершенно взрослая самка. После этого, опираясь на свидетельство Брегма и Темминка, нам легко было бы возвратиться к первому нашему мнению, что в роде Клестов красный цвет принадлежит совершенному возрасту самцов, а зеленый – молодым самкам; однако же мы предпочитаем во всех доказательствах оставаться в сомнении и удовольствуемся в описании трех рисунков, взятых нами с молодого ленточного клеста, пойманного в начале июля, с *взрослого* самца, пойманного в октябре, и старой самки, пойманной в апреле; за верность изображений мы ручаемся *смело*[560]. В заключение скажем еще несколько слов о том же предмете: "Недавно один птицелов, занимающийся более пятнадцати лет ловлею клестов, сообщил нам следующее: клесты как обыкновенные, так и белопокромые начинают линять в августе;

вышедши из гнезда ранее, уже в начале сентября, переменяют свой серый цвет на красный; вышедши же позднее в половине или даже в конце сентября и оставаясь на воле, навсегда сохраняют этот убор, другие, по словам его, после превого линяния *одеваются* желтыми и зеленоватыми перьями и тоже иногда не переменяют их на перья другого цвета. Если же молодых, самых поздних птенцов застигнет стужа еще серыми, то после первого линяния они бывают, по его выражению, рудо-желтыми, то есть в их наряде красные перья перемешиваются с желтыми и зеленоватыми, но и эти *после* нового линяния получают красный цвет. Несмотря на то, красный клест, посаженный в клетку и содержимый в ней во время линяния, непременно становится желто-зеленоватым во все время своего заключения". И, без сомнения, этот рассказ заслуживает мало вероятия, ибо каким образом мог удостовериться рассказчик, что в состоянии свободы, после первого линяния серые клесты, приняв красный и зелено-желтый цвет, удерживают его во всю свою жизнь и в последующих *линяниях* не *переменяют* никогда *одного* на другой. Очевидно, свое заключение он выводит из одного того, что ему всегда попадаются стада, состоящие почти из одинакового числа красных и зеленых клестов. На вопрос, какому полу и возрасту принадлежит какой цвет, он отвечал положительно: "Не знаю, мне никогда не случалось находить их в гнезде". Нельзя ли объяснить всех противоречий предположением, что содержание в неволе, лишающее птичку свободного движения и беспрестанного соприкосновения с чистым воздухом и светом как состояние принужденное и неестественное, ослабляет *действие* организма, и мешает клестам принимать настоящий их наряд. Заточение не производит ли неправильность в жизненных отправлениях, не препятствует ли оно свободному влиянию наружных деятелей воздуха и солнечного света на окрашивание перьев. Это предположение могло бы показаться слишком смелым, если бы его отчасти не подкрепляли достоверные наблюдения над многими птичками различных пород, которые долго жили в клетках или тесных комнатах. Те из них, у которых брачный или весенний наряд замечателен блеском или яркостию цветов, никогда не были цвестисты, их линяние не производило полной перемены убора, то есть новые перья не все окрашивались весенным цветом, но большая их часть удерживала зимний. Между прочим, молодые чечеты (*Fringilla linaria*), оставаясь заключенными во время линяния, никогда не украшаются блестящими розовыми перышками, которыми они так замечательны на свободе; даже старые в клетках теряют этот цвет. Темминк говорит, что серые молодые самцы из пород большого или Елового клеста (*Loxia pytiopsittacus*), посаженные в клетку или темную комнату во время первого линяния, очень часто не принимают красного цвета; но на свободном воздухе они всегда подвергаются этой странной перемене своего наряда. Как бы то ни было, повторим еще раз: мы далеки еще от того, что бы иметь какое-нибудь положительное мнение касательно этого предмета; для полного убеждения нам не достает неоспоримых доказательств, основанных на точных наблюдениях.

Описывая замеченные нравы и привычки клестов, мы сказали: "По уверению всех орнитологов клесты паруются и вьют гнезда в январе, чем отличаются от других птиц, обитающих в Северном полушарии". Эта фраза требует пополнения по необходимости снова входить в некоторые подробности. Модеи, в помянутом уже нами сочинении, говорит положительно, что

эта птичка вьет гнезда в конце февраля и начале марта; из новейших орнитологов, сколько нам известно, ни один не разделяет мнения Модеи и все принимали, что клест вьет гнезда в январе; но Темминк во втором издании таблицы Европейских птиц, как исправление ошибки, будто бы клесты выводят птенцов в суровое время года, пишет: "Брегм (*Brehm*) доказал, что клесты вьют гнезда и несутся во всякое время года без различия; по его мнению способность воспроизведения подчинена у них единственно изобилию или недостатку пищи. Как бы то ни было, продолжает Нидерландский Орнитолог, достоверно одно, что эти птички вьют свои гнезда, как в декабре, так и марте, апреле и мае". *Не смеем* ни опровергать, ни поддерживать предположений Брегма, как ни сомнительны они в глазах наших; однако же считаем себя в праве сделать следующее замечание: если допустим, что у этих птиц одно изобилие пищи определяет время *любви, то в свободном* состоянии для них также как и для других зерноядных птиц, не предпринимающих отдаленных перелетов, этот период определяется естественным ходом созревания плодов, которые начинают созревать в означенное время, потом лишаются своей свежести и для посева разрушаются или выбрасываются зерна: сначала число зрелых бывает невелико и, увеличиваясь, постепенно *достигает* наибольшей величины и тут же начинает снова уменьшаться. Но как все породы клеста преимущественно питаются плодами хвойных деревьев, а плоды этих растений созревают осенью, в октябре, и даже позднее, а у некоторых видов созревание продолжается целый год; при наступлении же весны в апреле и мае, они падают с веток, приподнимают чешуйки и роняют зерна[561]. Поэтому только в продолжении этого периода, с ноября до апреля клесты могут находить обильную пищу. В продолжении весны, летом и в начале осени их пища должна быть довольно скудна. Прибавим к этому одно: по нашим собственным замечаниям и свидетельству охотников молодые клесты появляются не ранее первых чисел июля и в августе начинают уже линять. Следовательно, предположив, что насиживание и воспитание птенцов в роде клестов требуют не многим более времени, чем в близких ему родах снегирей и воробьев, можно думать, с некоторым основанием, что в Восточной Сибири клесты начинают вить гнезда не ранее марта. И как молодые клесты обоих пород в первоначальном их уборе встречаются один только раз в году, и не было еще примера, чтобы серый не перелинявший клест был пойман в марте или ноябре, то нельзя не согласиться, что в здешнем крае клесты выводят птенцов однажды в год и всегда в определенное природою время, подобно другим соседственным с ними породам зерноядных птиц[562].

В наружности обыкновенного и белопокромого клестов нет значительного различия, последний немного менее перваго, клев его у основания тоньше, а хвост развилист, то есть средние хвостовые перья гораздо короче внешних. Главнейший видовый признак состоит в двух белых поперечных полосах на крыльях.

Наряд молодых белопокромых клестов прост и нецветист; вся верхняя часть тела иззелена-серая с темными пятнами по средине каждого пера; хлуп бледно-желтый; верхние хвостовые покрывала черные с желтоватою опушкою, щеки и уши серо-зеленоватые без пятен; горло белесоватое с темными пятнышками. На груди и боках заметен сильный светло-желтый оттенок. Эти части покрыты продолговатыми темными пятнами. Брюхо и ниж-

ние хвостовые покрывала белесоватые; последние с черноватыми посредине пятнами; перышки, покрывающие начало и сгиб крыла, черные с белою опушкою. Крыловые покрывала до половины черные, а остальная их часть до оконечности и лежащие на них перышки чистого белого цвета, отчего на крыльях образуются две поперечные широкие, белые полосы. *Прикрылья* плавильные и хвостовые перья черные с белесоватыми крапинками и кончиками, *на прикрыльях* черный цвет сильнее, а белая опушка чище. Верхняя челюсть клева и оконченость нижней *темн*ого цвета; края же обоих и начало нижней изкрасна-белесоватые; плюсна и пальцы изкрасна-светлотемные, почти черные, *ирис* темного цвета.

У перелинявших в конце лета самцов голова, шея, горло, грудь, бока и хлуп нежного алого цвета с заметным розовым оттенком, происходящим от легкой бледно-розовой опушки перьев, покрывающих эти части. Лоб и перышки, покрывающие ноздри и основание верх*ней челюсти клева пепельные*. Под глазами на ушках темные пятна, с белесоватою опушкою; ушки отделены от задней части шеи небольшими изогнутыми полосками из темных перышков с белесоватою опушкою. На зашейке красные перья с черным посреди пятном и пепельною оторочкою, образуют довольно широкою полосу, идущую от одного плеча до другого, средина спины одинакового цвета с головою, но с темными пятнами; перья, лежащие на крыльях, верхние хвостовые покрывала и перышки, покрывающие начала крыльев черные с красными *краешками*; остальная часть крыльев и хвост такого же цвета как у молодых, с тою только разницею, что т*он* цветов *резче* и концы покрывалов, или задних перьев крыла, обозначены довольно большим белым пятном, средина груди, брюхо и нижние хвостовые покрывала нечистого белого цвета. На боку есть темные черточки; клев темный, только одни края челюстей белесоватые; цвет плюсен и пальцев темнее, чем у молодых, *ирис* темного цвета.

У совершенно развившейся самки верхняя часть головы, шея и средина спины *приятного* желтого цвета с черными пятнами. Зашеек обозначен довольно *широкою* полосою из темных перышек, с белесоватою опушкою. Перья, лежащие по сторонам спины над крыльями и верхние хвостовые покрывала черные с узенькою желтою оторочкою; щеки, горло, стороны шеи, грудь, бока и хлуп прекрасного желтого цвета; брюхо и нижние хвостовые покрывала белесоватые, последние с черными пятнами; начало крыльев покрыто темными перышками *с белыми крапинками,* остальная часть крыльев и хвост такого же цвета, как у перелинявшего самца, *в* цвете ушек, клева, плюсны, пальцев и когтей тоже нет никакого различия.

У большей части виденных нами клестов обоих пород верхняя челюсть клева опускалась на нижнюю справа налево; но этого, кажется, нельзя принять постоянным законом природы[563].

Сотрудник Бюффона *Гено де Монбейлляр* справедливо говорит: "От излишней длины равно сгибающиеся челюсти клева не могут сходиться вместе, отчего оконечности их искривляются и перекрещиваются друг с другом; причем оконечности верхней челюсти иногда опускаются вниз с правой стороны, и иногда с левой". У нас было несколько ленточных клестов; у некоторых из них верхняя челюсть опускалась вниз слева направо, *а у других напротив, справа налево*. Мы не могли никак достать птенцов, не совсем еще оперившихся; должно полагать, что в этом возрасте обе челюсти клева еще

не искривлены и что с возрастом, увеличиваясь в длину и сгибаясь оконечностями, они искривляются и перекрещиваются. Доказано, что у птиц клев растет во все продолжение жизни, так же, как когти. Рассказывают, будто бы орлы, содержавшиеся в птичниках очень долго, умирали часто от того, что оконечность их клева загибалась так круто, что им не было возможности принимать пищу.

Белопокромых клестов, так же как и обыкновенных, считают певчими птицами и охотники уверяют, что их песни гораздо нежнее и приятнее, чем пение простых.

По словам американских орнитологов, белопокромый клест вьет гнезда на ветвях сосен из сухих былинок и земли; несет до пяти яиц белого цвета, с желтоватыми крапинками, *гнездится* преимущественно в окрестностях Гудзонова залива.

Хотя европейские ученые и считают эту породу клеста американскою, однако же ее должно поместить так же и в число птиц, обитающих в Восточной Сибири, *потому, что она, как сказано выше, очень обыкновенная птичка в здешнем крае, летающая стадами.*

Синонимия: Loxia curvirostra Lath., Loxia leucoptera. Gmel., Curvirostra leucoptera Willson., Loxia tachicoptera; Bec-croisé; Leucoptera Bec-croisé de Sibérie Vieillot; Белопокромый клест; Ленточный клест.

Атлас, тетр. II, рис. 6 и 7 и тетр. IX, рис. 2. **[191–193]**

ЗЕРНОЯДНЫЕ
РОД 72
ПОРЯДОК IV
(Granivores)

Клев короткий, крепкий, более или менее конический; ребро его, обыкновенно поднимаясь ко лбу, сплющивается. Верхняя челюсть при оконечности редко с зазубринкой, три передние пальца разделены между собою, крылья вообще средней величины.

СНЕГИРЬ
(Pyrrhula)

Клев короткий, конический, по сторонам выпуклый, а при оконечности и у ребра, которое входит в лобовую кость, сжатый; верхняя челюсть его согнута дугою. Ноздри лежат при основании клева, по сторонам кругловатые, и почти всегда бывают закрыты лобовыми перышками. Из трех передних пальцев средний длиннее плюсны. Крылья короткие, тупые. Три первых плавильных пера расположены уступами; четвертое длиннее всех других.

Различие, замеченное в наружнем образовании клева, заставило новейших орнитологов отделить снегирей от воробьев, с которыми по сходству своих нравов и привычек они долго считались в одном роде, хотя с первого взгляда такое разделение кажется весьма естественным относительно пород слишком противоположных друг другу своею наружностию; однако же родовые признаки, основывающиеся на одной форме означенного органа, не всегда бывают достаточными для определения, к какому именно роду должно отне-

сти один из данных видов и к какому роду другой. У многих снегирей клев мало чем отличается от клева воробьев; нередко он бывает довольно длинен, и дуга верхней его челюсти значительно растянута. Таким образом, признаков, отличающих эти два рода надобно искать не в одной длине и форме челюстей, а в целой наружности и, может сдаться, в самих нравах и привычках, между которыми, несмотря на кажущееся сходство, вероятно, находится значительное различие, до сих пор ускользавшее от внимания наблюдателей.

Все снегири принадлежат к числу оседлых птиц. Перелеты ими предпринимаемые вовсе незначительны. Большая часть из живущих в странах умеренных обыкновенно при наступлении снежной и холодной зимы, покидая леса, приближаются к местам населенным, где легко находят зерна, удержавшиеся еще на засохших растениях или случайно оброненные земледельцами. Другие не предпринимают и этих ничтожных переселений и, невзирая на суровость погоды и глубокие снега, постоянно держатся в глуши лесов; некоторые из таких пород даже редко попадаются и на лесных дорогах, куда обыкновенно многие лесные птицы прилетают искать корма.

В начале осени, когда воспитание птенцов совершенно окончено, некоторые виды этого рода собираются в многочисленные стада и не разлучаются до наступления весны; другие, напротив, во всё продолжение снежного и холодного времени года летают семействами, попарно, или поодиночке.

Хотя все вообще снегири нрава тихого и кроткого, однако же они смелы и всегда готовы отразить неприязненные действия других птичек, не начиная никогда ссоры сами. Они редко уступают зачинщикам, не прибегнув наперед к обороне и часто остаются победителями без особых усилий. Некоторые из них, лишившись свободы, скоро привыкают к неволе и в непродолжительном времени становятся совершенно ручными. Тогда они показывают неограниченную доверенность к своим хозяевам, несмотря на природную свою осторожность, которая у многих видов переходит в боязливость и даже в дикость.

Нельзя сказать, чтобы пение снегирей не было приятно; правда, звуки их голоса тихи, сиповаты и песня довольно единообразна, но это единообразие, эта тихость имеют в себе какую-то приятность, в них выражается что-то меланхолическое, кроткое; страсть, волнующая птичку, высказывается ею с нежностью без бурных порывов, без излишнего щебетанья, похожего на бессмысленную болтовню. Все знают, что обыкновенный снегирь очень переимчив, и легко заучивает не только арии, но и многие слова, которые произносит явственно и отчетливо, вероятно, и другие, близкие к нему породы, одарены такою же переимчивостью.

Эти птички живут обыкновенно в больших лесах или рощах. Во время любви ищут они самых уединенных мест и вьют свои гнезда в глухих чащах на ветках кустарников. Мох и древесные листья служат им главнейшими материалами для постройки прочных и довольно красивых гнезд, которых внутренность всегда бывает устлана искусно сложенными перышками и пухом. Самка несет от четырех до шести яиц.

Во всех породах цвета перьев изменяются с возрастом и полом. Наряд самки почти всегда прост и не цветист; в нем редко встречаются блестящие и живые цвета, украшающие самца. Молодые даже и после первого линяния редко отличаются от своей матери цветом перьев; а иногда после этого линяния их убор бывает довольно блестящ и не сходен с убором их родителей;

но вообще у молодых цвет перьев некрасив и уступает в яркости и блеске цвету совершенно взрослых.

В роде снегирей, также как и между воробьями, замечаем мы чрезвычайное разнообразие цветов, которые по большей части занимают значительное пространство, бывают ровные и весьма редко один из них служит полем другому. Однако же, несмотря на это разнообразие, можно принять господствующими цветами следующие: голубой, красный, желтый, белый и черный. Эти основные цвета принимают только различные тоны и переходят в разные оттенки; но следы их видны всегда почти у каждой породы снегирей; таким образом, голубой цвет, изменяясь, переходит в голубо-пепельный, изголуба-аспидный в чисто-пепельный, в темно-аспидный, в голубо-серый, в серо-пепельный, в серый светлого и темного тона; красный, усиливаясь или теряя силу, становится темно- или светло-красным; кармазинным, алым, розовым и светло- или темно-рыжим; а желтый переходит в красно- или желто-оранжевый; наконец, сила белого и черного цветов не всегда бывает одинакова, и тоже подвергается переменам; нередко первый имеет богатый серебристый отлив, а последний – синий или фиолетовый. Такие изменения и переходы цветов весьма естественны и заметны у многих родов. Можно предполагать с некоторым основанием, что они происходят от преобладания одной из красок, составляющих основной цвет над другою. Само собою разумеется, что это должно отнести только к породам весьма близким; например, положим, что настоящий цвет снегирей есть алый, состоящий почти из равного количества желтого и карминного; если первый усилится, а последний ослабнет, – алый перейдет в оранжевый; если же, напротив, последний возьмет верх над первым – алый сделается красным; а с совершенным уничтожением желтого и при ослаблении тона, переменится в розовый различных оттенков. Можно также, взяв в пример пепельно-голубой, состоящий из голубого и пепельного или из синего, красного и желтого. Можно объяснить довольно удовлетворительно все изменения и этого цвета. Даже образование пятен одинаковых и сложных, то есть состоящих из нескольких цветов, можно приписать развитию цвета, окрашивающего стебелек каждого пера, который почти всегда бывает темного тона; но по своей тонкости теряется в цвете бородок. В этом цвете стебелька можно предполагать три краски: черную, желтую и красную, которые, смешиваясь, составляют темную. Распространение одной или двух из них, окрашивая основание бородок, может легко произвести пятна, почти всегда занимающие средину пера. Кроме означенных изменений цвета, между американскими снегирями находятся такие, у которых красный переходит в фиолетовый, пурпуровый и темно-каштановый, а у других приметны следы зеленого, который однако же исключительно принадлежит самкам. В этих последних породах зеленоватый цвет самки соответствует черному с фиолетовым оттенком или темно-красноватому и светло-красному – самца; а иззелена-оранжевый и серо-оливковый – темно-красному и рыжеватому[564].

Большая часть известных нам видов этого рода обитает в Северной и Южной Америке; в Средней, Южной и Северной Европе их гораздо менее; также точно и в Азии; однако же в этих частях света их гораздо более, чем в Африке и Океании, где до сего времени путешественники нашли всего четыре породы снегиря.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СНЕГИРЬ
(Pyrrhula europaea[565])

Клев: длина 1,1, толстая у основания 0,8; голова 2,1; крыло 8,8; хвост 7,1; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,9, средний 1,2, внутренний 0,8, задний 0,5; когти; на внешнем 0,3, на среднем 0,5, на внутреннем 0,3, на заднем 0,5; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 16,0. Первое плавильное перо короче второго, которое не многим менее третьего; а четвертое длиннее всех. Хвост ровный, средней длины.

При наступлении сильных морозов, с первым выпавшим снегом, снегири начинают посещать огороды и гумна, и тихим своим свистом возвещают сельским жителям начало зимы. Недостаток привольного корма принуждает их искать средств к своему существованию в избытках нашей промышленности; вне обыкновенного их жилища – лесов, где все растения, зернами которых они питаются, бывают в это время покрыты инеем или занесены снежными сугробами. В местах же населенных, как бы не были глубоки снега, они никогда не закрывают высокой лебеды и других дико растущих трав, выросших на возделанной земле огорода, и нашими же трудами без намерения улучшенных[566]. Семена этих растений и случайно оброненные зерна конопли и разного рода хлеба доставляют многим птичкам более чем достаточную пищу в продолжении всей зимы.

Обыкновенные снегири не стадятся, как другие соплеменные им виды, а летают всегда попарно, очень редко семействами. Кажется, самец, избрав однажды для себя подругу не разлучается уже с нею во всю свою жизнь. Постоянство чувств взаимной привязанности нимало не удивительно у таких птиц, которые во время насиживания так внимательны друг к другу, столь попечительны и заботливы. Чтобы сохранить вернее плоды своей любви и между тем облегчить труды *своей подруги,* снегирь сменяет ее несколько раз в течение дня и занимает в гнезде ее место; находясь при ней неотлучно, он разгоняет ее скуку пением, защищает от нападения врагов и приносит даже пищу[567].

Можно думать, что природа, одарив этих птичек тихим и кротким нравом, дала им также и способность различать добро от зла, чувствовать благодарность за одно и остерегаться другого. Как бы то ни было известно за верное, что снегири долго помнят оказанные им услуги, скоро делаются ручными, привязываются к тому человеку, который заботится о их пище и ходит за ними; они, так сказать, дружатся с их попечителем и оказывают ему неограниченную доверенность и постоянную привязанность. Были примеры, что выкормленные в клетке и выпущенные потом на волю снегири не улетали в глушь леса даже во время любви, а вили свои гнезда в саду, подле дома, в котором выросли, и часто со всем своим семейством прилетали на голос хозяина и с доверенностию брали приготовленный для них корм.

Наружность снегиря некрасива и хотя его движения не лишены приятности, однако же в них есть что-то тяжелое, неловкое, медленное. Самый наряд этой птички не всякому может нравиться: при всей яркости своих цветов он кажется единообразным и утомляет зрение, потому что эти цвета занимают слишком большое пространство, ровны и не разнообразятся ни пятнышками, ни полосками.

Тихое пение снегирей, многие находят весьма приятным; но в глазах охотников достоинство снегиря состоит не в природности его пения, а в замечательной способности легко перенимать различные звуки, подражать не только тонам музыкальных инструментов, но даже звукам человеческого голоса.

Совершенно взрослый самец отличается от самки и молодых яркостию и блеском своих цветов. Верхняя часть головы до зашейка и подбородок у него черные с богатым фиолетовым отливом; зашеек и спина голубо-пепельные; щеки, горло, грудь и верхняя часть брюха чистого алого цвета; хлуп, нижняя часть брюха и нижние хвостовые покрывала белые; верхние же хвостовые покрывала, которых перышки длинны, остроконечны и лежат в несколько рядов уступами, соцветны голове; начало крыльев пепельнаго цвета; крыловыя покрывала у основания черные, а по концам белые; но на белом их цвете, особенно у лежащих ближе к спине, виден пепельный оттенок; передние плавильные перья и внутренние бородки средних – черные без отлива; задние же и внешние бородки средних с сильным фиолетовым или индиговым отливом; у первого пера прикрыльев внешние край алый, а кончики белые; на краях первых плавильных перьев недалеко от концов видна белесоватая оторочка; средния хвостовые перья и внешние бородки боковых черные с отливом, а внутренние бородки последних соцветны передним плавильным перьям.

Клев, плюсна и пальцы изкрасна-темноватые; когти же черные.

У самки богатый алый цвет переходит в пепельно-красноватый весьма неопределенного тона, а пепельно-голубой верхних частей в тусклый пепельный; прочие же цвета на голове, на крыльях, хлупе и хвосте точно такие же, как у самца; однако же, индиговый отлив черного цвета не так богат. Молодые почти ничем не разнятся от самки, – все их цвета тусклы и неопределенны[568].

Заметив между обыкновенными снегирями значительное различие в величине и тоне цветов, некоторые писатели полагают, что в Европе находится два вида этих птичек: большой и малый, которые различаются не цветом перьев, а величиною. Но господин Темминк таковую разницу в росте приписывает случайным обстоятельствам местности. По его мнению (которое кажется весьма справедливо) птицы одного и того же вида при избытке привольной и питательной пищи и других условий, благоприятствующих развитию организма, улучшаются: рост их значительно увеличивается, цвета перьев становятся ярче; тогда как при скудной и дурной пище они растут медленно и никогда не достигают настоящей величины. Очевидно, что подобное замедление в развитии всех органов должно иметь также влияние и на цвет перьев; следовательно, большой и малый вид европейского снегиря ничто иное как местные или даже случайные варианты одной и той же породы. В этом почти нельзя сомневаться, ибо по одной величине без других видовых признаков невозможно определить самостоятельности какого бы то ни было вида, как в царстве животных, так и в царстве растений[569].

При этом случае заметим, что между оседлыми птицами, которые по своим привычкам не могут избегнуть влияния местности, должно необходимо встречаться случайных и местных вариантов, отличающихся от типа своей породы *гораздо более,* чем между птицами перелетными, привыкшими совершать отдаленные переселения. Многие естествоиспытатели гово-

рят, что неоднократно случалось находить снегирей почти совершенно белых и таких, которых цвета были так мрачны и тусклы, что переходили почти в совершенно черный.

Снегирь столь обыкновенен в Западной Европе, что некоторые ученые называют его европейским и обыкновенным. Они также не редки и в Азии; обыкновенных снегирей очень много в Западной и Восточной Сибири до самой китайской границы[570].

Синонимия: Loxia pyrrhula Linn.; Pyrrhula vulgaris Buiff.; Pyrrhula europoea: Vieil.; Bonvre*uil* commun; Pivorine; Снегирь.

Атлас, тетр. IX, рис. 3 и 4. **[196, 197]**

КРАСАВЧИК[571]
(Pyrrhula elegans[572])

Клёв: длина 0,85, толщин 0,75; голова 1,8; крыло 7,5; хвост 8,6; плюсна 1,5; пальцы: внешний 0,65, средний 1,0, внутренний 0,6, задний 0,5; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,5, на внутреннем 0,3, на заднем 0,5; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 15,9. Первое плавильное перо короче второго; второе немного менее третьего, которое почти равно четвертому; четвертое и пятое одинаковой длины и больше всех других[573]. Хвост относительно величины тела очень длинен. Его перья не все одинаковой длины и неодинакового цвета; самые крайние, или перья первой пары, белые с черным стебельком и небольшим пятном такого же цвета у зорки; вторая пара короче третьей; у составляющей ее перьев внешняя края и оконечность тоже белые, а внутренний край от основания до трех четвертей всей длины на*кось* черные, как и стебелек; третья пара короче четвертой, черная с белым длинным пятном при оконечности; перья четвертой пары одинаковой длины с перьями пятой, и как те, так и другие черные с белесоватою опушкою по внешнему краю; наконец, средние, или перья шестой пары, короче перьев пятой и равны перьям второй, – они тоже черные.

Эта нарядная птичка исключительно принадлежит Восточной Сибири и весьма обыкновенна во многих местах здешнего края, как по ту, так и по сю сторону озера Байкала; но довольно редко залетает в селения, потому что, довольствуясь древесными почками и семенами дикорастущих трав, особенно семенами высокорослой лебеды, она не ищет лучшей для себя пищи и держится большею частию в лесках, растущих по берегам рек и ручейков, где и во время суровой и снежной зимы находит и достаточную пищу и надежное убежище[574].

Хотя при наступлении осени красавчики обыкновенно соединяются в значительные стада, которых не покидают во все продолжение зимы; однако же часто случается видеть их и в это время года, летающими попарно и даже поодиночке. Вероятно, летающие таким образом красавчики принадлежали прежде к какому-нибудь стаду, которое было развеяно или истреблено напавшим на него неприятелем; ибо замечали, что стадящиеся птицы не оставляют стада прежде времени без весьма важных причин. Следующий случай, несмотря на его незначительность, говорит сильно в пользу нашей догадки: в начале 1837 года на поставленную неподалеку от жилья приваду повадились летать чечетки, а с ними вместе и красавчики, последних было около десяти; чрез несколько дней после первого посещения двое завязли в

расставленные силки; третий [был] закрыт сеткой. Несчастие товарищей, кажется, не слишком испугало оставшихся свободными, и они продолжали летать по-прежнему по три раза в день: утром, около полудня и пред захождением солнца, по прошествии некоторого времени вместо шести стали прилетать только трое, потом двое, наконец один, который не оставлял посещать приваду до самой весны и даже прилетал, когда уже снег совершенно растаял, и начала показываться новая трава[575].

Наружным образованием клева, относительно длиною его челюстей к их толстоте и, вообще, всем строением своего тела, красавчики весьма походят на обыкновенного снегиря, так что, несмотря на пушистые перья, покрывающие его стан и длинный хвост, от которых он кажется и статнее и красивее, с первого взгляда можно видеть, что обе эти птички принадлежат к одному и тому же семейству. Суетливость, живость и легкость красавчика, составляющие значительную противоположность с тяжелою и меланхолическою наружностию снегиря, не мешает и самому простому наблюдателю заметить это сходство.

Между птичками, обитающими в Восточной Сибири, едва ли можно найти такую, которая была бы нарядnее красавчика[576]. Нежный тон цветов, красивое их смешение и металлический отблеск некоторых, ставят эту птичку по красоте ее убора несравненно выше всех соплеменниц. Перышки, покрывающие основание клева, и полоса, проходящая чрез глаза до висков, густого малинового цвета, который издали кажется почти черным; верхняя часть головы, щеки и ушки пепельно-белесоватые и при известном отражении световых лучей издают богатый серебристый блеск, который виден также на перьях, покрывающих горло и средину груди; перышки на зашейке и по сторонам шеи розовые с пепельно-серебристыми крапинками, а над ушками темно-красные с красноватою оторочкою, – эти последние составляют как бы продолжение глазной полоски; горло, грудь, брюхо, хлуп и нижние хвостовые покрывала весьма нежного и приятного розового цвета, который у старых бывает очень ярок и блестящ; но у молодых теряется в темно-пепельном цвете бородок, покрывающих основание перьев и переходит в красноватый неопределенного тона; верхние хвостовые покрывала темно-малиновые с белым кончиком и черным стрельчатым пятном посредине; спинные перья розовые с ко*пьео*бразными темными пятнами у стебельков и широкою пепельною опушкою вокруг; перышки, покрывающие сгиб крыла одинакового цвета с грудью, а лежащие на крыловых покрывалах – белые с небольшим черным пятнышком почти у самой зорки; крыловые покрывала у основания черные с белыми кончиками; задние и средние плавильныя перья черные с широкою по внешнему краю оторочкою белого цвета; передние такого же цвета, но их оторочка гораздо уже и тусклее; хвостовые перья не одинаковой длины: средние из них совершенно черные, другие с белою оторочкою, а крайние совершенно белые; клев темно-желтоватый, нижняя его челюсть гораздо светлее *верхней*; плюсна и пальцы изжелто-темные, а когти черные.

Самка в сравнении с самцом, достигнувшим совершенной возмужалости, весьма не нарядна: голова и шея у нее серо-пепельные без всякого металлического отблеска, *с темными краешками* спинные перышки такого же цвета, как и у самца, но их цвета тусклы, особенно розовый, который почти совершенно исчезает в пепельной опушке; нижние части тела белесоватые *с*

красно-желтоватым оттенком на груди, испещренной небольшими темными пятнышками; крылья и хвост точно такие же, как у самца, только все их цвета слабы и не явственны.

Молодые самцы очень походят на самок, от которых отличаются наиболее тем, что около клева и глаз полоска у них густого темнокрасного цвета, на нижних частях тела розовый цвет гораздо явственнее; а грудь покрыта большим числом темных пятнышек. Мы уже сказали о различии замеченном нами между старым самцом, *совершенно* взрослым *и самцом не достигшим* еще полной зрелости[577].

Оседлая жизнь красавчиков не препятствует им предпринимать недальние переселения и во время любви и родительских забот оставлять те места, в которых проводят они большую часть года. При наступлении весны, оставив стада, они попарно удаляются в уединенные и безопасные места лесов, где остаются до окончания лета. По этой причине весною и летом очень трудно повстречать одного из них в том месте, в котором осенью и весною почти на каждом шагу попадаются небольшие их стада.

Кажется, что эта птичка так же тиха, добра и понятлива как и обыкновенный снегирь, но гораздо смелее его. Испуганный сетью или силком, снегирь очень редко возвращается на то место, в котором угрожала ему опасность лишиться свободы; красавчик, напротив, вылетевши из-под сетки, вырвавшись из силка, того же дня прилетает снова на приваду; правда, наученный опытом, он становится осторожнее, обращает внимание на малейший шорох, но не менее того идет под сетку и садится на силки. Нельзя думать, чтобы такая смелость происходила от недостатка памяти или от природной глупости. Наблюдая над жившими у нас красавчиками мы заметили, что они очень хорошо помнят места и оказанные им услуги, легко узнают хозяина, оказывают к нему много доверенности, и вообще обнаруживают большую смышленость. В их нраве нет ни лукавства, ни хитрости[578].

Подобно снегирям, они преимущественно питаются семенами растений, ягодами и древесными почками. Зимою семена высокорослой лебеды составляют главнейшую их пищу[579]. Здесь невольно приходит на мысль замечание г-на Кювье, который говорит: "Чем толще клев конусоклевой птички (conirostre), тем менее употребляет она в пищу веществ из царства животного и тем более питается веществами царства растительного". В самом деле, снегири и красавчики, у которых толстота клева почти равняется длине, едят насекомых только в крайней необходимости, когда их мучит голод и то с видимым отвращением. В этом удостоверились мы многократными опытами: бывшие у нас снегири и красавчики никогда не бросались на насекомых, которыми мы кормили при них синичек, подорожников и сильвий; они всегда оставались на своих нашестах и покойно смотрели на пирующих товарищей своего заключения, ожидая с удивительным терпением конопляных зерен, гречихи или кедровых ядрышек, к которым слетали тотчас и за которые нередко ссорились с синичками. Однажды только самка красавчика, пробывши почти целый летний день без пищи, съела двух или трех Азиатских тараканов, брошенных в ее клетку, но не касалась ни к обыкновенным мухам, ни к другого рода насекомым, которыми мы попытались кормить ее. Без сомнения, замечание знаменитаго Естествоиспытателя не может быть принято за правило безусловное, не терпящее никаких исключений, не допускающее никакого ограничения. Клев зеленой дубоноски и до-

машнего воробья гораздо толще клева щегленка и чечетки; между тем при недостатке зерен и ягод первые едят насекомых с видимым удовольствием, а последние исключительно питаются семенами репейника, лебеды, конопли и других растений; по крайней мере нам никогда не случалось видеть, чтобы щегленок или чечетка ловили насекомых.

Г-н Паллас или переводчик его путешествий на русский язык говорит, будто бы красавчики очень любят семена полыни и питаются ими преимущественно. Нам кажется, это ошибка. Зимою, как сказали мы выше, эти птички в особенности питаются семенами высокорослой лебеды: в продолжении холодного времени года они постоянно держатся в местах изобилующих этим растением; там беспрестанно можно их видеть на поблекших его стебельках, ищущими уцелевших семян, которых зернышки они искусно отделяют от жесткой шелухи. Что же касается до полыни, то красавчики почти на нее не садятся. Семена ее, как и всех сродных ей трав, недолго держатся на общем семенном ложе, а вызревая, тотчас же выпадают из гнездышек общей чашечки, в которой остаются; и то у некоторых только пород, одни волоски, окружающие цветочки и засохшие *не*дозрелые семечки – *выкидыши*; семена же лебеды, напротив, остаются на стебельках во всю зиму и выпадают из чашечек весною. К тому же зернышки полыни очень малы, сухи и довольно горьковаты, а зернышки лебеды мучнисты, содержат в себе значительное количество масла и на вкус сладковаты[580]. Кроме этого, прямые опыты доказали нам ошибку г-на Палласа. Несколько месяцев сряду мы ставили стебельки полыни и клали нарочно, собранные ее семена бывшим у нас красавчикам, не давали им с утра до полудни никакой другой пищи, однако же эти птички, несмотря на голод, не обращали внимания на это растение; когда же им приносили былинки лебеды, они тотчас слетали на них и начинали тщательно искать уцелевших на ее веточках семян, которые, по-видимому, предпочитали они даже конопляным зернам.

Тот же естествоиспытатель, описывая красавчика под названием Сибирского клеста, говорит: "У водящихся на Алтайских горах голова и спина яркого алого цвета, а у сибирских – нежного розового с проседью и темными пятнами, как у чечетки; исподняя часть тела такого же цвета, но жиже, чище и без пятен". Свое описание он оканчивает следующими словами: "Сибирский клест водится в Полуденной Сибири по тальникам, около рек и ручейков, текущих с гор". Из этого должно заключить, что г-н Паллас принимает два местных отличия в породе красавчика, из которых одно принадлежит Полуденной Сибири, а другое обитает в Алтайских горах. Мы никогда не видали последнего и потому не можем решить вопроса, который из красавчиков, восточно-сибирский или алтайский местный, вариант другого или каждый из них принадлежит к отдельной самостоятельной породе, принимая это слово в обыкновенном смысле методистов[581]. Если же в начале нашей статьи мы сказали утвердительно, что этот вид снегиря исключительно принадлежит Восточной Сибири, мы руководствовались в этом не столько личными нашими сведениями, сколько вышеприведенными словами знаменитаго путешественника, и свидетельством некоторых особ, долго живших в Западной Сибири, которые уверяли нас, что красавчиков вовсе там нет и что даже очень редко эти птички попадаются далее западных границ Иркутскаго округа[582].

Причина, побудившая нас оставить имя сибирский клест, под которым красавчик описан в путешествии г-на Палласа, очевидна. Новейшие орнитологи, открыв в клестах родовые признаки, достаточные для составления из них самостоятельнаго рода, отделили этих птиц от снегирей. Вследствие такого разделения г-н Темминк назвал красавчика длиннохвостым снегирем, а г-н Драпье – сибирским. Бесспорно, что первое из этих названий очень прилично птичке, отличающейся от других видов своего рода необыкновенною длиною хвостовых перьев, но, к сожалению, под таким же точно именем в естественной истории известна одна из американских пород снегиринаго рода. Поэтому для избежания сбивчивости и неудобств, почти не разлучных со сложными наименованиями, мы дали этой птичке простое русское название, которое возбуждает в нашем уме идею не о ея роде, а о наружной красоте, и которое, кажется, очень прилично такой нарядной и красивой птичке, как красавчик. Не довольствуясь этим, мы, может быть, с меньшею основательностию устранили латинское видовое наименование и заменили его[582a] своим, более соответствующим русскому.

В некоторых местах Иркутского округа красавчика ошибочно называют зябликом. Не знаем, что подало повод тамошним жителям дать этой птичке имя, под которым с давнего времени известна у нас в России одна из воробьиных пород, которая прилетает в Среднюю Россию только весною и, вероятно, названа зябликом или заблицею[583], потому что чрезвычайно боится стужи. Охотники до певчих птиц ставят заблика выше щегленка, чижика и канарейки. Он особенно замечателен удивительною способностию повторять природные или выученные звуки без остановки и без малейшей ошибки более тысячи раз сряду. Лет за сто пред сим во многих государствах Западной Европы страсть к пению зябликов доходила до смешной меломании, и в наше время в Бельгии существует общество любителей зябликов, в котором эти птички, изумляя и восхищая знатоков своими талантами, выигрывают значительные призы в пользу своих хозяев.

Красавчик тоже поет, но его пение не звучнее и не разнообразнее пения обыкновенного снегиря.

Синонимия: Loxia sibirica Gmel., Lath., Pallas; Pyrrhula longicauda Temm.; Cardinal de Sibèrie Sonn.; Bouvre*uil* de Sibèrie Drapier; Сибирский клест; Красавчик; Pyrrhula elegans.

Атлас, тетр. IX, рис. 5, 6 и 7. **[201–203]**

ЧЕРВЛЕНЕЦ[584]
(Pyrrhula erythrina[585])

Клев: по ребру 1,0, от зевков 1,5; голова 1,9; крыло 8,2; хвост 6,1; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,9, средний 1,5, внутренний 0,9, задний 0,8; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,5, на внутреннем 0,3, на заднем 0,6; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 15,0, от конца же клева до оконечности среднего когтя 14,4. Первое плавильное перо самое длинное; второе немного короче первого; третье короче второго; но длиннее всех, следующих за ним. Крайние хвостовые перья длиннее средних, отчего хвост вилочками.

Говоря о снегирях вообще, мы уже заметили, что некоторые породы, причисляемыя к этому семейству, отличаются от родового типа длиною клева и ослаблением сгиба верхней челюсти. Червленец служит тому приме-

ром; клев его, как относительно своей толстоты, так относительно и самой величины птички, довольно длинен. Кроме этого различия, надобно еще прибавить другое гораздо важнейшее, а именно: три первые плавильные пера расположены у него уступами в обратном порядке, так что первое длиннее всех, следующих за ним и несравненно больше четвертого, отчего крылья этой птички кажутся острее крыльев снегиря и красавчика. Однако же, несмотря на все это, внимательное сравнение червленца со снегирем и воробьем, открывает нам в его наружности более сходства с первою, чем с последнею из означенных птичек. Червленец принадлежит к тем породам снегирей, которых с некоторым основанием можно бы назвать переходными породами, соединяющими род снегирей с родом клестов. Длина клева, величина плавильных перьев, перемена зеленого цвета в красный и самые спинные пятна приближают его к клестам; между тем как наружное образование того же органа клева и некоторые другие признаки заставляют его считать снегирем. Изменение и переход одного родового типа в другой, или сказать вернее, постепенные и бесчисленные изменения одного и того же прототипа не требуют доказательств. Изучая произведения природы, мы встречаем их на каждом шагу; но большая часть таких изменений для нас почти незаметна; чем они маловажнее, тем труднее уловить их[585a]. Нас обыкновенно поражает одна разительная противоположность, которую мы тотчас принимаем за родовой тип и группируем около него те породы, которых уклонение и различия теряются в кажущемся сходстве; но между двумя крайностями или противоположностями необходимо находятся постепенности, наполняющие промежуток. Средние из этих постепенностей, почти равно отстоящие от той и другой крайности, можно почесть переходными видами. Разумеется, в таковом же смысле, в каком принимаем мы противоположности за родовые типы; ибо в существенности самая близкая порода к той, которая принята родовым типом, есть уже переходная к противоположной.

По блестящим цветам своего наряда, после красавчика червленец занимает первое место между красивейшими птичками здешнего края; но в его наружности и в его движениях нет ничего привлекательного.

У совершенно взрослого самца верхняя часть головы, горло, щеки, грудь и хлуп яркого кармазинного цвета; перышки на зашейке и спине красные с оливковою оторочкою; но у спинных оторочка гораздо светлее, а в средине черное копьеобразное пятно; все крыловые – темного цвета с каемками или только по внешнему краю и концами или вокруг всей оконечности пера; у покрывающих начало крыла каемка красная; у лежащих на крыловых покрывалах – белесоватая; у крыловых же покрывал красно-беловатая; у передних и средних плавильных перьев красноватая, а у задних и по концам передних – оливковая; верхние хвостовые покрывала с черным посредине пятном, окаймленным красною и оливковою опушкою; хвостовые перья соцветны плавильным; нижняя часть брюха и нижние хвостовые покрывала белые. Красный цвет груди спускаясь вниз, постепенно слабеет и, наконец, совершенно сливается с белым; от глаз к клеву идет полоска, состоящая из темных перышек с оливковыми крапинками.

Верхняя челюсть гораздо темнее нижней, которая желтовата; плюсна и пальцы темного цвета; когти черные.

У самцов, не достигнувших полного развития, красный цвет, вообще, бывает бледен и в их наряде преобладает обыкновенно светло-оливковый,

даже зеленоватый. Точно также у самки, первый из этих цветов совершенно теряется, и подле самца она кажется изсера-зеленою[586].

Весною червленцы летают попарно не только по лесам, растущим на берегах Ангары, но даже по огородам прибрежных селений. Зимою же их вовсе не видно; однако же нет никакого сомнения, что они из числа постоянных обитателей Восточной Сибири, и, вероятно, также, как и другие сродные им птички, посещают те селения, в которых довольство земледельцев обещает им надежную пищу в это скудное время года. В Забайкальском крае, около Нерчинска, недалеко от Китайской границы[587], в продолжении всей зимы эти птички постоянно держатся около жилых мест; летают обыкновенно многочисленными стадами и по своей доверчивости и смелости легко попадаются в неволю[588].

Сложное и довольно длинное название, красный красивый дурачок, которым эта птичка означена в путешествии Палласа, мы заменили подражанием видовому латинскому названию. Если наш выбор не совсем удачен относительно гармонии, то по крайней мере, несмотря на свою краткость, имя червленец обозначает некоторым образом видовое отличие господствующего цвета.

Синонимия: Loxia eritrina Gmel. et Pall.; Loxia cardinalis Besekc; Loxia obscura Lath.; Fringilla flammea Retz.; Pyrrhula erythrina Temm.; Bonvireuil cramoisi; Красный красивый дурачок; Червленец.

Атлас, тетр. IX, рис. 8. **[198]**

ПАЛЛАСОВ СНЕГИРЬ[589]
(Pyrrhula rosea[590])

Клев: по ребру 1,1, от зевков 1,2; голова 2,0; крыло 8,9; хвост 6,6; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,9, средний 1,3, внутренний 0,9, задний 0,7; когти: на внешнем 0,3; среднем 0,5, на внутреннем 0,3; на заднем 0,5, длина всей, от оконечности клева до конца хвоста 15,6, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 13,8; первое плавильное перо едва короче второго и почти равно третьему, второе самое длинное, хвост развилистый.

Из ученых, которые во второй половине прошедшего столетия посещали Восточную Сибирь для изучения естественных ее произведений, Паллас первый встретил на берегах реки Уды и Селенги новый вид снегиря, еще не известного в то время и описал его под названием розового воробья, исключительно обитающего по берегам некоторых рек Забайкальского края. Ученые разыскания, произведенные впоследствии в различных странах Света открыли, что в зимнее время эта птичка посещает иногда восточные страны Южной Европы и изредка попадается в Венгрии, а по наружным своим признакам принадлежит не к роду *воробьев,* а к роду снегирей. Темминк, желая почтить ученые заслуги русского путешественника, означил новооткрытого снегиря видовым названием Палласов. Как эта птичка редко посещает населенные места и почти вовсе неизвестна здешним жителям, которые смешивают ее с червленцем (Pyrrhula erythrina), не дают ей особенного названия, которое бы можно было ввести в общее употребление, то мы считаем обязанностию последовать примеру голландского орнитолога и утвердить за него принятое им имя Палласов снегирь. Надеемся, никто не станет осуждать нас за эту заслуженную дань признательности трудам ученого

Палласа, которому мы все обязаны многими сведениями по всем отраслям естественной истории нашего обширного отечества.

По замечанию Палласа, его снегири обыкновенно держатся по берегам рек в тальниковых кустарниках и летают поодиночке; отчасти это справедливо; однако же осенью нередко попадаются маленькие стада Палласовых снегирей в довольно значительном расстоянии от рек. Нельзя также сказать, чтобы они исключительно водились около некоторых только рек Забайкальского края. По сю сторону Байкала, в Иркутском округе нам самим случалось видеть по нескольку пар этих птичек летающих вместе, и деревенские жители уверяли нас, что иногда они прилетают в селения искать корму на гумнах.

Старания наши узнать, где и каким образом Палласовы снегири вьют гнезда, до сих пор остаются без желаемого успеха, но мы уверились, что время года нисколько не изменяет их наряда, которым совершенно взрослые самцы во всем отличаются от самок и молодых, еще невозмужавших.

У старого самца во *всякое* время года голова, грудь, верхняя часть брюха, бока и хлуп розового цвета с кармазинным оттенком. Перышки, покрывающие лоб, переднюю часть щек и горло узенькие, лоснящиеся и при известном отражении света кажутся совершенно серебряными. Нижняя часть брюха посредине нечистого белого цвета. Спина отделена от шеи красными перышками с желтоватою опушкою. Спинные перышки розовые с черным посредине пятном и белесоватою опушкою. Начало крыльев покрыто розовыми перышками с темным у стебелька пятнышком. Перышки, лежащие на крыловых покрывалах от зорки до половины черные, а от половины до оконечности белые и образуют поперек крыла белую полоску, крыловые покрывала и задние плавильные перья черные с изкрасна-желтоватою оторочкою; передние и средние плавильные перья черные с бледно-розовыми *крапин*ками и кончиками. Верхние хвостовые покрывала розовые с черным посредине пятном, нижние – только розовые, но с белесоватою оторочкою. Хвостовые перья черного цвета с широкою розовою опушкою. Клев белесоватый с темным кончиком, ирис темного цвета, *плюсна* и пальцы темно-желтоватые, когти черные. У самки от клева к глазам идет желтая полоска. Основание нижней челюсти клева окружено перышками такого же цвета. Лоб и передняя часть щек бледно-красные с черными продолговатыми пятнышками. Перышки, покрывающие голову, зашеек и спину нечистого охряного цвета слабого тона с черным посредине пятном и с красным вокруг его отцветом; горло, грудь и бока слабого кармазинного цвета, на двух последних по стебелькам перьев черная черточка, и оконечность бородок изжелта-белесоватые. Брюхо нечистого белого цвета. Начало крыльев покрыто черноватыми перышками с красною вокруг оторочкою, у перышков, лежащих на крыловых покрывалах, широкая белая оторочка. Крыловые покрывала и задние плавильные перья тоже черные, но краешки и кончики у них белесоватые; хлуп кармазинно-розовый. Верхние хвостовые покрывала такие же, но с черным посредине пятном и белыми кончиками, нижние такого же цвета, как брюхо с едва заметным розовым оттенком. Хвостовые перья черноватые с бледно-розовою оторочкою[591, 592]. **[199, 200]**

ЩУР
(*Pyrrhula enucleator*[593])

Клев: длина по ребру 1,5, от зевков 1,3, толстота верхней челюсти у основания 0,6, нижней челюсти у основания 0,5; голова 2,6; крыло 10,8; хвост 8,7; плюсна 2,0; пальцы: внешний 1,1, средний 1,7, внутренний 1,0, задний 0,8; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,9, на внутреннем 0,7, на заднем 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвостовых перьев 20,2, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 17,2; первое плавильное перо немного короче второго, второе почти равно третьему, которое длиннее всех других. Средние хвостовые перья короче крайних, отчего хвост вилочками.

Кювье принимает эту породу Снегиря типом особенного самостоятельного рода, которому он дает греческое название *Corythus*, принадлежавшее в древности неизвестно какой именно птице.

Виейлло следует мнению Кювье, переменив только родовое имя *Corythus* на *Stobilophagus*, однако же каждый из них приписывает этому новому роду зерноядного класса птиц различные родовые признаки, которые, как справедливо заметил Темминк, если и соединить вместе, все-таки нельзя составить такого родового определения, которое бы исключительно относилось к породе, принятой родовым типом.

Действительно, Щур, или Твердонос, имеет много сходства, как с Клестами, так и со Снегирями. На первых он много походит образом своей жизни и переменою цвета перьев, с возрастом на последних наружностию и некоторыми привычками. Что же касается до наружной формы клева, то мы уже сказали прежде, что этот орган, подобно всем другим, подвергается большим или меньшим изменениям в породах, принадлежащих к одному и тому же роду; да иначе и быть не может; ибо без более или менее значительного различия наружных форм и нравственных качеств, характеризующих орган*изированные* существа природы не было бы не только пород, видов, но даже Индивидуев, различия между последними по своей тонкости ускользают от нашего внимания. Однако же, они существуют и должны существовать. Итак, кажется, нет достаточной причины отделить шура от снегиря, к которым причисляет его *со* времени Линнея большая часть орнитологов, и между ними Темминк, считающий эту птицу переходною породою от клестов к толстоносым воробьям.

Между полами, так же как и между индивидуями одного и того же пола в разные возрасты, замечается значительное различие в цвете перьев; но до сего времени еще не доказано положительными наблюдениями, какой именно цвет принадлежит какому возрасту: многие орнитологи говорят утвердительно, что молодые самцы, после первого линяния принимают красно-кармазинный цвет, которого яркость и сила увеличивается до совершенной возмужалости. В это время, когда организм достигает полного развития, красный цвет уступает место блестящему оранжевому. Темминк в первом издании своих ученых трудов вполне принимал это мнение; но во втором оставил его, как ошибочное и говорит, что красный цвет принадлежит совершенно взрослым самцам, а оранжевый самкам и молодым после первого линяния. Мы не можем сказать ничего положительнаго ни против, ни в пользу того или другого мнения и ограничиваемся простым описаниям бывших у нас щуров.

У самца, пойманного в конце октября, верхняя часть головы, щеки, зашеек, горло, грудь и средина верхней части брюха довольно яркого оранжевого цвета, которого тон на голове и *щеках краснее и* блестящее, а на горле и груди слабее; от клева через глаза проходит пепельная полоска, нижняя часть шеи, начало спины, хлуп и средние хвостовые покрывала, покрыты темно-пепельными перышками с оранжевою оторочкою. У перьев же, покрывающих спину, и у *боковых* хвостовых покрыв*ал* опушки светло-пепельные; стороны груди, бока и брюхо светло-пепельные; нижние хвостовые покрывала такие же. Крыловые перышки черные, с белесоватою оторочкою, которая на концах крыловых покрывал и лежащих на них перышках широкая и цветом чище; плавильные и хвостовые перья тоже черные с бледно-оранжевыми крапинками. У средних хвостовых перьев опушки вовсе не заметно. Клев темный, основание только нижней челюсти изкрасна-белесоватое; плюсна и пальцы темные, когти черные, радужная плева глаз темного цвета. При начале весеннего линяния, в средине марта, спина и хлуп начали одеваться темно-пепельными перышками, с широкою оранжевою оторочкою, а цвет головы и груди получил более яркости и стал краснее. К нашему сожалению, птички умерли, не окончив линяния.

У молодой самки, застреленной в начале зимы, оранжевый цвет головы был тусклее и испещрен к зашейку черными полосками; грудь и верхняя часть брюха светло-пепельные со слабым оранжевым оттенком, а опушка спиных перьев и хвостовых покрывал так мало различалась от средины, что совершенно сливалась с нею и эти части казались ровного пепельного цвета. Все крыловые и хвостовые перья более черноватые с белесоватою оторочкою, брюхо пепельное, нижние хвостовые покрывала белесоватые.

У самца, пойманного в начале Апреля, голова, шея, грудь, бока, хлуп и средние хвостовые покрывала яркого красно-кармазинного цвета. От клева чрез глаза проходит темно-пепельная полоска; спинные перья посредине темные с широкою красною опушкою; брюхо и нижние хвостовые покрывала бледного пепельного цвета; крайние верхние *покрывала тем*ные с пепельною оторочкою; перышки, покрывающие начала крыла черные с зеленоватою вокруг опушкою, которая в следующем ряду переменяется в красную, а наконец в широкую белую; концы крыловых покрывал и края задних плавильных перьев *белые, у передних плавильных* и крайних хвостовых – опуш*ка* бледно-красная; клев такого же цвета, как и у предыдущих[594].

Чтобы дополнить сколько-нибудь недостаточность нашего описания, не лишним почитаем приложить здесь выписку из таблицы Европейских птиц Темминка, переменив заголовки, как требует этого голландский орнитолог в последующих изданиях своего сочинения:

Самец после первого линяния догодового возраста:

"Голова, горло и верхняя часть шеи красно-оранжевого цвета, который спереди шеи светлее; грудь и верхняя часть брюха изжелта-оранжевые; спинные и хлуповые перья темно-черноватые, с широкою желтою оранжевою оторочкою. Крылья и хвост черные; все второстепенные перья крыльев с белыми крапинками, а плавильные и хвостовые – с оранжевыми".

Наряд совершенно взрослого и старого самца:

"Голова, шея, горло, грудь, верхняя часть брюха и хлуп красно-кармазинные; этот цвет по мере приближения *нового линяния* становится блестя-

щее и гуще; спинные перья черные с широкою вокруг опушкою красно-кармазинного цвета. Бока, брюхо и нижние хвостовые покрывала пепельные; на крыльях две розовые поперечные полоски; второстепенные крыловые перья с широкою оторочкою этого цвета, а передние плавильные и хвостовые со светло-красными крапинками.

Наряд самки и молодых до первого линяния:

"У годовалой самки только верхние часть головы и хлуп красноватого цвета; у совершенно взрослой – эти части темные с сильным оранжевым оттенком; зашеек и щеки обозначены этим же цветом; спина темно-пепельная; нижние части тела тоже пепельные с весьма легким оранжевым оттенком; на крыльях две бело-сероватые поперечные полоски; все крыловые перья с зеленоватою оранжевою опушкою; в наряде молодых до первого линяния пепельный цвет преобладает над оранжевым".

Эти породы снегиря очень обыкновенны в Северной Европе и в Северной Америке, гнезда вьют на древесных ветвях невысоко от земли. Самка несет четыре яйца белого цвета, питается плодами хвойных деревьев, зернами различных горных растений и ягодами.

В Восточной Сибири щуры живут в густых лесах как по ту, так и по эту сторону Байкала и почти никогда ни в какое время года не залетают в открытые населенные места[595].

Синонимия: *Loxia enucleator Gmel; Caciothaustus rubra Edward, Corytus enucleator Cuvier; Stobilophaga enucleator Vieillot, Pyrrhula enucleator Temm.; Le durbéc du Canada Buff., Pine gros-béc Lath., Bonvrenil dur-béc*; *Твердонос*[596], *Щур.*

Атлас, темр. IX, рис. 9 и 10. **[194, 195]**

ЗЕРНОЯДНЫЕ
РОД 73. 1847 г.
ПОРЯДОК IV
(Granivores)

ВОРОБЕЙ
(*Fringilla Illig. Coecothraustes Briss. Loxia Lath.*[597])

Клев короткий, плотный, округленный, прямой и конический; верхняя челюсть во всю длину вздута; к оконечности немного наклоняется вниз и часто входит углом в лобовую кость черепа; ноздри лежат подле основания, позади рогового возвышения выпуклой части клева, круглые и почти совершенно закрыты лобовыми перышками; три передние пальца отделены друг от друга; средний из них длиннее плюсны. Крылья короткие. Первое, второе и третье плавильные перья лежат уступами, последнее и следующее за ним, то есть четвертое длиннее всех.

Из родов, принятых орнитологами, род воробьев составляет едва ли не самый многочисленный. Число его видов чрезвычайно велико и эти виды представляют значительное различие не только в цветах своего наряда, но и в своих нравах. Очевидно, что многочисленность и разнообразие пород затрудняют их изучение. Чтобы победить эту трудность, многие естествоиспытатели хотели раздробить род воробьев на отдельные новые роды или ввести в него подразделение на группы и отделы; однако все их труды не

имели желаемого успеха. Смежность пород, не чувствительный переход одной в другую, до сих пор лишают возможности открыть такие признаки, которые бы могли служить надежным средством к размещению видов в принятые отделы или семейства. Темминк предложил разделить Воробьев на три группы плосконосых (*Laticones*), коротконосых (*Brevicones*) и длинноносых (*Longicones*); но это разделение тоже не достигает своей цели. Оно не устраняет трудности ввести методический порядок в разделение пород, столь же сходных, как различающихся между собою наружным образованием клева.

Большая часть пород к этому племени принадлежащих, ведет жизнь оседлую и живет многочисленными обществами, которые разделяются на пары, только во время любви и воспитания птенцов; а некоторые даже и в это время составляют вид общества, помещая свои гнезда одно подле другого. Перелетные породы подобно другим кочующим птицам, периодически оставляют слишком суровые места умеренных стран и переселяются на зиму в страны более теплые.

Можно сказать с некоторою основательностию, что в обширном семействе воробьев, разнообразие нравов и привычек есть необходимое следствие многочисленности и разнообразия пород. Одни из них живут преимущественно в местах ровных, другие в местах гористых; те любят леса и рощи; эти предпочитают им места населенные. Одни вьют гнезда в кустарниках или на древесных ветвях; другие в дуплах и под кровлями зданий; но главнейшую пищу всех, вообще, пород составляют зерна различного рода растений и немногие из них любят насекомых.

Почти все виды несутся и выводят птенцов однажды в год. Это правило допускает мало исключений, и как линянье обыкновенно предшествует любви, то большая часть воробьев линяет один только раз в течение года. Брачный убор самцов иногда совершенно отличается от зимнего и бывает цветист и блестящ. Не редко самка цветом перьев значительно отличается от самца. Тоже должно заметить и относительно молодых, иногда же между полами и возрастом нельзя открыть никакого различия.

Многие воробьи замечательны не только красотою своих перьев, но и весьма приятным и разнообразным своим пением. Щегленок, чижик, зяблик и канарейка, как певчие птицы известны всем любителям и дорого ценятся ими.

Воробьи скоро привыкают к неволе, живут долго в клетках и оказывают привязанность к своим хозяевам.

Виды этого рода встречаются во всех странах земнаго шара.

ГОРНЫЙ ВОРОБЕЙ[598]
(*Fringilla montana*[599])

Клев 1,0; голова 1,8; крыло 7,2; хвост 5,2; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,8, средний 1,3, внутренний 0,8, задний 1,6; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,5, на внутреннем 0,4, на заднем 0,6; длина всей от конца клева до оконечности хвостовых перьев 14,4, от конца же клева до оконечности когтя на среднем пальце 12,4.

В Средней России эта порода воробьев живет обыкновенно в лесах, гнездится в древесных дуплах и довольно редко посещает жилые места, осо-

бенно в летнее время. По крайней мере мы никогда ни видели, чтобы эти птички вили гнезда на кровлях жилых домов. В Восточной Сибири, напротив, они, подобно диким голубям, оставив обычные свои жилища, переселились на кровли деревенских изб и живут круглый год в селениях огромными обществами; однако же их гораздо более в местах гористых, лежащих подле лесов, чем в безлесных[600].

Горный воробей менее, статнее и красивее домашнего. Верхняя часть головы и зашеек красно-каштанового цвета; щеки, виски и сплошной воротничок на зашейке белые. От клева через глаза проходит небольшая черная полоска, которая под клевом образует пятнышко продолговатое такого же цвета; на щеках тоже по одному черному пятну. Спинка охряного цвета, с длинными черными пятнами; хлуп и верхние хвостовые покрывала серо-желтоватые; все крыловые перья темные с белою и желторыжеватою оторочкою; хвостовые – соцветны крыловым, но крапинки их серо-желтоватые. Клев темный; плюсна и пальцы темно-красноватые, когти черные. Самка ничем не разнится от самца, а молодые отличаются от старых только тем, что цвета их гораздо тусклее. Кажется, что лесные воробьи гораздо миролюбивее домашних, и хотя они часто дерутся между собою за гнезда, однако же между ними никогда не бывает таких жестоких схваток, как между домашними, которые в своих ссорах до того ослепляются злобою, что несмотря на всю осторожность позволяют иногда брать себя руками.

Эти птички почти круглый год летают стадами; гнезда вьют под кровлями зданий, в неплотно сходящихся досках и брусьях, нередко вытеснив оконичную ласточку из её жилища, они располагаются в нем; в строении их гнезд заметно старание: основание гнезда и наружные его бока свиваются из былинок, а внутренность устилается перьями и пухом; приготовленные таким образом гнезда служат им почти постоянным жилищем. При наступлении осени, они поправляют их на зиму и всегда ночуют попарно; из чего можно заключить, что самец избирает себе подругу единожды[и]навсегда.

Горный воробей осторожен, смышлен; в нем можно заметить даже хитрость; но несмотря на свою осторожность и предусмотрительность, он иногда попадает в силки, западни и даже идет под сетку, если только она хорошо закрыта сухими былинками. Этого никогда не случается с домашними воробьями, которые осторожны до невероятности.

Этот вид воробьев выводит птенцов один только раз в год. Самка несет от пяти до семи яиц иззелена-белесоватых с темными красноватыми крапинками[601].

Горный воробей поет. Пение его довольно разнообразно; но звуки голоса не слишком громки и не заключают в себе особенной приятности.

Синонимия: *Fringilla montana Gmel., Lath., Retz et Linn.; Loxia hamburgia (?) Gmel.; Passer campestris Briss., Passer torquatus Briss., Le Fraquet Buff., Le Hambou vreux.*

Атлас, тетр. X, рис. 1 **[206]**

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ
(Fringilla domestica[602])

Клев: по ребру 1,1, от зевков 1,3; голова 2,1; крыло 7,8; хвост 5,8; плюсна 1,9; пальцы: внешний 1,0, средний 1,5, внутренний 1,0, задний 0,8; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,6, на внутреннем 0,4; на заднем 0,7; длина всей, от оконечности клева до конца хвостовых перьев 14,1; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 12,7; первое плавильное перо немного короче второго; второе тоже немного короче третьего, третье немногим менее четвертого, которое длиннее всех других. Средние хвостовые перья короче крайних.

Вообще, здесь, в Восточной Сибири, домашних воробьев гораздо менее, чем в Средней и Южной России. Во многих селениях Забайкальскаго края, лежащих в местах лесных и гористых, этих птичек не видать вовсе; там обыкновенно их место занимают горные их соплеменники, которые подобно им гнездятся на кровлях строений и неотлучно держатся около жилья[603].

Весенний наряд совершенно взрослого самца значительно отличается как от наряда его подруги, так и от наряда молодых до первого их линяния; в нем даже заметно некоторое различие с зимним нарядом.

Весною у взрослого самца верхняя часть головы изголуба-пепельная; между клевом и глазом черное пятнышко; от глаз к зашейку идет довольно широкая полоска, которая, расширившись, занимает всю шею. Эта полоска состоит из красно-каштановых перышков с тоненьким желтым вокруг ободком. Щеки и ушки светло-пепельные; спина покрыта перышками посредине черными, а по краям густого рыжего цвета. На горле и верхней части груди пятно из черных перышков с белесоватою оторочкою, которая у грудных явственнее, чем у горловых. Хлуп и верхние хвостовые покрывала изжелта-пепельные; начало крыльев красно-каштановое; перышки, лежащие на крыловых покрывалах, черные, с широкою белою оторочкою; крыловые покрывала средние; и задние плавильные перья с широкими красно-рыжими обводами; передние плавильные и хвостовые перья тоже черные, с охряными крапинками; грудь, бока, брюхо и нижние хвостовые покрывала светло-пепельные. Верхняя челюсть темного цвета, нижняя желтоватая с черным кончиком; плюсна и пальцы изкрасна-темные, когти черные; радужная плева глаз темного цвета.

У самца в зимнем наряде все цвета тусклы и неопределенны, черное горловое пятно невелико и на груди едва заметны его следы. Клев иногда бывает совершенно темный.

Взрослая самка имеет голову и шею темно-пепельнаго цвета с примешенною желтизною. Над глазами по бровям проходит охряная полоска, спинные перышки посредине черные с тускло-рыжеватого цвета опушкою; горло и средина брюха белесоватые; бока, нижняя часть брюха и нижние хвостовые покрывала рыжевато-пепельные; хлуп и верхние покрывала темно-пепельные, перышки, лежащие на крыловых покрывалах черные с охряною оторочкою, крыловые покрывала, плавильные и хвостовые перья тоже черные с бледно-охряною опушкою; клев и плюсна такого же цвета, как у самцов.

Молодые до первого линяния расположением цветов совершенно сходны с взрослыми самками; одна разница в их наряде: тоны цветов неопределенные и тусклые, клев и ноги обыкновенно светлые[604].

Эти маленькие птички злы и сварливы. Во время любви и при строении гнезд между ими происходят беспрестанно жестокие ссоры, к которым подает повод не только выбор подруги, но перышки и пух, необходимые для постройки гнезда. Самки тоже нередко ссорятся как между собою, так и со своими обожателями. Оспаривание гнезд у ласточек и горных воробьев, часто представляет им случай обнаруживать свое упрямство и злость[605].

Некоторые писатели, кажется, справедливо замечают, что домашние воробьи, постоянно живущие в населенных местах, по необходимости должны были сделаться смелее, осторожнее и смышленее *других* сродных им пород. Действительно, средства, придуманные людьми для защиты огородов, плодовых деревьев и прочее от нападений этих маленьких хищников в продолжении многих поколений, должны были составить порядочный курс воспитания; но как необходимость удовлетворить естественную потребность – голод во всяком существе говорит сильнее всякой науки, то воробьи, несмотря на все полученные уроки, не сделались нравственнее, а стали только хитрее, осторожнее, смышленнее. Прежде чем решиться сесть на богатую гряду гороху, которого стебли клонятся к земле от тяжести полных стручьев, или посетить роскошные снопы, приготовленные для обмолота, воробей долго высматривает, где хозяева всех этих сокровищ; нет ли какой-нибудь засады, силков, сети; бросает кругом испытующие взоры, осматривает внимательно все места и при малейшем движении, оставляет опасное место. Наблюдая за всеми движениями этой птички, когда она хочет подобрать валяющиеся по земле зерна, невольно подумаешь, что его голодный, но весьма благоразумный взор, у которого осторожность постоянно берет верх над влечением инстинкта и побеждает самые настоятельные потребности природы. Только во время своих ссор домашние воробьи теряют свое благоразумие; обозленных, сцепившихся между собою самцов можно взять руками; для этого надобно иметь немного проворства и ловкости.

Домашние воробьи *по выходе из гнезд* птенцов летают семьями, а при начале осени собираются в небольшие стада, очень часто они летают вместе с горными; гнезда вьют на кровлях домов и других строений в деревнях и городах. Самка несет от пяти до шести яиц иззелена-белесоватых с темными крапинками; птенцы при выходе из яиц бывают совершенно почти голые и слепые.

В Южной России эта птичка выводит птенцов два раза в год, а иногда и три; но в Восточной Сибири, сколько мы заметили, они несутся один только раз в году[606].

Синонимия: *Fringilla domestica Gmel.; Le moineau franc. Buff.; Gros-bec moineau, Moine au domestique; Воробей домашний, Воробей.*

Атлас, тетр. X, рис. 2 и тетр. XVI, рис. 4. **[204, 205]**

ЧЕЧЕТКА
(*Fringilla linaria*[607])

Клев 0,9; голова 1,7; крыло 7,3; хвост 5,4; плюсна 1,3; пальцы: внешний 0,7; средний 0,9; внутренний 0,7; задний 0,7; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 0,6; длина всей от оконечности же клева до конца хвостовых крайних перьев 13,5; от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 11,2; хвостовые перья короче крайних, хвост вилочками.

Гораздо менее домашнего воробья и наружностию очень походит на щегленка, чижика и других близких им пород, которые составляют довольно естественную группу тонконосых или длинноносых воробьев, принимаемых некоторыми Орнитологами в своих методических размещениях птиц.

Чечетки с начала осени до весны летают всегда большими стадами и редко попадаются попарно и поодиночке. Во время зимы посещают жилые места, где ищут на огородах высокорослой лебеды, зернами которой преимущественно питаются при недостатке лучшей пищи; весну и лето проводят в лесах. Они очень смирны, доверчивы и не пугливы[608].

Чечетки не слишком нарядны; у обоих полов верхняя часть тела светло-пепельная с рыжеватым оттенком и продолговатыми черными пятнами, нижняя – белесоватая; основание клева окружено черноватыми перышками, *на* горл*е* небольшое пятнышко такого же цвета, но несколько темнее, темя украшено почти круглым пятном яркого кармазинного цвета; перышки, покрывающие начало крыльев черные, с белою оторочкою; крыловые покрывала от основания до половины тоже черные, а от половины до конца белые, плавильные и хвостовые покрывала и хвостовые перья черные, с белою *опуш*кою, которая на средних и задних плавильных перьях шире и чище. Клев желтый с черным кончиком; плюсна и пальцы темного цвета, когти черные; у самки щеки и ушки рыжеватые с темными черточками; грудь и бока испещрены темного цвета продолговатыми пятнышками. Самец отличается от своей подруги богатым розовым цветом, покрывающим почти всю грудь и бока. Хлуп *и краешки* верхних хвостовых покрывал тоже розовые. Этот цвет украшает также щеки и ушки, но только у совершенно взрослых самцов и то, когда они в полном брачном наряде. Зимою же грудь и бока белые, а щеки и ушки покрыты несколько рыжеватыми перышками, с черными черточками как у самок; хлуп же постоянно розовый; розовые перышки на груди и щеках начинают появляться обыкновенно в начале марта при наступлении весенняго линяния.

Все цвета в наряде молодых тусклы и слабы и на темени нет алого пятнышка[609].

По уверению здешних птицеловов, в сибирских борах водится особенный вид чечетки, который отличается от обыкновенного толстотою клева и рыжеватым цветом верхних частей, с резко обозначенными черными пятнами, ее называют боровик, или боровый чечет[610]. Нам не случалось видать этого чечета, но из рассказов можно заключить, что он ничто иное, как местный вариант; а может статься, даже вариант возраста обыкновенной чечетки, у которой нередко бывает заметен рыжеватый оттенок на белом цвете крыловых покрывал и на других частях тела.

Чечетки вьют гнезда в лесах между ольховыми кустами и на ветвях сосен. Самка несет от четырех до пяти яиц бело-голубоватых, с красноватыми пятнышками на тупом кончике; питаются зернами разных растений и почками некоторых деревьев и кустарников.

Некоторые любители находят пение чечетки приятным и считают ее в числе поющих птиц.

Синонимия: *Fringilla linaria Linn., Gmel.; La sizerin Buff.;* Чечетка, чечеток.

Атлас, тетр. X, рис. 3 и 4. **[208, 209]**

ЮРОК
(Fringilla montifringilla)

Клев: по ребру 1,1, от зевков 1,3; голова 2,1; крыло 9,2; хвост 6,4; плюсна 1,8; пальцы: внешний 0,9, средний 1,4, внутренний 0,9, задний 0,8; когти: на внешнем 0,4, на среднем 0,6, на внутреннем 0,4, на заднем 0,7; длина всего от оконечности клева до конца хвостовых перьев 15,1, от оконечности же клева до конца когтя на среднем пальце 14,0; первое плавильное перо едва короче третьего, второе длиннее всех других, четвертое же не многим короче третьего; средние хвостовые перья короче крайних, хвост очень развилист.

По мнению большей части орнитологов юрков должно считать перелетными птицами, которые проводят лето в холодных странах севера, а на зиму удаляются в теплые страны юга и которые очень редко ведут оседлую жизнь в умеренных странах Европы, но почти ежегодно посещают их пролетом или зимуют в некоторых из них, что случается иногда даже в местах Северной Германии. Нам случалось самим видеть и ловить юрков, которые зимовали в 1815 году на границах Харьковской и Курской губерний[611] и летали иногда вместе с щеглятами по садам и по опушке лесов, иногда же одни[612].

Сравнение собранных замечаний дает однако же право думать, что переселения этих птиц с севера на юг и обратно далеки от того, чтобы быть правильными и постоянными, кажется, что некоторые места Западной Европы юрки посещ*ают* правильно каждый год, в других в одно время их бывает много, в другое очень мало, а иногда их вовсе не видать. Время переселения тоже нельзя считать периодическим, нередко от одного их появления в данном месте до другого появления, проходит несколько лет.

Один из наших естествоиспытателей (которого труд мы прочли недавно), пишет, что юрки, возвращаясь с севера, пролетают чрез юго-западные губернии России, но никогда не остаются зимовать, а летят далее к югу. Во время своих перелетов они тщательно избегают лесов и всегда летят через поле и места совершенно открытые. Это последнее замечание может подать мысль принять юрка по его привычкам за такую же полевую птичку, как жаворонки и те из Подорожников и Пипи, у которых задний коготь чрезвычайно велик и легко согнут. По этой причине мы считаем не лишним для предупреждения подобного заключения сказать здесь несколько слов против замечания, которое нам кажется основано единственно на случайностях того места, в котором встречали перелетных юрков, и самая встреча была тоже случайная. Образованием своих ног, пальцев и когтей, юрок ничем не разнится от других видов воробья, живущих обыкновенно в лесах; во многих отношениях он очень сходен с зябликом. Все Европейские ученые, руководствуясь достоверными сведениями, назначают леса жилищем этих птиц, ветви густых деревьев – местами, в которых они располагают свои гнезда. К этим свидетельствам осмеливаемся присоединить наше собственное. Мы видели юрков, летающими в рощах и по перелескам, отдыхающими на деревьях и кустарниках или прыгающими с ветки на ветку. Нередко они попадаются в местах безлесных и на полях; но это легко объясняется тем, что сказал о них Аббат Бонн*а*терра: “Значительные стада юрков, присоединившись к стадам Зябликов и других зерноядных птиц, днем летают по полям для оты-

скивания пищи, а при наступлении вечера удаляются в леса". Сколько насчитаем таких птиц всех родов хищных, всеядных, голубей и зерноядных, которые обыкновенно живут в лесах, а между тем почти постоянно летают на поле и в места открытые для отыскивания пищи.

По словам Темминка, юрки очень обыкновенны в Арктических странах и вьют гнезда на самых кудрявых соснах и елях; все зависит от местных условий. Голландский *ор*нитолог говорит о Северо-Западной Европе: "Там видят сосновые и еловые леса простирающимися до 67 градуса широты; здесь в Восточной Сибири Север безлесен, широта 60 градусов служит границею, чрез которую не переходят сосны; далее этой границы их место заступает малорослая береза, травянистый тальник, мелкий ярник и другие кустарники, которых рост и сила с приближением их к берегам Ледовитого моря быстро уменьшаются, потом в свою очередь они сами заменяются однолетними растениями и мхом, да и трудно расти деревьям высокорослым с длинными кореньями в таких местах, где земля, обращенная прямо на полдень, в самое лето оттаивает не более как на 14 английских дюймов". Еще Гмелин заметил, что кедры, растущие к западу от берегов Енисея, гораздо выше, толще и ветвистее тех, которые растут к востоку, и на берегах Лены, говоря языком поэтов, этот царь лесов превращается в жалкий, низкорослый кустарник, так как береза далее к северу становится с[т]лан[нико]м. В такой пустынной и безжизненной стране каждое живое существо тотчас обращает на себя внимание человека самого нелюбопытного. Итак, нельзя удивляться тому, что все путешественники, посещавшие северную часть Восточной Сибири, говорят подробно о птицах, прилетающих при наступлении тамошнего лета на реки, текущие в Ледовитое море и на озера, лежащие среди тундр, определяют день появления в полярных странах снежного подорожника (Emberiza nivalis) и кустарки Каллиопы (Accentor calliope). Однако же ни один из *них* не упоминает ни слова о юрках. Из сближения этих данных можно заключить, что юрки в летних переселениях к северу не перелетают линии хвойных лесов, на западе они могут долетать до 67 градуса широты, на востоке только до 60. Кажется, это заключение может быть отнесено также и к высоким горам, которых растительные линии изменяются по мере приближения к линии вечных снегов.

Модюи, говоря о неточности сведений относительно местожительства, нравов и привычек юрков, думает не без основания, что их нельзя назвать перелетными птицами в строгом значении этого слова, что, вероятно, они живут постоянно в умеренных и даже в теплых странах с тою только разницею, что на севере они избирают местом своего жительства глубокие долины, а ближе к экватору горы, которых высота увеличивается с удалением их от полюса и которые по климату и почве способны производить в изобилии приличную пищу; некоторые писатели уверяют, будто бы юрки очень любят семена букового дерева и по этой причине преимущественно посещают леса, изобилующие этого рода деревьями. Таким образом, по их словам огромные стада юрков каждую осень прилетают в Вейссенбургский лес, в котором растет много буковых деревьев; однако же опыты заставляют предполагать, что настоящая пища, необходимая для поддержания жизни этих птиц еще неизвестна, потому что все жалуются на чрезвычайную их нежность и недолговечность, при самом тщательном уходе они в неволе живут недолго. Очевидно, эту смертность юрков, лишенных свободы, скорее всего

надобно приписать недостатку приличной пищи. Собственные наши замечания относительно этого предмета весьма ограничены и не могут служить руководством при определении какого рода семенами преимущественно питаются эти птицы и ведут ли они оседлую жизнь в каком-нибудь из округов Восточной Сибири, или посещают здешний край мимолетом, во время своих переселений из северных лесов на юг, может быть в Японию, где по розысканиям Ван-Сиебольда (Von Siebold)[612a] и Бергера (Berger) их очень много. При всем этом, наше такое мнение, что юрки, обитающие в Восточной Сибири питаются если не исключительно, то по крайней мере преимущественно зернами кедровых деревьев[613] и, вероятно, в тех местах здешнего края, которые по своему положению пользуются сносным климатом и в которых растет много кедров, живут постоянно зимой и летом, в тех же местах где кедров вовсе нет или где они редки, юрков почти никогда не встречают и случайное их там появление надобно приписать невольным переселеньям из лесов, в которых оказался недостаток любимой пищи и откуда гонят их глубокие снега и суровость зимы в леса, изобилующие такою пищею и находящиеся в лучшем климате. Может статься, по этой причине юрки редко встречаются в Иркутском и других округах, где кедров мало, можно даже предполагать, что посещение ими таких мест случается во время переселений в Забайкальский край, в котором, кроме множества кедровников, растут местами и буковые деревья[614] и где в долинах, защищенных от севера, зимы бывают мягки и малоснежны. Разумеется само собою, что невозможно допустить, чтобы пища какой-нибудь птицы ограничивалась исключительно плодами одного только вида растений, в пище птиц необходимо должно быть разнообразие; но это разнообразие заключается в известных границах, в которые входят одни данные растения или насекомые.

Впрочем, все наши догадки основаны на замечаниях случайных, которые без всякого сомнения далеки от того, чтобы быть неоспоримыми доказательствами предположений и выводов наших. Упомянем здесь об одном из них: в 1850 году, в начале сентября, недалеко от Иркутска появились многочисленные стада юрков, которые, по-видимому, спускались с северо-запада на юго-восток; они летали везде на полях, в рощах и по опушке лесов, между мелкими кустарниками. Застреленные были очень жирны, тонкий их жир таял от малейшей теплоты, просачивался сквозь поры кожи, марал перья и пятнал бумагу, в которую они были завернуты, запах его был совершенно сходен с запахом кедрового масла, сгущенного испарением; сверх того, переходя в жидкое состояние, он был также тонок, имел почти такой же желто-зеленоватый цвет и так же скоро высыхал. Хотя нельзя принимать безусловно мнения новейших химиков будто бы жир животных не приготовляется собственным их организмом, а образуется из разных масляных веществ уже приготовленных и выработанных организмом растений и содержащихся в употребляемой ими пище, однако же нельзя также отрицать, что жир и мясо животных принимают запах и даже получают вкус растительных веществ, составляющих их пищу. Для этого необходимо одно условие, а именно, чтобы эти вещества были постоянною частию их корма в течение известного времени. Это известно всем и с нашей стороны было *бы* излишним для доказательства приводить примеры, которые нетрудно найти как между животными и птицами домашнего быта, так и между живущими в диком состоянии свободы; мы упомянем только о тех случаях, которые прямо отно-

сятся к нашему предмету: обыкновенные клёсты (Loxia curvirostra) в Забайкальском крае часто живут в кедровниках и осенью бывают очень жирны, их жир издает сильный запах кедрового масла и тоже нежен и тонок; те же клесты, встречающиеся в сосновых лесах Иркутского округа не представляют ничего подобного. Сало и мясо диких кабанов Забайкальскаго края, которые держатся около кедровых лесов имеют самый сильный запах того же масла и не каждому могут нравиться, напротив мясо и сало диких кабанов, живущих на Кавказе[615], пища которых состоит из дубовых желудей, диких каштанов и прочего, приятно и не имеет почти никакого запаха. Надобно заметить также, что свежее и очищенное масло кедровых орехов имеет довольно приятный вкус и запах его очень слаб, но сгустившись от испарения оно получает сильный, тяжелый и не всем приятный запах.

Темминк полагает, что юрок подобно рыжешеему воробью (Fringilla montium), коноплянке (Fringilla connabina), зяблику (Fringilla coelebs) и чечетке (Fringilla linaria) линяет однажды в течение года. Осенью однако же летний его наряд значительно отличается от зимнего, такую перемену наряда без линяния голландский орнитолог объясняет тем, что в продолжении зимы и весны перья, теряя оконечности бородок, лишаются оторочки и становятся одноцветными. Таким образом, пестрота верхних частей совершенно исчезает, а цвета нижних делаются чище и ярче. Действительно, как уже заметил Модюи, в описаниях юрка встречаются важные несогласия, которых нельзя ничем изъяснить, кроме предположения, что ученые, составляя описание, имели перед глазами юрков, пойманных в разные времена года. Замечание относительно изменения цветов без линяния не будет здесь отступлением от нашего предмета. Легко понять, что одноцветный наряд заступает место пестрого или тусклые и слабые его цвета становятся живыми и сильными, когда обсекаются совершенно оконечности первых бородок, производившие пестроту противоположностию своего цвета с цветом средины пера, или *которые* затемняли и ослабляли этот цвет тусклостию своего собственного. Все необлинявшие еще перья в наряде коноплянки, зяблика и юрка имеют вокруг довольно широкую опушку темно-белесоватую, бледно-красную, рыже-пепельную, бледно-пепельную, рыжую и бледно-рыжую или желтоватую. Эта опушка не столько пестрит их наряд, сколько темнит его цветность; итак, когда кончики бородок обсекутся, цвета, занимающие средину пера, получают яркость и силу, или становятся ровнее, опушка не темнит, не ослабляет и не перерывает уже их. То же должно сказать о наряде рыжешеего воробья и многих других птиц. Но перемену белого цвета на передней части шеи, груди и хлупе чечетки в розовый, едва ли можно принять следствием подобной причины. С наступлением осени, до начала весны ни в одном из многочисленных стад чечеток не найдем ни одной, у которой бы на груди и хлупе был заметен самый слабый оттенок розового цвета; в средине зимы сколько ни рассматриваем перья чечетки под белою опушкою, не видим розового цвета; как под тусклою опушкою коноплянки замечаем уже красный и каштановый, или у домашнего воробья (Fringilla domestica) черный и пепельный. Может статься, нам никогда не случалось в это время года видеть старого самца чечетки, что впрочем довольно странно, потому что у нас было много этих птиц, которые в Восточной Сибири также обыкновенны, как горные воробьи (Fringilla montana). При всем нашем желании избегать противоречия, мы против собственной воли сомневаемся

в словах Темминка и думаем, что чечетки линяют два раза в течение года, и если их линяние не бывает общее, то по крайней мере частное, как это замечено у некоторых других пород, причисляемых к роду воробьев. Сомнения относительно линяния трудно решить наблюдениями над птицами, содержимыми в неволе, в этом состоянии многие из них, а в том числе и чечетки теряют свежесть своего наряда и блестящие их цвета или пропадают или не выявляются даже при линянии.

Возвращаемся к нашему предмету, к цветам перьев, отличающим наряд юрка от наряда других соплеменных ему пород.

Осенью вскоре после линяния перышки, покрывающие голову и зашеек, черные с металлическим фиолетовым отливом и широкою пепельно-рыжеватою опушкою; спинные перья тоже черные, блестящие, но цвет их оторочки ярко-рыжий, хлуп белый, верхние хвостовые покрывала соцветны спинным перьям, горло рыжеватого цвета, грудь и бока темно-оранжевые, брюхо белое, нижние хвостовые покрывала и перышки, покрывающие голени рыжеватые, на последних заметны черные черточки, начало крыльев одинакового цвета с грудью и отделено от крыловых покрывал рядом белых перышков, образующих в этом месте крыла поперечную полоску; крыловые же покрывала черные с рыжеватою вокруг оторочкою; три первые плавильные пера черные с узенькою желтою опушкою по внешнему краю, четыре следующие за ними у зорки по внутренним бородкам наискось белые, но вся наружная их часть черная с желтою оторочкою; второстепенные плавильные тоже черные, с белым наискось лежащим пятном у основания и широкою желтою оторочкою, от половины до оконечности, прикрылья черного *цвета* с широкою рыжеватою вокруг оторочкою; хвостовые перья черные, у средних широкая бледно-рыжеватая оторочка, у крайних внешние бородки по средине белые и на внутренних их бородках этот цвет идет наискось к оконечности и составляет полоску, которая на лицевой стороне пера от неявственности кажется пепельною, а с исподи совершенно белою, все промежуточные перья с белесоватыми крапинками, два же крайних почти без опушки; нижние крыловые покрывала нежного, но яркого желтого цвета; клюв желтый с черным кончиком, плюсна и пальцы темно-желтые, когти черные, ирис темного цвета.

Нам не случалось еще видеть юрка в летнем наряде, и мы не могли снять с этой птички верного рисунка и составить подробное описание перемены цветов, производимой в ее наряде временем года[616]. Темминк описывает летний наряд обоих полов следующим образом: "У совершенно взрослого самца голова, зашеек стороны шей и верхняя часть спины блестящего черного цвета, горло, перед шеи, грудь, перья покрывающие начало крыльев и кончика больших крыловых покрывал прекрасного рыже-оранжевого цвета; хлуп и нижняя часть тела белые; бока рыжие с черными черточками, три первые плавильные пера совершенно черные; два средние окружены широкою рыже-пепельною каймою, крайние с белою оторочкою при начале; клюв черно-голубоватый. У совершенно взрослой самки голова рыже-сероватая, выше глаз идет черная полоска, щеки и верхняя часть шеи серо-пепельные, перед шеи и грудь светлого рыже-оранжевого цвета, спинные перья темно-черноватые с рыже-пепельными краешками и кончиками, надкрылья бледно-желтоватые, крылья и хвост черноватые".

По сведениям, собранным естествоиспытателями, юрки вьют гнезда в ле-

сах на самых густых соснах и елях и так же, как зяблик, помещают свои гнезда на ветках довольно высоко от земли. Самка несет от четырех до пяти яиц. Соглашаясь относительно числа яиц, ученые не все соглашаются относительно цвета; сам Темминк в первом издании своего описания европейских птиц говорит, что они белые с желтоватыми пятнами, а во втором, что они совершенно походят на яйца зяблика, которые, как известно, зеленовато-голубые с темно-кофейными пятнышками и узенькими полосками того же цвета.

Может быть, наше желание рассеять собственные наши сомнения касательно местожительства, нравов и наряда с его изменениями по возрастам, полам и временам года многих птиц, числа и цвета их яиц и прочее, со временем будет награждено успехом и мы избавимся от тягостной необходимости догадками и предположениями соглашать встречные противоречия и объяснять неприятную всегда неизвестность.

Синонимия: Fringilla montifringilla Gmel., Lath., Temm.; Le pinson d'Ardennes Buff., Gerard, самец и самка совершенно взрослые; Fringilla flammea Beseks.; Fringilla lulensis Gmel., самка совершенно взрослая; Chardonneret à quatre raies. Buff., молодая самка. **[207]**

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ[617]

РОД 6

ДЛИННОХВОСТАЯ, ИЛИ ДОЛГОХВОСТАЯ, СОВА[618]

(Strix *funerea*[619])

Клев: верхняя челюсть 2,0, нижняя 1,6; голова 4,2; крыло 24,4; хвост 18,8; плюсна 2,3; пальцы: внешний 2,0, средний 2,3, внутренний 2,0, задний 0,9; когти: на внешнем 1,4, на среднем 1,3, на внутреннем 1,3, на заднем 1,6; длина всей от конца клева до оконечности хвостовых перьев 40,2. Хвост длинный и ровный.

В лесах, покрывающих гористые места Забайкальского края, этот вид совы очень обыкновенен и попадается гораздо чаще других пород[620], от которых отличается тонким станом, небольшою головою и особенно длинным хвостом, составляющим почти половину всей величины.

Верхняя часть головы и зашеек белесоватые с правильными темными и черными пятнышками. Глазные кружки почти белого цвета и отделены от задней части головы широкими черными полосами, идущими от висков до начала шеи, от этих полосок идут по сторонам зашейка две другие почти одной с ними ширины и одинакового цвета. На горле черноватое пятно. Спина, хлуп и крылья темно-серые с белыми и черными пятнами; грудь, брюхо и перья, покрывающие голени белые с поперечными извилистыми полосками темного цвета. Хвостовые перья соцветны спине с поперечными белыми полосками и с белыми же кончиками. Глазные веки и когти черные; клев светло-желтый; ирис лимонного цвета; плюсна и пальцы покрыты белесоватыми перышками с поперечными темными полосками[621].

Долгохвостая сова ведет жизнь оседлую. Ее чаще можно видеть зимою, чем летом. Она тоже нередко попадается в ловушки, которые ставят в лесах на белок[622].

Та, которая жила у нас, не показала особенной дикости, не сердилась при виде людей и ела данный ей корм в их присутствии. Кажется, дневной свет не мешал ей различать предметы и не был тягостен, она не моргала так часто, как пугач, и не закрывала глаза.

Синонимия: Strix *funerea Lath., Strix canadiensis, Freti hudsonis Briss.; Strix hudsonia Gmel. et Wilson; Chenette à longue queue de Sibirie. Buff.; Caparacoch Temm.;* сова[623].

Алтас, темр. I, рис. 9.

РОД 34[624]
СОРОКОПУД
(Lanius)

Клев посредственной величины, плотный, весьма сжатый[625], при основании прямой, а при оконечности согнут крючком. На конце верхней челюсти глубокая зазубренка, нижняя челюсть прямая. Основание первой покрыто жесткими волосками, направленными вперед. Ноздри лежат у основания, круглые и в половину закрыты выгнутою наподобие свода перепонкою, на ногах четыре пальца, из которых три лежат впереди и совершенно разделены между собой, а один позади, средний палец короче плюсны, первое плавильное перо посредственной длины, второе немного короче третьего и четвертого, которые длиннее всех других, хвост состоит из десяти перьев обыкновенно от средины к краям уменьшающихся, отчего оконечность хвоста, когда он распущен, образует дугу.

Много говорят о мужестве и удивительной смелости сорокопудов. По словам некоторых писателей, наблюдателям неоднократно случалось видеть, с какою решительностью эти птички нападали на неприятеля, вдесятеро превосходящего их и величиною и силою и, начав столь неравный бой, не обнаруживали ни малейшего желания прекратить его. Бешенство, продолжают тоже писатели, до того ослепляет их, что они не видят гибельных следствий безрассудной своей отваги, подавляют в себе *инстинкт* силы сохранения и такое единоборство почти всегда оканчивается не иначе, как смертию обоих противников, которые умирают, уцепившись друг за друга клевом и когтями. Легко может быть, что в рассказе о дивном мужестве сорокопудов и отчаянном их единоборстве насмерть с птицами другого рода много преувеличений. К сожалению, это необходимое следствие несовершенств человеческой природы, что обращает на себя внимание наше, чему мы удивляемся, на то уже смотрим глазами предубеждения и часто видим не так, как есть, а как хотим чтобы было. Редко наблюдаем, не преувеличивая и не переиначивая, если не всего, то по крайней мере многого. Однако же нельзя отрицать, что некоторые сорокопуды чрезвычайно злы и преследуют с ожесточением маленьких птичек, которые случайно без всякого дурного намерения приближаются к их гнездам. Может статься, что такая сварливость их нрава даже была главною причиною, заставившею известных орнитологов все виды этого рода считать полухищными птицами, питающимися не одними насекомыми, но мясом животных высшего порядка. Уверяют, будто бы они ловят и умерщвляют слабых птенцов маленьких птичек и зверьков и часто даже нападают на кроликов, которым расклевывают череп и прежде всего съедают мозг, до которого чрезвычайно лакомы. Без сомне-

ния, свидетельство правдивых и ученых естествоиспытателей устраняют всякое сомнение относительно плотоядности некоторых пород и, не смея отвергать мнения людей известных своими заслугами на позорище[626] наук естественных, мы заметим только одно, что нет достоверных фактов, которые бы могли служить доказательством, что все виды сорокопуда одинаково злы и плотоядны. Впоследствии нам представится случай сказать об этом гораздо более[627].

Если нашим читателям отчаянная храбрость, или вернее смелая злость сорокопудов покажется не совсем вероятною, то что же они скажут, услышав рассказ, каким образом эти птички сохраняют свою добычу впрок. Сказывают будто бы сорокопуды, предвидя, что охота не всегда может быть счастлива и что при первой неудаче им придется терпеть голод, в случае изобильного улова никогда не забывают откидывать[628] часть добычи на черный день: маленькие птички, большие жуки, назначенные для сбережения, вешаются или натыкаются ими на древесные иглы и сухие веточки в таких местах, где всегда бывает свободное течение воздуха, которое, ускоряя испарения влажных частей, препятствует животной пище портиться так, что она засыхает почти совершенно свежею. Если верить, многим удавалось находить на древесных иглах и ветках такие запасы предусмотрительных сорокопудов. Что касается до нас, нам не случалось видеть ничего подобного и потому мы почитаем себя в праве сомневаться в справедливости всего этого. И другое объяснение, почему иногда находят больших жуков и маленьких птичек, насаженных на иглы колючих деревьев, кажется нам вероятнее. По словам некоторых охотников, сорокопуды, поймав свою добычу, стараются прицепить ее к древесному сучку для того, чтобы удобнее очистить ее от неудобоваримых частиц и разрывает на кусочки, ибо слабые их ноги не позволяют им держать добычи когтями как делают это обыкновенные хищные птицы. Уверяют, будто бы не один наблюдатель был очевидцем, как сорокопуд пожирал свою добычу, воткнув ее сначала на иглу колючего дерева; все это так, но кто может поручиться, что эти жуки и птички не сами зацепились за древесные колючки, спасаясь от преследования неприятеля, или по какому-нибудь другому случаю, и в таком уже положении были отысканы сорокопудом и сделались его жертвой.

Род этих птичек славится родительскою нежностию, постоянством и горячностию супружеской любви. *Ничто* не может сравниться с заботливостию и попечениями их о своих малютках, которых они, так сказать, не спускают с глаз даже в то время, когда, оперившись и получив силу и навык собственными средствами доставить пищу и защищаться от неприятелей, молодые не требуют никакой посторонней помощи, вся семья обыкновенно летает вместе и не разлучается до следующей весны. Тогда любовь и заботы о воспитании нового *поколения* требуют от каждого новых обязанностей. Этою замечательною привязанностию к детям сорокопуды совершенно отличаются от всех хищных птиц, которые, кажется, с нетерпением дожидаются чтобы птенцы оперились и начали летать, для того чтобы скорее выгнать их не только из своего гнезда, но даже из округи, в которой живут.

Они вьют свои гнезда между веточками небольших деревьев из сухих травяных былинок, искусно согнутых и скрепленных вместе; нередко гнез-

до бывает обложено шерстью. Самка несет от пяти до семи яиц бледно-зеленого цвета с крапинками.

Обитая исключительно в лесах, эти птички весьма редко встречаются около жилых мест, где почти нет деревьев.

Между *видами* этого рода находятся такие, которые ведут жизнь совершенно оседлую в странах где бывают продолжительные и суровые зимы, другие *по* наступлении осени из умеренных стран удаляются в теплые, лежащие ближе к тропикам. Первые, вероятно, плотоядные и за недостатком насекомых, основною их пищею питаются мясом птиц и зверей. Последние, может статься, питаются всегда одними насекомыми и не могут быть названы полухищными, хотя образованием своего клева, устройством, всею наружностию, даже распределением цветов, те и другие чрезвычайно сходны между собою. Таким образом, жулан, или рыжий сорокопуд (Lanius collurie), и короткохвостый сорокопуд (Lanius brachiurus), несмотря на родовое сходство с серокопыткою или караульщиком (Lanius excubitor) и живодером (Lanius tyranus), ведут кочевую жизнь и, кажется, не так злы и не плотоядны, как живодер и караульщик, которые ни в какое время года не оставляют своей родины.

Сорокопуды обитают во всех частях земного шара, исключая Южной Америки. В новейшее время из множества видов, считавшихся прежде сорокопудами, составлены особенные самостоятельные роды. Но при всем этом род настоящих сорокопудов содержит в себе еще очень много видов рассеянных, как мы *сказали выше*, во всех частях света. Надобно заметить, что в этом множестве видов, различающихся величиною и цветом, нет ни одного, которого бы наряд был блестящ и цветист. Богатые отливы, яркие и живые краски не достались в удел сорокопудам. Самая пестрота, видимая в уборе некоторых пород, представляет какое-то утомительное единообразие, что, вероятно, происходит от *тусклого* и слабого тона цветов.

Полы и возрасты почти во всех породах различаются цветом своих перьев, однако же их различие не всегда значительно.

Сорокопуды летают быстро, но не по прямой линии; их полет можно уподобить воздушным скачкам: он состоит из попеременного возвышения *снизу* вверх и понижения сверху вниз, крик их неприятен, особенно при частом повторении, до сих пор неизвестно, чтобы какая-нибудь порода этих птичек имела приятный голос и которой бы крик походил сколько-нибудь на мелодическое пение других лесных жильцов.

КАРАУЛЬЩИК[629], СЕРОКОПЫТКА, ИЛИ СЕРЫЙ[630] СОРОКОПУД

(Lanius excubitor)

Клев: *длина* верхней челюсти по ребру 1,7, от зевков 2,2, высота ее у основания 0,6, длина нижней челюсти от зевков 2,0, длина ея снизу 1,3, толщина посредине 0,4; голова 2,7; крыло 9,7; хвост: средние перья 12,3, крайние 9,6; плюсна 2,5; пальцы: внешний 1,5, средний 1,9, внутренний 1,0, задний 1,3; когти: внешний 0,6, средний 0,9, внутренний 0,5, задний 1,0; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 24,1; первое плавильное перо средней

длины, второе – несколько короче третьего и четвертого, которые длиннее всех других; хвост длинный, уступами.

В Западной и Средней части России серый[631] сорокопуд, или караульщик, гораздо известнее других соплеменных ему пород потому ли, что он чаще их, оставляя глубину лесов, посещает места открытые или потому, *что* его порода многочисленнее; может быть, величина, сила и отвага дают ему надежные средства к самосохранению. Может быть, он не встречает таких трудностей добывать пищу, как другие виды его рода; вернее их отражает нападения неприятелей. Может быть, также, оседлая жизнь, отвращает от него опасности, сопряженные с дальними перелетами и необходимо уменьшающее число тех, которые дважды в год переселяются с севера на юг и с юга на север или, по крайней мере, сокращающие их век. Как бы то ни было, в Восточной Сибири, по ту сторону Байкала, *караульщик* попадается довольно редко, но по сю сторону этого озера, в Иркутском округе и далее к Западу он весьма обыкновенная птица, не покидающая обитаемых ею мест и во время суровых зим здешнего края.

Плотоядность серых сорокопудов не подлежит никакому сомнению. По рассказам птицеловов, караульщики часто ломают западни, сделанные из тоненьких *прутиков,* и уносят птичек, попавшихся в них, или посаженных для приманки, а иногда сами попадают в неволю. Сказывают также, будто бы в зимние морозы они прилетают в селения, где бьют скот, и оклевывают кусочки мяса с повешанных бычьих и бараньих кож, как то делают сороки и вороны. [В] 1845 г. в средине декабря в западне, поставленной на конце *одного из* небольших селений, лежащих на правом берегу Ангары[632], нашли серого сорокопуда, который, вероятно, хотел вытащить из нее белую синичку, посаженную для приманки, потому что в ловушках не было другого корма, кроме конопляного семя, а зёрна[633] не его пища, он скорее умрет с голоду, чем коснется к какой-нибудь растительной пищи. Пойманный хищник был принесен к нам и прожил у нас в холодной комнате более недели; во все это время мы кормили его сырым бычьим мясом, изрезанным на маленькие кусочки, которые, проголодавшись, он хватал с жадностию. В некоторых местах Малороссии нам неоднократно случалось видеть серых сорокопудов, неутомимо преследующих зябликов, подорожников и других маленьких птичек и, хотя мы никогда не видали, чтобы преследуемая птичка была поймана и умертвлена ими, однако же твердо уверены, что преследования имели целью удовлетворить естественную потребность – голод. Самый род жизни караульщика, кажется, может служить доказательством, что они так же плотоядны как и насекомоядные птички. Если бы серый сорокопуд питался исключительно большими калеоптерами и насекомыми других родов, то при суровости здешних зим и довольно глубоких снегов ему было бы невозможно оставаться в Восточной Сибири круглый год. Трудно полагать, чтобы он довольствовался гусеницами, личинками и насекомыми мелких пород, зимующими под древесною корою и в гниющих *пнях.* По крайней мере не замечено никем, чтобы сорокопуды производили по деревьям такие поиски, как дятел, ковалики, пищухи и синички, поэтому весьма вероятно, что караульщики летом питаются насекомыми и, может статься, пресмыкающими[ся], как то пишут некоторые естествоиспытатели, а зимою, не имея других средств удовлетворить голод, нападают на маленьких птичек, зверьков и обыкновенных *мышей.*

Этот вид сорокопуда отличается от других как величиною, так и цветом своих перьев. Верхняя часть головы, зашеек и спина у него пепельно-голубоватые, щеки, горло, грудь, брюхо, хлуп, верхние и нижние хвостовые покрывала белые. От основания верхней челюсти чрез глаза проходит широкая черная полоса, загибающаяся за ушками вниз; брови белесоватые, перышки, покрывающие крыловой сгиб, соцветные спине, крыловые же покрывала и плавильные перья черные с белыми кончиками. У *передних* плавильных перьев основание тоже белое, отчего на сложенном крыле подле самых покрывал его образуется значительной величины пятно этого цвета; средние хвостовые перья черные с белым продолговато-круглым пятном на самом конце; два крайние с каждой стороной совершенно белые, исключая внутренние бородки, которые у самого крайнего, начиная от зорки до одной трети всей его длины, а у следующего за ним до половины черные; клев изкрасна-белесоватый, но ребро верхней его челюсти и оконечности обоих темного цвета; плюсна и пальцы темные, а когти черные. Самка отличается от самца особенно грудью и боками, которые у нее испещрены правильными черноватого цвета полосками, обозначающими оконечность перьев, покрывающих эти части тела.

Синонимия: Lanius excubitor; Lanius cinerius; Pic griéche gris grise; Караульщик; Серокопытка, Серый[634] сорокопуд, Обыкновенный сорокопуд.

Атлас, тетр. III, рис. 6.

РОД 61

ЧЕРНОГОРЛАЯ ПАСТУШЕЧКА[635]

(Motacilla melanope)

Клев 1,1; голова 2,2; крыло 8,2; хвост 9,2; плюсна 2,0; пальцы: внешний 0,9, средний 1,3, внутренний 0,9, задний 0,7; когти: на внешнем 0,2, на среднем 0,3, на внутреннем 0,2, на заднем 0,6; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 18,0; строжевого пера нет, второе плавильное длиннее всех остальных, хвост длинный, ровный, крайние его перья белые, прикрылья не очень широкие, но длинные и доходят до конца сложенного крыла.

Черногорлая пастушка статнее и нарядней серой. Голова и спина у нее изголуба-пепельные, хлуп и верхние хвостовые покрывала серо-желтые, а вся нижняя часть тела яркого желто-лимонного цвета; от клева по бровям до самых висков и от зевков и от нижних век глаза к плечам идут белые *полоски*, над вторыми из них пепельный цвет переходит в черноватый и образует темноватые черточки. Горло и верхняя часть груди полумесяцем густого черного цвета. Крыловые покрывала и плавильные перья темные, с белесоватой оторочкой, цвет прикрыльев гуще, а оторочка их гораздо шире и светлее. Средние плавильные перья черные, *крайние* белые. Клев черноватый; плюсна, пальцы и когти желтоватые. Между полами относительно цвета перьев незаметно никакой существенной разницы; молодые же отличаются от старых тем, что вся верхняя часть их тела пепельная, даже зеленоватая. Желтый цвет груди и брюха очень бледен и черного горлового пятна вовсе нет.

Эта птичка вьет гнезда на песчаных берегах рек в густой траве. Гнездо ее своим устройством весьма походит на гнездо серой пастушечки, но отделка его чище. Оно бывает свито из одних тонких былинок без примеси мха и сухих листьев, отчего наружная его сторона глаже и опрятнее, внутренняя же состоит из согнутых и переплетенных друг с другом конских волосков белого цвета. При этом нельзя не заметить, что внутренность гнезд, которые нам случалось видеть, хотя они принадлежали к разного рода птичкам, всегда была застлана белыми волосками. Это заставляет предполагать, что какая-нибудь особенная причина побуждает птичек сбирать одни волоски этого цвета, оставляя темные и черные. Тем более, что во многих местах лошадей темных мастью гораздо более, чем серых и белых. Самка несет от четырех до шести яиц без крапинок, ровного изкрасна-белого цвета.

Должно думать, что этого вида пастушечки или не слишком плодовиты, или любят уединенные места песчаных рек, удаленных от жилья и мало посещаемых людьми потому, что весьма редко случается охотникам встречать их по нескольку вместе и еще реже находить их гнезда; между тем, черногорлая пастушечка кажется так же смирна и доверчива, как и серая. По крайней мере та, которая *про*жила у нас несколько дней, не обнаруживала особенной дикости и осторожности, хотя чрезвычайно скучала о потерянной свободе; она была поймана во время высиживания и принесена вместе с гнездом.

Черногорлая пастушечка, сколько известно, принадлежит исключительно Восточной Сибири и водится только в Забайкальском крае. Нам никогда не удавалось видеть ее в Иркутском округе и даже слышать, чтобы она встречалась в каком-либо месте по эту сторону Байкала. Хотя некоторые из образованных людей, посещавших Якутскую область[636], уверяли нас, будто бы черногорлые пастушечки довольно обыкновенны по берегам Лены, однако же это не совсем вероятно. Легко, может быть, что они приняли обыкновенную желтую пастушечку[637] (Motacilla boarcha), у которой горло и грудь тоже черные, за черногорлую.

Синонимия: Motacilla melanopa; Bergeronnette melanope; Черногорлая трясогузка, Черногорлая пастушечка.

Атлас, тетр. VI, рис. 4

РОД 66

ЗОЛОТИСТЫЙ ПОДОРОЖНИК[638]

(Emberiza aureola)

[начало 1840-х годов]

Клев: по ребру 1,1, от зевков 1,4; голова 2,0; крыло 7,5; хвост 5,6; плюсна 2,0; пальцы: внешние 0,9, средние 1,6, внутренние 0,8, задние 0,9; когти: на внешнем 0,3, на среднем 0,4, на внутреннем 0,3, на заднем 0,7; длина всей от оконечности клева до конца хвоста 14,6. Средние хвостовые перья короче крайних. Последние обозначены поперечною, наискось идущею, полосою белого цвета. Концы как тех, так и других округлены, и почти одинаковой ширины с серединою.

Этот красивый и обыкновенный, но временный жилец здешнего края ведет жизнь кочующую. Весною он прилетает сюда из теплых стран Юга; а при наступлении осени улетает обратно. Между временем, в которое появляются золотистые подорожники в местах, лежащих по ту и по сю сторону озера Байкала; замечена нами значительная разница, заставляющая предполагать, что прежде чем эти птички подвинутся к северо-западу, они более двух недель отдыхают, так сказать, от трудов своего путешествия на той стороне Байкала, в местах, лежащих ближе к юго-востоку. Семнадцатилетние наблюдения нам доказали, что в Верхнеудинском округе золотистые подорожники прилетают в последних числах апреля, не позднее 20-го; а в Иркутском – в половине мая, не ранее 16-го. По прилете своем они не вдруг оставляют стада, но долго еще летают вместе; потом начинают пароваться и разлетаются по лесам, растущим вдоль берегов рек и ручейков, где вьют свои гнезда в тальнике или на других кустарных деревцах.

По яркости цветов и приятной их пестроте золотистый подорожник имеет полное право на почетное место между красивыми птичками Восточной Сибири. Самец гораздо наряднее самки, которая, уступая ему в яркости и живости колорита, имеет, однако же, в своем уборе много *привлекательного*. У совершенно взрослых самцов темя, зашеек, спина и хлуп живого красно-каштанового цвета; перышки, покрывающие зашеек и спину, окаемлены по краям желтоватою опушкою и у стебельков с черными искорками, которые на спине принимают вид длинных пятен, очень явственных. Лоб, щеки и горло черные. Грудь и вся нижняя часть тела прекрасного лимонного цвета; на груди ожерелье соцветное зашейку и темю, бока покрыты темными черточками с красно-рыжеватым отливом. Перышки, покрывающие начало крыльев, темные с пепельною оторочкою, перышки же, лежащие на крыловых покрывалах, белые с лимонного цвета отливом, по краям крыловые покрывала темные с красно-рыжими краями и белыми кончиками. Задние и средние плавильные перья черные с рыже-охряною оторочкою, передние тоже черные с беловатыми крапинками. Верхние хвостовые покрывала походят на перышки, покрывающие спинку, только оторочка их шире; нижние же хвостовые покрывала белые с оттенком лимонного цвета. Средние плавильные перья соцветны задним крыловым, а крапинки крайних бледно-рыжеватые, на самых крайних поперечная, наискось лежащая полоска белого цвета.

У самки верхняя часть головы, зашеек, спина и хлуп и верхние хвостовые покрывала темно-охряные с черными пятнышками, на хлупе заметен рыжеватый оттенок; брови белесоватые; горло почти совершенно белое; щеки и ушки окружены темными перышками; стороны *шеи*, грудь и брюхо лимонного цвета, который слабее и не так ярок, как у самца, нижние хвостовые покрывала совершенно белые; перышки, покрывающие начало крыла, темные с пепельною опушкою; лежащие же на крыловых покрывалах белые с черным по средине пятном неправильной фигуры; крыловые покрывала, задние и средние плавильные перья черноватые с оторочкою почти соцветною спине, на передних оторочка бледнее и у́же, плавильные перья темные с бледно-охряными крапинками; на крайних тоже белая поперечная полоска накось.

Клев у обоих полов изкрасна бледно-желтоватый с темным ребром и кончиком, плюсна изкрасна-желтоватая, пальцы гораздо темнее плюсны, когти черные.

Оперившиеся птенцы до первого линяния цветом верхних частей тела походят на самку; но черные пятна у них составляют почти сплошные полоски. Горло и брюхо нечистого белого цвета. На груди заметен желтый цвет между черными полосками, покрывающими всю верхнюю ее часть и бока. После первого линяния молодые самцы тоже, как верхнею частию своего тела, так крыловыми и хвостовыми перьями походят на самку и отличаются от нее только тем, что на голове и зашейке у них пробивается красно-рыжий цвет. Грудь отделена от горла ожерельем этого же цвета, а лоб, начало горла и оконечности перьев, которыми закрыты щеки и ушки, черные. Горло, стороны *шеи*, грудь и брюхо лимонного цвета, нижние хвостовые покрывала тоже желтоваты.

В стадах, возвращающихся весною с Юга, бывает очень много золотистых подорожников в таком наряде; но по окончании весеняго линяния в начале июня все они принимают настоящие цвета. В 1838 году у нас было несколько подорожников этого рода, мы выкормили их сами, и они прижились у нас до июня следующего года; ни один самец, однако же, не принял настоящих цветов, хотя щеки и горло были почти совершенно черные.

Мы сказали выше, что золотистый подорожник живет по берегам рек и ручейков, покрытых небольшими деревцами и кустарниками, и там вьет свои гнезда, помещая их между ветками тальника. Строение его гнезда просто, но отделка тщательна. Внешние стороны и основание гнезда свиты из тоненьких *былинок* прутьев и мелких листочков ниворослей, а внутренность убрана конскими волосками белого цвета. Все эти вещества искусно перепутаны и скреплены между собою, так что состав гнезда плотен и крепок. Самка несет от четырех до пяти яиц, гораздо менее яичек обыкновенной пастушечки, и к тонкому концу очень заострены. Эти яички изсиня-бледно-зеленые с темными крапинками. Птенцы выходят из гнезда и начинают летать в начале июля, иногда ранее.

Сколько нам известно, этот вид подорожника исключительно принадлежит Северной Азии и вовсе неизвестен в Европе. Кажется, знаменитый Паллас первый познакомил ученых с золотистым подорожником, описав его в прибавлении к своему путешествию. В Восточной части Сибири эти подорожники очень обыкновенны, весною и осенью они летают многочисленными стадами; а летом встречаются в кустарниках, осеняющих берега каждой речки. Они водятся также и в Западной Сибири и нередко по берегам Иртыша.

Пение золотистого подорожника походит на пение обыкновенной овсянки; но по уверению некоторых охотников голос его приятнее и чище, а звуки разнообразнее.

Синонимия: Emberiza aureola Linn., Pall.; Bruant auréole; Золотистый подорожник.

Атлас, тетр. VIII, рис. 2, 3, 4 и 5.

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ФАВНА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. АТЛАС[1]

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Виньетка для титульного листа		241	**270**	*1*
ХИЩНЫЕ Род 5. Сокол				
Дербничок	Чеглок	201	**230**	
Пустельга	Степная пустельга	202	**231**	
Крикун	Большой подорлик	203	**232**	*2*
Перепелятник, пустельга	Ястреб перепелятник	204	**233**	
Королевский коршун	Черный коршун	205	**234**	
Мохнатоногий сарыч	Мохноногий канюк	206	**235**	
Чилижник	Ястреб-тетеревятник	207	**236**	

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Род. 6. Сова				
Пугач	Филин	215	**244**	
Белый филин	Белая сова	210	**239**	
Уральская сова	Длиннохвостая неясыть	211	**240**	
Длиннохвостая сова	Ястребиная сова, взрослая птица птенцы	212 214	**242** **243**	
Сыч	Ушастая сова, молодой самец птенцы	217 218	**245** **247**	*3* *4*
ВСЕЯДНЫЕ Род 10. Ворон				
Пеганка	Даурская галка	219	**248**	
Кукша	Кукша	222	**251**	*5*
Сойка	Сойка	221	**250**	
Род. 11. Кедровка				
Кедровка	Кедровка	223	**252**	*6*
Род 17. Свиристель				
Обыкновенный свиристель	Обыкновенный свиристель	224	**253**	*7*

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
НАСЕКОМОЯДНЫЕ Род 27. Дрозд				
Белобровый дрозд	Дрозд-белобровик, самец гнездо и кладка	110 237	**369** **266**	*8* *9*
Седоголовый дрозд	Дрозд-рябинник	231	**260**	
Род 28. Русалка				
Обыкновенная русалка	Оляпка обыкновенная	112	**371**	*10*
Род 34. Сорокопуд				
Караульщик	Серый сорокопут	226	**255**	
Сорокопуд короткохвостый	Сорокопут-жулан, самка птенец	116 114	**375** **373**	 *11*
Род 54. Мухоловка				
Серая мухоловка	Серая мухоловка	120	**379**	*12*
Род 57. Лесничка				
Лесничка	Зеленая пеночка	121	**380**	
Пеночка	Пеночка-таловка	122	**381**	
Варакушка	Варакушка, самец в брачном наряде молодой самец-слеток	238 239	**267** **268**	*13* *14*
Кузнечик	Пятнистый сверчок	123	**382**	

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Род 59. Каменица				
Белохвостик	Каменка-плясунья, самка	242	**271**	
	самец	243	**272**	
	птенцы-слетки	27	**443**	
Каменица черная	Черноголовый чекан, самец	246	**275**	*15*
	самка	247	**276**	*16*
	гнездо	249	**278**	*17*
Зарная каменица	Сибирская горихвостка	250	**279**	
Род 60. Кустарка				
Каллиопа	Соловей красношейка, самец	251	**280**	*18*
	самка	252	**281**	*19*
Род 61. Пастушечка				
Серая пастушечка	Белая трясогузка, "до линяния"	253	**282**	
	"после линяния"	254	**283**	
Черногорлая пастушечка	Горная трясогузка	256	**285**	
Весенница	Желтая трясогузка	258	**287**	
Луговая пастушка	Желтоспинная трясогузка	259	**288**	
Лимонная пастушка, желтобрюшка	Желтоголовая трясогузка	257	**286**	*20*

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Род 63. Пипи				
Рихардова пипи	Степной конек	260	**289**	
Обыкновенная пипи	Полевой конек	261	**290**	
Зеленая пипи	Пятнистый конек	264	**293**	
Кустарная пипи	Горный конек	263	**292**	*21*
Род 117[2]. Ласточка (без текста)				
Поползень	Поползень обыкновенный	191	**220**	
Стрижок	Городская ласточка	193	**222**	
Береговая ласточка	Береговая ласточка, взрослая птица альбинос	194 195	**223** **224**	*22*
Касаточка[*3]	Сибирская или рыжебрюхая касатка	196	**225**	
Род 118. Стриж (без текста)				
Обыкновенный стриж	Черный стриж	119	**378**	*23*
ЗЕРНОЯДНЫЕ Род 64. Жаворонок				
Фиалка	Полевой жаворонок	267	**296**	
Сибирский жаворонок	Рогатый жаворонок, самец самка	265 266	**294** **295**	*24*
Каландра	Монгольский жаворонок	268	**297**	

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Род 65. Синица (зинька)				
Синичка	Большая синица	269	**298**	*25*
Московка	Синица-московка	270	**299**	
Монашенка	Черноголовая гаичка	272	**301**	
Долгохвостая малиновка	Длиннохвостая синица	273	**302**	
Род 66. Подорожник				
Камышенка	Камышевая овсянка, самка самец гнездо	275 280 276	**304** **309** **305**	*26* *27* *28*
Пифиурн	Белошапочная овсянка	278	**307**	
Золотистый подорожник	Овсянка-дубровник, самка самец гнездо	285 284 283	**314** **313** **312**	
Снежный подорожник	Пуночка	288	**317**	
Бодцоватый подорожник	Лапландский подорожник	290	**319**	
Род 70. Клесты				
Обыкновенный клест	Клест-еловик, самка самец	150 161	**409** **190**	
Белопокромный клест	Белокрылый клест, самец самка	163 162	**192** **191**	*29*

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Род 72. Снегирь				
Обыкновенный снегирь	Обыкновенный снегирь, самец самка	167 168	**196** **197**	
Красавчик, долгохвостый снегирь	Длиннохвостый снегирь, старый самец молодой самец самка	155 172 174	**414** **202** **203**	*30*
Червленец	Обыкновенная чечевица	156	**415**	
Палласов снегирь	Сибирская чечевица, самец самка	170 171	**199** **200**	
Щур	Щур, самец самка	165 166	**194** **195**	
Род 73. Воробей				
Домашний воробей	Домовый воробей, самец самка	175 176	**204** **205**	 *31*
Горный воробей	Полевой воробей	177	**206**	
Чечетка	Обыкновенная чечетка, самец самка	180 179	**209** **208**	
Вьюрок	Юрок	178	**207**	
Поганки[4]				
Авторского названия нет[5]	Серощекая поганка	318	**347**	*32*

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Пастушки				
–	Лысуха	317	**346**	*33*
Кукушки				
Серая кукушка	Обыкновенная кукушка	182	**211**	*34*
Дятлы				
–	Желна	185	**214**	
–	Большой пестрый дятел, самец	186	**215**	
Пестрый дятел	Белоспинный дятел	187	**216**	
Троепалый дятел	Трехпалый дятел, самец самка	189 190	**218** **219**	*35*
Голуби				
Горный голубь*	Сизый голубь	198	**227**	
–	Скалистый голубь	199	**228**	
Горлица	Большая горлица	200	**229**	*36*
Куры				
–	Глухарь, самец самка	291 292	**320** **321**	

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
–	Тетерев, самец	293	**322**	
	самка	294	**323**	
–	Рябчик, самец	295	**324**	
	самка	297	**326**	
	птенцы и яйцо	296	**325**	*37*
–	Бородатая куропатка	299	**328**	
–	Белая куропатка	298	**327**	
Перепел	Перепел	300	**329**	
	ВОДОПЛАВАЮЩИЕ Кулики			
–	Малый зуёк	301	**330**	
–	Галстучник	302	**331**	
–	Чибис	303	**332**	
–	Большой кроншнеп, взрослая птица	306	**335**	*38*
	птенцы	307	**336**	*39*
Турухтан	Турухтан,	308	**337**	
	самцы в брачном наряде	309	**338**	
		310	**339**	
		311	**340**	
–	Травник	312	**341**	
–	Фифи	313	**342**	

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Totanus sp.	Черныш, самец	313	**343**	
	самка	315	**344**	
–	Большой улит	316	**345**	
	Утки			
Утка-клоктун	Чирок-клоктун, самец	324	**353**	*40*
	птенцы	325	**354**	*41*
–	Чирок-свистунок	326	**355**	
–	Кряква обыкновенная, самка	327	**356**	
–	Широконоска	329	**358**	
–	Каменушка	330	**359**	
–	Обыкновенный гоголь	331	**360**	
–	Серая утка	332	**361**	
–	Морянка, самец в брачном наряде	334	**363**	
	самка в весеннем наряде	333	**362**	
–	Хохлатая чернеть	335	**364**	
–	Большой крохаль, самец в брачном наряде	336	**365**	
	молодая птица	337	**366**	
–	Гусь гуменник	323	**352**	
–	Длинноносый крохаль	338	**367**	

Авторское название	Современное определение	№ рисунков		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Чайки				
–	Обыкновенная крачка, птица перед броском взрослая птица	319 320	**348** **349**	*42*
–	Серебристая чайка	321	**350**	
Журавли				
Журавль	Серый журавль	304	**333**	*43*

ПИЩА ХИЩНЫХ ПТИЦ – МЕЛКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ[6]

Современное определение	№ рисунка		
	по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Крот сибирский Talpa altaica	438	**186**	*44*
Землеройка sp. Sorex (?)	439	**187**	*45*
Горностай (в летнем наряде) Mustela ermines	440	**188**	*46*
Степной хорек Mustela eversmannii	441	**189**	*47*
Бурундук азиатский	12	**447**	
Eutomias sibiricus	42	**457**	

ТРУДЫ ПО ФЛОРИСТИКЕ[1]

АТЛАС БЕЗ АВТОРСКОГО НАЗВАНИЯ. 1830-е ГОДЫ[2]

Авторская нумерация видов	Авторское название, восстановленное по изображениям в других ботанических сериях	Современное определение	№ рисунка		
			по изд. 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
1	Каменный звездничок	Aster alpinus L. Астра альпийская	442	**68**	
2	Мужик-корень	Stellera chamaejasme L. Стеллера карликовая			
3	Альпийский жабрей	Linaria bipartita (Vent.) Willd. Льнянка двураздельная			
4	Горное молодило	Androsace lehmanniana Проломник Лемана	443	**69**	*48*
5	Авторское название не известно	Lepidium draba Клоповник крупковидный			
6	Белая фиалка	Viola patrinii Ging. Фиалка Патрэна			

Авторская нумерация видов	Авторское название, восстановленное по изображениям в других ботанических сериях	Современное определение	№ рисунка		
			по изд. 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
7	Луговая режа	Primula nutans Первоцвет поникший			
8	Русское авторское название не известно	Gentiana prostrata Горечавка простертая			
9	Шишак трава	Scutellaria scordiefolia Шлемник скордеелистный			
10	Медунишник вязелиственный	Spiraea salicifolia L. Спирея иволистная	444	**70**	
11	Кустарный пятилистник	Potentilla fruticosa Лапчатка кустарниковая			
12	Австрийский горошек	Thermopsis lanceolata R.Br. Термопсис ланцетный	445	**71**	
13	Душистый чеснок	Lillium pumilum DeLille Лук душистый			
14	Злаколиственная гемерокаль	Hemorocallis minor Mill. Красоднев малый	446	**72**	
15	Рассыпная сарана	Lilium pensylvanicum Ker.-Gawl Лилия пенсильванская	447	**73**	
16	Румяная сарана	Lilium pumilum DeLile Лилия низкая	448	**74**	*49*

Авторская нумерация видов	Авторское название, восстановленное по изображениям в других ботанических сериях	Современное определение	№ рисунка		
			по изд. 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
17	Большецветный повой	Callistegia inflata Sw. Повой вздутый	449	**75**	
18	Шестиперый бородавник	Clematis hexapetala Pall. Ломонос шестилепестковый	450	**76**	
19	Рябинолиственный медунишник	Sorbaria sorbifolia (L) A.Br. Рябинник рябинолистный	451	**77**	
20	Ладонный медунишник	Fillipendula palmata (Pall.) Maxim. Лобазник дланевидный	452	**78**	
21	Авторское название не известно	Spiranthes chinensis Скрученник	453	**79**	*50*
22	Синий журавленник	Geranium pratense L. Герань полевая			
23	Журкин коготь	G. sibiricum L. Герань сибирская			
24	Розовый кипрей	Epilobium angustifolium Кипрей узколистный	454	**80**	*51*
25	Авторское название не известно	Inula britanica L. Девясил британский			

Авторская нумерация видов	Авторское название, восстановленное по изображениям в других ботанических сериях	Современное определение	№ рисунка		
			по изд. 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
26 27 28	Большецветные кавалерийские шпоры Перелойная трава Багряной змеевник	Delphinium grandiflorum Живокость крупноцветковая Parnassia palustris L. Белозор болотный Ixeris chinensis Латук китайский	455	**81**	
29	Нарциссоцветная ветренница	Anemone sylvestris L. Ветренница лесная	456	**82**	
30	Белая совиная стрела	Sanguisorba tenuifolia Кровохлебка тонколистая	457	**83**	
31	Болошница старец	Leontopodium conglobatum Эдельвейс скрученный	458	**84**	
32	Багун	Ledum palustre L. Багульник болотный	459	**85**	
33	Подкустарный горошек	Medicago ruthenica Люцерна русская	460	**86**	
34	Даурская сверция	Lisymachia thyrsiflora Вербейник кистецветковый	461	**87**	

БУКЕТ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ[3]. 1844 г.

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Титульный лист		43	**1**	*52*
	Monocotyledoneae[4]				
	Famille 26. Lilum				
	Genera Lilium				
1	Lilium bulbosum	L. dauricum Ker.-Gawl.			
	Рассыпная сарана	Лилия даурская	44	**2**	
2	[L.] martagon	L. martagon			
	Пестрая сарана	Лилия кудреватая	45	**3**	*53*
3	[L.] pomponium	L. pumilium DeLile			
	Румяная сарана	Лилия карликовая	46	**4**	
	[Alliaceae]				
	Genera Allium				
4	Allium montanum odorum	A. odorum L. (?)			
	Душистой чеснок	Лук душистый	47	**5**	*54*
	[Liliaceae]				
	Genera Hemerocallis				
5	Hemerocallis graminifolia	H. minor			
	Злаколиственная гемерокаль	Красоднев малый	48	**6**	*55*

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Famille 30. Irid[ac]eae Genera Iris				
6	Iris pumilla	I. tigridia Bunge			
	Душистой ирис	Касатик тигровый	49	**7**	
7	[I.] lactea	I. lactea Pall.			
	Молочной ирис	Касатик молочно-белый	50	**8**	
8	[I.] anspuria	I. lactea Pall.			
	Пискульник	Касатик молочно-белый (фиолетовая разновидность)	51	**9**	*56*
9	[I.] flavissima	I. flavissima Pall.			
	Желтой ирис	Касатик желтейший	52	**10**	
	Famille 34. Orehid[ac]eae Genera Cypripedium				
10	Cypripedium majus	C. macranthon Sw.			
	Большецветные кукушкины башмачки	Башмачок крупноцветковый	53	**11**	
11	[C.] odorum	C. guttatum Sw.			
	Машины башмачки	Башмачок пятнистый	54	**12**	
12	[C.] macrantum	C. calceolus L.			
	Двухцветные кукушкины башмачки	Башмачок настоящий	55	**13**	*57*

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Dicotiledons [Dycotyledonae] Famille 42. Thymelene Genera Stellera				
13	Stellera chamaejasme Мужик-корень	S. shamaejasme L. Стеллера карликовая	56	**14**	*58*
	Famille 56. Scrophularineae Genera Linaria				
14	Linaria alpina Альпийский жабрей	L. bipartita (Vent) Willd. Льнянка двураздельная	57	**15**	*59*
	Famille 57. Primulaceae Genera Androsace				
15	Androsace purpuriflora Луговая режа	Primula serrata Georgi Первоцвет пильчатый	58	**16**	*60*
	Famille 62. Lamiaceae Genera Scutellaria				
16	Scutellaria galericulata Шишак трава	S. galericulata L. Шлемник обыкновенный	59	**17**	*61*
	Famille 63. Borageineae Genera Anchcusa				
17	Anchusa paniculata Простая червяница	Pulmonaria mollissima Kern. Медуница мягчайшая	60	**18**	*62*

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Famille 64. Convolvulaceae Genera Convolvulus				
18	Convolvulus grandiflorum Большецветной повой	Callystegia subvolubilis Ledeb. Повой завитой	61	**19**	*63*
19	[C.] odoratum Душистой повой	Convolvulus arvensis L. Вьюнок полевой	62	**20**	
	Famille 67. Gentian[ac]eae Genera Swertia				
20	Swertia rotata Колесчатый зверобой	Lomatogoniam rotatum Ломатогониум колесовидный	63	**21**	*64*
21	[S.] globulifera Даурская сверция	Naumburgia thyrsiflora L. Наумбургия кистецветная	64	**22**	
	Famille 72. Ericineae [Ericaceae] Genera Vaccinium				
22	Vaccinium vites-idaea Брусника	V. vites-idaea L. Брусника	418	**166**[5]	*65*
	Genera Rhododendrun				
23	Rhododendrum da[h]uricum Боровой пьянишник	Rododendron dahuricum L. Рододендрон даурский	385	**133**	*66*

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	[Pyrolaceae]				
	Genera Pyrola				
24	Pyrola rosea, rotundifolia Розовая грушанка	P. incarnata (DC) Freyn. Грушанка красная	67	**25**	*67*
	Genera Ledum				
25	Ledum palustris Багун	L. palustre L. Багульник болотный	68	**26**	*68*
	Famille 74. Campanulaceae				
	Genera Campanula				
26	Campanula lactiflora Молочной колокольчик	C. lactiflora Bieb. Колокольчик молочноцветный	69	**27**	*69*
	Famille 76. Synanthereae [Asteraceae]				
	Genera Astra [Aster]				
27	Astra alpinus Каменной звездничок	Aster alpinus L. Астра альпийская	70	**28**	*70*
	Genera Scorzonera				
28	Scorzonera purpurea Багряной змеевник	Erigeron sp. или Ixeridium gramineum (Fisch.) Tzvel.	71	**29**	*71*
	Genera Erigeron				
29	Erigeron acris Блошница старец	Leontopodium ochroleucum Beauv. Эдельвейс скученный	72	**30**	*72*

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Famille 86. Ranunculaceae				
	Genera Ranunculus				
30	Ranunculus auricomus	R. propinquus (?)			
	Золотистый слепокур	Лютик близкий	73	**31**	*73*
	Genera Adonis				
31	Adonis vernalis	A. sibirica Patr. ex Ledeb.			
	Стародубка	Адонис сибирский	74	**32**	*74*
	Genera Anemone				
32	Anemone pulsatila	Pulsatilla turczaninovii Kryl.			
	Сон	Прострел Турчанинова	75	**33**	
33	[A.] patens	P. flavenscens Turcz.			
	Одномесячник	Прострел желтеющий	76	**34**	*75*
34	[A.] narcissiflora	A. sylvestris L.			
	Нарциссоцветная ветренница	Ветренница лесная	77	**35**	
35	[A.] dichotoma	A. dichotoma L.			
	Развилистая ветренница	Ветренница вильчатая	78	**36**	
36	[A.] umbellata	A. crinita Juz.			
	Подсовнечная ветренница	Ветренница длинноволосая	79	**37**	
	Genera Clematis				
37	Clematis hexapetala	C. hexapetala Pall.			
	Шестиперой бородавник	Ломонос шестилепестковый	80	**38**	76
38	[C.] alpina	Atragene sibirica L.			
	Дикой хмель	Княжник сибирский	81	**39**	

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Genera Trollius				
39	Trollius asiaticus Азиатский желтоглав	T. asiaticus L. Купальница азиатская	82	**40**	*77*
	Genera Aquilegia				
40	Aquilegia coronaria Венценосные голубки	A. sibirica Lam. Водосбор сибирский	83	**41**	*78*
	Genera Delphinium				
41	Delphinium grandiflora Большецветные кавалерийские шпоры	D. grandiflorum L. Живокость крупноцветковая	84	**42**	*79*
	Genera Aconitum				
42	Aconitum napellus Пригрид	A. czekanovskii Steinb. Аконит (борец) Чекановского	85	**43**	*80*
	Famille 95. Geraniaceae Genera Geranium				
43	Geranium sylvaticum Лесной журавленник	G. vlassovianum Fisch. Герань Власова	86	**44**	
44	[G.] parviflorum Журкин коготь	G. sibiricum L. Герань сибирская	87	**45**	*81*
45	[G.] caeruleum Синей журавленник	G. pratense L. Герань луговая	88	**46**	

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	[Linaceae]				
	Genera Linum				
46	Linum perenne	L. sibiricum DC.			
	Сибирский лен	Лен сибирский	89	**47**	*82*
	Famille 118. Cruciferae [Brassicacea]				
	Genera Hesperis				
47	Hesperis sibirica	Clausia aprica (Steph.) Korn.-Tr.			
	Сибирская вечерница	Клаусия солнцепечная	90	**48**	*83*
	Genera Cheirantus				
48	Cheirantus montanus	Erisimum flavum (Georgi) Bobr.			
	Нагорный рукоцвет	Желтушник желтый	91	**49**	*84*
	Famille 123. Draceraceae [Parnassiaceae]				
	Genera Parnassia				
49	Parnassia palustris	P. palustris L.			
	Перелойная трава	Белозор болотный	92	**50**	*85*
	Famille 124. Violaraceae				
	Genera Viola				
50	Viola alleiflora	V. patrinii Ging.			
	Белая фиалка	Фиалка Патрэна	93	**51**	
51	[V.] uniflora	V. uniflora L.			
	Желтая фиалка	Фиалка одноцветковая	94	**52**	
52	[V.] canina	V. sacchalinensis Boissieu			
	Подлесок	Фиалка сахалинская	95	**53**	*86*

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Famille 133. Crassulaceae Genera Crassula				
53	Crassula humilis Горное молодило	Androsace chamaejasme Host. Проломник карликовый	96	**54**	*87*
	Famille 140. Onograriae Genera Epilobium				
54	Epilobium spicatum Розовый кипрей	Chamaenerion angustifolium (L.) Scop. Кипрей узколистный	97	**55**	*88*
	Famille 141. Rosaceae Genera Spir[a]ea				
55	Spiraea sorbifolia Рябинолиственный медунишник	Sorbaria sorbifolia Рябинник рябинолистный	98	**56**	*89*
56	[S.] palmata Ладонной медунишник	Filipendula palmata (Pall.) Maxim. Лабазник дланевидный	99	**57**	
57	[S.[ulmifolia Медунишник вязолиственный	Spiraea salifolia L. Таволга иволистная	100	**58**	
	Genera Rubus				
58	Rubus arcticus Княженика	R. arcticus L. Княженика, цветы	101	**59**	*90*
59	[R.] arcticus, en fruits	плоды	102	**60**	
60	[R.] saxatilis Костяника	R. saxatilis L. Костяника каменистая	103	**61**	

Авторская нумерация	Авторское определение	Современное определение	№ рисунка		
			по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
	Genera Sanguisorba				
61	Sanguisorba albida Белая совиная стрела	S. parviflora (Maxim) Takeda Кровохлебка мелкоцветковая	104	**62**	*91*
	Genera Rosa				
62	Rosa daurica Даурский шиповник	R. acicularis Lindl. Роза иглистая	105	**63**	*92*
	Genera Potentilla				
63	Potentilla fruticosa Кустарной пятилистник	Dasiphora fruticosa (L.) Kydb. Курильский чай	106	**64**	*93*
	Genera Pyrus				
64	Pyrus baccata Сибирская яблонь	Malus baccata (L.) Borkh. Яблоня ягодная	107	**65**	*94*
	Famille 148. Leguminosae [Fabaceace] Genera Astragalus				
65	Astragalus austriacus Австрийский горошик	Thermopsis lanceolata R.Br. Термопсис ланцетный	108	**66**	
66	[A.] suf[f]ruticosus Подкустарный горошик	Medicado falcata L. Люцерна серповидная	109	**67**	*95*

ОЧЕРК ИЗЯЩНОЙ ФЛОРЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ. 1850-е ГОДЫ[6]

Авторское название	Современное определение	№ рисунка		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Очерк изящной флоры...	Виньетка титульного листа	340	**88**	*96*
Paeonia anomala	Paeonia anomala L. Пеон, марьин корень	353	**101**	*97*
Авторское название утрачено[7]	Polemonium coeruleum L. Синюха голубая	354	**102**	*98*
–	Impatiens noli-tanger L. Недотрога обыкновенная	359	**107**	*99*
–	Hypecoum erectum L. Гипекоум прямой	360	**108**	*100*
Aster italorum...	Galatella dahurica DC. Солонечник даурский	361	**109**	*101*
Cymbaria dahurica Двигубка	Cymbaria dahurica Цимбария даурская	369	**117**	*102*
Papaver nudicale Голостебельный мак	Papaver nudicale Голостебельный мак	371	**119**	*103*
Gentiana ciliata	Gentiana barbata Froel. Горечавка бородатая	381	**129**	
Dianthus...	Dianthus versicolor Fisch. et Link. Гвоздика разноцветная	382	**130**	*104*

Авторское название	Современное определение	№ рисунка		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
–	Campanula glomerata L. Колокольчик скученный	383	**131**	*105*
–	Solanum dulcamara L. Паслен сладкогорький, цветы плоды	 387 386	 **135** **134**	 *106* *107*
–	Swidina alba (L.) Opiz. Свидина белая, цветы плоды	 392 393	 **140** **141**	 *108* *109*
Veratrum...	Veratrum nigrum L. Чемерица черная	394	**142**	*110*
–	Vicia unijuga A.Br. Горошек однолисточковый	395	**143**	*111–112*
–	Adenophora lamarkii Fisch. Бубенчик Ламарка	401	**149**	
–	Delphinium elatum L. Живокость высокая	403	**151**	
–	Aconitum barbatum Pers. Борец бородатый	405	**153**	
–	Hippophae rhamnoides L. Облепиха крушиновидная	408	**156**	*113*

Авторское название	Современное определение	№ рисунка		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
–	Ribes nigrum L. Черная смородина, цветы плоды	 410 409	 **158** **157**	 *114* *115*
–	Ribes rubrum L. Смородина красная	 411	 **159**	
–	Cotoneaster melanocarpus Lodd. Кизильник черноплодный	412	**160**	*116*
–	Ribes gravecolens Bunge Смородина душистая	413	**161**	
–	Ribes altissimum Turcz. Смородина высокая, цветы плоды	 414 415	 **162** **163**	
–	Crataegus sanquinea Pall. Боярышник кровянокрасный	416	**164**	*117*
–	Arctostaphylos uva-ursi (L.) Spreng. Толокнянка обыкновенная	417	**165**	*118*
Голубика	Vaccinium uliginosum L. Голубика	419	**167**	
–	Rubus idaeus L. Малина	421	**169**	*119*
–	Rubus chamaemorus L. Морошка	422	**170**	

ТРУДЫ ПО ЭНТОМОЛОГИИ[1]

МЕТАФОРМОЗ НАСЕКОМЫХ. АТЛАС, НЕ ИМЕЮЩИЙ АВТОРСКОГО НАЗВАНИЯ[2] 1850-е

Авторское определение и пометы	Современное определение	№ рисунка		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
№ 5; к № 5; июнь	Развитие наездника семейства Ichneumonidae	426	**174**	*120*
Зеленый Муха-Мотылек; № 3; к № 3	Развитие пилильщика – сем. Cimbicidae Thrichiosoma lucorus L.	427	**175**	
Полосатый Муха-мотылек	Развитие березового пилильщика Cimbex femorata L.	428	**176**	*121*
Оранжевый Муха-Мотылек	Развитие желтого пилильщика Cimbex lutea L.	429	**177**	
Березовая Ванесса; к № 4; июнь–июль	Развитие углокрыльницы большой Poligonia vau-album Den.	430	**178**	*122*

Авторское определение и пометы	Современное определение	№ рисунка		
		по изданию 1986 г.	по каталогу	по наст. изданию (вклейка)
Муха-мотылек; июль-май	Развитие пилильщика Прайя Тачановского Praia tachanovskii Andre	431	**179**	*123*
июль	Развитие угловатой пяденицы poga Ennomos	432	**180**	
Лозянка	Развитие зубчатой совки Scolipterix libatrix L.	433	**181**	*124*
Кипреица; сентябрь-май	Развитие бражника лилейного Celerio lineata F.	434	**182**	*125*
Хризалида Махаона; Гусеница махаона; сентябрь	Окукливание гусеницы и выход бабочки махаон Papilio machaon L.	435	**183**	*126*
Гусеница Махаона; август	Развитие гусеницы Papilio machaon L.	436	**184**	*127*
Крапивная Ванесса	Окукливание гусеницы крапивницы Aglais urticae L.	437	**185**	*128*
Отдельные листы с изображением бабочек				
–	Дневной павлиний глаз Inachisio L. (Vanessa)	9	**444**	
–	Данаида хризип Danais chrysippus L.	11	**446**	

ЗАПИСКА О МУРАВЬЯХ[3]

Описание мурав[ь]ёв. Определение крылатых. Разницы между живущими в кучах, покрытых иглами, и теми, кои живут под пнями. Определить, отчего есть муравьи маленькие и большие.

Муравьев находится несколько видов, различающихся между собою величиною, цветом и наружною формою тела, щитка и головы. Замечено также различие в образе их жизни, привычках и нравах. Но нередко большие муравьи черно-пепельные с красным щитком, живущие обыкновенно в конических кучах, сделанных из земли, сухих былинок, игл хвойных деревьев и проч., живут также и в древесных пнях, внутри которых они вырабатывают ячейки разного вида и величины.

Народонаселение этих насекомых так же, как и пчел, принадлежащих к одному с ними порядку (Перепончатокрылых. Геликоптер), состоит из индивидуев трех полов: мужеского, женского и среднего. Последних называют обыкновенно рабочими. Первые два пола, то есть самцы и самки, имеют крылья. Средний всегда бескрылый.

У термесов[4], именуемых белыми и Американскими муравьями[5], принадлеж[а]щих хотя[6] к порядку невроптер[ов] (сетча[то]крылых). Рабочий класс составляют бескрылые личинки, т.е. самцы и самки, не достигнувшие еще полного возраста. Работы, производимые ими при строении огромных гнезд, и старания, с которыми они оберегают яички и маток, лишающихся крыльев вскорости после оплодотворения, гораздо удивительнее трудов и заботливости рабочих муравьев о сохранении нимф (называемых простолюдинами яичками), червячков и маток. Средний род у пчел и муравье[в] есть что-то загадочное, ибо трудно поверить, чтобы природа, всегда расчетливая в своих действиях, всегда попечительная о сохранении и размножении пород, производила множество организированных существ, назначенных единственно для второстепенных трудов, поэтому хотя ни один из Естествоиспытателей не заметил ничего такого, что бы могло подать повод думать, что муравьи среднего рода по прошествии нескольких лет, подобно рабочим[7] термесам, получают крылья и способность производить себе подобных, однако же мне кажется, что это имеет некоторую вероятность. Рабочих пчел почитают матками, которые по тесноте своей колыбели и скудости пищи не достигли надлежащего развития и половые их органы уничтожились. В доказательство этого мнения приведем наблюдения над пищею рабочих личинок и личин[о]к маток, форму и величину ячейков, в которых лежит первые и величиною и формою ячейки слу[жа]щею жилищем или колыбелью других. Но личинки и нимфы муравьев все без различия лежат в одном месте и питаются одного рода пищею, по крайней мере, сколько известно[8].

Род муравьев состоит из двух отд[елений] муравьев и мутил[9] треос[10], о котором здесь идет речь, заключает в себе множество видов, из них находятся[11] у нас следующие. Большие: 1) уксусный темно-пепельный с красноватым щитком, живет в больших конических кучках, сделанных из различного дрязга и в древесных пнях; 2) черные, странствующие, постоянного жилища почти не имеют. Средней величины: 1) рыжие, длинноватые, живут около древе[с]ных пней и в небольших конических кочках, сделанных из земли;

2) свет[л]о-желтые, кругловатые, живут в гнездах, состоящих из множества разных ходов и камер, вырытых на значительной глубине под поверхностью земли; 3) темно-пепельные, тоже кругловатые, ст[р]оят гнезда под пнями в земляных кочках и пред[11а]; 4) совершенно черные, живут небольшими обществами в[12] переходах и [норках], скрытых в земле. Маленькие: 1) светлорыжие, длинные, попадаются в каменных зданиях, около дерев[ьев] в лесах и по сухим возвышенным[13] местам; 2) черные, тоже длинноватые, живут в каменных и деревянных строениях, в кочках, по лугам и во многих других местах[14].

Уксусные муравьи довольно известны как в хозяйстве, так и в медицине. Они снабжены особенными сосудами в нижней оконечности своего тела, в которых[15] отделяется и скапливается особенного рода кислота, называемая муравьиною кислотою. При виде опасности насекомое сгибает тело так, что брюхо лежит против груди, в таком положении они выбрасывают кислоту на значительное расстояние и по разным направлениям.

Муравьиная кислота заменяет самый крепкий уксус и без всякого вреда может быть употребляема для приправы пищи. Добывают ее, сбирая насекомых в бутылки и потом перегоняют (дистил[л]ируют) чрез Алембик[16].

Врачи прописывают муравьиные ванны, в которые берут целые муравьиные гнезда.

Метаморфоза.

Эти насекомые подвергаются полным превращениям. Из[17] яичка выходит червячок (называемый[18] Энтомологами личинкою), который по прошествии определенного[19] периода вырабатывает овальный кокончик[20] и внутри его принимает вид[21] неподвижной нимфы, которой наружные формы совершенно сходны с фор[ма]ми совершенного насекомого, но у нимф самцов и самок крылышки чрезвычайно малы и едва приметны, они начинают увеличиваться при приближении к окончательному превращению, тогда же появляются и настоящие цвет[а]. Совершенное же развитие крыльев совершается[22], когда насекомое оставит состояние нимфы. Величина нимфы одинакова с величиною настоящего насекомого, нередко даже брюхо первого бывает длин[н]ее и толще от наполняющ[ей] его жидкости, от котор[ой] насекомое очищается после превращения. Это остатки[23] тука, служившего пищею насекомому, когда оно находилось, по-видимому, в безжизненном состоянии нимфы[24].

Есть ли в Сибири скорпионы и какого они вида?

Мне не случалось никогда видеть здесь скорпионов, но я слышал от генерала Броневского*[25], будто бы он нашел сам скорпиона на пещаном берегу Онона. Очень вероятно, что это род Арихнид находится в Южной Сибири и не был замечен Естествоиспытателями потому, что ведет жизнь весьма уединенную, скрываясь под камен[ь]ями и в трещинах скал по берегам рек.

1. По свидетельству французских путешественников, посещавших Даурию (когда?), на берегах Амура встречаются три рода скорпионов разных

---

* В то время при нем находился барон Северевский в должности адъютанта и, верно, помнит этот случай (*прим. П.И. Борисова*).

цветов: серые, зеленые и красные[26]. Я не думаю, чтобы это было справедливо[27] и сомневаюсь в подлинности упомянутого[28] путешествия. Недавно случилось мне читать письмо одного ученого француза, бывшего в Северо-Американских российских владениях, в котором он жалуется на небрежность россиян к познанию естественных произведений собственной своей земли и препятствующих даже любознательным иностранцам изучить их (см.: Генвар[ский], 1845, Journal des debats).

> *Тела такого вида, движущиеся по дну маленьких речек, суть ли лягушки или саламандры. Где они живут. Определить разницу ящерицы и саламандры.*

Движущее[ся] тело, имевшее вид усеченного треугольника, можно принять за маленького головастика лягушки или саламандры[29]. Слой воды, с[к]возь который его наблюдали, препятствовал различить с точностью наружную форму, к тому же от скорого движения оно могло казаться короче или длин[н]ее, смотря по наклонению света и точки зрения.

Все виды лягушек, жаб и саламандр, прежде чем примут настоящий свой вид, подвергаются превращениям. При выходе из яичка они имеют вид рыбки с огромною головою на теле, постепенно утон[ча]ющемся к оконечности. По прошествии некоторого времени у них вырастают две передние ножки, потом появ[ля]ются две задние, наконец, у жаб и лягушек хвост сокращается и совсем исчезает, а у саламандр становится тонее и соединение его с телом обозначается перехватом[30].

Новейшие Естествоиспытатели, приняв в соображение превращение саламандр и метание икры, причислили их к порядку лягушек, несмотря на то, что они по своей наружности имеют большое сходство с ящерицами. Но ящерицы, так как и ужи, несут яйца, отделенные в сухих местах и никогда не превращаются. Из своего перепончатого яйца ящерица выходит [в] настоящем виде и отличается от старой одною величиною; то же должно сказать и об ужах (многие роды змей живородящие).

Все саламандры, как водяные, так и земляные, во время своей юности обитают в водах большею частию стоячих, но иногда встречаются и в проточных.

Саламандры вообще обитают в теплом климате, их находят у нас в южной части России, в северной еще никогда не находили и сомнительно, чтобы этот вид пресмыкающихся обитал в Сибири, даже в Южной.

Подробное описание превращения саламандр, если угодно знать, то рекомендую статью Детского музеума на 1825 год, № 1–12, где изложены наблюдения знаменитого Латрелля без всякого изменения с приложением рисунков[31].

Потрудитесь, почтеннейший Артамон Захарович, прочесть и пересмотреть эту рукопись. Сокращайте и вымарывайте все, что вам не понравится. Между тем я изготовлю рисуночек обыкновенного скорпи[о]на. Если вы думаете, что он не будет лишним для объяснения, то потрудитесь часа чрез полтора прислать за ним[32].

Ваш П. Борисов

Замечания А.З. Муравьева[33].

Виденное Ва[силием] Вас[ильевичем] движущееся тело в речке, имеющее вид усеченного[34] треугольника и скрывшегося под колодою, названное вам жителями водяным кротом, не может быть ничто другое, как головастик лягушки, т.е. первый ее вид по выходе из яичка. Известно по описаниям превращений лягушек, что из яйца лягушки образуется подобие рыбы, плоской с огромною головой, составляющую с телом равнобедренный усеченный остроугольный треугольник. В воде[35] округление головы незаметно, а кажется основанием упомянутого треугольника.

Нельзя предполагать, чтоб виденное вами движущееся тело была бы[36] порода трехугольного ската, ибо все роды таковых хрещеватых рыб находятся в морях соленой воды и бывают значительной величины.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

П.И. БОРИСОВ-ОРНИТОЛОГ

Иллюстрированная рукопись П.И. Борисова по орнитологии Сибири занимает особое место в подобных отечественных исследованиях. Это объясняется несколькими факторами: сравнительно продолжительным отрезком времени, затраченным на сбор материалов на относительно ограниченной территории; периодом подготовки работы, датируемым 40-ми годами XIX в.; полнотой охвата первичного материала; широтой использования отечественной и зарубежной литературы по орнитологии и смежным с ней дисциплинам. Практически это – первая отечественная региональная орнитологическая сводка, выполненная на уровне последних достижений науки того времени, посвященная Предбайкалью и Забайкалью, поданная в сравнении с уже имевшимися материалами по этим регионам, а в отношении систематики и экологии – в общероссийском и международном масштабах. По своей глубине, научному проникновению и обоснованности взгляды и трактовки собранных П.И. Борисовым материалов по биологии и распространению птиц намного опережали его время и были близки к таковым К.Ф. Рулье, подробно изложенным им в очерках по биологии отдельных видов птиц и в широких обобщениях в "Зообиологии" (1850). Все это свидетельствует о масштабах и высоком уровне развития отечественной биологической науки первой половины XIX в. и, в частности, экологических исследований.

Особенности научной деятельности П.И. Борисова определялись несколькими обстоятельствами. Положение ссыльного не позволяло ему совершать какие-либо длительные экскурсии на природу – как по времени, так и по расстоянию. Поэтому ему приходилось довольствоваться сбором материалов и наблюдениями в непосредственной близости от местожительства, пользоваться услугами охотников, сбором опросных данных у местных жителей, а также при содержании отдельных видов в неволе. Хорошее домашнее воспитание, изначальный интерес к природе, о чем свидетельствуют его сравнения с наблюдениями, сделанными в молодости на родине, в Европейской России, сформировали общекультурный кругозор П.И. Борисова как исследователя. Свободное владение французским языком, а круг использованной литературы позволяет предположить, что он в достаточной степени знал классические языки, немецкий и английский, чтобы знакомиться со специальной литературой, постоянный доступ к крупнейшей библиотеке того времени (он с братом переплетал для нее книги) известнейшего сибирского библиофила В.Н. Баснина, насчитывавшей около 2000 названий книг и почти 200 комплектов журналов, обеспечивали П.И. Борисову знакомство со старой и текущей литературой в интересующих его областях. Отдельные книги В.Н. Баснин выписывал специально для П.И. Борисова, учитывая его интересы. О том, что библиотека В.Н. Баснина имела боль-

шой и основательный отдел по естествознанию, свидетельствуют список выявленных книг его библиотеки и постоянное пользование ими генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским, а также С.Г. Волконским, ботаником Н.С. Турчаниновым, кяхтинским любителем-ботаником, минералогом М.А. Зензиновым и другими лицами, интересовавшимися и занимавшимися изучением естественных производительных сил Сибири и России. В рукописи П.И. Борисова упоминаются труды Бюффона (1749–1783), Линнея (1735, 1749, 1760), Науманна (1820–1844), Бехштейна (1802–1812), Темминка (1820–1840, 1827), Сэвиджа (1810), Селби (1821), Драпьеза (1829), Лихтенштейна (1823), Бриссона (1756, 1844), Бойе (1822), Энгельманна (1846), Палласа (1733–1778, 1811–1831), Гмелина (1743), Георги (1772) и др. Характерно, что книга Науманна, к которой П.И. Борисов неоднократно обращается, была первой обобщающей сводкой по птицам Центральной Европы, т.е. он проводил аналогичную работу в тот же период. Кроме того, сбор материалов и подготовка рукописи по орнитологии Сибири совпали с усилением общего интереса к изучению природных ресурсов страны как среди ученых, так и на государственном уровне. Например, Н.Я. Озерецковский (1791) и И.Ф. Блуменбах (1797) одни из первых в своих работах подчеркивали важность изучения всех видов животных фауны без какого-либо исключения, что нет вредных и бесполезных животных, нельзя использовать, досконально не изучив их экологию, т.е. основные принципы при разработке мер по рациональному использованию фауны и соответствующих мероприятий по ее охране. А.А. Иовский в статье "Начертание формации" (1828), опубликованной в его журнале "Вестник естественных наук и медицины" пропагандировал мысль о необходимости при научных исследованиях синтеза различных наук, сочетания теоретических и опытных исследований в изучении природных объектов. Те же идеи и те же принципы мы находим и в рукописи П.И. Борисова. А в 1811 г. министр просвещения России граф А. Разумовский выступил с предложением об организации экспедиции по всем губерниям страны для сбора сведений по сельскому хозяйству, зоологии, ботанике и другим предметам. Оно нашло отражение в Инструкции для сбора зоологических сведений по России, изданной в 1816 г.: "Зоолог должен собирать данные о животных, имеющих хозяйственное значение для технологии, медицины, даже не имеющих этого значения" (Instykcya dila ukladani, 1816). Не исключено, что декабристы, в том числе и П.И. Борисов, интересовавшиеся естествознанием и природой своей страны, были знакомы с этим официальным веянием.

Ценность исследования П.И. Борисова заключается не только в конкретных сведениях. Не менее интересны и важны биологические обобщения, их связь с развитием общества и общественных взглядов, параллели в изучении природы и общества, роли природной символики и ее оправданность в истории человеческого общества.

П.И. Борисову не были чужды некоторые религиозные взгляды, догмы на происхождение Земли и ее обитателей. Это в ряде случаев проскальзывает в тексте. Но тут же, основываясь на биологических и экологических данных, он материалистически увязывает внешнее и внутреннее строение птиц, их психическую деятельность, поведение с условиями и образом жизни вида. Обсуждая способность ночной ориентации сов, он объясняет происхождение бытующих до сего времени религиозных предрассудков и суе-

верий, связанных с этими птицами. Приблизительно в те же годы, когда Ч. Дарвин делает первый набросок своей теории (1842), в которой будет сформулировано основное положение естественного отбора – "окончательный результат естественного отбора выражается в том, что каждое существо обнаруживает стремление сделаться более и более совершенным по отношению к окружающим условиям", П.И. Борисов в своей работе самостоятельно очень близко подходит к подобной трактовке при изучении экологии птиц. Он четко излагал взаимосвязь и взаимозависимость общего строения организма птиц, формирования, их психики и поведения от окружающих природных условий и экологической ниши данного вида в биоценозе с учетом ее исторического становления (с. 48 наст. изд.). П.И. Борисов многократно подчеркивал связь между строением и функциями органов при характеристиках групп и отдельных видов птиц. Не ограничиваясь собственными материалами, он привлекает для подтверждения своих теоретических положений литературные данные. Например, ссылается на И.Ж. Сент-Илера в вопросе о взаимосвязи типа полета птицы со строением ее крыла. Одновременно он указывает на состояние изученности экологии отдельных видов и соответствующих закономерностей в природе, давая направление в исследовании этих вопросов, подчеркивая значение накопления знаний общего характера, анализа и синтеза наблюдений, важности не только прикладных, но и фундаментальных исследований и общей их роли в жизни людей, человеческого общества и его взаимоотношениях с природой (с. 56 наст. изд.).

П.И. Борисов предупреждает, что при изучении животных нельзя на них механически переносить законы, движущие развитием человеческого общества, которые характеризуются своей спецификой, связанной с культурой и, в первую очередь, с существованием морали. Но человек уже с древних времен использовал в своей повседневной практике экологические знания о животных и отдельные их качества или целый комплекс, присущий какому-то виду, группе птиц для обозначения и выражения определенного общественного понятия. Земледельцы Древней Греции по песне полевого жаворонка определяли сроки начала и конца полевых работ, так как наибольшая активность его пения (что характерно для многих видов) приходилась на утренние и послеобеденные часы. В пасмурную погоду жаворонки почти не пели, что служило сигналом к перерыву полевых работ на это время. Крик ворона у многих народов служил предвестником ненастья. Способность сов видеть в ночное время, т.е. там, где другие животные не видят, сделала их символом проницательности, дальновидности и мудрости. Ворон у американских народов олицетворял благодать. Будучи природным санитаром, он уничтожает отбросы, вредителей сельского хозяйства, тем самым оздоровляя природное окружение и препятствуя возникновению и распространению связанных с ними болезней. Но человек на разных этапах общественного развития не всегда мог объяснить подобные явления, их закономерности и взаимосвязи. Поэтому, описывая зимородка, П.И. Борисов подчеркивал, что "люди всегда и везде искали чудесное".

Совсем иное значение носила символика, связанная с крупными хищными птицами, – орлами, кондорами. Уже в древности люди считали, что этим видам нет достойных противников в пернатом царстве, поэтому они стоят на самой вершине птичьего мира, царствуя над всеми остальными видами. Са-

ми птицы, их перья были символами силы, могущества, величия, славы. Постепенно став распространенной деталью геральдических знаков, в ряде стран они перекочевали в их гербы. Двуглавый орел был гербом Римской и Российском Империй, выражая суть их государственности и политики. Не случайно Франклин считал, что общество должно формировать свою силу знанием и трудом, а не военной захватнической политикой. Следовательно, символом такого общества не может быть хищная птица. Автор в этой аллегории показал не только роль орнитологической символики, но и свое отношение к типу общественного устройства государства в отличие во взглядах прогрессивного в то время молодого американского государства от российской действительности. Хотя в американском гербе тоже присутствует представитель этой группы – калифорнийский гриф, но он олицетворяет эндемичность как фауны страны, так и ее общественного строя в период ее возникновения.

Рукопись и атлас к ней показывают, что они в дошедшем до нас виде неполны. Рисунки целого ряда видов не имеют описаний и наоборот. Описания некоторых видов остались без рисунков. Наличие вариантов описания отдельных видов говорит о том, что работа над рукописью продолжалась длительное время. Она перерабатывалась, дополнялась по мере накопления фактического и литературного материалов. В результате переосмысливались отдельные теоретические положения, описания видов и систематических групп.

Каждой систематической группе на уровне отряда и семейства предшествует общий систематический и биологический очерк, написанный по литературным данным, часто охватывающий материал в мировом масштабе. Литературные данные рассматриваются критически, анализируются, сопоставляются и дополняются наблюдениями и сведениями, полученными самим автором. Групповые и видовые очерки изложены по единой для всех схеме, что сближает рукопись с современными монографиями такого типа и позволяет оценить вклад П.И. Борисова в отечественную орнитологию. Подавляющее большинство приводимых им материалов были первыми данными в характеристике видов в изучаемых районах.

Чтобы выяснить объем исследовательской работы П.И. Борисова по выявлению видового состава орнитофауны Предбайкалья и Забайкалья, где он вел многолетние наблюдения, нами проведено сравнение с аналогичной работой его предшественников и последующих исследователей. Оказалось, что В.С. Паллас в 1778–1779 гг. описал 14 видов обитающих в этом районе птиц; П.И. Борисов в 1830–1850 гг. – 122; В.К. Тачановский в сводке 1871 г. – 230 (с подвидами), Т.К. Гагина в 1858 г. – 392 (с подвидами), В.К. Измайлов и Г.К. Боровицкая – 261. Таким образом, вклад П.И. Борисова в выявление орнитофауны района трудно переоценить.

При описании групп и видов птиц П.И. Борисов большое внимание уделял их точному систематическому выделению. Будучи знаком с трудами Кювье, Линнея, Бюффона и других зоологов, занимавшихся систематикой, он критически оценивает критерии, положенные в основу построения их систем, вполне сознавая искусственность, а следовательно, и ненадежность взятых для этого признаков. Например, у мухоловок такое разнообразие в строении клюва, что по этому и другим наружным признакам их можно отнести к сорокопутам. По этой же причине ряд завирушек, соловей-красношейка и ряд других видов в его время были отнесены к самым разным сис-

тематическим группам. Он указывает на трудность характеристики и выделения систематических единиц в отношении дроздов, пеночек, каменок.

Для уточнения систематики групп и видов птиц, с которыми ему приходилось иметь дело на юге Европейской части России и в Сибири, он сам старается найти более характерные, обоснованные черты их морфологического строения и биологии, выявить условия, влияющие на их формирование. Взяв за основу построения своего систематического обзора птиц систему голландского орнитолога К. Темминка, специализировавшегося по орнитофауне Азии, П.И. Борисов старался ее усовершенствовать на базе собственных материалов. Отсюда его скрупулезное и детальное описание промеров птиц; морфологических особенностей внешнего строения; окраски оперения, ее сезонных изменений полового и возрастного диморфизма, тщательность исполнения и "биологичность" рисунков.

Обсуждая различия в окраске и размерах между европейским и азиатским канюками, он предвидел существование подвидов, что подтверждено в наше время. Он оказался правым, приводя доводы в отношении отнесения европейской и сибирской горных трясогузок к двум самостоятельным подвидам. П.И. Борисов был одним из первых орнитологов и зоологов, ставшим привлекать экологические характеристики видов и более высоких таксономических групп в систематических описаниях и обзорах. Они достаточно полны, точны и обоснованны даже для сегодняшнего дня.

Описывая дрозда-белобровика, он отмечает, что редко встречаются две особи этого вида, полностью сходные по окраске оперения, что особенно заметно при рассмотрении серии птиц, где улавливается усиление и ослабление того или иного тона, зависящее от возрастных, сезонных изменений и других причин и позволяющее некоторым исследователям на этом основании выделять разновидности и систематические единицы более высокого порядка. На сезонном изменении окраски птиц, возникновении устойчивых отклонений сказывается постепенное обнашивание перьев, влияние состава атмосферного воздуха, освещенности, солнечной радиации (например, первое – у завирушек, второе – у каменок). В аридных зонах подобные факторы имеют большее влияние, чем в других местах, что служит источником географической изменчивости этих признаков внутри ареала. Обитатели умеренных зон менее склонны к появлению таких изменений, и особи из наиболее отдаленных точек ареала практически неразличимы (соловей-красношейка). Аргументируя появление различий в окраске оперения птиц действием экологических факторов, П.И. Борисов старается увеличить число экологических признаков в их систематической характеристике, т.е. вводит те признаки, которые получили широкое распространение в современной систематике. Он использует для этих целей даже стереотип видового поведения, указывая, что характер обездвиживания жертвы, ее разделка, движения в этот момент самой птицы, способ запасания пищи впрок, характерны для всех особей серого сорокопута.

Неоднократно возвращаясь на страницах своей рукописи к данным вопросам, давая впервые для Сибири подробное описание окраски нарядов птиц, П.И. Борисов приходит к мыслям обобщающего характера о возникновении разновидностей, подвидов и, в конечном счете, видообразовании, близким к современным трактовкам этих вопросов. Он полагает, что случайные варианты, вообще, встречаются чаще постоянных между птенцами,

вышедшими из одного гнезда, причем значительные, как в окраске оперения, так и песне птиц. Имеет в этом процессе значение образ жизни птицы – перелетная она или оседлая.

По мнению П.И. Борисова, важное значение в систематике птиц имеет их точное видовое название. В подтверждение этого им приводятся латинские, французские и русские названия птиц и их синонимы. Русские названия – как научные, так и народные, широко распространенные и впервые вводимые автором в обиход. Некоторые названия он придумывает сам. Сбор синонимов видовых названий, особенно народных, имеет большой смысл, так как многие из них содержат точную и емкую характеристику птицы, включающую метко подмеченные ее внешние, экологические и поведенческие особенности. При необходимости и возможности дается этимология таких названий. В этом плане П.И. Борисов был одним из первых (подобные ссылки есть в работах Левшина, Палласа) русских исследователей, обративших внимание на необходимость сбора народных характеристик отдельных видов, которые впоследствии широко использовал в своей монографии М.А. Мензбир (1895).

При написании биологических очерков птиц П.И. Борисов старался не упустить ни одной, даже мельчайшей, детали, могущей как-то характеризовать тот или иной вид, и обращался к материалам других авторов, оценивая их научную достоверность, сравнивая со своими данными, анализируя и дополняя, т.е. проводил всестороннее исследование, отвечающее современному уровню. Об этом говорят широта аспектов очерков и внимание, уделяемое отдельным вопросам.

Для каждого вида или группы дается характеристика их распространения. Часто это – первые подробные сведения по данному вопросу. Например, в очерке о сибирском вороне П.И. Борисов выяснил, что соловей-красношейка является обычным обитателем горных лесов по берегам рек и ручьев в Нерчинском, Верхнеудинском и Иркутском округах. Серый сорокопут в Забайкалье более редок, чем жулан, а зеленая пеночка так же обычна в Забайкалье, как и в средней полосе Европейской части России. Приводятся данные о распространении всех видов врановых по побережью Байкала или пребывании такого редкого для района вида, как юрок, ставшего многочисленным в наше время. Впервые он упоминает о нахождении в гнездовой период монгольского жаворонка, дрозда белобровика, на пролете – морянки, галстучника, желтоспинной трясогузки.

Основываясь на знании орнитофауны Европейской части России, П.И. Борисов допустил путаницу в определении пеночек, коньков, возможно, были ошибки в определении самки полярной овсянки (с самкой камышевой овсянки), если последняя добывалась на пролете. Учитывая состояние изученности птиц того района в начале XIX в. и условия работы автора, это – вполне допустимые и объяснимые ошибки.

Не оставлен был без внимания и такой феномен, как экземпляр альбиноса ласточки-береговушки (**224**).

В ряде случаев указывается довольно точный географический район исследования: берега Байкала, Ангары, Селенги, Хилка, окрестности Иркутска, Нерчинск, Верхнеудинск и их округа. Устанавливается характер пребывания вида: оседлый, кочующий, перелетный, пролетный, зимующий.

Подробно разбираются вопросы миграции птиц во всех их формах применительно к конкретным видам. Так, чечетки с осени до весны летают большими стаями, редко парами или в одиночку. Посещают человеческие поселения, где кормятся семенами сорняков по огородам, в основном лебеды. Весной переселяются в леса. Альпийская завирушка и некоторые другие виды совершают вертикальные сезонные миграции, спускаясь на зиму с гор в долины. Соловей-красношейка совершает значительные перелеты, причем первыми начинают мигрировать самцы, а самки позднее, с разницей в несколько дней. На примере этого вида показано, что отдельные популяции (из бассейнов рек Ангары, Лены и с Камчатки) мигрируют различными путями, но зимовать могут в одних и тех же районах. Горная трясогузка из бассейна реки Лены мигрирует по ее притокам, текущим с Яблоневого хребта. В этот период ее не бывает западнее Иркутска; северные популяции зимуют в более северных районах, чем южные популяции того же вида. Причем пролетные пути указаны настолько точно, что современные сведения о них вносят сравнительно незначительные поправки. То же в отношении таких мест зимовок, как Юго-Восточный Китай и Япония.

Приводятся сроки прилета и отлета, откладки яиц, вылупления птенцов, их пребывания в гнезде. Указывается на существование различий в этих фенологических фазах, присущих тому или иному семейству или роду: пеночки появляются в местах гнездования позже трясогузок, каменок, коньков и других групп. Описываются биотопы, места устройства гнезд. Дается характеристика материала гнезда, особенности его постройки, в том числе отличия от близких видов (у желтой трясогузки гнездо более чистое, чем у белой, и т.п.), размеры кладки, окраска яиц.

По возможности, автор дает представление о численности того или иного вида. Например, филина в то время было много. Попутно, для сравнения, приводятся данные по другим районам, на берегах Каспийского моря в декабре и январе держатся огромные стада дроф и стрепетов и др. За 30-летнее коллектирование он всего один раз встретил в Иркутском округе горную трясогузку. Эти данные позволяют нам проследить временную динамику численности видов в указанных местах и выяснить ее причины. В частности, численность большой синицы в те времена была выше, чем сейчас. Для отдельных видов указывается продолжительность жизни. Однако автор скептически относится к данным об очень длительной жизни, замечая о 400-летнем возрасте орла – "уж слишком долго". Располагая достоверными данными, мы убеждаемся, что он был прав в своих сомнениях. Поскольку П.И. Борисов детально описывал и рисовал оперение птиц с экземпляров, попадавшихся ему в руки, то, не пропускал случая ознакомиться с состоянием линьки, давая ее характеристику. Причем указывал, что разница в линьке близких видов объясняется различными, как мы теперь говорим, экологическими условиями их жизни. На основе визуальных наблюдений, вскрытий желудков, исследования кормов птенцов он приводит сведения по питанию, запасанию пищи изученных видов, сопоставляя их с кормовым поведением и экологическими особенностями поиска и добычи кормовых объектов. Он выясняет, что служит основным кормом, время и места сбора корма, сезонные отличия; те или иные предпочтения кормов в неволе, способы обездвиживания добычи, ее поедания и скармливания птенцам (трясогузки кормят кашицей из полупереваренных насекомых); влияние типов корма на состоя-

ние процессов в организме (содержание птиц на одном конопляном семени в неволе, т.е. корме, богатом растительными жирами, приводит к потере окраски оперения, делая его почти черным). Знакомясь с питанием того или иного вида, П.И. Борисов обращал внимание на его роль в биоценозе, пользу или вред для человека, приводя в подтверждение имеющиеся литературные данные. Хищные птицы, поедая мышевидных грызунов, пресмыкающихся, насекомых, приносят пользу человеку. Давая такую характеристику, автор, с одной стороны, подчеркивает экологическую роль и место группы в природе, с другой – формулирует ее экономическое значение в жизни человека. Он восстает против несправедливого обвинения дятлов и кедровки в порче деревьев, которое якобы происходит, когда они долбят кору в поисках насекомых и их личинок, указывая, что они долбят только пораженные, больные деревья. Показывает историчность использования птиц как биологического метода борьбы. Упоминает об использовании сов вместо кошек. Одновременно эти данные свидетельствуют о состоянии охраны птиц в данный исторический период и причинах ее возникновения. В своих обобщениях автор идет дальше, рассуждая о важности познания живых организмов, уяснении их роли в природе и для человека, об отсутствии среди них ненужных, вредных видов и об организации оптимальных, экологически обоснованных отношений между человеческим обществом и природой.

Примечательно, что решение этих вопросов он связывал с наличием мира на Земле, ибо войны поглощают и время и средства, а войну с природой, ее "покорение" приравнивал к обычной войне, со всеми вытекающими из нее последствиями. П.И. Борисов понимает, что характер питания – основной экологический фактор, определяющий распространение вида. Например, белая трясогузка "обычна по всей Восточной Сибири везде, где насекомые – мошки, личинки, нимфы". Им же отмечается наличие кормовых участков у хищных птиц. Подмечается повышенная забота мухоловок при выкармливании птенцов, что было использовано К.Н. Благосклоновым (1955) при транспортировке птенцов различных видов птиц для заселения ими полезащитных полос.

Впервые П.И. Борисов привел данные по питанию монгольского жаворонка, которое до сих пор еще слабо изучено. Исследование питания птиц позволило ему осветить проблему "хищники–жертва" и дать формулировку понятия "хищничество". "Хищничество" связано со всеми видами птиц, потребляющими животные корма. Эти виды занимают свою экологическую природную нишу, причем существует четкая коррелятивная зависимость между их образом жизни, анатомическим и внешним строением. Ареал жертвы определяет распространение ее хищника. При миграции основных объектов питания за ними следуют и их потребители. В подтверждение этого положения приводятся сведения древних авторов о миграции сов вслед за перепелками.

Одно из главных достоинств труда П.И. Борисова заключается в подчеркивании важности экологии видов, авторское восприятие и раскрытие экологического материала, бывшего в его руках. Он указывает, что этими знаниями люди пользовались давно, исходя из своих наблюдений и практического опыта. Мы находим у него и более общую трактовку значения экологии в естествознании. Причем и в трактовке своих экологических воззрений он подходит с позиции эволюциониста.

Комментируя высказывания Гете о различиях в строении костей ископаемого и домашнего быка, что служит следствием различного их образа жизни, П.И. Борисов показывает – изменения, производимые искусственным отбором, не противоречат основному принципу эволюции. Наиболее полно такую коррелятивную зависимость он продемонстрировал, давая обзор хищных птиц. Описывая особенности охоты коршуна, его способы нападения на жертву, поведение в отношении более сильного противника, характер птицы и ее строение.

Подобные выводы общего характера не случайны. В рукописи содержится большое количество экологического материала, освещающего, во многих случаях, различные стороны биологии рассматриваемых видов.

Отмечая прямую зависимость численности птиц от обилия основных кормов, П.И. Борисов первым на фактическом материале обосновал специфическую особенность клестов гнездиться с октября по май, анализируя время встреч молодых клестов в гнездовом наряде, показал, что в Восточной Сибири сроки их гнездования должны приходиться на март.

Во всех фактах П.И. Борисов ищет причинность и закономерность. Предпочтение трясогузками для выстилки гнезда волос животных белого цвета, по его мнению, тоже должно иметь определенный экологический смысл. Он дает и своеобразное объяснение паразитирования кукушек на определенных видах птиц, полагая, что они предпочитают пеночек, потому что последние более других проявляют активность и настойчивость в выкармливании птенцов. Не проходит он и мимо факта кормления самок самцами в период насиживания у врановых. Сравнительно много наблюдений посвящено ночевкам птиц. У хищников подмечена черта, вообще характерная для птиц, – постоянная ночевка в одном и том же месте. Синицам свойственны ночевки в укрытиях. Только у П.И. Борисова мы находим сведения о ночевках кедровок под застрехами домов и т.д.

П.И. Борисова интересует действие внешних факторов на различные стороны жизни птиц. Мы уже упоминали о его суждениях по поводу влияния освещенности на окраску птиц. Климатические факторы в экстремальных ситуациях приводят к гибели птиц, что и было зарегистрировано ученым при сильных морозах 1831 г. Наравне с природными факторами такую же роль в жизни птиц могут играть антропогенные изменения. Так, он указывает, что вырубка лесов в Забайкалье привела к увеличению в этом районе численности филина. Не обходит П.И. Борисов своим вниманием поведенческие реакции птиц на те или иные внешние условия их жизни. Для него характерно проведение параллелей, указывающих на схожесть поведения у разных видов в одинаковых условиях или при однородных причинах. Жаворонки, как куры, любят валяться в пыли, сорокопуты ловят добычу, подобно мухоловкам, т.е. порхая в воздухе, вдруг вспархивая с места. Коньки, как и трясогузки, в поисках корма ходят, помахивая хвостом, и т.п. Отмечаются и такие детали, как глубина ныряния, и др.

Вообще поведению птиц, его роли в жизни животного уделяется в рукописи очень много места. П.И. Борисов в своих взглядах на эту сторону жизни птиц значительно опередил свое время. О наличии определенного уровня разумной деятельности у животных специалисты стали говорить только в середине 50-х годов XX столетия. Он же утверждал наличие разума у животных, пытался обосновать это и подтвердить фактическим материалом из

жизни птиц. Наиболее ярко выражена мысль о наличии сознательной деятельности птиц на примере поведения урагуса. Детальные характеристики охотничьих повадок хищных птиц, сов, трясогузок, ворон и др. Показательны эпитеты при описании поведения птиц: вороны сварливы, буйны, смышлены; домовый воробей зол, сварлив; большая синица мужественна, драчлива; пеночки резвы, смелы, доверчивы; трясогузки смирны, заботливы; соловей-красношейка приятен, жив; варакушка кротка, миролюбива, смела, доверчива; ястреба́ на втором месте после соколов по отважности и пр.

Останавливается П.И. Борисов и на характерном видовом поведении птиц при защите своего гнезда (в частности, варакушкой), на потреблении корма (большая синица очищает семена, кедровка долбит орехи и т.п.).

На основе собственных наблюдений, при содержании птиц дома, и с учетом сведений других авторов, П.И. Борисов приводит данные о склонности птиц к приручению (совы, синицы, урагус и т.д.), способности подражания человеческому голосу, песням и крикам других животных. По его мнению, такие качества – тоже проявление психических способностей животного, имеющие видовую и групповую специфику. Тем самым он как бы подводит научное обоснование под такие явления, как синантропизация и доместикация животных, которые с каждым годом приобретают все большее значение как один из способов рационального использования фауны.

Но поведенческие реакции птиц тесно связаны с развитием их органов чувств, и П.И. Борисов отмечает наличие у них тонкого слуха, острого зрения, разнообразие звуковых сигналов. Он не довольствуется только констатацией этих фактов, а раскрывает их особенности и роль в жизни птиц. Голос птиц, по его сведениям, имеет индивидуальные особенности, что подтверждено в наше время. А.Н. Промптов, обладая абсолютным слухом, в парке Ленинградской лесотехнической академии знал всех зябликов "в лицо" по голосам и отличал их каждый год при весеннем прилете. Голос (крик) птицы, в зависимости от продолжительности, силы, тона, модуляции выражает психическое состояние птицы и служит средством ее общения с особями своего вида и природным окружением и содержит для всех них большой информативный материал. Именно так описывает он особенности крика филина. Люди давно обращали внимание на индивидуальные особенности птичьих голосов. Во многих случаях они послужили источником при создании народных названий той или иной птицы, что нашло отражение и в синонимах видовых названий, собранных П.И. Борисовым.

Анализ зрения отдельных групп и видов птиц говорит о том, что П.И. Борисов был знаком со специальной литературой в этой области, что еще раз указывает на общую его эрудицию, широту интересов и постоянное пополнение своих знаний в различных областях естествознания и других наук. Именно в этом заключается секрет успеха его подхода к изучению птиц, их систематики, биологии; трактовка общебиологических, экологических фактов на уровне, опережающим его время на целое столетие. Интенсивное изучение зрения птиц, строение их глаза началось в 90-х годах XIX столетия. Наиболее активно заниматься этими вопросами специалисты начали в 1930 г., а спустя 30 лет развернулись широкие исследования видовой специфики органа зрения в связи с возросшим общим интересом к экологии вообще и, в частности, к аутэкологии, этологии, роли органов чувств во взаимо-

отношениях живых организмов с окружающей природной средой и возможностью использования их особенностей в создании технических новинок. С этих позиций замечания, рассуждения, наблюдения и факты, содержащиеся в рукописи, представляют значительный интерес. П.И. Борисов отмечает, что острота зрения соколов позволяет различать на очень большом расстоянии самую мелкую добычу в виде воробьиных птиц и грызунов. Способность хищных птиц смотреть на солнце, поражавшая людей в античные времена, на самом деле объясняется просто, она заложена в строении глаза: третье веко, прикрывающее в этот момент глаз, выполняет функцию закопченого стекла, когда мы наблюдаем ход затмения солнца или хотим рассмотреть на нем пятна, одновременно оно выполняет и другую функцию, играя роль оконного стекла, защиты глаза от возможных нежелательных помех, могущих его каким-либо образом покалечить.

П.И. Борисов подметил, что совы способны видеть и днем. Специфика зрения совиных похожа на зрение глубоководных рыб. Она рассчитана на сумеречный свет, что обеспечивается своеобразным строением их глаз, при котором ирис расположен в глубине глазного яблока.

Слух также играет значительную роль в биологии птиц. Поэтому автор обращает внимание не только на то, как слышит птица, но и на анатомические особенности, обеспечивающие ее слуховую ориентацию. Так, у сов не только крупные глаза с перьевыми дисками вокруг них, но и "обширное" слуховое отверстие. Мы же знаем теперь, что ухо – один из главных органов, играющих важнейшую роль в экологии птиц этого отряда.

Автор отдает дань своему времени – подчеркивает те моменты в экологии птиц, которые использовались издревле человеком или могут послужить ему на пользу в будущем. Рассказывая об использовании древними греками периодичности дневной песни жаворонка, о долблении дятлами и кедровкой пораженных вредителями деревьев, он приводит примеры биоиндикации, к которой прибегали люди, исходя из своих знаний и потребностей.

Но, как и в других случаях, П.И. Борисов не все принимал на веру. Сомневаясь, перепроверяя, иногда оставляя в виде недоказанной гипотезы, он приводит факты, касающиеся экологии птиц, в которых не уверен или которые считал ошибочными. Справедливы в этом отношении его рассуждения о том, что раненые зимородок и оляпка всегда ныряют в воду, вопрос о встрече осенью 1840 и 1843 гг. молодых, не перелинявших белых трясогузок, и некоторые другие.

Труд П.И. Борисова по орнитологии Сибири представляет для нас интерес и ценность не только как уникальное и пионерное монографическое исследование высокого научного уровня, не потерявшее своей научной значимости и в наше время. Большинство биологических материалов, которые впервые собраны для районов, окружающих озеро Байкал, а зачастую для России в целом, по биологии отдельных видов, по общим вопросам орнитологии, но и как материал, раскрывающий личность автора, представителя передовых кругов своего времени. Знаменательно, что он рассматривает орнитологию не как какую-то абстрактную, узкую биологическую и просто зоологическую дисциплину, а как одну из частей общей культуры страны, народа, имеющую большое практическое значение, могущую в будущем дать людям еще больше в их духовном и социальном развитии. П.И. Борисов, ученый и гражданин, не мыслит развития науки без социального прогресса

общества; эрудит в знании предмета, которому посвящена рукопись, он на десятилетия опередил своих современников не только на родине, но и за рубежом, а в общебиологических обобщениях намного обогнал свое время. Собранные им материалы, сделанные обобщения и выводы не потеряли своего научного значения и в настоящее время.

СПИСОК ВИДОВ ПТИЦ РАЙОНА ОЗЕРА БАЙКАЛ, УПОМЯНУТЫХ В ТРУДЕ П.И. БОРИСОВА "ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ФАВНА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ"

Отряд Куриные – Galliformes
1. Белая куропатка – Lagopus lagopus L.
2. Тетерев – Lyrurus tetrix L.
3. Глухарь – Tetrao urogallus L.
4. Рябчик – Tetrastes bonasia L.
5. Перепел – Coturnix coturnix L.
6. Бородатая куропатка – Perdix daurica Pall.

Отряд Голуби – Columbiformes
1. Сизый голубь – Columba livia Gm.
2. Каменный гобуль – Columba rupestris Pall.
3. Большая горлица – Streptopelia orientalis Letham.

Отряд Пастушки – Ralliformes
1. Лысуха – Fulica atra L.

Отряд Журавли – Gruiformes
1. Серый журавль – Grus grus L.

Отряд Кулики – Charadriiformes
1. Галстучник – Charadrius hiaticula L.
2. Малый зуек – Charadrius dubius Scopoli.
3. Чибис – Vanellus vanellus L.
4. Турухтан – Philomachus pugnax L.
5. Травник – Tringa totanus L.
6. Большой улит – Trigna nebularia Gunnerus
7. Черныш – Tringa ochropus L.
8. Фифи – Tringa glareola L.
9. Большой Кроншнеп – Numenius arquata L.

Отряд Чайки – Lariformes
1. Серебристая чайка – Larus argentatus Pontopp.
2. Речная крачка – Sterna hirundo L.

Отряд Поганки – Columbiformes
1. Серощекая поганка – Columbus griseigena Bodd.

1. Гусь гуменник – Anser fabalis L.
2. Обыкновенная кряква – Anas platyrhynchos L.
3. Серая утка – Anas strepera L.
4. Чирок свистунок – Anas crecca L.
5. Клоктун – Anas formosa Georgi.
6. Широконоска – Anas clypeata L.
7. Каменушка – Clangula histrionica L.
8. Морянка – Clangula hyemalis L.
9. Обыкновенный гоголь – Clangula clangula L.
10. Хохлатая чернеть – Nyroca fuligula L.
11. Большой крохаль – Mergus merganser L.
12. Длинноносый крохаль – Mergus serrator L.

Отряд Хищные – Falconiformes
1. Чеглок – Falco subbuteo L.
2. Степная пустельга – Falco naumanni Fleischer
3. Обыкновенная пустельга – Falco tinnuculis L.
4. Ястреб-тетеревятник – Accipiter gentilis L.
5. Ястреб-перепелятник – Accipiter nisus L.
6. Полевой лунь – Circus cyaneus L.
7. Черный коршун – Milvus korschun Gmel.
8. Большой подорлик – Aquila clanga Pall.
9. Мохноногий канюк – Buteo lagopus Brünnich.
10. Орлан белохвостый – Haliaeetus albicilla L.
11. Кречет – Falco gurfalco L.
12. Кобчик – Falco vespertinus L.
13. Канюк – Buteo buteo L.

Отряд Совы – Strigiformes
1. Филин – Bubo bubo L.
2. Белая сова – Nyctea scandiaca L.
3. Ушастая сова – Asio otis L.
4. Ястребиная сова – Surnia ulula L.
5. Длиннохвостая неясыть – Strix uralensis Pall.
6. Болотная сова – Asio flammeus Pontopp.
7. Мохноногий сыч – Aegolius funereus L.

Отряд Кукушки – Cuculiformes
1. Кукушка – Cuculus canoris L.

Отряд Длиннокрылые – Micropodiformes
1. Черный стриж – Apus apus L.

Отряд Дятловые – Piciformes
1. Желна – Dryocopus martius L.
2. Трехпалый дятел – Picoides tridactylus L.

3. Большой пестрый дятел – Dryobates major L.
4. Белоспинный дятел – Dryobates leucotos Bechstein

Отряд Воробьиных – Passeriformes
1. Ворон – Corvus corax L.
2. Ворона – Corvus corone L.
3. Галка – Corvus monedula L.
4. Сорока – Pica pica L.
5. Голубая сорока – Cyanopica cyana Pall.
6. Сойка – Garrulus glandarius L.
7. Кукша – Perisoreus infaustus Pall.
8. Кедровка – Nucifraga caryocatactes L.
9. Обыкновенная чечетка – Acanthis flammea L.
10. Длиннохвостый снегирь – Uragus sibiricus Pall.
11. Снегирь – Pyrrhula pyrrhula L.
12. Обыкновенная чечевица – Erythrina erythrina Pall.
13. Сибирская чечевица – Erythrina rosea Pall.
14. Щур – Pinicola enucleator L.
15. Белокрылый клест – Loxia leucoptera Cm.
16. Клест-еловик – Loxia curvirostra L.
17. Юрок – Fringilla montifringilla L.
18. Домашний воробей – Passer domesticus L.
19. Полевой воробей – Passer montanus L.
20. Белошапочная овсянка – Emberiza leucocephala Gm.
21. Дубровник – Emberiza aureola Pall.
22. Камышевая овсянка – Emberiza schoeniclus L.
23. Лапландский подорожник – Calcarius lapponicus L.
24. Пуночка – Plectrophenax nivalis L.
25. Полевой жаворонок – Alauda arvensis L.
26. Монгольский жаворонок – Melanocorypha mongolica Pall.
27. Рогатый жаворонок – Eremophila alpestris L.
28. Белая трясогузка – Motacilla alba L.
29. Горная трясогузка – Motacilla cinerea Tunstall.
30. Желтоголовая трясогузка – Motacilla citreola Pall.
31. Желтая трясогузка – Motacilla flava L.
32. Желтоспинная трясогузка – Motacilla lutea Su.
33. Степной конек – Anthus Richardi Vieillot.
34. Пятнистый конек – Anthus hodgsoni L.
35. Горный конек – Anthus spinoletta L.
36. Полевой конек – Anthus campestris L.
37. Обыкновенный поползень – Sitta europaea L.
38. Большая синица – Parus major L.
39. Московка – Parus ater L.
40. Черноголовая гаичка – Parus palustris L.
41. Длиннохвостая синица – Aegithalos caudatus L.

42. Серый сорокопут – Lanius excubitor L.
43. Жулан – Lanius cristatus L.
44. Обыкновенный свиристель – Bombycilla garrulus L.
45. Серая мухоловка – Muscicapa striata Pall.
46. Зеленая пеночка – Phylloscopus trochiloides Sundev.
47. Пеночка-таловка – Phylloscopus borealis Blasius.
48. Пятнистый сверчок – Locustella lanceolata Temm.
49. Дрозд-белобровик – Turdus musicus L.
50. Дрозд-рябинник – Turdus pilaris L.
51. Обыкновенная каменка – Oenanthe oenanthe L.
52. Черноголовый чекан – Saxicola torquata L.
53. Сибирская горихвостка – Phoenicurus auroreus Pall.
54. Соловей красношейка – Luscinia calliope Pall.
55. Варакушка – Luscinia svecica L.
56. Обыкновенная оляпка – Cinclus cinclus L.
57. Городская ласточка – Delichon urbica L.
58. Береговая ласточка – Riparia riparia L.
59. Деревенская ласточка – Hirunda rustica L.
60. Королек – Regulus regulus L.
61. Крапивник – Troglodytes troglodytes L.

Литература

Благосклонов К.Н. Охрана и привлечение птиц, полезных в сельском хозяйстве. М.: Учпедгиз, 1955.

Блуменбах И.Ф. Руководство к естественной истории. СПб., 1797. Ч. II. 739 с.

Гагина Т.Н. Птица Байкала и Прибайкалья (список и распространение) Зап. Иркутского обл. краеведческого музея. Иркутск, 1958. С. 173–191.

Дарвин Ч. Очерк 1842 г. // Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 3. С. 79–113.

Измайлов И.В., Боровицкая Г.К. Птицы Юго-Западного Забайкалья. Владимир, 1973. 315 с.

Иовский А.А. Обозрение медицинских систем в начале XIX столетия // Вестн. естеств. наук и медицины. 1828. № 5. С. 24–36.

[*Левшин*]. Книга для охотников до звериной и птичьей ловли. М., 1814. 532 с.

Мензбир М.А. Птицы России. 1895. Т. 1, № 2.

Озерецковский Н.Я. Начальные основания естественной истории. СПб., 1791. Ч. 3. 68 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1778. Т. 1–5.

Рулье К.Ф. Зообиология. Кн. Б.Е. Райкова. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина". М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. С. 437–636.

Тачановский В.К. Критический обзор фауны Восточной Сибири // Труды V съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве. (Б.м.) 1877. С. 285–386.

Bechstein G.M. Ornitologische Faschenbuch. Leipzig, 1802–1812. Vol. 3.

Boje F. Tagbuch, gehalten auf einer Reise durch Norwegen in Jahre 1816. Schleswig, 1822.

Brisson M.J. Le régne animal divisé en classes. P., 1756.

Brisson M.J. Ornitologia. P.,1844. Vol. 1–6.

Buffon L. Histoire naturelle générale et particulière. P., 1749–1788. Vol. I–XXXVI.

Georgi S.G. Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich in Jahre 1772. Bd. I.
Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1743.
Drapiez P.A.J. Resumé d'ornitologie. P. 1829. Vol. 1–2.
Engellman W. Bibliotheca historiae naturalis. Leipzig, 1846. Vol. 1.
Instrukcya dila ukladani. (S.l. S.a.), 1816.
Lichtenstein H. Reise von Orenburg nach Buchara. (S.l.), 1823.
Manduyt de la Varenne R.J.E. Encyclopédie méthodique historique naturelle. P., 1782–1792. T. 10.
Naumann J. Naturgeschichte der Vögel Deutschlands. (S.l., S.a.), 1820–1844. T. 12.
Pallas P. Zoographia Rosso-Asiatica. Petropoli, 1811–1831.
Selbi P.J. Illustrations of British Ornithology. Edinburg, 1821. Vol. 2.
Savigni. Observation sur le système des Oiseaux de l'Egypte et de Syrie. P., 1810.
Temminck C.I. Manuel d'ornitologie. P., 1820–1840.
Temminck C.I. Atlas des oiseaux d'Europe. P., 1827.

В.К. Рахилин

АКВАРЕЛИ БОТАНИЧЕСКОГО И ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Текстовая часть трудов П.И. Борисова по систематике флоры Восточной Сибири, аналогичная "Орнитологической фавне", до нас не дошла, а, быть может, ее и не было в полном объеме. Но проблема эта занимала Петра Ивановича все годы каторги и ссылки. Об этом свидетельствуют и его письма и данные "Книги доходов", где отмечено несколько серий изображений растений, выполненных декабристом для разных заказчиков, наконец, публикуемый ныне текст труда по орнитологии. Соузник Борисова Д.И. Завалишин сообщает, что уже в Петровском заводе Петр Иванович "нарисовал акварелью виды всех растений Даурской флоры и изображения почти всех пород (птиц) Забайкальского края"[1].

В настоящее время удалось выявить около 200 акварелей с изображением растений[2]. Их анализ позволяет в какой-то мере оценить результаты его многолетних флористических наблюдений, выполненных на каторге и в ссылке, и сделать соответствующие выводы об их авторе как о натуралисте вообще, ботанике и систематике в частности.

В собраниях Санкт-Петербурга сохранилось 87 рисунков ботанического содержания: 67 – в альбоме "Букет Восточной Сибири" из Научной библиотеки Ботанического института РАН и 20 – в альбоме из собрания Всесоюзного музея А.С. Пушкина. Изображения двух букетов имеются в альбоме генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта, хранящемся в Музее декабристов в Новоселенгинске.

Более половины известных ныне ботанических акварелей декабриста находится в московских собраниях: два альбома под общим названием "Очерк изящной флоры Забайкальского края" из собрания Научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ (86 рисунков); три букета в составе альбома доктора А.И. Орлова (приятеля многих ссыльных декабристов) из собрания

[1] Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб., 1906. С. 273.

[2] Полное воспроизведение в цвете всех акварелей П.И. Борисова см.: *Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Акварели декабриста П.И. Борисова. М.: Искусство, 1986.

Отдела изобразительных материалов Государственного исторического музея; три букета – в альбоме А.И. Давыдовой (жены В.Д. Давыдова), который хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства; наконец, один букет изображен на рисунке, который находится в собрании Государственного литературного музея.

Отдельные изображения растений встречаются на рисунках орнитологического и энтомологического содержания.

В одном из писем к сестрам П.И. Борисов пишет о своих акварелях как "о трудах художника, осмелившегося подражать неподражаемой природе"[3]. В другом: "Что же касается до естественных произведений, то Сибирь ими очень богата. Растительное царство разнообразно и любопытно. Чтобы дать вам идею о красоте сибирских цветов, я пришлю Вам два букета своей работы, но заранее предупреждаю Вас, что это будет слабая копия богатых сибирских оригиналов. Красоту их форм и живопись их колорита отказывается выразить бедная моя кисть[4]. Еще в одном: "Если б мне вздумалось исчислить поименно все здешние растения, замечательные красотою своих цветов, то я наполнил бы ими не одно, но три письма... Любезные сестрицы, не судите об их красоте по моим рисункам, изображать природу трудно, и не по моей кисти"[5], – со свойственной ему скромностью и глубоким уважением к природе добавляет он. М.А. Бестужев в одном из писем сестре называет П.И. Борисова "славным рисовальщиком цветов"[6].

Переписка и воспоминания декабристов убедительно показывают, что уже в 1830-х годах, в каторжных работах, П.И. Борисов собирал естественнонаучные коллекции и создал первую серию акварелей, отражающую начальный этап его флористических, орнитологических и энтомологических наблюдений в стране изгнания. Вещественные следы его сборов и акварелей того времени пока не обнаружены, хотя именно к этому периоду можно отнести листы из альбома А.И. Давыдовой, приехавшей в Сибирь в марте 1828 г. вслед за мужем, осужденным на каторжные работы. К.С. Куйбышева и Н.И. Сафонова полагают, что, "по всей видимости, при прощании, в 1839 г., когда последняя партия декабристов покидала Петровский завод", Петр Иванович "подарил ей свои акварели"[7]. На одном из листов альбома доктора А.И. Орлова есть едва различимая дата: 1839. Не исключено, что в его собрании среди недатированных рисунков П.И. Борисова могут быть более ранние. Доктор Орлов осуществлял медицинский надзор в Нерчинских заводах и Верхнеудинске в 1838–1840 гг.

Недатированный альбом, приобретенный, согласно надписи на его титульном листе, Софьей Григорьевной Волконской, навещавшей своего ссыльного брата С.Г. Волконского в 1854 г. в Иркутске, по всей вероятности, относится к серии ранних работ Борисова. Об этом говорят и характер бумаги, и особенности рисунка, близкие к тем листам, о которых упомина-

---

[3] ГАРФ. Ф. 279. Оп. № 1. № 207. Л. 1 об.

[4] Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 182.

[5] Там же. С. 185.

[6] Цит. по.: *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 358.

[7] *Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 23. Здесь же см. более подробную историю создания и судьбу сохранившихся собраний.

лось выше. Здесь важно отметить существенную особенность альбома. Несмотря на отсутствие авторских надписей, компоновка на отдельных листах изображений растений, близких по видовой принадлежности, дополнительное воспроизведение отдельных деталей, важных для систематики (цветки, листья, тычинки, пестик), позволяют говорить об определенном намерении создать систематический труд, которое наиболее полное выражение получило в двух других сериях акварелей.

Наиболее полная из них – акварели, выполненные по заказу И.Д. Булычова. Она создана в 1847–1854 гг. в последний период жизни П.И. Борисова. Ныне хранится в Научной библиотеке МГУ. К сожалению, на многих листах авторские определения изображенных растений утрачены. Другая крупная серия ботанических рисунков, заказчиком которой был К.Я. Дараган, выполнена в 1843–1848 гг. Она меньше по объему, но обладает большей цельностью, так как сохранила авторскую последовательность листов, имеет авторские определения всех изображений и расположение в определенном систематическом порядке, зафиксированные в перечнях на латыни, французском и русском языках.

Чтобы определить место рисунков П.И. Борисова, их роль и значимость в русской ботанической науке, необходимо представить себе уровень и объем ботанических знаний середины XIX в., в той ее части, которая касалась районов юга Восточной Сибири вообще, и Забайкалья, в частности. К этому времени эти края были уже известны натуралистам благодаря русским академическим экспедициям XVIII в. Однако полностью флора еще долгое время оставалась не выявленной из-за ее большого объема и редких экспедиций.

В числе первых исследователей края должен быть назван Д.Г. Мессершмидт, посланный Петром I в Сибирь для "разыскания" naturae curiosi (минералов, животных и растений) и сбора общих географических сведений. С 1719 по 1726 г. Д.Г. Мессершмидт проделал огромный путь, особое внимание уделяя изучению целебных трав и корней. В 1723 г. он оказался в Иркутской губернии и весь следующий год путешествовал по Забайкалью (Читинский острог – Нерчинск – Нерчинский завод – от Иркутска вниз по Ангаре), собирая гербарий и семена.

Чуть позже отправился в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции И.-Г. Гмелин (Гмелин-старший) со своими спутниками – Г.-В. Стеллером и С.П. Крашенинниковым. В 1734 г. они прибыли в Селенгинск и целый год путешествовали по Забайкалью то все вместе, то разъезжаясь по разным районам. По окончании путешествия, которое длилось 10 лет, И.-Г. Гмелин издал "Флору Сибири[8], написанную на основании собранных и обработанных ими материалов. В нее вошло описание 1178 растений с приложением 300 рисунков, сделанных на месте с живых растений. В ту пору еще не была разработана бинарная номенклатура и потому пользоваться этим трудом сложно. В Сибирской флоре И.-Г. Гмелина представлены растения Забайкалья, так же как и в его неизданных рукописях[9].

---

[8] *Gmelin I.* Flora sibirica sive historia plantarum Sibiriae. Petropolis, 1747–1759.

[9] *Gmelin I.* Index plantarum ad Angaram et praecipue circa Irkutam unpeut et al Gundas kam fluvios aestate anni 1738 observatorum cum descriptionibus navarum et rarirborum // ПФА РАН. Ф. 1 (Конференции). Св. 105. 118 л.; *Gmelin I.* Catalogus plantarum aestate Anni 1735 in regionibus transbaicalensibus observatorum // Там же. Св. 104, 57 л.

Из семян, присланных Д.-Г. Мессершмидтом и И.Г. Гмелиным, выращивались растения в Санкт-Петербургском ботаническом саду. На основании этих материалов, а также сборов И.-Г. Гмелина, Г.-В. Стеллера, С.П. Крашенинникова академик И. Амман составил и издал сводку[10], где упоминается 285 видов, главным образом из Даурии (Забайкалье).

Пожалуй, не меньшее, если не большее значение для изучения флоры Восточной Сибири имели работы Г.-В. Стеллера, одного из спутников И.-Г. Гмелина. В 1739 г. он путешествовал в окрестностях Иркутска, по берегам Байкала, на острове Ольхон, по реке Ангаре, в окрестностях Баргузинского острога. В его работе "Иркутская флора"[11] приведены 1152 вида, и это именно флора, а не список, так как растения расположены в определенном порядке – по системе Турнефора. На эту рукопись постоянно ссылался И.-Г. Гмелин. Г.-В. Стеллером же составлен рукописный каталог семян 382 видов растений, собранных там же[12].

Близ Соликамска в ту пору был сад у Демидовых, владевших целым рядом крупнейших металлургических заводов в Сибири. Семья Демидовых известна своим покровительством науке и в значительной мере способствовала развитию естествознания в России, особенно ботаники. В саду Демидовых Г.-В. Стеллер выращивал многие сибирские растения, в частности и даурские, и посылал их К. Линнею.

Во второй половине XVIII в. в Забайкалье путешествовал замечательный натуралист П.-С. Паллас. Хоть он и был по преимуществу зоолог, но растения видел хорошо и значение его капитального труда "Описание и изображения российских произрастаний"[13] велико и поныне. В книге дана характеристика сибирской флоры, приведены описания и рисунки растений. Экспедиция Палласа прошла через Акмолинскую, Семипалатинскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и другие губернии. В Иркутскую губернию он прибыл в 1772 г. Даурия его совершенно очаровала и его письма полны восторженных отзывов о ней. В своих путевых записках он упоминает большее число растений, чем Гмелин, используя латинские бинарные названия[14].

Один из спутников П.-С. Палласа, И. Георги, врач и натуралист, отделился от общего отряда и самостоятельно изучал флору окрестностей Иркутска и Баргузинского уезда в Забайкалье, а осенью 1772 г. отправился в Нерчинск и Нерчинский завод. Свое путешествие он описал в книге "Путешествие по Российской империи"[15]. В главе "Флора Байкала" приведен список 737 видов растений, в том числе 658 – высших.

---

[10] *Amman I.* Stirpium rariorum im Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones. Petropolis, 1739.

[11] *Steller G.* Flora irkutiensis // ПФА РАН. Ф. 1 (Конференции). Св. 104. 370 л.

[12] *Steller G.* Catalogus seminum circa Irkutiam et lakum Baikal ad Bargusinens em munimentum usque collectorum // ПФА РАН. Ф. Т. 2. Ботанического музея. Св. XIII.

[13] *Pallas P.* Flora Rossica. Petropolis, 1784–1788.

[14] *Паллас П.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773–1788. Ч. 1–3.

[15] *Georgi I.* Bemerkunden einer Reise im Russischen Reich im Iahre 1772, 1773 und 1774. T. 1–2. SPb., 1775.

Описание и изображение байкальских растений находим и у М. Адамса[16], и у Ф. Фишера[17], обработавшего коллекцию растений, пожертвованную Московскому обществу испытателей природы губернатором Иркутска Трескиным. Ф. Фишер разработал и предложил даже проект ботанического сада в Иркутске.

Итак, флора Забайкалья и Прибайкалья к началу XIX в. не только не была обойдена вниманием ботаников, но, напротив, занимала многих. Иркутск в ту пору был вполне "ботаническим" городом, где увлеченность гербаризацией была нередкой, даже губернаторы не преодолели ее соблазна и азарта! Но все это были только подходы, только прелюдия к настоящему глубокому и всестороннему исследованию флоры Восточной Сибири, которое связано, в первую очередь, с трудами замечательного нашего соотечественника, талантливого ботаника и на редкость целеустремленного человека Николая Степановича Турчанинова. Он переселился в 1828 г. в Иркутск, куда получил назначение на гражданскую службу. Здесь он нашел непочатый край работы и, вместе с тем, настолько ревностно принялся за сбор растений и изучение флоры, что в 1830 г. ему пришлось оставить службу.

Изучение флоры Н.С. Турчанинов начал с окрестностей Иркутска и берегов Байкала при истоке Ангары. Он объехал и обошел все интересные места этого края, иногда по несколько раз возвращаясь к одному и тому же. В 1837 г. он переезжает в Красноярск, но и там продолжает обрабатывать собранные ранее материалы. Флора нового для него района не могла отвлечь его от начатой работы и в 1842 г. начинается публикация его знаменитой "Байкало-Даурской флоры"[18]. "По совершенству плана и строгой научности изложения флора Н.С. Турчанинова представляет собой из ряда вон выдающееся явление в отечественной специальной ботанической литературе. Ни до, ни долго после него нельзя указать ни одного ботаника флориста с русским именем, столь блестяще заявившем себя в области научного исследования флоры русской и всемирной, – так писал о Н.С. Турчанинове спустя полвека известный ботаник Д.И. Литвинов[19]. Во флору было включено 1454 вида, из которых 1370 собраны автором во время его экскурсий в Забайкалье и Прибайкалье. Турчанинов много публиковал, вел обширную переписку, обменивался эксикатами.

П.И. Борисов приступил к составлению флоры Восточной Сибири, судя по переписке декабристов, которую мы цитировали выше, еще во время пребывания на каторге (1827–1839). Несомненно, он был знаком с флористическими публикациями по этому региону, в частности с сочинениями П.-С. Палласа, чей труд "Путешествие по разным провинциям Российской империи" сопровождал его в каторжных работах. В Иркутском краеведческом музее хранится эта книга с владельческими автографами братьев Борисовых и пометой коменданта Нерчинских рудников и Петровского завода С.Р. Лепарского, который был обязан следить за чтением узников: "видал Лепарский".

---

[16] *Adams M.* Descriptiones plantarum minus cognitarum Sibiriae praesertim orientalis, quas in itinere ann. 1805 et 1806 observavit // Mem. de la societe imperiale naturalistes de Moscou. V. 1817. P. 89–116.

[17] *Fischer F.* Descriptio plantarum rariorum Sibiriae // Ibid. III. 1812. P. 56–82.

[18] *Turtschaninov N.* Flora baicalensi-dahurica seu descriptio plantarum in regionibus cis-et transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium. I–II // Bull. de la Soc. Imp. des Nat. de Mosc. 1842–1857.

[19] *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири // Тр. Бот. музея АН. Вып. 5. СПб.,1909. С. 319.

Свои первые гербарные сборы и рисунки Петр Иванович направлял в Санкт-Петербургский ботанический сад, однако следы их затерялись. Они не значатся в юбилейной публикации В.И. Липского "Гербарий императорского С.-Петербургского Ботанического сада к концу его 75-летнего существования 1823–1898" (СПб., 1898) и других аналогичных изданиях, но, быть может, и поныне лежат в хранилище Ботанического института РАН, подписанные чужим именем. Это ведь был единственный путь, приведший их в столицу и гарантировавший их сохранность.

Казалось бы, интересуясь флорой, П.И. Борисов должен был обратиться к Н.С. Турчанинову – к самому лично и его трудам. Возможно, тот действительно видел его работы, определял некоторые растения. Ибо "душа его была открыта для тех, кто интересовался любимой его наукою; для таковых у него все было нараспашку: и советы, и указания, и коллекции; всем делился он щедро – и огромным богатством познаний, и своими скудными денежными средствами, без утайки, без задней мысли", – так рассказывали о нем те, кто его знал[20]. И все же они, по-видимому, не были знакомы лично. Нравственная сила Н.С. Турчанинова, его талант и беззаветность в работе, его обаяние как человека были столь велики, что он оставлял глубокий след в жизни каждого, кто с ним встречался. А между тем в письмах П.И. Борисова мы не находим имени Турчанинова. Случай не свел их. П.И. Борисов жил на поселении недалеко от Иркутска уже после переезда Н.С. Турчанинова в Красноярск. С отъездом Николая Степановича ботанические страсти в Иркутске не остыли: казак Кузнецов, а также С. Щукин, Баснины и Седаков (последние известны как близкие знакомые декабристов) продолжали сборы растений для него по всему краю[21].

В 1840-х годах в Нерчинске появляется Ботаническое заведение, о котором мы узнаем со слов его хозяина, местного краеведа М.А. Зензинова, близкого декабристам со времен их нерчинского заточения, нередко публиковавшего статьи ботанического содержания в разных журналах[22]. По поручению Санкт-Петербургского Ботанического сада он собирал семена диких растений, гербарий, составлял флористические сводки. В одной из его статей есть ссылка на сочинение "Флора Даурии, представленная в рисунках частью в описаниях с латинскою терминологией". Не о труде ли П.И. Борисова идет здесь речь? Небольшие заметки о растениях того края публиковал И. Юренский[23].

П.И. Борисов в своих занятиях ботаникой не был пионером; он не был одинок в этих занятиях; при его жизни вышла в свет основная часть флоры

---

[20] *Бекетов А.Н.* Николай Степанович Турчанинов. Отрывок из харьковских воспоминаний // ВЕН. 1860. Т. 2. С. 34.

[21] *Рупрехт Д., Железнова Н.И.* Разбор сочинения г. Турчанинова под заглавием: Flora baicalensi-dahurica seu descriptio plantarum in regeonibus ces-et transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium. – XXVI присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград 17 июня 1857. СПб., 1858.

[22] *Зензинов М.А.* Цветочные вести из Сибири // Иллюстрация. 1846. № 46; *Он же.* Даурская флора // Земледельческая газета. 1846. Прил. к № 20, 99; Письмо из Нерчинска о даурских растениях // Эконом. 1846. № 6; Кормовые злаки Даурии // Труды ВЭО. 1853. Т. 2. Отд. 2.

[23] *Юренский И.* Иркутская флора // Земледельческая газета. 1845. № 77; *Он же.* О кормовых растениях, известных своею питательностью для овцеводства в Нерчинском крае // Труды ВЭО. 1850. Т. 2. Отд. 3 и др.

Н.С. Турчанинова – прекрасного пособия для всякого, интересующегося растениями. Что сказать о научной значимости или оригинальности его труда?

Все растения, изображенные на рисунках, были к тому времени известны. Это, несомненно. По этим местам прошли такие превосходные натуралисты как Паллас и Турчанинов. Но разве ценность ботанической работы только в отыскании нового таксона? Научно достоверное изображение растения, да еще снабженное важными для систематики деталями представляет для науки многое, что безвозвратно теряется при гербаризации: форму нежных частей растений, особенно цветка, прижизненную окраску, особенно фактуры, характера блеска и т.п. Это характеристики, которые засушенное и спрессованное растение теряет, а дать их исчерпывающе точно словесно практически невозможно. Хороший рисунок растения, сделанный с натуры, всегда дефицитен. Поэтому-то введение в научный оборот "ботанических" рисунков. П.И. Борисова представляется столь важным, что, несомненно, должно вызвать интерес у ботаников.

Рисунки отдельных растений, выполненные П. Борисовым, удивляют. Они очень нарядны и красочны и потому привлекают восхищенное внимание каждого, в чьи руки попадают. Ботаника же, увидевшего их[24], они изумляют точностью и детальностью, которые могли бы сделать честь любому руководству по систематике растений.

Перелистывая альбомы, лист за листом, будто выходишь в летние луга, полные ярких красок, когда начинает цвести разнотравье. Кажется, что видишь прозрачно зеленеющие весенние солнечные поляны, сырые болотины или непролазные заросли смородины по заросшим тенистым берегам лесных речек. Или степь – нечасто.

Рисунки рассказывают не только о флоре Прибайкалья и Забайкалья, они говорят о самом авторе, его жизни, привычках. Перебирая их, мы узнаем, что автор жил на одном месте, очень любил заливные луга и, видимо, часто здесь бывал, особенно в мае–июне. Ходил помногу пешком. Никогда не поднимался в горы. И в степных краях бывал редко. Далеко от дома не ходил; набравши растения, сразу же возвращался, и, поставив их в воду, тотчас же начинал рисовать. Ведь только на свежем материале и на столе в доме при хорошем свете и без ветра можно так тщательно отпрепарировать детали мелких цветков, как это делал П.И. Борисов. Если растение было неудобно нести в руках, закладывал его в книгу или, может быть, в гербарную папку? Но не оставлял до вечера или другого дня. Тотчас возвращался, чтобы веточка была свежей, листья еще упругими, цветы – не мятыми и поэтому у ветки боярышника, например, отогнуты и прижаты шипы (как всегда в гербарии), но в то же время видишь, что рисовано со свежего живого растения, а вовсе не гербарного экземпляра.

Растения, окружавшие его, он любил и знал, восхищался изысканностью их формы и цвета. В его альбомах нет осок, злаков – растений сравнительно малодекоративных, которые труднее определять, а неспециалисту они могут даже показаться "на одно лицо". Нет деревьев, что не удивительно,

---

[24] Впечатления и наблюдения ботаника от общения с рисунками П.И. Борисова переданы со слов ныне покойной Г.И. Проскуряковой, сотрудницы Главного ботанического сада РАН, идентифицировавшей все изображения растений из собрания И.Д. Булычова, вместе с которой мне посчастливилось сделать телепередачу об акварелях декабриста.

так как место его каторги и ссылки безлесны. Многолетние объекты, изображаемые им, – травы с нарядными яркими цветками (лилии, орхидеи, аквилегии, анемоны и т.п.), изредка – кустарники или растения, дающие ягоду, – смородина, брусника, голубика и другие, то также нарядные, "цветные".

Практически во всех случаях акварели Петра Борисова отличает исключительная научная точность. Проведенная группой ботаников из разных научных центров идентификация изображенных им растений позволила определить их с точностью до вида по современной систематике, что и нашло свое отражение в публикуемом нами каталоге. Крайне редко встречаются ботанически неточные рисунки. Это относится лишь к небольшой серии ирисов, что является исключением в ряду превосходно выполненных акварелей.

Как исследователь П.И. Борисов был жестко ограничен в пространстве для исследований. Фактически он был вынужден почти три десятилетия вести стационарные наблюдения на небольших участках каторжных работ в Чите, Нерчинске и Петровском заводе и в местах ссылки (с. Подлопатки, близ Селенгинска, и Малая Разводная под Иркутском), где он имел право отлучаться не далее 15 верст. Но фактически и этого не мог сделать, так как на его руках был больной старший брат, который отказывался принимать пищу в его отсутствие. Все эти участки располагались близ рек в сравнительно малолесистой местности. Видимо, именно это объясняет определенную однобокость его флористической работы. Хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счетов его интерес к флоре как художника. Не зря обе наиболее законченные ботанические серии имеют название "Букет Восточной Сибири" (67 рисунков) и "Очерк изящной флоры Забайкалья" (86 рисунков).

Как систематик П.И. Борисов нередко сопровождал целостное изображение растения увеличенными деталями цветка (гинецея, адоцея, даже пыльцы) или плодов, иногда в последовательном развитии, например пыльники в процессе созревания, или несколько стадий развития гинецея от завязи до зрелого плода.

Среди "подарочных", "альбомных" акварелей П.И. Борисова есть несколько нарядных листов с букетами или виньетками из цветов. Они очень красочны и декоративны. Для большей эффектности цветки изображены крупнее, чем в жизни, а краски сверкают с преувеличенной яркостью. Букеты и гирлянды составлены все из тех же цветов Забайкалья. Но в них художник берет верх над ботаником.

Среди рисунков, посвященных животному миру (птицы, насекомые), тоже есть изображения растений, однако П.И. Борисов делал их обобщенными, руководствуясь больше памятью, чем натурой, но с привычной для него точностью, до педантичности. Обладая хорошим профессиональным взглядом, он, как всегда, создает акварели, которые не отступают от природы и безупречны по рисунку и цвету, хотя некоторые морфологические особенности выпадают из его поля зрения. Поэтому на "зоологических" рисунках можно увидеть веточку березы с мутовчатыми и супротивными листьями на одном и том же побеге или хвойное с попарно (как у сосны) сидящими хвоинками, которые, однако, коротки, как у лиственницы. Это ошибки художника, который не имеет под рукой живого материала. Изображений растений в зоологических альбомах немного, и они не представляют большого интереса для ботаника, но выполняют существенную роль, так как свиде-

тельствуют о некоторых, пусть не очень четких, экологических связях, подмеченных натуралистом.

Энтомологические акварели П.И. Борисова не столь многочисленны, как его же рисунки с изображением птиц и растений, но они привлекают пристальным вниманием не только к выявлению их видовой принадлежности, но и к их метаморфозу. В письме старшей сестре от 27 февраля 1839 г. П.И. Борисов писал: "Сберегу свои наблюдения над превращениями гусениц и хризолит (бабочек. – *О.А.*) с рисунками"[25].

М.Н. Волконская отмечала, что свою первую коллекцию насекомых и бабочек братья Борисовы составили еще в Благодатске[26].

По свидетельству соузника Борисовых Д.И. Завалишина, уже в Чите братья имели "замечательную коллекцию насекомых" и разрабатывали собственную классификацию их[27]. В своих воспоминаниях другой товарищ по несчастью братьев Борисовых, Н.В. Басаргин, писал об "огромной и очень любопытной коллекции насекомых, посланной профессору Фишеру"[28]. Очевидно, имеется в виду Г.-И. Фишер, основатель и директор Московского общества испытателей природы при Московском университете.

Попытка обнаружить энтомологические сборы Борисовых в коллекциях Зоологического музея МГУ, куда в своем время были переданы собрания МОИП, к сожалению, не увенчалась успехом. Ветераны музея вспоминают, что встречались экземпляры с анонимными этикетками и с указанием места сбора "Восточная Сибирь" без точной привязки. Их было много. Вполне возможно, что среди них находились и сборы Борисовых. Ведь декабристы как "государственные преступники" не имели права ставить свое имя. К сожалению ни этикетки, ни сами сборы не сохранились. В 1960-х годах администрация музея предприняла "чистку" коллекций, в ходе которой и были утрачены анонимные образцы.

Собственно энтомологических листов у Борисовых всего 14. Из них 12 – многофигурные изображения метаморфоза насекомых, в том числе четырех видов пилильщиков, насекомых-паразитов, пожирающих листву березы. Фактически в Сибири их стали серьезно исследовать лишь в 20-е годы XIX в. И в этом смысле интерес к ним натуралиста имеет приоритетный характер, так как он одним из первых обратился к изучению сибирских видов березовых пилильщиков, которых сам декабрист называл "муха-мотыльками".

И тем ценнее наблюдения натуралиста середины XIX в., отраженные в его акварелях. Авторские названия этих насекомых "зеленый муха-мотылек" Irichiosoma lucorum L., "полосатый муха-мотылек" Cimbex femorata L., и просто "муха-мотылек" без определения Praia Tachanovskii André – все из рода перепончатокрылых, семейства цимбициды. В состав рисунков входят изображения взрослой ложногусеницы и предкуколки в разных ракурсах, жилкование крыльев, закрытый и пустой прогрызенный при выходе насекомого кокон. Кокон пилильщика Тачановского показан на листе подорожника. Для этого вида отдельно нарисована голова взрослого насекомого.

---

[25] Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 18.

[26] Записки княгини М.Н. Волконской. Красноярск, 1975. С. 75–76.

[27] Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб., 1906. С. 273.

[28] Своей судьбой гордимся мы // Декабристы в Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 42.

Бабочки, изображенные П.И. Борисовым, имеют широкое распространение не только в Сибири, но и в Европе. Их метаморфоз изучался еще в XVIII в., а в некоторых случаях и в XVII в.

Помимо самостоятельных энтомологических акварелей, изображения насекомых включены в композиции букетов и некоторых рисунков орнитологических серий, где исследователь хотел показать, чем кормятся те или иные виды сибирских птиц.

Энтомологические рисунки П.И. Борисова являются первыми научно достоверными цветными изображениями целого ряда насекомых, обитающих в Восточной Сибири. Все нарисованные им насекомые типичны для района его наблюдений, за исключением Данаиды Хризипп Danais chrysippus L. – вида, характерного для тропиков, который не заходит на север Евразии.

Подобно ботаническим и орнитологическим рисункам энтомологическая серия показывает поразительную наблюдательность декабриста. Все акварели отмечены исключительной тщательностью исполнения, возволяющей, как правило, привести определения с точностью до вида. Это тем более удивительно, что иногда один вид изображенных им насекомых от другого отличается, например, числом шпор на ножке крохотного животного. Лишь в единственном случае Е.М. Антонова, сотрудница Зоологического музея МГУ, проводившая определения видовой принадлежности насекомых, отметила ошибку в изображении бабочки-веснянки, которую ловит самец желтоголовой трясогузки. На рисунке одного из альбомов, принадлежавших В.Н. Баснину (ГИМ–Изо), нарисованы хвостовые нити поденок, а крылья и их жилкование – как у представителя сетчатокрылых (**420**). Возможно, в тот момент Петр Иванович располагал лишь крылом бабочки, а остальное рисовал по памяти. Как правило, он рисовал с живых экземпляров (**444**). Так, на рисунке из собрания А.И. Орлова очень точно схвачена поза живого насекомого. Лишь иногда с коллекционного экземпляра или по атласу. Таковы, видимо, бабочки "подарочного" букета из альбома А.И. Орлова.

Значение энтомологической серии, так же как ботанических и орнитологических серий, – не только в тщательности исполнения и научной достоверности. Это был важный новый вклад в науку, именно в этом заключается их исторический смысл. Созданная в начале XIX в. и пользовавшаяся в течение всего столетия широкой популярностью русская энтомология Г.И. Фишера была основана на описаниях европейских ученых, и сведений о сибирских насекомых она практически не включала из-за отсутствия соответствующих наблюдений.

Изображения *млекопитающих* в творческом наследии декабриста единичны. В этой самой малочисленной серии (всего 6 листов) есть крот сибирский, землеройка, горностай и степной конек. Два из них сопровождаются целым рядом деталей, важных для определения их систематической принадлежности. Возможно, млекопитающие интересовали наблюдателя лишь постольку, поскольку они являются пищей для птиц. Эти листы не столь блистательны, как орнитологические. Их немногочисленность не дает оснований для каких-либо серьезных обобщений или выводов, но подтверждает, что научная ориентация П.И. Борисова как систематика достаточно широка.

Совершенно очевидно, что, как и в случае с орнитологическими акварелями, П.И. Борисов и в ботанических, и в энтомологических, и в иных естественнонаучных трудах стремился создать первую полноценную систематическую региональную сводку флоры и фауны изучаемого им региона. Именно это определяет место декабриста П.И. Борисова в истории науки.

О.А. Александровская

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ РУКОПИСИ "ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ФАВНА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ"

Публикуемый труд П.И. Борисова "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" – самое значительное из известных в настоящее время его сочинений естественнонаучного содержания. Труд этот был написан П.И. Борисовым в годы сибирской ссылки, но явился результатом наблюдений за живой природой, которые вели оба брата Борисовы в течение всей жизни независимо от условий, в которых они оказывались. Такой труд мог быть создан, кроме того, только благодаря необыкновенным научным познаниям Петра Ивановича и его художественной одаренности. Своей эрудиции и технике акварельной живописи он был обязан самому себе, "собственному старанию и желанию образовать себя", так как обучение братьев было ограничено знаниями, как об этом говорилось выше, полученными дома от отца – майора в отставке, и курсом военных наук, прослушанных в годы армейской службы.

Названный труд дошел до нашего времени в рукописи, которая хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, куда она поступила от неизвестного лица в 1932 г. вместе с семью альбомами, содержащими акварельные рисунки П.И. Борисова, посвященные фауне и флоре Восточной Сибири. Собранию присвоены шифры: "Рук. 669" и "Рук. 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521"; альбомы, содержащие рисунки птиц, 515–518. На форзацах рукописи и альбомов наклеены экслибрисы с надписью: "Библиотека Н.И. Булычова" и родовым гербом этой семьи.

Николай Иванович Булычов – последний известный владелец данного собрания работ П.И. Борисова, общественный деятель, коллекционер и краевед, занимавшийся изучением Калужской губернии XIX – начала XX в. Материалы декабриста он получил от своего отца, Ивана Демьяновича Булычова, крупного петербургского чиновника, некоторое время служившего в Сибири.

Рукопись и альбомы с рисунками птиц имеют одинаковое заглавие: "Орнитология Восточной Сибири" (Л. 1), на титульном листе рукописи подзаголовок: "Описание пород птиц, находящихся в Восточной Сибири, И. Булычова. Рисунки П.И. Борисова" (Л. 2), на картонных, обтянутых кожей крышках альбомов – аналогичное дополнение к заглавию: "Рисунки Борисова". И.Д. Булычов таким образом считал возможным выдать себя за автора труда, а декабриста назвать иллюстратором, тогда как сама рукопись – содержание заключенной в ней монографии, ее оформление и следы технической подготовки к изданию – говорят об авторстве П.И. Борисова. Впервые автором труда "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" П.И. Борисов был назван В.В. Сорокиным, известным специалистом по истории Москвы

и, в частности, Московского университета, знатоком фондов его библиотеки. В.В. Сорокин обратил внимание на полное совпадение биографических сведений, сообщаемых о себе автором труда на его страницах, с биографией П.И. Борисова и на полное их несоответствие биографии И.Д. Булычова[1]. Всех остальных аспектов этой проблемы В.В. Сорокин не касался, так как специально рукописью не занимался. Об авторстве П.И. Борисова речь пойдет впереди. Здесь же обратим внимание только на отличие авторского названия труда – "Орнитологическая фавна Восточной Сибири", под которой он печатается, от владельческого – "Орнитология Восточной Сибири".

Объем рукописи – 494 листа. При создании архивной пагинации один лист был пропущен, поэтому в рукописи содержатся пронумерованными 393 листа и один лист повторный – 39а. Помимо архивной пагинации, на значительной части листов имеется постраничная авторская пагинация, по разделам.

Без текста, чистыми, остались 56 листов (29–30, 36–38, 44–45, 55–57, 63–65, 101–107, 119–120, 128–129, 159, 161–162, 169–170, 174–175, 194–195, 225–226, 257–258, 278–279, 305, 337–338, 341, 343–344, 370–371, 390, 393, 404–405, 410–411, 433, 435–436). Текст отсутствует также и на оборотах 31 листа (1–2, 4–5, 39а, 55, 63, 81, 87, 101, 160, 172, 183, 192–193, 212, 223–224, 255–256, 303, 342, 368, 377, 382, 392, 402, 409, 424, 437, 476).

Таким образом, текст занимает 438 листов без 31 оборота.

Бумага, на которой написана рукопись, имеет следующие штемпели[2]:

1. "Фабрики /2/[3] Аристархова" типа Клепиков № 9, 185...г[4]. (л. 6–28, 39–39а, 66–81, 118, 121–126, 160, 163–168, 196–212, 256, 319–335, 342, 345–368, 391–402, 434, 437–468. Всего 159 л.).

2. "Аристархова /4/ фабрики" типа Клепиков № 3, 1844–1854 гг. (л. 31–36, 315–318, 469–471. Всего 13 л.);

3. "La roche Ducher le Jeune et C°/Anguleme [по овалу] // [корона (в овале)]" типа Клепиков № 253, 1842, 1846–1848 гг. (л. 40–43, 58–63, 108–113, 116–117, 171–172, 336–341, 403, 406–408, 424–433, 472–475. Всего 42 л.); 1844 г. (л. 130–137, 173, 176–192, 213, 216–223, 259–276, 304, 306–314; Всего 64 л.);

6. [Трехэтажное здание с флагом (дворец, парламент?)]. У Клепикова отсутствует (л. 138–159, 383–390. Всего 30 л.);

7. Штемпель, идентичный описанному выше под № 5, но с цифрой /4/ (л. 224, 227–237, 476–485. Всего 22 л.);

8. "[Корона] // BATH" типа Клепиков № 230, 1844–1846 гг. (л. 277, 280–303, 369, 372–382. Всего 37 л.);

9. "[Корона] // BATH/FINE [в овальной рамке с надписью]", у Клепикова отсутствует (л. 409, 412–423. Всего 13 л.).

Пять штемпелей принадлежат известным русским бумажным фабрикам XIX в.: Аристархова, расположенной в Калужской губернии, Асеева – в Архангельской губернии, Сергиевской, находившейся во Владимирской губернии; два штемпеля – английской фабрике из города Бата, которая произво-

---

[1] См.: *Сорокин В.В.* Природоведческие альбомы декабриста П.И. Борисова // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 44–47.

[2] Штемпели приводятся в порядке появления их в рукописи.

[3] Цифры в косых скобках внутри текстов штемпелей обозначают сорт (тип) бумаги.

[4] 1850-е годы.

дила бумагу высшего сорта под марками BATH, BATH/FINE, BATH/SUPER FINE; один штемпель говорит о принадлежности бумаги французской фирме "La roche Ducher le Jeune et C°/Anguleme"; штемпель 6 остается неопределенным. В справочнике Клепикова датированы 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8 штемпели; их крайние даты – 1842–1850-е годы.

Внутри рукописи штемпели разных фабрик перемежаются между собой целыми тетрадями или отдельными листами, согласно делению самого текста на разделы, соответствующие описаниям птиц по их видам и родам. Бумага в своей значительной части, очевидно, принадлежала П.И. Борисову или, во всяком случае, признавалась им пригодной для создания рукописи. Обратим внимание на то, что листы 256 и 304, которые содержат надписи, сделанные рукою только самого автора, помечены штемпелями 1 и 5 и, следовательно, принадлежат к тому сорту бумаги, на которой написаны 159 листов рукописи. Отметим также, что сочинение П.И. Борисова "Записка о муравьях", которое хранится в ОПИ ГИМ и публикуется в настоящей книге, написано полностью рукою декабриста на бумаге со штемпелем 9, тетрадь же, в которую вплетен этот труд, на титульном листе и форзацах имеет штемпель 5.

56 листов рукописи резко отличаются от остальных. Они более плотные и в то же время более рыхлые, края некоторых листов стали от времени бахромчатыми и пожелтели более остальных. На бумаге такого сорта нет каких-либо текстов, которые принадлежали бы П.И. Борисову, тогда как на листах 1–5 сохранились тексты, внесенные в рукопись И.Д. Булычовым (об их содержании будет сказано ниже), все остальные листы, относящиеся к этой же группе, чистые; из такой же бумаги изготовлены форзацы переплета тома.

В рукописи можно различить почерки семи переписчиков. Текст между ними делится по тому же принципу, что и бумага по имеющимися на ней штемпелями: отдельными "порциями" разного объема и даже отдельными листами, следующими друг за другом не подряд, а частями, в разбивку; в целом же "порции" переписчиков подчинены общей структуре рукописи, ее делению на описания птиц, сгруппированных по их видам и родам. Каждый переписчик при этом отдавал предпочтение тому или иному сорту бумаги. Не все переписчики выполняли требование автора к оформлению текста: во многих случаях шмуцтитулы оформлены не полностью, не всегда вписаны колонтитулы и соблюдены поля, не говоря об элементарных ошибках и описках.

Исходя из сказанного, можно представить себе организацию работы по созданию дошедшего до нас тома: П.И. Борисов передавал переписчикам текст законченными разделами в тетрадях, а также отдельные листы, необходимые для озаглавливания разделов в будущей книге. Возможно, он снабжал переписчиков бумагой. Полученный – тоже в тетрадях и листах – текст, скопированный переписчиками, П.И. Борисов правил и редактировал. Повторим, П.И. Борисов правил и редактировал текст именно в тетрадях и листах, в таком виде материал и поступил во владение И.Д. Булычову. В единый том все они были собраны И.Д. Булычовым без участия автора, о чем свидетельствуют многие погрешности в организации и техническом оформлении текста, а также безуспешная попытка И.Д. Булычова подготовить монографию к изданию.

При такой организации работы собственноручные тексты П.И. Борисо-

ва должны были у него остаться, подобно тому как остался автограф "Записки о муравьях", поэтому не исключена возможность их появления в поле зрения исследователей. Обращает на себя внимание и другой момент. П.И. Борисов отдавал свой труд для копирования одновременно нескольким переписчикам, работавшими по-разному и не всегда достаточно квалифицированно. Это не могло не усложнять работу автора по подготовке рукописи к изданию, хотя и убыстряло ее ход. При исключительной требовательности Петра Ивановича к своим работам во всех отношениях, в том числе и к эстетической стороне их оформления, такой подход к созданию рукописи можно объяснить только тревогой за судьбу задуманного грандиозного труда, за возможность его опубликования.

Составленная нами схема 1, помещенная в конце статьи, представляет современное состояние рукописи, в том числе содержание труда, архивную систематизацию материала, оформление текста, а также следы "борьбы" владельца с автором при предпринимавшейся каждым из них и не завершенной попытке подготовить труд к изданию. Схема помогает понять, почему для настоящей его публикации потребовалась предварительная работа по восстановлению авторского варианта организации и оформления текста (с. 306–319 наст. изд.).

В схеме приведены заголовки всех разделов, их нумерация, а также авторская и архивная пагинация. Согласно правилам публикации исторических памятников, тексты заголовков даны по последней правке в рукописи – это правка И.Д. Булычова. Заметим, что большинство заголовков сохранили авторскую формулировку, и в данном случае не имеет значения, написаны ли они собственноручно П.И. Борисовым или рукою переписчиков. Записи и пометы И.Д. Булычова, известные нам, имеются только на том экземпляре его книги "Путешествие по Восточной Сибири" (СПб., 1856), который принадлежал ему и хранится ныне в библиотеке МОИП.

Рукопись, как это видно по схеме, содержит описание исследования видов птиц, относящиеся к двадцати родам, которые, в свою очередь, составляет четыре порядка. При этом "5-й" род состоит из шести отделений[5]. На схеме, как и в самой рукописи, "порядки" обозначены римскими цифрами, "роды" – арабскими; "виды" в рукописи не имеют нумерации, и поэтому их номера на схеме заключены в круглые скобки. Описания четырех видов птиц – длиннохвостой совы, караульщика, черногорлой пастушечки, золотистого подорожника – имеют повторные варианты, отчего номера 10, 20, 32, 48 в схеме встречаются дважды; в двух вариантах описаны и общие признаки сорокопудов[6] (л. 139–149 и 196–202).

Фигурными скобками выделены заголовки и подзаголовки, имеющиеся на лицевых, а иногда и на оборотных сторонах шмуцтитулов (л. 4, 5, 6–6 об., 66–66 об., 118–118 об., 127–127 об., 160, 173–173 об., 193, 213–213 об., 224, 256, 227–227 об., 304–304 об., 319, 342, 369–369 об., 409, 434, 476). Шмуцтитулы должны были разделять описания птиц по их "порядкам" и "родам", выделяя таким образом основные части текста. Разделы, посвященные об-

[5] Сведения о принятой П.И. Борисовым систематизации птиц, созданной его современником, членом МОИП, голландским орнитологом К. Темминком, и ее соотношение с современной, см. выше в статье "Борисов-орнитолог".

[6] Здесь даются только те названия птиц, которые были приняты П.И. Борисовым.

щим признакам птиц одного рода, а также описаниям птиц каждого вида, имели разного типа заголовки, что и отражено на схеме.

Схема позволяет увидеть предполагавшиеся П.И. Борисовым построение и оформление его труда, а также нарушения, которые были внесены в его замысел И.Д. Булычовым и сознательно, и, видимо, по небрежности.

Нет нужной последовательности в описаниях ряда хищных птиц внутри соколиного рода: описания птиц первого отделения этого рода – дербничка и пустельги – разобщены (л. 18 об., – 20 и 31–35 об.), при этом описание пустельги оказалось между описаниями птиц третьего и четвертого отделений соколиного рода; описание пустельги другого вида – перепелятника, относящегося к третьему отделению соколиного рода (л. 39–39а), находится в разделе, обозначенном как первое отделение этого рода, что привело к нарушению авторской пагинации: страницы 4–6 оторваны от страниц 1–3. Раздел, посвященный 57 роду (л. 256–278 об.), помещен внутри описаний птиц 61 рода, в силу чего последний распался на две части (л. 252–255 и 277–303). Оказались разобщенными все параллельные описания одних и тех же птиц, имеющиеся в рукописи; долгохвостой (длиннохвостой) совы (л. 78 об. – 79 об. и л. 82–89), сорокопуда (л. 138–149 и 196–202), караульщика (л. 149 об. – 158 об., и 202 об. – л. 206 об.); черногорлой пастушечки (л. 252–255 и 292–295); золотистого подорожника (л. 383–389 об. и 398–402). Первая часть описаний сорокопуда и караульщика, кроме того (л. 138–158), неправомерно расположена между описаниями птиц 17 и 27 родов, хотя сами относятся к 34 роду.

Основным разделам рукописи предшествуют шмуцтитулы – "особенные заглавные листы", как их назвал автор.

Двух шмуцтитулов не хватает, перед 10 и 60 родами птиц, в то же время два шмуцтитула лишние (л. 4, 5), так как за ними следует шмуцтитул, предназначенный для того же 5 рода птиц, оформленный более полно (л. 6–6 об.). "5 род" назван И.Д. Булычовым "IV родом". Шмуцтитулы, стоящие перед разделами, заключающими в себе описание птиц 28, 63 и 66 родов (л. 173–173 об., 304–304 об., 369–369 об.), имеют полный набор заголовков и подзаголовков, требовавшихся автором: название труда, номер и название "рода" на русском языке на лицевой стороне, на оборотной – номер "порядка", к которому этот "род" относится, и его название по-латыни. В остальных случаях на шмуцтитулах каких-то элементов заголовков не хватает. На 16 шмуцтитулах имеется заглавие труда в варианте П.И. Борисова "Орнитологическая фавна Восточной Сибири", но в пяти случаях оно переправлено И.Д. Булычовым на "Орнитологию Восточной Сибири" (л. 6, 118, 160, 173, 256), в 11-ти авторское заглавие сохранилось (л. 66, 193, 224, 277, 304, 319, 342, 369, 409, 434, 476), на четырех шмуцтитулах заглавие труда вообще отсутствует (л. 4, 5, 127, 213), на трех – добавлены даты: 1847 г. (л. 409, 476), 1848 г. (л. 224). Не все они находятся на правильном месте, перед тем родом птиц, для которого предназначены.

Заголовки и подзаголовки более мелких частей текста не отличаются единообразием: некоторые из них повторяют полностью или частично заглавия, имеющиеся на шмуцтитулах, некоторые попали не на свое место (л. 31, 46, 82, 88, 114, 149 об., 238, 244, 252, 315, 386, 469); род воронов остался без латинского названия (л. 108), в заголовке рода воробьев помещено не

одно, как обычно, латинское название, а два, со ссылками на имена тех ученых, которым эти названия принадлежали (л. 477).

Тексты рукописи на л. 1–5 перенесены в схему полностью: на л. 2 И.Д. Булычов называет себя автором труда, а П.И. Борисова – иллюстратором сочинения, на л. 1 дает собственное название труда П.И. Борисова, на л. 3–3 об. помещает как бы оглавление монографии, состоящее из 16 позиций, из которых только первые четыре соответствуют содержанию рукописи.

Публикация рукописи требовала в связи со сказанным реконструкции текста: приведения в логический порядок его построения, что повлекло за собой перестановку многих разделов в целях создания должной иерархии "порядков", "отделений", "родов", "видов", которая соответствовала бы систематизации птиц, принятой П.И. Борисовым, а также приведения к единообразию оформления текста по этим его разделам соответственно замыслу автора. Для того чтобы по возможности осуществить такую реконструкцию, потребовалось прежде всего выявить и изучить имеющиеся в тексте рукописи правку и редактирование, принадлежащие П.И. Борисову.

Отметим присутствие руки П.И. Борисова почти на каждой странице рукописи, что позволяет приравнять ее к автографам декабриста[7].

Поскольку вся авторская правка в данной публикации выделена курсивом и сам текст в необходимых случаях прокомментирован, здесь обратим внимание лишь на некоторые моменты, характеризующие работу П.И. Борисова над рукописью и организацией материала при подготовке ее к печати. Им исправлены многие ошибки, допущенные переписчиками при копировании текста: внесены пропущенные ими слова, цифры, знаки препинания; подправлены буквы и слова, написанные, как ему представлялось, недостаточно ясно; поправлены слова, неправильно понятые. Большое внимание уделено автором проверке и исправлению научных терминов на русском и особенно на иностранном языках, именам ученых и путешественников, географическим названиям, которыми изобилует рукопись; П.И. Борисов внес в текст многочисленные уточнения и добавления, сделал сноски и отсылки. Значительная часть текста сохранила авторскую пагинацию. Нумеровал страницы своего сочинения П.И. Борисов по основным разделам – "родам". Характер такой нумерации страниц позволяет предположить, что он хотел видеть свою книгу с раздельной пагинацией, как это нередко делалось в его время, но не исключено, то это след той организации работы по переписке рукописи, о которой говорилось выше, – передачи переписчикам текста отдельными тетрадями.

Рукопись сохранила следы работы автора над созданием шмуцтитулов по определенной форме. На листе 192 видна едва заметная запись П.И. Борисова карандашом: "Насекомоядные, род 57. №. Необходимо для 57 рода написать особенный заглавный лист". Трудно сказать, почему именно на этом листе П.И. Борисов сделал для себя такую заметку, поскольку здесь кончается текст, посвященный птицам 28 рода, которых от 57 рода отделяют 34 и 54. Важно другое, именно эта запись говорит о том, что ав-

[7] Определить почерк П.И. Борисова в данной рукописи дают возможность его несомненные автографы: труды, заметки, письма, хранящиеся в архивах разных учреждений.

тор следит за тем, чтобы перед разделами его книги, посвященными определенному роду, были "особенные заглавные листы", или, иначе говоря, шмуцтитулы.

П.И. Борисов следил и за тем, чтобы порядок, к которому относится данный род, указывался на оборотной стороне заглавного листа. Об этом свидетельствует тот факт, что на обороте того же 192 листа, на лицевой стороне которого сделана приведенная запись, он зачеркнул весь текст, помещенный там под заголовком: "Порядок III. Insectivores", по своему объему и содержанию аналогичный текстам, которые помещались на обороте шмуцтитулов, как текст, попавший не на свое место, – на оборот обычного, а не "заглавного" листа, и, кроме того, еще раз написал: "Род 57", определяя таким образом тексту правильную позицию. И еще в двух случаях П.И. Борисов над подобным текстом ввел соответствующие заголовки: "Порядок I. Rapaces" (л. 66 об.); "Порядок II. Omnivores" (л. 118 об.). Тексты для обратных сторон шмуцтитулов, о которых идет речь, состояли из краткого перечня важнейших особенностей птиц данного "порядка". Они имеются на восьми листах (л. 6 об., 66 об., 118 об., 127 об., 173 об., 213 об., 277 об., 369 об.).

Несмотря на все усилия автора, задуманные им "особенные заглавные листы" так и не были сделаны в необходимом оформлении и количестве ни переписчиками, ни владельцем рукописи.

В рукописи сохранились колонтитулы, надписанные самим П.И. Борисовым, помимо тех, которые были внесены переписчиками по его образцам. Слева на развороте (на оборотных сторонах листов) помещалось заглавие сочинения в сокращенном виде: справа (на лицевой стороне листа) – название и номер рода, описываемых в данном разделе птиц. Перечислим все колонтитулы, принадлежащие руке П.И. Борисова: "Орнитологическая фавна" (л. 197 об., 202 об., 345 об., 360 об.); "Всеядные. Род 17" (л. 131, 134); "Всеядные. Род 24" (л. 136); "Насекомоядные. Род 28" (л. 177, 184, 196); "Насекомоядные. Род 34" (л. 197, 198, 200, 203, 207); "Насекомоядные. Род 54" (л. 217, 218, 223); "Насекомоядные. Род 57" (л. 260, 264, 265); "Насекомоядные. Род 61" (л. 281, 286, 296); "Насекомоядные. Род 63" (л. 307, 310); "Зерноядные. Род 65" (л. 346, 349, 352, 360, 361, 363, 365, 367, 368); "Зерноядные. Род 66" (л. 373). Сомнения в том, что П.И. Борисов имел желание выпустить свою книгу с колонтитулами, быть не может, но оформление рукописи и в этом плане завершено не было ни при его жизни, ни при попытке ее издания впоследствии.

Шмуцтитулы и колонтитулы, сохранившие собственноручные подписи П.И. Борисова, позволили установить заглавие работы, данное ей автором – "Орнитологическая фавна Восточной Сибири".

П.И. Борисов занимался унификацией заголовков, разделов всех "ступеней". Обязательным для него было название каждого рода и каждого вида в заглавии не только на русском языке, но и на латыни. Латинские названия птиц им самим вписаны во многих случаях (л. 40, 41, 48, 59 об., 78 об., 116, 130, 135, 163, 166, 171, 227, 231, 234, 236, 324, 332 об., 336, 406, 424, 472, 477, 480, 482, 484 об.); в трех заголовках латинские названия птиц он заменил л. 19, 39, 78 об.

Большое внимание П.И. Борисов уделил той рубрике каждого описания, которую он выделял в их конце под названием: "Синонимия". Под "Синони-

мией" автор подразумевал перечень названий птиц, данных им самим, местных и научных, с указанием имен естествоиспытателей, которые эти названия предложили или их придерживались. За редким исключением, все синонимии П.И. Борисовым выправлены, многие же написаны им самим полностью (л. 43 об., 63, 79 об., 81, 117 об., 168 об., 172, 267 об. – 268, 318 об., 335, 340 об., 382, 408–408 об., 432 об., 475 об., 481 об., 484, 485 об.)[8].

В предлагаемом вниманию читателей издании труда П.И. Борисова учтены и, по возможности, выправлены названные здесь нарушения авторского замысла, касающиеся расположения разделов в рукописи и оформлении текста. При таком подходе к публикации пришлось нарушить архивную пагинацию, а также внести в тест заглавия всех основных частей труда, созданные по образцам заголовков, имеющихся на максимально полно оформленных шмуцтитулах.

Отсылки, содержащиеся в рукописи, связаны с разметкой самих рисунков, сделанной также П.И. Борисовым. Для того чтобы представить себе систему этих взаимосвязанных отсылок и разметки, находившихся в тетрадях П.И. Борисова, с текстом и рисунками, а также нарушения, внесенные в нее И.Д. Булычовым, необходимо принять во внимание структуру и оформление не только рукописи, о чем говорилось выше, но и альбомов.

Напомним, что П.И. Борисовым по заказу И.Д. Булычова было выполнено 179 рисунков птиц[9], которые вошли в 4 альбома. На крышках альбомов вытеснено золотом: "Орнитология Восточной Сибири. Рисунки Борисова", а также номера "1", "2", "3", "4"[10]. На многих акварелях сохранились названия птиц на русском, латинском и французском языках внизу справа, а также номера тетрадей римскими цифрами, номера же рисунков в этих тетрадях – арабскими у верхнего края листов; все надписи сделаны рукою П.И. Борисова[11]. Такая двойная нумерация рисунков показывает, что собирались и хранились они автором в тетрадях. Основная часть акварелей, предназначавшаяся для публикуемого текста, была сосредоточена в тетрадях I–X, и только три из них помещались в тетрадях XVI–XVII. Не все надписи можно прочитать, так как они были обрезаны владельцем при расклейке акварелей из тетрадей по альбомам. Сохранившиеся надписи, или их фрагменты, тем не менее позволяют увидеть, что рисунки в альбомах расположены не в той последовательности, в какой они размещались в тетрадях, что последовательность их при расклейке листов из расшитых с этой целью тетрадей была нарушена, как и при

---

[8] В синонимиях сохранены сокращения имен естествоиспытателей, которых придерживался автор.

[9] Такое количество рисунков – еще одно подтверждение той мысли, что публикуемый труд дошел до нашего времени не полностью. В этом убеждает и то обстоятельство, что авторские пометы сохранились частично и на тех акварелях, которые не имеют параллельного текста.

[10] Поскольку в Отделе редких книг и рукописей библиотеки Московского университета, где хранятся альбомы, им присвоены шифры "Рук. 515, 516, 517, 518", мы будем далее их нумеровать 1(515), 2(516), 3(517), 4(518).

[11] Такая же разметка сохранилась на нескольких рисунках растений, что является одним из свидетельств подготовки П.И. Борисовым к печати и ботанического труда или каких-либо его намерений в этом направлении. В то же время заметим, что акварели собраний других владельцев подобным образом не перемечены.

нумерации владельцем самих альбомов. Так, скажем, рисунки хищных птиц (I порядка), с описания которых начинает свой труд П.И. Борисов, находятся в альбоме 2(516), в то время как рисунки многих зерноядных птиц, отнесенных к IV порядку, начинают альбом 1(515).

Произвольные заглавие и нумерация альбомов, произвольное и небрежное отношение к самим рисункам – показатель того, что альбомы формировались И.Д. Булычовым уже после смерти П.И. Борисова, по всей видимости, одновременно с дошедшим до нас томом рукописи.

Все отсылки к рисункам сделаны П.И. Борисовым по единой форме. Приведем одну из отсылок, которая следует за описанием белохвостика: "Атлас, т[етрадь]. V, рис. 4, 5, 6 и 7" (л. 233 об.). В альбоме 3(517) рисунки этой птички, к которым обращена данная отсылка, находятся на листах 2, 3, 4, 5. Сохранившийся здесь авторский текст читается следующим образом: "белохвостик с[амк]а" (л. 2); "V-4, белохвостик с[амец]" (л. 3); "V-7, белохвостик пт[енец]" (л. 4); "V-6, белохвостик с[амец]" (л. 5). Как видим, в рукописи тетради имеют нумерацию римскими цифрами, акварели – арабскими, как и на самих рисунках в альбоме. Соединив таким образом рисунки и их описания двойными номерами, П.И. Борисов определил отбор иллюстраций для своего труда. Кроме того, отсылки к рисункам говорят о его намерении издать их не в тексте книги, а отдельным Атласом. Возможно, именно для задуманного Атласа П.И. Борисов заготовил рисованный титульный лист – это рисунок, находящийся на первом листе альбома 3(517), на котором художником создана рамка из гирлянды цветов с летящими и сидящими на ветвях птицами, обрамляющей середину листа, оставленную пустой, как можно думать, для заглавия книги.

В рукописи сохранились заметки И.Д. Булычова, являющиеся следами начатого им отбора рисунков для Атласа. Он отметил и перенумеровал всего 10 рисунков, следуя в основном за автором, лишь с той разницей, что добавил три акварели (королевского коршуна, мохноногого сарыча, пугача).

О том, что И.Д. Булычов начинал, но не завершил подготовку рисунков птиц П.И. Борисова к изданию, можно также судить по их особому оформлению в альбомах. Только листы с рисунками птиц заключены в рамку, нанесенную черной тушью по основному листу альбома. Над рамкой помещены трафареты для подписей к рисункам: "Лист..., Орнитология Восточной Сибири, Разряд..., Род..., Отдел..."; под рамкой многоточием отмечены места для названия птиц на трех языках.

Известна еще одна попытка опубликования рисунков П.И. Борисова в прошлом. Она связана с именем Н.А. Северцова, которому И.Д. Булычов предоставил возможность с ними ознакомиться. В 1867 г. Н.А. Северцов готовил к печати труд "Орнитология и орнитологическая география Европейской и Азиатской России". В проспекте названного труда Н.А. Северцов отметил, что имел возможность пользоваться неопубликованными многолетними наблюдениями за птицами "около Иркутска и в верховьях Лены", переданных ему И.Д. Булычовым. "Сверх того, – писал Н.А. Северцов, – мне для этого издания г-н Булычов предоставил свой богатый альбом сибирских птиц, из которого я выбрал 110 рисунков 84 видов, превосходно сделанных с

живых экземпляров г-ном Борисовым в Иркутске"[12]. Названный труд, однако, издан не был.

Труд П.И. Борисова остался незавершенным. Даже наиболее полный вариант, выполненный по заказу И.Д. Булычова, состоит из 84 очерков, посвященных характеристике 20 родов и 60 видов птиц, и Атласа в 179 акварелей, изображающих 110 видов птиц. Таким образом, 45 видов не имеют текстовых характеристик. Всего, судя по упоминаемым в публикуемой ныне рукописи, автор наблюдал не менее 123 видов птиц. В настоящем издании мы публикуем изображения только 35 видов, по одному представителю "рода" (см. цветную вклейку).

Имеющиеся в рукописи даты и некоторые косвенные признаки позволяют установить время работы П.И. Борисова над задуманным трудом, а также время создания данной рукописи. Самый ранний год в тексте – 1815, самый поздний – 1854. Эти даты говорят о том, что труд, посвященный птицам, явился результатом научных изысканий П.И. Борисова на протяжении всей его творческой жизни. Точные числа, мелькающие на страницах рукописи, относящиеся к сибирскому периоду жизни братьев Борисовых, свидетельствуют о том, что они вели свои природоведческие наблюдения, задуманными в каторжных тюрьмах и, главным образом, уже на поселении.

Нужно иметь в виду, что в рукописи прямо ни местá их заключения, ни местá поселения не названы, а обозначены иносказательно. В некоторых случаях такие обозначения удалось расшифровать и отметить в примечаниях. Для лучшего понимания текста книги еще раз напомним основные вехи жизненного пути Андрея Ивановича и Петра Ивановича Борисовых: их юность и годы военной службы, на которую они вступили в 1816 г., а также их политической деятельности, прошли в Малороссии, в 1819 г. они были отправлены на Кавказ для участия в военных действиях против горцев, в 1820 г., братья некоторое время жили в Петербурге, куда были посланы для получения офицерского звания. После ареста, после Петропавловской крепости и суда летом 1826 г., они были отправлены в Сибирь. Каторжные работы отбывали на Александровском винокуренном заводе возле Иркутска, на Благодатском руднике, расположенном близ границы с Китаем, в 1827–1830 гг. находились в Читинском остроге, в 1830–1839 гг. – в Петровской тюрьме, в июле 1839 г. были обращены на поселение, сначала им пришлось жить в деревне Подлопатки Верхнеуденского уезда Иркутской губернии, а с июля 1841 г. в деревне Малой Разводной близ Иркутска. Братья скончались в один день 30 сентября 1854 г., Петр Иванович – от удара, Андрей Иванович покончил с собою.

К созданию непосредственно данной рукописи П.И. Борисов приступил в 1847 г. С этого времени начинается его работа по заказу И.Д. Булычова, отмеченная декабристом в "Книге доходов": 1847 год, дата, поставленная им на двух шмуцтитулах. Штемпели, имеющиеся на отдельных сортах бумаги, а также самые поздние даты в тексте – 1853–1854 гг. говорят о том, что значительная часть рукописи переписывалась переписчиками и редактировалась автором уже в 1850-х годах, причем работа эта велась до последних дней жизни П.И. Борисова. И.Д. Булычов получил труд П.И. Борисова – текст описаний птиц и рисунки к ним, как об этом говорилось ранее, в тет-

[12] Архив МОИП. Ед. хр. 422. Л. 26 об.

радях: они были переплетены в дошедшие до нас том рукописи и альбомы с рисунками не ранее 1856 г., так как только после амнистии декабристов, последовавшей 26 августа 1856 г. И.Д. Булычов мог поместить имя П.И. Борисова на титульном листе рукописи и на крышках альбомов. Не исключено, что в свое время автор дал согласие И.Д. Булычову на издание своего труда под именем заказчика, так как тогда иной возможности опубликовать монографию не было. Однако и после амнистии И.Д. Булычов продолжал выдавать труд П.И. Борисова за свой, неоднократно называя декабриста только художником.

Ниже приводятся две схемы структуры рукописи П.И. Борисова "Орнитологическая фавна Восточной Сибири".

Схема 1
Структура рукописи. Архивное состояние

В схеме учтены текст и правка И.Д. Булычова; шмуцтитулы отмечены фигурными скобками; через косую черту приводится пагинация П.И. Борисова; в круглых скобках проставлены номера описаний 60 видов птиц с учетом их истинной последовательности, в которой они публикуются (см. схему 2) в настоящей книге.

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
–	Л. 1 Л. 2	Орнитология Восточной Сибири. Описание птиц, находящихся в Восточной Сибири, И.Д. Булычова. Рисунки П.И. Борисова.
–	Л. 3–3 об.	Разделение пород по методе Темминка. Род I. Хищные. Род II. Всеядные. Род III. Насекомоядные. Род IV. Зерноядные. Род V. Зигодактили. VI. Анизодактили. Род VII. – Род VIII. Хелидоны. Род IX. Голуби. Род X. Куропятые. Род XI. Алекториды. Род XII. – Род XIII. Ходульницы. Род XIV. Бахромчатые. Род XV. Перепончатые. Род XVI. Разряд I. Хищные. Rapaces.
–	Л. 4	Род IV. Соколы, орлы, ястребы,
–	Л. 5	коршуны. 1. Дербничок; 2. Пустельга; 3. Крикун; 4. Перепелятник; 5. Королевский коршун; 6. Мохнатоногий сарыч; 7. Чилижник.

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
34	Л. 6 Л. 6 об.	Орнитология Вос[точной Сибири]. Хищные. Род 5 Разряд I. Rapaces
34–39	Л. 7–18/2–23.	Сокол. Falco
40	Л. 18 об./24	Настоящий сокол. Falco. Первое отделение соколиного рода
43–45	Л. 19–20/25–27 Л. 20 об.–25/1–10	Дербничок. Falco subbuteo (1) Орел. Falco aquila. Второе отделение соколиного рода
46	Л. 25 об.–27/11–14	Крикун. Falco noevius (3)
46–47	Л. 27 об.–28 об./1–3	Ястреб. Falco astur. Третье племя соколиного рода
41–43	Л. 31–35 об./27–35	Хищные. Род 5. Отделение первое. Пустельга. Falco tinnunculus (2)
47–48	Л. 39–39а	Пустельга. Falco nisus (4)
48–49	Л. 40–41	Коршун Milvus. Четвертое отделение соколиного рода
49–50	Л. 41 об.–43 об.	Королевский коршун. Falco milvus (5)
50–52	Л. 46–50	Хищные. Род 5. Сарыч. Falco buteo. Пятое отделение соколиного рода.
52–53	Л. 50 об.–55	Мохнатоногий сарыч. Falco lagopus (6)
53–54	Л. 58–59	Бюзард. Falco cyancus. Шестое отделение соколиного рода
54–57	Л. 59 об.–63	Чилижник. Falco cyancus (7)
58	Л. 66 Л. 66 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Хищные. Род 6 Порядок I
58–61	Л. 67–73/2–13	Сова. Strix
61–62	Л. 73 об.–76/14–19	Пугач. Strix bubo (8)
62–63	Л. 76 об.–78/20–23	Белый филин. Strix nyctea (9)
228–229	Л. 78 об.–79 об./24–26	Долгохвостая сова. Strix funerea (ранний вариант) (10)
63–64	Л. 80–81/27–30	Уральская сова. Strix uralensis (11)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
64–67	Л. 82 об.–87	Хищные. Род 6. Длиннохвостая сова. Strix funerea (окончательный вариант) (10)
68–72	Л. 88–101	Хищные. Род 6. Сыч. Strix otus (12)
73–77	Л. 108–113 об./2–12	Ворон
77–79	Л. 114–115 об.	Всеядные. Род 10. Пеганка. Corvus dahuricus (13)
79–81	Л. 116–117 об.	Сойка. Corvus glandarius (14)
81	Л. 118 Л. 118 об.	Орнитология Восточной Сибири. Всеядные. Род. 11 Порядок II
81–82	Л. 121–123 об./2–6	Кедровка. Nucifragus (15)
82–83	Л. 124–126 об./7–12	Кедровка. Nucifragus cargolactes
84	Л. 127 Л. 127 об.	Всеядные. Род 17 Порядок II
84–86	Л. 130–134 об./2–9	Свиристель. Bombycivora. Bombycilla
86–87	Л. 135–137 об./11–16	Обыкновенный свиристель или богемский Bombicivora garrula. Bombicilla (16)
100–107	Л. 139–149	Сорокопуд. Lanius (окончательный вариант)
107–113	Л. 149 об.–158 об.	Насекомоядные. Род сорокопудов. Караульщик. Lanius excubitor (окончательный вариант) (20)
88	Л. 160	Орнитология Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 27
88–89	Л. 163–165 об./2–6	Дрозд. Turdus
89–91	Л. 166–168 об./7–12	Белобровый дрозд. Turdus iliacus (17)
91–92	Л. 171–172/13–15	Седоголовый дрозд. Turdus pilaris (18)
92	Л. 173 Л. 173 об.	Орнитология Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 28 Порядок III. Insectivores
92–96	Л. 176–183/2–15	Русалка. Cinclus

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
96–99	Л. 184–192/17–33	Обыкновенная русалка. Cinclus aquaticus (19)
100	Л. 1931	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 34
229–231	Л. 196–202/2–13	Сорокопуд. Lanius (ранний вариант)
231–233	Л. 202 об.–206 об./14–22	Караульщик, серокопытка, или серый сорокопуд. Lanius excubitor (ранний вариант) (20)
113–115	Л. 207–212/23–33	Короткохвостный сорокопуд. Lanius brachiurus (21)
115	Л. 213 Л. 213 об.	Насекомоядные. Род 54 Порядок III
115–118	Л. 216–221 об./2–12	Мухоловка. Muscicapa
118	Л. 222–223/13–15	Серая мухоловка. Muscicapa grisea (22)
128	Л. 224	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 59. 1848 г.
128–130	Л. 227–230 об./1–8	Каменица. Saxicola
130–132	Л. 231–233 об./9–14	Белохвостик. Кочечник. Saxicola aenanthe (27)
132–133	Л. 234–235 об./15–18	Каменица черная. Saxicola rubicola (28)
133–134	Л. 236–237 об./19–22	Зарная каменица. Saxicola aurorae (29)
135–139	Л. 238–243 об.	Насекомоядные. Род 60. Кустарка. Accentor
139–144	Л. 244–251 об.	Насекомоядные. Род 60. Каллиопа. Accentor calliope (30)
149–152	Л. 252–255	Насекомоядные. Род 61. Черногорлая пастушечка. Motacilla melanope (окончательный вариант) (32)
119	Л. 256	Насекомоядные. Род 57
119–121	Л. 259–263 об./2–10	Лесничка. Sylvia

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
121–123	Л. 264–268 об./11–20	Лесничка. Sylvia sylvicola (23)
124	Л. 268 об.–270/20–23	Пеночка. Sylvia trohylus (24)
124–126	Л. 270–272 об./23–28	Варакушка. Sylvia svecica (25)
126–127	Л. 273–276 об./29–36	Кузнечик. Круглохвостый королек. Sylvia locustella (26)
144	Л. 277 Л. 277 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 61 Порядок III
145–147	Л. 280–285/2–11	Пастушечка. Motacilla
147–149	Л. 285 об.–292/12–25	Серая пастушечка. Motacilla cineria (31)
233–234	Л. 292 об.–295/26–31	Черногорлая пастушечка. Motacilla melanope (ранний вариант) (32)
152	Л. 295 об.–296 об./32–34	Весенница. Motacilla flava (33)
153	Л. 297–298 об./35–38	Желтобрюшка. Пастушечка соломенного цвета. Motacilla citreole (34)
153–155	Л. 299–303/39–47	Луговая пастушечка. Motacilla campestris (35)
155	Л. 304 Л. 304 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 63. Порядок III. Insectivores
155–156	Л. 306–208 об./2–6	Пипи. Anthus
157–158	Л. 309–311 об./7–12	Обыкновенная пипи. Anthus pratensis (36)
158–159	Л. 312–314 об./13–18	Зеленая пипи. Anthus veridis (37)
159–161	Л. 315–318 об.	Насекомоядные. Род 63. Кустарная пипи. Anthus arboreus (38)
161	Л. 319	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Род 64. Зерноядные
161–163	Л. 320–323 об./2–8	Жаворонок. Alauda
164–168	Л. 324–332/9–25	Фиалка. Полевой жаворонок. Alauda arvensis (39)
168–169	Л. 332 об.–335/26–31	Сибирский жаворонок. Alauda alpestris (40)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
169–171	Л. 336–336 об./33–34 Л. 339–340/35–38	Каландра. Alauda calandra (41)
171	Л. 342	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 65
171–174	Л. 345–353/2–17	Зинка [Зинька]. Parus
174–175	Л. 353 об.–356/18–23	Синичка. Parus major (42)
175–176	Л. 356 об.–358 об./24–28	Московка. Parus ater (43)
176–177	Л. 359–360 об./29–32	Монашенка. Parus palustris (44)
177–180	Л. 361–368/33–47	Долгохвостая малиновка. Parus caudatus (45)
180	Л. 369 Л. 369 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 66 Порядок IV. Granivores
180–182	Л. 372–377/2–11	Подорожник. Emberiza
182–184	Л. 378–382/12–19	Камышенки. Emberiza arundinacea (46)
184–188	Л. 383–389 об.	Зерноядные. Род подорожника. Золотистый подорожник. Emberiza aureola (окончательный вариант) (48)
188–190	Л. 391–391 об./21–22 Л. 394–397 об./23–30	Снежный подорожник. Emberiza nivalis (47)
234–236	Л. 398–402/31–39	Золотистый подорожник. Emberiza aureola (ранний вариант) (48)
190–192	Л. 403–403 об./41–42 Л. 406–408 об./43–48	Бодцоватый подорожник. Emberiza calcarata (49)
193	Л. 409	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 70. 1847 г.
193–194	Л. 412–418/2–9	Клест. Loxia
194–196	Л. 416 об./423/10–23	Обыкновенный клест. Loxia curvirostra (50)
197–202	Л. 424–432	Белопокромный клест. Loxia leucoptera (51)
202	Л. 434	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 72

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
202–204	Л. 437–443/2–13	Снегирь. Pyrrhula
205–207	Л. 443 об.–449 об./14–26	Обыкновенный снегирь. Pyrrhula europea (52)
207–211	Л. 450–463/27–53	Красавчик. Pyrrhula elegans (53)
211–213	Л. 463 об.–468 об./54–64	Червленец. Pyrrhula erythrina (54)
213–214	Л. 469–471 об.	Зерноядные. Род 72. Палласов снегирь. Pyrrhula rosea (55)
215–217	Л. 472–475 об.	Щур. Pyrrhula eneleator (56)
217	Л. 476	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 73. 1847 г.
217–218	Л. 477–479 об./2–6	Воробей. Fringilla Illig; Coecothraustes, Briss.; Loxia. Lath.
218–219	Л. 480–481 об./7–10	Горный воробей. Fringilla montana (57)
220–221	Л. 482–484	Домашний воробей. Fringilla domestica (58)
221–222	Л. 484 об.–485 об.	Чечетка. Fringilla linaria (59)
223–228	Л. 486 об.–493 об.	Зерноядные. Род 73. Юрок. Fringilla montifringilla (60)

Схема 2
Структура сочинения. Реконструкция авторского варианта

Заголовки разделов даются в редакции П.И. Борисова или по их образцам. В последнем случае они заключаются в квадратные скобки; шмуцтитулы отмечены фигурными скобками; через косую черту приводится пагинация П.И. Борисова; в круглых скобках проставлены номера описаний 60 видов птиц.

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
34	Л. 6 Л. 6 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Хищные. Род 5 Порядок I. Rapaces
34–39	Л. 7–18/2–23	Сокол
40	Л. 18 об./24	Настоящий сокол. Falco. Первое отд. соколиного рода
40	Л. 19–20/25–27	Дербничок. Falco subbuteo (1)
41–43	Л. 31–35 об./27–35	Пустельга. Falco tinnunculus (2)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
43–45	Л. 20 об.–25/2–20	Орел. Falco aquila. Второе отд. соколиного рода
46	Л. 25 об.–27/11–14	Крикун. Falco noevius (3)
46–47	Л. 27 об.–28 об./1–3	Ястреб. Falco astur. Третье племя соколиного рода
41–48	Л. 39–39а	Пустельга, Перепелятник. Falco nisus (4)
48–49	Л. 40–41	Коршун. Milvus. Четвертое отд. соколиного рода
49–50	Л. 41 об.–43	Королевский коршун. Falco milvus (5)
50–52	Л. 46–50	Сарыч. Falco buteo. Пятое отд. соколиного рода
52–53	Л. 50 об.–55	Мохнатоногий сарыч. Falco lagopus (6)
53–54	Л. 58–59	Бюзард. Falco circus. Шестое отд. соколиного рода
54–57	Л. 59 об.–63 об.	Чилижник. Falco cyaneus (7)
58	Л. 66 Л. 66 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Хищные. Род 6 Порядок I. Rapaces
58–61	Л. 67–73/2–13	Сова. Strix
61–62	Л. 73 об.–76/14–19	Пугач. Strix bubo (8)
62–63	Л. 76 об.–78/20–23	Белый филин. Strix nyctea (9)
63–64	Л. 80–81/27–30	Уральская сова. Strix uralensis (10)
64–67	Л. 82–87	Долгохвостая сова. Strix funerea (окончательный вариант) (11)
68–72	Л. 88–101	Сыч. Strix otus. (12)
73	Л. 107	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Всеядные. Род 10 Порядок II. Omnivores
73–77	Л. 108–113 об./2–12	Ворон. Corvus
77–79	Л. 114–115 об.	Пеганка. Corvus dahuricum (13)
79–81	Л. 116–117 об.	Сойка. Corvus glandarius (14)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
81	Л. 118 Л. 118 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Всеядные. Род 11 Порядок II. Omnivores
81–82	Л. 121–123 об./2–6	Кедровка. Nucifragus (15)
82–83	Л. 124–126 об./7–12	Кедровка. Nucifagus caryolactes
83	Л. 127 Л. 127 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Всеядные. Род 17 Порядок II. Omnivores
84–85	Л. 130–134 об./2–9	Свиристель. Bombycivora. Bombycilla
86–87	Л. 135–137 об./11–16	Обыкновенный свиристель или богемский. Bombycivora garrulla. Bombycilla garrulla (16)
88	Л. 160 Л. 160 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 27 Порядок III. Insectivores
88–89	Л. 163–165 об./2–6	Дрозд. Turdus
89–91	Л. 166–168 об./7–12	Белобровый дрозд. Turdus iliacus (17)
91–92	Л. 171–172/13–15	Седоголовый дрозд. Turdus pilaris (18)
92	Л. 173 Л. 173 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 28 Порядок III. Insectivores
92–96	Л. 176–183/2–15	Русалка. Cinclus
96–99	Л. 184–192/17–33	Обыкновенная русалка. Cinclus aquaticus (19)
100	Л. 193 Л. 193 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 34 Порядок III. Insectivores
100–107	Л. 138–149	Сорокопуд. Lanius (окончательный вариант)
107–113	Л. 149 об.–158 об.	Караульщик. Lanius excubitor (окончательный вариант) (20)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
113–115	Л. 207–212/23–38	Короткохвостый сорокопуд. Lanius brachiorus (21)
115	Л. 213 Л. 213 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 54 Порядок III. Insectivores
115–118	Л. 216–221 об./2–12	Мухоловка. Muscicapa
118	Л. 222–223/13–15	Серая мухоловка. Muscicapa grisea (22)
119	Л. 256 Л. 256	Род 57 Порядок III. Insectivores
119–121	Л. 259–263 об./2–10	Лесничка. Sylvia
121–123	Л. 264–268 об./11–20	Лесничка. Sylvia silvicola (23)
124	Л. 268 об.–270/20–23	Пеночка. Sylvia trohylus (24)
124–126	Л. 270–272 об./23–28	Варакушка. Sylvia suecica (25)
126–127	Л. 273–276 об./29–36	Кузнечик, или круглохвостый королек. Sylvia locustella (26)
128	Л. 224 Л. 224 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 59. 1848 г. Порядок III. Insectivores
128–130	Л. 227–230 об./1–8	Каменица. Saxicola
130–132	Л. 231–233 об./9–14	Белохвостик, или кочечник. Saxicola venantne (27)
132–133	Л. 234–235 об./15–18	Каменица черная. Saxicola rubicola (28)
133–134	Л. 236–237 об./19–22	Зарная каменица. Saxicola aurorae (29)
135	Л. 238	Род 60 Порядок III. Insectivores
135–139	Л. 238–243 об.	Кустарка. Accentor
139–144	Л. 244–251 об.	Каллиопа. Accentor calliope (30)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
144	Л. 277 Л. 277 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 61 Порядок III. Insectivores
145–147	Л. 280–285/2–11	Пастушечка. Motacilla
147–149	Л. 285 об.–292/12–25	Серая пастушечка. Motacilla cinerea (31)
149–152	Л. 252 об.–255	Черногорлая пастушечка. Motacilla melanope (окончательный вариант) (32)
152	Л. 295 об.–296 об./32–34	Весенница. Motacilla flava (33)
153	Л. 297–298 об./35–38	Желтобрюшка, или пастушечка соломенного цвета (34)
153–155	Л. 299–303/39–47	Луговая пастушечка. Motacilla campestris (35)
155	Л. 304 Л. 304 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Насекомоядные. Род 63 Порядок III. Insectivores
155–156	Л. 306–308 об./2–6	Пипи. Anthus
157–158	Л. 309–311 об./7–12	Обыкновенная пипи. Anthus pratensis (36)
158–159	Л. 312–314 об./13–18	Зеленая пипи. Anthus veridis (37)
159–161	Л. 315–318 об.	Кустарная пипи. Anthus arboreus (38)
161	Л. 319 Л. 319 об.	Зерноядные. Род 64 Порядок IV. Granivores
162–163	Л. 320–323 об./2–8	Жаворонок. Alauda
164–168	Л. 324–332/9–25	Фиалка, или полевой жаворонок. Alauda arvensis (39)
168–169	Л. 332 об.–335/26–31	Сибирский жаворонок. Alauda alpestris (40)
169–171	Л. 336–340 об./33–38	Каландра. Alauda calandra (41)
171	Л. 342 Л. 342 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 65 Порядок IV. Granivores

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
171–174	Л. 345–353/2–17	Зинька. Parus
174–175	Л. 353 об.–356/18–23	Синичка. Parus major (42)
175–176	Л. 356 об.–358 об./24–28	Московка. Parus ater (43)
176–177	Л. 359–360 об./29–32	Монашенка. Parus palustris (44)
177–180	Л. 361–368/33–47	Долгохвостая малиновка. Parus caudatus (45)
180	Л. 369 – Л. 369 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 66 Порядок IV. Granivores
180–182	Л. 372–377/2–11	Подорожник. Emberiza
182–184	Л. 378–382/12–19	Камышенка. Emberiza arundinacea (46)
184–188	Л. 383–389 об.	Золотистый подорожник. Emberiza aureola (окончательный вариант) (47)
188–189	Л. 391–397 об./21–30	Снежный подорожник. Emberiza nivalis (48)
190–192	Л. 403—408 об./41–48	Бодцоватый подорожник. Emberiza calacarata (49)
193	Л. 409 Л. 409 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 70. 1847 г. Порядок IV. Granivores
193–194	Л. 412–416/2–9	Клест. Loxia
194–196	Л. 416 об. – 423/10–23	Обыкновенный клест. Loxia curvirostra (50)
197–202	Л. 424–432	Белопокромый клест. Loxia leucoptera (51)
202	Л. 434 Л. 434 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 72 Порядок IV. Granivores
202–204	Л. 437–443/2–13	Снегирь. Pyrrhula
205–207	Л. 443 об.–449 об./14–26	Обыкновенный снегирь. Pyrrhula europea (52)
207–211	Л. 450–463/27–53	Красавчик. Pyrrhula elegans (53)
211–213	Л. 463 об.–468 об./54–64	Червленец. Pyrrhula erythrina (54)

Страницы наст. изд.	Архивная / авторская пагинация	
213–214	Л. 469–471 об.	Палласов снегирь. Pyrrhula rosea (55)
215–217	Л. 472–475 об.	Щур. Pyrrhula eneleator (56)
217	Л. 476 Л. 476 об.	Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Зерноядные. Род 73. 1847 г. Порядок IV. Granivores
217–218	Л. 477–479 об./2–6	Воробей. Fringilla Illig; Coecothraustes. Briss., Loxia. Lath.
218–219	Л. 480–481 об./7–10	Горный воробей. Fringilla montana
220–221	Л. 482–484	Домашний воробей. Fringilla domestica (58)
221–222	Л. 484 об.–485 об.	Чечетка. Fringilla linaria (59)
223–228	Л. 486–493 об.	Юрок. Fringilla montifringilla (60)
	Подготовительные очерки	
228–229	Л. 78 об.–79 об./24–26	Долгохвостая сова. Strix funeres (ранний вариант). Род 6 (10)
229–231	Л. 196–202	Сорокопуд. Lanins. Род 34 (ранний вариант)
231–233	Л. 202 об.–206 об.	Караульщик. Lanius excubitor (ранний вариант) Род 34 (20)
233–234	Л. 292 об.–295/26–31	Черногорлая пастушечка. Motacilla melanope. Род 61 (ранний вариант) (32)
234–236	Л. 398–402/31–39	Золотистый подорожник. Emberiza aureola. Род 66 (48)

К.С. Куйбышева, Н.И. Сафонова

ПРИМЕЧАНИЯ

Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Текст

[1] Рукопись публикуется с л. 6, поскольку л. 1–5 содержат только тексты, принадлежащие И.Д. Булычову (см. Схемы структуры рукописи в археографическом описании).

[2] Заглавие шмуцтитула переправлено И.Д. Булычовым: "Орнитология Вос[точной] Сиб[ири]. Хищные. Род. 4" (л. 6).

[3] Термин П.И. Борисова "Порядок" – на обороте шмуцтитула (л. 6 об) переправлен И.Д. Булычовым на термин "Разряд".

П.И. Борисов придерживался системы известного голландского орнитолога К. Темминка, посвятившего ряд своих монографических работ птицам Азии. Систематическое деление птиц см.: *Temminck C.J.* Manuel d'Ornitilogie ou Tableau systématique des oiseaux qui se trouvent en Europe. Amsterdam; P., 1865. 650 p. (П.И. Борисову были известны два ранних издания. См. прим. 216 и 217).

В настоящее время большинство зоологов придерживаются систематической номенклатуры А. Уэтмора (A classification for the birds on the world // Smithonian Miscellaneus collection. Wash., 1960. Vol. 139, N 11. 37 p.), вобравшей в себя данные систем Г. Гадова (*Gadov H.* Vogel Brohn's Klassen und Ordnungen des Tierrichs. VI. Abt. 4. Leipzig, 1891–1893) и М. Фюрбингера (*Furbinger M.* Untersushungen zur Morphologie und Systematik der Vögel. I u II. Amsterdam, 1888).

Система К. Темминка сильно отличается от других систем, предложенных для птиц. Если современные таксономические категории делятся на:

Царство	–	Regnum
Тип	–	Phylum
Подтип	–	Subphylum
Надкласс	–	Superclassis
Класс	–	Classis
Кагорта	–	Cohors
Надотряд	–	Superordo
Отряд	–	Ordo (-formes)
Подотряд	–	Subordo
Надсемейство	–	Superfamilia (-oiden)
Семейство	–	Familia (-idae)
Подсемейство	–	Subfamilia (-inae)
Триба	–	Tribus (-ini)
Род	–	Genus
Подрод	–	Subgenus
Вид	–	Species
Подвид	–	Subspecies,

то К. Темминк рассматривал только класс птиц и его систематическое деление начиналось с категорий, на которые разделялся класс. Среди них:

Отряд – Order,
Раса – Rapaces,
Семейство – Famille
Секция
Род – Genera
Отдел
Вид.

По отношению к номенклатуре А. Уэтмора категории, выделенные К. Темминком, не идентичны. Иногда они полностью совпадают, перекрывают, соединяют или разделяют номенклатурные единицы Уэтмора. Отряд соответствует такому же понятию, раса – подотряду, но в практическом делении он не употреблял его. Термином "семейство" Темминк пользуется редко. В его понимании он является чем-то средним между семейством и родом в современной систематике, секция занимает положение между трибой и родом: род захватывает понятие подотряда и семейства; отдел объединяет и подсемейство, трибу, род. К. Темминк выделял 13 отрядов: хищники, сизоворонки, голосистые (Canori), воробьиные, лазящие (Scansores), зимородковые, ласточковые, голубиные, куриные, бегунки (Cursores), голенастые, зубчатоногие (Pinantipedes), широколапые (Palmipedes). Каждый из отрядов подразделялся следующим образом. Хищники на роды: кондоров, грифов, бородачей, соколиных (в том числе отделы: дербников, коршунов, канюков, луней, ястребов, соколов); сов (отделы: ушастых, безухих, ястребиных, сов); сорокопудов. Сизоворонки на роды: вороновых, свиристелей, сизоворонок, иволг, скворцов, розовых скворцов. Голосистые с родами: дроздовых, делящихся на секции лесных, каменных и водяных дроздов; оляпок, мухоловок, славок с секциями славок, пеночек, камышовок, каменок; крикунов; трясогузок; коньков. Воробьиные с родами: жаворонков; синиц, подразделяющихся на секции лесных и водяных; овсянок с двумя отделами – овсянок и подорожников; клестов; вьюрков с отделами снегирей, настоящих вьюрков, вьюрковых, чечеток. Лазящие с семействами: кукушек (с отдельным родом кукушек), дятлов (роды дятлов и трехпалые), вертишеек (роды вертишеек, поползней, пищух, стенолазов, удодов). Зимородковые с родами щурок и зимородков. Ласточковые, делящиеся на роды: ласточек, стрижей и козодоев. Голубиные с одним родом голубей. Куриные с родами: фазанов, тетеревиных, рябков, куропаток, подразделяющихся на отделы франколинов и куропаток; перепелов и трехперсток. Отряд бегунков делился на секции полевых бегунков с родами дроф и авдоток и секцию водяных бегунков с родами: зуйков, камнетарок, куликов-сорок и бегунков. Голенастые имеют роды: чибисов с отделом чибисов; тиркушей; журавлей, аистов; цапель с отделами цапель и выпей; фламинго; шилоклювок; колпиц; ибисов; кроншнепов; улитов с отделами улитов и турухтанов; травников с отделами травников и больших улитов; верапенников; вальдшнепов с отделами вальдшнепов и бекасов; водяных пастушков; погонышей с отделами погонышей и камышниц. Голенастые, с тремя родами лысух, плавунчиков, поганок. Отряд зубчатоногих с родами: крачек; чаек с отделами морских и сухопутных чаек; поморников; буревестников; уток отделами лебедей; гусей; уток с секциями речных и морских уток; крохалей; пеликанов; бакланов; олуш; гагар-кайр, пыжиков; гагарок.

Категория "Порядок", принятая П.И. Борисовым, соответствует понятию "Раса" по К. Темминку и, в известной мере, современному – "Отряд"; "Род" П.И. Борисова, в современной систематике, – "Семейство".

[4] "Клев" – производное слово мужского рода от "клеванье", обозначает "птичий нос" (В.И. Даль) и равнозначно по смыслу слову "клюв", которое сейчас более употребительно. П.И. Борисов использует и "клев", и "клюв".

[5] "Верхняя челюсть" – устаревший термин, ныне при характеристике и анатомическом описании птиц чаще применяются термины "надклювье" и "подклювье". Но морфологи животных нередко и сейчас употребляют применительно к птицам слово "челюсть".

[6] "...когти заострены и круто согнутые и входящие в оконечности пальцев". Данное описание неправильно, так как "входящие в оконечности пальцев" можно понять и истолковать так, что будто бы когти хищных птиц, наподобие когтей кошачьих, втягиваются в лапу и выпускаются при нападении на добычу. На самом деле они, как когти почти большинства животных, постоянно сохраняют одно и то же положение и подвижны только вместе с фалангой пальца.

[7] "Волоски" – видоизмененные перья, чаще всего встречаются у основания клюва. Они защищают окружающее оперение от загрязнения при поедании добычи, легко очищаются от грязи и крови (хищники и др.), закрывают ноздри (врановые и др.), увеличивают размеры орудий лова (рта) при поимке насекомых, при быстром или трепещущем полете в воздухе (стрижи, козодои, воробьиные и т.д.).

[8] Здесь П.И. Борисов ошибается. Челюсти, т.е. кости скелета клюва, не зубчаты. Зубцы образованы на роговом покрытии костей и помогают птице удерживать и разрывать добычу. На костном основании есть только выступ. Зубец (иногда зубцы) на надклювье имеют только птицы семейства соколиных, что служит для них хорошим систематическим признаком. Птицы из семейства ястребиных лишь иногда имеют (отдельные виды) нерезкий выступ на надклювье.

[9] Пронимать, пропять, пропимывать, проимать, проять, проимывать – все эти слова имеют смысл – проколоть, пронизать, т.е. сделать дыру, отверстие. В данном случае П.И. Борисов указывает, что ноздри открываются на восковице.

[10] "Восчанка". Правильное написание "вощанка", от слова "воск". В общеупотребительном понятии это – разновидность клеенки или ткань, пропитанная воском. В орнитологии этот термин или "восковина" используется как название кожистых наростов при основании надклювья. Часто они напоминают ткань, пропитанную воском (хищные птицы, попугаи), но бывают и в виде мягких подушечек или причудливых наростов на надклювье, вокруг основания клюва, вокруг глаз, как у голубей, особенно культурных пород почтовых голубей. Восковица бывает различного цвета – белого, желтого, красноватого, серого и др. Пронизанная большим числом кровеносных сосудов и нервных окончаний, она играет определенную роль в способности птиц к ориентации. В наше время более употребляемо слово "восковица".

[11] "Ноги вообще жилистые" – подобная характеристика может быть дана всем видам птиц, так как их пальцы, стопа, плюсна (цевка) практически не имеют мышечной ткани. Здесь автор хотел подчеркнуть силу и мощь, свойственные лапам хищных птиц.

[12] Так в тексте. Здесь в значении суставы. "Состав" – существительное от глагола "составлять, составить", прилагательное "составной". В XIX в. в русском языке слова "составной", "составочный" употреблялись в понятии различных смесей составов, а в отношении животных использовали слово "со(у)ставный, суставочный", от терминов "сгиб", "сустав" и т.п. П.И. Борисов использовал менее употребительное для характеристики строения ног птиц слово "составный".

[13] "Хвост состоит из 12 перьев" – в данном случае подчеркнута одна из характерных деталей оперения большинства хищных птиц, так как 14 рулевых перьев имеют только стервятники и сипы.

[14] "Соколиный род претерпел много изменений". Автор верно подчеркивает царившую в систематике хищных птиц неразбериху, основанную на том, что с видовыми и подвидовыми признаками путали половые различия птиц в размерах и окраске, сезонные и возрастные изменения окраски оперения, которые у этой группы очень разнообразны внутри каждого вида и часто очень четко и резко отличаются друг от друга. Такие птицы имели свои специфические названия у древних соколятников. Все это сказалось при составлении зоологической систематики отряда, вносило путаницу в характеристики и определения вида. Поэтому их описание длительное время было "неопределенным, неясным, сомнительным". В отдельных случаях такое положение сохранялось еще в первые десятилетия XX в.

[15] П.И. Борисов приводит деление отряда дневных хищных птиц по Темминку на основе системы Линнея на восемь семейств (отделов). Современные систематики разделяют их на семь семейств: ископаемые птицы верхнего эоцена Северной Америки – Neocathartidae, американские грифы, ископаемые верхнего плейстоцена Северной Америки – Teratornithdar, птицы-секретари, ястребиные, скопиные, соколиные. Орлы, ястребы, бусарды, бюзы, коршуны современными систематиками объединены в семейство ястребиных. Соколы, каракары, цимипиды – в семейство соколиных.

[16] Бусарды – французское название луней.

[17] Бюзы – французское название осоедов и канюков (сарычей).

[18] Каракары, или соколы-универсалы, – четыре рода из семейства соколиных, обитающих на открытых пространствах и опушках лесов Южной Америки и юга Северной Америки.

[19] Действительно, в средневековье знание биологии этой группы было на очень высоком уровне, так как основывалось на практике использования птиц в охотничьем промысле.

[20] Здесь под "изучением организации" подразумевается выяснение морфологического строения птиц.

[21] "Нравственным свойством" птиц П.И. Борисов уделил в своем труде очень большое внимание. Он создал целый кодекс нравственных понятий, присущих человеческому обществу, никогда при этом не забывая отмечать принципиальную разницу между "инстинктивными действиями созданий природы" и нравственными правилами, основанными "на сознании обязанностей к самому себе и своему ближнему" (л. 11 об.).

[22] Здесь видно, что независимо от Ч. Дарвина, П.И. Борисов подходит к формулировке основного положения теории естественного отбора, подчеркивая взаимозависимость внутреннего и внешнего строения птиц, их психической деятельности и поведения от образа жизни и окружающих природных условий.

[23] Имеются в виду форма и размеры грудины, определяющие мощность основной мускулатуры птицы.

[24] "Передние плавильные перья" – первостепенные маховые перья крыла. "Плавильное", от слова "плавать, плыть". По отношению к птицам: "плыть" – летать в воздухе. Имеет оно и второе значение – "плавное" движение, равномерное. "Плавником, или плавилом, в русском языке обозначали "рыбье перо".

[25] Здесь и в других местах П.И. Борисов отмечает экологические различия, отвечающие современному уровню знаний о биологии американских грифов и соколиных. Изучение зрения птиц началось лишь в 1890-х годах (Шеветь, Слонакер) и особенно активно в 20–30-е годы нашего столетия (Ротон-Дювиньо, Бонд и др.).

П.И. Борисов одним из первых указывает на экологические особенности видов и групп птиц при их систематическом обзоре. Его наблюдения точны и достаточно полны даже для сегодняшнего времени.

[26] "Копчик" – одно из написаний названия мелкого сокола – Falco vespertinus. Синонимы – кобец, кобчик. Последний употребляется в современном обиходе.

[27] "Кобылки" – мелкая саранча.

[28] Ошибка в написании слова: вместо "ы" употреблено "и". Слово "цыпленок" происходит от "цыпки" – кончики пальцев ног. Раньше в Тверской и Новгородской губерниях было слово "цыпать" – драть, царапать пальцами. Так куры и цыплята разгребают землю в поисках корма.

[29] Многочисленные философские отступления автора позволяют увидеть глубины проникновения П.И. Борисова в законы развития природы.

[30] Хищные птицы, поедающие пресмыкающихся, мышевидных грызунов и насекомых, приносят пользу людям. Тем самым автор подчеркивает экономическое значение этих птиц для человека и их экологическую роль в природе. Одновремен-

но он формулирует общее понятие "хищничества", его место в природе и коррелятивную зависимость между образом жизни и анатомическими и внешними чертами в строении птиц. У хищных: мягких желудок, не способный перетирать зерно, короткий кишечник, большие зоб, клюв, когти.

[31] В рассуждении о "хищничестве" автор подчеркивает, что насекомоядные птицы тоже в своем роде хищники. Однако, полагая, что у птиц нет каннибализма, П.И. Борисов ошибается, так как в малокормные годы у дневных хищников и сов отмечены случаи поедания собственных птенцов. И хотя он правильно отвергает проведение полных аналогий в поведении животных и человека, отмечает, что хищничество по отношению к особям своего вида ставит человека в проигрышную позицию по сравнению с животными, и называет такое поведение людей "антропосадизмом", вкладывая в это понятие и социальные взаимоотношения людей, проявляющиеся в существовании рабства, крепостничества, ведении войн и т.п., т.е. понимая под ним крайние проявления жестокости со стороны людей.

[31а] Видимо, аннелиды – (круглые) черви кольчатые, кольчецы.

[32] П.И. Борисов справедливо не соглашается с орнитологами, утверждающими, что у хищных птиц нет привязанности к птенцам после их вылета из гнезда, ссылаясь при этом на очень скрытный образ жизни этих птиц, что не позволило в те времена собрать достаточно данных по их биологии по сравнению с другими группами; малую плодовитость хищных птиц; различие между птенцами выводковых и птенцовых птиц, воспитание которых требует большего времени. Наконец, он указывает, что зерноядным птицам легче найти корм, чем видам, питающимся животным кормом. Подойдя вплотную к ответу на вопрос о том, что кормовая база лимитирует плотность поселения плотоядных птиц, он не смог раскрыть этого положения.

[33] Заметки о наблюдениях за птицами на воле и содержании их в неволе, сделанных еще до восстания декабристов, встречаются в рукописи нередко: Малороссия, Кавказ или берега Каспийского моря, Средняя, Южная или Западная Россия. Заметки о природоведческих наблюдениях этих лет свидетельствуют о пробуждении интереса к серьезным научным занятиям у П.И. Борисова очень рано, а также и о том, что его наблюдения того периода были им либо записаны и каким-то образом сохранены, либо, что более вероятно, настолько четко отложились в памяти, что он позволял себе ими свободно оперировать спустя многие годы.

[34] "Ястреб пронзительно кричит, защищая пойманную добычу или получив корм". Автор постоянно сравнивает наблюдения, полученные в природе, и при содержании птиц в неволе, что не только дополняет материалы по биологии вида, но и является своеобразной их проверкой опытным путем. Для лучшего понимания экологии местных видов им приводятся литературные данные по экологически близким видам из других географических районов Земного шара.

[35] Киргиз-кайсаками в XIX в. называли казахов.

[36] П.И. Борисов никогда не называет тех лиц, с которыми он вступал в непосредственный контакт с какой-либо научной целью. Он считал необходимым ограждать этих людей от возможных неприятностей в случае появления его работы в печати и выявления по какой-то непредвиденной причине имени ее автора. Кроме того, он остерегался каких-либо запретительных мер со стороны властей в случае возникновения с их стороны интереса к его работе, как это было, скажем, с декабристом А.И. Якубовичем, которого привлек к деятельности своей экспедиции, изучавшей Восточную Сибирь, А.Ф. Миддендорф (*Азадовский М.К.* Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 110–112; *Пасецкий В.М.* Географические исследования декабристов. С. 126–128).

В данном случае можно предположить, что под "степенным человеком, посещавшим не раз киргизские орды", П.И. Борисов имеет в виду известного путешественника Г.С. Карелина, который, в частности, неоднократно пересекал территорию

современного Казахстана (*Липский В.И.* Григорий Силыч Карелин (1801–1872): Его жизнь и путешествия. СПб., 1905; *Павлов Н.В.* Натуралисты и путешественники Г.С. Карелин (1801–1872) и его воспитанник и друг И.В. Кирилов (1821–1842). М., 1948). О постоянных тесных связях Г.С. Карелина с декабристами времени их жизни на поселении в Сибири говорится в истории МОИП (*Варсонофьева В.А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955. С. 40).

[37] Рассуждение П.И. Борисова о том времени, когда "труд и время считались ничем", а "богатые, или, лучше сказать, сильные правом меча и копья владельцы" имели возможность "не щадить добра, нажитого бог знает как", совершенно необязательное для орнитологического труда, включено им в текст рукописи, на наш взгляд, только с той целью, чтобы в такой форме высказать свои социальные взгляды. Социальные же взгляды П.И. Борисова, отношение его к положению крепостных крестьян, поиск путей их освобождения были высказаны декабристом во время следствия, а затем в истории Славянского общества (Восстание декабристов. М., 1926. Т. 5. С. 22, 53; *Горбачевский И.И.* Записки, письма. М., 1963. С. 14).

[38] В данном случае утверждение ошибочно. Первое первостепенное маховое перо в зависимости от вида птицы может быть короче или длиннее последующих. Например, у чеглока и кобчика оно длиннее, у пустельги – короче. Вероятно, это замечание автор сделал на основании изучения пустельги.

[39] Уточнение в заглавии описания, посвященного дербничку, внесено П.И. Борисовым. Вместо латинского термина "Falco vespertinus" он поправил карандашом – "Falco subbuteo". И.Д. Булычов эту правку обвел черными чернилами, а заглавие подчеркнул красными.

П. Борисов верно исправил свою ошибку, заменив латинское название Falco vespertinus – Дербник на Falco subbuteo – Чеглок. Именно Чеглока он изобразил на рисунке и дал его описание в тексте (окраска, формула крыла, где второе первостепенное маховое длиннее всех остальных). Однако он неправильно сохранил русское название – Дербничек, которое обозначает самостоятельный вид. Не соответствует этому и латинский синоним – subbuteo. (л. 20) Синоним – Щеглок, видимо, дается в местном произношении, так как везде в России бытовало издревле название чеглок – самец мелкого сокола.

[40] Такая форма указания длины всей птицы – с пропуском слова "птицы", принята в рукописи во всех описаниях каждого их вида и далее не оговаривается.

Размеры птиц П. Борисов везде приводит в сантиметрах. Сейчас принято их давать в миллиметрах. Он очень подробно дает промеры частей ноги и клюва, приводя в общей сложности 17 измерений птицы. Ныне для характеристики вида производят 7 измерений: вес, общая длина, размер крыльев, длина крыла, хвоста, цевки и клюва, большинства которых в измерениях Борисова нет. При этом для его описаний птицы характерна скрупулезная детализация, будь то оперение, клюв, лапы, голова и др. Десятые доли сантиметра автор пишет через тире. Мы же при публикации придерживаемся обычной формы, через запятую.

[41] Выражение "как по сю, так и по ту сторону Байкала", употребляемое автором для указания места наблюдения за птицами или места их обитания, встречается в рукописи часто (л. 77, 83, 101, 113 об., 114 об., 151 об., 172, 203 об., 233 об., 263, 311, 313, 421 об., 470, 475). "По сю" сторону Байкала, т.е. сведения относятся к Прибайкалью, в том числе Иркутскому округу, где расположена Малая Разводная; "по ту" – Забайкалье, в том числе Благодатск, Чита, Нерчинские рудники, Петровский завод и Подлопатки Верхнеудинского округа – местам каторги и ссылки декабристов.

[42] При описании каждого вида автор приводит сведения о месте обитания, пище, способе охоты, используя в первую очередь собственные наблюдения, а также оп-

росные данные, полученные от охотников, любителей и специалистов, и литературные материалы, которые рассматривает критически, постоянно сравнивая их с фактами собственных наблюдений.

Характерно, что П.И. Борисов старается дать не только известные ему названия вида, местные их прозвища, иностранные синонимы, но и проследить этимологию каждого из них. Так, дербничок по-французски – Hobereao – докучливый сосед. Происхождение названия связано с тем, что соколиная охота в средние века была привилегией крупных землевладельцев – сеньоров. Они охотились с дербниками на мелких птиц в угон на полях своих вассалов, вытаптывая их посевы. Судя по описанию характера охоты с дербником, Борисов не был знаком с основополагающей книгой по соколиной охоте на русском языке, написанной царем Алексеем Михайловичем, – "Урядник Сокольничьего пути" (1656).

Заметку Л.Л. Бюффона, не имеющую значения для орнитологии, П.И. Борисов, видимо, приводит с той целью, чтобы упомянуть в своем труде дворян, "охотящихся за чужой дичью, которые притесняют поселян". Во всяком случае, в этой реплике автора можно уловить интерес П.И. Борисова к положению крестьян на Западе в эпоху средневековья, проявившийся в его неопубликованных переводах трудов исторического и правового характера.

[43] Поверх карандашной записи П.И. Борисова – "тетр. I", И.Д. Булычовым красными чернилами написано: "рис. 1".

[44] Во всех случаях после указания П.И. Борисова на отобранный им для "Атласа" рисунок той или иной птицы, полужирным шрифтом дается номер этого рисунка по "Каталогу акварелей" (с. 359–409 наст. изд.). Определение рисунков произведено по содержанию изображений с учетом сравнения нумерации рисунков, сделанных П.И. Борисовым в рукописи, с его разметкой, сохранившейся на самих акварелях в альбомах И.Д. Булычова. Такое сравнение облегчается восстановленным составом тетрадей П.И. Борисова с рисунками птиц, о чем говорится в археографическом описании рукописи.

[45] Признаки в современной систематике не используются.

[46] Полосы на рулевых перьях бывают не у всех самцов, в отличии от самок. Видимо, этот признак характерен для местной популяции

[47] Способ захвата добычи зависит от ее типа (насекомые, птицы, грызуны). В отличие от "благоприятных" соколов, пустельга в основном берет добычу с земли.

[48] "Зябленник" – в русском языке нет такого слова, есть "зябливый" – озябший. Автор, видимо, производит свое словообразование от названия птицы зяблика, давая этим понять, что дербник охотится на нее. Народные названия, близкие к "зябленнику", – зяблица – самка зяблика, зябки – в Астраханской губ., зябок – в Средней России.

[49] Признак, указывающий на высокоразвитые "умственные" способности птицы.

[50] Пустельга не может своей лапой захватить или сбить добычу в воздухе, хотя полет ее – активный.

[51] Довольно полный перечень основных видов добычи.

[52] Сомнения автора необоснованны. Птицы – не исключение, в их рационе главными объектами охоты служат птенцы и подлетки. Наиболее крупной добычей (из птиц) бывают дрозды и куропатки.

[53] Малоупотребляемое сейчас слово. Обозначает конец крестца у птицы – поясницу.

[54] Множественное число от слова "покрывало". Обычно в русском языке не употребляется. Автор так называет надхвостье птиц.

[55] Авторское словообразование от глагола "прикрывать", обозначает верхние кроющие перья крыла.

[56] Подхвостье.

[57] Оба признака используются в современном описании вида.

[58] Автор более прав, чем упоминаемые им орнитологи. Ирис – радужная оболочка глаза, у пустельги она темно-бурая.

[59] На русском языке – первое детальное описание возрастных нарядов птенцов этого вида.

[60] Вполне современное описание размножения вида, отражающее его местные особенности.

[61] См. прим. 49.

[62] Точно подмеченная экологическая деталь, характерная для большинства птиц.

[63] Подробные точные обозначения времени, относящиеся к тому или иному периоду в развитии птицы, а также ко времени и месту их обитания в Восточной Сибири, говорят о том, что П.И. Борисов на всем протяжении жизни в Сибири вел дневник своих природоведческих наблюдений. Дневник этот в настоящее время остается неизвестным (л. 95, 114 об., 152 об., 153, 189 об., 208, 248, 253, 255, 275 об., 288–288 об., 299 об., 308, 331, 386 об. – 388 об., 397–397 об., 422, 427, 452, 489).

[64] От слова "сор", т.е. сборный – обозначение рода всеядных.

[65] См. прим. 49.

[66] Сейчас это подтверждено анатомическими и гистологическими исследованиями.

[67] Приводимая формула крыла характерна для большинства видов, включаемых в современный род орлов – Aquila, лишний раз свидетельствует, что характеристика давалась по экземплярам, которые автор имел в своем распоряжении.

[68] Орлы в Древнем мире считались наиболее крупными птицами, у которых не было ни достойных врагов, ни конкурентов – своеобразные цари пернатого царства. Поэтому они были символом величия и могущества, начиная с античности (у народов, стоявших на более ранних стадиях социального развития, такую роль играли орлиные перья и украшения из них), стали олицетворениями этих качеств. Изображения орлов помещались на военных доспехах, штандартах и т.д., использовались в геральдических целях. Обращение к античности – естественное следствие глубокого интереса П.И. Борисова, как и многих других декабристов, к истории Древней Греции и Древнего Рима. В республиканском строе античных государств все они видели примеры "народодержавия" и "тираноборчества", достойные подражания. П.И. Борисов говорил об этом на следствии, писал в истории общества Соединенных славян. Проявлением такого интереса, в частности, было присвоение некоторыми членами Славянского союза имен знаменитых античных философов или политических деятелей, поиск и определение сущности различных античных символов. П.И. Борисов называл себя Протагором, И.И. Иванов – Катоном, И.И. Горбачевский – Сципионом. В данном отступлении от основной темы П.И. Борисов занялся рассмотрением символики орла, далее – символикой совы (л. 72–72 об.) и культом жаворонка в Древней Греции (л. 324–324 об., 331 об.) (Восстание декабристов, т. 5, с. 22, 53, 63; Восстановление декабристов. Т. 13. С. 391–392; *Горбачевский И.И.* Указ. соч. С. 14, 23.

[69] В данном случае П.И. Борисов выражает через мнение Б. Франклина свои взгляды на устройство общества. Общество может быть сильным знанием, трудом, а не войной и захватнической политикой. Символом такого общества не может быть хищная птица. Нельзя забывать, что Российскую империю, ее герб тоже представлял орел. Таким образом, П.И. Борисов проводил своеобразную параллель между американским и русским государствами того времени.

Борьба американских колоний за независимость, разносторонняя деятельность Б. Франклина привлекали к себе пристальное внимание декабристов не только в период создания и деятельности их тайных обществ, но также и в Сибири. Известно, что в Чите И.И. Пущин вместе с В.И. Штейнгейлем перевели "Записки Франклина",

Н.А. Бестужев и М.А. Фонвизин переводили главы из книги А. Токвилля "Демократия в Америке". П.И. Борисову, находившемуся одновременно с названными декабристами в тюрьме Читинского острога, эти сочинения и переводы были, без сомнения, известны.

[70] Здесь еще раз проявляется склонность автора использовать всякий случай для проведения параллелей с историей человека и общества. Приводимая им легенда появления двуглавого орла в гербе Рима напоминает о теории, возникшей в России в начале XVI в., – "Москва – третий Рим".

[71] Знакомство с устройством глаза птиц, наличия в нем третьего века и его функции демонстрирует большую эрудицию П.И. Борисова в общебиологических и специальных вопросах и знакомство с текущей литературой в этой области. Первые детальные исследования радужной оболочки птиц – iris – принадлежат Крону (*Krohn A.* Über die Structur der Iris der Vogel in ihrem Bowegungsmechanismus // Hull. Arch. f. Anat. 1837. S. 357, 380). Возможно, им эти сведения были заимствованы из других книг более общего характера типа: *Даригин А.* Естественная история животных, рассказанная для детей. СПб., 1849. 370 с.; *Куторга С.С.* Атлас. Естественная история животных. СПб., 1839. 16 с.; *Эдвардс М.* Начальные основания зоологии. 1838. Ч. 1–3; М., и т.п.

[72] Характерно, что у других авторов П.И. Борисов берет для более полного показа и раскрытия собственных материалов наиболее существенные, оригинальные и передовые суждения, мысли и наблюдения. Замечание И.Ж. Сент-Иллера о взаимосвязи типа полета со строением крыла птицы – меткое экологическое наблюдение. Но оно не раскрыто до конца, так как острое крыло – признак не только "быстрого", но и активного полета. "Тупое" и "медленный" полет – признак и следствие использования для полета различных воздушных течений.

[73] Утверждение, что орел-крикун – самый маленький, неверно. Видимо, это следствие наличия у автора в руках особи только этого вида. Меньше его – малый подорлик, ястребиный орел, орел-карлик.

[74] В литературе описан не один случай, когда скопа не могла освободиться от захваченной ею крупной рыбы и та ее утаскивала под воду. Птица при этом погибала.

[75] Автор ошибается. Доступность гнезд орлов определяется ландшафтом местности, в которой они гнездятся. В степи они их устраивают на стогах сена, в пустынях – на кустах саксаула.

[76] Обычно кладка орлов состоит из одного–трех яиц, чаще двух. Более известно не наличие яиц-болтунов, т.е. неоплодотворенных, а гибель младшего птенца, что обычно связано с плохими кормовыми условиями года.

[77] Окраска скорлупы птичьих яиц имеет видовую специфику, и у большинства очень широкий диапазон вариаций внутри вида.

[78] Визуальные наблюдения показывают, что орлы в течение всего года чаще держатся парами. Но утверждение о постоянстве пар может быть проверено только кольцеванием, которое для целого ряда видов птиц опровергло это соображение.

[79] Не только орлы, большинство птиц в гнездовой и предгнездовой периоды изгоняют особей своего и близких по кормовой специализации видов со своих гнездовых участков. У хищных птиц (беркут) они достигают размеров 10–25 км^2. Высказываемое сомнение совершенно верно, так как птенцы хищных птиц находятся в гнезде 60–75 дней. За это время они успевают достаточно окрепнуть и привыкнуть к добыче, чтобы вести самостоятельный образ жизни. У мелких видов птиц пребывание в гнезде не превышает 14 дней.

На таком же принципе сейчас основано изучение питания хищных птиц. Птенцам надевают своеобразный колпачок-намордник, мешающий им съедать приносимый родителями корм. После его определения колпачок снимается и птенцы съедают добычу.

[80] До последнего времени продолжительность жизни птиц для одних групп и видов была сильно преувеличена, а для других занижена. Возросшее число видов и особей, содержащихся в неволе, и расширение кольцевания позволили внести в этот вопрос соответствующие коррективы и постоянно пополняют этот раздел орнитологии новыми сведениями. В природе продолжительность жизни птиц обычно меньше, чем при жизни в неволе. Так, крупные попугаи доживают до 64 лет, беркуты – до 80, не более их живет и ворон. Поэтому сомнение автора в сведениях, приводимых Клейном, вполне обоснованны.

[81] Имея правильное представление об ареале распространения орлов, автор допускает ошибку, увязывая их гнездование только с гористыми районами.

[82] Дан в заглавии правильный русский синоним большого подорлика – крикун (орел-крикун), названного так за постоянный крик (что само по себе служит хорошим видовым признаком).

[83] П.И. Борисов использует латинское название, которое чаще употреблялось в отношении другого вида – малого подорлика, применявшегося и позже (*Эверсман.* Естественная история Оренбургского края) как синоним для большого подорлика. По современной номенклатуре это Aquila clanga, Pallas, 1811. Заглавие раздела "Крикун. Falco noevius" подчеркнуто И.Д. Булычовым красными чернилами, им же рядом дописано красными чернилами "рис. 2".

[84] "Зевок", от слова "зев" – рот. В данном случае расстояние от углов рта.

[85] "Раскрылья" – от глагола "раскрылить", "раскинуть", "размахнуть". В отношении птиц и пчел термин обычно употреблялся для обозначения больных особей, опустивших крылья вниз. П.И. Борисов использует в значении "размах крыльев", которое употребляется в промерах размеров птиц и в наше время.

В современных определителях птиц эта особенность не отмечается.

[86] Совершенно правильно отмечены отсутствие полового диморфизма в окраске, наличие возрастных нарядов и черта, характерная для дневных хищных птиц, – более крупные размеры самки по отношению к самцу. У этого вида существуют и географические вариации окраски (*Gmelin I.G.* Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natrriche. 1771–1785; *Cuvier G.* Tableau èlémentaire de l'histoire Naturelle des Animaux. P., 1798. Известно, что П.И. Борисов был знаком и с другой работой последнего: *Cuvier G.* Le Rigne Animal. P., 1817. Это три тома текста и один том таблиц).

[87] Выше мы уже говорили (см. прим. 14), что подобная путаница существовала долгое время. Поскольку сведения относятся к району наблюдений автора, то они верны. Вообще же большой подорлик предпочитает высокоствольные леса вблизи водоемов или равнины, которые в Сибири представлены главным образом лесостепными районами. Яиц бывает два, но отмечены случаи кладок с одним яйцом. Яйца – белые с немногочисленными бурыми и фиолетовыми пестринами.

[88] Это одно из первых подробных перечней объектов питания данного вида. Указание о наличии зимовок этого вида в северной части Египта верно. Однако автор ошибается, будто подорлики из Восточной Сибири мигрируют в Египет. Вероятнее всего, зимовки гнездящихся там популяций находятся в Индии, Индокитае и Южном Китае.

[89] Здесь П.И. Борисов ошибается: на самом рисунке, находящемся в альбоме (516) собрания И.Д. Булычова, стоит помета: "I–3, т.е. тетрадь I, рис. 3 (а не второй).

[90] Заглавие раздела "Ястреб. Falco astur" подчеркнуто И.Д. Булычовым красными чернилами, им же рядом дописано красными чернилами: "рис. 3 и 4".

В этом заглавии единственный раз термин "отделение" (соколиного рода) заменено термином "племя".

[91] Признак в современной систематике не употребляется.

[92] Формула крыла характерна для таковой ястреба-перепелятника. Ее использование для характеристики всей группы неправомерно.

[93] См. прим. 49.

[94] Такой биотип, вероятно, более свойствен местным популяциям. Тетеревятник и перепелятник обычно избегают глухих лесов, любят культурный ландшафт, вплоть до окрестностей крупных городов.

[95] Данные более характерны для ястреба-перепелятника. Тетеревятник имеет кладку до пяти яиц, обычно три-четыре штуки.

[96] Черта, правильно подмеченная для экологии этих видов. Преследуют ястребов не только эти виды, но врановые и др.

[97] Словообразование произведено автором от "боязливость" (трусливость, робость). В русском языке обычны в употреблении слова "боязненный", "боязливый".

[98] Здесь дано описание малого ястреба или ястреба-перепелятника, который нередко из-за сходства особенностей полета называют "пустельгой". П.И. Борисов использует народное название в заголовке раздела, а в синонимии приводит близкое к современному наименование "перепелятник" и относит этот вид к бюзардам – третьему отделению соколиного рода.

[99] Латинское название пустельги из первоначального – "Falco tinnunculus", повторявшего заглавие первого описания птиц этого вида, было заменено П.И. Борисовым на "Falco nisus". Слово "nisus", написанное П.И. Борисовым карандашом, обведено И.Д. Булычовым красными чернилами.

[100] Текст, принадлежащий П.И. Борисову, вынесен им в рукописи в сноску.

[101] Слово "nisus" надписано П.И. Борисовым сверху, над зачеркнутым словом "tinnunculus".

[102] Слово "l'eprivier" надписано П.И. Борисовым сверху, над зачеркнутым "l'cresjerelle".

[103] Описания имеют отсылки к разным рисункам. См. л. 35 об.

[104] Старинное русское слово. В переписке царя Алексея Михайловича (XVII в.) называется местным архангельским словом – "коршак", означавшем этот вид. Но этимология слова скорее ведет свою родословную от новгородского – "коршунья" – куриная наседка, так как сельские жители обычно связывают понятие "коршун" с похитителем цыплят.

[105] Латинское название коршуна "milvus", дописанное П.И. Борисовым карандашом, обведено И.Д. Булычовым красными чернилами. Им же дописано красными чернилами рядом: "рис. 5".

[106] Признаки, используемые в современном описании вида.

[107] Особенность расположения рулевых перьев (хвост вилкой), позволяющая хорошо отличать этот вид в полете.

[108] В данном случае слово "образование" употреблено в значении "устройство", "строение".

[109] Обычно пишут – куриные.

[110] Ее он подбирает с поверхности воды в любых случаях. Некоторые особи специализируются в добыче именно этого корма.

[111] Название заимствовано из иностранной литературы, обозначает черного коршуна.

[112] Синоним, подчеркивающий характерный для данного вида способ добычи в населенных местах.

[113] Автор правильно отмечает отсутствие этих птиц на зимовках на территории России. Одновременно он впервые приводит достоверные сведения о зимовке большого количества дрофины на Каспии и орлов на Кавказе.

Запись говорит о том, что П.И. Борисов не прекратил своих природоведческих наблюдений, будучи в 1819–1820 гг. юнкером Грузинской гренадерской артиллерийской бригады, участвовавшей в военных действиях на Кавказе в составе Отдельного Грузинского (с августа 1820 г. – Кавказского) корпуса генерала А.П. Ермолова.

[114] Особенность, свойственная этому виду хищных птиц.

[115] В данном случае – "зеркальце", середина.

[116] Эта особенность не отмечается в современных описаниях.

[117] Первое описание наряда на русском языке.

[118] "Ниворосли" – полевые травянистые растения.

[119] Крупные виды.

[120] Синонимия королевского коршуна написана П.И. Борисовым карандашом, сверху текст его повторен И.Д. Булычовым красными чернилами.

[121] Вероятно, от тюркского слова "сары" – желтый, цвет преобладающий в окраске оперения.

[122] Заглавие раздела "Сарыч. Falco buteo" подчеркнуто И.Д. Булычовым красными чернилами, им же дописано рядом красными чернилами: "рис. 6".

[123] Автор противоречит себе (см. описание полета коршуна на л. 41). Оба вида при полете используют нисходящие и восходящие потоки воздуха.

[124] Особенность, характерная и для коршуна.

[125] Утверждение неверно, так как все хищные птицы обладают хорошо развитыми умственными способностями.

[126] Такое мнение, по-видимому, сложилось потому, что выводки сарычей держаться вместе до самого отлета с мест гнездований.

[127] В современной систематике подсемейство сарычей делится на семь родов.

[128] Название, бытовавшее у всех европейских народов. Дано из-за оперенной плюсны, которая у обыкновенного сарыча – голая. На севере местное название по основному виду корма – мышелов, мышеловка (синоним, употребляемый и для обычного сарыча). В Средней России, где он появляется, а иногда и зимует, на пролете в холодное время года его называют зимняком.

[129] Формула крыла правильна, за исключением того, что пятое маховое перо не равно третьему, а меньше его.

[130] Здесь П.И. Борисов прямо говорит о значении для него рисунков и чучел птиц при решении конкретных вопросов, касающихся орнитологии. Далее он обращается к этой стороне своего творчества неоднократно (л. 248, 299 об. – 301 об., 311 об., 314–314 об., 427, 492 об.). Замечание интересно и тем, что в очень сдержанной форме П.И. Борисов отмечает трудности своего положения как ученого (см. также л. 61 об.).

[131] Рассуждения автора интересны тем, что он предвидел наличие подвидов у мохноногого сарыча. В Европе обитает другой подвид; в Сибири и на Дальнем Востоке существует два подвида. Сибирский и камчатский подвиды сарыча действительно крупнее. Но экологическая, географическая их изменчивость до сих пор изучена слабо, хотя упомянутая закономерность подчиняется правилу Бергмана.

[132] Первое детальное описание окраски сибирского подвида.

[133] Первые данные о характере распространения мохноногого канюка по берегам оз. Байкал.

[134] Его добычей служат только молодые птицы и птенцы.

[135] Утверждение ошибочно. Отмечены лишь залеты в Египет.

[136] Полевой лунь, транслитерация французского "бюсорд", "бюзард".

[137] Латинское название бюзарда "Falco circus", написанное П.И. Борисовым карандашом, заменено И.Д. Булычовым на "Falco cyaneus", надписанное по карандашу красными чернилами. Кроме того, красными чернилами П.Д. Булычовым подчеркнуто заглавие раздела и дописано: р[ис]. 7.

[138] В кладке бывает до шести яиц, обычно три–пять. Вторая разновидность окраски яиц другими авторами не описана.

[139] Полевой лунь в Америке не встречается.

[140] Чилижник – вид полыни Artemisia campestris. В данном случае автор использует это название как синоним полевого луня, т.е. обитающего как полынь. Орен-

бургские казаки называли его "степной ястреб". Современное латинское название Cyrcus cyancus, L., 1796.

[141] В формуле крыла допущена ошибка. Самое длинное – третье перо.

[142] Первое детальное описание половых и возрастных нарядов полевого луня на русском языке.

[143] В данном случае П.И. Борисов вынужден сказать прямо, но, естественно, без каких-либо уточнений, что в его положении он не имеет возможности провести достаточные наблюдения для решения некоторых конкретных вопросов, касающихся поведения птиц Восточной Сибири (см. также прим. 130). П.И. Борисов, как и все декабристы, не имел права отлучаться от места своего жительства далее чем на 15 верст.

[144] Неоднократно возвращаясь в этом сочинении к вопросу о роли "непонятного для нас еще деятеля", к "разуму, разлитому во всей природе" (л. 265–265 об.), к вопросу о роли "создателя Вселенной" (л. 417–418 об.), П.И. Борисов ищет и не находит на него ответа. Причину, затрудняющую такой ответ, он видит в недостаточной развитости естественных и философских наук. Возможно, что подобные высказывания, ранее не известные, помогут понять взгляды декабриста на религию и атеизм без ненужных упрощений (см.: *Сухов А.Ф.* Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980. С. 58–61; Радищев А.Н. и декабристы: Из атеистического наследия первых русских революционеров. М., 1986. С. 20, 216–219).

[145] Недостаточность знаний по экологии видов задерживает развитие других направлений биологии, в том числе и систематики. Подобные взгляды для времени написания рукописи были пионерными и отражали как теоретическую, так и практическую потребность в экологических исследованиях.

[146] Этот гимн научным знаниям, страстный призыв к изучению природы, законов ее развития, роли научных знаний в материальном и духовном прогрессе человечества свидетельствуют о неизменности взглядов декабриста, его воззрений на значение науки и просвещения, сложившихся в период создания тайных революционных обществ. В Сибири Борисов возвращался к мыслям о роли просвещения в общественном развитии, участвуя в создании истории общества Соединенных славян, где записано: "Народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным" (*Горбачевский И.И.* Указ. соч. С. 14).

[147] См. прим. 139.

[148] Латинское название внесено по образцу авторского шмуцтитула: л. 304 об. В дальнейшем подобные привнесения не оговариваются.

[149] Оригинальное и точное описание лицевого диска сов.

[150] Признаки которых используются и при современной характеристике отряда сов. Возможно, П.И. Борисов одним из первых обратил внимание на эти особенности.

[151] Известный французский орнитолог. Работал в Египте. Автор книги о птицах Египта.

[152] Сейчас доказано, что основным органом, помогающим совам в поисках добычи, служит слух. Поэтому приобретает особое значение то, что П.И. Борисов отметил наличие большого слухового отверстия у этих птиц.

[153] Заслугой автора следует считать критику формального подхода к построению систематики отряда без учета экологии и анатомии видов. Сейчас систематики выделяют в отряде совообразных три семейства (одно – ископаемые виды) и 25–30 родов. Из них в нашей стране встречаются представители двух семейств, 12 родов, 18 видов. При выделении семейств и используется такой внешний признак, как форма лицевого диска.

[154] Все совы хорошо видят при дневном свете.

[155] Автор справедливо критикует Бюффона. Причины, определяющие способность и склонность к гнездостроению у птиц, следует искать в эволюционном развитии группы.

[156] Все виды птиц так реагируют на хищных или похожих на них (кукушка) птиц. На этом принципе основан способ охоты на врановых птиц, которые при обычной обстановке очень осторожны. Как правило, для этого используют филина, которого за ногу привязывают к колышку.

[157] Народное название полевой мыши (Mus agraris, L.), иногда называемой хлебной мышью. В рязанском областном говоре ее зовут житочник.

[158] Характерно, что П.И. Борисов подчеркивает значение вида и группы птиц для человека, в данном случае как биологического метода борьбы.

[159] Черта, свойственная всем хищным птицам (дневным хищным и совам), многим воробьиным и птицам других отрядов, поедающим теплокровных животных или беспозвоночных с хорошо развитым покровом. Это лишний раз подтверждает рассуждения автора о широте биологического понятия "хищник".

[160] Материалы, полученные путем прямых наблюдений на зимовках птиц и кольцеванием, показывают, что большинство совообразных – мигрирующие или кочующие виды.

[161] Это положение подтвердилось последующими исследованиями.

[162] Особенность, свойственная всем птицам, ведущим ночной образ жизни (например, козодою).

[163] Об интересе П.И. Борисова к истории Древней Греции см. прим. 68.

[164] Утверждение ошибочно. Хищные птицы и совы – одни из наиболее умственно развитых птиц.

[165] П.И. Борисов хорошо объясняет происхождение связанных с совами религиозных предрассудков и суеверий, распространенных во всех странах, где встречаются эти птицы, и бытующих по сей день. В рукописи немало страниц отведено описанию, опровержению и разъяснению различных суеверий (см. л. 111 об., 112, 186 об. – 188, 191–191 об.), обращая при этом внимание на социальные причины их появления.

[166] Заглавие раздела "Пугач. Strix bubo" подчеркнуто И.Д. Булычовым красными чернилами. Им же дописано красными чернилами: "рис. 8 и 9".

Родовое название Strix в современной систематике употребляется для обозначения рода Неясытей. Род "Филин" обозначается названием Bubo.

[167] Обычно они называются кисточками или ушками.

[168] Очень интересная местная экологическая особенность вида.

[169] Вполне возможный случай. Известны случаи нападения филина на косулю.

[170] Первые данные о характере распространения филина на побережье оз. Байкал, его численности и обусловливающих ее причинах.

[171] Радужная оболочка – красно-оранжевая.

[172] Первое описание этимологии названия филина. Это название встречается и в других районах нашей страны.

[173] Очень интересно, что П.И. Борисов обращает внимание на эту особенность поведения. Немецкий орнитолог Роберт Мерц в книге, посвященной этому виду ("Филин"), вышедшей в 1953 г. в Лейпциге, отмечает для филина в зависимости от ситуации не менее восьми голосовых реакций.

[174] Повторение. Факт приводился в общей характеристике отряда.

[175] Факт никем более не подтвержден.

[176] Синонимы: большой, ушастый филин не являются таковыми в полном смысле слова. Они лишь отражают отдельные характерные внешние черты птицы в сравнении с другими совами.

[177] Заглавие раздела "Белый филин. Strix nyctea" подчеркнуто И.Д. Булычовым красными чернилами. Им же дописано красными чернилами: "р[ис]. 10".

Название, так же как белая сова, довольно распространенное на территории нашей страны. Белый филин наиболее употребительно среди поморов; в Петербургской и Московской губерниях эту птицу называли "сова-белянка"; в Сибири распростране-

но название "улунь", "лунь", даваемое многим светлоокрашенным птицам. Линней дал этой птице латинское название Strix Scandica, а Паллас – Strix nyctea, которое использовал П.И. Борисов. Современное название белой совы – Nyctea scandica.

[178] Это не совсем точно и указывает только на особенности окраски особей, бывших в распоряжении П.И. Борисова. Обычно у самцов бывают бурые пестрины. Иногда они только на вершинах маховых перьев и оперении затылка, но возможны пестрины и на других частях оперения. У самок бурый поперечный рисунок имеется на всем оперении.

[179] Наблюдать белых филинов, сидящих на верстовых столбах Нерчинского тракта в виде снеговых глыб, П.И. Борисов мог только однажды, в конце октября 1826 г., когда его вместе с братом, А.И. Борисовым, а также с С.Г. Волконским, С.П. Трубецким, Е.П. Оболенским, А.З. Муравьевым, В.Л. Давыдовым, А.И. Якубовичем везли из Иркутска через Байкал в Благодатский рудник.

[180] Первое подробное указание на численность и характер распространения белой совы по побережью Байкала.

[181] Один из первых перечней объектов питания этого вида на русском языке.

[182] Особенность, характерная и для дневных хищных птиц, – ястреба-тетеревятника, беркута и др., в результате чего они часто сами попадают в капканы. Объясняется это ограниченностью добычи в зимнее время.

[183] Название ошибочно, так как белая сова "ушей"-кисточек на голове не имеет.

[184] Этот синоним подчеркивает размеры белой совы по сравнению с другими видами сов, приравнивая ее к филину – наиболее крупному представителю отряда совообразных.

[185] Название этого вида – уральская, или длиннохвостая неясыть, поэтому знак вопроса поставлен после латинского названия в авторском тексте неправильно.

[186] Одно из первых описаний внешнего облика этого вида.

[187] Автор ошибается. Радужина уральской неясыти не черная, а темнобурая.

[188] Имя П.-С. Палласа, крупнейшего естествоиспытателя XVIII в., встречается в трудах П.И. Борисова нередко. В настоящее время выявлена только одна книга из личной библиотеки братьев Борисовых, именно сочинение П.-С. Палласа "Путешествие по разным провинциям Российского государства" (СПб. Имп. акад. наук, 1788. Ч. 3). Книга хранится в Музее декабристов в Иркутске.

[189] Указание на первоописание вида в России и происхождение его русского видового названия.

[190] Первые данные о распространении вида в районе Байкала.

[191] Современными исследователями не установлено каких-либо закономерностей между окраской радужины птиц и приспособлением к ночному ви́дению.

[192] Более развернутая поздняя редакция описания длиннохвостой (долгохвостой) совы написана на основании наблюдений, проводившихся автором в Малой Разводной. Краткий вариант (л. 78 об.–79) приведен в разделе "Предварительные варианты".

[193] П.И. Борисов под одним видовым названием приводит два разных вида сов – бородатую неясыть и ястребиную сову – Surnia ulula. В синонимах он приводит более правильное название – Strix ulula, употреблявшееся до начала XX в. в нашей научной литературе. Русские синонимы, приводимые им, в отечественной литературе не встречаются. Латинское название Surnia (Strix) funerea соответствует американскому подвиду этой совы, более темной формы.

[194] Выраженные автором сомнения по поводу такого выделения вполне справедливы, так как отряды дневных хищных птиц и сов в систематическом отношении резко отличаются друг от друга.

[195] Впервые приводятся данные о характере распространения вида в этом районе.

[196] Эти данные подтверждаются и современными наблюдениями, кроме отсутствия встреч вида в Великобритании, где он зимует.

[197] В данном случае и далее в рукописи П.И. Борисов применяет по отношению к птицам, живущим в неволе, термины, порожденные положением самих декабристов: он называет таких птиц "узниками", "соузниками", "соузницами", говорит об их жизни "в заточении", "в заключении", об их "товарищах", "товарищах по заключению".

[198] Оригинальные, вероятно, первые наблюдения по поведению этого вида.

[199] Указание на знакомство автора с литературой американских специалистов. Отметим, что декабристам был известен многотомный труд американского натуралиста и художника Д. Одюбона "Птицы Америки", 1828–1839 / Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 307.

[200] Неправильное название чеглока.

[201] Наблюдения орнитологов показывают, что такое приспособление к охоте, напоминающее соколиную охоту с лягавыми, используют некоторые мелкие хищные птицы, врановые, сорокопуты. Но они не захватывают подстреленную дичь, а преследуют мелких птиц или разоряют гнезда, бросаемые родителями, при их вспугивании человеком, транспортом и т.п.

[202] "Братскими" называли забайкальских бурят.

[203] "Надплечники" – надкрылья.

[204] "Прикрылья" – вторые маховые перья крыла.

[205] Первое подробное описание оперения и внешнего вида этой птицы на русском языке. Отмечено, что цвет оперения и клюва изменяется с возрастом, а оперение самки бледнее, чем у самца, – признаки, на которые в своих описаниях не обращают внимания современные систематики, а они имеют принципиальное значение, выражают специфику вида.

[206] Отсылка П.И. Борисова к рисунку для "Атласа" помещена в квадратные скобки, поскольку взята составителями из раннего варианта описания, как и далее в аналогичных случаях.

[207] Русское название – народное. Для Петербургской губернии известно название – сыч ушастый, Казанской – сыч, Харьковской – сыч, пугач, Подмосковья – большой сыч (*Мензбир*. Птицы России. 1895. Т. 2). Близки к ним русские синонимы, приводимые П.И. Борисовым, – сыч, маленький филин. Латинское название приводится по Палласу. Современное название вида: ушастая сова – Asio otus.

[208] Вероятно, впервые вообще сделано подробное описание оперения этого вида, полового диморфизма и возрастных нарядов, начиная с птенцов.

[209] Замечание автора свидетельствует, что к внешним условиям, влияющим на организм птицы и могущим проявиться в окраске оперения, он относил и корм. Это подтверждено в наше время биохимическими исследованиями и опытами, которые проводили советские ученые в 1930-х годах над другими видами птиц (клестами, снегирями и др.).

[210] Первое детальное описание охотничьего, кормового поведения ушастых сов.

[211] Достоверных данных по этому вопросу нет до сих пор.

[212] Впервые приводятся материалы о характере распространения вида по берегам Байкала.

[213] Заглавие раздела, посвященного 10 роду всеядных птиц, не имеющего шмуцтитула, создано по образцу авторских заглавий, сохранившихся на шмуцтитулах на л. 256 и л. 304.

[214] Описание общих признаков птиц II порядка (всеядных) дано в начале раздела в соответствии с замыслом П.И. Борисова; текст описания здесь повторен с л. 118 об.

[215] Под этим названием автор подразумевает современное семейство врановых птиц.

[216] *Temmink C.I.* Manuel d'Ornitologie ou Tableau sistematique des oisseaux qui se trauvext en Europe. Amsterdam et Paris, 1815.

[217] Ibid. 2nd ed., 1840.

[218] В современной систематике сойка, сорока, кедровка выделены в самостоятельные роды.

[219] Вполне современная обобщающая характеристика семейства врановых.

[220] Прим. автора.

[221] П.И. Борисов в данном случае впервые в мире указывает на наличие умственных способностей у врановых птиц. Наличие разумной деятельности птиц этой группы были подтверждены советскими специалистами в области высшей нервной деятельности животных.

[222] Эта мечта П.И. Борисова становится в наше время действительностью, служа основным подходом в охране и рациональном использовании ресурсов животного мира, совершенствуясь по мере накопления наших знаний о животных.

[223] Первая точка зрения – отражение взглядов средневековья, в основе которых лежит христианская религия. Взгляды американских индейцев более реалистичны, так как они всем своим образом жизни связаны с природой и обязаны знать роль (экологию) каждого вида и группы животных в природных комплексах. Это наглядно подтверждает автор, разбирая отношение норвежцев к кукушке, а сибиряков к сивой вороне – пегой галке, способных реагировать на изменение погодных условий, причем он старается указать и на причинность этих взаимосвязей, чем стали заниматься по-настоящему лишь в XX в.

[224] Кольцевание птиц и содержание в зоопарке показали, что вороны доживают до 69 лет.

[225] Если эти данные – непосредственные наблюдения самого П.И. Борисова, то они вносят уточнения в существующие противоречия в этом вопросе.

[226] Первое описание яиц этого вида в России. Автор отмечает для Забайкалья наличие голубой сороки как подвида обыкновенной галки, но не упоминает грача и кедровки, о которых сообщают последующие авторы, которые не всегда упоминают два первых вида.

[227] Первое детальное указание на распределение врановых птиц по побережью Байкала, основанное на личных наблюдениях автора и опросных данных.

П.И. Борисов – вторым, после Палласа, упоминает для побережья Байкала голубую сороку и первым приводит данные о характере ее пребывания в этих районах. Но он неправильно дает ей синоним "ронжа". Возможно, это название он слышал у местных жителей. "Ронжей" обычно называли сойку в Казанской и Пермской губерниях; в Сибири ее называют и кукшей. Ошибочно в Казанской губернии ронжей называли кедровку, а в Боровичском уезде кукшу – сойкой, соечкой, т.е. эти названия более характерны для последних двух видов, а не голубой сороки.

[228] Название взято из русских синонимов. Сейчас так называется утка Tadorna tadorna, Pall.

[229] Моллюски, улитки.

[229а] Видимо, колиоптеры, относящиеся к семейству жуков (Coleoptera), отряда насекомых.

[230] Автор впервые дает описание экологии, распространения, питания, размеров и окраски этого подвида.

[231] Это типовое название данного вида. Видовое название в современной систематике дается по Линнею – Garrulus glandarius, L.

[232] См. прим. 64.

[233] Видимо, в данном случае употребляется для обозначения яркого (сконцентрированного) пятна на крыле. Описание наряда сойки принадлежит, по нашему мнению, к числу наиболее выразительных не только по своей тщательности, но и по высокой художественности. См. также описания свиристелей (л. 136–137), белохво-

стика (каменки – совр.) (л. 232–232 об.), серой пастушечки (белой трясогузки – совр.) (л. 286–286 об.), золотистого подорожника (дубровника – совр.) (л. 384–385), красавчика (длиннохвостого снегиря – совр.) (см. л. 453–454).

234 Одно из первых описаний криков этого вида.

235 Первое подробное описание особенностей питания сойки.

236 Первое описание послегнездовой и гнездовой экологии вида для побережья Байкала.

237 Заглавие на шмуцтитуле "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" переправлено И.Д. Булычовым на: "Орнитология Восточной Сибири".

238 Полное видовое название кедровки – Nucifraga caryolactes, L.

239 Формула крыла неверна.

240 Бриссон в 1760 г. выпустил книгу "Ornitologie on méthode contenant la division des oiseaux en orders, sections, generes, expeces et Peurs varietes. A laquelle on a jaint une description exacte, de chaque espece, avec les citation des auteurs qui en ont traite, les noms leur ont donnês, ceux que leur ont donne les differents nations et leurs vulgaires", в 6-ти томах, в котором, по сравнению с Линнеем, было выделено большее количество родов, сделаны по единому образцу более полные и точные описания птиц и разобрано большее число видов (1500), но в ней нет последовательной биноминальной системы.

241 Сомнения автора в том, что кедровка портит деревья, долбя их, как дятел, вполне справедливы, хотя и дятлы долбят только деревья, пораженные вредителями.

242 Экологические данные, до сих пор для кедровки никем не описанные.

243 Этот признак варьирует и по-настоящему еще не изучен.

244 Одно из первых описаний кедровки на русском языке.

245 Утверждение ошибочно. Автор не видел гнезда кедровки. Она принадлежит к открыто гнездящимся видам.

246 Синоним ранее неизвестный для этой птицы.

247 Формула крыла неверна.

248 Термин "порода" употребляется в отношении разновидностей животных, выведенных человеком. Дикие животные обозначаются словом "вид".

249 Каспар Швенифельд – автор старейшего описания местной фауны птиц в Европе – "Theriotropheum silesiae", вышедшей в 1603 г.

250 В современной систематике свиристели выделены в самостоятельный род свиристелевых.

250а В современной транскрипции Виейльо.

251 Вомвух – шелковичный червь.

252 Свиристели поедают насекомых, но дневных, ловя их в воздухе.

253 Это рассуждение демонстрирует экологические взгляды автора, в основе которых лежит эволюционный подход.

254 Первые данные по питанию и послегнездовому периоду жизни свиристелей в Восточной Сибири.

255 Сведения, демонстрирующие состояние изученности вида на момент написания рукописи.

256 Семейство свиристелевых в современной систематике подразделяется на два рода, включающих четыре вида. Кроме таежных районов Евразии и Северной Америки, свиристели еще обитают в отдельных полупустынных районах Евразии.

257 Имеется в виду опушка на кончиках перьев.

258 Ранее неизвестное народное название.

259 Латинское название облепихи Hippophie remnoides вписано черными чернилами И.Д. Булычовым.

260 Название сибирской яблони "Pyrus baccata" подправлено черными чернилами И.Д. Булычовым.

[261] См. прим. 254.

[262] Автор прав. Обыкновенные свиристели гнездятся и в массе зимуют в Европейской части нашей страны.

[263] Авторское производное от слова "лоск" – блеск, глянец, гладь (В.И. Даль).

[264] Такая окраска свойственна молодым птицам из выводков данного года.

[265] Одно из первых подробных описаний оперения вида на русском языке.

[266] Заглавие раздела на шмуцтитуле (л. 160) переделано И.Д. Булычовым: "Орнитология Восточной Сибири".

[267] Описание общих признаков птиц III порядка на обороте шмуцтитула отсутствует, хотя с 27 рода начинается раздел, посвященный насекомоядным птицам.

[268] П.И. Борисов, видимо, имел в виду Левальяна, книга которого "Histoire naturelle des oiseaux d'Afrique", вышедшая в 6-ти томах в период 1799–1808 гг., была первым исследованием по орнитофауне Африки и первым источником по орнитологии этого континента.

[269] Дрозды и другие мелкие птицы в странах Южной Европы и сейчас считаются охотничьей дичью, что наносит огромный ущерб природе. В России лишь в отдельных районах в середине прошлого века дроздов относили к охотничьей дичи.

[270] Латинское название приводится по 12-му изданию Линнея. Оно часто употреблялось в старой орнитологической литературе. Современное значение этого вида Turdus musicus соответствует 10-му изданию систематики Линнея.

[271] Первые сведения о распространении этого дрозда в Забайкалье.

[272] Автор оказался прав. Современные орнитологи считают, что на всей территории Европы и Азии обитает один подвид дрозда-белобровика.

[273] Одно из первых описаний вариаций окраски этого вида, ее возрастных и сезонных изменений.

[274] Первые сведения о сроках прилета и отлета белобровика на Байкал и о его питании в этом районе.

[275] Русское название этого дрозда – рябинник – народное, широко распространенное. Название, даваемое в рукописи, дано по характеру окраски (серая) головы и шеи этой птицы.

[276] Здесь в значении "характерная", или "четкая", противоположность.

[277] Первое подробное описание окраски вида в русской литературе.

[278] Это – первые данные о распространенности и характере пребывания дрозда рябинника в районе Байкала.

[279] П.И. Борисов впервые приводит сведения о размерах кладки, окраске яиц и питании рябинника в этих районах.

[280] Название труда на шмуцтитуле переправлено И.Д. Булычовым: "Орнитология Восточной Сибири".

[281] Название – литературный перевод латинского слова cinclus – человек, находящийся в крайне бедном состоянии. Русское народное название "оляпка", происходит, вероятно, от названия детской игры деревенских ребят (мн. число) – оляпки. Такое же название этого вида приводит Паллас на ламутском языке. Другие народные названия этой птицы на территории нашей страны – "водяной воробей", "ляпка", в Харьковской обл. – "ручейка". Орнитологи ранее относили оляпок к семейству дроздовых, в конце XIX в. – к семейству славок. Сейчас они выделены в самостоятельное семейство.

[282] В России этого мнения придерживались охотники.

[282a] В современной транскрипции Бехштейн.

[283] Примечание (сноска) автора.

[284] В этом месте П.И. Борисов вычеркнул слово "испытатели".

[285] П.И. Борисов неточно выразил место устройства гнезда. Из его описания можно понять, что гнездо в прямом смысле устраивается на земле. Сведения неверны. Оляпки устраивают гнезда вблизи воды, почти всегда над водой на скалах, в пе-

щерах, расщелинах, отдельных камнях и т.п. Основным строительным материалом служит зеленый мох.

[286] Современные систематики выделяют четыре-пять видов. В Восточной Сибири обитает обыкновенная оляпка, в Приморье и по Охотскому побережью – бурая.

[287] Возможно, что оляпку путали с крапивником.

[288] П.И. Борисов справедливо подвергает такие рассказы сомнению и правильно объясняет принципы ныряния под воду оляпки и зимородка.

[289] Старое латинское название вида. Современное – Cinclus cinclus L.

[290] См. прим. 282а.

[291] Под "номенклаторами", видимо, подразумеваются создатели научной классификации птиц.

[292] В рукописи было написано "тридцать" верст; П.И. Борисов эту цифру зачеркнул и сверху карандашом написал "пятнадцать". Такая замена нам представляется не случайной. Оба числа – "тридцать верст" и "пятнадцать верст" – имели для декабристов особый смысл, поскольку их отлучки с мест поселения были строго регламентированы. Без специального разрешения они имели право удаляться только на 15 верст; не далее 30 или 50 (на трехдневный срок) – по особым билетам, выдававшимся местным начальством; на большее расстояние и более длительный срок – по разрешению шефа жандармов (ГАРФ. Ф. 109. Ст. 1826, 1 эксп. Ед. хр. 34. Л. 44–44 об.).

[293] Это выражение написано П.И. Борисовым вместо зачеркнутого им же "остающемся свободным от льда".

[294] Как видно из этого текста, П.И. Борисов продолжал и на поселении фиксировать погодные явления.

[295] Указано точное местоположение деревни Малая Разводная.

[296] Описание наблюдений за русалками (оляпками – совр.) позволяет воссоздать картину повседневной жизни братьев на поселении в Малой Разводной.

[297] "Дисимальной французской мерой" П.И. Борисов называет десятичную систему мер, установленную по декрету революционного правительства Франции в 1793 г.

[298] Повторение формулы крыла, данной в общем очерке об оляпках.

[299] Выделенное автором курсивом выражение заменило вычеркнутое им: "приписывать их перьям таинственные сверхъестественные свойства".

[300] Нумеруя эту страницу, П.И. Борисов ошибся, написав цифру "31", цифра исправлена на "33" выцветшими чернилами.

[301] Ранее неизвестный синоним народного названия.

[302] Более полный (по сравнению с л. 196–202) вариант описания сорокопуда. Приведены, в частности, мнения о сорокопудах многих ученых, добавлены суждения общего порядка о причинах эволюции в природе. Шмуцтитул к 34 роду имеется только один. Он отнесен в рукописи к раннему варианту.

Современное написание слова "сорокопуд" – сорокопут, но оно не верно, так как сорокопуд – производное от "пухать", "пудить" – "разбухать", "раздуваться", что подчеркивает внешний облик птицы.

[303] Сорокопут относится к отряду воробьиных, и хищником его можно считать, только исходя из общего понимания этого термина, т.е. животное, потребляющее других животных.

[304] Карл Иллигер в работе "Prodrimus Systematic Mammalium et Avium", вышедшей в 1811 г., предпринял попытку построить более совершенную естественную систему птиц на основе их внешних морфологических признаков. По сравнению с Линнеем в ней более естественно и точно выделены систематические группы, подразделявшиеся на 7 отрядов и 147 видов. Системой К. Иллигера пользовались до первой четверти XX в.

[305] Рассуждение о питании перепончатоногих и зигодактилей позволяет говорить о неполноте сохранившейся части рукописи и о существовании не дошедших до нас описаний птиц.

[306] Бюффон ошибается, трактуя такое поведение сорокопутов, как бесстрашие. Дневные хищные птицы (это характерно для всех хищников) не трогают добычи в непосредственной близости от своего гнезда. Причины для этого могут быть две – приспособление, мешающее обнаружению гнезда, сохранение кормовых запасов на непредвиденный случай.

[307] Слово "ковы" означает "уловки".

[308] Это – способ запасания пищи, характерной для сорокопута-жулана.

[309] Неизвестное народное название, указывающее на способ охоты птицы.

[310] Первое описание кормового поведения этого вида.

[311] Латинское название караульщика соответствует современному названию серого сорокопута, живодера – жулану; в данном случае автором выделяются, вероятно, две формы этого вида. Народное название ("живодер") встречается впервые и ранее известно не было.

[312] Наблюдения последующих авторов это не подтвердили. Выводки распадаются в августе.

[313] Лихтенштейн в 1823 г. выпустил первую работу по птицам Средней Азии "Reise von Orenburg nach Buchara", которая была основана на обработке материалов, собранных Эверсманом в ходе его поездки в 1820 г. в Бухару.

[314] Более поздний пространный (по сравнению с л. 202 об.–206 об.) вариант описания караульщика. Описание, в частности, содержит разбор мнений о караульщиках многих ученых; наиболее поздняя дата в данном тексте – 1853 г.

[315] В рукописи ошибочно "плавательное". Далее эта ошибка переписчиков не оговаривается.

[316] Видимо, это утверждение – ошибочно. См. прим. 511.

[316а] В современной транскрипции Цебратт.

[317] Утверждение не совсем точно. Народные названия подчеркивают какую-либо характерную черту облика или поведения животного, отличающую его от других видов.

[318] См. прим. 304.

[319] Первые сведения о характере распространения этих видов сорокопутов на побережье Байкала.

[320] "Хризолида" – бабочка.

[321] Народное название, вероятно, поползня впервые приведено П.И. Борисовым.

[322] Очень распространенное народное название большой синицы. Наиболее часто оно употреблялось населением Казанской и Оренбургской губерний.

[323] Монашенка – слово, употребительное на юге России (В.И. Даль). Автор так называет синицу-гаичку. Возможно, это ее народное название на родине автора.

[324] Первое описание гнезд и яиц для байкальской популяции серого сорокопута.

[325] Между словами "хвостовые перья" вычеркнуто П.И. Борисовым карандашом слово "покрывала".

[326] Первое на русском языке подробное описание окраски оперения вида и его возрастных и половых вариаций.

[327] Синонимы – обыкновенный сорокопут, серокопытка, караульщик – для серого сорокопута приводятся впервые.

[328] Под этим именем П.И. Борисов описывает сорокопута-жулана. Приводимое им латинское название вида в русской литературе не употребляется. Современное название – Lanius cristatus, L.

[329] Здесь автор ошибается, путая этот вид с длиннохвостым сорокопутом.

[330] Первые подробные данные о распространении и характере пребывания этого вида в районе оз. Байкал.

[331] Автор впервые дает описание кормового поведения, объектов питания и сроков прилета и отлета этого сорокопута для указанных районов.

[332] Видимо, П.И. Борисов был первым, кто описал содержание этого вида в неволе.

Рассказ П.И. Борисова о содержании "у нас" в 1839 г. птенцов короткохвостого сорокопуда (сорокопута – совр.) – одно из свидетельств того, что братья Борисовы держали для своих наблюдений птиц в тюрьме Петровского завода, о чем раньше не было известно. Скорее всего, им удалось приспособить для этих целей какое-то помещение в здании мастерских, расположенных во внутреннем дворе острога. Здание это можно видеть на акварели Н.А. Бестужева (*Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 466–467; К России любовью горя: Декабристы в Забайкалье. Иркутск, 1976. С. 114).

[333] Описание окраски оперения сибирского подвида жулана, половые и возрастные изменения и ее различия П.И. Борисовым сделаны впервые и более полно, чем это дается в современных орнитологических сводках.

[334] Первые достоверные сведения о сроках вылупления птенцов жулана для Восточной Сибири.

[335] Анализируя эволюционные взгляды И.-В. Гете, П.И. Борисов дополняет их собственными наблюдениями, подчеркивая, что ведущим фактором, определяющим морфологическое строение и биологию вида, служит питание вида.

[336] Этим термином автор, вероятно, обозначил обобщающее понятие "широкоротых" и плоскоклювых птиц, вроде колпицы, пеликанов и других, образуя его от латинского слова "patulus".

[337] Автор обоснованно критикует формальный подход при выделении различных таксономических единиц в систематике. Одновременно им высказываются оригинальные взгляды на видообразование, мало чем отличающиеся от современных воззрений.

[338] В данном случае автор имел в виду ученых-систематиков.

[339] Латинские названия родов и семейств птиц в авторской русской транскрипции – батары (Batar) – один из родов семейства муравьелковых (авторск. – муравенники) (Formicariidae) мелкие, в основном лесные, птицы, населяющие Центральную и Южную Америку; платерники (Platyrinchus) – род из семейства Тирановых (Tyrannida) обитателей Северной и Южной Америки; дронеамы (Drymodes) – род из семейства Тимелевых или кустарниц (Timaliidae), по внешнему облику его представители напоминают славок, соек, дроздов, населяют тропики Старого Света; ванаги – семейство Ванговых (Vangidae) – птицы размером от воробья до удода, в основном древесные виды, живущие только на Мадагаскаре и прилегающих к нему островах. "Леснички" – так П. Борисов называет славок (Sylvia).

[340] Эта особенность биологии мухоловок была подтверждена работами современных зоологов. К.Н. Благосклоновым (Охрана и привлечение птиц, полезных в сельском хозяйстве. М., 1955) она использована при разработке методики перевозки мелких видов птиц с птицами-кормилицами.

[341] Автор неправильно привел видовое латинское название – "grisea", исправив свою ошибку на л. 223 – Muscicapa grisola, L. Современное название – Muscicapa striata, Pall.

[342] Первые сведения о встречаемости, местах обитания, сроках прилета и отлета вида.

[343] Синоним, не встречающийся в других русских источниках.

[344] Шмуцтитул надписан П.И. Борисовым; заглавие труда переделано И.Д. Булычовым: "Орнитология Восточной Сибири".

[345] О значении этой заметки П.И. Борисова (л. 192) для понимания авторского замысла организации материала в рукописи см.: "Археографическое описание".

[346] Текст взят с л. 192 об., куда он был помещен переписчиком ошибочно и поэтому вычеркнут карандашом, скорее всего, П.И. Борисовым.

[347] Номер рода остался не зачеркнутым на л. 192 об.

[348] Авторское название рода Славок, подтверждающее характер обитания этих птиц. П.И. Борисовым объединены в этот род, исходя из орнитологической систематики, принятой в его время, самые разные семейства и рода птиц – пеночки, варакушка, сверчек.

[349] Крапивник, как и королек, в современной систематике относятся к самостоятельным семействам и родам. Первый – к семейству крапивниковых и роду крапивник, второй – к семейству корольков и роду – королек.

[350] Пеночки очень схожи в своей окраске. Поэтому П.И. Борисов допустил здесь ошибку в определении вида, дав название и синонимы к нему на л. 268 об. пеночки-трещотки, которая в своем распространении доходит до Урала и в Сибири не встречается. Рисунки, формула крыла, описание окраски, поведение и пение, напоминающие пение пеночки-трещотки, позволяет утверждать, что он имел в своем распоряжении зеленую пеночку – Phylloscopus trochiloides Sund.

[351] Первое упоминание в русской литературе о характере распространения вида в Восточной Сибири.

[352] Впервые в русской орнитологической литературе дается такое подробное описание окраски этого вида, его половых и возрастных особенностей.

[353] Это – первое описание мест обитания, гнезда, размеров кладки, пуховых птенцов и срока вылета птенцов, поведения после вылета для бурой пеночки в Восточной Сибири.

[354] Такое подробное поведение этого вида дано впервые.

[355] Русские синонимы названия бурой пеночки. В орнитологической литературе не встречаются.

[356] Старое название пеночки-таловки – Philloscopus borealis, Blas.

[357] Автором указана неправильная форма крыла.

[358] Первые сведения о биотипах, сроках прилета и отлета вида.

[359] Первое подробное описание окраски этой птицы.

[360] Синонимы, общие для всех пеночек.

[361] Старое название этого вида. Современное – Luscinia svecica, L. Их различия связаны с пересмотром систематического положения вида.

[362] См. прим. 357.

[363] Наблюдения "по берегам и на островах Ангары" относятся ко времени жизни братьев Борисовых на поселении в с. Малая Разводная близ Иркутска (1841–1854 гг.).

[364] Автор первым для Предбайкалья приводит сведения о местах обитания варакушки, ее гнездах, питании.

[365] До П.И. Борисова в русской орнитологической литературе не давалось описания поведения этого вида при защите гнезда.

[366] Первое подробное описание окраски оперения вида, его половых и возрастных особенностей.

[367] Синоним в других орнитологических работах не встречается.

[368] Оба эти русских названия пятнистого сверчка в других орнитологических работах не упоминаются. В старой русской орнитологической литературе этот вид назывался пятнистой камышевкой.

[369] Очень старое название вида. Более часто употреблялись Motacilla locustella Pall. или Silvia lanceolata Temmink. Современное название – Locustella lanceolata Temmink.

[370] Характерная особенность, не используемая в современных описаниях.

[371] Первое описание поведения этого вида.

[372] Описание окраски вида и полового деморфизма сделано впервые.

[373] Первые сведения о численности вида, сроках и местах его обитания в Забайкалье. Современные исследователи (*Измайлов И.В., Боровицкая Г.К.* Птицы Юго-Западного Забайкалья. Владимир, 1973) относят пятнистого сверчка к редким видам.

[374] Наблюдения велись П.И. Борисовым в годы отбывания каторги в Петровском заводе. "Обширная комната" могла быть только в здании мастерских, во внутреннем дворе острога.

[375] Как упоминает автор, его название – перевод с французского, но крик (песня) этого вида настолько характерен, что в различных районах (на латинском, французском, русском языках) обитания он получил в народе идентичные названия.

[376] См. прим. 339.

[377] Впервые на русском языке дается подробное описание поведения этой группы.

[377а] В оригинале ошибочно – "сторон".

[378] Как первое, так и второе русские названия вида в русской орнитологической литературе не встречаются.

[379] Синоним современного латинского названия вида – Oenanthe oenanthe, L.

[380] См. прим. 378.

[381] П.И. Борисов первый дал такое подробное описание окраски каменки, ее половых и возрастных отличий, привел сведения о наличии двух линек у молодых птиц.

[382] Южносибирское название суслика (В.П. Даль).

[383] Первые данные на русском языке для района исследования о размерах кладки, окраски яиц, сроках вылупления птенцов.

[384] Автор первым из русских орнитологов обратил внимание на подвидовые различия в окраске обыкновенной каменки. Следующим автором, уделившим этому вопросу внимание, был Л.А. Портенко (Птицы СССР. М.; Л., 1954. Ч. 3. С. 160).

[385] Русское название не известное в других источниках. В старой и современной орнитологической литературе черноголовый чекан – Laxicola torquata, L.; Saxicola torquata rubicola, L. – подвидовое название для птиц, распространенных в Западной Европе и Европейской части нашей страны.

[386] Сибирское слово, означающее трубочку (В.И. Даль). В данном случае автор имел в виду стержень пера.

[386а] В оригинале ошибочно "их".

[387] Первое подробное описание окраски данного вида, ее половых и возрастных изменений и отличий.

[388] Первые сведения о встречаемости вида в Предбайкалье и местах его гнездования.

[389] П.И. Борисов первый приводит сведения о размерах кладки, окраске яиц и сроках вылета птенцов из гнезда.

[390] Синоним, нигде более в литературе не встречающийся.

[391] Вероятно, это – местное название данного вида, так как нигде в русской литературе по птицам оно не приводится. Зарная – значит в русском языке "огненная: подобная зареву" (В.И. Даль). В Восточной Сибири "зарность" означает горячность. Автор использовал это слово для подчеркивания яркости окраски оперения птицы.

[392] Происхождение слова неизвестно. Русскими орнитологами это название не употреблялось. Возможно, оно иностранного происхождения, но в русской транскрипции.

[393] Современное название сибирской горихвостки – Phoenicurus auroreus, Pall.

[394] Впервые для этого вида дано такое подробное описание формулы крыла, окраски оперения, его возрастных и половых различий.

[395] Упоминание Селенги и Хилка говорит о том, что наблюдения за птицами П.И. Борисов не оставил, оказавшись в Подлопатках (селение это находится на правом берегу Селенги близ впадения в нее Хилка), несмотря на все трудности первых лет жизни на поселении, на обострение душевной болезни Андрея Ивановича.

[396] Первые данные о численности, биотопах и характере распространения сибирской горихвостки в Предбайкалье.

[397] Автор правильно определяет систематическое положение данного вида.

[398] Этот синоним приводится только П.И. Борисовым, являясь переводом латинского названия вида, данного Палласом, – Motacilla aurorea.

[399] Заглавие раздела и подзаголовок к 60 роду созданы по аналогии с другими, так как шмуцтитула для данного рода в рукописи нет.

[400] Русское название рода завирушек (Prunella, Vieillot, 1816), данное автором и подчеркивающее характер местообитания этих птиц.

[401] Латинское название рода завирушек, данное Г.М. Бехштейном в 1807 г.

[402] Автор ошибочно относит соловья-красношейку к роду завирушек. Соловьи объединены в самостоятельный род Luscinia, Forster, 1817.

[403] Это – первое упоминание о сезонных особенностях окраски оперения соловья-красношейки.

[404] Авторское производное от слова "лоск" – блеск, глянец, гладь (В.И. Даль).

[405] Слово "росные" стоит в рукописи ошибочно.

[406] Очень точное наблюдение и объяснение изменения окраски ряда видов птиц в течение летнего сезона, впоследствии отмеченное многими орнитологами.

[407] Русское название соловья-красношейки, являющееся авторским переводом в русскую транскрипцию латинского названия вида.

[408] Не совсем правильная формула крыла. На самом деле она обычно выглядит как 3 > 4 > 5 > 6 > 2.

[409] Название, употребляемое только автором.

[410] Дрябнуть или дряблеть – в Тверской губернии означало "выветриваться", "рыхлеть" (В.И. Даль).

[411] Первое подробное описание окраски птицы и ее изменений при содержании в неволе.

[412] Абзац слева по полю отчеркнут красным карандашом.

[413] Вероятно, это первое в мире описание содержания данного вида в неволе.

[414] Часть фразы в рукописи подчеркнута красным карандашом.

[415] Судя по описанию окраски, речь идет о самце и самке данного вида. П.И. Борисов прав, утверждая, что это один вид. Его рассуждения о возможности отлова птиц с отличной окраской в разных местах – правомочно и, вероятно, указывает на характер миграции соловья-красношейки, свойственный и другим видам, например, горихвосткам, когда самцы и самки мигрируют порознь с разницей от одного до нескольких дней. Такая особенность и могла ввести птицеловов в заблуждение. Характер миграции этого соловья практически не изучен и замечание П.И. Борисова – первый вклад в изучение данной стороны биологии вида.

[416] Рисунок каллиопы (соловья-красношейки – совр.) 1842 г., о котором здесь пишет П.И. Борисов, в настоящее время неизвестен. Рисунки этой птички из собрания И.Д. Булычова относятся к более позднему времени.

[417] Описание наряда каллиопы (соловья-красношейки – совр.) П.И. Борисовым ведется не совсем обычно: он обращает внимание не просто на цвета ее перьев и их переходы, но и на все нюансы соединения различных красочных тонов и оттенков и создания таким образом цветов составных. По его мнению, составные цвета характерны не только для окраски птичьих перьев, но и для цветочных коронок, а также и для крыльев бабочек. К такому суждению П.И. Борисов пришел в процессе создания многочисленных акварельных рисунков птиц, растений и насекомых (См. также описание расцветки оперения снегирей на л. 440 об.–443).

[418] Впервые в отечественной литературе дается подробное описание поведения этого вида.

[419] П.И. Борисову принадлежит первое упоминание о питании соловья-красношейки и его кормах при содержании в неволе.

[420] Указывая на "собственные разыскания", которые он проводил над каллиопами в Нерчинском, Верхнеудинском и Иркутском округах, П.И. Борисов, по суще-

ству, говорит о том, что его наблюдения за этой птичкой велись в течение всех лет жизни в Сибири.

[421] Первое описание пребывания вида в районе Байкала, описание его песни и характера поведения в момент пения.

[422] Утверждение ошибочно. На территории нашей страны встречается только за Уральским хребтом до районов Дальнего Востока.

[423] Особами, заслуживающими доверия, от которых получены сведения о птицах Камчатки и Чукотки, П.И. Борисов, по нашему предположению, подразумевает И.Д. Булычова, который вместе с несколькими спутниками в 1842–1843 гг. совершил поездку на крайний северо-восток Сибири, описанную им в упоминаемой выше книге "Путешествие по Восточной Сибири, Якутская область. Охотский край". (СПб., 1856).

[424] Первые данные о сроках прилета соловья-красношейки в район Байкала.

[425] Очень точное рассуждение о характере миграции.

[426] Анализ современной литературы о путях пролета данного вида, показывает, что П.И. Борисов дал очень близкое их описание, за исключением утверждения, что пролет соловья-красношейки по берегам Охотского моря практически не наблюдается. Основные места его зимовок – Северная Индия, Бирма, о. Тайвань и Филиппинские острова.

[427] Все эти синонимы в других русских работах не употребляются.

[428] Название, близкое к русскому народному – трясогузка, трясохвостка.

[429] Утверждение ошибочно.

[430] Автор дает неправильное название белой трясогузки, соответствующей горной трясогузке. Ее латинское название Motacilla alba, L., синоним Motacilla albicola, Pall.

[431] Первые детальные сведения по распространению и питанию этого вида в Восточной Сибири.

[432] Одно из наиболее поэтических описаний повадок и внешнего облика маленьких птичек Восточной Сибири.

[433] П.И. Борисову принадлежит первое детальное описание окраски оперения белой трясогузки, ее половых, возрастных особенностей, пухового наряда птенцов.

[434] Наблюдения 1840 г. у р. Селенги относится ко времени жизни П.И. Борисова на поселении в с. Подлопатки (Забайкалье); а 1843 г. – с. Малая Разводная близ г. Иркутска.

[435] Здесь автор ошибается. Наши птицы не гнездятся на зимовках, но в местах гнездования могут делать до трех выводков за лето, вероятно, в местах наблюдения П.И. Борисова возможны случаи повторных кладок.

[436] Одно из свидетельств того, что П.И. Борисов продолжал вести метеорологические наблюдения во время жизни на поселении в с. Малая Разводная. 12-летний ряд метеорологических наблюдений П.И. Борисова в Чите и Петровском заводе вошел в труд Г.И. Вильда "О температуре воздуха в Российской империи" (СПб., 1882. С. 317).

[437] Это первое подробное описание мест устройства гнезд, самих гнезд, размеров кладки и окраски яиц.

[438] Первые данные о сроках прилета и отлета этого вида.

[439] Русские синонимы названий белой трясогузки в других орнитологических работах не приводятся. Плиска, присипа (а не плишка) употреблялось в Петербургской губернии в отношении желтой трясогузки (*Мензбир*. Указ. соч.). Термин "плешанка" употребляется для обозначения одного из видов каменок.

[440] Авторское название горной трясогузки. Пастушкой в Харьковской губернии называли желтую и белую трясогузок (*Мензбир*. Указ. соч.). Латинское название ей дал Паллас. Черноголовой трясогузкой ее называли Криницкий (Krinicki, 1839), Эверсманн (Eversman, 1856). Современное латинское название – Motacilla cinerea Tunst., 1771.

Более полное (л. 252–255) описание черногорлой пастушечки по сравнению с предварительным вариантом (л. 292–295), который публикуется после основных текстов.

[441] Верхние кроющие крылья.

[442] Первое подробное описание окраски оперения и его половых, возрастных и сезонных особенностей.

[443] П.И. Борисову принадлежит приоритет в описании гнезда, сроков гнездования, размеров кладки и окраски яиц этого вида из окрестностей Байкала.

[444] Подразумевается деревня близ Петровского завода. (См. также прим. 451).

[445] Речь скорее всего идет об экспедиции в Восточную Сибирь А.Ф. Миддендорфа, обследовавшего, в частности, течение реки Лены (См. также прим. 478).

[446] Это первые достоверные сведения о гнездовании и численности данного вида в Забайкалье. Сравнение их с материалами исследований современных орнитологов (Измайлов, Боровицкая, Владимир, 1973) позволяет судить об исторической динамике численности и ареала вида.

[447] Настоящее замечание – первая попытка установления путей пролета горной трясогузки в Забайкалье.

[448] П.И. Борисов был прав. Современные орнитологи горных трясогузок, обитающих в Европе и Сибири, относят к двум разным подвидам Motacilla c. cinerea Tunst. u Motacilla c. menope Tunst.

[449] Перевод с французского названия белых и желтых трясогузок.

[450] Дюйм – единица длины в английской системе мер. Равна 2,54 см в русской системе мер, отмененной в 1918 г., приравнивалась к 1/28 аршина. Линия составляла 1/780 аршина = 0,057 вершка = 0,1 дюйма = 2,54 мм.

[451] Здесь указывается точная дата приобретения черногорлой пастушечки (горной трясогузки – совр.) с гнездом, прожившей несколько дней у Борисовых в Петровском каземате, о которой говорилось выше (см. л. 253 об.).

Только тогда и там П.И. Борисов мог сделать рисунок этой птички, так как, по словам автора, она была единственной черногорной пастушечкой, которую им удалось достать.

Дошедшие до нас акварели с подобным изображением черногорлой пастушечки (**285, 435**) являются, видимо, более поздним повторением рисунка 1838 г.

[452] Впервые приводится подробное описание оперения этого вида и его возрастных отличий.

[453] Название, известное для района Сарпы (*Мензбир*. Указ. соч.).

[454] Синонимы в других орнитологических работах не приводятся.

[455] Русские названия желтоголовой трясогузки, известные только по рукописи П.И. Борисова.

[456] Впервые приводятся сроки прилета, характеристика поведения вида в пред- и послегнездовой периоды.

[457] Впервые дано такое подробное описание окраски оперения этого вида для Восточной Сибири.

[458] Синоним русского названия, неизвестный для других источников.

[459] Русское название, придуманное автором.

[460] Правильное современное латинское название.

[461] Современные исследователи также отмечают редкость этого вида.

[462] Первые достоверные сведения о гнездовании этого вида в указанном районе.

[463] Упоминающиеся в тексте даты позволяют заключить, что описание "луговой пастушечки" (желто-спинная трясогузка – совр.) составлялось по записям наблюдений, которые велись на каторге в Петровском заводе, а затем – на поселении в Малой Разводной.

Поздний вариант "точного рисунка", созданного в 1846 г., о котором пишет П.И. Борисов, сохранился в собрании И.Д. Булычова.

[464] Впервые в русской орнитологической литературе дано столь подробное описание птенцового наряда этого вида.

[465] Шмуцтитул написан П.И. Борисовым.

[466] Английское название коньков.

[467] Это первые данные о сроках прилета и отлета коньков в районе Байкала.

[468] Обобщение ежегодных метеорологических измерений, которые П.И. Борисов вел в Читинском и Петровском острогах.

[469] Птица определена не верно. Автор дает латинское название и синонимы (л. 311) лугового конька, который обитает в Европе. П. Борисов перепутал ее со степным коньком – Anthus richardi Vieill. Об этом упоминает и сам автор (л. 311 об.).

[470] Это первое подробное описание окраски оперения данного вида и его возрастных изменений.

[471] Первое описание численности, сроков прилета и отлета, местообитаний гнезда, размеров кладки, окраски яиц, сроков вылупления и однодневных птенцов степного конька для Предбайкалья.

[472] Поведение этого вида в момент пения ранее не было описано.

[473] Видимо, возможность создать рисунки пипи обыкновенной (степной конек – совр.) появилась у П.И. Борисова уже после того, как описание ее было закончено, внести же поправку в текст он не успел.

[474] Авторский синоним.

[475] Русское и латинское названия вида, придуманные автором. Он затруднялся в определении вида конька. Судя по описанию и рисунку его, это пятнистый конек Anthus hudgsoni Richm. (иногда в литературе его называют зеленым).

[475а] Далее одно слово неразборчиво.

[476] Впервые дается такое подробное описание окраски оперения этой птицы.

[477] Первые данные о распространении и численности вида в районе Байкала.

[478] По нашему мнению, П.И. Борисов имеет в виду А.Ф. Миддендорфа (см. прим. 445). Интересно, что при обсуждении с "ученым путешественником" вопроса о разных видах пипи (коньков – совр.), обитающих в Восточной Сибири, важную роль играли рисунки П.И. Борисова.

[479] Название, данное автором.

[480] Вид определен не верно. Лесной конек никем в районе Байкала не отмечен. Судя по описанию и рисунку (**291**), автор наблюдал горного конька Anthus spinoletta, L.

[481] Это первое подробное описание оперения данного вида и его сезонных различий.

[482] Впервые приводятся сведения о численности и местах обитания вида.

[483] До этого в литературе отсутствовали данные об устройстве гнезда, величине кладки, окраске яиц и питании птицы. Питание данного вида до сих пор считается плохо изученным.

[484] Описание общих признаков птиц IV порядка дано в начале раздела соответственно принятым правилам. Текст повторен с л. 369.

[485] Украинское название хохлатого жаворонка.

[486] Русское название по другим источникам неизвестно.

[487] Исторические сведения по биоиндикации с помощью птиц.

[488] Такое подробное описание окраски оперения этого вида и половой диморфизм в ней даются впервые.

[489] Подобное подробное описание поведения жаворонка дается впервые.

[490] Первые сведения о местах устройства гнезд, самом гнезде, размерах кладки, окраске яиц, сроках насиживания и пребывания птенцов в гнезде.

[491] Сведения ошибочны. За сезон бывает лишь одна кладка.

[492] Приводимые П.И. Борисовым сведения по содержанию жаворонков в неволе и связанных с этими особенностями по данному вопросу – одни из наиболее ранних в русской литературе.

[493] Сведения ошибочны.

[494] Наблюдения времени поселения в с. Малая Разводная.

[495] Первые точные сведения о численности вида и сроках его отлета в районе Иркутска.

[496] Автором приводится малоизвестные исторические сведения о применении биологических методов борьбы.

[497] Старое название рогатого жаворонка. Другое старое название – белокрылый жаворонок.

[498] В современной систематике чаще употребляется название Eremophila alpestris, L. по родовому названию рогатых жаворонков.

[499] Одни из первых сведений о численности данного вида в Восточной Сибири и характере поведения при отлете.

[500] П.И. Борисов первый дал такое подробное описание окраски оперения этого вида, его половых и возрастных особенностей.

[501] Синоним, приводимый только автором.

[502] Автор дает русское и латинское названия степного жаворонка, который не встречается в районе Байкала. Описание и рисунок соответствуют монгольскому жаворонку Melanocorytha mongolica Pall. (**297**).

[503] Первое и до сих пор наиболее подробное описание окраски оперения этого вида в русской орнитологической литературе.

[504] Первые сведения о сроках отлета вида из района оз. Байкал.

[505] До сих пор размножение этого вида – места расположения гнезд, величина кладки, описания яиц – не изучены.

[506] Питание монгольского жаворонка не изучено.

[507] Сведения о песне этого вида в литературе не приводятся.

[508] Синоним в других работах не упоминается.

[509] Автором приводится неправильная формула крыла.

[510] В России повсеместное народное название, в основе которого лежит синеватый отлив черного оперения.

[511] Характерная особенность поведения, известная всем птицеловам.

[512] Это первые сведения о характере поведения птицы, местах устройства гнезд, размерах кладки (П.И. Борисов приводит максимальное число, известное для этого вида), окраске яиц.

[513] Зинька – народное название, известное для Казанской, Оренбургской, Харьковской губерний (*Мензбир*. Указ. соч.). Остальные названия в орнитологической литературе не встречаются.

[514] Формула крыла верна только частично.

[515] Сведения, подтвержденные позднейшими исследованиями, кроме того, позволяют сделать вывод, что в период наблюдений П.И. Борисова Зинька была более многочисленна, чем сейчас.

[516] Первое упоминание о характере устройства гнезда этого вида.

[517] Одно из первых подробных описаний особенностей окраски оперения московки.

[518] Количество яиц в кладке указано неверно. Максимальное число, зарегистрированное для этого вида, – 11 штук. Окраска яиц в литературе приводится впервые.

[519] Два последних названия по другим источникам неизвестны.

[520] Народное название черноголовой гаички, неизвестное по другим источникам.

[521] Первые сведения о местах обитания этого вида в Восточной Сибири.

[522] Одно из первых подробных описаний окраски оперения черноголовой гаички.

[523] Максимальное число яиц в кладке этой птицы – 10 шт. Окраска яиц описана впервые.

[524] Синонимы русских названий, не известные по другим источникам.

[525] Название, данное автором.

[526] Современное латинское название – Aegithalos caudatus, L.

[527] Такое подробное описание окраски оперения этого вида, его возрастных и половых отличий дается впервые.

[528] Это первое подробное описание гнезда длиннохвостой синицы.

[529] Автор, видимо, использовал литературные данные. Они ошибочны. Максимальное число яиц в кладке этого вида – 14 штук. Окраска яиц описывается впервые.

[530] Синонимы по другим источникам неизвестны.

[531] Этимология этого слова дается впервые.

[532] Авторское название камышевой овсянки Emberiza schoeniclus, L.

[533] П.И. Борисов приводит латинское название вида искусственно образованное им из названия семейства овсянок и видового названия дроздовидной камышевки (семейство славковых).

[534] Первое указание о гнездовании камышевой овсянки в Восточной Сибири. В районе Байкала она – относительно редкий вид.

[535] До сих пор одно из наиболее подробных описаний окраски оперения данного вида, его половых и возрастных отличий.

[536] Синонимы по другим источникам неизвестны.

[537] Описание дубровника более полное, чем в раннем варианте (с. 234–236 наст. изд.). Название вида – "золотистый подорожник" по другим источникам неизвестно.

[538] Данный рассказ о наблюдениях за золотистыми подорожниками (дубровниками – совр.) в течение 23-х лет обобщает полученные П.И. Борисовым сведения об этих птицах со времени перевода его из Читы в Петровский завод в 1830 г. и пребывания в селении Подлопатки до 1841 г. (период жизни в Забайкалье; 1842 год здесь обозначен автором ошибочно), а затем в годы жизни в Малой Разводной. По всей видимости, текст относится к 1853 г. Что же касается упоминаемых здесь "особ, достойных полного доверия", которые жили в Забайкалье и могли наблюдать после отъезда оттуда братьев Борисовых прилеты и отлеты золотистых подорожников на берега Селенги в Чикоя, то правомернее всего высказать предположение о том, что это были братья Николай и Михаил Бестужевы, жившие, как известно, на поселении в Селенгинске. Называя реки Селенгу и Чикой, П.И. Борисов указывает точное местоположение Селенгинска.

[539] Первые подробные данные о сроках прилета, разбивки на пары и характере весеннего прилета дубровника в районе оз. Байкал.

[540] Изображение одного из этих птенцов, выкормленного братьями в Петровском заводе в 1838–1839 гг., было сделано П.И. Борисовым с натуры и послужило оригиналом для однотипных рисунков золотистого подорожника, имеющихся в собраниях К.Я. Дарагана и И.Д. Булычова. Идентичность этих изображений несохранившемуся оригиналу подтверждается надписью П.И. Борисова на рисунке в альбоме К.А. Дарагана: "Молодой годовалый самец" (Каталог, **315, 406**).

[541] Лядвеная кость – бедренная часть.

[542] Наиболее полное первое описание окраски оперения, его половых и возрастных отличий этого вида, а также первое наиболее полное описание гнездового периода этого вида – гнезда, места его устройства, размера кладки, окраски яиц, хода насиживания, сроков откладки яиц, вылупления птенцов и их пребывания в гнезде.

[543] Повсеместное народное название пуночки Plectrophenax nivalis, L., относящейся к тому же семейству, что и овсянки, но к другому роду. П.И. Борисов привел латинское название типа для этой птицы.

[544] Подобное народное название известно для Зауралья и Пермской обл. (*Мензбир*. Указ. соч.).

[545] Первые сведения о сроках пребывания вида в районе Байкала.

[546] П.И. Борисов первый подробно описал зимнюю окраску оперения пуночки.

[547] Это первое конкретное указание о летнем пребывании пуночки в районе

Байкала. Автор правильно сделал предположение о характере зимовки этого вида в Сибири. Здесь же приведены точные измерения температуры воздуха, относящиеся ко времени жизни П.И. Борисова в Малой Разводной.

[548] Сведения, ранее неизвестные.

[549] Происхождение этого русского названия лапландского подорожника Calcarias lapponicus, L. неизвестно. Латинское название автором образовано из названия семейства овсянок, куда входит лапландский подорожник, и родового названия подорожников.

[550] П.И. Борисов был прав, так как это два близких рода одного семейства.

[551] Первое в русской орнитологической литературе подробное описание окраски оперения, его половых и возрастных особенностей этого вида.

[552] Синонимы по другим источникам неизвестны.

[553] Одно из первых подробных описаний окраски оперения этого вида.

[554] Это первые сведения о численности вида и сроков его пребывания в районе Байкала.

[555] Вероятно, это сибирское название обыкновенного клеста, так как обычно его называют клест-еловик. Латинское название клеста-сосновика, обитателя Северной и Центральной Европы, Loxia pytyopsittacus Borkhausen.

[556] Народное название, известное для Московской губ. (*Мензбир*. Указ. соч. М., 1895. Т. 2).

[557] Первые сведения о характере пребывания и численности этого вида в районе Байкала.

[558] Прямое свидетельство существования "приготовительных очерков" описания птиц, их предварительных вариантов.

[559] Текст создан в 1849 г. и, следовательно, второе издание "систематических таблиц" К. Темминка было получено П.И. Борисовым в 1847 г. скорее всего через В.Н. Баснина.

[560] Три рисунка, о которых пишет П.И. Борисов, присутствуют в собрании И.Д. Булычова (**191–193**).

[561] Одно из свидетельств того, что П.И. Борисов вел ботанические наблюдения (см. также прим. 569, 580).

[562] Предположения П.И. Борисова оказались верными и являются первыми достоверными данными о сроках размножения белокрылого клеста в районе Байкала. Это подтверждается исследованиями Е.И. Павлова (Птицы и звери Читинской обл. Чита, 1948), И.В. Измайлова (Птицы Витимского плоскогорья, Улан-Удэ, 1967).

[563] Автор – первый, кто дал такое подробное описание окраски оперения белокрылого клеста, его возрастных и половых отличий.

[564] Одно из самых подробных описаний расцветки оперения птички, которое могло быть создано только художником.

[565] Автор дает латинское название современного европейского подвида обыкновенного снегиря – Pyrrhula pyrrhula, L. В Сибири распространен другой подвид – серый снегирь Pyrrhula p. cineracea Cabanis.

[566] Первые сведения о характере обитания снегиря в районе Байкала.

[567] Одно из первых описаний поведения этого вида.

[568] Для серого снегиря это – первое подробное описание окраски оперения самца и самки.

[569] Утверждение о невозможности определения самостоятельности видов по одной только величине животных и растений говорит о серьезных занятиях П.И. Борисова не только орнитологией, но и ботаникой.

[570] Свидетельство того, что и в Благодатском руднике П.И. Борисов вел наблюдения над птицами, что было ранее не известно. (См. также прим. 587).

[571] Синоним русского названия длиннохвостого снегиря, не известный по другим источникам.

[572] Латинское название, придуманное автором. Первая часть им взята от латинского синонима Pyrrhula caudata Pall., а вторая – собственное добавление. Современное название – Uragus sibiricum, Pall.

[573] Формула крыла неверна.

[574] Первые сведения о питании урагуса. См. также прим. 579.

[575] Автор один из первых дал описание поведения длиннохвостого снегиря в зимнее время. Наблюдения начались в Петровском заводе в 1837–1838 гг.

[576] Яркость и гармоничность оперения длиннохвостого снегиря, изящество его облика заставили автора, всегда сдержанного в проявлении своих чувств, высказать восхищение внешним видом и повадками этой птички и придумать самому для нее замечательное название – красавчик (л. 462). Изображение этой птички в разных вариантах присутствует во всех орнитологических собраниях его рисунков, так как рисовал он ее особенно часто.

[577] Впервые дано такое подробное описание окраски оперения урагуса, его возрастных и половых изменений.

[578] П.И. Борисов отмечает умственные способности урагуса. Такая трактовка, т.е. признание за птицами сознательной деятельности, стала приниматься учеными на основе разработок Л.В. Крушинского лишь в последнее десятилетие.

[579] Первые сведения о питании урагуса.

[580] Данное рассуждение автора о семенах различных растений в совокупности с отмеченными ранее заметками ботанического характера могут служить дополнительным доводом в пользу того мнения, что П.И. Борисов не только рисовал многие растения Восточной Сибири, но и готовил их описание.

[581] На территории России обитает три подвида длиннохвостого снегиря.

[582] Одной из "особ, долго живших в Западной Сибири", как нам представляется, был И.Д. Якушкин. Известно, что Якушкин именно долгие годы жил в Западной Сибири – в Ялуторовске, он был страстным натуралистом и с особенным уважением относился к П.И. Борисову. Последняя их встреча произошла в 1854 г. во время приезда И.Д. Якушкина в Иркутск. Не случайно именно И.Д. Якушкину передал С.Г. Волконский бумаги Борисовых, спасенные им после смерти братьев.

[582a] В оригинале ошибочно "их".

[583] По другим источникам это народное название неизвестно.

[584] Название обыкновенной чечевицы Erythrina erythrina, Pall., неизвестное из других источников.

[585] Родовое название снегирей включено в наименование птицы неправильно, так как чечевицы относятся к роду Erythrina.

[585a] В оригинале ошибочно "их".

[586] Автор первым дал подробное описание возрастных особенностей окраски оперения самца обыкновенной чечевицы.

[587] Наблюдения времени первого рода отбывания карторги в рудниках Благодатска.

[588] Сведения о сезонном характере пребывания и поведении этого вида в районе Байкала приводятся впервые.

[589] Название дано в честь Палласа Темминком.

[590] Латинское название Сибирской или розовой чечевицы Erythrina rosea Pall. дано по тому же принципу, как и для обыкновенной чечевицы.

[591, 592] Описание сибирской чечевицы на этом месте обрывается, его окончание в рукописи отсутствует. Далее следует заметка; она сделана П.И. Борисовым карандашом и читается с трудом. Эта заметка является одним из оснований для утверждения, что труд декабриста о птицах Восточной Сибири не ограничивался только данной рукописью.

[593] Латинское название щура Pinicila enucleator, L. дано автором по тому же принципу, что и обоим видам чечевиц.

[594] П.И. Борисов предпринял первую попытку описания сезонных и половых различий в окраске щура.

[595] Первые указания о характере пребывания щура в районе Байкала.

[596] Название не известное по другим источникам.

[597] Единственный случай синонимии, помещенной автором в заглавии раздела.

[598] Название полевого воробья Passer montanus, L. не известное по другим источникам.

[599] Латинское название образовано из родового названия вьюрков и видового полевого воробья.

[600] Оригинальные данные о характере гнездования этого вида (См. также л. 481 об.).

[601] Первые сведения о количестве выводков, размерах кладки и окраски яиц полевого воробья из района Байкала.

[602] См. прим. 599.

[603] Автор впервые приводит сведения о численности и местах обитания домового воробья в районе Байкала.

[604] Первое детальное описание половой и возрастной особенностей окраски оперения домового воробья из Восточной Сибири.

[605] Оригинальные наблюдения по поведению этого вида.

[606] Первые сведения о величине кладки и окраске яиц.

[607] Современное написание этого вида – чечетка – Carduelis flammea, L.

[608] Автор впервые описывает характер пребывания и питание вида для районов его исследований.

[609] Впервые дается подробное описание возрастных и половых различий в окраске оперения чечетки.

[610] Название из других источников неизвестно.

[611] Ранние наблюдения П.И. Борисова. 1815 г. – последний, проведенный братьями в родительском доме в селении Боромля Ахтырского уезда Харьковской губернии, в 1816 г. они определились на военную службу.

[612] Первые сведения о зимовке юрка в этих губерниях.

[612a] В современной транскрипции Сибольд. В 1684 г. описал животный мир Шотландии.

[613] Сведения ошибочны. Юрки в основном питаются животной пищей.

[614] Сведения ошибочны. Этот вид в Забайкалье достаточно редок.

[615] Наблюдения относятся ко времени службы П.И. Борисова на Кавказе в Грузинской гренадерской артиллерийской бригаде в 1819–1820 гг.

[616] Отметив это обстоятельство, П.И. Борисов не сделал в конце описания этого вида отсылки к рисункам, тем не менее в альбоме И.Д. Булычова есть рисунок с изображением двух юрков, посаженных художником таким образом, чтобы была возможность всестороннего осмотра их наряда. Видимо, акварель была сделана позднее описания и внести сведения о своем рисунке в рукопись автор не успел (**207**).

[617] Предварительные варианты описаний ряда видов птиц выделены из основного текста рукописи. П.И. Борисов называл их "приготовительными очерками нашего труда" (л. 426). От более поздних вариантов позволяют их отличить имеющиеся в текстах указания на место и время проводившихся наблюдений, а иногда и прямые даты. Все предварительные варианты сохранили авторскую правку и отсылки к рисункам. В рукописи они находятся в отрыве от окончательных текстов описаний этих же видов птиц.

[618] Данный вариант описания длиннохвостой (долгохвостой) совы содержит материалы наблюдений, которые велись П.И. Борисовым над этим видом только в Забайкалье. Полное описание см. на л. 82–87.

[619] Первоначально в заглавии раздела латинское название долгохвостой совы было Strix longicauda, переправлено П.И. Борисовым на Strix funerea. Название – неправильное. В русской орнитологической литературе не встречается. Видовое название Funerea – лат., "погребальная" в настоящее время употребляется в отношении мохноногого сыча. Общая длина птицы соответствует размерам обыкновенной неясыти, хотя автор описывает бородатую неясыть – Strix nebulosa.

[620] Первые данные о характере распространения, пребывания и численности вида в Забайкалье.

[621] Автором сделано впервые подробное описание внешнего вида птицы на русском языке.

[622] См. прим. 619.

[623] В синонимии долгохвостой совы П.И. Борисов вычеркнул слова: Longicauda, долгохвостая сова.

[624] Более краткий (по сравнению с л. 138–149) ранний вариант описания сорокопуда. В нем, в частности, отсутствуют ссылки на исследования многих орнитологов, имеющиеся в окончательном тексте.

[625] В рукописи – "жжатый"; П.И. Борисов поправил написание этого слова, было "жатый".

[626] "Позорище" – в данном случае в значении "на поприще".

[627] Эта фраза свидетельствует о намерении П.И. Борисова в будущем создать более полный вариант описания сорокопуда.

[628] "Откидывать" – здесь в значении "откладывать".

[629] Более краткий (по сравнению с л. 149 об.–158 об.) текст описания караульщика. Содержит авторские пагинацию и колонтитулы. Единственная дата в тексте – декабрь 1845 г. В развернутом тексте имеется вторая дата – октябрь 1853 г., анализируются мнения ряда ученых, изучающих данный вид.

[630] В рукописи "серой" сорокопуд.

[631] См. прим. 630.

[632] Имеется в виду Малая Разводная.

[633] В рукописи "зерны".

[634] См. прим. 630.

[635] Более краткое (по сравнению с л. 252–255) описание черногорлой пастушечки (горной трясогузки – совр.). В основном варианте говорится о наблюдениях над этой птицей в течение 30 лет.

[636] Здесь, по нашему мнению, имеется в виду А.Ф. Миддендорф. См. прим. 445, 478.

[637] Русское название желтой трясогузки, данное ей автором.

[638] Более краткий вариант (по сравнению с л. 383–389) описания золотистого подорожника (дубровника – совр.). Здесь пишется о 17-летних наблюдениях над этим видом, в пространном тексте – о 23-летних наблюдениях и упоминается дата – 1854 г.

С. Куйбышева, В.К. Рахилин, Н.И. Сафонова

Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Атлас

[1] Атлас выполнен по заказу И.Д. Булычова в 1850-е годы. Хранится в Научной библиотеке МГУ, в четырех альбомах с владельческим названием: "Рисунки Борисова. Сибирь. Орнитология Восточной Сибири". В составе Атласа 179 акварелей с изображением 99 видов птиц. Авторский порядок акварелей нарушен. Во многих случаях авторские определения видов утрачены.

В рукописи "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" при описании отдельных видов есть авторские ссылки на Атлас. Однако значительная группа аква-

релей не имеет параллельной им текстовой части. При составлении перечня, сопровождающего атлас в данном издании, мы придерживались порядка, принятого П.И. Борисовым в рукописи, а там, где есть только акварели без текста, основывались на группировке видов птиц по современной систематике; внутри групп, по возможности, соблюдая существующее расположение акварелей в альбомах. В настоящем издании Атлас из собрания И.Д. Булычова дополнен рисунками четырех видов птиц, которые не представлены в данном собрании (каталог **220–224**).

Две серии рисунков птиц 1840-х годов существенно меньше по составу. "Фавна", выполненная для В.Н. Баснина содержит две тетради по 10 рисунков каждая с изображением 15 видов птиц (хранится в ГИМ); 50 акварелей, выполненных для К.Я. Дарагана, дают изображения 33 видов птиц (пять тетрадей хранятся в РГБ). Оба собрания полностью сохранили первоначальный формат рисунков, авторский порядок, авторские определения и группировку видов птиц, что позволяет полнее понять направление трудов П.И. Борисова по созданию региональной сводки орнитологической фауны Восточной Сибири, над которой он работал на поселении в течение 15 лет.

Практически все виды птиц, изображенные на акварелях собраний В.Н. Баснина и К.Я. Дарагана (кроме отмеченных выше), имеют повторения и варианты в наиболее полной поздней сводке, сделанной для И.Д. Булычова. Причем изображения птиц в более ранних трудах декабриста по орнитологии зачастую более непосредственны, точны и выразительны, так как были сделаны с натуры. Поэтому в ряде случаев в перечне мы делаем ссылку на более удачные рисунки этих собраний.

Для привязки рисунков к публикуемой в настоящем издании рукописи и каталогу акварелей в перечень видов птиц введены авторские и современные названия на русском языке. В самой рукописи дана систематическая сводка описываемых П.И. Борисовым объектов его изучения, в том числе полные определения по принятой автором системе, а также обширная синонимия.

Из-за ограничений финансового порядка мы были вынуждены публиковать не весь корпус Атласа. При отборе акварелей для настоящего издания исходили из того, чтобы был хотя бы один представитель "рода". В ряде случаев эти представители даны в расширенном составе: самец, самка и птенцы или гнездо, или самцы в разных брачных нарядах, до или после линяния и т.п. От показа птиц в разных поворотах или разных позах пришлось отказаться. Полная публикация всех трех орнитологических серий – в издании 1986 г. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч.)

Идентификация изображений в современной системе выполнена В.К. Рахилиным. Стандартное описание всех выявленных рисунков орнитологического содержания можно найти в аннотациях Каталога акварелей.

[2] Номера "родов" 117 и 118 восстановлены по авторскому перечню из собрания К.Я. Дарагана.

[3] Здесь и далее знак (*) показывает, что название написано не собственноручно автором, а другим почерком. Это может быть А.И. Борисов или владелец, или какое-либо другое лицо, возможно, Н.А. Северцов, который работал с Атласом и предполагал его издать.

[4] Здесь и далее там, где нет номера рода, имеются авторские изображения объектов без пояснительного текста.

[5] Далее в случае отсутствия авторского названия прочерк (–).

[6] Это самая немногочисленная серия – 4 из 16 листов в альбоме "Энтомология и зоология" из собрания И.Д. Булычова, которое хранится в Научной библиотеке МГУ. Название альбома принадлежит владельцам. По содержанию эта серия примыкает к орнитологической серии, так как дает в основном изображения мелких млекопитающих, которыми питаются птицы. Авторские определения и нумерация отсутствуют.

Из четырех акварелей с изображением грызунов на двух представлены важные для систематика детали – отдельно нос и рот, кистевые части передних и задних лап, верхние и нижние зубы. Видовая идентификация выполнена Г.А. Банниковым из Ветеринарной академии. Изображения мелких животных есть также на некоторых листах из орнитологической серии, где изображены хищные птицы, и среди разнородных акварелей, не составляющих серии (см. раздел IV Каталога).

О.А. Александровская

Труды по флористике

[1] Это направление научной деятельности П.И. Борисова представлено тремя ботаническими сериями акварелей (173 листа), которые принадлежали разным владельцам и хранятся в различных собраниях. Они отражают разные периоды творчества П.И. Борисова. Кроме трех систематических ботанических серий акварелей, есть изображения растений в орнитологических и энтомологических сериях, а также в подарочных, альбомных и просто разрозненных листах (см. раздел IV Каталога).

[2] Атлас без авторского названия – самый ранний из выявленных ботанических работ П.И. Борисова. Он принадлежал С.Г. Волконской, хранится во Всероссийском музее А.С. Пушкина (ВМП, Санкт-Петербург), точнее, в Царскосельском лицее. В его составе 20 листов с изображением 34 видов растений, в том числе 6 многофигурных. Авторские определения видов отсутствуют. Сохранилась только их авторская нумерация. Идентификация выполнена в 1980-х годах сотрудниками БИН РАН Р.В. Камелиным и Н.Н. Цвелевым под руководством В.И. Грубова. Подробнее см. Каталог (**68–86**). В публикуемом нами перечне видов растений, вошедших в этот Атлас, авторские названия восстановлены по изображениям, имеющим повторения или варианты в других ботанических сериях. Четыре вида не имеют повторений и поэтому приведены только их современные определения. Это – клоповник крупковидный Lipedium draba, горечавка простертая Gentiana prostrata, скрученник Spirantes chinensis и девясил британский Inula britanica. В настоящем издании воспроизводятся четыре акварели, демонстрирующие характерные для данного Атласа особенности, отличающие его от других ботанических серий. Полная публикация альбома в издании 1986 г. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. Ил. 442–460).

[3] Атлас "Букет Восточной Сибири" выполнен по заказу К.Я. Драгана, находится в Библиотеке БИН РАН. Он сохранил свой первоначальный состав, формат и оформление. В нем 67 акварелей; есть авторские определения 65 видов растений, сгруппированных по родам и семействам. Он наиболее полно раскрывает работу Борисова-систематика. Современная идентификация выполнена систематиками БИНа. В настоящем издании воспроизведены 44 акварели. По одному представителю рода. В полном составе Атлас можно найти в издании 1986 г. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. Ил. 43–109).

Базовые сведения о каждой акварели в аннотациях Каталога (**1–67**). В нем также приведены авторские списки изображенных растений на латыни и русском языке. При этом П.И. Борисов использует как переводные названия (злаколиственная гемерокаль, молочный ирис, желтый ирис, сибирский, молочный колокольчик, нарциссоцветная ветренница), так и народные названия (разсыпная сарана, румяная сарана, пискульник, мужик-корень, венценосные голубки, лесной журавленник, луговая режа, шишак-трава, береговой пьянишник, багун, блошница-стариц и т.д.) – их большинство; а также смешанные: эпитет переводной, а родовое название народное (душистый чеснок, большецветные кукушкины башмачки, альпийский жабрей) или, наоборот, родовое название переводное, а эпитет народный, или, наконец, придуманный автором эпитет и переводное родовое название (даурская сверция).

[4] Авторское написание таксонов не всегда совпадает с современным их написанием, которые в отдельных случаях введены в квадратных скобках систематиками БИНа.

[5] Здесь и для следующего вида мы даем более удачное изображение из атласа "Очерк изящной флоры..."

[6] Атлас "Очерк изящной флоры Забайкальского края" выполнен по заказу И.Д. Булычова; хранится в Научной библиотеке МГУ. В его составе 86 акварелей, собранных владельцами в два альбома, озаглавленные "Забайкальская флора". Авторский порядок акварелей нарушен; во многих случаях авторские определения видов утрачены. Подробнее об этом см. Каталог. Авторский перечень видов, родов и семейств отсутствует. Большая часть видов – повторение или варианты видов, воспроизведенных в первых двух ботанических сериях, существенным дополнением к которым являются акварели с изображением кустарников. В первых двух в основном нарисованы травянистые растения. Особенностью акварелей атласа "Очерк изящной флоры Забайкальского края" является наличие изображений деталей, важных для определения систематической принадлежности растений: завязь, пестик, тычинка, плоды в плане и в разрезе, плодоножки и т.п. Полная информация об этом содержится в аннотациях Каталога (**87–170**). Современная идентификация видов изображенных растений выполнена Г.И. Проскуряковой (Главный ботанический сад РАН). В настоящем издании воспроизведены только те акварели, которые не имеют повторений и вариантов, или те, на которых дополнительно есть изображения частей растений, существенно важные для систематиков.

[7] Далее в подобных случаях, т.е. если авторское название отсутствует, в данной графе ставится прочерк (–).

О.А. Александровская

Труды по энтомологии

[1] Многое из энтомологических работ утрачено. Известно, что уже на каторге братья Борисовы составили обширную коллекцию насекомых и продолжали собирание на поселении, что они имели контакты с Ф.Б. Фишером. Это позволяет искать их сборы в Зоологическом музее МГУ. Поиски материалов Борисовых не увенчались успехом, так как в 1960-х годах администрация музея произвела "чистку" коллекций и ликвидировала все безымянные экземпляры, хотя на многих из них были этикетки с указанием места сбора – "Восточная Сибирь". "Государственные преступники" Борисовы не имели право ставить где-либо свои имена. Результат плачевный. То же произошло и с их ботаническими сборами, которые они отсылали Ф.Б. Фишеру в Санкт-Петербург и которые должны были отложиться в Гербарии БИН; поиски и там ни к чему не привели.

К настоящему времени обнаружены лишь две работы по энтомологии: исследование метаморфоза насекомых, представленное 12 многофигурными акварелями в собрании Научной библиотеки МГУ, и "Записка о муравьях" в ОПИ ГИМ. Однако имеются сведения и о других произведениях в этой области.

В "Книге доходов" отмечены "ливрезон метляков" для "сенаторши" (т.е. жены сенатора И.Н. Толстого) – тетрадь из 10 двойных рисунков насекомых (запись от 11.05.1846) и "ливрезон" из 10 рисунков, содержащих 13 сюжетов для Н. Мясникова (запись 4.11.1843). Возможно, в составе трех "ливрезонов фавны с текстом" для П.А. Муханова была и тетрадь с изображением насекомых. В пользу этого говорит множественное число слова "фавна" и то обстоятельство, что в "Книге доходов" рисунки птиц, насекомых и млекопитающих, исполненные для И.Д. Булычова, учтены под общим названием "Фавна".

[2] Энтомологическая серия акварелей из собрания И.Д. Булычова входит в состав альбома "Энтомология и зоология" и имеет не только вспомогательную для орнитолога роль. Она свидетельствует о более глубоком интересе к энтомологическим объектам. На 12 листах даны изображения 10 видов насекомых в их метаморфозе. Изображения сопровождаются указанием времени наблюдения и пометами, которые позволяют предполагать, что задачей энтомологической серии было соз-

дание полноценного Атласа насекомых, аналогичного трудам по "орнитологической фавне" и "флоре" Восточной Сибири. Идентификация насекомых согласно современной систематике осуществлена сотрудницей Зоологического музея МГУ Е.М. Антоновой. Примечания 1 и 2 О.А. Александровской.

[3] Записка о муравьях – хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 282. Л. 172–173), автограф.

Часть архива братьев Борисовых – письма и записки к ним разных лиц (1839–1846 гг. и без даты) и публикуемая работа, переплетенные в одну книгу А.И. Борисовым, – была передана в ОПИ ГИМ в 1945 г. в составе коллекции документальных материалов XVII–XIX вв. из Музея Революции СССР (ныне Государственный центральный музей современной истории России), куда попала в 1926 г. из семейного архива Якушкиных (ее передал Е.Е. Якушкин).

Рукопись на двух листах, подписанная П. Борисовым, не имеет заголовка. По традиции в литературе и архивных описаниях она значится как "Записка П.И. Борисова о муравьях", хотя содержание ее шире. Она представляет собой развернутую записку П.И. Борисова с ответами на вопросы некоего Ва[силия] Вас[ильевича]. Во всех случаях вопросы, формирующие разделы "Записки", написаны на полях рукописи. В данном издании они выделены курсивом. Обращение автора в конце записки к Артамону Захаровичу Муравьеву и замечания последнего на полях дают право считать, что эти вопросы были получены П.И. Борисовым также через А.З. Муравьева. Записка не имеет даты. Ее можно датировать по содержанию и составу второй половиной 1845 г. – третьей четвертью 1846 г., так как в тексте есть указание на январский номер Journal des Debats 1845 г., замечания А.З. Муравьева могли быть сделаны не позже начала ноября 1846 г. (даты его смерти). Таким образом, она написана на поселении в деревне Малой Разводной близ Иркутска, на реке Ангаре, куда в 1841 г. были переведены братья Борисовы из глухого села Подлопатки, близ Верхнеудинска. По характеру вопросов видно, что неизвестный Василий Васильевич обращался к П.И. Борисову как к специалисту-природоведу. Адресатом мог быть также специалист в близкой области. Возможно, это был В.В. Гаупт (Wilchelm Haupt), ветеринарный врач, ботаник, который жил в Иркутске в 1809–1860 гг., но часто и на длительные сроки выезжал в другие районы Сибири*. Другим возможным адресатом мог быть В.В. Курбатов, чиновник Иркутского губернского правления, титулярный советник, начальник 3-го отделения в 1834 г. в 1845 г. состоял в Иркутском губернском совете экзекутором. В его обязанности входило наблюдение за перепиской декабристов (цензура их писем)**.

К сожалению, нет никаких сведений о личном знакомстве этих людей с Борисовыми, А.З. Муравьевым или колонией поселенцев в Малой Разводной.

В "Записке о муравьях", как и в других работах П.И. Борисова, отразилось аналогичное его качество как ученого, в Сибири он, насколько это было возможно в его положении, следил за выходящей в России и за границей литературой по естествознанию и вел собственные наблюдения. "Записка" интересна тем, что это первое упоминание о муравьях Сибири и первое сообщение о муравьях, написанное на русском языке. Сведения о развитии и систематике муравьев и термитов, скорее всего, взяты из работ П. Лятрейля и П. Губера (*Latreille P.* Histoire naturelle des fourmis. P., 1802; *Huber P.* Recherches sur les moeurs des fourmis indigènes. P., 1810). Как видим, ра-

---

* О В.В. Гаупте см.: Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т. 1. Стб. 630; *Петряев Е.Д.* Краеведы и литераторы Забайкалья. Иркутск, Т. 1. 1965.

** О В.В. Курбатове см.: Адрес-календари или месяцесловы за 1834–1845 гг.; *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Письма. Л.: Наука, 1979. С. 732; Сибирь и декабристы. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1985. Вып. 4. С. 203. Пользуюсь возможностью поблагодарить К.С. Куйбышеву и С.Ф. Коваля за предоставление сведений о возможных адресатах с именем Василий Васильевич.

бота "знаменитого Латрелля" о саламандрах упомянута в тексте "Записки". Дальнейшая судьба "Записки" неизвестна. Возможно, что по возвращении ее П.И. Борисову с замечаниями А.З. Муравьева рукопись была переписана, снабжена рисунком, о котором он запрашивал Муравьева в конце записки, и отправлена заказчику. Известно, что у П.И. Борисова были научные контакты с Петербургом и Москвой. Переписанный экземпляр рукописи может оказаться и в архивах ученых.

Рукопись публикуется впервые с сохранением авторской орфографии, так как она имеет произносительные особенности, и авторской разбивкой текста на абзацы, но в соответствии с правилами современной пунктуации. Частично листы рукописи ушли в подшивку, поэтому при расшифровке утраченные части текста даны в квадратных скобках. Замечания А.З. Муравьева, расположенные в подлиннике на полях, перенесены в конец текста Записки, так как они не относятся к определенным частям ее (кроме одного, отмеченного звездочкой), а к описанию в целом.

[4] Автор именует термитов термесами, транскрибируя на русский язык латинское название одного из родов этих насекомых (Termes). В начале века к этому роду действительно относили большинство видов термитов. Русское название "термиты" появилось в литературе позже. В настоящее время их относят не к отряду (порядку) сетчатокрылых, а выделяют в самостоятельный отряд, родственный не сетчатокрылым, а прямокрылым насекомым.

[5] Далее зачеркнуто: "хотя они".

[6] Окончание: "щих", слово "хотя" исправлено А.З. Муравьевым. "Хотя" написано над строкой.

[7] Далее зачеркнуто: "зде".

[8] Предположение П.И. Борисова не подтверждается. Муравьи, как и пчелы, могут кормить личинок разной пищей. У насекомых с полным превращением развитие особей после выхода из куколки не происходит. Последняя фраза подчеркнута А.З. Муравьевым с пометкой: "NB. Сказ.".

[9] Окончание изменено. Первоначально: "муттил-ос".

[10] В настоящее время муравьи и осы-мутиллиды (П.И. Борисов, очевидно, хотел написать "мутилл", или "мутилл-ос") рассматриваются как самостоятельные, хотя и близкие семейства перепончато-крылых насекомых.

[11] Далее зачеркнуто: "зде".

[11a] Далее текст утрачен.

[12] Далее зачеркнуто: "земле".

[13] Далее зачеркнуто: "местах", первоначальная редакция: в сухих местах.

[14] Скорее всего, П.И. Борисов наблюдал следующие виды муравьев:

крупные: 1) рыжие лесные муравьи (группа Formica rufa; в Сибири наиболее обычными видами группы являются Formica lugubris и Formica aquilonia); 2) золотистоволосый муравей-древоточец (Camponotus saxatilis);

средние 1) виды рода мирмика (Myrmica); 2) желтый земляной муравей (Lasius flavus); 3) бурый садовый муравей (Lasius niger) и/или бурый лесной муравей (Formica fusca); 4) черный блестящий муравей (Formica picea);

мелкие: различные виды родов Leptothorax и Tetramorium.

Интересно указание на нахождение мелких желтых муравьев в каменных домах. Это может быть только домовый муравей Monomorium pharaonis, происходящий из тропиков и завезенный в страны Европы. В Иркутске его обнаружили в начале XX в. Возможно, "Записку" П.И. Борисова можно рассматривать как наиболее раннее указание на нахождение домового муравья в Сибири.

[15] Далее зачеркнуто: "скаплив.".

[16] Алембик – стеклянный перегонный куб, употреблявшийся для перегона жидкости (преимущестенно в домашнем хозяйстве).

[17] Далее зачеркнуто одно слово.

[18] Далее зачеркнуто: "ест".

[19] Первоначально другое слово, исправлено поверх текста.

[20] Далее зачеркнуто: "в кот.".

[21] Далее зачеркнуто: "ним".

[22] Далее зачеркнуто: "по выходе в".

[23] Далее зачеркнуто: "того".

[24] Замечание А.З. Муравьева на полях рукописи (л. 173): "Термесы, как и все другие невроптеры (сетчатокрылые), подвергаются также полному превращению с тою разницей, что их нимфа имеет движение и питается, как и личинка".

[25] Броневский Семен Богданович (1786–1858), в Сибири служил в 1808–1837 гг., в 1835–1837 гг. был генерал-губернатором Восточной Сибири. С его именем связывали открытие в Омске школы земледелия и опытного хутора по сельскому хозяйству.

[26] Далее зачеркнуто: "как и за".

[27] Скорпионы в Сибири отсутствуют.

[28] Слово читается предположительно.

[29] Далее зачеркнуто: "сквозь", "вод".

[30] По-видимому, "саламандрами" автор называет хвостатых амфибий (Urodela). В Сибири широко распространен сибирский углозуб, относящийся к этой группе амфибий.

[31] "Детский музеум", или "Собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежды разных народов, древностей и других предметов", служащих для наставления и забавы юношества, составленное и гравированное по лучшим образцам, с кратким объяснением, соответственным понятию детей (на французском, русском и немецком языках), – журнал выходил ежемесячно в Петербурге в 1815–1819, 1821–1829 гг. Это было иллюстрированное издание типа атласа. Очевидно, в 1825 г. здесь была помещена работа П. Лятрейля "Histoire naturella des salamandres", увидевшая свет в Париже в 1800 г.

[32] Рисунок П.И. Борисова, изображающий скорпиона, не известен.

[33] Замечания сделаны на полях рукописи (л. 172 и 172 об.).

[34] Слово вписано над строкой вместо слова "отряд".

[35] Далее зачеркнуто: "пред."

[36] Далее зачеркнуто: "новая".

Г.М. Длусский, И.С. Калантарская

КАТАЛОГ АКВАРЕЛЕЙ

Известные в настоящее время 462 акварели работы П.И. Борисова, имеющие естественнонаучное содержание, группируются в рамках составленного нами каталога по основному сюжету изображения: I – растения (173 рисунка); II – насекомые и мелкие млекопитающие (16); III – птицы (249); IV – прочие (23), в том числе букеты и мелкие млекопитающие, отдельные изображения птиц и бабочек, не составляющие серии, – подарочные или альбомные рисунки. Одна акварель с изображением левкоя, находящаяся в частном владении, не вошла в состав каталога. Архивный порядок расположения акварелей внутри отдельных собраний сохраняется.

Внутри указанных основных групп аннотации рисунков даются по собраниям (по месту хранения; каждому из них присвоена составителями заглавная буква по порядку алфавита от "А" до "З"); нумерация сплошная для всего каталога. Каждое собрание сопровождается общей справкой о нем, имеющей, преимущественно, археографический характер. Самое крупное собрание, принадлежавшее И.Д. Булычову (НБ МГУ), располагает рисунками всех основных групп и потому оказывается "расчлененным" по трем разделам каталога. Описание этого собрания дается перед его "ботанической" серией рисунков, которая замыкает раздел "Растения". Аналогичным образом разорвано собрание ГИМ–Изо между разделами "Птицы" и "Прочие"*.

В аннотациях приводятся номера рисунков и листов (если есть охранные листы или архивная пагинация не совпадает с номерами рисунков) для каждой единицы хранения отдельно; раскрывается содержание рисунка, включающее определение вида растения или животного согласно его систематической принадлежности (по современным классификациям) на русском и латинском языках, отмечаются особенности изображения и наличие отдельных деталей, имеющих значение для определения систематической принадлежности; приводятся пометы, имеющиеся на рисунках или охранных листах (даны в кавычках), как правило, содержащие авторские определения на русском, латинском и французском языках, указание на размер, иногда время наблюдения и т.п.; отмечаются повторения и варианты со ссылкой на соответствующий номер по каталогу; наконец, приводятся сведения о публикациях рисунка, при этом последняя цифра, замыкающая аннотацию, соответствует номеру рисунка по изданию, акварелей декабриста 1986 г. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч.). Базовый порядковый номер акварелей дан полужирным шрифтом.

Там, где есть авторский перечень изображений, он приводится полностью после аннотаций соответствующей единицы хранения, с указанием листов архивной пагинации.

---

* Группировка акварелей в этом издании осуществлена по собраниям первоначальных владельцев с учетом времени их создания. Точность хронологии не абсолютна.

В определении изображений принимал участие большой круг специалистов-биологов из разных городов и учреждений. Идентификация изображений **растений** выполнена *В.И. Грубовым* с уточнениями Р.В. Камелина и Н.Н. Цвелева (Ботанический институт РАН, Санкт-Петербург) – **№ 1–67**; *В.Н. Ворошиловым** – **№ 68–87** и *Г.М. Проскуряковой* (Главный ботанический сад РАН, Москва) – **№ 88–174, 178, 179, 181, 182, 184, 195, 199, 201, 204, 207, 256, 266, 268, 270, 275, 276, 278, 305, 307, 312, 314, 329, 379–381, 383–388, 395, 406–408, 421, 423, 429, 438, 440, 441, 445, 458–461**; *Н.Ф. Вылцан* (Гербарий Томского государственного университета) – **№ 448, 450**, а кроме того, ряд уточнений и поправок внесены *М.М. Ивановой* (Ботанический сад Иркутского государственного университета); **насекомых** – *Е.М. Антоновой* (Зоологический музей МГУ) – **№ 174–185, 379, 380, 388, 390, 391, 395, 420, 424, 443, 444, 446, 458** с уточнениями видовой принадлежности **№ 174–177, 179** – *Л.В. Зиминой* (Зоологический музей МГУ) и *Д.В. Панфилова* (Институт географии РАН, Москва); **птиц** – *В.К. Рахилиным* (Институт истории естествознания и техники РАН, Москва) – **№ 190–439, 442, 458** и *В.Г. Егоровым* (Институт биологии БФ СО РАН Улан-Удэ) – **№ 449, 451–456; млекопитающих** – *А.Г. Банниковым* (Ветеринарная академия, Москва).

Большой интерес акварели ботанического содержания вызвали у сибиряков, проведших самостоятельную идентификацию изображений в ходе рецензирования ботанической части каталога; их уточнения внесены в соответствующие аннотации каталога – М.М. Ивановой из Ботанического сада в Иркутске; Г.А. Пешковой и В.М. Доронькиным из Ботанического сада СО РАН в Новосибирске осуществлен общий просмотр. Последний, кроме того, особое внимание обратил на представителей Iridaceae; уточнение определений растений семейства Ribes произвел Л.И. Малышев, Gentianceae – В.В. Зуев, Brassicaceae – О.Д. Никифоров, Ranunculaceae – С.А. Тимохина.

В подавляющем большинстве случаев качество наблюдения и воспроизведения растений, птиц и насекомых таково, что удалось установить их видовую принадлежность. В связи с тем, что специалисты, проводившие идентификацию изображений растений в альбомах, хранящихся в Москве и Ленинграде, придерживались разных базовых современных ботанических сводок, иногда одни и те же виды получали разные названия. Там, где есть расхождения с принятой ныне сводкой (*Черепанов С.К.* Сосудистые растения СССР. Л.: Наука, 1981), в скобках даются синонимы по Черепанову. Ряд уточнений введено по региональным сводкам, в том числе по книге "Флора Центральной Сибири" (составители Л.И. Малышева, Г.А. Пешкова) Новосибирск: Наука. Т. 1–2).

Не всегда определяемы виды растений и насекомых или характер грунта на рисунках, изображающих птиц и букеты. В этих случаях в каталоге отмечается, что их изображение "условно", "абстрактно", а определение предположительно – (?). Как правило, изображение внешних черт морфологического строения птиц, их оперение, его расположение и окраска переданы точно. В описаниях это специально не оговаривается; отмечается лишь отклонение от натуры (то же относится к описаниям рисунков растений и на-

---

* В.Н. Ворошилов определял растения по слайдам; независимо от него по оригиналам определяла изображения растений *Г.Ю. Конечная* (БИН), которая в основном принимала идентификацию В.И. Грубова. Там, где мнения разошлись, приводятся оба варианта идентификации с указанием, кому какая принадлежит.

секомых). Для манеры художника характерна некоторая сглаженность форм, благодаря чему часто детали оперения выглядят несколько схематизированно, на что есть указания в каталоге.

Авторские надписи на рисунках приводятся в кавычках с соблюдением правил современной орфографии.

I. РАСТЕНИЯ

А. Библиотека Ботанического института РАН (БИН 10к77, инв. № 831)

БИН располагает альбомом в твердом переплете из светло-коричневой кожи с золотым тисненным орнаментом и золотым обрезом. Формат 4°, 26,5 × 20,4 см, 142 листа, в том числе 67 листов с изображением растений, 5 листов перечня названий изображенных растений на русском и латинском языках, 70 охранных листов. Авторской и архивной пагинации альбом не имеет, но есть авторская нумерация сюжетов, которая закавычена (“ ”) и введена нами в начале аннотации к каждому рисунку.

Рисунки выполнены “сухой” медовой акварелью с применением белил на бумаге фирмы Ватман. На бумаге рисунков **№ 2, 3, 7, 9, 11, 16, 27, 32, 34, 35, 48, 50, 52, 56, 66,** водяной знак “I. Whatman 1842”. Перед каждым рисунком охранный лист-прокладка (перед рис. **11** два таких листа). На охранных листах перед рисунками **№ 9, 11** (второй) – **15, 19–37, 40, 41** и на листах оглавления штемпель Асьевской фабрики: по овалу “А № 2”. Годы применения штемпеля 1843–1847 гг. (*Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М.: Изд. Всес. кн. палаты, 1959). На прокладке перед титулом и на охранных листах **№ 2–8, 10, 11** (первый), **16–18, 38, 39, 42–67** по овалу штемпель “Laroche Ducher le geune et Angouléme”, в овале – корона. Местонахождение фабрики г. Ангулем, Франция. Годы применения штемпеля 1842, 1846, 1847, 1848 (Там же).

Форзац из муаровой бумаги. На форзаце запись: “Не достает рис. № 23 – Rhododendron dahuricum, который напечатан во 2-м выпуске “Флоры Сиб. и Д.В.”, с. 32–33 (Ericaceae Е. Буш) Rhododendron dahuricum L. var. mucranulatum (Turcz.) Maxim., Л.К. 27/VIII 1930 г. Проверено 1.VI.1932 г. Л. Коптева, Е. Людовиг”. На форзаце и на обратной стороне рисунков штамп Библиотеки Ботанического музея. На рисунках надписей нет, проставлены только авторские номера, которым в оглавлении соответствуют авторские определения. Работа над этим альбомом, по-видимому, была закончена в первой половине 1844 г., о чем свидетельствует дата на титульном листе (**1**) и запись в “Книге доходов” П.И. Борисова: “Июля 17. От г-на Дарагана за 66 рисунков Сибирских цветов... 540”. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 533).

Альбом был продан Академии наук И.К. Дараганом, сыном К.Я. Дарагана, первоначального владельца, который приобрел альбом в бытность свою чиновником особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири. Обстоятельства, при которых альбом поступил в библиотеку, по материалам ПФА РАН установить не удалось. По свидетельству А.И. Дараган, внучки К.Я. Дарагана, это произошло в 1910–1911 гг. (*Куйбышева К.С.,*

Сафонова Н.И. С. 73). В 1931 г. Ботанический сад и Ботанический музей АН СССР были слиты в Ботанический институт АН СССР. В библиотеку этого нового учреждения вошла и ценная, с коллекцией оригинальных рисунков библиотека музея, в том числе и альбом П.И. Борисова.

Альбом, хранящийся ныне в БИН, имеет особое значение. Из известных ныне он единственный подписан и датирован художником. Он содержит авторский перечень изображенных растений, дающий основания для попытки реконструкции ботанической сводки, над которой работал П.И. Борисов.

Внешнее оформление альбома отмечено высоким искусством. Переплет выполнен А.И. Борисовым. Светло-коричневая кожа с золотым тиснением, позолоченные обрезы листов дают прекрасное изысканное оформление акварелям, делая этот альбом памятником совместного творчества братьев Борисовых.

Каталог открывается альбомом Дарагана, так как он наиболее полно представляет работу П.И. Борисова по созданию региональной сводки флоры страны изгнания. Две другие "ботанические" серии его акварелей либо вовсе не имеют авторских определений (альбом Волконской), либо они даются фрагментарно (альбомы И.Д. Булычова).

1. Рис. без №, л. 3. Титульный лист на серовато-голубой бумаге. Название "Букет Восточной Сибири" обрамлено двумя цветочными побегами: слева – Atragene sibirica (аналог **39**) и справа – Callistegia subvolubilis (аналог **19**), по мнению М.М. Ивановой, это изображение Convolvulus arvensis L. (аналог **20**) – у Callistegia два крупных прицветника закрывают чашечку, а здесь просматриваются только с одной стороны два чашелистика, т.е. всего их четыре, кроме того, изображены длинные черешки, характерные для Convolvulus arvensis. Внизу под побегом слева: "Малая Разводная", справа – "П. Борисов". Между изображениями растений внизу: "1844". *43*

2. Рис. "1", л. 5. Лилия даурская Lilium dauricum Ker. -Gawl. Повторение **73**/"15"; вариант **90**. *44*

3. Рис. "2", л. 7. Лилия кудреватая Lilium martagon L. Повторение **91.** *45*

4. Рис. "3", л. 9. Лилия карликовая Lilium pumilium Delile. Цвет околоцветника слишком темный – в натуре он ярко-красный. Вариант **74**/"16". *46*

5. Рис. "4", л. 11. Лук душистый Allium odorum L.(?) (A. ramosum, L.) Повторение **92**; вариант **71**/"13". *47*

6. Рис. "5", л. 13. Красоднев малый Hemerocallis minor Mill. В натуре окраска цветков более светлая и яркая; листья темно-зеленые, ширина их преувеличена. М.М. Ивановой ширина листьев представляется правильной. Повторение **96,** вариант **72**/"14". *48*

7. Рис. "6" л. 15. Касатик тигровый Iris tigridia Bunge. По мнению Доронькина, – I. uniflora Pall ex. Link. Вариант **94.** *49*

8. Рис. "7", л. 17. Касатик молочно-белый Iris lactea Pall. Белоцветная разновидность обычного солончакового касатика. Изображение неточное – стрелка в действительности не несет листьев, кроме верхних прицветных. По мнению М.М. Ивановой, это может быть альбинос I. ruthenica; Доронькина – I. uniflora Pall. ex Link var. alba. Повторение **98.** *50*

9. Рис. "8", л. 19. Касатик молочно-белый Iris lactea Pall. Фиолетовоцветная, наиболее распространенная разновидность. Не изображены характерные для этого вида волокнистые темно-коричневые остатки влагалищ листьев при основании. Вариант **93.** *51*

10. Рис. "9", л. 21. Касатик желтейший Iris flavissima Pall. (I. humilis Georgi). Цветки изображены одиночными, хотя как правило, должно быть по два. Вариант **95**. *52*

11. Рис. "10", л. 24. Башмачок крупноцветковый Cypripedium macranthon Sw. Как правило, должно быть не два, а три-четыре листа. Окраска цветка обычно более темная, листья темно-зеленые. Ивановой окраска не кажется искаженной. Вариант **97**. *53*

12. Рис. "11", л. 26. Башмачок пятнистый Cypripedium guttatum Sw. Вариант **99**. *54*

13. Рис. "12", л. 28. Башмачок настоящий Cypripedium calceolus L. Верхняя часть стебля с двумя листьями, но обычно их должно быть три-четыре. Варианты **68**/"2", **103.** *55*

14. Рис. "13", л. 30. Стеллера карликовая Stellera chamaejasme L. Листья в натуре более узкие и не столь острые. Повторение **104.** Вариант **68**/"2". *56*

15. Рис. "14", л. 32. Льнянка двураздельная Linaria bipartita (Vent.) Willd. Сибирские ботаники затрудняются определить видовую принадлежность. Варианты **68**/"3", **461** (в букете). *57*

16. Рис. "15", л. 34. Первоцвет пильчатый Primula serrata Georgi. По мнению систематиков из Новосибирска, – P. farinosa, L. У первоцвета пильчатого листья обычно мелкозубчатые, а не цельнокройные. Вариант **69**/"7". *58*

17. Рис. "16", л. 36. Шлемник обыкновенный Scutellaria galericulata L. Венчик в натуре более темный, фиолетово-синий. Вариант **69**/"9". *59*

18. Рис. "17", л. 38. Медуница мягчайшая Pulmonaria mollissima A. Kern (P. dacica Simonk.). Удачно показано изменение окраски цветков с возрастом, характерное для этого вида. Вариант **136**. *60*

19. Рис. "18", л. 40. Повой завитой Callistegia subvolubilis Ledeb. Иванова оспаривает мнение петербургских ботаников. Названием C. subvolubilis обозначали гибридные формы (Флора СССР. Т. 19, с. 37); является ли он настоящим видом неизвестно. Борисов мог рисовать и C. inflata и C. daurica. C. inflata встречается в Даурии (Забайкалье) и в Баяндаевском районе Иркутской области, а близкий ему вид C. daurica (Herb.) Choisy, отличающийся от него опушением и плоским основанием пластинок листьев распространен на юге Среднесибирского плоскогорья, в Бурятии (Армак) и в Забайкалье, в районе Нерчинского завода (Флора Центральной Сибири, 1979, Т. 2. С. 721). Судя по тому, что на рисунке нет опушения, скорее всего это C. inflata Sw. (= C. americana (Sims.) Daniels). Такого же мнения придерживаются специалисты из Новосибирска. Хорошо передана форма и окраска венчика. Повторение **137.** Вариант **75**. *61*

20. Рис. "19", л. 42. Вьюнок полевой Convolvulus arvensis L. var. saggittifolius (Fisch.) Turcz. (C. fischerianus V. Petrov). Вариант **105.** *62*

21. Рис. "20", л. 44. Ломатогониум колесовидный Lomatogonium rotatum (L.) Fries ex Fern. Повторение **138.** *63*

22. Рис. "21", л. 46. Наумбургия кистецветная Naumburgia thyrsiflora (L.) Reichb. Повторение **87, 139.** *64*

23. Рис. "22", л. 48. Брусника Vaccinium vites-idaea, L. Вариант **166** (плоды). *65*

24. Рис. "23", л. 50. Рододендрон даурский Rhododendron dahuricum L. Подлинник утрачен. Воспроизведен во "Флоре Сибири и Дальнего Востока", 1915. Вып. 2, 1915, цветная вклейка между с. 32–33 раздела "Вересковые"; (в каждом таком разделе собственная пагинация), на которой под рисунком посредине: "Rhododendron dauricum L. var. mucronulatum (Turcz.), справа вверху: "Двуд. 63", внизу: "Рис. Борисов". В альбоме сохранился лишь охранный лист с авторской пометкой: "23". Вариант **133.** *66*

25. Рис. "24", л. 52. Грушанка красная Pyrola incarnata (DC) Freyn. Листья изображены торчащими вверх, а не раскинутыми розеткой, как в натуре. На охранном листе к этому рисунку карандашом: "Ориг. № 3 Флора Сибири х.л.н.в." Репродукцию рисунка предполагали использовать для иллюстрации незавершенного труда "Флора Сибири и Дальнего Востока" (*Липшиц С.Ю.* Литературные источники по флоре СССР. Л.: Наука, 1975). Вариант **106.** *67*

26. Рис. "25", л. 54. Багульник болотный Ledum palustre, L. Вариант **85**/"32" *68*

27. Рис. "26", л. 56. Колокольчик молочноцветный Campanula lactiflora Bieb. По мнению систематиков из Новосибирска – Adenofora sublata Kom. Кавказский вид, давно введенный в садовую культуру благодаря его декоративным качествам. Изображение неточно: листья в действительности очередные, так же как и ветви соцветия. *69*

28. Рис. "27", л. 58. Астра альпийская Aster alpinus, L. Окраска язычков цветков слишком темная – обычно они голубые или светло-фиолетовые. Варианты **68**/"1", **147.** *70*

29. Рис. "28", л. 60. Compositae-Liguliflorae. Возможно – вид рода Erigeron по Камелину или Ixeridium gramineum (Fisch.) Tzvel по Цвелеву. Иванова и систематики из Новосибирска поддерживают последнюю идентификацию. Более точному определению не поддается. Если принять идентификацию Н.Н. Цвелева, то следует признать, что в рисунке П.И. Борисова есть ошибка – отсутствует внешний ряд обертки нераспустившихся соцветий-корзинок. Варианты **81**/"28", **148.** *71*

30. Рис. "29", л. 62. Эдельвейс бледно-желтый или скученный Leontopodium ochroleucum Beauv. var. L. conglobatium (Turcz.) Grub. Повторение **144**; вариант **84**/"31" *72*

31. Рис. "30", л. 64. Лютик близкий Ranunculus propinquus (?) Систематики из Новосибирска поддерживают эту идентификацию без вопроса. Не изображен прикорневой лист, без которого уверенное определение невозможно. По мнению М.М. Ивановой, внешний вид листа в развилке стебля позволяет склониться в пользу R. polyanthemos. Вариант **146** (см. также определение Проскуряковой). *73*

32. Рис. "31", л. 66. Адонис сибирский Adonis sibirica Patr. ex Ledeb. (= A. apenina L.) *74*

33. Рис. "32", л. 68. Прострел Турчанинова Pulsatilla turczaninovii Kryl. et Serg. Вариант **111.** *75*

34. Рис. "33", л. 70. Прострел желтеющий Pulsatilla flavenscens (Zucc.) Turcz. По мнению систематиков из Новосибирска, – P. patens (L.) Mill. Окраска цветка передана очень удачно. Если принять идентификацию новосибирских систематиков, – вариант **110** (бледно-желтые цветы). *76*

35. Рис. "34", л. 72. Ветреница лесная Anemone sylvestris, L. Повторение **112;** варианты **82, 89** (в букете). *77*

36. Рис. "35", л. 74. Ветреница вильчатая Anemone dichotoma L. (Anemonidium dichotomum (L.) Holub.). Повторение **113.** *78*

37. Рис. "36", л. 76. Ветреница длинноволосая Anemone crinita Juz. (Anemonastrum crinitum (Jus.) Holub.). Вариант **114.** *79*

38. Рис. "37", л. 78. Ломонос шестилепестковый Clematis hexapetala Pall. Повторение **115**; вариант **76.** *80*

39. Рис. "38", л. 80. Княжник сибирский Atragene sibirica L. Листья изображены слишком мелкими в отношении цветков и, за исключением нижнего, перистосложными, что неправильно – они дважды тройчатые у этого вида. На обороте рисунка запись карандашом "Флора Сибири № 8. хл.н.в.", рисунок предполагалось использовать в качестве иллюстрации во "Флоре Сибири и Дальнего Востока". Вариант **116.** *81*

40. Рис. "39", л. 82. Купальница азиатская Trollius asiaticus L. Вариант **100.** *82*

41. Рис. "40" л. 84. Водосбор сибирский Aquilegia sibirica Lam. Цветки в натуре фиолетово-синие. Повторение **145.** *83*

42. Рис. "41", л. 86. Живокость крупноцветковая Delphinium grandiflorum L. Цветки в натуре ярко-синие. Варианты **81**/"26", **150.** *84*

43. Рис. "42", л. 88. Аконит Чекановского Aconitum czekanovskii Steinb. (A. baicalense Turcz. ex Rapaics). Повторение **152.** *85*

44. Рис. "43", л. 90. Герань Власова Geranium vlassovianum Fisch. По мнению систематиков из Новосибирска, – G. eriostemon Fisch(?) Не показано щетинистое опушение цветоножек и бархатистое опушение листьев. Повторение **122**; вариант **79**/"22". *86*

45. Рис. "44", л. 92. Герань сибирская Geranium sibiricum, L. Повторение **121**; вариант **79**/"23". *87*

46. Рис. "45", л. 94. Герань луговая Geranium pratense L. Листья изображены неточно – лопастей обычно пять–семь. По определению систематиков из Новосибирска, – G. transbaicalicum Serg. Повторение **123.** Если принять идентификацию Грубова, – вариант **79**/"22". *88*

47. Рис. "46", л. 96. Лен сибирский Linum sibiricum DC. По мнению систематиков из Новосибирска – L. perenne L. Верхняя часть стебля с цветками и бутонами. Повторение **120.** *89*

48. Рис. "47", л. 98. Клаусия солнцепечная Clausia aprica (Steph.) Korn.-Tr. Не показано опушение из жестких оттопыренных волосков. Повторение **124.** *90*

49. Рис. "48", л. 100. Желтушник желтый Erysimum flavum (Georgi) Bobr. Цветки в натуре ярко-желтые. Повторение **125.** *91*

50. Рис. "49", л. 102. Белозор болотный Parnassia palustris L. Вариант **81**/"27". *92*

51. Рис. "50", л. 104. Фиалка Патрэна Viola patrinii Ging. (?) Листья изображены неточно – они должны быть более узкими и резко суженными в основании. Повторение **126;** вариант **69**/"6". *93*

52. Рис. "51", л. 106. Фиалка одноцветковая Viola uniflora L. Вариант **127.** *94*

53. Рис. "52", л. 108. Фиалка сахалинская Viola sacchalinensis Boissieu или V. repestris F.M. Schmidt. Повторение **128.** *95*

54. Рис. "53", л. 110. Проломник карликовый Androsace chamaejasme Host. По мнению систематиков из Новосибирска, – A. incana Lam. Вариант **69**/"4". *96*

55. Рис. "54", л. 112. Кипрей узколистный или Иван-чай Chamaenerion angustifolium (L.) Scop. Вариант **80**/"24" *97*

56. Рис. "55", л. 114. Рябинник рябинолистный Sorbaria sorbifolia (L.) A. Br. Вариант **77**/"19". *98*

57. Рис. "56", л. 116. Лабазник дланевидный Filipendula palmata (Pall.) Maxim. Вариант **78**/"20". *99*

58. Рис. "57", л. 118. Таволга иволистная Spiraea salifolia L. Вариант **70**/"10". *100*

59. Рис. "58", л. 120. Княженика Rubus arcticus L. Вариант **168** (цветы). *101*

60. Рис. "59", л. 122. Княженика Rubus arcticus, L. Плоды изображены неточно: форма их не округлая, а яйцевидная, как у малины, а отдельные плодики (костянки) более мелкие и многочисленные, цвет их малиновый, а не красный. Вариант **168** (плоды). *102*

61. Рис. "60", л. 124. Костяника каменистая Rubus saxatilis L. Вариант **171.** *103*

62. Рис. "61", л. 126. Кровохлебка мелкоцветковая Sanguisorba parviflora (Maxim.) Takeda. (S. tenuifolia Fisch. ex Link). Повторение **83.** *104*

63. Рис. "62", л. 128. Роза иглистая Rosa acicularis Lindl. Варианты **172** (цветы), **173** (плоды). *105*

64. Рис. "63", л. 130. Курильский чай кустарниковый Dasiphora fruticosa (L.) Rydb. (Pentaphylloides fruticosa (L.) O. Schwarz). Варианты **70**/"11", **448** (в букете). *106*

65. Рис. "64", л. 132. Яблоня ягодная Malus baccata (L.) Borkh. Варианты **154, 155, 448** (в букете). *107*

66. Рис. "65", л. 134. Термопсис ланцетный Thermopsis lanceolata R. Br. Вариант **71**/"12". *108*

67. Рис. "66", л. 136. Люцерна серповидная Medicago falcata L. или Пажитник плоскоплодный Trigonella platycarpos, L. по Р.В. Камелину; по мнению систематиков из Новосибирска, – Melissitus ruthenicus (L.) Latshc. (= Trigonella ruthenica). Листочки изображены неточно: к верхушке они обычно немного расширены и от середины мелкозубчатые. Вариант **86.** *109*

АВТОРСКИЙ СПИСОК ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Monocotyledoneae*	Page
Famille 26 Liliaceae	
Genera Lilium	
Lilium bulbosum	1
[L.] mortagon	2
[L.] pomponium	3
[Alliaceae]	
Genera Allium	
Allium montanum odorum	4
[Liliaceae]	
Genera Hemerocallis	
Hemerocallis graminifolia	5
Famille 30 Irid[ac]eae	
Genera Iris	
Iris pumilla	6
[I.] lactea	7
[I.] anspuria	8
[I.] flavissima	9
Famille 34 Orchid[ac]eae	
Genera Cypripedium	
Cypripedium majus	10
[C.] odorum	11
[C.] macranthum	12
[Dicotiledons Dicotyledoneae]	
Famille 42 Thymelene [Thymeleae, -aea, -aeae]	
Genera Stellera	
Stellera chamaejasme	13
Famille 56 Scrophularineae [Scrophuariaceae]	
Genera Linaria	
Linaria alpina	14
Famille 57 Primulaceae	
Genera Androsace	
Androsace purpuriflora	15
Famille 62 Lamiaceae [Labiateae, Labiatae, Lamiaceae]	
Genera Scutellaria	
Scutellaria galericulata	16
Famille 63 Borragineae [Boraginaceae]	
Genera Anchusa	
Anchusa paniculata	17

---

* В списке приведены современные П.И. Борисову написания таксонов, поэтому необходимые дополнения и уточнения систематиками БИН даны в квадратных скобках.

Famille 64 Convolvulaceae
Genera Convolvulus
Convolvulus grandiflorum 18
[C.] odoratum 19
Famille 67 Gentianeae [Gentianaceae]
Genera Swertia
Swertia rotata 20
[S.] globulifera 21
Famille 72 Ericineae [Ericaceae]
Genera Vaccinium
Vaccinium vites-idaea 22
Genera Rhododendrum [Rhododendron]
Rhododendrum dauricum 23
[Pyrolaceae]
Genera Pyrola
Pyrola rosea, rotundifolia 24
[Ericaceae]
Genera Ledum
Ledum palustris 25
Famille 74 Campanulaceae
Genera Campanula
Campanula lactiflora 26
Famille 76 Synanthereae [Asteraceae]
Genera Astra [Aster]
Astra alpinus 27
Genera Scorzonera
Scorzonera purpurea 28
Genera Erigeron
Erigeron acris 29
Famille 86 Ranunculaceae
Genera Ranunculus
Ranunculus auricomus 30
Genera Adonis
Adonis vernalis 31
Genera Anemone
Anemone pulsatilla 32
[A.] patens 33
[A.] narcissiflora 34
[A.] dichotoma 35
[A.] umbellata 36
Genera Clematis
Clematis hexapetala 37
[C.] alpina 38

Genera Trollius

Trollius asiaticus 39

Genera Aquilegia

Aquilegia coronaria 40

Genera Delphinium

Delphinium grandiflora 41

Genera Aconitum

Aconitum napellus 42

Famille 95 Geraniaceae

Genera Geranium

Geranium sylvaticum 43

[G.] parviflorum 44

[G.] caeruleum 45

[Linaceae]

Genera Linum

Linum perenne 46

Famille 118 Cruciferae Brassi[caceae]

Genera Hesperis

Hesperis sibirica 47

Genera Cheirantus

Cheirantus montanus 48

Famille 123 Droseraceae [Parnassiaceae]

Genera Parnassia

Parnassia palustris 49

Famille 124 Violaraceae [Violaceae]

Genera Viola

Viola allieflora 50

[V.] uniflora 51

[V.] canina 52

Famille 133 Crassulaceae

Genera Crassula

Crassula humilis 53

Famille 140 Onagrariae [Onagraceae, Onagrariae]

Genera Epilobium

Epulobium spicatum 54

Famille 141 Rosaceae

Genera Spir[a]ea

Spiraea sorbifolia 55

[S.] palmata 56

[S.] ulmifolia 57

Genera Rubus

Rubus arcticus 58

[R.] arcticus, en fruits 59

[R.] saxatilis 60

Genera Sanguisorba
Sanguisorba albida 61
Genera Rosa
Rosa daurica 62
Genera Potentilla
Potentilla fruticosa 63
Genera Pyrus
Pyrus baccata 64
Famille 148 Leguminosa e [Fabaceae]
Genera Astragalus
Astragalus austriacus 65
[A.] suf[f]ruticosus 66

АВТОРСКИЙ СПИСОК РУССКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

	[Авт. № рис.]
Разсыпная сарана	1
Пестрая сарана	2
Румяная сарана	3
Душистой чеснок	4
Злаколиственная гемерокаль	5
Душистой ирис	6
Молочной ирис	7
Пискульник	8
Желтый ирис	9
Большецветные кукушкины башмачки	10
Машины башмачки	11
Двухцветные кукушкины башмачки	12
Мужик корень	13
Альпийский жабрей	14
Луговая режа	15
Шишак трава	16
Простая червяница	17
Большецветной повой	18
Душистой повой	19
Колесчатой зверобой	20
Даурская сверция	21
Брусника	22
Боровой пьянишник	23
Розовая грушанка	24
Багун	25
Молочной колокольчик	26
Каменной звездничек	27

Багряной змеевник 28
Блошница старец 29
Золотистый слепокур 30
Стародубка 31
Сон 32
Одномесячник 33
Нарцисоцветная ветреница 34
Развилистая ветреница 35
Подсовнечная ветреница 36
Шестиперой бородавник 37
Дикой хмель 38
Азиатской желтоглав 39
Венценосные голубки 40
Большецветные кавалерийские шпоры 41
Пригрид 42
Лесной журавленник 43
Журкин коготь 44
Синей журавленник 45
Сибирский лен 46
Сибирская вечерница 47
Нагорной рукоцвет 48
Перелойная трава 49
Белая фиалка 50
Желтая фиалка 51
Подлесок 52
Горное молодило 53
Розовой кипрей 54
Рябинолиственной медунишник 55
Ладонной медунишник 56
Медунишник вязолиственной 57
Княженика в цвету 58
Княженика плоды 59
Костяника 60
Белая совиная стрела 61
Даурской шиповник 62
Кустарной пятилистник 63
Сибирская яблонь 64
Австрийской горошек 65
Подкустарной горошек 66

Б. Всесоюзный музей А.С. ПУШКИНА (Лицей, г. Пушкин) (ВМП, КП 247227/Л-20)

Альбом в твердом переплете форматом 27,9 × 22,2, содержит 22 л, в том числе 20 рисунков, на которых изображены 34 вида растений; авторской или архивной пагинации альбом не имеет. Растения на рисунках пронумерованы автором, в аннотациях каталога эти номера взяты в кавычки. Возможно, когда-то был и авторский перечень растений, аналогичный списку в конце альбома из собрания БИН. Других помет или надписей (кроме отмеченных выше номеров) на рисунках нет. Рисунки выполнены акварелью на плотной бумаге светло-коричневого цвета с желтоватым оттенком фирмы "Whatman".

На титульном листе надпись: "Двадцать рисунков из Сибирской флоры П.И. Борисова. Приобретен кн. С.Г. Волконской в Иркутске в 1854 году". Каких-либо авторских названий или дат в альбоме нет.

С.Г. Волконская, сестра С.Г. Волконского, смогла навестить опального брата в 1854 г. в Иркутске, где пробыла около года. Известно, что за неделю до смерти Борисовых она приезжала в Малую Разводную и подружилась с братьями (Декабристы. Летописи Гос. Литературного музея. М., 1938. Т. 3. С. 101). Время создания альбома остается невыясненным. "Книга доходов" не дает никакой привязки, следовательно, альбом был исполнен в подарок кому-то из близких Петру Ивановичу лиц.

По манере исполнения, качеству бумаги, характеру компановки изображений на рисунках (по нескольку видов на одном листе) альбом отличается от "ботанических" серий, принадлежавших К.Я. Дарагану (**1–67;** время создания 1844 г.) и И.Д. Булычову (**88–173**; 1840–1850-е) и более сопоставим с ранними букетами из альбомов А.И. Давыдовой (**459–461;** 1839) и А.И. Орлова (**440, 441, 445**; точное время исполнения неизвестно). В пользу более раннего происхождения альбома говорит также наблюдение петербургских ботаников, проводивших идентификацию изображений растений в альбомах из собрания ВМП и БИН, которые заметили, что первоначальными следует считать варианты альбома Волконской, а листы, исполненные для Дарагана, – повторения, так как первые более непосредственно передают впечатления рисовальщика от живых экземпляров. Растения на акварелях "лицейского" альбома отличаются меньшей проработкой деталей, более небрежной раскраской, меньшей (чем в альбоме БИН) четкостью контура, т.е. имеют черты набросков, предварительных вариантов, тогда как изображения на рисунках альбома из Библиотеки БИН характеризуются большей законченностью – они несколько утрированно совершенны.

По свидетельству С.М. Волконского, известно, что П.И. Борисов подарил альбом орнитологического содержания М.Н. Волконской в день ее рождения, который, как полагают К.С. Куйбышева и Н.И. Сафонова, был исполнен в Петровском заводе до 1835–1836 гг. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 506). Быть может, "ботанический" альбом ВМП был парным "орнитологическому", как это имеет место в коллекциях К.Я. Дарагана (ныне разрозненной по разным хранилищам) и И.Д. Булычова, и тогда он представляет нам первую из известных в настоящее время естественнонаучных серий рисунков декабриста.

Важной особенностью альбома ВМП является то, что в ряде случаев растения изображены целиком с корневой системой, отсутствующей на ри-

сунках других известных ныне ботанических серий; а иногда и отдельных частей растения (например: корень полностью – **71**/"12"; луковица – **74**, строение цветка – **72**). Характерно, что на некоторых рисунках альбома ВМП стадия развития растений предваряет таковую на аналогичных рисунках собрания БИН (ср.: **4** и **74; 6** и **72; 38** и **76; 42** и **81**/"26").

Так как в данном альбоме в основном многосюжетные рисунки и, соответственно, более сложная система аннотаций изображенного, то ссылка на повторения и варианты дается сразу после авторского номера рисунка.

68. Рис. 1. "1" Астра альпийская Aster alpinus L. Повторение **147,** вариант **28**; "2" Стеллера карликовая Stellera chamajasme L. Варианты **14, 104;** "3" Льнянка двураздельная Linaria bipartita (Vent.) Willd. Систематики из Новосибирска затрудняются в идентификации. Варианты **15, 461** (в букете). *442*

69. Рис. 2. "4" Проломник Лемана Androsace lehmanniana (A. chamaejasme Host – Грубов; A. incana Lam. – систематики из Новосибирска). Вариант **54**(?) (похожи, но неодинаковы); "5" Клоповник крупковидный Lepidium draba (Ярутка ложечная Tlaspi cochleariforme D.C. – Конечная; Noccaea cochleariformis (D.C.) A. et D. Löve – систематики из Новосибирска). Если принять идентификацию Конечной, то неточно передана форма лепестков: в действительности они закруглены на конце, а не заострены; "6" Фиалка Патрэна Viola patrinii Ging. Растение целиком. Варианты **51, 126;** "7" Первоцвет поникший Primula nutans (P. serrata Georgi – Грубов; эту идентификацию поддерживает Чичев из ГБС РАН). Систематики из Новосибирска предлагают иную – P. farinosa, L. Видимо, цветки после сушки, в результате которой они приобретают фиолетовую окраску. У живых экземпляров они лилово-розовые – ср. Вариант **16** (прим. Чичева); "8" Горечавка простертая Gentiana prostrata (Горечавка ложноводяная G. pseudoaquatica Kusn. – Конечная); "9" Шлемник скордиелистный Scutellaria scordiefolia (S. galericulata L. – Грубов). Вариант **17.** *443*

70. Рис. 3. "10" Спирея иволистная Spireae salicilofia L. Вариант **58** (изображения существенно отличаются друг от друга); "11" Лапчатка кустарниковая, курильский чай Potentilla fruticosa (Dasifora fruticosa (L.) Ridb. – Грубов). Вариант **64** (характер рисунка иной), **448** (в букете). *444*

71. Рис. 4. "12" Термопсис ланцетный Termopsis lanceolata R. Br. Вариант **66**; "13" Лук душистый Lilium pumilum DeLille. Варианты **5, 92.** *445*

72. Рис. 5. "14" Красоднев малый Hemerocallis minor Mill. Вариант **6, 89** (в букете), **96.** *446*

73. Рис. 6. "15" Лилия пенсильванская, даурская Lilium pensylvanicum (L. dauricum Ker.-Gawl. – Грубов). Варианты **2, 90.** *447*

74. Рис. 7. "16" Лилия низкая Lilium pumilum. Вариант **4.** Вариант **88** в обрамлении титульного листа. *448*

75. Рис. 8. "17" Повой вздутый Calistegia inflata Sw. (C. subvolubilis Ledeb. – Грубов). Мнение Грубова разделяют Чичев, Ворошилова – систематики из Новосибирска. Варианты **19, 137.** *449*

76. Рис. 9. "18" Ломонос шестилепестковый Clematis hexapetala Pall. Вариант **38.** *450*

77. Рис. 10. "19" Рябинник рябинолистный Sorbaria sorbifolia (L.) A.Br. Вариант **56**. *451*

78. Рис. 11. "20" Лобазник дланевидный Fillipendula palmata (Pall.) Maxim. Вариант **57**. *452*

79. Рис. 12. "21" Спирантес китайский Spiranthes chinensis (Скрученник приятный S. amoena (Bieb) Spreng. – Конечная). Точно показано характерное закручивание соцветия; "22" Герань полевая Geranium pratense L. (G. vlassovianum Fisch. ex Link. – Конечная; G. eriostemon Fisch. – систематики из Новосибирска). Если принять определение Конечной, то окраска цветков не совсем точна: она лилово-синяя (поч-

ти голубая) с пурпурными жилками, а не пурпурно-фиолетовая, светлее чем должно быть у этого вида. Если принять идентификацию Грубова и Ворошилова – варианты **46, 123**; если новосибирцев – варианты **44, 122;** "23" Герань сибирская Geranium sibiricum L. Варианты **45, 121.** *453*

80. Рис. 13. "24" Кипрей узколистный Epilobium angustifolium (Chamaenerion angustifolium (L.) Scop. – Грубов). Вариант **55**; "25" Девясил британский Inula britanica, L. (I. salicina L. – систематики из Новосибирска). *454*

81. Рис. 14. "26" Живокость крупноцветковая Delphinium grandiflorum L. Варианты **42, 150;** "27" Белозор болотный Parnassia palustris L. Вариант **50**. "28" Латук китайский Ixeris chinensis (Ixeridium gramineum (Fisch.) Tzvel. – Цвелев). Варианты **29, 148.** *455*

82. Рис. 15. "29" Ветренница лесная Anemone sylvestris L. Варианты **35, 89** (в букете), **112.** *456*

83. Рис. 16. "30" Кровохлебка тонколистная Sanguisorba tenuifolia (S. parviflora (Maxim.) Takeda – Грубов). Повторение **62.** *457*

84. Рис. 17. "31" Эдельвейс скученный Leontopodium conglobatum (L. ochroleucum Beauv. – Грубов). Варианты **30, 144.** *458*

85. Рис. 18. "32" Багульник болотный Ledum palustre, L. Вариант **26** (композиционно более совершенно). *459*

86. Рис. 19. "33" Люцерна русская Medicago ruthenica (Frigonella platycarpos, L. – Камелин). Вариант **67.** *460*

87. Рис. 20. "34" Вербейник кистецветковый Lisymachia thyrsiflora (Naumburgia thyrsiflora (L.) Reichenb. – Грубов). Повторение **22, 139.** *461*

В. Научная библиотека им. А.М. Горького Московского Государственного Университета (НБ МГУ)

Коллекцию НБ МГУ составляют семь альбомов в твердом кожаном переплете с золотым тиснением; формат альбомов 33 × 46 см; листы из полукартона. Рисунки выполнены на плотной белой или желтоватой бумаге; они обрезаны и наклеены на листы альбома. В результате пострадали авторские надписи, расположенные, как правило, внизу справа от изображения (авторские определения); справа у верхнего края рисунка в ряде случаев сохранился авторский номер тетради (римская цифра) и номер листа в ней (арабская цифра), которые имеют параллели в соответствующих описаниях в рукописи "Орнитологическая фавна Восточной Сибири". Разметка, осуществленная П.И. Борисовым, при наклеивании пострадала особенно существенно, так как рисунки были обрезаны со всех сторон на 1,0–1,5 см. Рисунки этого собрания по размерам отличаются от привычных размеров борисовских акварелей из других коллекций. Они колеблются: (24–23,3) × (18,9–18,5). На корешках альбомов вытеснены номера, а на обложках заголовки – "Рисунки Борисова" с подзаголовками: "Сибирь. Забайкальская флора" (альбомы № 1 и 2 – всего 86 рисунков). "Сибирь. Энтомология и зоология" (один альбом, 16 рисунков), "Орнитология Восточной Сибири" (альбомы № 1, 2, 3, 4 – всего 179 рисунков). В альбомах "Орнитология..." рисунки обведены рамкой (тушь); на каждом листе над рисунком незаполненная надпись черной тушью: "Орнитология Восточной Сибири. Разряд... Род... Отдел... Лист...". Каждая акварель прикрыта листом полупрозрачной бумаги, приклеенной у корешка. Каждый альбом имеет экслибрис: "Библиотека Н.И. Булычова". Рисунки выполнены в конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. по заказу И.Д. Булычова.

В "Книге доходов" о выполнении заказа И.Д. Булычова говорят записи от 25 августа 1847 г.; 27 января и 15 сентября 1848 г.; 26 января, 16 ноября и 29 декабря 1850 г.; 7 марта 1851 г.; 7 июня и 16 августа 1853 г. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 533, 534). И.Д. Булычов был в Сибири в составе ревизии 1842–1846 гг., возглавлявшейся сенатором И.Н. Толстым. П.И. Борисов работал над этим самым большим своим заказом в основном уже по отъезде И.Д. Булычова из Сибири в 1848 г. Передача денег шла через посредника, которым был А.В. Белоголовый.

Альбомы поступили в НБ МГУ в 1932 г. вместе с рукописью "Орнитологическая фавна Восточной Сибири". Лицо, от которого было получено собрание, неизвестно, неизвестна и судьба Н.И. Булычова, последнего его владельца. В момент приобретения университетом коллекции ему могло быть 80 лет. По материалам Калужского областного архива (ГАСО, ф. 66, оп. 2, № 1766, 3053 и др.) и данным калужских краеведов, собранным в краеведческом отделе Калужской областной библиотеки, это был человек большой культуры, увлекавшийся историей, который вел раскопки, написал ряд книг, был одним из основателей Калужской картинной галереи. Известно, что Н.И. Булычов встретил Октябрьскую революцию калужским предводителем дворянства, затем в начале 1920-х годов служил в Губпродкоме Калуги, был одинок и не имел наследников. После 1925 г., когда прошла массовая высылка лиц дворянского происхождения, о нем ничего не известно (сообщение калужского краеведа сотрудницы областной библиотеки Г.М. Морозовой). Предпринятые в 1986 г. поиски в Калуге каких-либо дополнительных материалов П.И. Борисова, как рукописных, так и живописных, принадлежавших И.Д. Булычову, не привели к успеху и не особенно позволяют надеяться на новые находки здесь в будущем, хотя и не исключают их.

Судя по всему, и рукопись, и альбом остались незавершенными. Нынешнее размещение акварелей не всегда соответствует порядку, принятому автором. Работа над "ботанической" и "орнитологической" сериями шла параллельно; выполненные заказы, как в других случаях, учитывались в "ливрезонах" или "тетрадях" по 10 рисунков каждая. В записи "Книги доходов" от 27 января 1848 г. читаем: "За одну тетрадь цветов – 200 р.; 15 сентября 1848; "за 2 ливрезона фавны и 1 цветов – 700 р." и т.д. (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 534). По данным "Книги доходов", И.Д. Булычову было передано 28 тетрадей, т.е. 280 рисунков; все они, по всей видимости, сохранились – в настоящее время в собрании НБ МГУ 281 акварель П.И. Борисова. Инородным для всего собрания является лист с изображением букета (**89**), который, очевидно, был исполнен в подарок и потому "Книгой доходов" не учтен. Он выполнен не на белом, а на тонированном светло-коричневом фоне (по этому признаку близок альбомам С.Г. Волконской – **68–87** и А.И. Давыдовой – **459–461**); лист имеет срезанные углы (ср. лист из собрания Литературного музея, принадлежавший ранее К.Я. Дарагану и также не учтенный "Книгой доходов" – **458**).

Авторское название "ботанической" серии, выполненной по заказу И.Д. Булычова: "Очерк изящной флоры Забайкальского края". На двух рисунках этой серии сохранились их номера в тетрадях, проставленные П.И. Борисовым, что позволяет предполагать, что он имел в виду дать параллельно описание флоры Забайкалья, как это сделано в отношении "фавны". Следы этого труда пока не обнаружены. Помимо авторских над-

писей на рисунках встречаются карандашные пометы А.И. Борисова (либо уточняющие определения, либо фиксирующие время наблюдения), что свидетельствует о совместных научных изысканиях братьев.

Небольшая серия рисунков, посвященных изображению насекомых (**174–185**), – единственная дошедшая до нас серия на энтомологические темы, представляющая сложные сюжеты метаморфоза насекомых. Из писем Борисовых, воспоминаний и переписки их товарищей и друзей следует, что они оба серьезно занимались энтомологией. Следы их энтомологических коллекций, быть может, еще отыщутся в собраниях Зоологического музея МГУ, куда поступили и коллекции Московского общества испытателей природы, с которым, по косвенным свидетельствам, Борисовы имели контакты. Возможно, что "13 сюжетов" для сенатора (И.Н. Толстого), запись 24 сентября 1843 г. и "ливрезон метляков. 10 рис[унков] двойных" для сенаторши, запись 11 мая 1846 г., – следы другой значительной "энтомологической" серии; что подтверждается также свидетельством С.М. Волконского, внука декабриста, который сообщал, что в библиотеке Николая I были рисунки бабочек, исполненные П.И. Борисовым, которые могли попасть в руки последнего русского императора с приобретенным им собранием Лобанова–Ростовского, который в свое время купил библиотеку И.Н. Толстого.

Оценивая собрание И.Д. Булычова в целом, следует отметить, что, по-видимому, оно было попыткой П.И. Борисова дать полную картину живой природы Сибири. Рисунки этого собрания составляют половину живописного наследия декабриста и охватывают все основные сюжеты, которые занимали их автора.

Авторские определения и другие пометы не всегда читаемы. Срезанная часть подписей обозначается многоточием. Там, где чтение отсутствующей части не вызывает сомнений, она восстанавливается в квадратных скобках. В надписях авторские сокращения: "с-ъ (m), с-а (f), ст. с-ъ, м.с-ъ" означают соответственно: самец, самка, старый самец и молодой самец; иногда пол обозначается условными знаками: ♂ (самец) и ♀ (самка). В отдельных аннотациях к рисункам, изображающих птиц, там, где это возможно установить, дается перекрестная ссылка на лист рукописи "Орнитологическая фавна Восточной Сибири", которая приводится после сохранившихся авторских определений, имеющихся на акварелях.

АЛЬБОМ "ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ФЛОРА" № 1 (НБ МГУ, № 519)

88. Рис. 1. Титульный лист с надписью: "Очерк изящной флоры Забайкальского края". В виньетке: княжник сибирский Atragene sibirica, лилия низкая Lilium pumilum, купальница азиатская Trollius asiaticus, рододендры Ледебура Rododendron ledebourii, лилейник малый Hemerocallis minor, калистегия американская Callistegia americana – все исполнены очень точно. Опубл. в: Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, ил. 2. *340*

89. Рис. 2. Букет: ветренница лесная Anemone sylvestris, княжик сибирский Atragene sibirica (изображен вместе с веткой, которую оплел); водосбор сибирский Aquilegia sibirica, венерин башмачок Cypripedium calceolus, лилия низкая Lilium pumilum, курильский чай Potentilla fruticosa (pentaphylloides), лилейник малый Hemerocallis minor. Cypripedium, Anemone, Aquilegia слегка стилизованы и приукрашены. Над букетом справа бабочка-голубянка группы Lycaena argus.

Опубл.: Альбом по истории СССР. Составители К.С. Куйбышева, Н.И. Сафонова. М.: Просвещение, 1967. С. 208–209. *341*

90. Рис. 3. Лилия пенсильванская Lilium pennsylvanucum (L. dauricum Ker.-Gawl. – Грубов) "Lilium spectabile". Варианты **2, 73.** *342*

91. Рис. 4. Саранка Lilium martagon L. Точно воспроизведена характерная окраска пыльников: темпокрасной у зреющих и рыжей у пылящих. "Lilium martagon Розовая сарана". Здесь ошибочно дан эпитет "розовая", должно быть "пестрая". Повторение **3.** *343*

92. Рис. 5. Лук решетчатый Allium clathratum Ledeb (?). Отсутствие луковицы на рисунке оставляет неуверенность в определении. По мнению систематиков из Новосибирска, – A. ramosum L. "Allium tataricum. Душистый чеснок". Повторение **5, 71/**"13". *344*

93. Рис. 6. Касатик молочно-белый Iris lactea Pall. (Доронькин). По мнению Проскуряковой, рисунок неудачный, определить вид затруднительно. "Iris spuria Ирис..." "май"; "Lacrigata". Вариант **9.** *345*

94. Рис. 7. Ирис русский Iris ruthenica Ker.-Gawl.(?). Рисунок неудачный, стилизованный; листья изображены объемными, излишне декоративными. "Iris ruthenicus Душистый ирис". Сбоку другой рукой: "ruthenica". Вариант **7.** *346*

95. Рис. 8. Ирис желтый Iris flavissima Pall. (I. humilis Georgi). Рисунок неудачный, выбран нетипичный экземпляр. Листья растянуты по стеблю, объемны, лишены характерной для этого рода плоскостности. Цветки, однако, изображены точно. По-видимому, у автора были только цветки, листья же он рисовал "по памяти". Надписи автора обрезаны. Вариант **10.** *347*

96. Рис. 9. Лилейник малый Hemerocallis minor Mill. Как и в предыдущем рисунке, неудачны листья: они мятые, слишком широкие, не сложенные вдоль пополам. Похоже, что они рисованы также по памяти. Надпись автора обрезана. Повторение **6**; варианты **72, 89** (в букете). *348*

97. Рис. 10. Башмачок крупноцветковый Cypripedium macranthon Sw. Рисунок безупречный! "Cypripedium macranthum" Машкины башмаки. Справа вверху помета "II–I". Вариант **11.** *349*

98. Рис. 11. Ирис белый Iris lactea Pall. Как и у предшествовавших ирисов, очень неудачны листья: объемные, а не плоские, и нет нижней части растения, отчего его трудно узнать. "Iris lactea Белый ирис". Повторение **8.** *350*

99. Рис. 12. Башмачок крапчатый Cypripedium guttatum. Рисунок безукоризненный по точности. "Cypripedium guttat[um] Пестрые башмаки". Вариант **12.** *351*

100. Рис. 13. Купальница азиатская Trollius asiaticus, L. Вариант **40.** *352*

101. Рис. 14. Пеон, марьин корень Paeonia anomala L. "Paeonia anomala". *353*

102. Рис. 15. Синюха голубая Polemonium coeruleum L. Рисунок неудачный: листья изображены простыми, лишь сильно вырезанными, лепестки со слишком острым оттянутым концом. Пыльники обычно оранжевые, а не бледно-желтые, как на рисунке; цветки слишком "колокольчатые". У листьев доли изображены не супротивными, а очередными. *354*

103. Рис. 16. Венерин башмачок Cypripedium calceolus L. Рисунок очень точен, только цвет долей околоцветника несколько краснее обычного. "Cypripedium calceolus Желтые башмачки двуцв[етные]". Сбоку другой рукой неразборчиво: "calceolus". Вариант **13.** *355*

104. Рис. 17. Стеллера карликовая Stellera chamaejasme L. Варианты **14, 68/**"2". *356*

105. Рис. 18. Вьюнок полевой Convolvulus arvensis L. Цветки ярко-малиновые, характерные для C. ammanii. Систематики из Новосибирска идентифицируют как C. fischerianus V. Petrov. "Convoluvulus arvensis sagutifolius Акулькин цвет". В правом верхнем углу: "XXV-5". Вариант **20.** *357*

106. Рис. 19. Грушанка красная Pyrola incarnata Fisch. ex. DC. Рисунок удачный, хотя рисовано с растений, заложенных в пресс, отчего листья все обращены вверх, букетом, а не раскинуты розеткой, как у живых растений. Вариант **25**. *358*

107. Рис. 20. Недотрога обыкновенная Impatiens noli-tangera L. *359*

108. Рис. 21. Гипекоум прямой Hepecoum erectum, L. Детали: разобщенные части околоцветника, гинецей, плод. *360*

109. Рис. 22. Солонечник даурский Galatella dahurica DC. "Aster italorum." Далее неразборчиво. *361*

110. Рис. 23. Прострел раскрытый Pulsatilla patens (L.) Mill. Прекрасно исполненный рисунок, на котором шесть цветков букетом от разных особей с широкой гаммой окраски: белые, розоватые, слабо фиолетовые и два цветка бледно-желтые. Последние следует отнести к Pulsatilla flavescens. Подписано: "Pulsatilla patens", но почерк не П.И. Борисова. Вариант **34.** *362*

111. Рис. 24. Прострел Турчанинова Pulsatilla turczchaninovii Kryl. et Serg. Неудачный рисунок, сделан по гербарию (цветки обращены вверх). Вариант **33.** *363*

112. Рис. 25. Ветренница лесная Anemone sylvestris L. Повторение **35;** вариант **82.** *364*

113. Рис. 26. Ветренница двураздельная Anemone dichotoma, L. (Anemonidium dichotomum (L.) Holub). Повторение **36.** *365*

114. Рис. 27. Ветренница нарциссоцветковая Anemone narcissiflora Pall. (Anemonastrum crinitum (Juz.) Holub). Вариант **37.** *366*

115. Рис. 28. Ломонос шестилепестный Clematis hexapetala Pall. Надпись сбоку чужой рукой: "...angustifolia". Повторение **38**; вариант **76/**"18" *367*

116. Рис. 29. Княжник сибирский Atragene sibirica, L. Вариант **39.** *368*

117. Рис. 30. Цимбария даурская Cymbaria dahurica L. На одном побеге цветки сидят супротивно, на другом – нет. Детали: цветок в продольном разрезе, гинецей. "Cymbaria dahurica Двигубка". *369*

118. Рис. 31. Мак золотистый Papaver nudicale, L. По мнению систематиков из Новосибирска, – P. rubro-aurantiacum (Fisch. ex DC) Lundstr. "Papaver nudicale Золотистый мак". *370*

119. Рис. 32. Мак золотистый Papaver nudicale L. Проскурякова видела здесь тот же вид, что и на предыдущем листе, но с лимонно-желтым околоцветником – растение встречается в двух цветовых модификациях. "Papaver nudicale Голостебельный мак". *371*

120. Рис. 33. Лен сибирский Linum sibiricum Alef. По мнению систематиков из Новосибирска – L. perenne L. Повторение **47.** *372*

121. Рис. 34. Герань сибирская Geranium sibiricum L. Рисунок неточный, сделан, видимо, по памяти. "Geranium parvifolium". Повторение **45**; вариант **79/**"23". *373*

122. Рис. 35. Герань лесная Geranium sylvaticum L. (G. eriostemon Fisch.). Безупречно точный рисунок. "Geranium sylvaticum...". Повторение **44**; вариант **79/**"22". *374*

123. Рис. 36. Герань забайкальская Geranium transbaicalicum Serg. "Geranium caeruleum". Повторение **46, 79/**"22". *375*

124. Рис. 37. Вечерница сибирская Hesperis sibirica, L. Неудачное повторение **48.** *376*

125. Рис. 38. Желтушник алтайский Erysimum altaicum CA Mey(?). Неудачный рисунок: листья изображены супротивными и очередными на одном растении; плодов нет; цветки изображены неточно. Поэтому определить растение с полной достоверностью невозможно. Повторение **49.** *377*

126. Рис. 39. Фиалка Гмелина Viola gmeliana Schult. (V. patrinii Ging.). Повторение **51**; вариант **69/**"6". *378*

127. Рис. 40. Фиалка одноцветковая Viola uniflora L. Вариант **52.** *379*

128. Рис. 41. Фиалка Viola sp. Вид определить не представляется возможным. Повтроение **53.** *380*

129. Рис. 42. Горечавка бородатая Gentiana barbata Froel. (Gentianopsis barbata (Froel) Ma.) Детали: пестики, тычинки, пыльники. "Gentiana ciliata". *381*

АЛЬБОМ "ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ФЛОРА" № 2 (НБ МГУ, № 520)

130. Рис. 1. Гвоздика разноцветная Dianthus versicolor Fisch. ex Link. "Dianthus..." далее неразборчиво. Сбоку наискось крупно другой рукой "Versicolor". *382*

131. Рис. 2. Колокольчик скученный Campanula glomerata L. Детали: пыльца, вертикальный разрез цветка, чашечка, пыльники, колонка, рыльца, коробочка. *383*

132. Рис. 3. Первоцвет Primula sp. Подпись автора была, но отрезана. Сбоку другой рукой: "Primula". Определить это растение до вида затруднительно, так как листья автором изображены произвольно; кроме того, в роде примул нет однолетников. Вероятнее всего, это рисовано с P. algida или P. patula, но у художника был только цветонос с соцветием. Систематики из Новосибирска определяют как P. farinosa, L. Варианты **16, 69**/"7". *384*

133. Рис. 4. Рододендрон Ледебура Rhododendron ledebourii Pojark. (R. dahuricum, L.) "Май" "Rhododendron dahuricum Даурский багульник". Вариант **24.** *385*

134. Рис. 5. Паслен сладкогорький Solanum dulcamara L. (S. depilatur Kitag. var. persicum Trautv.) Ягоды остроконечны и имеют красную с карминовым оттенком окраску, несколько отличную от обычной для этого вида. Подпись автора обрезана. *386*

135. Рис. 6. Паслен следкогорький Solanum dulcamara L. *387*

136. Рис. 7. Медуница мягчайшая Pulmonaria mollissima A. Kern. Подпись автора обрезана. Сбоку другой рукой неразборчиво написано одно слово. Вариант **18.** *388*

137. Рис. 8. Калистегия американская Calystegia americana (Greene) Daniels (C. inflata Sw.). От названия растения, написанного сбоку, сохранился лишь видовой эпитет "grandiflora". Повторение **19,** вариант **75.** *389*

138. Рис. 9. Ломатогониум колесовидный Lomatogonium rotatum (L.) Fries. ex Fern. Надпись сделана не П. Борисовым: "Gentiana rotata". Повторение **21.** *390*

139. Рис. 10. Наумбургия кистецветная Naumburgia thyrsiflora (L.) Reichb. Повторение **22, 87.** *391*

140. Рис. 11. Свидина белая Cornus albus L. (Swida alba (L.) Opiz.). Детали: цветок сверху и сбоку; три рисунка, отражающие последовательные стадии развития завязи; четыре тычинки. *392*

141. Рис. 12. Свидина белая Cornus albus L. (Swida alba (L.) Opiz.). Детали: веточки с зелеными и зрелыми (белыми) плодами; шесть семян в разных ракурсах. *393*

142. Рис. 13. Чемерица черная Veratrum nigrum, L. Детали: шесть тычинок в разных ракурсах; столбик и семена. Справа внизу: "veratrum", далее неразборчиво. Под тычинками буквенные обозначения: "a, b, c, d, e, f". *394*

143. Рис. 14. Горошек однолисточковый Vicia unijuga A. Br. *395*

144. Рис. 15. Эдельвейс Leontopodium leontopodioides (Willd.) Beauv. (L. conglobatum (Turcz.) Hand.-Mazz.). Подпись автора отрезана. Повторение **30.** *396*

145. Рис. 16. Водосбор сибирский Aquilegia sibirica Lam. Повторение **41.** *397*

146. Рис. 17. Лютик многоцветковый Ranunculus polyanthemos L. (?). Отсутствие на рисунке прикорневых и нижних листьев затрудняет определение вида. По мнению новосибирских систематиков, – R. propinquus C.A. Mey. Вариант **31.** *398*

147. Рис. 18. Астра альпийская Aster alpinus L. Повторение **68**/"1"; вариант **28.** *399*

148. Рис. 19. Молоканник сибирский Mulgedium sibiricum (L.) Less. Язычковые

цветки чисто розового цвета, что нередко встречается в этом чрезвычайно полиморфном виде. Повторение **29;** вариант **81**/"28". *400*

149. Рис. 20. Бубенчик Ламарка Adenophora lamarkii Fisch. По мнению систематиков из Новосибирска, – A. sublata Kom. (?). Верхушка растения с соцветием. *401*

150. Рис. 21. Живокость крупноцветковая Delphinium grandiflorum L. Доли листьев показаны очень узкими, почти нитевидными. Варианты **42, 81**/"26". *402*

151. Рис. 22. Живокость высокая Delphinium elatum, L. (D. cheilanthum Fisch.). Детали: нектарники, стаминодии. *403*

152. Рис. 23. Борец Чекановского Aconitum czekanovskii Steib. (A. baicalense Turcz. ex Rapaics). Повторение **43.** *404*

153. Рис. 24. Борец бородатый Aconitum barbatum Pers. Детали: шлем, нектарник, два изображения завязи, две тычинки, цветок с удаленным околоцветником. *405*

154. Рис. 25. Яблоня ягодная Malus baccata (L.) Borkh. (новосибирские систематики). Ветка цветущей яблони похожа на культурную. Листья с острым концом, на краю зубчатые; цветки крупные, лепестки белые, к концу оттянутые. По мнению Проскуряковой, которая затруднялась определить видовую принадлежность, похожей на эту, дикой яблони во флоре Забайкалья нет. Это может быть только какая-либо неизвестная культурная форма. Вариант **65, 155, 448** (в букете). *406*

155. Рис. 26. Яблоня Палласова Malus palasiana Juz. (M. baccata (L.) Borkh – новосибирские систематики). Детали: плоды в поперечном и продольном разрезах ("b"), а также целиком сверху и сбоку; семя. Варианты **65, 154, 448** (в букете). *407*

156. Рис. 27. Облепиха крушиновидная Hippophae rhamnoides, L. Детали: лист сверху и снизу (хорошо видны железки); плод целиком, в поперечном и продольном разрезе; семена целиком, а также в поперечном и продольном разрезе, отдельно плоды, равномерно покрытые мелкими черными точками, как железками. *408*

157. Рис. 28. Черная смородина Ribes nigrum L. Плоды. *409*

158. Рис. 29. Черная смородина Ribes nigrum L., Детали: цветок в продольном разрезе ("d"), общий вид цветка сверху ("c") и сбоку ("b"); пестик ("t", "f"), завязь (общий вид ("a") и продольный разрез ("b"). *410*

159. Рис. 30. Смородина красная Ribes rubrum, L. (R. acidum Turcz. ex Pojark.). По мнению систематиков из Новосибирска, – R. spicatum Robson. *411*

160. Рис. 31. Кизильник черноплодный Cotoneaster melanocarpus Lodd. (Fisch. ex Blutt). *412*

161. Рис. 32. Смородина душистая Ribes gravecolens Bunge. По мнению систематиков из Новосибирска, – R. fragrans Pall. Детали: общий вид цветка сверху ("c"), сбоку ("a"); цветок в разрезе ("b"); отдельно столбик ("d"), две тычинки ("e"). *413*

162. Рис. 33. Смородина высокая Ribes altissimum Turcz. По мнению систематиков из Новосибирска, – R. procumbens Pall. Детали: общий вид цветка сверху ("a"), сбоку, в разрезе (c). *414*

163. Рис. 34. Смородина высокая Ribes altissimum Turcz. (R. procumbens Pall.). Детали: общий вид ("a") и продольный срез плода ("b"); семя ("c"). *415*

164. Рис. 35. Боярышник кровянокрасный Crataegus sanguinea Pall. (C. dahurica Koehn. ex Schneid.). Рисовано с заложенного в пресс (может быть, книгу или папку) и вскоре вынутого из него совершенно свежего растения. Крупные шипы, торчащие в разные стороны, прессом отогнуты вниз, прижаты к побегу и все располагаются в одной плоскости. *416*

165. Рис. 36. Толокнянка обыкновенная (медвежья ягода) Arctostaphylos uva-ursi (L.) Spreng. Детали: цветки в разных ракурсах ("a", "b"); завязь – общий вид ("c"), сбоку ("e") и сверху ("d"). *417*

166. Рис. 37. Брусника Vaccinium vitis-idaea L. Детали: общий вид цветков в раз-

ных ракурсах ("a", "b"); завязь (общий вид – "c" и продольный разрез – "d"); пыльники ("e", "f"). Вариант **23** (плоды). *418*

167. Рис. 38. Голубика Vaccinium uliginosum L. Детали: ягода сверху, сбоку ("a"), в поперечном и продольном разрезе ("b"); семена ("c"). *419*

168. Рис. 39. Поленика Rubus arcticus L. Варианты **60** (цв.), **59** (плоды) *420*

169. Рис. 40. Малина Rubus idaeus L. По мнению систематиков из Новосибирска, – R. sachalinensis Levl. *421*

170. Рис. 41. Морошка Rubus chamaemorus L. *422*

171. Рис. 42. Костяника Rubus saxatilis L. Вариант **61.** *423*

172. Рис. 43. Роза иглистая Rosa acicularis Lindl. "Rosa dahurica". Вариант **63** (цв.). *424*

173. Рис. 44. Роза иглистая Rosa acicularis Lindl. Вариант **63** (плоды). *425*

II. НАСЕКОМЫЕ И МЕЛКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

АЛЬБОМ "ЭНТОМОЛОГИЯ И ЗООЛОГИЯ" (НБ МГУ, № 521)

Альбом содержит 12 листов многофигурных рисунков насекомых и 4 листа рисунков млекопитающих. Формат рисунков 19 × 24. Пометы на рисунках, отмечающие время наблюдения, сделаны рукой А.И. Борисова, а названия объекта наблюдения – П.И. Борисовым.

174. Рис. 1. Развитие наездника сем. Ichneumonidae: Куколка дневной бабочки углокрыльницы большой Polygonia vau-album Den. et Schift. (Lepidoptera, Nympholidae) на листе березы; две куколки бабочки, из которых выходит взрослый паразит-наездник; куколка паразита; самка и самец наездника, вид сверху и сбоку; два рисунка жилкования крыльев наездника; голова наездника спереди. "№ 5"; "К № 5"; "июнь". *426*

175. Рис. 2. Волосатик люкорум Thrichiosoma lucorum, L. (Hymenoptera, Cimbicidae – березовые пилильщики). Развитие пилильщика: взрослая ложногусеница сбоку и сверху; ложногусеница в стадии предкуколки; коконы (закрытый и прогрызенный при выходе насекомого); куколка в трех ракурсах; взрослое насекомое в трех ракурсах; жилкование крыльев. "Зеленый Муха-Мот[ылек]". "№ 3", "К № 3". *427*

176. Рис. 3. Березовый пилильщик Cimbex femorata L. (Hymenoptera, Cimbicidae). Развитие насекомого: взрослая ложногусеница и предкуколка сбоку и сверху; кокон; семь этапов линьки предкуколки на куколку; куколка в двух ракурсах; куколка перед выходом взрослого насекомого; пустой кокон со вскрытой насекомым крышкой; взрослое насекомое в четырех позах; два рисунка жилкования крыльев. "Полосатый Муха-Мотыл[ек]". *428*

177. Рис. 4. Пилильщик желтый Cimbex lutea, L. (Hymenoptera, Cimbicidae) Развитие пилильщика: ложногусеница в трех ракурсах; начало завивки кокона; куколка в двух ракурсах; выход взрослого насекомого из куколки; взрослое насекомое в трех ракурсах; жилкование крыльев, два рисунка. "Оранжевый Муха-Моты[лек]". *429*

178. Рис. 5. Углокрыльница большая Poligonia vau-album Den. et Schift. Развитие насекомого показано на ветке березы Betula verrucosa: гусеница в двух ракурсах; предкуколка в двух ракурсах; куколка в трех ракурсах; взрослое насекомое в двух ракурсах. Справа над веткой "К № 4"; слева внизу "Березовая Ванесса", еще ниже и несколько левее "июнь–июль". Опубл. в кн.: Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1978, ил. 3. *430*

179. Рис. 6. Прайя Тачановского Praia tachanovskii André (Cimbicidae). Развитие

пилильщика: ложногусеница; кокон на листе подорожника Plantago media; взрослое насекомое в двух ракурсах; голова взрослого насекомого спереди; жилкование переднего крыла. "Муха-мотылек", "июль–май". *431*

180. Рис. 7. Угловатая пяденица рода Ennomos. Вид определить затруднительно. Развитие бабочки: гусеница в двух ракурсах; предкуколка и куколка на листьях березы; линяющая гусеница; куколка; куколка, только что окукливающаяся, в трех ракурсах; взрослое насекомое в двух позах. "Губнер", "июль". *432*

181. Рис. 8. Зубчатая совка Scolipterix libatrix, L. (Lep. Noctuidae). Развитие бабочки показано на ветке ивы с поврежденными листьями: кокон с куколкой внутри; гусеница в двух ракурсах; предкуколка; куколка в двух ракурсах; бабочка в трех ракурсах. Здесь же изображен листок и веточка боярышника Crataegus sp. "Лозянка". *433*

182. Рис. 9. Бражник линейчатый Celerio ineata F. (Lep. Sphinigidae). Гусеница на молодом зеленом побеге Кипрея Spilobium sp. в шести ракурсах; куколка в двух ракурсах. "Кипреица", "сентябрь–май". *434*

183. Рис. 10. Махаон Papilio machaon L. (Lep. Papilionidae). Окукливание гусеницы и выход бабочки: шесть стадий линьки на куколку; шесть стадий отвердения куколки; зрелая куколка в двух ракурсах; куколка перед выходом бабочки (рисунок не окончен); вышедшая бабочка с нерасправленными крыльями. "Хризалида Махаона", "Гусеница Махаона", "сентябрь". *435*

184. Рис. 11. (вероятно должен был быть перед рис. 10). Развитие гусеницы Papilio machaon L. на листе какого-то зонтичного растения; две гусеницы младших возрастов и две взрослые гусеницы в двух ракурсах по обе стороны стебля, в том числе две изображают угрожающую позу; внизу: начало окукливания гусеницы, четыре рисунка; детали строения гусениц, два рисунка. Справа внизу: "11", "Гусеница Махаона", чуть левее и выше "август и сентябрь", последнее слово зачеркнуто, по-видимому, относится к предыдущему рисунку (**183**). *436*

185. Рис. 12. Крапивница Aglais urticae, L. (Lep. Nimphalidae). Гусеница в двух ракурсах, четыре рисунка; последовательное изображение окукливания гусеницы, 14 рисунков. "Крапивная Ванесса". *437*

186. Рис. 13. Крот сибирский Talpa altaica. Изображение зверька сильно стилизовано и мало удачно. Детали: нос и рот, кистевые части передних и задних лап, верхние и нижние зубы. *438*

187. Рис. 14. Землеройка sp. Sorex (?). Точнее определить затруднительно, т.к. изображение мало удачно и среди деталей не даны зубы, по которым можно было бы определить видовую принадлежность. Детали: нос, рот, кистевые части лап в разных ракурсах. *439*

188. Рис. 15. Горностай Mustela ermines. Стилизованный зверек в летнем наряде. *440*

189. Рис. 16. Степной хорек Mustela eversmannii. Изображение сильно стилизовано. *441*

III. ПТИЦЫ

АЛЬБОМ "ОРНИТОЛОГИЯ..." № 1 (НБ МГУ, № 515) ФОРМАТ РИСУНКОВ 23,8 × 18,9 см

190. Рис. 1. Клёст-еловик Loxia curvirostra L. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение спины схематизировано. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись. В правом верхнем углу тушью "IX–I". В нижнем правом углу черной тушью "Loxia vulgaris Обык[новенный] клест Bec-croisé". Л. 423*. Варианты **409, 410.** *161*

---

* Здесь и далее после авторского определения дана ссылка на листы рукописи "Орнитологическая фавна", где указаны синонимия, номер тетради и рисунка.

191. Рис. 2. Белокрылый клест Loxia leucoptera Gm. Взрослая птица. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись. В правом нижнем углу полустертая карандашная надпись: "Белокрылый клест Loxia". Л. 432. *162*

192. Рис. 3. Белокрылый клест Loxia leucoptera Gm. Взрослый самец в натуральную величину. В правом нижнем углу полустертая карандашная надпись: "Белокрылый клест, самец". Л. 432. *163*

193. Рис. 4. Белокрылый клест Loxia leucoptera Gm. Птица в натуральную величину. Держит в клюве кедровый орешек. Оперение слегка схематизировано. В правом верхнем углу тушью полуобрезанная надпись "IX-2"; в правом нижнем углу по стертой карандашной надписи черной тушью "Loxia leucoptera Ленточный клест Becroisé". Л. 432. *164*

194. Рис. 5. Щур Pinicola enuncleator L. Взрослый самец в натуральную величину. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью I[X]* – 10"; в правом нижнем "Loxia erythrina. Щур кра[сный] Bec-dur conm." *165*

195. Рис. 6. Щур Pinicola enuncleator L. Взрослая самка в натуральную величину, ветка конопли Cannabis sativa L. и клюет семена того же вида. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "IX–9". В правом нижнем углу черной тушью "Pyrrhula enunclea[tor] Щур обык[новенный] Bec-dur comm.". Л. 475. *166*

196. Рис. 7. Обыкновенный снегирь Pyrrhula pyrrhula L. Самец в натуральную величину в "надутом" состоянии. Оперение немного бледнее натурального. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "IX–3". В нижнем правом углу черной тушью "Pyrrhula vulgaris Обык[новенный] снегирь, с–ъ Bouvreuil ord., m.". Л. 449 об. Повторение **411, 425.** *167*

197. Рис. 8. Обыкновенный снегирь Pyrrhula pyrrhula L. Взрослая самка в натуральную величину. Оперение верхних кроющих крыла слегка схематизировано. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "IX–4". В правом нижнем углу черной тушью "обык[новенный] снегирь, с–а". Л. 449 об. Повторение **412, 426.** *168*

198. Рис. 9. Обыкновенная чечевица Erythrina erythrina Pall. Птица в натуральную величину. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "...8". В правом верхнем углу тушью "IX–8". В правом нижнем углу черной тушью: "Pyrrula erithri[na] Червленец". Л. 468 об. Повторение **415.** *169*

199. Рис. 10. Сибирская чечевица Erythrina rosea Pall. Птица в натуральную величину на веточке березы. Окраска бледнее, чем натуральная. В правом нижнем углу едва видная карандашная надпись "Passer roseus Палласов снегирь". *170*

200. Рис. 11. Сибирская чечевица Erythrina rosea Pall. Взрослая самка в натуральную величину. В правом нижнем углу в две строки карандашная надпись "Passer roseus Myfes, с–а". *171*

201. Рис. 12. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall. Взрослый самец в натуральную величину на стебле сухого травянистого растения (возможно щавеля Rumex (?) – аналог **429, 439**). Окраска оперения дана более интенсивней, чем в природе. В правом верхнем углу тушью "IX–5". В нижнем правом углу "Pyrrhula longicauda [ta]. Красавчик, ст. с–ъ". Л. 463. Повторение **414, 429, 439а, 451.** *172*

202. Рис. 13. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall. Молодая птица, достигшая размера взрослой. Под сучком крупным планом изображение пера со спины птицы с особенностями расположения на нем окраски. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "IX–7". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи черной тушью: "idem. Красавчик, мол. с–ъ". Непосредственно под рисунком слабая карандашная пометка "К 6". Л. 463. Повторение **413, 428.** *173*

203. Рис. 14. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall. Самка в натураль-

---

* Номер тетради восстановлен по рукописи "Орнитологическая фавна".

ную величину, на веточке березы. Оперение бледнее натурального. В правом верхнем углу тушью "IX–6". В правом нижнем углу черной тушью "Красавчик, с–а". Л. 463. *174*

204. Рис. 15. Домовый воробей Passer domesticus L. Взрослый самец в натуральную величину, на веточке черемухи Padis racemosa (?) В правом нижнем углу черной тушью "Fringilla Домашний воро[бей]". *175*

205. Рис. 16. Домовый воробей. Passer domesticus L. Взрослая самка в натуральную величину. *176*

206. Рис. 17. Полевой воробей Passer montanus L. Взрослый самец в 1 1/2 натуральной величины. Оперение дано схематизированно. В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи "...Горный воробей" черной тушью "Fringilla montana Горный воробей". Повторение **416.** *177*

207. Рис. 18. Юрок Fringilla montifringilla L. Две птицы в 1 1/2 натуральной величины на ветке боярышника Crataegus sanguidea. В правом нижнем углу полуобрезанная карандашная надпись "Fringilla montifringilla". *178*

208. Рис. 19. Чечетка обыкновенная Carduelis flammea L. Взрослый самец в натуральную величину на березовой веточке. Окраска оперения значительно бледнее натуральной. В правом нижнем углу черной тушью "чечетка, с–ъ", а ниже остатки карандашной надписи "frig linop". Повторение **417.** *179*

209. Рис. 20. Чечетка обыкновенная Carduelis flammea L. Взрослая самка в натуральную величину. Оперение более темное, чем в натуре. В правом верхнем углу черной тушью "Чечетка, с–а". Вариант **418.** *180*

210. Рис. 21. Обыкновенная кукушка Cuculus canorus L. Взрослый самец. Под рисунком по центру карандашное указание, что рисунок выполнен в "=*1/2" натуральной величины. В правом верхнем углу черной тушью "IX–I". В правом нижнем углу черной тушью "Cuculus canorus Серая кукушка". Вариант **212.** *181*

211. Рис. 22. Обыкновенная кукушка Cuculus canorus L. Взрослая самка в "=1/2" натуральной величины. Детально, но схематично выписаны особенности окраски оперения. В правом верхнем углу тушью "IX–4". В нижнем правом углу черной тушью "Idem. Сер[ая] кукушка Cuculus canorus." *182*

212. Рис. 23. Обыкновенная кукушка Cuculus canorus L. Взрослый самец в "=1/2" натуральной величины. Вариант **210.** *183*

213. Рис. 24. Черный дятел или желна Dryocopus maritus L. Взрослый самец в "=1/3" натуральной величины на березовом суку. Язык высунут так, что хорошо видны особенности его строения. "Шапочка" значительнее бледнее, чем в натуре. Вариант **214.** *184*

214. Рис. 25. Черный дятел или желна Dryocopus maritus L. Взрослый самец в "=1/3" натуральной величины. Окраска не черная, как в природе, а темно-коричневая. Вариант **213.** *185*

215. Рис. 26. Большой пестрый дятел Dendrocopos major L. Взрослая птица в "=2/3" натуральной величины. *186*

216. Рис. 27. Белоспинный дятел Dryobates leucotos. Взрослый самец в "=5/8" натуральной величины. В верхнем правом углу черной тушью "XI–6". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "varius..." черной тушью "idem. То же, с–ъ". Вариант **217.** *187*

217. Рис. 28. Белоспинный дятел Dryobates leucotos Bechst. Взрослая птица в "=5/8" натуральной величины. Ниже и правее полуобрезанная карандашная надпись "113 а". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись черной тушью "XI–9". В правом нижнем углу черной тушью "Picus varius Пестрый дятел Pic varié. Вариант **216.** *188*

218. Рис. 29. Трехпалый дятел Picoides tridactylus L. Взрослый самец в "=2/3" натуральной величины сидит в характерной полувертикальной позе так, что видна

---

* Знак "=" означает "примерно", "около".

окраска оперения почти всей спины. В правом верхнем углу черной тушью "XI–3". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи черной тушью "Picus tridactylus Троепалый дятел желт[ый] Pic à tête jaune tridactile". *189*

219. Рис. 30. Трехпалый дятел Picoides tridactylus L. Взрослая самка в характерной позе в "=2/3" натуральной величины. В правом верхнем углу тушью "XI–4". В правом нижнем углу тушью "Idem. То же, с–а". *190*

220. Рис. 31. Поползень обыкновенный Sitta europea L. Взрослый самец в натуральную величину. Видна окраска нижних кроющих хвоста. В правом нижнем углу тушью "Sitta europea Поползень Sittelle forine-po…". *191*

221. Рис. 32. Городская ласточка или воронок Delichon urbica L. Взрослый самец в натуральную величину. В правом нижнем углу карандашом "Hirundo rustica Стрижок Hirondelle de cheminée" Повторение **377.** *192*

222. Рис. 33. Городская ласточка или воронок Delichon urbica L. Взрослая самка в натуральную величину. *193*

223. Рис. 34. Береговая ласточка Riparia riparia L. Взрослый самец в натуральную величину сидит на ветке, что возможно только в период пролета. Хорошо видна окраска спины птицы. В правом нижнем углу карандашом в три строки "Hirundo ripari[a] Hirondelle de riv[age] Береговая ласт[очка]". *194*

224. Рис. 35. Береговая ласточка Riparia riparia L. Взрослая птица в натуральную величину – полный альбинос. В правом нижнем углу карандашом "Hirundo ripa[ria] Hirondelle de rivage Береговая ласт[очка]". *195*

225. Рис. 36. Сибирская рыжебрюхая касатка Hirundo rustica tyteri Jord. Взрослый самец в натуральную величину сидит так, что видна окраска хвоста с нижней стороны. Сизая окраска головы, спины и плечей слишком светлая. В правом нижнем углу в три строки карандашом "Hirundo urbica Hirondelle de fenêtre Касаточка". Почерк отличный от надписей на остальных рисунках, более четкий и легкий. Повторение **376** (небольшая разница в сучках). *196*

226. Рис. 37. Черный стриж Apus apus L. Взрослая птица в 1/2 натуральной величины. Окраска оперения значительно темнее естественной. В правом нижнем углу карандашная пометка "X". Вариант **378.** *197*

227. Рис. 38. Сизый голубь Columba livia Gm. Взрослый самец в "=1/2" натуральной величины. Второй "пояс" на крыле "разбит", что не характерно для обычной окраски. В правом нижнем углу полуобрезанная карандашная надпись, сделанная тем же почерком, что и на рисунке **224,** "Горный голубь Columb[a]". *198*

228. Рис. 39. Скалистый голубь Columba rupestis Pall. Взрослый самец 1 1/2 натуральной величины. Хвост птицы раскрыт так, что видны особенности его окраски. *199*

229. Рис. 40. Большая горлица Streptopelia orientalis Lath. Взрослая птица в 1/2 натуральной величины. Верхние кроющие крыла слегка схематизированы. В правом нижнем углу карандашная надпись "Горлица". *200*

АЛЬБОМ "ОРНИТОЛОГИЯ…" № 2 (НБ МГУ, № 516)
ФОРМАТ РИСУНКОВ 23,7 × 18,9 см

230. Рис. 1. Чеглок Falco subbuteo L. Птица в "1/2" натуральной величины. Окраска оперения выписана точно, но схематизированно. В правом нижнем углу стертая надпись. Л. 20. *201*

231. Рис. 2. Степная пустельга Falco naumannii Fleischer. Размер птицы сильно уменьшен. Детали оперения выполнены довольно точно, но схематизированно. Л. 35 об. *202*

232. Рис. 3. Большой подорлик Aquila clanga Pall. Птица во много раз уменьшена. В верхнем правом углу на половину обрезаны цифры "I–2", в нижнем правом углу почти стертая надпись. Л. 27. *203*

233. Рис. 4. Перепелятник, малый ястреб Accipiter nisus L. Птица в "1/2" натуральной величины. Детали окраски оперенья переданы точно, но схематично. В правом верхнем углу обрезаны цифры "=1/4", в правом нижнем углу стертая надпись "Tyi...". Л. 39а. Вариант **237.** *204*

234. Рис. 5. Черный коршун Milvus korshun Gm. Птица в "= 1/3" натуральной величины. Детали оперения схематизированы. В правом нижнем углу полустертая надпись латинского, русского и французского названия птицы "Milvus Коршун Milv..." Д. 43 об. *205*

235. Рис. 6. Зимняк или канюк мохноногий Buteo lagopus Brünnich. Птица в "= 1/3" натуральной величины. Оперение схематизировано. В правом нижнем углу полустертая надпись тушью "Falco buteo Сарыч Buse". Л. 55. *206*

236. Рис. 7. Большой ястреб, тетеревятник Accipiter gentilis L. Птица в "1/2" натуральной величины. Оперение схематизировано. В правом нижнем углу полустерная надпись "Falco cya[neus] Бюзард, м. с–ъ Busard...". Д. 63. *207*

237. Рис. 8. Малый ястреб, перепелятник Accipiter nisus L. Птица в "= 1/2" натуральной величины. Оперение схематизировано. Вариант **233.** *208*

238. Рис. 9. Белая или полярная сова Nyctea scandiaca L. Оперение схематизировано. Справа под рисунком карандашом проставлена цифра "7", а ниже полуобрезана, подпись карандашом "12". Л. 78. Вариант **239.** *209*

239. Рис. 10. Белая или полярная сова Nyctea scandiaca L. Птица в "= 1/3" натуральной величины. Оперение схематизировано. В правом нижнем углу по стертой надписи тушью "Strix nyctea Белый фили[н] Choette...". Вариант **238.** *210*

240. Рис. 11. Уральская или длиннохвостая неясыть Strix uralensis Pall. Птица в "= 1/4" натуральной величины. Оперение схематизировано. Детали окраски оперения, головы птицы, пропорции тела изображены неудачно, рисунок неверно отображает вид. Правее и ниже наполовину обрезана карандашная надпись "16". В правом нижнем углу тушью "Strix uralen[sis] Уральская со[ва] Choette d'Oural". *211*

241. Рис. 12. Ястребиная сова Surnia ulula L. Л. 81. Вариант **242.** *212*

242. Рис. 13. Ястребиная сова Surnia ulula L. Птица в "= 2/5" натуральной величины. В правом нижнем углу тушью "Strix longicauda Длиннохвостая сова". Под ней полустертая карандашная надпись "Длиннохвостая сов[а]..." Л. 79 об. Варианты **241, 243.** *213*

243. Рис. 14. Ястребиная сова Surnia ulula L. Окраска оперения птенцов близка к натуральной. Под рисунком по центру остатки полустертой и полуобрезанной карандашной цифры "II". *214*

244. Рис. 15. Филин Bubo bubo L. Птица в "= 1/4" натуральной величины. Прижимает к сучку сизого голубя. Окраска оперения и его детали близки к естественному. Расположение оперения схематизировано. Само изображение птицы малоудачно. В левом нижнем углу красно-коричневой тушью "род 6". Помета, возможно, принадлежит Булычову. В правом нижнем углу тушью "Bubo Пугач Duc". Л. 76. *215*

245. Рис. 16. Ушастая сова Asio otis L. Л. 101. Вариант **246.** *216*

246. Рис. 17. Ушастая сова Asia otis L. Внизу под рисунком, чуть справа полуобрезанная карандашная цифра "17". Л. 101. Вариант **245.** *217*

247. Рис. 18. Ушастая сова Asio otis L. Птенцы в двух характерных позах. *218*

248. Рис. 19. Пегая или даурская галка Corvus monedula daurica Pall. Точно переданы характер расположения оперения и его окраски. Изображение птицы уменьшено в 2–2,5 раза. В правом нижнем углу полустертая карандашная надпись "Corvus dauricus". Л. 115 об. Вариант **249.** *219*

249. Рис. 20. Пегая или даурская галка Corvus monedula daurica Pall. Изображение птицы уменьшено в 2–2,5 раза. В правом нижнем углу тушью: "Corvus dahurica monedula Пеганка". Вариант **248.** *220*

250. Рис. 21. Сойка Garrulus glandarius L. Птица в "= 1/2" натуральной величины. *221*

251. Рис. 22. Кукша Perisoreus infaustus Pall. Птица почти в натуральную величину. В левом верхнем углу карандашом "VIII". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "II–1". В правом нижнем углу тушью "Corvus mimus Кукша Jeai imitateur". Л. 117 об. Опубл.: ВИЕТ, 1983, № 2, с. 128. *222*

252. Рис. 23. Кедровка Nucifraga caryoltactes L. Птица в "= 2/3" натуральной величины. В правом верхнем углу остатки индексов "II–1". В правом нижнем углу тушью "Nucifraga Кедровка Casse-noix". Л. 126 об. *223*

253. Рис. 24. Свиристель Bombycilla garrulus L. Птица в 2 раза больше натуральной величины. Оперение спины и верхних кроющих крыла дано схематизировано. В правом нижнем углу тушью "Garrula bombycilla Jeai de Bohème Богемский свиристе[ль]". Л. 137 об. *224*

254. Рис. 25. Серый сорокопут Lanius excubitor L. Птица в натуральную величину. Оперение груди схематизировано. В правом верхнем углу тушью полуобрезанная помета "III–6". В правом нижнем углу тушью "Lanius-laniar[e] Серокопытка Pie-grièche". Л. 158 об., 206 об. Вариант **255.** *225*

255. Рис. 26. Серый сорокопут Lanius excubitor L. Птица в натуральную величину клюет бабочку Artia flavia F. Окраска оперения и его расположение переданы очень точно. Вариант **254.** Опубл. в кн.: Из истории научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1978, илл. 5. *226*

256. Рис. 27. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. На ветке хвойного растения, на которой сидит птенец-слеток в натуральную величину, хвоинки расположены по две в пучке – возможно Pinus sylvestris (?), но в то же время они слишком коротки, как у лиственницы Larix. Оперение птенца схематизировано. В правом верхнем углу полуобрезанная помета тушью "III–9". В нижнем правом углу под полустертой карандашной надписи "Сорокопуд..." надпись тушью "Lanius Сорокопуд..." Л. 212. Варианты **373, 421.** *227*

257. Рис. 28. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. Молодая птица в натуральную величину. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "III–7". В нижнем правом углу под полустертой карандашной надписью "Сорокопуд" тушью "Lanius". Повторение **374.** *228*

258. Рис. 29. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. Взрослая птица в натуральную величину. В правом нижнем углу под полустертой карандашной надписью "Сорокопуд, с–..." тушью сделана надпись "Lanius Сорокопуд, с–...". Повторения **375, 430;** варианты **257, 374, 421.** *229*

259. Рис. 30. Серая мухоловка Muscicapa striata Pall. Самка в натуральную величину. Окраска птицы более темная, чем в естественном состоянии. В правом верхнем углу полуобрезанная помета тушью "III–5". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи тушью "Muscicapa Серая мухоловка Goube mouche". Л. 222 об. Повторения **379, 419.** *230*

260. Рис. 31. Дрозд-рябинник Turdus pilaris L. Взрослая птица раза в 1,5 меньше натуральной величины. Под рисунком по центру остатки полуобрезанной карандашной пометки "2, 8". В правом верхнем углу надпись тушью "III–2". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи черной тушью "Turdus saxatilis, Седоголовый дрозд Merle de roche". Вариант **370.** *231*

261. Рис. 32. Дрозд-белобровик Turdus musicus L. Оперение груди взрослой птицы схематично. Окраска оперения значительно бледнее натуральной. В правом верхнем углу тушью "III–1". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Turdus iliacus Белобровый дрозд Grive mauvis". Л. 168 об. Повторение **369.** *232*

262. Рис. 33. Оляпка обыкновенная Cinclus cinclus Bp. Изображение взрослого самца не совсем удачно: птица нарисована полуприсевшей, что зрительно нарушает пропорции тела. В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью

"III–3". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи тушью "Cinclus Русалка, м. с–ъ Cincle". Л. 192. Повторение **371.** *233*

263. Рис. 34. Оляпка обыкновенная Cinclus cinclus Bp. Взрослая самка в натуральную величину. В верхнем правом углу обрезанная надпись тушью "III–4". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи тушью "Cinclus. Русалка, ст. с–ъ Cincle". Л. 192. Повторение **372.** *234*

264. Рис. 35. Пятнистый сверчок Locustella lanceolata Pall. Самец и самка в натуральную величину. В верхнем правом углу "IV–5". В нижнем правом углу тушью "Sylvia locustella Пеночка Bec-fin locustel[le]". Л. 276 об. Повторение **452.** Вариант **382.** *235*

265. Рис. 36. Пеночка зеленая Phylloscopus trochiloides Sund. Самец и самка в натуральную величину. В правом верхнем углу тушью "IV–1". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Sylvia sylvicola Fauvette Лесничка". Л. 268. Варианты **380, 431.** *236*

266. Рис. 37. Гнездо дрозда. В развилке ветвей ивы (весенние побеги с короткими рыхловатыми женскими сережками; их много, они зеленые, листья еще не развернулись; определить видовую принадлежность затруднительно – сережки изображены схематично) гнездо в "1/4" натуральной величины с 6 яйцами. Слева и справа внизу рисунка два яйца в натуральную величину (34 × 23 мм). *237*

267. Рис. 38. Варакушка Luscinia svecica pallidogularis Sar. Взрослый самец в брачном оперении в 1,5 раза меньше натуральной величины. Под рисунком по центру остатки полуобрезанной карандашной надписи "О". В верхнем углу тушью "IV–3". В нижнем правом углу по стертой надписи тушью "Sylvia... Варакушка..." Л. 272 об. Вариант **383.** *238*

268. Рис. 39. Варакушка Luscinia svecica pallidogularis Sar. На веточке курильского чая Potentilla fruticosa птенец-слеток в натуральную величину. Оперение головы, груди, спины схематизировано. На голове от клюва до спины хорошо видны волосовидные пушинки. В правом верхнем углу черной тушью "IV–4". В правом нижнем углу черной тушью "Sylvia svecica Варакушка, м. с–ъ Bec-fin gorge-Bl[eu]". Повторение **384;** вариант **456** (птенец). *239*

269. Рис. 40, л. 39а (в альбоме два листа имеют 39 номер) Пеночка таловка Phylloscopus borealis Blasius. На ветке в натуральную величину изображены самец и самка. В правом верхнем углу тушью "IV–2". В нижнем правом углу тушью "Sylvia trochilus Пеночка". Вариант **381.** *240*

АЛЬБОМ "ОРНИТОЛОГИЯ..." № 3 (НБ МГУ, № 517). РАЗМЕР РИСУНКОВ ТОТ ЖЕ

270. Рис. 1. Рисунок представляет собой незаконченный титульный лист-виньетку, которую составляют несколько стилизованные, но хорошо узнаваемые, сильно уменьшенные растения природной флоры в виде гирлянд цветов и ветвей: багульника Rhododendron dauricum, курильского чая Potentilla fruticosa, облепихи крушиновидной Hippophae rhamnoides, шиповника Rosa sp., яблони Malus sp., лиственницы Larix sp., ивы Salix sp., березы Betula sp., ириса Iris sp., сараны Lilium martagon, лилии даурской Lilium dauricum, лилии низкой Lilium pumilum, лилейника малого Hemerocallis minor, живокости крупноцветковой Delphinium grandiflorum, купальницы азиатской Trollius altaicus, башмачка крупноцветного Cypripedium macranthon, башмачка желтого Cypripedium calceolus. Под ним – гнездо абстрактной птицы с пятью яйцами, расположенное на земле среди кустиков какого-то однодольного растения. На ветке в различных позах 11 птиц, двенадцатая изображена в центре в полете – рогатый жаворонок. Сидят: урагус, черноголовый чекан, длиннохвостая синица, пятнистый сверчок, варакушка, белошапочная овсянка, синица-московка, чечевица, горихвостка, горная трясогузка, дубровники, клест белокрылый. Все это

уменьшено во много раз. Опубл. в кн.: Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, илл. 1. *241*

271. Рис. 2. Каменка Oenanthe oenanthe L. Взрослая самка в натуральную величину держит в клюве жука-скакуна Cicindela hibrida L. Ниже перед ней лежит двукрылое насекомое (наездник сем. Ichneumonidae, метаморфоз которого см. 174). Под рисунком по центру остатки полуобрезанной надписи "1, 7". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "V–5". В правом нижнем углу тушью "Saxicola oenanthe Белохвостик с–а Traquet moteux". Л. 234. Повторение **436.** *242*

272. Рис. 3. Каменка Oenanthe oenanthe L. Взрослый самец в натуральную величину. Хвост не пропорционален всей птице. Изображение в целом малоудачно. В верхнем правом углу тушью "V–4". В правом нижнем углу тушью по стертой карандашной надписи "Saxicola oenanthe Белохвостик, с–ъ Traquet moteux". Повторение **427.** *243*

273. Рис. 4. Каменка Oenanthe oenanthe L. Два птенца-слетка, на верхней части туловища которых от лба до крестца волосовидные пушинки длиной в 7 мм. Оперение головы и спины схематизировано. Оба в натуральную величину. В верхнем правом углу тушью "V–7". В нижнем правом углу полустертая надпись тушью "Saxicola oenanthe Белохвостик, пт[енцы] Traq[uet] moteux". Вариант **433.** *244*

274. Рис. 5. Каменка Oenanthe oenanthe L. Взрослая самка в натуральную величину в характерной полувертикальной позе. Верхние кроющие крыла схематизированы. В правом верхнем углу тушью "V–6". В правом нижнем тушью "Saxicola oenanthe Белохвостик, с.м.... Traquet moteux". Повторение **434.** *245*

275. Рис. 6. Черноголовый чекан Saxicola torquata L. Самец в брачном оперении в 1,5 натуральной величины на веточке отцветшего багульника Rhododendron dauricum. Даже жесткие волоски над ноздрями переданы очень точно. Оперение груди и верхних кроющих крыла схематизировано. В правом верхнем углу тушью "V–1". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи тушью "Saxicola rubicola Красношея каменица Traquet pâtre, m." Л. 235 об. Варианты **276, 387.** *246*

276. Рис. 7. Черноголовый чекан Saxicola torquata L. Самец в брачном оперении в 1,5 натуральной величины. Оперение горлового пятна и верхних кроющих крыла схематизировано. В верхнем правом углу тушью "V–2". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи тушью "Saxicola rubicola Красношея камени[ца]. Traquet pâtre, m." Варианты **275, 387.** *247*

277. Рис. 8. Черноголовый чекан Saxicoila torquata L. Взрослая самка в 1,5 натуральной величины. Оперение груди, верха спины и верхних кроющих крыла переданы схематизировано. В правом верхнем углу тушью "V–3". В правом нижнем углу по стертой карандашной идентичной надписи тушью "Saxicola rubicola Красношея камени[ца] Traquet pâtre, jeun." Повторение **386.** *248*

278. Рис. 9. Два гнезда черноголового чекана в 1/6 натуральной величины в ветвях молодой сосны Pinus sylvestris (рисована без модели, потому плохо узнаваема, и все же это сосна: ветви от ствола отходят четкими мутовками, иглы сидят по две). Гнезда сделаны очень плотно из стеблей какого-то растения, имеющего небольшие шишечки, типа сосновых. Под гнездом два яйца в натуральную величину 4,3 × 2,7 и 3,8 × 2,8 мм. Сбоку от рисунка карандашом "68". Под рисунком по центру указание, что рисунок выполнен в "=1/6" натуральной величины. *249*

279. Рис. 10. Сибирская горихвостка Phoenicurus auroreus Pall. На веточке культурной яблони взрослая птица в натуральную величину в характерной для нее позе. Оперение щек, груди, верха спины схематизировано. Под рисунком по центру остатки обрезанной карандашной надписи "50". В правом верхнем углу тушью "V–8". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Saxicola aurorea Зарная камениц[а], с – ... Traquet doré". Л. 237 об. Варианты **388, 432.** *250*

280. Рис. 11. Соловей-красношейка Luscinia calliope Pall. Взрослый самец в ве-

сеннем наряде в натуральную величину на куске березовой ветки. Оперение груди и горла дано схематизировано. В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "Accentor calliope Каллиопа". Л. 251 об. *251*

281. Рис. 12. Соловей-красношейка Luscinia calliope Pall. Взрослая птица, размером чуть меньше натуральной величины. В верхнем правом углу тушью "V–10". В правом нижнем углу тушью "Accentor calliope Каллиопа (во время линяния)". Последние три слова зачеркнуты. Ниже карандашом "Cit mvinr (?)". На паспорту слева внизу была какая-то ли чернильная, то ли сделанная тушью четырехстрочная, но стертая, надпись. *252*

282. Рис. 13. Белая трясогузка Motacilla alba L. Оперение горлового пятна и верхних кроющих крыла молодой птицы схематизировано. В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Серая пастушка, до 1-го линяния". Л. 292. *253*

283. Рис. 14, л. 13а (в альбоме ошибочно пронумерованы два листа 13-м номером). Белая трясогузка Motacilla alba L. Самец и три птенца в гнезде в натуральную величину. Рядом с гнездом лежит яйцо в натуральную величину (18 × 12 мм). В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "VI–1". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Motacilla alba Пастушка серая Bergeronette grise". Вариант **426.** *254*

284. Рис. 15, л. 14. Белая трясогузка Motacilla alba L. В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Серая пастушка, после линяния". *255*

285. Рис. 16, л. л. 15. Горная трясогузка Motacilla cinerea Tunst. Взрослая птица в натуральную величину. Оперение горла и верхних кроющих крыла схематизировано. Гнездо из стеблей растений, в нем кладка из трех яиц беловатого цвета, нарисованных в натуральную величину. В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Motacilla boarula Bergeronette à gorge noire Черногорлая пастушка". Л. 295. Вариант **435.** *256*

286. Рис. 17, л. 16. Желтоголовая трясогузка Motacilla citreola Pall. Взрослая птица в натуральную величину ловит летящего наездника сем. Ichneumonidae, сидит на абстрактном субстрате светло-коричневого цвета. В верхнем правом углу полуобрезанная надпись тушью "VI–6". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Motacilla citreola Лимонная пасту[шка] Bergeronette citr...". Л. 298 об. Повторение **420.** *257*

287. Рис. 18, л. 17. Желтая трясогузка Motacilla flava L. Взрослая птица в натуральную величину. В верхнем правом углу тушью "VI–5". В нижнем правом углу тушью "Motacilla flava Весенница Bergeronette printanière". Л. 296 об. Повторение **422.** *258*

288. Рис. 19, л. 18. Желтоспинная трясогузка Motacilla lutea Gm. Взрослая птица в натуральную величину. В верхнем правом углу тушью "VI–7". В нижнем правом углу тушью "Motacilla campestris Луговая пастушка". Л. 303. *259*

289. Рис. 20, л. 19. Степной конек Antus richardi Vieill. Взрослая птица в натуральную величину. В верхнем правом углу тушью "VI-11". В нижнем правом углу тушью "Antus richardi Рихардова пипи Pipi[t] de richard". Под рисунком почти полностью стертая карандашная надпись, выполненная крупным почерком. Ее содержание идентично надписи, сделанной тушью, но порядок названий начинается с русского. В конце стертой надписи карандашом "X". Варианты **389, 423.** *260*

290. Рис. 21, л. 20. Полевой конек Antus campestris L. Взрослая птица в натуральную величину в характерной позе перед гнездом. Оперение спины верхних кроющих крыла слегка схематизировано. Гнездо изображено небрежно. В гнезде два слепых голых птенца размером в 2–2,5 раза меньше натурального. Точно передана окраска края клюва, наличие волосяного пуха, начиная со лба и по всему хребту до крестца, наличие пеньков на верхней части шеи, на первых, вторых кроющих крыла, маховых и рулевых перьях. Под рисунком по центру остатки полуобрезанной ка-

рандашной надписи тушью "Antus protensis Пипи обыкнов[венная], до линяния Pipi[t] farlouse". Л. 311 об. *261*

291. Рис. 22, л. 21. Луговой конек Antus campestris L. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение спины и верхних кроющих крыла даны схематизировано. В верхнем правом углу тушью "VI-9". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи тушью "Пипи обыкнов[енная], до линяния". *262*

292. Рис. 23, л. 22. Горный конек Antus spinoletta L. Взрослая птица в 1,5 натуральной величины. Справа от рисунка карандашная цифра "16".

293. Рис. 24, л. 23. Пятнистый конек Anthus hodgsoni Richm. Взрослый самец в 1,5 натуральной величины. В правом верхнем углу остатки полуобрезанной надписи тушью "VI-10". В нижнем правом углу тушью "Anthus veridis Зеленая пипи Pipi[t] verdâtre". Л. 314 об. Вариант **391.** *264*

294. Рис. 25, л. 24. Рогатый жаворонок Eremophila alpestris L. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение спины, щек, горла схематизировано. В верхнем правом углу остатки полуобрезанной надписи тушью "VI-2". В нижнем правом углу по стертой карандашной надписи тушью "Alauda alpestris Сибирский жаворо[нок] Alouette de Sibérie". Повторение **393** *265*

295. Рис. 26, л. 25. Рогатый жаворонок Eremophila alpestris L. Взрослая самка в 1,5 натуральной величины. Оперение головы, спины и верхних кроющих крыла схематизировано. Под рисунком по центру остатки обрезанной карандашной надписи. В правом верхнем углу остатки надписи, выполненной тушью "VII-3". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Сибирский жавороно[к], с-а". Повторение **394.** *266*

296. Рис. 27, л. 26. Полевой жаворонок Alauda arvensis L. Взрослая птица в натуральную величину. Поза очень характерна для жаворонков. Оперение верхних кроющих крыла схематизировано. В верхнем правом углу остатки полуобрезанной, выполненной тушью надписи "VII-1". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Alauda arvens[is] Полевой жаворо[нок] Allouette". Вариант **392.** *267*

297. Рис. 28, л. 27. Монгольский жаворонок Melanocorytha mongolica Pall. Взрослая птица в натуральную величину. Оперение спины и верхних кроющих крыла схематизировано. В правом нижнем углу полустертая карандашная надпись "Каландра Alauda calandra". *268*

298. Рис. 29, л. 28. Большая синица Parus major L. Самец в 1,5 натуральной величины нацелился склевать жука – божью коровку Anatis ocellata L. Окраска чуть бледнее натуральной. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "83". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "синица" тушью "Parus major Синичка Mésange". Повторение **395.** *269*

299. Рис. 30, л. 29. Синица московка Parus alter L. Самец в 1,5 нормальной величины на веточке, напоминающей березовую. Оперение бледнее натурального. Хвост по центру имеет слишком большую развилку, а крайние рулевые заострены, что нехарактерно. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "86". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "Parus alter Московка" черной тушью такая же надпись. Повторение **396.** *270*

300. Рис. 31, л. 30. Восточносибирская черноголовая гаичка Parus palustris L. Две птицы в натуральную величину. Окраска крыльев, спины, хвоста бледнее естественной. У птицы в 3/4 оборота "вырез" между рулевыми перьями более сильный, чем обычно. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "87". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "Parus palustris Монашенка" такая же надпись тушью. Варианты **301, 397, 437, 439б.** *271*

301. Рис. 32, л. 31. Восточносибирская черноголовая гаичка Parus palustris L. Птица в натуральную величину. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "...89". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью

"VIII-10". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи тушью "Parus cinerus. Серая москов[ка]". Слово "cinerus" зачеркнуто и карандашом вставлено "lugabris". Повторение **439** б. *272*

302. Рис. 33, л. 32. Длиннохвостая синица Aegithalos caudatus L. Две птицы в натуральную величину. Левая птица чуть выше дана в 3/4 оборота со спины. Голова повернута вправо. Крылья и хвост слегка раскрыты. Судя по тому, что у птицы, сидящей несколько выше, перья хвоста различной длины, она линяет. В окраске хвоста, первостепенных маховых, кроющих крыла, крестца, спины преобладает темно-коричневый цвет, что нехарактерно для этого вида. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "88". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "VIII-9". В правом нижнем углу стертая карандашная надпись. Под ней карандашом: "синица". По ней тушью "Parus caudatus Долгохвостая ма[ли]н[овка]". Повторение **398**; вариант **439**в. *273*

303. Рис. 34, л. 33. Камышевая овсянка Emberiza choeniclus L. Птица в натуральную величину. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "78". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись тушью "VII..." В нижнем правом углу полустертая карандашная надпись "Emberiza aru... Камышенка". По ней тушью "Камышенка". Повторение **403**; варианты **310, 401.** *274*

304. Рис. 35, л. 34. Камышевая овсянка Emberiza choeniclus L. Птица в натуральную величину. Хвост развернут так, что видна его нижняя часть с характерной окраской. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "71". В правом нижнем углу полустертая карандашная надпись "Emberiza aru... Камышенка". По ней тушью "Камышенка". Повторения **310, 401.** *275*

305. Рис. 36, л. 35. Гнездо камышевой овсянки в "1/4" натуральной величины помещено в мутовке Pinus silvestris. Два яйца даны отдельно в увеличенном виде. На левом по голубоватому фону равномерный глубокий зеленоватый крап; более крупные поверхностные крапины ярче; размеры 43 × 31 мм. На правом по размытому коричневатому общему тону с "просветами" редкие крупные коричневатые пятна в 1–1,5 мм; основная их часть на тупом конце; размеры 45 × 31 мм. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись "72". *276*

306. Рис. 37, л. 36. Белошапочная овсянка Emberiza leucocephalos Gm. Птица в натуральную величину. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "74". Правее карандашом "X". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи "Piphiurnus Пифиурн" такая же надпись тушью. *277*

307. Рис. 38, л. 37. Белошапочная овсянка Emberiza leucocephalos Gm. Взрослая самка в натуральную величину сидит на ветке осины Populus tremula (рисована не с натуры и не по гербарию, а по памяти). Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "76". Немного левее карандашом "Emberiza piphiurnus". *278*

308. Рис. 39. л. 38. Белошапочная овсянка Emberiza leucocephalos Gm. Взрослый самец в натуральную величину. В правом нижнем углу карандашом "Emberiza piphiurnus". Повторение **404.** *279*

309. Рис. 40, л. 39. Камышевая овсянка Emberiza schoeniclus L. Взрослый самец в брачном оперении в натуральную величину. В правом верхнем углу тушью "VII-...". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи такая же тушью "Камышенка", с-ъ". *280*

310. Рис. 41, л. 40. Камышевая овсянка Emberiza schoeniclus L. Взрослая самка в натуральную величину. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "78". Повторения **304, 401.** *281*

311. Рис. 42, л. 41. Дубровник Emberiza aureola Pall. Взрослый самец в брачном наряде в натуральную величину. В правом нижнем углу тушью "Emberiza aureola Золотистый подоро[жник]". Повторение **407**; вариант **313.** *282*

312. Рис. 43, л. 42. Гнездо дубровника в натуральную величину расположено в развилке яблони; сделано из стеблей травянистых растений, среди которых есть

зонтичные и злаковые. Кладка не полная. Яйца даны в натуральную величину – 18 × 11 и 18 × 13 мм. В правом нижнем углу тушью "Гнездо золотис[того] подорожника". *283*

313. Рис. 44, л. 42а. В альбоме два листа ошибочно пронумерованы 42-м номером. Дубровник Emberiza aureola Pall. Взрослый самец в брачном наряде в натуральную величину. Гнездо на яблоне. Размеры яиц в гнезде: 18 × 14, 18 × 14, 17 × 19, 18 × 13, 17 × 14 мм; размеры пятен на яйцах до 5 мм в диаметре. Под рисунком по центру тушью "2", над рисунком – "1". Варианты **282, 407.** Опубл. в журн.: Природа, 1980. № 5, с. 76. *284*

314. Рис. 45, л. 43. Дубровник Emberiza aureola Pall. Взрослая самка в натуральную величину. Оперение верхней части спины, верхних кроющих крыла и, частично, шеи схематизировано. Вокруг гнезда несколько кустиков какого-то однодольного растения и цветущий кустик Gernium. В гнезде пять яиц такого же типа как и на рисунке 313. Их размеры: 18 × 13, 18 × 14, 17 × 14, 17 × 13, 17 × 13 мм. В правом нижнем углу карандашная надпись "Emberiza aureola". Вариант **408.** Опубл.: "Природа", 1990, № 5, с. 76. *285*

315. Рис. 46, л. 44. Дубровник Emberiza aureola Pall. Молодая птица во взрослом оперении в натуральную величину сидит на веточке хвойного растения. В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "Emberiza aureola Золотистый подорож[ник]", тушью: "Золотистый подорож[ник], мол[одой]". Повторение **406;** вариант **316.** *286*

316. Рис. 47, л. 45. Дубровник Emberiza aureola Pall. Молодая птица в натуральную величину. Под рисунком полуобрезанная карандашная надпись "84". В правом нижнем углу по полустертой карандашной надписи "Золотистый подорож[ник]" такая же надпись тушью. Варианты **314, 406.** *287*

317. Рис. 48, л. 46. Пуночка Plectrophenax nivalis L. Взрослая птица в натуральную величину. Под рисунком полуобрезанная надпись "7...". В правом верхнем углу полуобрезанная надпись, выполненная тушью "VII...". В правом нижнем углу по стертой карандашной надписи тушью "Emberiza nivalis Снежный подорожник". Варианты **318, 400.** *288*

318. Рис. 49, л. 47. Пуночка Plectrophenax nivalis L. Взрослая птица в натуральную величину клюет овес и еще какие-то семена, систематическую принадлежность которых трудно определить. Оперение спины слегка схематизировано. Под рисунком обрезанная карандашная надпись. В правом нижнем углу под стертой карандашной надписью тушью "Снежный подоро[жник]". Повторение **400;** вариант **317.** *289*

319. Рис. 50, л. 48. Лапландский подорожник Calcarius lapponicus L. Взрослая птица в натуральную величину. Оперение верха спины слегка схематизировано. Под рисунком с правой стороны полуобрезанная карандашная надпись "77". Л. 408 об. Вариант **399.** *290*

АЛЬБОМ "ОРНИТОЛОГИЯ..." № 4 (ИНВ. № 518) РАЗМЕРЫ ТЕ ЖЕ

320. Рис. 1. Глухарь Tetrao urogallis L. Взрослый самец "1/4" натуральной величины. Рисунок оперения схематизирован. Справа под изображением обрезанная карандашная надпись "174". В правом верхнем углу черной тушью "XIV-..." *291*

321. Рис. 2. Глухарь Tetrao urogallis L. Взрослая самка в "= 1/4" натуральной величины. *292*

322. Рис. 3. Тетерев Lyrurus tetrix L. Самец в "= 1/4" натуральной величины. *293*

323. Рис. 4. Тетерев Lyrurus tetrix baikalensis Lorenz. Самка в "= 1/3" натуральной величины. *294*

324. Рис. 5. Рябчик Tetrastes bonasia L. Самец в брачном наряде в "= 1/2" натуральной величины. *295*

325. Рис. 6. Рябчик Tetrastes bonasia L. Два слетка (пуховые птенцы) почти в натуральную величину. Цвет птенцов значительно светлее натурального. Между птенцами лежит яйцо в натуральную величину. На общем желтоватом фоне разбросаны светло-коричневые пятна округлой и неправильной формы от 0,01 мм до 5 мм; крупные пятна неправильной формы тяготеют к острому концу; размер 51 × 35 мм. *296*

326. Рис. 7. Рябчик Tetrastes bonasia L. Самка в "= 1/2" натуральной величины. Характер окраски оперения и его расположение переданы слегка схематизировано. Правее обрезанная карандашная подпись. *297*

327. Рис. 8. Белая куропатка Lagopus lagopus L. Птица в "= 1/2" натуральной величины. Внешние морфологические признаки переданы очень точно, но на ногах не видно когтей. *298*

328. Рис. 9. Бородатая куропатка Perdix daurica Pall. Самец в брачном наряде в "= 1/2" натуральной величины. Правее обрезанная карандашная надпись "148". *299*

329. Рис. 10. Перепел Coturnis coturnis L. Взрослая самка в 1/2 натуральной величины. *300*

330. Рис. 11. Малый зуек Charadrius dubius Scop. Самец почти в натуральную величину. Под рисунком по центру карандашная надпись "131". *301*

331. Рис. 12. Галстучник Charadrius hiaticula L. Самка в 1/3 натуральной величины. *302*

332. Рис. 13. Чибис Vanellus vanellus L. Самец в "1/2" натуральной величины. Вариант **449.** *303*

333. Рис. 14. Серый журавль Grus grus L. Птица в "= 3/16" натуральной величины. В правом верхнем углу остатки обрезанной надписи тушью "XIII-..." В правом нижнем углу карандашом "Grus Журавль". *304*

334. Рис. 15. Большой кроншнеп Numenius arquata L. Птица в "=3/4" натуральной величины. Чуть ниже и правее полуобрезанная надпись "136". Вариант **335.** *305*

335. Рис. 16. Большой кроншнеп Numenius arquata L. Птица в сильно уменьшенном виде. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись "137". Вариант **334.** *306*

336. Рис. 17. Большой кроншнеп Numenius arquata L. Два птенца оперившиеся. Под рисунком по центру карандашная надпись "138". *307*

337. Рис. 18. Турухтан Philomachus pugnax L. Самец в брачном наряде ("воротник" в спокойном состоянии) в "1/2" натуральной величины. В правом верхнем углу карандашная надпись "Machatas pug[nax]. Турухтан Combattant". Варианты брачного наряда **338–340.** *308*

338. Рис. 19. Турухтан Philomachus pugnax L. Самец в брачном наряде ("воротник" в спокойном состоянии) в "= 1/2" натуральной величины. В правом нижнем углу карандашная надпись "Machatas pugnax Турухтан, с-а Combattant, f.". *309*

339. Рис. 20. Турухтан Philomachus pugnax L. Самец в брачном наряде в 1/2 натуральной величины. "Воротник" в спокойном состоянии. *310*

340. Рис. 21. Турухтан Philomachus pugnax L. Самец в брачном наряде в 1/2 натуральной величины. "Воротник" в спокойном состоянии. Под рисунком по центру остатки карандашной надписи "137". Варианты брачного наряда **337–339.** *311*

341. Рис. 22. Травник Tringa totanus L. Взрослая птица в "= 1/2" натуральной величины. Чуть ниже и правее остатки обрезанной карандашной надписи "13...". *312*

342. Рис. 23. Фифи Tringa glareola L. Взрослая птица в "= 3/4" натуральной величины. Оперение груди и спины схематизировано. *313*

343. Рис. 24. Черныш Tringa ochropus L. Взрослая птица в "= 3/4" натуральной величины, в характерной чуть наклоненной позе. Вариант **344.** *314.*

344. Рис. 25. Черныш Tringa ochropus L. Взрослая птица "= 3/4" натуральной величины. Вариант **343.** *315*

345. Рис. 26. Большой улит Tringa nebularia Gunn. Взрослая птица 1/2 натуральной величины. В правом нижнем углу карандашная надпись "Totanus sp.". *316*

346. Рис. 27. Лысуха Fulica atra L. Взрослая птица в "= 1/2" натуральной величины. *317*

347. Рис. 28. Серощекая поганка Columbus grisegena Bodd. Взрослая птица. *318*

348. Рис. 29. Речная или обыкновенная крачка Sterna hirundo L. Птица в 1/2 натуральной величины. Поза не характерна для полета, скорее это поза перед броском за добычей. Вариант **349.** *319*

349. Рис. 30. Речная или обыкновенная крачка Sterna birundo L. Взрослая птица в 1/2 натуральной величины. Надпись "124". Вариант **348.** *320*

350. Рис. 31. Серебристая чайка Larus argentatus Pont. Взрослая птица в"= 1/2" натуральной величины. В правом верхнем углу карандашом цифра "9". *321*

351. Рис. 32. Серебристая чайка Larus argentatus Pont. Молодая птица в 1/2 натуральной величины. *322*

352. Рис. 33. Гусь-гуменник Anser fabalis Lath. Взрослая птица в 1/6 натуральной величины. *323*

353. Рис. 34. Чирок-клоктун Anas formosa Geori. Самец в брачном наряде в 1/5 натуральной величины рисован с натуры. Очень точно переданы особенности брачного оперения. Под рисунком стертая карандашная надпись "Утка клоктун", ниже карандашом "159". Чуть правее по старой надписи карандашом "Anas glocituns. Утка клоктун. NB". В правом нижнем углу в три строчки (нижняя нечитаема) слабая карандашная надпись "Anus fusca ♂ Утка клоктун". В левом верхнем углу карандашом "ПГ". *324*

354. Рис. 35. Утята. Определить вид затруднительно. Два птенца-пуховика в 1/2 натуральной величины. *325*

355. Рис. 36. Чирок-свистунок Anas crecca L. Самец в брачном наряде в "= 1/2" натуральной величины. В правом верхнем углу карандашные пометки "16" и чуть выше и правее "4". Повторение **453.** *326*

356. Рис. 37. Кряква обыкновенная Anas platyrhynchos L. Самка в "= 1/2" натуральной величины. В правом нижнем углу стертая карандашная надпись в три строки: "Чирок Anas... fara clangula". *327*

357. Рис. 38. Широконоска Anas clypeata L. Самец в 1/2 натуральной величины в брачном наряде. *328*

358. Рис. 39. Широконоска Anas clypeata L. Взрослый самец в брачном наряде в 1/3 натуральной величины. Рисунок выполнен с натуры. *329*

359. Рис. 40. Каменушка Clangula historionica L. Самец в брачном наряде в 1/4 натуральной величины. Правее карандашом "Anas historionica". Еще правее, в углу едва видная надпись карандашом "острохвостка". *330*

360. Рис. 41. Гоголь обыкновенный Clangula clangula L. Самец в брачном наряде в 1/4 натуральной величины. Под рисунком по центру остатки обрезанной карандашной надписи "156". В правом нижнем углу карандашом "Anas clangula Garrot". *331*

361. Рис. 42. Серая утка Anas strepera L. Птица в 1/6 натуральной величины. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись "169". *332*

362. Рис. 43. Морянка Clangula hyemalis L. Самец в брачном наряде в 1/4 натуральной величины. Вариант **363.** *333*

363. Рис. 44. Морянка Clangula hyemalis L. Птица в 1/6 натуральной величины. Очень точно переданы особенности окраски оперения. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "165", справа карандашом "10". Вариант **362.** *334*

364. Рис. 45. Хохлатая чернеть Nyroca fuligula L. Самец в брачном наряде в 1/4 натуральной величины. Под рисунком по центру полуобрезанная карандашная надпись "1694", в правом нижнем углу "Anas mar...". *335*

365. Рис. 46. Большой крохаль Mergus merganser L. Самец в брачном наряде в

1/6 натуральной величины. Под рисунком по центру обрезанная карандашная надпись "17". *336*

366. Рис. 47. Большой крохаль Mergus merganser L. Плывущая молодая птица в 1/6 натуральной величины. В правом нижнем углу стертая карандашная подпись и пометка "X". *337*

367. Рис. 48. Длинноносый крохаль Mergus serrator L. Молодая птица в 1/6 натуральной величины. *338*

368. Рис. 49. Большой крохаль Merrus merganser L. Птица в "= 1/2" натуральной величины. *339*

Г. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ; ф. 218, к. 6, № 1–5)

В фонде 218 в папке № 6 хранятся 5 тетрадей по 23 листа. Десять листов в каждой тетради заполнены акварелями, выполненными на плотной желтоватой (иногда белой) бумаге, а между рисунками вплетены листы полупрозрачной тонкой голубоватой слегка пожелтевшей бумаги в формат тетради, на которых имеются авторские пометы – определения. Кроме того, в конце каждой тетради дается перечень названий птиц, изображенных на рисунках, по латыни, на французском и русском языках, с разбивкой по порядкам ("order") и родам ("genera"), что позволяет уточнить систему классификации птиц, которой придерживался П.И. Борисов, наиболее полно раскрытую в его рукописи "Орнитологическая фавна". В ряде случаев текст перечня подробнее подписей, сопровождающих рисунки внутри тетрадей.

Авторские определения, имеющиеся на страницах-прокладках, даны в кавычках в конце аннотации рисунка. Авторский перечень рисунков помещен в конце описания каждой тетради.

Внешние черты морфологического строения птиц, оперение, его расположение и окраска переданы также точно, как и в рисунках собрания МГУ. И все же на акварелях собрания ОР РГБ птицы изображены в целом ближе к натуре.

Отдельные листы-прокладки в правом верхнем углу имеют фирменный знак: рельефновыделенный квадратный медальон с округлыми углами размером 13 × 16 мм. В нем: герб с короной, поддерживаемый слева львом, а справа единорогом. Внутри поля герба разделено на четыре части. Под гербом по бокам две ленты, под ними надпись "Лондон". Первый и две последние страницы тонкой плотной бумаги имеют другой фирменный знак: рельефновыдавленный овальный медальон 20 × 20 мм, в центре которого буква "А", а под ней чуть меньшего размера "№ 4". По эллипсу с внешней стороны ограниченного выдавленными точками, а с внутренней – "А № 4"; надпись: наверху "Асеевской", внизу "фабрики".

Тетради поступили в "комнату 40-х годов" Румянцевского музея после 1917 г. от С.И. Вашкевич и А.И. Дараган, внучек первоначального владельца К.Я. Дарагана, который приобрел их у П.И. Борисова, в середине 40-х годов XIX в.

Записи "Книги доходов" от 4 июня и 6 июля 1843, 5 марта, 8 мая, 5 июня и 23 сентября 1845 сообщают о выполнении 6 или даже 7 тетрадей по 10 орнитологических рисунков для Дарагана (*Куйбышева, Сафонова.* Указ. соч. С. 532, 533). Сопоставление сведений, содержащихся в перечисленных записях с сохранившимися рисунками говорит о том, что из собрания К.Я. Дарагана не выявлены до настоящего времени одна или две "орнитологические"

тетради. Тетради однотипны – они сохранили свое первоначальное оформление и дают представление о том, что П.И. Борисов называл "ливрезонами". Все они примерно одного размера 26 × 21 см, без твердого переплета, в обложке из цветной бумаги.

ТЕТРАДЬ № 1
В РОЗОВОЙ МУАРОВОЙ БУМАЖНОЙ ОБЛОЖКЕ
(ФОРМАТ 26 × 20,8 см)

369. Рис. 1, л. 3. Дрозд-белобровик Turdus musicus L. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение груди и верхних кроющих крыла немного схематизировано. "Белобровый дрозд, самец". Повторение **261.** *110*

370. Рис. 2, л. 5. Дрозд-рябинник Turdus pilaris L. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение верхних кроющих крыла и груди слегка схематизировано. "Каменный дрозд, самец". Вариант **260.** *111*

371. Рис. 3, л. 7. Обыкновенная оляпка Cinclus cinclus Bp. Птица размером чуть больше натуральной величины. Оперение спины слегка схематизировано. "Русалка, молодой самец". Повторение **263.** *112*

372. Рис. 4, л. 9. Обыкновенная оляпка Cinclus cinclus Bp. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение верхних кроющих крыла слегка схематизировано. "Русалка, старый самец". Повторение **262.** *113*

373. Рис. 5, л. 11. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. Птенец-слеток в натуральную величину, на кусочке ветки пихты. Оперение головы, спины, груди слегка схематизировано. "Короткохвостый сорокопул, птенец". Варианты **256, 421.** *114*

374. Рис. 6, л. 13. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. Взрослый самец в 3/4 натуральной величины. Оперение верхних кроющих крыла слегка схематизировано. "Короткохвостый сорокопуд, старый самец". Вариант **257.** *115*

375. Рис. 7, л. 15. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. Взрослая самка в натуральную величину. Оперение груди и верхние кроющие крыла слегка схематизированы. "Короткохвостый сорокопуд, самка". Повторение **258**; вариант **430.** *116*

376. Рис. 8, л. 17. Сибирская рыжебрюхая касатка Hirundo rustica tyteri Jord. Взрослый самец в натуральную величину. Окраска груди и брюха темнорозовые. "Касаточка". Повторение **225** (небольшая разница в сучках). *117*

377. Рис. 9, л. 19. Городская ласточка Delichon urbica L. Взрослый самец в натуральную величину. Оперение спины, верхние кроющие крыла слегка схематизированы. "Оконичная ласточка". Повторение **221.** *118*

378. Рис. 10, л. 21. Черный стриж Apus apus L. Взрослая птица в натуральную величину сидит на камне, что не характерно для этого вида. Оперение спины, груди, верхние кроющие крыла слегка схематизированы. "Обыкновенный стриж, европейский". Вариант **226.** *119*

Авторский список рисунков тетради № 1. Л. 22.

ORDRE III INSECTIVORES
GENERA 27

1. Turdus iliacus Movis Белобровый дрозд, самец [Далее карандашом] in nov. Sp.
2. Turdus saxatilis Merle de Roche Каменный дрозд [карандашом] pilaris.

GENERA 28

3. Cinclus aquaticus, Turdus cinclus, Sturnus cinclus Водяной дрозд Merle d'eau Водяной воробей. Русалка, молодой самец [далее карандашом] par leocogaeter idi.
4. [То же] старый самец.

GENERA 34

5. Lanius brachyurus Pie grièche à courte queue Короткохвостый сорокопуд, птенец.
6. [То же] старый самец. Lanius brachyurus Pie grièche à courte queue.
7. Короткохвостый сорокопуд, самка.

ORDRE VII CHELIDONES

GENERA 117

8. Hirundo rustica, Hirondelle de cheminée Касаточка.
9. Hirundo urbica, Hirondelle de fenêtre Оконичная ласточка. Стрижок.

GENERA 118

10. Cypselus apus. Cypselus europeus. Marinet. Обыкновенный стриж.

ТЕТРАДЬ № 2
В РОЗОВОЙ ГЛЯНЦЕВОЙ БУМАЖНОЙ ОБЛОЖКЕ
(ФОРМАТ 26,5 × 20,9 см)
[ИЮНЬ 1843]*

379. Рис. 1, л. 3. Серая мухоловка Muscicapa striata neumanni Poche. Взрослая самка. Окраска дана более интенсивно, чем в природе. "Серая мухоловка, самка". Повторение **259, 419.** *120*

380. Рис. 2, л. 5. Пеночка зеленая Phylloscopus trochiloides Sund. На ветке рододендрона (не очень удачно изображенного: плоды очень мелкие, сухие, растреснуты колокольчато, листья темные, весьма узкие, у́же, чем следовало бы, возможно – Rhododendron dauricum L.) две птицы в натуральную величину. Верхняя – взрослая; нижняя – молодая птица ловит осу Vespa sp. Хвост птицы слегка развернут. Верхние кроющие крыла слегка схематизированы. "Старая" "лесничка" "молодая" (надписи привязаны к изображениям, поясняют рисунок). Варианты **265, 431.** *121*

381. Рис. 3, л. 7. Пеночка таловка Phylloscopus borealis Blasius. На березовой веточке (изображение ветки очень тщательное, но сделано не с натуры; листья по форме березовые, но расположены супротивно, почки помещены на черешке листа) две птицы в натуральную величину. Верхняя – взрослый самец ловит бабочку-листовертку. "Пеночка", "самец", "самка" (оформление надписи аналогично предыдущему). Вариант **269.** *122*

382. Рис. 4, л. 9. Пятнистый сверчок Locustella lanceolata Temm. Две птицы в натуральную величину на веточке кедра, возможно, лиственницы (хвоя не собрана в пучки как должно быть у этого дерева, а одевает весь побег равномерно – очень условное изображение), "Самец", "круглохвостый королек" "самка". Варианты **264, 452.** *123*

383. Рис. 5, л. 11. Варакушка Luscinia svecic pallidogularis Sar. Взрослый самец в натуральную величину. "Варакушка, старый самец". Варианты **267, 456** (самец). *124*

384. Рис. 6, л. 13. Варакушка Luscinia svecica pallidogularis Sar. Птенец-слеток в натуральную величину на обломанной веточке какого-то розоцветного с одревеснеющими побегами (вероятно Potentilla Comarun). "Варакушка, птенец". Вариант **268, 456** (птенец). *125*

385. Рис. 7, л. 15. Черноголовый чекан Saxicola torquata L. Взрослый самец в брачном наряде в 3/4 натуральной величины. "Каменица, самец". *126*

---

* Предположение К.С. Куйбышевой.

386. Рис. 8, л. 17. Черноголовый чекан Saxicola torquata L. Взрослая самка в натуральную величину на березовой ветке, а может быть Rosaceae. Крылья птицы наполовину опущены так, что видна особенность их окраски. Оперение груди, боков, спины, верхние кроющие крыла схематизированы. "Каменица, самка". Повторение **277** (различные веточки). *127*

387. Рис. 9, л. 19. Черноголовый чекан Saxicola torquata L. Взрослый самец в брачном наряде в 3/4 натуральной величины. Оперение горлового пятна и верхних кроющих крыла слегка схематизировано. "Черная каменица, самец". Варианты **275, 276.** *128*

388. Рис. 10, л. 21. Сибирская горихвостка Phoenicurus auroreus Pall. Взрослый самец в весеннем наряде в натуральную величину на летней березовой ветке (рисунок условный: по три листа выходят из одной пазухи; на этом же побеге и супротивные листья) клюет ложногусеницу-пилильщика сем. Cimbicidae Оперение нижней части головы и шеи, груди, спины, верхние кроющие крыла схематизировано. "Зарная каменица, самец". Варианты **279, 432.** *129*

Авторский список рисунков тетради № 2. Л. 22.

ORDRE III INSECTIVORES
GENERA 54

I. Musciapa grisea Gobe mouche grise d'Europe. Серая мухоловка (самка).

GENERA 57

2. Sylvia sylvicola, S. sibilatrix Sylviae sylvicolae. S. pouilot, Le Sifleur Лесничка (старая и молодая).
3. Sylvia trochilus, S. filis Motacilla acredula, M. trochilus. Sylvie pouilot, La fauvette pouilot, Le chantre. Пеночка, самец и самка.
4. Sylvia locustella, Sylvie locustella, Le bec-fin locustelle Круглохвостый королек (самец и самка) La Locustelle.
5. Sylvia svecica, S. clandula Motacilla svecica La fan-vette gorge bleue, Le bec-fin gorge-bleue, Sylvie à gorge bleue Варакушка (старый самец) La Gorge bleue.
6. Варакушка, птенец.

GENERA 59

7. Saxicola ruberta* Motacilla ruberta Le traquet Batis Oiseau de Ronees Каменица (самец).
8. Каменица (самка) [Карандашом дописано] (Rubicola).
9. Saxicola maurea Motacilla maurea Traquet noir Черная каменица (самец) [Карандашом дописано] (Rubicola).
10. Saxicola aurorae Saxicola aurorea Traquet de l'aurore Saxicola sibirica Traquet de Sibérie Зарная каменица (самец).

ТЕТРАДЬ № 3
В СЕРО-ГОЛУБОЙ ГЛЯНЦЕВОЙ БУМАЖНОЙ ОБЛОЖКЕ
(ФОРМАТ 26,5 × 20,4 см)
МАРТ 1845

389. Рис. 1, л. 3. Степной конек Antus richardi Vieill. Птица в натуральную величину. Оперение спины и верхних кроющих крыла схематизировано. "Рихардова пипи, молодой самец до первого линяния". Повторение **423,** вариант **289.** *130*

---

* В оригинале ошибочно: rubetra.

390. Рис. 2, л. 5. Степной конек Anthus richardi Vieill. Самка в натуральную величину перед гнездом с 3-мя птенцами (кладка не полная) в клюве держит насекомое отряда перепончатокрылые, возможно, наездника сем. Ichneumonidae (метаморфоз см. **174**). "Рихардова пипи, самка с ее птенцами". Повторение **424.** *131*

391. Рис. 3, л. 7. Пятнистый конек Anthus hodgsoni Richm. Взрослая птица в натуральную величину склевывает муху сем. Diptera. "Зеленая пипи, самец". Вариант **293.** *132*

392. Рис. 4, л. 9. Полевой жаворонок Alauda arvensis intermidia L. Взрослая птица в натуральную величину. "Полевой жаворонок, самец". Вариант **296.** *133*

393. Рис. 5, л. 11. Рогатый жаворонок Eremophila alpestris L. Взрослый самец в весеннем одеянии в натуральную величину. "Сибирский жаворонок, самец". Повторение **294.** *134*

394. Рис. 6, л. 13. Рогатый жаворонок Eremophila alpestris L. Взрослая самка в натуральную величину. Оперение верхних кроющих крыла слегка схематизировано. "Сибирский жаворонок, самка". Повторение **295.** *135*

395. Рис. 7, л. 15. Большая синица Parus major L. Взрослая птица в натуральную величину нацелилась на жука сем. *Coccinellidae*. Краски более бледные, чем натуральные. Верхние кроющие крыла схематизированы. "Зинька". Вариант. **298.** *136*

396. Рис. 8, л. 17. Синица московка Parus ater L. Птица в натуральную величину. "Московка". Повторение **299.** *137*

397. Рис. 9, л. 19. Восточносибирская черноголовая гаичка Parus palustris L. Две птицы в натуральную величину. "Самец" "Монашенка" "Самка". Повторение 437. Варианты **300, 301, 439**б. *138*

398. Рис. 10, л. 21 Длиннохвостая синица Aegithalos caudatus L. Две птицы в натуральную величину. "Молодая" "долгохвостая малиновка" "старая". Повторение (с небольшими отклонениями) **302, 438.** Вариант **439**в. *139*

Авторский список рисунков тетради № 3. Л. 22.

ORDRE III INSECTIVORES
GENERA 63

1. Antus richardi Le pipit de Richard Farlose de Richard Рихардова Пипи, молодой самец до первого линянья.
2. [То же], самка с птенцами.
3. Anthus veridis Le pipit vert Зеленая пипи, самец.

ORDRE IV GRANIVORES
GENERA 64

4. Alauda arvensis Полевой жаворонок, Фиалка L'allouette des champs.
5. Alauda sibirica Alouette à hausse-col noir Сибирский жаворонок, самец Alauda alpestris Alauda flava.
6. Alauda sibirica Сибирский жаворонок, самка.

GENERA 65

7. Parus major Большая синичка Зинька La charbonniere Grande Mésange.
8. Parus ater Московка Le petite charbonniere
9. Parus palustris Монашенка, самец и самка Nonnette Mésange grise.
10. Parus caudatus Долгохвостая малиновка Долгохвостик Хвостовка, молодая и старая Le mésange à longue queue.

ТЕТРАДЬ № 4
В ЗЕЛЕНОЙ ГЛЯНЦЕВОЙ БУМАЖНОЙ ОБЛОЖКЕ
(ФОРМАТ 26,2 × 21,3 см)

399. Рис. 1, л. 3. Лапландский подорожник Calcarius lapponicus L. Взрослая птица в натуральную величину. "Бодцоватый подорожник, молодой годовалый самец". Вариант **319.** *140*

400. Рис. 2, л. 5. Пуночка Plectrophenax nivalis L. Взрослый самец в натуральную величину. "Снежный подорожник, самец в зимнем наряде". Повторение **318.** Вариант **317.** *141*

401. Рис. 3, л. 7. Восточносибирская камышевая овсянка Emberiza schoeniclus pyrrhulina Sw. Птица в натуральную величину. "Камышенный подорожник, молодой годовалый самец". Повторение **304.** *142*

402. Рис. 4, л. 9. Восточносибирская камышевая овсянка Emberiza schoeniclus pyrrhulina Sw. Птица в натуральную величину. "Камышенный подорожник, взрослый самец в брачном наряде". Повторение **309.** *143*

403. Рис. 5, л. 11. Восточносибирская камышевая овсянка Emberiza schoeniclus pyrrhulina Sw. Птица в натуральную величину. "Камышенный подорожник, взрослая самка в брачном наряде". Повторение **303.** *144*

404. Рис. 6, л. 13. Белошапочная овсянка Emberiza leucocephalos Gm. Птица в натуральную величину. "Пифиурн, молодой годовалый самец". Повторение **308.** *145*

405. Рис. 7, л. 15. Белошапочная овсянка Emberiza leucocephalos Gm. Птица в натуральную величину. "Пифиурн, взрослый самец в брачном наряде". Вариант **306.** *146*

406. Рис. 8, л. 17. Дубровник Emberiza aureola Pall. Птица в натуральную величину. "Золотистый подорожник, молодой годовалый самец". Повторение **315.** *147*

407. Рис. 9, л. 19. Дубровник Emberiza aureola Pall. Птица в натуральную величину на веточке лиственницы (?). Окраска верха головы и горлового кольца, верха спины слегка схематизирована. "Золотистый подорожник, взрослый самец в брачном наряде". Повторение **311.** *148*

408. Рис. 10, л. 21. Дубровник Emberiza aureola Pall. Самка в натуральную величину. "Золотистый подорожник, взрослая самка в брачном наряде". Повторение **316.** *149*

Авторский список рисунков тетради № 4. Л. 22.

ORDRE IV GRANIVORES
GENERA 66

1. Emberiza calcarata, Fringila laponica Bruant de Laponie, Grand montain Бодцоватый подорожник, молодой самец после первого линяния.

2. Emberiza nivalis Le Bruant de neige Снежный подорожник, самец в зимнем наряде.

3. Emberiza arundinacea, E. schoeniculus, E. striata Bruant de Roceau, Bruant strié Камышенный подорожник, Полосатый подорожник, молодой годовалый самец после весеннего линяния.

4. [То же] совершенно взрослый самец в брачном наряде.

5. [То же] совершенно взрослая самка.

6. Emberiza piphyurnus, E. leucocephala, Bruant on couronee lactèc Пифиурн. Белоголовый подорожник, молодой годовалый самец после весеннего линяния.

7. [То же] совершенно взрослый самец в брачном наряде.

8. Emberiza aureola Bruant auréole Золотистый подорожник, молодой годовалый самец после весеннего линяния.

9. [То же] совершенно взрослый самец в брачном наряде.

10. [То же] совершенно взрослая самка в весеннем наряде.

ТЕТРАДЬ № 5
В ЗЕЛЕНОЙ ГЛЯНЦЕВОЙ БУМАЖНОЙ ОБЛОЖКЕ
(ФОРМАТ 26,1 × 21,1 см)

409. Рис. 1, л. 3. Клест-еловик Loxia curvirostra L. Птица в натуральную величину. Цвет оперения значительно светлее естественного. Оперение спины схематизировано. "Клест, молодой самец". Вариант **190.** *150*

410. Рис. 2, л. 5. Клест-еловик Loxia curvirostra L. Птица в натуральную величину. Оперение спины и верхние кроющие крыла схематизированы. "Клест, старый самец". *151*

411. Рис. 3, л. 7. Обыкновенный снегирь Pyrrhula pyrrhula L. Птица в натуральную величину. "Снегирь, старый самец". Повторения **196, 425.** *152*

412. Рис. 4, л. 9. Обыкновенный снегирь Pyrrhula pyrrhula L. Птица в натуральную величину. Верхние кроющие крыла схематизированы. "Снегирь, самка". Повторение **197, 426.** *153*

413. Рис. 5, л. 11. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricum Pall. Птица в натуральную величину. "Красавчик, молодой самец". Повторение **202, 428.** *154*

414. Рис. 6, л. 13. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall. Птица в натуральную величину на березовой ветке. Верхние кроющие крыла слегка схематизированы. "Красавчик, старый самец". Повторения **201, 429, 439а, 451.** *155*

415. Рис. 7, л. 15. Обыкновенная чечевица Erythrina erythrina Pall. Птица в натуральную величину. "Красный дурачок, старый самец". Повторение **198.** *156*

416. Рис. 8, л. 17. Полевой воробей Passer montanus L. Птица в натуральную величину. "Лесной воробей, самец". Повторение **206.** *157*

417. Рис. 9, л. 19. Чечетка Carduelis flammea L. Взрослый самец в натуральную величину. Верхние кроющие крыла схематизированы. "Чечетка, старый самец". Повторение **208.** *158*

418. Рис. 10, л. 21. Чечетка Carduelis flammea L. Птица в натуральную величину сидит на сучке. Верхние кроющие крыла схематизированы. "Чечетка, самка". Вариант **209.** *159*

Авторский список рисунков тетради № 5. Л. 22.

ORDRE IV GRANIVORES
GENERA 70

1. Loxia courvirostra Bee-croisé. Le perroquet d'Alemagne Кривоносый клест. Клест, молодой самец.

2. [То же] старый самец.

GENERA 72

3. Pyrrhula vulgaris. Pyr. europea. Loxia pyrrula Bouvereuil commun, La pivoine Обыкновенный снегирь, Снегирь, старый самец.

4. [То же] самка.

5. Pyrrhula elegans, Pyr. longicauda, Loxia sibirica Cardinal de Sibirie, Bouvreuil de Siberie Сибирский снегирь, Сибирский клест, Красавчик, молодой самец.

6. Pyrrhula elegans Bouvreuil de Siberie Красавчик, Сибирский снегирь, старый самец.

7. Pyrrhula erithrina, Loxia cardinalis, Fringilla flammea Bouvreuil eamoisi Красный дурачок, старый самец.

8. Fringilla sylvestris, Fringilla montana Moiseau de bois, le Friquet Лесной воробей.

9. Fringilla linaria Linotte Чечетка, старый самец в брачном наряде.

10. [То же] самка.

Д. Отдел изобразительных материалов Государственного исторического музея (ГИМ–Изо)

В собрании ГИМа хранятся два альбома акварелей в твердых черных сафьяновых переплетах с золотым тиснением, озаглавленные "Птички", форматом 25,0 × 19,3 см, по десять рисунков каждый, под № 132 и 133. Рисунки выполнены на плотной, слегка пожелтевшей бумаге. Между рисунками по два тонких полупрозрачных листа–прокладки, на первом из них карандашом даны хорошо сохранившиеся довольно развернутые авторские определения на латыни, французском и русском языках (в каталоге они даны в кавычках). В отличие от "орнитологических" серий, выполненных для К.Я. Дарагана, в альбомах нет отдельного перечня. Изображения птиц, подобно рисункам из собрания ОР РГБ, ближе к натуре, чем в альбомах НБ МГУ. Оформление альбомов принадлежит А.И. Борисову. Обрезы листов позолочены, внутри альбомы украшены белыми форзацами. На форзацах обоих альбомов карандашом: "рисовано декабристом Борисовым", а на первом пустом листе альбома № 132: "рис. декабриста Борисова". По предположению публикаторов живописного наследия декабриста последняя принадлежит В.Н. Баснину, первоначальному владельцу альбома, а первые две его сыну Н.В. Баснину (*Куйбышева, Сафонова*, с. 38).

Альбомы поступили в музей в 1955 г. по завещанию С.Н. Басниной, внучки В.Н. Баснина, иркутского и кяхтинского купца, известного культурного деятеля в Восточной Сибири 40-х годов XIX в., хорошо знавшего П.И. Борисова и имевшего с ним деловые и дружеские отношения.

Известно, что Борисовы выполняли для В.Н. Баснина разные работы, связанные с его собранием книг и графики (ИРЛИ. Ф. 187. № 72. Л. 1, 2, 5 об., 6).

Прямых свидетельств, говорящих о том, при каких обстоятельствах альбомы стали собственностью В.Н. Баснина, нет. Однако возможно связать их создание с заказами, выполненными П.И. Борисовым в 1842 г. По данным записей "Книги доходов" от 2 февраля, 11 марта и 25 октября 1842 П.И. Борисов выполнил 4 альбома с рисунками птиц (по 10 в каждом) для неизвестного лица* (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.*, с. 532). В первом на 10 рисунках 14 изображений, во втором – 13, в двух других 20 рисунков имели 22 изображения. Альбом № 133 по своему содержанию и объему (10 рисунков, 14 изображений) совпадает с первым (запись книги доходов от 2.II.1842); а аль-

* Лишь, начиная с 1843 г., П.И. Борисов практически всегда называет заказчика.

бом № 132 может соответствовать одному из указанных в записи 25 октября – 10 рисунков, 12 изображений. Возможно, что альбомы Баснина составляли два из названных четырех. Два других не сохранились. Это предположение косвенно подтверждается тем, что летом в 1842 г. сыновья Баснина были на обучении у А.П. Юшневского, следовательно, В.Н. Баснин бывал в это время в М. Разводной, где проживали в это время и Юшневские, и Борисовы. Если все это правильно, то альбомы Баснина – первая работа, выполненная П.И. Борисовым по заказу в Малой Разводной. 19 марта 1846 Борисов получил от В.Н. Баснина 22 рубля за рисунок корня жень шеня или, как писал Петр Иванович "китайского растения" (*Куйбышева, Сафонова*, с. 533), о чем сохранился ряд известий (Там же, с. 39).

Баснин помог Борисовым построить дом, одолжив для этого 500 рублей; снабжал их материалом для исполнения заказных работ; предоставлял возможность пользоваться книгами своей библиотеки, включавшей книги естественнонаучного содержания. П.И. Борисов преподавал детям В.Н. Баснина географию и математику.

Кроме названных альбомов, 9 рисунков П.И. Борисова имеются в составе альбома (№ 129) А.И. Орлова, врача кяхтинской таможни, подолгу жившего в Иркутске и Верхне-Удинске (совр.: Улан-Удэ), бывавшего по долгу службы в Петровском заводе и дружившего со многими декабристами. В альбоме форматом 21 × 32,5 см, в твердом красном сафьяновом переплете с золотым тиснением и бронзовой застежкой (крышки переплета оторваны; часть застежки утрачена; в целом альбом несколько растрепан) из 113 листов заполнено немногим более 50. В том числе: памятные записи ряда декабристов, карандашные рисунки и акварели, часть которых помечена 1839 г., когда декабристы разъезжались на поселение. Альбом хранился в семье Басниных; приобретен у С.Н. Басниной. На некоторых листах есть пометы, идентифицирующие автора рисунков, которые принадлежат, по определению Н.Н. Гончаровой, А.З. Муравьеву (л. 6), Н.В. Баснину (л. 21 и 33), остальные М.Ю. Барановской (*Куйбышева, Сафонова*, с. 27).

9 акварелей Борисова выполнены на разной бумаге и расположены на листах, вклеенных в альбом. Они не подписаны и не датированы автором. Лишь на одном (**444**) трудноразличимая помета "39" или "59", сделанная у крыла бабочки, в которой хранитель альбома Н.Н. Гончарова видела дату – 1839 г., но которая может рассматриваться и как номер рисунка. Аналогичным образом помечены рисунки Борисова в альбоме Руперта (**449, 451–457**). Сведений об акварелях из альбома Орлова в "Книге доходов" нет. Видимо, все они были исполнены в подарок. Борисовы состояли в достаточно близких отношениях с Орловым, который в трудный для них момент, когда Андрей Иванович был помещен в отделение для душевнобольных Верхнеудинской больницы, дал медицинское заключение, в котором утверждал, что характер заболевания А.И. Борисова не требует его изоляции.

АЛЬБОМ "ПТИЧКИ" – ГИМ–Изо № 132; инв. № 95086/И УП–1877

419. Рис. 1. Серая мухоловка Muscicapa striata neumanni Poche. Птица на ветке дуба (?). Очень детально дан рисунок пера. "Маленькая мухоловка Gobe-mouche petite Muschicapa minuta. Самка в весеннем наряде". Повторения **259, 379.** *13*

420. Рис. 2. Желтоголовая трясогузка Motacilla citreola Pall. Самец в брачном

наряде ловит веснянку (предположительно поденку: хвостовые нити от поденок отряда Ephemeriptera, тогда как крылья и жилкование представителя отряда Neuroptera). Очень детально дан рисунок пера. "Пастушка лимонного цвета Bergeronette citrine Motacilla citreola (Pallas). Самец в весеннем наряде". Повторение **286.** *14*

421. Рис. 3. Сорокопут-жулан Lanius cristatus L. Птица в натуральную величину на кусочке ветки хвойного дерева (старый побег с одной годичной веточкой, которая усажена парными хвоинками – они короткие, желтовато-зеленые, выходят из округлых почек с двумя округлыми супротивными чешуями, которых ни у одного хвойного быть не может. Нечто среднее между сосной и лиственницей – обобщенный рисунок хвойного вообще). Очень детально передан рисунок пера. "Короткохвостый сорокопуд Pie grièche à courte queue Lanius brachyurus (Pallas). Птенец уже оперившийся, но еще не совершенно взрослый. Все в настоящую величину и сняты с натуры". Повторения **258, 373, 430.** Варианты **257, 374.** *15*

422. Рис. 4. Желтая трясогузка Motacilla flava L. Очень детально сделан рисунок оперения. "Побережная пастушка, Побережница Motacilla litorea Bergeronnette de rivage. Самец в весеннем наряде". Повторение **287.** *16*

423. Рис. 5. Степной конек Anthus richardi Vieill. Оперение спины несколько условно. "Рихардова Пипи Pipit de Richardi Anthus richardi (Vieillot) (Temminch) euchremment Pit-pit. Молодой самец совершенно оперившийся, осенью, до первого линяния". Повторение **389.** Вариант **289.** *17*

424. Рис. 6. Степной конец Anthus richardi Vieill. Самка держит в клюве двукрылое насекомое – наездника сем. Ichneumonidae (метаморфоз см.: **174**). "Рихардова Пипи Pipit de Richard Anthus richardi. Самка в весеннем наряде и птенцы еще не оперившиеся". Повторение **390.** Вариант **455.** *18*

425. Рис. 7. Обыкновенный снегирь Pyrrhula pyrrhula L. Самец в натуральную величину. Прекрасно переданы детали и характер расположения оперения, его окраска. "Обыкновенный снегирь Le Pivoine, Bouvreuil commun Pyrrhula vulgaris (Brisson) Pyrrhula europea (Vieillot) (Buffon), Loxia pyrrhula (Linn.). Самец". Повторения **196, 410.** *19*

426. Рис. 8. Обыкновенный снегирь Pyrrhula pyrrhula L. Самка в натуральную величину сидит на кусочке ветки березы (?). Прекрасно переданы окраска, характер расположения оперения и др. детали. "Обыкновенный снегирь Le Pivoine, Bouvreuil commun Pyrrhula vulgaris (Brisson), Pyrrhula europea (Vieillot) (Buffon), Loxia pyrrhula (Linn.). Самка". Повторения **197, 412.** *20*

427. Рис. 9. Каменка Oenanthe oenanthe L. У взрослого самца хорошо переданы характер расположения оперения и его окраска. Несоизмеримо мал хвост. "Пастушек, белая каменица. Traquet blanc. Saxicola alba. Самец в брачном наряде". Повторение **272.** *21*

428. Рис. 10. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall. Молодой самец в натуральную величину. "Красавчик Bouvreuil de Sibérie, Cardinal de Sibérie (Sonini) Pyrrhula elegans, Pyrrhula longicauda (Temmink) Сибирский клест Loxia Sibirica (Pallas) (Gmelin) (Latrelle). Молодой самец в весеннем наряде". Повторения **202, 413.** *22*

АЛЬБОМ "ПТИЧКИ" – ГИМ-Изо № 133: инв. № 95086/И УП–1878

429. Рис. 1. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall. Птица в натуральную величину, на сухом стебле щавеля (весьма условно изображена часть прошлогоднего побега, видимо, Rumex sp. (?). Мотив повторяется, почти идентично, и в других рисунках). "Красавчик Bouvreuil de Sibérie, Cardinal de Sibérie (Sonini) Pyrrhula elegans, Purrhula longicauda (Temminch) Сибирский клест Loxia sibirica (Pallas) (Gmelin) (Latrelle). Старый самец в весеннем наряде". Повторения **201, 414, 439**а, **451.** *23*

430. Рис. 2. Сорокопут-жулан Lanius excubitor L. Самка в натуральную величину на кусочке ветки березы (?). "Короткохвостый сорокопуд Pie grieche à courte queue Lanius brachyurus (Pallas). Самка в весеннем наряде". Повторение **375.** *24*

431. Рис. 3. Пеночка зеленая Phylloscopus trochilus L. Две птицы в натуральную величину. "Лесной королек, Пеночка Sylvia pouillot, Le chantre (Buffon) Motacilla acredula (Linn.), Sylvia trochilus (Latrelle)". Сверху к внутреннему полю "взрослый самец в брачном весеннем наряде". Внизу к внешнему полю "молодая пеночка после первого осеннего линяния при отлете". Варианты **265, 380.** *25*

432. Сибирская горихвостка Phoenicurus auroreus L. в натуральную величину. Оперение спины немного условно. "Зарный королек Motacilla aurorae (Palls) Sylvia aurorae. Самец в осеннем наряде, незадолго до отлета". Варианты **279, 388.** *26*

433. Рис. 5. Каменка Oenanthe oenanthe L. Два птенца – слетка раза в 1,5 больше натуральной величины. Хорошо передана окраска оперения, расположение пера, пуха, окрас клюва, сохранившийся пух (на голове и по всей спине до хвоста). Между ними – немного условный рисунок взрослой особи размером 13,5 см. Оперение спины и верха головы дано несколько условно. "Пастушек, Белая каменица Traquet blanc Syxicola alba. Птенцы уже оперившиеся (цвет своих перьев сохраняют до первого линяния)". Вариант **273.** *27*

434. Рис. 6. Каменка Oenanthe oenanthe L. Молодой самец в натуральную величину. "Пастушек, Белая каменица Traquet blanc Saxicola alba. Молодой самец, после первого линяния, осенью перед отлетом". Вариант **274.** *28*

435. Рис. 7. Горная трясогузка Motacilla cinerea Tunst. Самка в натуральную величину. "Черногорлая пастушка Bergeronnette melanope Motacilla melanope (Pallas). Самка в весеннем наряде". Вариант **285.** *29*

436. Рис. 8. Каменка Oenanthe oenanthe L. Взрослая самка в натуральную величину держит в клюве жука–скакуна (Cicindela sp.). "Пастушек, Белая каменица Traquet blanc Saxicola alba. Самка в весеннем наряде". *30*

437. Рис. 9. Восточносибирская черноголовая гаичка Parus palustris L. Взрослый самец и молодая птица в натуральную величину . "Лесничка или лесной конек Sylvia sylvicola Lath., Sylvia sibilatrix Bechst. Le Siffleur, Sylvia pouillot, Sylviae sylvicolae. Вверху взрослый самец в брачном наряде, внизу молодая лесничка после первого линяния, осенью при отлете". Авторская надпись не соответствует изображению. Повторение **397.** Варианты **439б, 300, 301.** *31*

438. Рис. 10. Длиннохвостая синица Aegithalos caudatus L. Две птицы (старая и молодая) в натуральную величину. "Долгохвостая малиновка, Долгохвостик, Хвостовка Mésange à longue queue Parus caudatus". К внутреннему полю "молодая в осеннем наряде"; к внешнему полю "старая долгохвостая малиновка в весеннем наряде". Повторения **302, 398.** Вариант **439в.** *32*

IV. ПРОЧИЕ – ПОДАРОЧНЫЕ И "АЛЬБОМНЫЕ" РИСУНКИ

АЛЬБОМ А.И. ОРЛОВА – ГИМ-Изо, № 129; инв. № 85523/И УП–1817 (ФОРМАТ 21,0 × 32,5)

439. Рис. 3, л. 6. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricus Pall.(а); Восточносибирская черноголовая гаичка Parus palustris L. (б); Длиннохвостая синица Aegithalos caudatus L. (в). Три взрослые птицы разных видов в натуральную величину: первая (а) сидит на условно изображенном сухом побеге щавеля Rumex (?); две другие (б и в) на столь же условных сучках. Варианты (а) – **202, 413, 414, 428, 451;** (б) – **300, 301, 397, 437,** повторение; (в) – **302, 398, 438.** Мелким почерком неустановленного лица,

возможно А.З. Муравьевым (предположение хранителя Н.Н. Гончаровой) сделана карандашная надпись "Петра Ивановича Борисова". Опубл. в буклете: "Декабристы". М. ГИМ, 1975. *4*

440. Рис. 5, л. 9. В букете изображены дикорастущие растения: ветреница лесная Anemone sylvestris L., башмачок крапчатый Cypripedium guttatum Sw., башмачок желтый C. calceolus L., лапчатка Potentilla sp. Очень правильный и ровный, несколько орнаментальный крупный цветок анемоны, тычинки которого изображены двумя ровными кольцами. Крапчатый башмачок изображен совершенно точно и в полном соответствии с природой, но размер цветка увеличен до равного с башмачком желтым в этом же букете, листочки околоцветника последнего окрашены в темный насыщенный лиловый цвет, которого в природе растения лишены. По-видимому, автор "украшал" таким образом рисунок, делал его более живописным. Листочки околоцветника покрывают более светлые жилки, выраженность которых несколько преувеличена, что придает цветку большую декоративность. Нижняя губа цветка темножелтая в центре перепоясана выпуклым жгутом, а по краю оторочена многими зубчиками. В центре цветка помещена ярко-зеленая кисточка щетинок, которой в жизни не бывает. Весь цветок сильно приукрашен и неточен. Из лапчаток в букет помещена, вероятно, ветка курильского чая Potentilla fruticosa несколько, впрочем, тоже украшенная (цветки укрупнены) и обобщенная. Помета М.Ю. Барановской (здесь и далее пометы Барановской идентифицированы Н. Гончаровой) "П.И. Борисов". *5*

441. Рис. 9, л. 18. Изящный прозрачный букет: лилия низкая Lilium pumilum (L. tenuifolium Fisch. ex Schrenk.); живокость крупноцветковая Delphinium grandiflorum L.; ветреница лесная Anemone sylvestris L., бутон; купальница азиатская Trollius asiaticus, лист (сбоку отдельно от букета). Все растения изображены совершенно натурально, без украшений. Помета М.Ю. Барановской "П.И. Борисов". *6*

442. Рис. 10, л. 21. Колибри (?). Две птицы (возможно два вида, а может быть самец и самка), не обитающие в Восточной Сибири. Рисунок декоративный "подарочного" типа. Помета карандашом М.Ю. Барановской "Декабрист П.И. Борисов". *7*

443. Рис. 15, л. 33. Нарядный букет из дикорастущих растений: башмачок крупноцветный Cypriperdium macranthum, цветок с листьями; водосбор сибирский Aquillegia sibirica Lam., цветоносы без листьев; шиповник Rosa sp., единственный лист. Изображено все натурально без украшений. Из представленных на рисунке бабочек: сатир степной Satirus apthe, червонец непарный Chrisophanus dispar daurica Graes. и бражник линейчатый Celerio lineata F. Все обычны для Восточной Сибири. Впечатление, что изображения бабочек сделаны не с натуры, а по атласу. Помета М.Ю. Барановской "Декабрист П.И. Борисов". Опубл. в буклете: Декабристы М., 1975. *8*

444. Рис. 26, л. 52 об. Дневной павлиний глаз Inachisio L. (Vanessa). Свободная поза показывает, что бабочка рисована с живого экземпляра. Несколько неестественно растопырены щупики. Рисунок выполнен на небольшом кусочке бумаги (формат 10 × 13 см) со срезанными углами, наклеенном на лист альбома. Справа у крыла бабочки помета черными чернилами авторская помета "39" (?), м.б. "59". Помета М.Ю. Барановской "П.И. Борисов". *9*

445. Рис. 33, л. 64. Нарядный букет, в котором дано обобщенное изображение цветка с темнокрасным околоцветником рода Мальва, идентифицировать который с каким-либо видом, бытующим в Сибири или других областях, невозможно. Два побега некоего однодольного растения (это скорее плод фантазии, чем наблюдаемое в действительности растение) и несколько узких, как у злаков, листьев какого-то растения, идентифицировать которое нельзя, что не характерно для работ П.И. Борисова. Рисунок представляет только декоративный интерес. Помета М.Ю. Барановской "П.И. Борисов". *10*

446. Рис. 35, л. 67. Данаида хризипп Danais chrysippus L. Тропический вид бабочки, распространенный циркумтропически. Встречается в Юго-Восточной Азии,

Китае, Туркмении. К П.И. Борисову эта бабочка могла попасть через лиц, бывавших в юго-восточной Азии или Китае, или имевших дела с китайскими купцами. Помета М.Ю. Барановской "П.И. Борисов". *11*

447. Рис. 41, л. 78. Бурундук азиатский Eutomias sibiricus Laxmann. Сильно стилизованный зверек и перед ним шишка (видимо это Pinus sibiria, но совершенно ненатуральная, овальная, гладкая, ровным симметричным "пасхальным яичком", цвет тоже неудачный). Помета М.Ю. Барановской "П.И. Борисов". Вариант **457.** *12*

Е. Бурятский Государственный объединенный исторический и архитектурно-художественный музей: музей декабристов в Новоселенгинске

Ф. 2923 – альбом генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта. Формат альбома 23,5 × 30,5 см. Переплет из коричневого сафьяна с тиснением и металлической застежкой. Отдельные рисунки обрезаны и наклеены на листы альбома. Помимо 10 акварелей П.И. Борисова, в альбоме есть один рисунок Якубовича, изображающий черкеса в башлыке на скакуне (28), несколько рисунков с различными "монгольскими" сюжетами (18, 26, 36, 43, 44, 45), помеченные номограммой LN (возможно, Леопольд Немировский), и др. Альбом поступил в 1975 г. от А.Д. Носковой, вдовы В.С. Горохова, правнука В.Я. Руперта. Альбом экспонировался в том же году на выставке, посвященной 100-летию восстания декабристов, в Государственном историческом музее, тогда же был приобретен Министерством культуры Бурятии. Акварели П.И. Борисова не подписаны и не датированы, но они прямо привязываются к записям "Книги доходов": 8 октября 1842 "за 7 рисунков в альбом ген[ерал]-губер[натора], 11 сюжетов" (в альбоме 7 рисунков с изображением 11 птиц); 12 апреля 1844 г. – два букета и бурундук по заказу "генерал-губернаторши". Остаются не выявленными еще 10 рисунков, выполненных Борисовым для Рупертов – записи 19 апреля 1843 г., 22 февраля 1847 г. и 1 июня 1847 г., содержание которых известно только для последней записи (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 532, 533).

448. Рис. 11. Букет розоцветных: пятилистник кустарниковый Pentaphylloides fruticosa, яблоня Палласова Malus pallasiana, таволга иволистая Spiraea salicifolia. Рисунок форматом 26 × 20 обрезан и наклеен на лист альбома. *33*

449. Рис. 33. Чибис Vanellus vanellus L. Несмотря на тщательность рисунка, изображение условно: не совсем точно выдержаны пропорции и окраска (слишком много белого); слишком идеальная форма, не выявлена морфология оперения; 4-й неразвитый палец не оттопырен, а сложен. Рисунок форматом 26 × 20 наклеен на лист альбома. Внизу справа непосредственно под изображением почти на фоне травы проставлен первоначальный номер рисунка: "23" (?) затем исправлен на "24" (?). Возможная датировка: 8.10.1842. Вариант **332.** *34*

450. Рис. 35. Букет лютиковых: купальница азиатская Trollius asiatica; анемона длинноволосистая Anemone crinita – сравнительно редкий вид; живокость крупноцветковая Dephinium grandiflorum. Рисунок форматом 26 × 20 наклеен на лист альбома. Помет нет. Возможная датировка 12.04.1844. *35*

451. Рис. 37. Длиннохвостый снегирь Uragus sibiricum Pall. Старый самец в весеннем наряде на сухом побеге щавеля. Близок к натуре, но исполнен в типичной для того времени манере (слишком сглаженная форма); хорошо выражен клюв; несколько коротковаты лапы, не совсем точен захват лап (слишком плотный). Рису-

нок форматом 26 × 20 обрезан и наклеен на лист бумаги. Внизу в основании ветки первоначальный номер "23" (?) исправлен на "25" (?). Возможная датировка 8.10.1842. Повторения **202, 414, 429, 439а.** *36*

452. Рис. 39. Точно определить вид затруднительно. По-видимому, это пятнистый сверчок Locustella lanceolata Temm. На сучке изображена взрослая птица, на земле – молодая птица – слеток. Слишком строго построена пятнистость (в природе не бывает столь строгого порядка). Рисунок в формат альбома. Внизу первоначальный номер "24" (?) исправлен на "26" (?). Возможная датировка 8.10.1842. Повторение **264.** Варианты **382, 452.** *37*

453. Рис. 40. Чирок-свистунок Anas crecca L. Самец в брачном весеннем наряде. Рисован, по-видимому, с чучела. Несколько нарушены общие пропорции, туловище и цевка ног длинноваты; когда утка сидит, крылья лежат на надхвостьи, а не торчат, как это изображено на рисунке. Рисунок в формат альбома. Внизу справа первоначальный номер "25". Возможная датировка 8.10.1842. Повторение **355.** *38*

454. Рис. 42. Обыкновенная чечетка Acanthus flammea L. Изображение отмечено общей сглаженностью и некоторой одутловатостью, мало просматриваются отдельные участки оперения. Рисунок в формат альбома. Помета на конце у сучка "28", ранее м.б. было "26". Возможная датировка 8.10.1842. *39*

455. Рис. 44. Дать точное определение не представляется возможным. Вероятно, сибирский степной конек Anthus richardi Vieill (?). Самка, несущая насекомое (по-видимому, наездника сем. Ichneumonidae) двум неоперившимся птенцам в гнезде. Рисунок скорее всего выполнен по памяти. Оперение, посадка и форма клюва ближе степному коньку, но подковообразная скоба с подклювья на ухо не характерна коньку. Слишком идеальное сплетение гнезда из одного и того же материала. У воробьиных обычно 5–6 птенцов. Рисунок в формат альбома. Внизу справа, почти на фоне земли первоначальный номер "30" (?). Возможная датировка 8.10.1842. Варианты **390, 424.** *40*

456. Рис. 46. Варакушка Luscinia svecica pallidogularis Sar. На сучке самец, несущий насекомое (возможно – таракана); птенец-слеток в пуховом наряде, на земле. В целом близко к натуре, но хвост птенца неестественно загнут, а у самца хвост длинноват. Рисунок в формат альбома. Внизу справа, почти на фоне земли первоначальный номер "30" исправлен на "32". Возможная датировка 8.10.1842. Варианты **267** (самец), **268** (птенец), **383** (самец) и **384** (птенец). *41*

457. Рис. 51. Бурундук азиатский Eutomias sibiricus Laxmann. Изображение стилизовано. Верно даны голова и полосатость; неточно – хвост (короток, мало опушен и оплощен, как у летяги) и уши (заострены); нет ощущения шерстяного покрова. Рисунок форматом 26 × 20 см. Внизу справа первоначальный номер "32" исправлен на "34". Можно датировать 12.04. 1844. Вариант **447.** *42*

Ж. Государственный литературный музей

458. Инв. № 26946. Букет из цветов дикорастущих растений: башмачок обыкновенный, княжник сибирский, лилия низкая, рододендрон даурский (багульник). На ветке багульника сидит пятнистый сверчок Locustella cethriola Pall. (варианты **264, 382, 452**). Птица изображена в 2/3 натуральной величины. Оперение слегка схематизировано. Птица нацелилась на жучка сем. Cerambycidae–Leptura sp. На цветке багульника бабочка сем. Lycaenidae. Licaene sp. Рисунок исполнен на восьмигранном листе: 4 грани по 5 см, две – по 15 и две – по 13,5. Нижняя часть листа на высоте 2,7 см перегнута. На нем помета: "Из альбома... К.Я. Дарагана... от 1841 года". Сравнение с записью в "книге доходов" П.И. Борисова от 4 июля 1848: "От Дарагана за букет" (ИРЛИ. Ф. 187. № 68. Л. 10) заставляет предположить, что могли быть и другие "подарочные" букеты, выполненные для Дарагана, не отмеченные записью о гонораре. С другой стороны, возможна ошибка в надписи

на рисунке, выполненной его последним владельцем в 1946 г. В литературный музей рисунок поступил в 1952 г. от С.И. Дарагана, внука первоначального владельца (*Куйбышева, Сафонова*, с. 74). *160*

3. Российский государственный архив литературы и искусства

АЛЬБОМ А.И. ДАВЫДОВОЙ
(РГАЛИ, ф. 1949, оп. 1, № 1; поступление 1967)

Передан И.С. Зильберштейном, который получил его в 1966 г. в Париже от Д.Д. Давыдова – правнука декабриста. Об этом альбоме см.: *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 223–226; *Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 23. В его составе три листа работы П.И. Борисова. Вероятнее всего он подарил А.И. Давыдовой акварели при прощании в 1839, когда последняя группа декабристов отправлялась из Петровского завода на поселение. Эти рисунки отмечены несвойственной другим работам Петра Ивановича напряженностью и даже драматизмом. Степень научной достоверности ниже, чем в других работах декабриста.

459. Л. 24. Декоративный букет: лилия низкая, живокость крупноцветковая, спирея иволистная, купальница азиатская, лапчатка кустарниковая, башмачок пятнистый. *1*

460. Л. 25. Пышный, густой, яркий декоративный букет из многолетних трав, в котором ветреница сибирская, герань луговая, белозор болотный, кровохлебка, касатик русский, астра альпийская, шлемник скордиелистный, термопсис и ламатогониум яйцевидный. Опубл. в черно-белом варианте в журн.: Огонек, 1967, № 5, вклейка с. 17–20 (правый). *2*

461. Л. 26. Большой плотный декоративный букет из цветущих, преимущественно луговых, отчасти и лесных трав. Некоторые растения трудно идентифицировать. Из того, что можно узнать: повой вздутый, лук, башмачок обыкновенный, иван-чай широколистный, ломонос (?), льнянка двураздельная. Опубл. в черно-белом варианте в журн.: Огонек, 1967, № 5, вклейка с. 17–20 (левый). *3*

Александровская

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФИЛИН И ЗЯБЛИК[1]

(басня)

"Да полно мне пищать! Мне песни надоели,
Уж хоть бы просто пел – ан рассыпает трели.
Да замолчи, пискун! Мне, право, не стерпеть,
Да перестань хрипеть!" –
Так Филин Зяблику кричал от нетерпенья,
Который на гнезде своем,
Любуясь красным днем,
Пел благость Провиденья!
– "Пожалуйста, прости, сосед,
(был Зяблика ответ),
Что я Премудрости твоей надокучаю.
Ведь я лишь только петь учиться начинаю,
Притом же соловей, наставник мой,
Искусный виртуоз лесной,
Еще вчера хвалил меня перед чижами,
А он, как знают все, не шутит похвалами.
Не гневайся, мудрец!"
– "Смотри, какой гордец.
Еще он вздумал защищаться!
Прошу, сударь, прошу без ссоры убираться,
И что твой соловей? Не хвастайся ты им.
Недавно перед сим

---

[1] ИРЛИ. Ф. 210. Ед. хр. 101. Л. 1–2. Автограф. Черновик. Басня печатается впервые. В 1919 г. в составе личного фонда П.Г. Ободовского она поступила в Пушкинский дом. Каких-либо сведений об этом сочинении П.И. Борисова и судьбе рукописи собрать не удалось. Можно сделать лишь предположение, что басня была сочинена П.И. Борисовым для одной из рукописных газет, издававшихся по инициативе доктора А.И. Орлова, – "Кяхтинской стрекозы" или "Метляка". Известно, что обе газеты имели сатирическую направленность и декабристы принимали в них участие со времени пребывания в Петровской тюрьме; ни один экземпляр названных газет не сохранился (*Петряев Е.Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 162–165). Предположение основывается на том, что П.И. Борисов, связанный с А.И. Орловым дружескими узами, выполнил по его заказу рисунок для "Метляка" (*Куйбышева К.С., Сафонова Н.И.* Указ. соч. С. 27–28). О том, что басня предназначалась декабристом для какого-то литературного органа и в то же время должна была оставаться анонимной, говорят те обстоятельства, что Петр Иванович свою подпись, поставленную им в конце басни, зачеркнул и, кроме того, обратился к издателям с просьбой имени его не упоминать. См. помету в конце текста: "Здесь поми[нать] не нужно, господа".

[Он][2] доказал пером своим,
Что он ни голоса, ни вкуса не имеет,
Теперь он петь не смеет!
Вот я преподавал о пенье не в урок
Сороке, умнице, умнейшей из сорок!
И как поет она, чирикает, поводит,
В восторг всех филинов, грачей и сов приводит,
Похвал-то ей, похвал!
Такого голоса Неаполь не слыхал.
Вот ученица-то! Зато какой учитель!
Скажу и не солгу, что я певцов ценитель.
Ну, словом, соловей – пичуга предо мной.
Смотри же, глупенький, не пой".
Задумался наш Зяблик молодой.
Печально засвистал, вспорхнул, стрелой умчался,
И глас его с тех пор в лесу не раздавался.
Ах, сколько зябликов с Парнаса удалил
Жестокой критикой бессмысленный Зоил!

П. Борисов

Здесь поми[нать] не нужно, господа[3].

---

[2] Слово залито чернилами.
[3] Помета неизвестного лица или П.И. Борисова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БИН	–	Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН
БФ СО	–	Бурятский филиал Сибирского отделения РАН
ВИЕТ	–	Вопросы истории естествознания и техники
ВЕН	–	Вестник естественных наук
ВМП	–	Всероссийский музей А.С. Пушкина
ВЭО	–	Вольное экономическое общество
ГАРФ	–	Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР)
ГБЛ	–	Государственная библиотека имени В.И. Ленина (ныне РГБ)
ГБС	–	Главный ботанический сад РАН
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ГЛМ	–	Государственный литературный музей
Изо ГИМ	–	Отдел изобразительных материалов ГИМ
ИРЛИ	–	Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН
КП	–	Книга поступлений
МГУ	–	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
НБ МГУ	–	Научная библиотека им. А.М. Горького МГУ. Отдел редких книг и рукописей
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников ГИМ
ОР РГБ	–	Отдел рукописей РГБ (бывшей ГБЛ)
ПКПО	–	Памятники культуры. Новые открытия
ПФА РАН	–	Петербургский филиал архива РАН
РАН	–	Российская академия наук (быв. АН СССР)
РГО	–	Русское географическое общество
Сем.	–	семейство
ЦГАОР	–	Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне ГАРФ)

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛИ БИОНОМЕНКЛАТУРЫ*

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ФАВНА

Альпийская кустарка 135

Белая куропатка **327**; 245, 282
Белая сова; *Белый филин, лунь* **238, 239**; 62, 63, 238, 283
Белая трясогузка; *Серая пастушечка* **282–284, 426**; 147–148, 240, 284, 344 п.** 436–439
Белокрылая пастушечка 151, 284
Белокрылый клест; *Белопокромный или ленточный клест* **191, 192**; 197–202, 242, 284, 349 п. 556–563; *29*
Белоспинный дятел; *Пестрый дятел* **216, 217**; 244, 284
Белошапочная овсянка; *Пифиурн, белоголовый подорожник* **306–308, 404, 405**; 242, 284
Белый филин **238, 239; 62, 63, 65, 238**
Береговая ласточка; *Береговая ласточка* **223, 224**; 241, 285; *22*
Бодцоватый подорожник; *Лапландский подорожник* **319**
Болотная сова 283
Большая горлица; *Горлица* **229**; 244, 282; *36*
Большая синица; *Большая синичка Зинька* **298, 395**; 174, 175, 242, 284, 347 п. 510–153; *25*
Большой кроншнеп **334–336**; 245, 282; *38, 39*
Большой крохаль **365, 366, 368**; 246, 283
Большой пестрый дятел; *Пестрый дятел* **215**; 244, 284
Большой подорлик; *Крикун* **232**; 46, 237, 238, 283; *2*
Большой улит **345**; 246, 282, 283
Бородатая куропатка **328**; 245, 282
Британская пастушечка Гульда 51, 284
Бюзард (6-е отделение соколиного рода) 33, 322, 53–54
Бюсы 35, 322

Варакушка; *Варакушка, крапивник* **267, 268, 383, 384, 456**; 124–126, 239, 285; *13, 14*
Воробей (род 73) 217–218, 243
Ворон (род 10) 73–77, 238
Ворон; *Черный ворон* 77, 284.
Ворона; *Черная ворона* 77, 284
Восточносибирская гаичка см. Черноголовая гаичка

Галстучник **331**; 245, 282
Глухарь **320, 321**; 244, 282
Гоголь обыкновенный **360**; 246, 283
Голубая сорока; *Голубая сорока* 77, 284
Голуби 244, 283
Горная трясогузка; *Черногорлая пастушечка* **285, 435**; 149–152, 233–234, 240, 284, 334 п. 440, 345 п. 441–452
Горный конек; *Кустарная пипи* **292**; 159–161, 241, 284; *21*

---

* Указатели биономенклатуры включают в себя авторские и современные названия видов птиц, млекопитающих, растений и насекомых, обитающих в Пред- и Забайкалье ("по сю и по ту сторону Байкала"). Первые даны курсивом, вторые – прямым светлым, полужирным отмечены номера аннотаций по каталогу акварелей, курсивом – номера рисунков по вклейке.

** Здесь и далее в подобных случаях буквой "п" обозначены номера примечаний, а перед ней – номер страницы.

Городская ласточка; *Стрижок* **221, 222, 377**; 241, 285
Грач 73, 285
Гусь гуменник **352**; 246, 283

Даурская галка; *Пеганка, пегая даурская галка* **248, 249**; 77–79, 238, 284, 335 п. 228–236
Деревенская ласточка; *Касаточка* **225, 376**; 285
Длинноносый крохаль **367**; 246, 283
Длиннохвостая неясыть; *Уральская сова* **240, 241**; 66–67, 238, 283
Длиннохвостая синица; *Долгохвостая малиновка, хвостовка, долгохвостик* **302, 398, 439**/в; 177–180, 242, 284
Длиннохвостый снегирь; *Красавчик, сибирский клест* **201–203, 413, 414, 428, 429, 439**/а **457**; 207–211, 243, 284; *30*
Домовой воробей; *Домашний воробей* **204, 205**; 220, 221, 243, 284; *31*
Дрозд (род 27) 88–89, 239, 285, 337 п. 266–269
Дрозд-белобровик; *Белобровый дрозд* **261, 266, 369**; 89–91, 239, 285, 337 п. 270–274; *8, 9*
Дрозд-рябинник; *Седоголовый или каменный дрозд* **260, 370**; 91, 92, 239, 285, 337 п. 275–279
Дубровник; *Золотистый подорожник* **310–316, 406–408**; 184–188, 234–236, 242, 284, 348 п. 537–542
Дятлы 244

Жаворонок (род 64) 161–163, 241
Желна или черный дятел **213, 214**; 244, 283
Желтая трясогузка; *Весенница, побережница* **287, 422**; 152, 240, 284, 345 п. 452–454
Желтоголовая трясогузка; *Желтобрюшка, лимонная пастушечка или трясогузка соломенного цвета* **286, 420**; 153, 240, 284, 345 п. 455–458; *20*
Желтоспинная трясогузка; *Луговая пастушка* **288**; 153–155, 240, 284, 346 п. 459–564
Живодер 106, 339 п. 311
Жулан; *Короткохвостый сорокопут, жулан* **256–258, 373, 374, 375, 421, 430**; 113–115, 239, 285; *11*
Журавли 247

Зеленая пеночка; *Лесничка, лесной королек, пеночка* **265, 380, 431**; 121–123, 239, 285, 341 п. 352–355
Зимородок 96
Зинька (род 65) 171–174, 242, 347 п. 497–501
Зяблик 223–226

Ивняк 66

Каменица (род 59) 128–130, 240, 341 п. 375–377а
Каменка-плясунья; *Белохвостик* **271–274, 433, 434, 436**, 130–132
Каменный голубь 282
Каменушка; *Острохвостка* **359**; 246, 283
Камышевая овсянка; *Камышенка, камышенный подорожник* **303–305, 309, 401–403**; 182–184, 242, 284, 348 п.532–536; *26–28*
Канюк; *Сарыч (5-е отделение соколиного рода)* 50–52
Кедровка (род 11) 81–82, 238, 284, 336 п. 237
Кедровка; *Кедровка* **252**; 82–83, 238, 284, 336 п. 238–246; *6*
Клест (род 70) 193–194, 242
Клест-еловик; *Обыкновенный, кривоносый или сосновый клест* **190, 409, 410**; 194–196, 242, 284, 349 п. 553–555
Кобчик 283
Королек 285
Коршун (4-е отделение соколиного рода) 48–49, 238
Крапивник 285
Кречет 283
Кряква обыкновенная; *Чирок* **356**; 246, 283
Кукушка; *Серая кукушка* **210–212**; 244, 283; *34*
Кукушки 244
Кукша; *Кукша* **251**; 77, 80, 284; *5*
Кулики 245
Куры 244
Кустарка (род 60) 135–139, 240, 343 п. 399–407

Лапландский подорожник; *Бодцоватый подорожник* **319, 399**; 190–192, 242, 284, 349 п. 549–552
Ласточка (род 117) 241
Луговой конек см. полевой конек
Лесная или пестрая кустарка 136

Лесничка (род 57) 119–121, 239, 340 п. 344–347, 341 п. 348–351
Лысуха **346**; 244, 282; *33*

Маленький сорокопут 106
Малый зуек **330**; 245, 282
Монгольский жаворонок; *Каландра, толстоносый жаворонок*, **297**; 169–171, 241, 284
Морянка **362, 363**; 246, 284
Мохноногий канюк; *Мохнатоногий сарыч* **235**; 52, 53, 237, 238, 283
Мухоловка; *Мухоловка (род 54)* 115–118, 239

Настоящий сокол (1-е отделение соколиного рода) 40

Обыкновенная галка 77, 284
Обыкновенная каменка; *Белохвостик, пастушок, кочечник, белая каменка* **271, 272, 274, 433, 434, 436**; 130–132, 240, 285
Обыкновенная крачка **348, 349**; 247, 282; *42*
Обыкновенная кряква **356**; 283
Обыкновенная чечевица; *Червленец или Красный дурачек* **198, 415**; 211–213, 243, 284
Обыкновенная чечетка; *Чечетка* **208, 209, 417, 418, 454**; 221, 222, 243, 284
Обыкновенный поползень; *Поползень* **220**; 241, 284
Обыкновенный свиристель; *Богемский или обыкновенный свиристель* **253**; 86, 87, 238, 285, 336 п. 257–260, 337 п. 261–265; *7*
Обыкновенный снегирь; *Обыкновенный снегирь* **196, 197, 411, 412, 425, 426**; 205–207, 243, 284, 349 п. 565–570
Оляпка обыкновенная; *Обыкновенная русалка, водяной дрозд или воробей* **262, 263, 371, 372**; 94, 96–99, 285, 337 п. 289–301; *10*
Орел *(2-е отделение соколиного рода)* 43–45
Орлан белохвостый; *Белохвостый орел* 283

Пастушечка (род 61) 145–147, 240
Пастушки 244
Певчий дрозд см. Дрозд-белобровик
Пеночка-таловка; *Пеночка* **269, 381**; 124, 239, 285
Перепел **329**; 245, 282
Пипи (род 63) 155–156, 241
Поганки 243
Подорожник (род 68) 180–182, 242
Полевой воробей; *Горный или лесной воробей* **206, 416**; 218, 219, 243, 283
Полевой жаворонок; *Полевой жаворонок, фиалка* **296, 391**; 164–168, 241, 284
Полевой или луговой конек; *Луговой жаворонок, пипи обыкновенная* **290, 292**; 157, 158, 241, 284
Полевой лунь 283
Пригорная кустарка 136
Пуночка; *Снежный подорожник, пуночка* **317, 318, 400**; 188–190, 242, 284, 348 п. 543–545, 349 п. 346–348
Пятнистый конек; *Зеленая пипи* **293, 391**; 158, 159, 241, 284
Пятнистый сверчок; *Кузнечик, круглохвостый королек* **264, 382, 452**; 126–127, 239, 285

Речная обычная крачка **348, 349**; 247, 282; *42*
Рогатый жаворонок; *Сибирский жаворонок*, **294, 295, 393, 394**; 168, 169, 241, 284, 346 п. 486–493, 347 п. 494–496; *24*
Русалка (род 28) 92–96, 239, 337 п. 280–288
Рыжий сорокопут 106
Рябинник 89, 337 п. 275
Рябчик; *Белый рябчик* **324–326**; 66, 282; *37*

Сарыч (5-е отделение соколиного рода) 50
Свиристель (род 17) 84–86, 238, 284, 336 п. 247–256
Серая мухоловка; *Серая мухоловка* **259, 379, 419**; 118, 239, 285; *12*
Серая утка **361**; 246, 283
Серебристая чайка **350**; 247, 282
Серощекая поганка **347**; *32*
Серый журавль; *Журавль* **333**; 247, 282; *43*
Серый сорокопут; *Караульщик, сорокопытка* **254, 255**; 107–113, 231–233, 285, 339 п. 314–327
Сибирская горихвостка; *Зарная каменица, зимцерла* **279**; 133, 134, 240, 285, 342 п. 391–397
Сибирская рыжебрюхая касатка; *Касаточка* **225, 376**; 241, 285
Сибирская чечевица; *Палласов снегирь* **199, 200**; 213, 214, 243, 284

Сивая ворона 76, 284
Сизый голубь; *Горный голубь* **227**; 244, 282
Синица московка; *Московка* **299, 396**; 175, 176, 242, 284
Скалистый голубь **228**; 244, 282
Снегирь (род 72) 202–204, 242, 349 п. 564
Сова (род 6) **58–61**, 238
Сойка; *Сойка* **250**; 79–81, 238, 284, 335 п. 231–233, 336 п. 234–236
Сокол (род 5) 34–39, 237
Соловей красношейка; *Каллиопа, сибирский соловей* **280, 281**; 139–144, 240, 285, 343 п. 407–420, 344 п. 421–427; *18, 19*
Сорока; *Обыкновенная сорока* 77, 284
Сорокопут-жулан см. Жулан
Сорокопуд (род 34) 100–107, 229–231, 239, 338 п. 302–305, 339 п. 306–313
Степная пустельга; *Пустельга* **231**; 41–43, 237, 238, 283
Степной конек; *Рихардова пипи* **289, 389, 390, 423, 424, 455**; 284
Стриж (род 118) 241

Тетерев **322, 323**; 245, 282
Тетеревятник, большой ястреб; *Чилижник* **236**; 54–57, 237, 238
Травник **341**; 245, 282
Траурная пастушечка 151, 284
Трехпалый дятел; *Троепалый, желтый дятел* **218, 219**; 244, 283; *35*
Турухтан; *Турухтан* **337–340**; 245, 282

Утки 246
Ушастая сова; *Сыч, маленький филин* **245–247**; 68–72, 238, 283; *3, 4*

Филин; *Пугач, большой ушастый филин* **244**; 61, 62, 238, 283
Фифи **342**; 245, 282

Хохлатая чернеть **364**; 246, 283

Чайки 247, 282
Чеглок; *Дербничок, щеглок* **230**; 40, 237, 238, 283
Черноголовая восточносибирская гаичка; *Монашенка* **300, 301, 397, 437, 439**/б; 176, 177, 242, 284, 347 п. 514–524
Черноголовый чекан; *Красношея, черная каменица* **275–278, 387**; 132, 133, 240, 285, 341 п. 385–397; *15–17*
Черный коршун; *Королевский коршун* **234**; 49, 50, 237, 238, 283
Черный стриж; *Обыкновенный или европейский стриж* **226, 378**; 241, 283; *23*
Черныш **343, 344**; 246, 282
Чибис **332, 449**; 245, 282
Чирок клоктун; *Утка-клоктун* **353, 354**; 246, 283; *40, 41*
Чирок свистунок **355, 453**; 246, 283

Широконоска **357, 358**; 246, 283

Щур; *Щур красный, обыкновенный* **194, 195**; 215–217, 243, 284

Южный сорокопуд 105
Юрок; *Вьюрок* **207**; 223–228, 243, 284

Ястреб (3-е отделение соколиного рода) 46–47, 237
Ястребиная сова; *Длиннохвостая сова* **241, 242, 243**; 64–66, 228–229, 238, 283
Ястреб-перепелятник; *Малый ястреб, копчик, перепелятник, пустельга* **233, 237**; 47, 48, 237, 238
Ястреб-тетеревятник; *Чилижник* **236**; 54–57, 237, 283

Acantis flammea L. **208, 209, 417, 418, 454**; 221, 222, 284

Accentor (genera 60) 135–139
Accentor alpinus Temm. 135
Accentor modularis 136
Accentor montanellus 136
Accipiter gentilis L.; *Falco cyaneus* **236**; 54–57, 283, 331 п. 141
Accipiter nisus L.; *Falco nisus* **233, 237**; 47, 48, 102, 283, 329 п. 99
Aegithalos caudatus L.; *Parus caudatus* **302, 398, 439**/в; 178–180, 284
Aegolius funereus L. 283
Alauda (genera 64) 161–163
Alauda arvensis L.; *A. arvensis Linn.* **296, 391, 392**; 164–168, 284
Anas clypeata L. **357, 358**; 282
Anas crecca L. **355, 453**; 282
Anas formosa Georgi; *A. fusca* **353**; 283; *40, 41*
Anas platyrhynchos L. **356**; 283
Anas strepera L. **361**; 283
Anser fabalis L. **352**; 283
Anthus (genera 63) 155–156
Anthus campestris L.; *A. pratensis Gmel., Temm.* **290, 291**; 157, 158, 284

Anthus hodgsoni L.; *A. veridis, A. borealis* **293, 391**; 158, 159, 284
Anthus palustris, A. pratensis Bechst.
Anthus richardi Vieill.; *A. richardi (Vieillot)(Temminch)* **289, 389, 390, 423, 424**; 284
Anthus spinoletta L.; *A. arboreus Bechst., Alauda trivialis* **292**; 159, 161, 284; *21*
Apus apus L.; *Cypselus apus, C. europeus* **226, 378**; 283; *23*
Aquila clanga Pall.; *Falco noevius* **232**; 46, 283, 328 п. 8; *2*
Asio flammeus Pontopp. 283
Asio otis L.; *Strix otis Gmel., Leth.* **245–247**; 68–72, 283; *3, 4*

Bombycilla garrulus L.; *Garrula bombycilla* **253**; 86, 87, 285, 336 п. 257–260, 337 п. 261–265; *7*
Bombycivora bombicilla (genera 17) 84–86, 336 п. 247–256
Bubo bubo L.; *Strix bubo* **244**; 61, 62, 283
Buteo buteo 283
Buteo lagopus Brunnich; *Falco lagopus* **235**; 52, 53, 283, 330 п. 136–139

Calcarius lapponicus L.; *Emberiza calcarata Temm., Fringilla laponica* **319, 399**; 190–192, 284
Carduelis flammea L., *Fringilla linaria* **208, 209, 417, 418, 454**; 221, 222, 284
Charadrius dubius Scop. **330**; 282
Charadrius hiaticula L. **331**; 282
Cinclus (genera 28) 92–96, 337 п. 280–288
Cinclus cinclus L.; *Cinclus aquaticus Bechst., Sturnus cinclus Gmel.* **262, 263, 371, 372**; 96–99, 285, 337 п. 289–301; *10*
Circus cyaneus L. 283
Clangula clangula L.; *Anas clangula* **360**; 282
Clangula histrionica L.; *Anas histrionica* **359**; 282
Clangula hyemalis L. **362, 363**; 282
Columba livia Cm. **227**; 282
Columba rupestris Pall. **228**; 282
Columbus grisegena Bodd. **347**; *32*
Corvus (genera 10) 73–77
Corvus corax L.; *C. corax* 75, 284
Corvus corone L.; *C. corone* 77, 284
Corvus monedula L.; *Corvus dahuricus* **248, 249**; 77–79, 284
Coturnix coturnix **329**; 282
Cractes infaustus Pall.; *Corvus mimus, C. infaustus* **251**; 77, 80, 284; *5*
Cuculus canorus L., *C. canorus* **210–212**; 283; *34*
Cyanopica cyana Pall.; *Corvus cyanus* 77, 284

Delichon urbica L., *Hirundo rustica* **221, 222, 377**; 285
Dendrocopus major L. **215**; 284
Dryobates leucotos Bechstein, *Picus varius* **216, 217**; 284
Dryocopus martius L. **213, 214**; 283

Emberiza (genera 66) 180–182
Emberiza aureola Pall.; *E. aureola Pall., Gmel.* **310–316, 406–408**; 184–188, 234–236, 284
Emberiza leucocephala Gm.; *E. piphiurnus, E. leucocephala* **306–308, 404, 405**; 284
Emberiza schoeniclus L.; *E. arundinacea Gmel., Buff., E.striata, E. schoeniclus Linn.* **303–305, 309, 401–403**; 182–184, 284; *26–28*
Eremophila alpestris L.; *Alauda alpestris Gmel., A. sibirica* **294, 295, 393, 394**; 168, 169, 284; *24*
Erythrina erythrina Pall.; *Pyrrhula ertythrina Temm., Loxia erythrina Pall., Gmel.* **198, 415**; 211–213, 284
Erythrina rosea Pall.; *Pyrrhula rosea* **199, 200**; 213, 214, 284

Falco (genera 5) 34–40
Falco aesalon 4, 325 п. 48
Falco aquila 46, 237, 282
Falco astur 46–47
Falco buteo 50–52
Falco circus 53–54
Falco gurfalco L. 283
Falco naumanni Fleischer; *Falco tinnunculus* **231**; 41–43, 283
Falco subbuteo L.; *F. vespertinus subbateo* **230**; 40, 283
Falco vespertinus L. 283
Fringilla (genera 73) 217–218
Fringilla colleus 223–226
Fringilla montifringilla; *Fringilla montifringilla* **207**; 223–228, 284
Fulica atra L. **346**; 282; 33

Garrulus glandarius L.; *Corvus glandarius Gmel., Leth.* **250**; 79, 81, 284
Grus grus L.; *Grus* **333**; 282; *43*

Haliaeetus albicilla L.; *Falco albicaudlus* 57, 89, 283
Hirundo rustica L., *Hirundo urbica* **225, 376**; 285

Lagopus lagopus L. **327**; 282
Lanius (genera 34) 100–107, 229–231, 285
Lanius collurio 106, 339 п. 311
Lanius cristatus L.; *Lanius brachyurus, L. rutilus* **256–258, 373, 374, 375, 421, 430**; 113–115, 285; *11*
Lanius excubitor L.; *L. laniare, L. excubitor* **254, 255**; 107–113, 231–233, 285
Lanius meredionalis 105
Lanius minor 106
Lanius rutilus 106
Larus argentatus Pont. 351; 282
Locustella lanceolata Temm., L. cethriola; *Sylvia locustella* **264, 382, 452, 458**; 126–127, 285
Loxia (genera 70) 193–194
Loxia curvirostra L.; *Loxia vulgaris, L. curvirostra* **190, 409, 410**; 194–196, 284
Loxia leucoptera Gm.; *Loxia leucoptera Gmel.* **191, 192**; 197–202, 284; *29*
Luscinia calliope Pall; *Accentor calliope Temm., Motacilla calliope Pall., Gmel.* **280, 281**; 136, 139–144, 285; *18, 19*
Luscinia svecica L.; *Sylvia svecica, Motacilla svecica* **267, 268, 383, 384, 456**; 124–126, 285, 341 п. 361–367; *13, 14*
Lyrurus tetrix L. **322, 323**; 282

Melanocorytha mongolica Pall.; *Alauda calandra Linn.* **297**; 169–171, 284
Mergus merganser L. **365, 366, 368**; 282
Mergus serrator L. **367**; 282
Milvus 48–49
Milvus korschun Gm.; *Falco milvus* **234**; 49, 50, 283
Motacilla (genera 61) 145–147
Motacilla alba L.; *M. alba, M. cinerea Drapiez* **282–284, 426**; 147–149, 151, 284
Motacilla cinerea Tunst.; *Motacilla boarula Pall., Gmel., M. melanope* **285, 435**; 149–152, 233–234, 284
Motacilla citreola Pall.; *M. citreola (Pallas)* **286, 420**; 153, 284; *20*
Motacilla cugubris 151, 284
Motacilla flava L.; *M. flava, M. litorea* **287, 422**; 151, 152, 184, 284
Motacilla flaveola 151, 284
Motacilla lutea Su.; *M. campestris* **288**; 153–155, 284
Motacilla yarrely 151, 284
Muscicapa (genera 54) 115–118
Muscicapa striata Pall.; *M. grisola* **259, 379, 419**; 118, 285; *12*

Nucifraga caryolactes L.; *N. caryolactes* **252**; 82, 83, 284; *6*
Nucifragus (genera 11) 81, 82
Numenius arquata L. **334–336**; 282; *38, 39*
Nyctea scandiaca L.; *Strix nyctea* **238, 239**; 62, 63, 283
Nyroca fuligula L.; *Anas mar...* **364**; 282

Oenanthe oenanthe L.; *Saxicola oenanthe Bechst., S. alba; Traquet blanc, moteux* **271–274, 433, 434, 436**; 130–132, 285; *15–17*

Parus (genera 65) 171–174
Parus ater L.; *P. ater Linn.* **299, 396**; 175, 176, 284
Parus major L.; *P. major* **298, 395**; 174, 175, 284; 25
Parus palustris L.; *P. palustris Linn.* **300, 301, 397, 437, 439**/б;176, 177, 284
Passer domesticus L.; *Fringilla domestica* **204, 205**; 220, 221, 284; *31*
Passer montanus L.; *Fringilla montana, F. sylvestris* **206, 416**; 218, 219, 284
Perdix daurica Pall. **328**; 282
Perisoreus infaustus Pall. **251**; 77, 80, 284; *5*
Phylloscopus borealis Blasius; *Sylvia trochilus* **269, 381**; 124, 285, 341 п. 368–373
Phylloscopus trochiloides Sundev.; *Sylvia sylvicola, S. trochilius (Latrelle), Motacilla arcedula Linn.* **265, 380, 431**; 121–123, 285, 341 п. 352–355
Philomachus pugnax L.; *Machatas pugnax* **337, 338, 339, 340**; 282
Phoenicurus auroreus Pall.; *Motacilla aurorae Pall., Saxicola aurorae* **279**; 133, 134, 285
Pica pica L.; *Corvus pica* 76, 284
Picoides tridactylus, *Picus tridactylus* **218, 219**; 283; *35*
Plectrophenax nivalis L.; *Emberiza nivalis Linn.* **317, 318, 400**; 189–190, 284
Pinicola enucleator L.; *Pyrrhula enucleator Gmel, Loxia erythrina, L. enucleator Gmel.* **194, 195, 204**; 215–217, 284

Pyrrhula (genera 72) 202–204
Pyrrhula pyrrhula L.; *Pyrrhula vulgaris Brisson, P. europaea Viellot, Buffon, Loxia pyrrhula Linn.* **196, 197, 411, 412, 425, 426**; 205–207, 284

Regulus 285
Riparia riparia L., *Hirundo riparia* **223, 224**; 285; *22*

Saxicola (genera 59) 128–130
Saxicola torquata L.; *S. rubicola Meyer, S. maurea, Motacilla rubicola Gmel.* **275–278, 387**; 132, 133, 285, 341 п. 385–390, 342 п. 391–397; *15, 16, 17*
Sitta europaea L., *Sitta europaea* **220**; 284
Sterna hirundo L. **348, 349**; 282; *42*
Streptopelia orientalis Lath. **229**; 282; *36*
Strix (genera 5) 58–61
Strix nuctea 65
Strix uralensis Pall.; *Strix uralensis* **240;** 63–67, 283
Surnia ulula L.; *Strix longicauda, S. funerea Gmel., S.ulula Linn.* **241–243**; 64–67, 228, 229, 283; *3, 4*
Sylvia *(genera 57)* 119–121, 340 п. 344–347, 341 п. 348–351

Tetrao urogallus L.; *Tetrao saliceti* **320, 321**; 66, 282
Tetrastes bonasia L.; *Tetrao lagopus* **324–326**; 66, 282; *37*
Tringa glareola L. **342**; 282
Tringa nebularia Gunnerus **345**; 282
Tringa ochropus L.; *Totanus sp.* **343, 344**; 282
Tringa totanus L. **341;** 282
Troglodytes 285
Turdus (genera 27) 88–89
Turdus musicus L.; *T. iliacus* **261, 266, 369**; 89–91, 285, 337 п. 270–279; *8, 9*
Turdus pilaris L.; *T. saxatilis, T. pilaris* **260, 370**; 91, 92, 285
Turdus viscivorus 89, 337 п. 275

Uragus sibiricus Pall.; *Pyrrhula elegans, P. longicauda Temm., Loxia sibirica Pall., Gmel.* **201–203, 413, 414, 428, 429, 439**/a, **457**; 207–211, 284; *30*

Vanellus vanellus L. **332, 449**; 282

МЕЛКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ПИЩА – ХИЩНЫХ ПТИЦ

Бурундук азиатский **447, 457**

Горностай **188**; *46*

Землеройка **187**; *45*

Крот сибирский **186**; *44*

Степной хорек **189**; *47*

Eutomias sibiricus **447, 457**

Mustela ermines **188**; *46*
Mustela eversmannii **189**; *47*

Sorex **187**; *45*

Talpa altaica **186**; *44*

ФЛОРА

Адонис сибирский; *Страродубка* **32**; *74*
Аконит см. Борец
Астра альпийская; *Каменный звездничок* **28, 68**/1; *70*

Багульник болотный; *Багун* **26, 85**/32; *68*
Башмачок крупноцветковый; *Большецветные кукушкины башмачки, Машкины башмачки* **11, 97**
Башмачок настоящий, Венерин башмачок; *Двухцветные кукушкины башмачки, желтые башмачки* **13, 103**; *57*
Башмачок пятнистый, крапчатый; *Пестрые башмачки, Машины башмачки (ошибочно)* **12, 99**
Белозор болотный; *Перелойная трава* **50, 81**/27; *85*
Борец бородатый **153**
Борец Чекановского, Аконит байкальский; *Пригрид* **43, 152**; *80*
Боярышник кровянокрасный **164**, *117*
Брусника; *Брусника* **23, 166**; *65*
Бубенчик Ламарка **149**

Вербейник кистецветковый; *Даурская сверция* **22, 87**/34, **139**
Ветренница вильчатая, двураздельная; *Развилистая ветренница* **36, 113**
Ветренница длинноволосая; *Подсовничная ветренница* **37, 114**

Ветренница лесная; *Нарциссоцветная ветренница* **35, 82**/29, **89** в букете, **112**
Водосбор сибирский; *Венценосные голубки* **41, 145**; *78*
Вьюнок полевой; Душистый повой, *Акулькин цвет* **20, 105**

Гвоздика разноцветная **130**; *104*
Герань Власова, лесная; *Лесной журавленник* **44, 122**
Герань луговая, полевая; *Синей журавленник* **46, 79**/22, **123**; *50*
Герань сибирская; *Журкин коготь* **45, 79**/23, **121**; *50, 81*
Гипекоум прямой **108**; *100*
Голостебельный мак **119**; *103*
Голубика **167**
Горечавка бородатая **129**
Горечавка простертая **9, 69**/8; *48, 56*
Горошек однолисточковый **143**; *111*
Грушанка красная; *Розовая грушанка* **25, 106**; *67*

Девясил британский **80**; 25; *51*

Желтушник желтый; *Нагорный рукоцвет* **49, 125**; *84*
Живкость крупноцветковая; *Большецветные кавалерийские шпоры* **42, 81**/26, **150**; *79*
Живокость высокая **151**

Касатик желтейший, Ирис желтый; *Желтый ирис* **10, 95**
Касатик молочно-белый; *Пикульник, Ирис белый, молочный* **8, 9, 93, 98**; *56*
Касатик тигровый, Ирис русский; *Душистый ирис* **7, 94**
Кизильник черноплодный **160**; *116*
Кипрей узколистный, Иван да Марья; *Розовый кипрей* **55, 80**/24; *51, 88*
Клаусия солнцепечная, Вечерница сибирская; *Сибирская вечерница* **48, 124**; *83*
Клоповник крупковидный **69**/5; *48*
Княженика, Поленика; *Княженика* **59, 60, 89** в букете, **168**; *52, 90*
Княжник сибирский; *Дикий хмель* **39, 116**
Колокольчик молочноцветный; *Молочной колокольчик* **27**; *69*
Колокольчик скученный **131**; *105*
Костяника каменистая; *Костяника* **61, 171**
Красоднев или лилейник малый; *Злаколиственная гемерокаль* **6, 72**/14, **96, 89** в букете; *55*
Кровохлебка мелкоцветковая, тонколистая; *Белая совиная стрела* **62, 83**/30; *91*
Купальница азиатская; *Азиатский желтоглав* **40, 100**; *77*
Курильский чай; *Кустарный пятилистник* **64, 70**/11, **448** в букете; *93*

Лабазник дланевидный; *Ладонный медунишник* **57, 78**/20
Лапчатка см. Курильский чай
Латук китайский; *Багряный змеевник* **29, 81**/28, **148**; *71*
Лен сибирский; *Сибирский лен* **47, 120**; *82*
Лилия даурская, пенсильванская; *Рассыпная сарана* **2, 73**/15, **90**
Лилия кудреватая; *Пестрая сарана* **3, 91**; *53*
Лилия низкая или карликовая; *Румяная сарана* **4, 74**/16; *49*
Ломатогониум колесовидный; *Колесчатый зверобой* **21, 138**; *64*
Ломонос шестилепестковый; *Шестиперый бородавник* **38, 76**/18, **115**; *76*
Лук душистый; *Душистый чеснок* **5, 71**/13, **92**; *54*
Льнянка двураздельная; *Альпийский жабрей* **15, 68**/3, **461** в букете; *59*
Лютик близкий, многоцветковый; *Золотистый слепокур* **31, 146**; *73*
Люцерна русская, серповидная, Пожитник плоскоплодный; *Подкустарный горошек* **67, 86**/33; *95*

Мак золотистый с лимонно-желтым околоцветником; *Золотистый мак, голостебельный мак* **118, 119**; *103*
Малина **169**; *119*
Медуница мягчайшая; *Простая червянница* **18, 136**; *62*
Молоканник сибирский; *Багряный змеевник* **29, 81**/28, **148**; *71*
Морошка **170**

Наумбумбрия или вербейник кистецветный; *Даурская сверция* **22, 87**/ 34, **134**
Недотрога обыкновенная **107**; 99

Облепиха крупноцветковая **156**; *113*

Паслен сладкогорький **134, 135**; *106, 107*

Пеон, Марьин корень **101**; 97
Первоцвет пильчатый; *Луговая режа* **16, 69**/7; *48, 60*
Повой вздутый или завитой; *Большецветный повой* **19, 75**/17, **137**; *63*
Проломник Лемана, карликовый; *Горное молодило* **54, 69**/4; *48, 87*
Прострел желтеющий, раскрытый; *Однолетник* **34, 110**; *75*
Прострел Турчанинова; *Сон* **33, 111**

Рододендрон даурский; *Боровой пьянишник, Даурский багульник* **24, 133**; *66*
Роза иглистая; *Даурский шиповник* **63, 172, 173**; *92*
Рябинник рябинолистный; *Рябинолистный медунишник* **56, 77**/19; *89*

Свидина белая **140, 141**; *108, 109*
Синюха голубая **102**; *98*
Скрученник см. Спирантес китайский
Смородина высокая **162, 163**
Смородина душистая **161**
Смородина красная **159**
Смородина черная **157, 158**; *114, 115*
Солнечник даурский **109**; *101*
Спирея см. Таволга
Спирантес китайский, или скрученник приятный **21, 79**/21; *50*
Стеллера карликовая; *Мужик-корень* **14, 68**/2; *58*

Таволга иволистная, *Медунишник вязолиственный* **58, 70**/10
Термопсис ланцетный; *Австрийский горошек* **66, 71**/12
Толокнянка обыкновенная **165**; 118

Фиалка одноцветковая; *Желтая фиалка* **52, 127**
Фиалка Патрэна (Гмелина); *Белая фиалка* **51, 69**/6, **126**; *48*
Фиалка сахалинская; *Подлесок* **53, 128**; *86*

Цимбария даурская; *Двигубка* **117**; *102*

Чемерица черная **142**; *110*

Шлемник скордиелистный или обыкновенный; *Шишак трава* **17, 69**/9; *48, 61*

Эдельвейс бледно-желтый или скрученный; *Блошница старец* **30, 84**/31, **144**; *72*

Яблоня ягодная; Сибирская яблонь **65, 154, 155, 448** в букете; *94*

Aconitum baicalense Turcz. ex Rapaics, A. czekanovskii Steinb.; *A. napellus* **43, 152**; *80*
Aconitum barbatum Pers. **153**
Adenophora sumbata Kom., A. lamarkii Fisch., Campanula lactiflora Bieb.; *C. lactiflora* **27, 149**; *69*
Adonis apenina L., A. sibirica Patr. ex Ledeb.; *A. vernalis* **32**; *74*
Allium ramosum L., A. odorum L., A. clathratum Ledeb.; *A. montanum odorum, A. tataricum* **5, 71**/13, **92**; *54*
Androsace chamaejasme Host., A. incana Lam., A. lehmanniana; *Crassula humilis* **54, 69**/4; *48, 87*
Anemone crinita Juz., Anemonastrum crinitum (Juz.) Holub; *Anemone umbellata* **37, 114**
Anemone dichotome (L.), Anemonidium dichotomum (L.) Holub; *Anemone dichotoma* **36, 113**
Anemone sylvestris L.; *A. narcissiflora* **35, 82**/29, **89** в букете
Aquilegia sibirica Lam.; *A. coronaria* **41, 145**; *78*
Arctostaphylos uva-ursi (L.) Spreng. **165**; *118*
Aster alpinus L.; *Astra alpinus* **28, 68**/1; *70*
Atragene sibirica L.; *Clematis alpina* **39, 116**

Callystegia inflata Sw. (C. americana), C. subvolubilis Ledeb; *Convolvulus grandiflorum* **19, 75**/17, **137**; *63*
Campanula glomerata L. **131**; *105*
Campanula lactiflora см. Adenophora
Chamaerion angustifolium (L.) Scop.; *Epilobium spicatum* **55, 80**/24; *88*
Clausia aprica (Steph.) Korn. – Tr., Hesperis sibirica L.; *H. sibirica* **48, 124**; *83*
Clematis hexapetala Pall.; *C. hexapetala* **38, 76**/18, **115**; *76*
Convolvulus fischerianus V. Petrov, C. arvensis L. var. sagittifolius (Fisch.) Turcz.; *C. odoratum, C. arvensis sagittifolius* **20, 105**
Cornus albus L., Swida alba (L.) Opiz. **140, 141**; **108, 109**
Cotoneaster melanocarpus Lodd. (Fisch ex Blutt pt.) **160**; *116*

Crataegus dahurica Koehn ex Schneid., C. sanguinea Pall. **164**; *117*
Cymbaria dahurica L.; *Cymbaria dahurica* **117**; *102*
Cypripedium calceolus L.; *C. macrantum, C. calceolus* **13, 103**; *57*
Cypripedium guttatum Sw.; *C. odorum, C. guttatum Sw.* **12, 99**
Cypripedium macranthon Sw.; *C. majus, C. macranthum* **11, 97**

Dasifora fruticosa L.; *Potentilla fruticosa* **64, 70**/ 11, **448** в букете
Delphinium cheilanthum Fisch., D. elatum L. **151**
Delphinium grandiflorum L.; *D. grandiflora* **42, 81**/26, **150**; *79*
Duanthus versicolor Fisch. ex Link; *D. versicolor* **130**; *104*

Epilobium angustifolium; *E. spicatum* **55, 80**/24; *51, 88*
Erysimum flavum (Georgi) Bobr., E. altaicum CA Mey; *Cheirantus montanus* **49, 125**; *84*

Fillipendula palmata (Pall.) Maxim.; *Spiraea palmata* **57, 78**/20

Galatella dahurica DC.; *Aster italorum* **109**; *101*
Gentianopsis barbata (Froel.) Ma., Gentiana barbata Froel.; *G. ciliata* **129**
Gentiana prostrata **69**/8; *48*
Geranium pratense L., G. transbaicalicum Serg.; *G. caeruleum* **46, 79**/22, **123**
Geranium sibiricum L.; *G. parviflorum* **45, 79**/23, **121**; *50, 81*
Geranium vlassovianum, G. eriostemon Fisch., G. sylvaticum; *G. sylvaticum* **44, 79**/22, **122**

Hemerocallis minor Mill., *H. graminifolia* **6, 72**/14, **96**; *55*
Hipecoum erectum L. **108**; *100*
Hippophae rhamnoides L. **156**; *113*

Impatiens noli-tangera L. **107**; *99*
Inula britanica L., I. salicina L. **80**/25; *51*
Iris humilis Georgi, I. flavissima Pall.; *I. flavissima* **10, 95**
Iris lactea Pall.; *I. lactea, I. spuria, I. anspuria* **8, 9, 93, 98**; 56
Iris uniflora Pall. ex Link, I. tigridia Bunge, I. ruthenica Ker-Gawl; *I.pumilla, I. ruthenicus* **7, 94**
Ixeridium gramineum (Fisch.) Tzvel., Erigeron sp., Exeridiun chinensis, Mulgedium sibiricum (L.) Less.; *Scorzonera purpurea* **29, 81**/28, **148**; *71*

Ledum palustre L.; *L. palustris* **26, 85**/32; *68*
Leontopodium ochroleucum, L. conglobatum (Turcz.) Hand. – Mazz., Beaul; *Erigeron acris* **30, 84**/31, **144**; *72*
Lilium dahuricum Ker-Gawl., L.pensylvanicum Ker-Gawl.; *L. bulbosum* **2, 73**/15, **90**
Lilium martagon L.; *L. martagon* **3, 91**; 53
Lilium pumilium Delile; *L. pomponium* **4, 74**/16; *49*
Linaria bipartita (Vent.) Willd; *L. alpina* **15, 68**/3, **461** в букете; *59*
Linum sibiricum DC., L. perenne L.; *L. perenne* **47, 120**; *82*
Lipedium draba, Noccaea cochleariformis (DC.) A. et D. Love; *Lipedium draba* **69**/5; *48*
Lomatogonium rotatum (L.) Fries ex Fern.; *Swertia rotata* **21, 138**; *64*

Malus baccata (L.) Borkh.; *Pyrus baccata* **65, 154, 155, 448** в букете; *94*
Malus palasiana Juz. **155**
Medicago falcata L., Melissitus ruthenicum (L.) Latsch., Trigonella ruthenica; *Astragalus sufruticosus* **67, 86**/33; *95*

Naumburgia thyrsiflora (L.) Reichenb., Lysimachia thyrsiflora; *Swertia globufitera* **22, 87**/34, **139**

Paeonia anomala L.; *Paeonia anomala* **101**; *97*
Papaver nudicale L., P. rubro-aurantiacum (Fisch. ex DC.) Lundstr.; *Papaver nudicale* **118, 119**; *103*
Parnassia palustris L.; *P. palustris* **50, 81**/27; *85*
Pentaphylloides fruticosa (L.) O. Schwarz, Dasifora fruticosa (L.) Rydb.; *Potentilla fruticosa* **64, 70**/11, **448** в букете; *93*
Polemonium coeruleum L. **102**; *98*
Primula farinosa L., P. serrata Georgi; *Androsace purpuriflora* **16, 69**/7; *48, 60*
Pulmonaria mollissima A.Kern., P. dacica Simonk; *Anchusa paniculata* **18, 136**; *62*
Pulsatilla flavenscens Turcz, P. patens (L.) Mill.; *Anemone. patens* **34, 110**; *75*

Pulsatilla turczaninovii Kryl. et Serg.; *Anemone pulsatilla* **33, 111**
Pyrola incarnata (DC.) Freyn.; P. *rosea, rotundifolia* **25, 106**; *67*

Ranunculus propinquus C.A. Mey., R. polyanthemos; *R. auricomus* **31, 146**; *73*
Ribes altissimum Turcz., R. procumbens Pall., **162, 163**
Ribes gravecolens Bunge., R. fragrans Pall. **161**
Ribes nigrum L. **157, 158**; *113, 114*
Ribes rubrum L., R. spicatum Robson, R. acidum Turcz. ex Rojark **159**
Rododendron dahuricum L., R. ledebourii Pojark; *Rododendrum dahuricum* **24, 133**; *66*
Rosa acicularis Lindl.; *Rosa daurica* **63, 172, 173**; *92*
Rubus arcticus L.; *R. arcticus* **59, 60, 89, 168**; *90*
Rubus chamaemorus L. **170**
Rubus sachalinensis Levl., R. idaeus L. **169**; *119*
Rubus saxatilis L.; *R. saxatilis* **61, 171**

Sanguisorba parviflora (Maxim) Takeda, S. tenuifolia Fisch. ex Link; *S. albida* **62, 83**/30; *91*
Scutellaria scordifolia Fisch. ex Schrank, S. galericulata L.; *S. galericulata* **17, 69**/9; *61*
Solanum dulcamara L., S. depilatur Kitag. var. persicum Trantv. **134, 135**; *106, 107*
Sorbaria sorbifolia (L.) A.Br.; *Spiraea sorbifolia* **56, 77**/19; *89*
Spiraea salicifolia L.; *S ulmifolia* **58, 70**/10
Spiranthes chinensis, S. amoena (Bieb.) Streng. **79**/21; *50*
Stellera chamaejasme L.; *S. chamaejasme* **14, 68**/2, **103**; *58*
Swida alba (L.) Opiz. **140, 141**; *108, 109*

Thermopsis lanceolata R. Br.; *Astragalus austriacus* **66, 71**/12
Trollius asiaticus L.; *T. asiaticus* **40, 100**; *77*

Vaccinium uliginosum L. **167**
Vaccinium vitis-idaea L.; *V. vitis idaea* **23, 166**; *65*
Veratrum nigrum L.; *Veratrum* **142**; *110*
Vicia unijuga A. Br. **143**; *111*
Viola patrinii Ging., V. gmeliana Schult.; *V. alleiflora* **51, 69**/6, **126**; *48*
Viola sacchalinensis Boissieu, V. repestris F.W. Schmidt; *V. canina* **53, 128**; *86*
Viola uniflora L.; *V. uniflora* **52, 127**

НАСЕКОМЫЕ

Бабочка голубянка **89**
Березовый пилильщик; *Полосатый муха-мотылек* **176**; *121*
Бражник линейчатый; *Кипрецца* **182, 443**; *125*
Бурый лесной муравей 357
Бурый садовый муравей 357

Водяной паук 94, 99
Волосатик люкорум (березовые пилильщики); *Зеленый муха-мотылек* **175**

Данаида хризипп **446**
Дневной павлиний глаз **444**
Домовый муравей **357**

Желтый земляной муравей 357
Жук божья коровка **298**
Жук скакун **271**

Золотистоволосый муравей 357
Зубчатая совка; *Лозянка* **181**; *124*

Крапивница; *Крапивная Ванесса* **185; 128**

Махаон; *Махаон* **183, 184**; *126, 127*

Осы-мутилиды; *Мутил-ос* 357

Пилильщик желтый; *Оранжевый муха-мотылек* **177**
Прайя Тачановского; *Муха-мотылек* **179**; *123*

Рыжие лесные муравьи 357

Саламандра см. хвостатые амфибии
Саранча; *Кобылки* 36, 322 п. 27
Сатир степной **443**

Термес (термиты) 267, 357 п. 4

Угловатая пяденица **180**
Углокрыльница большая; *Березовая Ванесса* **174, 178**; *120, 122*

Хвостатые амфибии 358

Червонец непарный **443**

Aglais urticae L. (Lep. Nimphalidae) **185**; *128*
Anatis ocellata **298**
Araueu aquatica 94, 99
Artia flavia F. **255**

Camponotus saxatilis 357
Celerio lineata F. (Lep. Sphinigidae) **182, 443**; *125*
Cicindela hibrida L. **271**
Cimbex femorata L. (Hymenoptera, Cimbicidae) **176**; *121*
Cimbex lutea L. (Hymenoptera, Cimbicidae) **177**
Chrisophanus dispair daurica Graes. **443**

Danais chrisippus L. **446**

Ennomos sp. **180**

Formica 357
Formica aquilonia 357
Formica lugubris 357
Formica picea 357
Formica rufa 357
Formica rusca 357

Inachisio L. (Vanessa) **444**

Lasius flavus 357
Lasius niger 357
Lycaena argus **89**

Naurmica 357

Papilio machaon L. (Lep. Papilionidae) **183, 184**; *126, 127*
Paraia tachanovskii Andre (Cimbicidae) **179**; *123*
Poligonia vau-album Den. et Schift (Lepidoptera, Nympholidae) **174, 178**; *120, 122*

Scolipterix libatrix L. (Lep. Noctuidae) **181**; *124*
Satirus apthe **443**

Termes 267, 357 п. 4
Thrichiosoma lucorum L. (Hymenoptera, Cimbicidae) **175**

Urodela 358

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Адамс (Adams) М., английский путешественник, в 1805–1806 годах вел наблюдения в Восточной Сибири 290.
Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь (с 1645) 329.
Амман (Amman) Иоганн (1707–1741), ботаник, медик, чл. Пб. АН (1733) 289.
Андрей Иванович см. А.И. Борисов, старший брат П.И. Борисова.
Аристотель (384–322 до н.э.), др.-гр. философ и ученый 71.
Арсеньев Александр Ильич, горный инженер, начальник Петровского завода, муж старшей дочери ген.-губернатора В.Я. Руперта, пользовался доброй славой у декабристов 22, 27.

Басаргин Николай Васильевич (1800–1861), декабрист 26, 294.
Баснин Василий Николаевич (1799–1876), кяхтинский, затем иркутский купец, заказчик работ П.И. Борисова, меценат и коллекционер, поддерживал деловые и дружеские связи со многими декабристами 22, 271, 291, 295, 349 п. 559, 353 п. 1, 402, 403.
Батеньков Гавриил Степанович (1793–1863), декабрист 5.

* В указатель включены имена, упоминаемые в основном тексте книги; авторы книг и статей в сносках в состав указателя не введены. Приняты обычные сокращения: англ. – английский; амер. – американский; Вост. – Восточная; ген. – генерал; голл. – голландский; др.-гр. – древнегреческий; др.-рим. – древнеримский; ин. поч. чл. – иностранный почетный член; итал. – итальянский; Пб. АН – Петербургская академия наук; Моск. ун-т – Московский университет; фр. – французский; швед. – шведский.

Бегистейн см. Бехштейн.
Беккария (Beccaria) Чезаре (1738–1794), итал. просветитель, юрист, автор книги "Преступления и наказание", которую переводил П.И. Борисов 31
Белоголовый Андрей Васильевич, иркутский купец, приятель декабристов 24, 374
Белоголовый Николай Андреевич (1834–1895), сын А.В. Белоголового, воспитанник декабристов, врач, литератор 24
Бергер (Berger), орнитолог 225
Берстель Александр Карлович (1788–1830), декабрист 17, 18
Бестужев Михаил Александрович (1800–1871), декабрист 5, 18, 28, 287; 348, п. 538
Бестужев Николай Александрович (1791–1855), декабрист 5, 15, 327; 340, п. 332; 548, п. 538
Бестужева Елена Александровна (1792–1874), сестра декабристов Бестужевых 22
Бестужева Мария Александровна (1793/6–1889), сестра декабристов Бестужевых 22
Бестужева Ольга Александровна (1793/6–1889), сестра декабристов Бестужевых 22
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801–1826), декабрист 14
Бехштейн (Bechstein G.M.) Г.М., в написании Борисова – Бегистейн, (1757–1822), немецкий орнитолог 93, 94, 272; 337, п. 282, 343
Блуменбах Иоганн Фридрих (1752–1840), немецкий натуралист, зоолог, ин. поч. чл. Пб. АН (1826) 272
Бойе (Boje) Генрих и Франсуа (1789–1817), нем. орнитологи, Франсуа работал над установлением семейств и родов 52, 272
Боннатерра, аббат, орнитолог 223
Борисов Андрей Иванович (1798–1854), декабрист 5, 11, 16, 18, 26, 27, 30, 305, 333; 342, п. 395; 356, п. 3, 362, 375, 403
Борисов Иван Андреевич (1756–1833), отец братьев и сестер Борисовых, офицер Черноморского флота в отставке (с 1804) 5
Борисов Петр Иванович (1800–1854), декабрист по всему тексту книги
Борисова Анна Ивановна (1809–?), сестра П.И. Борисова 22
Борисова Елизавета Ивановна (1805–1841), сестра П.И. Борисова 22, 27
Брегм см. Брем
Брем (Brehm Ch. L.), в написании Борисова Брегм, Христиан (1787–1864), нем. орнитолог, автор трехтомной монографии о птицах (1821–1824) 198, 200
Бриссон М.Ж. (Brisson M.G.) фр. орнитолог, автор 6-томной "Орнитологии" (1763) с описанием 1500 видов птиц 81, 338; п. 240
Броневский Семен Богданович (1786–1858), ген.-губернатор Восточной Сибири (1835–1837) 268, 272; 358, п. 25.
Булычов Иван Демьянович (1813–1877), чл. сенаторской ревизии Восточной Сибири 1840-х годов, заказчик работ П.И. Борисова 22, 27, 29, 288, 296–300, 303–306, 319, 324, 325, 328–332, 336; 344, п. 23; 345, п. 463; 348, п. 540; 351, п. 616; 352, п. 1; 353, п. 6; 355, п. 6 и 2; 374, 375
Булычов Николай Иванович (? – после 1925), сын И.Д. Булычова, владелец его собраний 5, 373, 374
Бюффон (Buffon) Луи Леклерк (1707–1788), фр. натуралист, ин. поч. чл. Пб. АН (1776) 40, 59, 71, 84, 93, 100, 101, 102, 110, 117, 121, 138, 166–168, 176, 272, 274, 325, 331; 339, п. 306.

Вагин Всеволод Иванович (1813–1900), сибирский чиновник, краевед 23
Ван Сиебольд (Von Siebold), в современном написании Сибольд, исследователь животного мира Шотландии (XVII в.) 225; 351, п. 612а
Виейло (Vieillo) в современной транскрипции Виейльо (1748–1841), фр. орнитолог 74, 145, 167, 197, 198, 215; 336, п. 250а
Вильд Генрих Иванович (1833–1902), метеоролог, чл. Пб. АН (1868) 5, 20, 33
Волконская Мария Николаевна (1805–1863), жена декабриста С.Г. Волконского 22, 26, 29, 294, 371, 374
Волконская Софья Григорьевна (1785–1868), сестра декабриста С.Г. Волконского, жена министра двора П.М. Волконского, в 1854 г.

жила в семье брата в Иркутске, владелица Атласа растений (без названия) работы П.И. Борисова 22, 26, 29, 287, 331; 350, п. 582; 353, п. 2, 371
Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865), декабрист 14, 29, 272, 287
Волконский Сергей Михайлович, внук С.Г. Волконского 32, 371, 375
Вольтер (Voltaire) Мари Франсуа (1694–1778), фр. писатель, философ-просветитель, ин. поч. чл. Пб. АН (1746) 17, 18, 30
Выгодовский (наст. фамилия Дунцов) Павел Фомич (1802–1881), декабрист 18

Гаупт (Haupt) Вильгельм, иркутский ветеринарный врач и естествоиспытатель, жил в Иркутске в 1809–1860 гг. 356, п. 3
Гебер, охотник, современник Бюффона 93
Геквельдер (Heckwelder), орнитолог, охотник 103, 110
Гельвеций (Helvetius) Клод Адриан (1715–1771), фр. философ 17, 18.
Ген.-губернаторша, жена В.Я. Руперта 407
Георги (Georgi) Иоган Готлиб (1729–1802), путешественник, ин. поч. чл. Пб. АН (1776) 272, 289
Гете (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), нем. поэт, мыслитель, естествоиспытатель 115; 340, п. 335
Гмелин (Gmelin) Иоганн Георг (1709–1755), ученый, натуралист, чл. Пб. АН, автор труда "Флора Сибири" (1727) 46, 224, 272, 258, 289
Гольбах (Holbach) Поль Анри (1723–1789), фр. философ, ин. чл. Пб. АН 17
Горбачевский Иван Иванович (1800–1869), декабрист 18, 30, 326
Громницкий Петр Федорович (1803–1851), декабрист 13, 18
Губер (Huber) П., женевский естествоиспытатель конца XVII века, изучавший соколиную охоту 41; 356, п. 3; 381, п. 180

Давыдов Василий Львович (1793–1855), декабрист 15, 333
Давыдов Д.Д., внук А.И. Давыдовой, чей альбом он возвратил в Россию 409
Давыдова Александра Ивановна (1802–1895), жена декабриста В.Л. Давыдова, владелица альбома с рисунками П.И. Борисова 22, 27, 287, 374, 409
Дараган Кузьма Яковлевич (?–1874), чиновник, сибирский знакомый декабристов, заказчик работ П.И. Борисова 22, 26, 27, 29, 288; 348, п. 540; 353, п. 1 и 2; 354, п. 3, 361, 362, 374, 396, 408
Дарвин (Darwin) Чарльз Роберт (1809–1882), англ. естествоиспытатель, ин. чл. Пб. АН (1867) 322
Дейхман Оскар Александрович (1818–1891), горный инженер, начальник Нерчинского горного округа 19
Демидовы, заводчики и землевладельцы, войдя в силу поддерживали русскую науку 289
Драпье (Drapiez), Пьер Огюст Жозеф, фр. орнитолог начала XIX в. 74, 84, 85, 94, 102, 103, 111, 138, 145, 156, 173, 198, 211, 272

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), русский боевой генерал, сочувствовавший декабризму 5, 329

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804–1892), декабрист 18, 26, 286, 294
Зензинов Михаил Андреевич (1805–1873), забайкальский краевед, литератор 29, 272, 291

Иванов Илья Иванович (1800–1838), декабрист, секретарь общества Соединенных славян 326
Иллигер (Illiger)Карл, систематик начала XIX в., его система млекопитающих и птиц использовалась до конца XIX в. 100; 328, п. 304
Иовский Александр Алексеевич (1795–1853), медик 272

Карелин Григорий Силыч (1801–1872), натуралист, знакомый декабристов, путешествовал по казахским степям и южной Сибири в первой половине XIX в. 323, 324
Каховский Петр Грирорьевич (1799–1826), декабрист 14
Клейн Якоб-Теодор (1685–1760), нем. естествоиспытатель, зоолог, ин. поч. чл. Пб. АН (1756) 45

Крашенинников Степан Петрович (1711–1755), естествоиспытатель, путешественник, чл. Пб. АН (1745) 288, 289
Кузнецов Ефим Александрович (1771–1851), сибирский золотопромышленник 23
Кузнецов, сибирский казак, коллектор Турчанинова 291
Купфер Адольф Яковлевич (1799–1865), создатель и руководитель геофизической сети наблюдательных пунктов в России, чл. Пб. АН (1828), РГО и многих научных обществ Европы, в 1841 г. путешествовал по Сибири 19, 32
Курбатов Василий Васильевич, иркутский чиновник 356, п. 3
Кювье (Cuvier) Жорж (1769–1882), фр. естествоиспытатель, ин. поч. чл. Пб. АН (1802) 46, 58, 74, 84, 93, 100, 101, 120, 135, 145, 151, 163, 169, 170–176, 209, 215, 274

Лаваманн (Левальян), путешественник, один из первых исследователей орнитофауны Африки на рубеже XVIII–XIX вв. 89; 337, п. 268
Латам, автор орнитологического указателя 197
Латрел, в современной транскрипции Лятрейль (Latreille), П., фр. естествоиспытатель, энтомолог конца XVIII – начала XIX вв. 269; 356, п. 3
Левальян см. Лаваманн
Левшин, переводчик книги "Совершенный егерь" (1774), содержащей описания 217 видов охотничьих птиц, автор "Книги для охотников" (1814) 276
Лепарский Станислав Романович (1759–1838), комендант Нерчинских рудников и Читинского округа 15, 290
Лерма, андалузский герцог, любитель соколиной охоты 39
Лессон, орнитолог нач. XIX в. 198
Линней (Linne) Карл (1707–1778), швед. естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира, ин. поч. чл. Пб. АН (1754) 35, 73, 100, 107, 108, 117, 128, 129, 215, 272, 274, 289, 333, 335; 337, п. 270
Лихтенштейн (Lichtenshtein) Мартин Генрих Карл (1780–1857), нем. путешественник, зоолог, обрабатывал сборы экспедиции Эверсмана 1794– 1860 г. из Оренбурга в Бухару, ин. поч. чл. Пб. АН (1832) 103, 272; 339, п. 313
Люблинский Юлиан Казимирович (1798–1873), декабрист 11, 12, 15, 18
Лятрейль см. Латрел

Мазер (Mazer) Карл Петер (1807–1884), швед. художник, в 1848–1850 гг. путешествовал по Сибири, встречался с декабристами 14
Мартынов Андрей Ефимович (1768–1826), русский художник, в 1805–1806 гг. в свите посольства гр. Головина в Китай путешествовал по Сибири 16
Медведников Иван Логинович (1807–1889), сибирский купец, способствовал развитию школьного дела в Сибири, заказчик акварелей П.И. Борисова 22
Мейер Фридрих Августович (?–1805), медик, естествоиспытатель, чл. Пб. АН (1793) 105
Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), зоолог, проф. Моск. университета, поч. чл. Пб. АН (1929) 276
Мессершмидт (Messershmidt) Даниил Готлиб (1685–1735), исследователь Сибири 288, 289
Миддендорф Александр Федорович (1815–1894), естествоиспытатель, чл. Пб. АН (1845), путешествовал по Сибири в 1842–1845, встречался с декабристами 25, 26, 32, 151, 159, 323; 354, п. 445; 346, п. 478
Модей см. Модюи
Модюи (Mauduyt) де ла Варенн; в написании Борисова иногда Модей, французский орнитолог XVIII в., автор орнитологического словаря 51, 72, 100, 101, 112, 197–200, 224, 226
де Монтейлляр Гено, сотрудник Бюффона 201
Монтескье (Montesques) Шарль Луи (1689–1755), фр. просветитель, философ 18
Муравьев Артамон Захарович (1793–1846), декабрист 15, 19, 333; 356, п. 3, 357, пп. 3, 6, 8; 358, п. 24
Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886), декабрист 14
Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1795–1826), декабрист 13, 14

Муханов Петр Александрович (1800–1854), декабрист, заказчик работ П.И. Борисова 22
Мясников Николай Федорович, сибирский купец, заказчик работ П.И. Борисова 22

Науманн (Naumann) нем. орнитолог 272
Некоторые образованные люди, посещавшие Якутск, – экспедиция Миддендорфа 151
Немировский Леопольд (1810–1889), ссыльный польский художник 23, 407
Непода Корнелий, др.-рим. гос. деятель 5
Николай I (1796–1855), император 13, 14, 407

Оболенский Евгений Петрович (1796–1865), декабрист 14, 15, 26, 333
Один ученый путешественник см.: Миддендорф
Одюбон (Audubou) Джон Джеймс (1785–1871), американский художник-натуралист, автор трехтомного труда "Птицы Америки" (1828–1839) 334
Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827), естествоиспытатель и путешественник, чл. Пб. АН (1779) 272
Орлов Александр Иванович (1802– 1851), врач в Кяхте, Верхнеудинске и Иркутске, создатель рукописных журналов "Кяхтинская стрекоза" (1828, 1833) и "Мятлик" (1830-е, 1840-е гг.), знакомый декабристов, заказчик работ П.И. Борисова 22, 27, 286, 287, 295, 403, 405

Паллас Петр Симон (1741–1811), естествоиспытатель и путешественник, чл. Пб. АН (1767) 64, 94, 95, 133, 134, 138, 143, 150, 188, 210, 211, 213, 214, 236, 272, 275, 289, 290, 291, 333, 335; 337, п. 281
Персин Иван Сергеевич (1804–1858), иркутский врач, близкий знакомый декабристов, заказчик работ П.И. Борисова 22, 27
Пестель Павел Иванович (1793–1826), декабрист 13, 14
Петр I (1672–1725), российский император 288
Племянница и наследница золотопромышленника Е.А. Кузнецова – Малаева Н.А., жена И.Д. Булычова 23
Плиний старший (23 или 24–79), др.-рим. ученый 71
Плутарх (ок. 45, ок. 127), др.-гр. ученый 5
Поджио Александр Викторович (1798–1873), декабрист 29
Пущин Иван Иванович (1798–1859), декабрист 22, 326
Пятницкий Андрей Васильевич, иркутский гражданский губернатор в 1839–1848 гг., заказчик работ П.И. Борисова 22

Разумовский Алексей Кирилович (1748–1822), граф, в 1810–1816 министр просвещения 272
Рейналь, фр. просветитель XVIII в. 18
Ренни (Rennie), англ. орнитолог 110, 111
Рулье Карл Францевич (1814–1858), биолог 271
Руперт Вильгельм Яковлевич (1787–1849), иркутский генерал-губернатор с 1837 по 1847 г. 22, 27, 286, 403, 407
Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), декабрист 14

Савиньи (Savigny), фр. орнитолог, в 1809–1811 гг. выпустил книгу о птицах Египта (1809–1811) 58
Себрайт (в совр. написании Цебратт) Джон, сэр, английский орнитолог, автор книги о соколиной охоте 107, 108, 291; 339, п. 316а
Северевский, барон, адьютант ген.-губернатора Вост. Сибири С.Б. Броневского 268
Северцов Николай Алексеевич (1827–1885), зоолог, путешественник 26, 33, 304, 305; 353, п. 3
Седаков Василий Иванович (1798–ок. 1860), сибирский педагог, знакомый декабристов 19
Селби (Selbi) П.-Дж., англ. орнитолог 110, 272
Сенатор см.: И.Н. Толстой
Сент-Иллер (Saint Hilaire) Исидор Жофруа, фр. естествоиспытатель 44
Сестры – А.И. и Е.И. Борисовы 287
Стеллер Георг Вильгельм (1709–1746), путешественник и натуралист, адьюнкт Пб. АН (1737) 29, 288, 289

Сиббольд см. Ван Сиебольд
Сэвидж, англ. орнитолог 272

Тачановский Владислав Казимирович (1819–ок. 1890), исследователь Сибири, ссыльный польский повстанец 271
Темминк (Temminck в написании Борисова иногда Temminch) Конрад Якоб (1778–1858), голл. орнитолог, ин. чл. Пб. АН (1837), автор орнитологических таблиц по систематике птиц Европы 35, 42, 49, 52, 55, 64, 73, 74, 80, 84, 93, 100, 107, 112, 118, 128, 135–138, 141, 143, 151, 160, 169–172, 188, 191, 198–200, 206, 211, 213, 215, 216, 218, 224, 226–228, 272, 275, 319, 320; 349, п. 559; 350, п. 589
Токвилль (Tocqueville) Алексис (1805–1859), автор книги "Демократия в Америке", над переводом которой трудились декабристы 327
Толстой Иван Николаевич (1792–1857), сенатор, возглавлявший ревизию Восточной Сибири в 1842–1846 гг., заказчик работ П.И. Борисова 22; 355, п. 1, 374, 375
Торсон Екатерина Петровна, сестра К.П. Торсона 20
Торсон Константин Петрович (1793–1851), декабрист 5
Трескин Николай Иванович (1763–1842), иркутский губернатор (1806–1819) 290
Трубецкая Екатерина Ивановна (1800–1854), жена С.П. Трубецкого 22, 27
Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860), декабрист 14, 333
Турнефор (Tournefort) Жозеф (1656–1708), фр. ботаник, ввел в систематику понятие "класс" 289
Турчанинов Николай Степанович (1796–1863/4), ботаник 5, 29, 33, 272, 290–292

Фишер Федор Богданович (1782–1854), ботаник, первый директор Петербургского ботанического сада АН, чл.-корр. Пб. АН (1819) 26, 33, 244
Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (1771–1853), естествоиспытатель, философ, чл.-корр. Пб. АН (1805), проф. Моск. ун-та, один из руководителей МОИП 29, 290; 355, п. 1
Фонвизин Михаил Александрович (1787–1854), декабрист 327
Франклин (Franklin) Бенджамен (1706–1790), амер. просветитель, естествоиспытатель и гос. деятель, поч. чл. Пб. АН (1789) 44, 272, 326, 327
Фролов Александр Филипович (1804–1885), декабрист 17

Хрущев А., переводчик труда Беккария 31

Цебратт см. Себрайт
Швенифельд Каспар, нем. зоолог рубежа XVI–XVII в. 84; 336, п. 249
Штейнгель Владимир Иванович (1783–1862), декабрист 326

Щукин С., сибирский краевед 291

Эйлер, полковник, командовал артилерийской бригадой, в которой братья Борисовы проходили военную службу 18
Энгельманн (Engellman) В., нем. орнитолог 272

Юренский И., изучал иркутскую флору в первой половине XIX в. 291
Юшневская Мария Казимировна (1790–1863), жена декабриста А.П. Юшневского 403
Юшневский Алексей Петрович (1786–1844), декабрист 403

Языков Д., переводчик труда Беккария 31
Якубович Александр Иванович (1796/7–1845), декабрист 15, 17, 32; 350, п. 582, 407
Якушкин Евгений Евгеньевич, внук декабриста И.Д. Якушкина 32; 356, п. 3
Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1857), декабрист 16, 17, 350, п. 582

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Жизнь и научная деятельность П.И. Борисова (*О.А. Александровская, К.С. Куйбышева, Н.И. Сафонова*) 9

НЕИЗДАННЫЕ ТРУДЫ 33

Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Текст 34

Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Атлас 237

Труды по флористике
- Атлас без авторского названия. 1830-е годы 248
- Букет Восточной Сибири. 1844 г. 252
- Очерк изящной флоры Забайкальского края 1850-е годы 262

Труды по энтомологии
- Метаморфоз насекомых. Атлас насекомых, не имеющий авторского названия. 1850-е 265
- Записка о муравьях 267

Исследовательские статьи
- П.И. Борисов-орнитолог (*В.К. Рахилин*) 271
- Акварели ботанического и энтомологического содержания (*О.А. Александровская*) 286
- Археографическое описание и реконструкция рукописи "Орнитологическая фавна Восточной Сибири" (*К.С. Куйбышева, Н.И. Сафонова* при участии *О.А. Александровской* и *В.К. Рахилина*) 296

Примечания
- Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Текст 319
- Орнитологическая фавна Восточной Сибири. Атлас 237
- Труды по флористике 354
- Труды по энтомологии 355

Каталог акварелей 359

Приложение. "Филин и Зяблик" (басня) 410

Указатели
- Указатели биономенклатуры 413
- Указатель имен 424

Список сокращений 430

Акварели естественнонаучного содержания (цветная вклейка)
- Атлас орнитофауны ..... рис. *1–43*
- Мелкие млекопитающие ..... рис. *44–47*
- Атласы флоры ..... рис. *48–119*
- Метаморфоз насекомых ..... рис. *120–128*

Научное издание

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТА П.И. БОРИСОВА

(Научное наследство; Т. 29)

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Научное наследство"
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Ю.Г. Мельников*
Художественный редактор *Е.А. Шевейко*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *А.В. Морозова, Т.И. Шеповалова*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 18.11.2002
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,1+7,9 вкл. Усл.кр.-отт. 64,5
Уч.-изд.л. 44,5. Тип. зак. 3821

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-002767-7

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга–почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга–почтой"); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга–почтой"); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
113105 Москва, Варшавское ш., 9, строение 1Б (книжная ярмарка "Центральная", 5 этаж); 737-03-33 (доб. 50-10)
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга–почтой"); (код 3832) 35-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга–почтой"); (13) 3-38-80
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); (код 8462) 37-10-60
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); (код 3472) 24-47-74, факс (код 3472) 24-46-94
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77
WWW. AK-Book. naukaran.ru

По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru